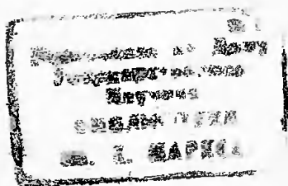

П. ШАНТРЕН

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА

*Перевод со 2-го французского издания,
приложение и предисловие*

Я. М. БОРОВСКОГО

И * Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1953

P. CHANTRAINE

MORPHOLOGIE HISTORIQUE DU GREC

DEUXIÈME TIRAGE REVU

PARIS 1947

ПРЕДИСЛОВИЕ

„Историческая морфология греческого языка“ П. Шантрена, как указывает автор в своем кратком предисловии, является параллелью к „Исторической морфологии латинского языка“ А. Эрну, будучи предназначена в первую очередь служить пособием для учащихся высшей школы. Основная цель книги — дать историческое объяснение того материала, который по установившейся издавна традиции входит в элементарный курс греческой морфологии, как первой части грамматического курса, предпосылаемой синтаксису. Сюда относятся начатки фонетики, парадигмы именной и глагольной флексии с основными данными о значении форм, лексика местоимений и числительных и отдельные элементы словообразования, преимущественно связанные с образованием степеней сравнения прилагательных, некоторых типов наречий и глагольных основ настоящего времени. Выбор этого материала, обусловленный стремлением в целях облегчения практического овладения языком сосредоточить в начальном курсе грамматики сведения, касающиеся различных сторон языковой структуры, и вместе с тем сделать этот курс возможно более сжатым, до известной степени определяет и содержание книги Шантрена, которое, таким образом, с одной стороны, выходит за пределы собственно морфологических вопросов, а с другой — не охватывает столь важного отдела морфологии, как именное словообразование, теснейшим образом связанное с именной флексией. Последнее обстоятельство не может не привести к некоторому искажению общей перспективы при рассмотрении таких, например, элементов морфологической структуры греческого имени, как тематический гласный или суффикс имен женского рода *-iā* — элементов, в равной степени участвующих и в словообразовании и в словоизменении флексивного характера. Об отсутствии в „Исторической морфологии“ систематического обзора именного словообразования приходится пожалеть также и потому, что в этой области

автору принадлежит видное место как самостоятельному исследователю, монография которого „Formation des temps en grec“ (1933) представляет собой один из наиболее солидных современных трудов по греческому словообразованию.

Другим недостатком книги, впрочем, также в значительной степени обусловленным ее элементарным характером, является обнаруживающаяся иногда оторванность морфологической трактовки от семантической основы рассматриваемых явлений, ограничивающая содержательность даваемого автором исторического объяснения. Так, говоря о возникновении законченной системы спряжения на основе ряда самостоятельных временно-видовых форм, присущих различным глагольным корням, автор не уделяет должного внимания скрывающемуся за намечаемым здесь формальным развитием более глубокому процессу изменения выражаемых этими формами категорий, который заключается в переходе от конкретных, тесно связанных с вещественным значением слова значений „интенсивности“, „однократности“, „повторяемости“ и т. п. к более абстрактным и тем самым более поддающимся грамматизации собственно временно-видовым значениям: развитие греческой глагольной системы может служить яркой иллюстрацией сталинской формулировки, характеризующей грамматику как „результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления“¹. Чрезмерным схематизмом страдает даваемая наклонениям греческого глагола характеристика по значению, не вносящая ясности в те данные об их употреблении, которые содержатся в элементарном грамматическом курсе.

Отмечая недочеты этого рода, следует, однако, иметь в виду, что требование полностью избежать их было бы правомерно лишь по отношению к общему курсу исторической грамматики, уделяющему одинаковое место как морфологии, так и синтаксису: для того, чтобы дать удовлетворительный анализ развития значений грамматических форм, необходимо проследить их функционирование на всем конкретном синтаксическом материале, поскольку, разумеется, речь идет о том периоде истории

языка, для которого такой материал доступен. Не имея возможности включить его в полном объеме в книгу, автор все же сохраняет его в своем поле зрения, и в ряде случаев связь между развитием грамматической формы и ее значением показана им с достаточной рельефностью. Прежде всего это относится к главе о перфекте, в которой автор хорошо использовал результаты своего фундаментального исследования „Histoire du parfait grec“ (1927). Как на пример весьма удачного включения семантико-синтаксического момента в трактовку морфологических фактов можно указать также на раздел, касающийся развития суффиксов страдательного аориста.

В отличие от „Исторической морфологии латинского языка“ А. Эрну, рассматриваемой ее автором как продолжение „Исторической фонетики латинского языка“ М. Нидермана, книга П. Шантрена задумана и выполнена как начальный учебник по греческой исторической грамматике. Такое изложение оказывается возможным благодаря большой прозрачности фонетических процессов, лежащих в основе изменений грамматических форм греческого языка: сущность этих процессов в большинстве случаев достаточно уясняется из простого сопоставления рассматриваемых морфологических элементов на различных этапах их развития. Только явления чередования гласных в силу их сложности потребовали от автора специального рассмотрения в предпосланной основным разделам книги заметке.

Нам представилось, однако, более правильным, с точки зрения методики, присоединить к переводу книги П. Шантрена краткий очерк греческой фонетики, предназначенный не только для того, чтобы облегчить чтение „Исторической морфологии“, но и для того, чтобы показать затронутые в ней фонетические явления в известной систематизации и таким образом подготовить читателя к усвоению специальных руководств по греческой фонетике. Понятно, что при этом пришлось коснуться и некоторых пунктов фонетики, не связанных непосредственно с изложением Шантрена.

Значительно более широкое применение, чем в книге Эрну, находит в „Исторической морфологии греческого языка“ сравнительно-исторический метод, что вполне соответствует характеру исследуемого здесь языкового мате-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 24.

риала. Греческий язык во многих отношениях представляет особый интерес с точки зрения лингвистической теории и индоевропейского языкознания. Его богато документированная история восходит к глубокой древности, а ряд черт индоевропейской языковой структуры сохранен в нем отчетливее и полнее, чем в более древних индийских и хеттских памятниках. Именно эта близость греческих фактов к индоевропейским делает вполне уместным более широкое привлечение сравнительного материала при историческом изложении греческой фонетики и морфологии, и П. Шантрэн нашел в этом отношении должную меру, не перегружая книги и вместе с тем не упуская возможности расширить лингвистический кругозор читателя удачно выбранными индоиранскими, латинскими, славянскими, балтийскими и германскими параллелями.

Не менее важно в отношении эффективности сравнительного метода в греческой грамматике и то, что греческий язык сам входит в систему индоевропейских языков как совокупность многочисленных диалектов, представляющих картину весьма сложного переплетения различных фонетических и — в меньшей степени — морфологических особенностей и вместе с тем допускающих выведение всех этих особенностей из развития единого общегреческого языка-основы, с большой наглядностью реконструируемого в своих важнейших фонетических и морфологических чертах путем сравнения диалектов между собой: лишь для ничтожной части имеющихся диалектных расхождений, какими являются, например, расхождение между общегреческим окончанием 1-го лица мн. ч. *-μεν* и соответствующим дорийским *-μες* или между отражением индоевропейских лабиовелярных перед гласными переднего ряда в эолийском диалекте, с одной стороны, и в остальных диалектах — с другой, приходится искать истоков за пределами общегреческого языкового единства, не утрачивающего в силу этого своей реальности.

Данные греческих диалектов приводятся на всем протяжении книги Шантрэна в большом количестве, и в этом ее немаловажное достоинство. Однако разбросанность и отрывочность этих данных затрудняет для неподготовленного читателя такое их сопоставление, которое способствовало бы получению хотя бы суммарной характеристики отдельных диалектов в их целостности. Чтобы по возмож-

ности облегчить систематизацию и усвоение диалектного материала, придав ему большую наглядность, и, таким образом, сделать книгу до некоторой степени пригодной и в качестве первого введения в греческую диалектологию, мы приложили к переводу карту, показывающую распространение важнейших диалектов на ареале греческого языка.

В книге намечен также в самых общих очертаниях ход позднейшего языкового развития. Приведенные в ряде параграфов, выделенных мелким шрифтом, указания на факты позднегреческой, среднегреческой и новогреческой эпох не претендуют, конечно, на то, чтобы в какой-либо мере заменить историю языка. Их значение заключается в том, чтобы иллюстрировать непрерывную преемственность получившего отражение в письменных памятниках развития греческого языка на протяжении почти трех тысяч лет его жизни от Гомера до наших дней.

Выработка литературных языков в различных поэтических и прозаических жанрах на основе взаимодействия живых диалектов; переход от племенных языков, каковыми являлись первоначально эти диалекты, к общему языку греческой народности; возникновение новогреческих диалектов в результате многовекового развития этого общегреческого языка, начинающегося с эпохи эллинизма; образование языка греческой нации в современной „димотикі“ и сложный процесс его взаимодействия с древней традицией книжного языка, откristаллизовавшейся в „кафаревусе“, — таковы важнейшие моменты перехода от древнегреческого языка к новогреческому, происходящего „не путем взрыва, не путем разового уничтожения старого и построения нового, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества“¹. Создание истории греческого языка, которая осветила бы эти моменты, раскрыв внутренние законы его развития, остается задачей будущего, но в деле ее разрешения „Историческая морфология“ П. Шантрэна в качестве скромного учебного пособия принесет несомненную пользу.

Я. Боровский.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 27.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Настоящий учебник имеет целью оказать учащимся такую же помощь в изучении греческого языка, какую они получают в отношении латинского от „Исторической морфологии латинского языка“ А. Эрну. Автор попытался показать в своей работе развитие языковых фактов от Гомера до Нового завета, учитывая важнейшие особенности диалектов и кратко отмечая там, где это было уместно, какое продолжение имело древнее развитие в новом языке: в истории греческого языка наблюдается непрерывность, которую важно показать.

П. Шантрэн.

Индоевропейская морфология характеризовалась не только наличием системы окончаний, но также смещениями ударения (ср. § 60, 359 и др.) и изменениями вокализма корня и других морфологических элементов, носящими название чередования гласных. Так, один и тот же корень *leikʰ- мог иметь формы *leikʰ- (ср. λέϊπω), *likʰ- (ср. ἔλπιον), *loikʰ- (ср. λέλοπα), а окончание родительного падежа единственного числа могло, как это показывает сравнительная грамматика, иметь три формы *-es/*-os/*-s. В греческом языке этот способ формообразования уже не продуктивен, но от него сохранились многочисленные следы; поэтому, чтобы облегчить понимание некоторых параграфов „Морфологии“, мы должны дать о нем известное представление.

а) „Односложные“ корни с кратким гласным. Первый тип чередования гласных характеризуется тем, что гласный является в форме е (или, в виде исключения, ё), о (или, в виде исключения, ъ) или нуля (что означает отсутствие гласного). Так, форма ἐπ-ε-σθαί (корень *sekʰ- с переходом начального s в придыхание) со ступенью е противостоит форме ἐπ-ε-σθαί со ступенью нуля; равным образом наст. вр. λέϊπ-ω (ступень е) противостоит перфекту λέ-λοιπ-α (ступень о) и аористу ἔ-λεπ-ον (ступень нуля).

В этом типе чередования удлиненные гласные ё, ъ наблюдаются главным образом в конечном слоге основы, в качестве характеристики именительного падежа единственного числа мужского или женского рода. Возьмем слово πατήρ: долгая огласовка ё слога, предшествующего окончанию¹, наблюдается в им. п. πατήρ, краткая огласовка е — в вин. п. ед. ч. πατέρα, нулевая огласовка — в род. п. ед. ч. πα-τρ-ός и дат. п. мн. ч. πα-τρά-σι (относительно последней формы см. ниже в примечании); наконец, огласовка о выступает в словосложении, краткая ступень — в

¹ В данной форме — „нулевому“; ср. § 49. — Прим. перев.

ἀπάτορα, удлинённая — в им. п. ед. ч. ἀπάτωρ. Равным образом форме им. п. ед. ч. ср. р. γένος с огласовкой о слога, предшествующего окончанию, соответствует гомеровская форма род. п. γέν-ε-ος с огласовкой е этого слога; таким же образом в сложном прилагательном род. п. εὐγεν-έ-ος мы имеем форму с краткой огласовкой, но в им. п. м. и ж. р. εὐγενής — с долгой. Долгая огласовка наблюдается иногда в корне некоторых глагольных основ, как ὠρέω (ср. ὠρῶ и ὠρός; см. § 285, прим.).

Примечание. Если подвергающийся чередованию слог содержит один из сонантов l, m, n, r, то в нулевой ступени сонант, обозначаемый в этом случае символом, соответственно, l, m, n, r, получает значение гласного и принимает в ионийском, аттическом и большей части других греческих диалектов форму la или al вместо l, ra или ar вместо r, a вместо m и n. Так объясняются, например, формы πατράσι, διέφθαρται при διαφθεῖρω и διέφθορα, ἔσταλμαι при στέλλω, μέμαμεν при μέμνημι и μένος, τέταμαι при τεῖνω, φράσι (Пиндар) при φρήν и φρενός¹.

б) „Односложные“ корни с долгим гласным. Вместе с тем в индоевропейском языке существовали долгие ē и ō, которые чередовались не с краткими е, о, но — равно как и ā — с кратким гласным, обозначаемым символом э. Отсюда система чередования:

ē	/	ō	/	э
ā			/	э
ō			/	э

Такое чередование наблюдается, например, в формах наст. вр. τίθημι, τίθεμεν (ср. θῆναι „куча“); ἵσταμι (дорийский диалект), ἵσταμεν; δίδωμι, δίδομεν. Чередование долгий/э играет здесь ту же роль, что и чередование е/нуль в ēimi/īmev. Точно так же чередование а/э в перфекте βέβαχα (дорийский диалект), βέβαμεν соответствует чередованию о/нуль в οἶδα/ἴδμεν (аттич. ἴσμεν). Индоевропейское чередование долгий/э приняло в греческом языке, вообще говоря, форму η/ε, α/ᾱ (откуда ион.-аттич. η/ᾱ), ω/ο. Вопрос о тембре, полученном в греческом языке гласным э, представляет трудную проблему.

¹ Об этой фонетической трактовке см. M. Lejeune, *Traité de phonétique grecque*, Париж, 1947, § 179—180; об опорных гласных — там же, § 189.

Если гласный э находится в морфологическом чередовании с ē или ō, то он получает, как мы видели, тембр, соответственно, е или о. Тембр е он имеет также в определенных словах, стоящих в греческом языке изолированно, как, например, в слове ἄνεμος из *anā-mos, ср. санскр. ānilah; чаще, однако, он имеет в этом случае тембр ā; ср. πάτηρ, лат. pater, санскр. pitā.

Указанные факты привели компаративистов к предположению о существовании трех э, различающихся по тембру. Это предположение, вместе с параллелизмом между типами τίθημι, τίθεμεν и ēimi, īmev, позволяет представить корни в такой форме: *dheā₁/*dhā₁ для τίθημι, τίθεμεν; *steā₂/*stā₂ для ἵσταμι, ἵσταμεν; *deā₃/*dā₃ для δίδωμι, δίδομεν.

Чередование а/э (*eā₂/ā₂) наблюдается иногда в самих элементах флексии, ср. τρίαχοντα наряду с τριά (§ 7), νόμφα наряду с νόμφη (§ 29), чередование *iā/*iās (§ 39).

в) „Двусложные“ корни. Новейшие теоретические работы¹ позволили произвести анализ этих корней глубже, чем это делалось ранее, и показать, что двусложность не составляла их существенной черты. Однако для греческого языка их удобнее определить как принимающие то односложную, то двусложную форму.

Главнейшие их разновидности таковы:

а) Огласовка е краткое или о краткое в первом элементе, огласовка э во втором, причем это э сохраняется перед согласным, но исчезает в зиянии: *genā- в γενέ-τωρ, но *gen(э)- в γέν-ος, *gon(э)- в γόν-ος.

б) Нулевая огласовка в первом элементе, долгая огласовка ē, ā или ō во втором: (κασί)-γενή-τος рядом с γενέ-τωρ, τέ-πλα-χα (ион.-аттич. τέ-τλη-χα) рядом с τέλα-μῶν, γνο-τός „брат“ рядом с γενέ-τωρ, γνός.

в) Нулевая огласовка в первом элементе, огласовка э во втором, причем это э исчезает в зиянии: πῖ-πτ-ω (где πτ- из *ptā, оказавшегося перед гласным) рядом с πέ-πτω-χα, *pete-σομαι (откуда πεσέομαι > πασέομαι); νεο-γν-ός (γν- из *gnā-) рядом с γενέ-τωρ и т. д.; τέτλα-μεν (тла- из *tlā-) рядом с τέτλα-χα (ион.-аттич. τέτληχα), τέλα-μῶν и т. д., с дублетом тала-σί-φρων (тала- из *tā-, содержащего так

¹ См. особенно E. Benveniste, *Origines de la formation des noms en indo-européen*, Париж, 1935.

называемый опорный гласный). О развитии опорных гласных в формах последнего типа (ср. также *θάνα-τος* наряду с *τέθνα-μεν*) см. Лежен¹.

Возьмем корень *petā-/ptē- „падать“. В нем можно наблюдать следующие варианты:

*petā-: в буд. вр. *petē-σμαι, откуда πεσόμεαι.

*ptē-: в причастии перфекта πεπτῶς.

*ptō-: в изъяв. накл. перфекта πέπτωκα.

*ptā- (с исчезновением э перед гласным): в πί-πτ-ω.

Два корня, характеризующиеся группой согласных *gn- и означающие: один — „рождать“, а другой — „знать“, были оба „двусложными“, но в распределении форм между ними обнаруживается стремление избежать омонимии.

Корень *genā-/gnē- „рождать, рождаться“:

*genā-: в γενέ-τωρ, γενε-σις.

*gen- (из *genā- перед гласным): в γεν-ος, γεν-όμην.

*gon- (из gonā- перед гласным): в γε-γον-α (во мн. ч. γε-γα-μεν по аналогии с типом μέ-μον-α, μέ-μα-μεν, имеющим „односложный“ корень *men-/mon-/mn-).

*gnā- (с исчезновением э перед гласным): в γε-γον-ός.

*gnē-: в γνήσιος, κασίγητος.

*gnō-: в γινώσκω „брат“.

Корень *genā- „знать“. Этот корень использовал в греческом языке почти исключительно ступень *gnō-; ср. γινώσκω, ἔγνω, ἔγνωκα, γινώσκω „знакомый“.

С некоторыми корнями связаны проблемы частного характера. Наст. вр. στέρνω (ср. лат. sternō, санскр. stṛṇoti) произведено от „двусложного“ корня, как это показывает наряду с другими данными аорист ἐστέρησα. Но огласовка наст. вр. στέρνω при санскритском соответствии stṛṇoti представляется странной; темна также и огласовка отглагольного прилагательного στράτος (лат. strātus)².

Все эти чередования гласных должны изучаться с точки зрения сравнительной грамматики индоевропейских языков. В греческом языке они не представляют последовательной системы; но поскольку они позволяют уяснить некоторые изменения корня в архаических формах, не находящие объяснения на основе только греческих фактов, мы должны дать о них известное представление.

¹ Lejeune, Traité de phonétique grecque, Париж, 1947, § 187—189.

² Там же, § 181.

Часть первая

ИМЯ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 1. Индоевропейское склонение составляло сложную систему, заключающую в себе три рода — мужской, женский и средний, три числа — единственное, двойственное и множественное, восемь падежей — именительный, звательный, винительный, родительный, дательный, орудийный, местный, отложительный. Начиная с древнейших греческих текстов эта система оказывается сильно упрощенной, что вообще характерно для истории индоевропейских языков. Уже сам индоевропейский язык допускал в некоторых случаях употребление одной и той же формы для нескольких падежей. Уже в индоевропейском языке, насколько сравнительная грамматика позволяет его восстановить, в атематической флексии (3-е склонение) родительный и отложительный падежи в единственном числе совпали, так что если в греческом языке одна и та же форма *κινός* употребляется и как родительный и как отложительный падеж, то это не является чем-то новым. Во множественном числе для всех типов склонения именительный и звательный падежи представляют одну общую форму. Средний (неодушевленный) род во всех типах склонения постоянно использует одну и ту же форму для именительного, звательного и винительного падежей как в единственном, так и во множественном числе. Двойственное число также имеет всегда только одну форму для именительного, звательного и винительного падежей.

§ 2. Восемь падежей индоевропейского языка выражали грамматическую функцию имени в предложении: именительный был падежом подлежащего, звательный служил для обращения, винительный означал дополнение, родительный служил для дополнения при имени и некоторых дополнений при глаголе, дательный выражал назначение

или цель. Но, кроме значения собственно грамматического, винительный падеж, например, обладал и конкретным значением: употребляясь в качестве прямого дополнения, он наряду с этим служил для обозначения места, куда направлено движение (eo Romam), протяженность действия в пространстве или во времени.

Три падежа имели только конкретное значение: местный падеж означал место, где что-либо находится (*habitat Romae*), и имел соответственное временное значение; отложительный падеж означал место, из которого направлено движение (*venio Roma*); орудийный падеж означал то, чем что-либо сопровождается или чем производится действие. Греческий язык перестал различать эти три падежа, и некоторые следы от них сохранились только в наречных образованиях. Отложительный падеж слился с родительным — смешение, которое, как мы видели, частично существовало в единственном числе уже с индоевропейской эпохи; местный и отложительный падежи слились с дательным. Характеристики полунаречного типа, как *-φι*, первоначально с орудийным значением, *-θεν* — место отправления откуда-либо, возможно, продолжают собой морфемы падежей конкретного типа и гомеровский язык еще обладает многочисленными их остатками. Но частей системы склонения в собственном смысле они уже не составляют и в дальнейшем развитии языка устранились.

§ 3. Таким образом, древнегреческий язык имеет уже только пять падежей: именительный, звательный, винительный, родительный, дательный. Значение некоторых из этих падежей сложно: винительный совмещает в себе значения прямого дополнения, протяженности в пространстве и во времени, а также места, куда направлено движение; родительный означает дополнение имени, целое, от которого берется часть: эти два значения довольно близки между собой, и родительный падеж как дополнение имени часто имеет партитивный смысл; с другой стороны, родительный падеж как продолжение отложительного означает место, откуда нечто движется, происхождение — значение, не лишенное близости к партитивному. Отсюда становится понятным, что смешение родительного и отложительного падежей, первые признаки которого наблюдаются уже в

индоевропейском языке, полностью завершилось начиная с предистории греческого языка. Что касается дательного падежа, в котором слились дательный в собственном смысле слова, местный и орудийный, то этот последний случай „синкретизма“ объясняется отчасти фактами, восходящими к индоевропейской общности: индоевропейский язык обладал окончаниями, содержащими *bh* и *ti*, не определенными вполне отчетливо ни по значению, ни по структуре. Некоторые из этих окончаний могли служить и для единственного числа и для множественного. Во множественном числе, например, санскрит имел орудийный падеж на *-bhiḥ* и дательный на *-bhyāḥ*, старославянский — орудийный на *-ми* и дательный на *-мъ*. Наконец, в самом греческом языке местный падеж тематических имен на *-οισι* и орудийный на *-οις* (древнее **ōis*) могли легко смешиваться, и распределение этих двух форм не зависело от их синтаксической функции; различные диалекты обобщили либо то, либо другое из этих окончаний. В единственном числе атематический дательный падеж *ποδὶ* продолжает одновременно древний дательный на **-i* (чередующееся с **-ei*) и местный на **-i*. Но и в самом употреблении формы орудийного и местного падежей часто соприкасаются между собой. Короче говоря, название дательного падежа означает падеж, окончание которого имеет в своей основе чаще всего либо форму орудийного падежа (ср. *ἄλοος*), либо форму местного падежа (ср. *ἄλοισι* и в известной мере *ποδὶ*). Греческий дательный падеж служит дательным, орудийным и местным. Он может означать, для кого или для чего предназначено действие, при помощи чего что-либо производится, чем что-либо сопровождается, а также место и время, которыми что-либо характеризуется.

Для уточнения значений падежей в тех случаях, когда эти значения не являются только грамматическими и выражают нечто конкретное, служат предлоги; так, чаще всего употребляется предлог в тех случаях, когда винительный падеж означает место, куда что-либо движется, дательный — место, где что-либо находится, или сопровождение, родительный — место, откуда что-либо движется. Конструкции, имевшие в индоевропейском языке конкретное значение, в греческом получают значение грамматическое: в обороте *μεῖζον ἀδελφῶν* индоевропейский язык употреблял отложительный падеж, означающий отправной

пункт — „особенно большой; отправляясь от его брата“; в греческом языке мы находим уже только простое дополнение при сравнительной степени.

§ 4. Все индоевропейские языки развивались в сторону сокращения числа падежей. В греческом языке эта тенденция была сильно выражена и устойчива. Начиная со средних веков дательный падеж исчез, и первые симптомы его отмирания появляются уже в койнэ. В новогреческом языке это развитие продолжается: винительный падеж множественного числа во многих типах склонения совпадает с именительным, родительный множественного числа мало употребителен, а в единственном числе такие весьма распространенные парадигмы, как *πατήρας* „отец“, *κύριος* „вора“, *κλέφτης* „вор“, всецело ограничиваются противопоставлением падежа подлежащего *πατήρας* и падежа дополнения *πατέρα*.

§ 5. Кроме падежей, индоевропейская именная флексия выражала противопоставление чисел и родов.

В отношении чисел противопоставление единственного и множественного всегда было устойчивым. Общегреческий язык унаследовал также третью категорию, конкретного и архаического типа, „двойственное число“, употребляемое для обозначения двух лиц или двух предметов. Однако эта категория обнаруживала тенденцию к исчезновению, более или менее выраженную в различных диалектах. Наиболее консервативным в этом отношении оказался аттический диалект. В системе имени из форм двойственного числа лучше всего сохранились формы именительного-винительного падежа: на -ω от типа на -ος, τὸ ἀνδρόπω, и на -ε в согласной флексии, τὸ θῆρε. Употребление двойственного числа в греческом языке окончательно исчезло еще до I в. н. э.

§ 6. В именной флексии выражено также противопоставление родов одушевленного (мужского-женского) и неодушевленного (среднего). Неодушевленный род отчетливо противостоит другим родам, но только в прямых падежах, именительном-винительном. В единственном числе тематические формы (формы 2-го склонения) этого типа имеют для имени окончания -ου, соответствующее лат. -um и санскр. -am, а в местоименной флексии — обычно -ο, восходящее к *-od и соответствующее санскр. -ad и лат. -id в aliud. В атематической флексии средний род характеризуется отсутствием окончания, например в слове *ἄνθρωπος* (ср. лат. *homo*).

§ 7. Средний род означает в принципе вещь как нечто противопоставляемое одушевленным существам. Этот смысл отчетливо виден в таких местоимениях, как *τοῦτο* или *τι*, противопоставляемых местоимениям *αὐτός*, *αὐτή* или *τις*. Таким образом, имена среднего рода — это первоначально имена вещей. Название плода, рассматриваемого как продукт, характеризуется средним родом и противопоставляется названию дерева, характеризующему женским родом: *ἄπριον* „груша“ означает плод „грушевого дерева“ *ἡ ἄπριος*; *σῆχον* „смоква“, но *σικῆ* „смоковница“; в случае „олива“ *ἐλαία* означает дерево и плод, но *ἐλαίον* — „масло“. В уменьшительных среднего рода, как *μοσχίον* от *μόσχος* „теленка“, *μενράχιον* от *μενράξ* „юноша“¹ или *Σωκράτιδιον* от *Σωκράτης*, употребление среднего рода служит выразительным средством („маленькая вещь“), встречающимся и в других языках. Однако, по мере того как лексика приобретает более абстрактный характер, противопоставление среднего рода одушевленному роду становится менее четким. Первоначально *nomina actionis* женского рода выступают как „одушевленные“ в противопоставлении соответствующим отглагольным именам среднего рода: *πράξις* означает по существу факт действия, а *πράγμα* — результат действия. Однако в ходе истории языка противопоставление одушевленного и неодушевленного рода утрачивает всякое конкретное основание и становится чисто грамматическим.

Во множественном числе среднего рода греческий язык, как и другие индоевропейские языки, сохранил нечто архаичное: в индоевропейском языке роль множественного числа неодушевленного рода выполняло имя на *-a или на *-e с собирательным значением. За исключением первой составной части слова *τρίανκτα*, в котором первое *a* долгое, греческий язык обобщил краткое *a*, представляющее э. Употребление собирательного имени в склонении неодушевленного рода вполне понятно, чем и объясняется та особенность греческого синтаксиса, что

¹ В аттическом языке противопоставление первообразной формы *μενράξ* и уменьшительной *μενράχιον* получило особое смысловое развитие: *μενράξ*, первоначально являвшееся словом „общего“ рода со значением „юноша, девушка“, стало употребляться только в женском роде в значении „девушка“, а *μενράχιον* получило специальное значение „юноша“. — Прим. перев.

глагол, согласуясь с именем среднего рода во „множественном“ числе, получает форму единственного числа: правило, иллюстрируемое примером τὰ ζῶια τρέχει. Эта черта, встречаемая в гатах Авесты, составляет явный архаизм¹.

§ 8. В конкретных проявлениях категории рода наблюдаются некоторые колебания. Часть их находит объяснение в собирательном характере множественного числа среднего рода на -α. Легко понять, что собирательное имя на -α может противопоставляться единственному числу одушевленного рода: множественным числом для μηρός „бедро“ у Гомера обычно служит собирательное μηρα, особенно в описании жертвоприношений (А 464), но употребительно также и μηρός (А 460); κύκλος „круг“, но во множественном числе у Гомера κύκλοι „круги“ (А 33, Υ 280) и κύκλα „колеса колесницы“ (Ε 722, Σ 375); κύκλοι — обычная форма в ионийском и аттическом диалектах; имя женского рода κέλευθος, образующее мн. ч. κέλευθοι, например (Κ 66) πολλὰ γὰρ ἀνὰ στρατὸν εἰσι κέλευθοι, но также и собирательное κέλευθα, особенно в формуле ὕγρα κέλευθα (Α 312 и др.) „влажные пути моря“; множественное число слова δεσμός „повязка“ у Гомера δεσμοί, когда имеются в виду отдельные части повязок, или же когда за ними предполагается „активная“ сила, ср. κόπτε δεσμούς (Σ 379) или (πέδησαν) δεσμοί τ' ἀργαῖοι καὶ βουκόλοι (λ 293), но там, где поэт имеет в виду всю совокупность, „узы“, он употребляет форму δεσμάτα (Χ 468, α 204, θ 278); употребительны в аттическом диалекте формы δεσμοί и δεσμά (ср. I. G. II, 678 В, 48 и I. G. II, 791, 31), где δεσμά означает „канаты, цепи“, а δεσμοί иногда „действие связывания“; ср. Πρας δὲ δεσμούς ὑπὸ ἰέος καὶ Πραίστου ῥίψις ὑπὸ πατρὸς (Платон, Resp. 378 d); — σῖτος „хлеб“, употребляется у Гомера только в единственном числе, но в аттическом языке встречаются формы σῖτοι и иногда собирательное σῖτα „хлеба“. Другие дублеты: τὰ ζυγά, но ед. ч. τὸ ζυγόν „ярмо“, ὁ ζυγός „ярмо“ (Нупп. in Cer. 217), „кормысло весов“ (Платон, Tim. 63 b); начиная с римской эпохи форма ζυγός возобладала и является формой современного грече-

ского языка; δυνερός „сновидение“ является обычной формой, но уже у Гомера встречаем δυνερόν (относительно *δυνεράρ, δυνεράτα см. § 76); λύχνος „светильник“, но мн. ч. λύχνοι, λύχνα; στάδιον, но мн. ч. στάδιοι и στάδια; σταθμός „стойка, стойло, устой, станция“, но мн. ч. σταθμοί и иногда σταθμά; θεμέλιος (подразумевается λίθος) „основание“, но мн. ч. θεμέλιοι и θεμέλια; слово, означающее „спину“, имеет обычно форму мн. ч. ср. р. τὰ ὠτα (Ψ 714 и др.) собирательного характера; в единственном числе встречается форма среднего рода и, как исключение, мужского рода (Ксенофонт, De re equ. III, 3 и койнэ); мн. ч. οἱ ὠτοί появляется в Септуагинте. Встречаются также дублеты, отличающиеся по характеру: в аттическом диалекте употребительны одновременно формы ἡ δίψα и τὸ δίψος „жажда“. В койнэ получили развитие основы на s среднего рода: τὸ νίκος представляет собой аналогическое образование от νίκη „победа“ под влиянием τὸ κράτος „сила“. Кроме того, конкурируют с именами мужского рода с основами на e/o: τὸ ἔλσος „жалость“¹ (так же и в новогреческом), τὸ ζῆλος „усердие, ревность“ (так же и в новогреческом), τὸ ἦχος „шум“, τὸ πλοῦτος „богатство“ (так же и в новогреческом), τὸ σκότος „мрак“ (засвидетельствовано уже у Пиндара). Колебание между ὁ θάμβος и τὸ θάμβος „изумление, испуг“ наблюдается также в древнем языке.

§ 9. Существующее внутри одушевленного рода противопоставление родов мужского и женского, столь же древнее, морфологически охарактеризовано менее четко. В индоевропейском языке все типы существительных допускают одинаково оба рода — как мужской, так и женский. С полной очевидностью это наблюдается в атематическом (так называемом 3-м) склонении; слова πατήρ „отец“ и μήτηρ „мать“ не содержат в своей форме ничего, что позволило бы распознать в одном из них слово мужского рода, в другом — женского: πατήρ относится к мужскому роду, потому что обозначает мужчину, μήτηρ — к женскому, потому что обозначает женщину. Правда, в тематическом (2-м) склонении основная масса слов — мужского рода, но в этом нет ничего принципиального: имена, озна-

¹ Собирательные на -ᾱ или -ᾱ первоначально, как надо полагать, не отличались от имен женского рода на -ᾱ, -ᾱ.

¹ Основа на s, очевидно, древняя, как это показывают сложные прилагательное ὠλεής „безжалостный“ и производное ἐλεεινός „жалкий“.

чающие женщин, например *νόος* „невестка“, и деревья, например *φύλλος* „дуб“, принадлежат к женскому роду; наконец, *ἵππος* может означать как „жеребца“ *ὁ ἵππος*, так, равным образом, и „кобылу“ *ἡ ἵππος*. Несколько отличен случай с основами на *-ā: в эту категорию входят имена женского рода и некоторые имена мужского, но флексия последних отличается от флексии имен женского рода в именительном и родительном падежах единственного числа. Впрочем, как увидим, греческий язык ввел в этом пункте новшество, древнее же состояние сохранено в латинском языке, где *agricola* склоняется так же, как *rosa*.

Некоторые существительные, как, например, *ἵππος* „лошадь“, *βοῦς* „корова“, *οἶς* „овца“, *κύων* „собака“, применяются для обозначения как самцов, так и самок. *Βοῦς* означает вообще животное вида коровы, и только родовая характеристика артикля или служащего определением прилагательного показывает, идет ли здесь речь о самце или о самке. Наряду с этим общим термином встречаются и слова с более точным и техническим значением, как *ταῦρος* „бык“ и т. п., употребительные, например, в речи скотоводов.

Греческий язык тем не менее стремился провести последовательное противопоставление женского рода мужскому. У прилагательных форма женского рода иногда сходна с формой мужского рода, но для многочисленных прилагательных типа *κακός* она имеет обычно окончание -ή, в ионическо-аттическом диалекте — -η. С другой стороны, греческий язык использовал индоевропейский суффикс *-iā/*-iā, которому соответствует греч. -ία, чередующееся с -ιά: *ἀνάσσεια* [Ф. § 48] служит формой женского рода для *ἀνάξ* „царь“, *λέαινα* [Ф. § 38] для *λέων* „лев“, у прилагательных — *μέλαινα* для *μέλας*, у причастий — *λύουσα* [Ф. § 79] для *λύων*. Этот суффикс встречается также в различных комбинациях: *σώτειρα* от *σώτηρ* „спаситель“, *αἰλήτρια* от *αἰλήτηρ* и *αἰλήτης* „флейтист“. Наконец, сложный суффикс -ιδ- также служил для образования слов женского рода:

¹ Различие в форме, наблюдаемое у слов типа *σώτειρα*, *αἰλήτρια*, образованных при помощи одних и тех же суффиксов с чередованием огласовки -ter/-tr- и -iā/-iā-, объясняется происходившим в различном направлении для отдельных слов аналогическим выравниванием первоначальной парадигмы *-ter-iā (>-teira; см. Ф. § 39) — *-tr-iā. — Прим. перев.

δεσπότης от *δεσπότης* „господин“, *αἰλήτρια* наряду с *αἰλήτρια*, *θεραπαινίς* наряду с *θεράπεινα* как форма женского рода от *θεράπων* „прислужник“.

Сохраняясь в ряде случаев с отчетливым смыслом, противопоставление мужского и женского рода, вообще говоря, утратило всякое значение: трудно объяснить, почему существуют одновременно *γένος* и *γονή* „рождение“. Это противопоставление часто оказывается в древнегреческом языке столь же стершимся, как и в современном французском, но зато оно помогает уяснить связь между входящими в предложение словами; если вспомнить ту большую роль, какую играли в синтаксисе причастие и прилагательное, то грамматическая важность рода представляется весьма значительной.

§ 10. Приемы словоизменения, применяющиеся в склонении, весьма различны. Индоевропейское склонение характеризовалось не только одними окончаниями. Оно заключало в себе чередования гласных предшествующего окончания элемента, то есть в различных падежах эти гласные представляли различные вариации по тембру и по длительности. Этот тип словоизменения сохранился в греческом языке лишь в некоторых пережитках: в флексии слова *πατήρ* мы наблюдаем долгое е в именительном падеже, краткое е в вин. п. *πατέρα*, нулевую ступень в род. п. *πατρός*. В других случаях греческий язык сохранил чередование по тембру, например в типе *νέφος*, род. п. *νέφεος* < *νεφεος, или в тематических именах: *ἄγγελος*, зват. п. *ἄγγελε*.

Наконец, известную роль в системе склонения играло место ударения, некоторые следы чего сохранились и в греческом языке; место ударения служит иногда для противопоставления падежей прямых (именительного-винительного) и косвенных (родительного-дательного): *πίδα*, но *ποδός*; *μία*, но *μᾶς*.

Эти особенности вокализма в части слова, предшествующей окончанию, и изменение места ударения представляют собой в греческом языке лишь отдельные следы. В основном падежи характеризуются своими окончаниями; однако провести в этих окончаниях грань между падежным окончанием в собственном смысле и формой основы иногда трудно. Правда, в атематическом склонении анализ

часто не представляет трудностей, например в случае $\theta\eta\rho\text{-}\acute{o}s$, $\theta\eta\rho\text{-}i$, $\theta\eta\rho\text{-}\epsilon\acute{s}$. Но даже и в атематической флексии фонетическое развитие могло в большей или меньшей степени видоизменить окончания: $\pi\acute{o}l\acute{o}s$, $\pi\acute{o}l\epsilon\omega\acute{s}$, $\pi\acute{o}l\epsilon\iota$. Наконец, для тематического склонения — тип $\acute{\iota}\pi\pi\acute{o}\varsigma$, $\acute{\iota}\pi\pi\omega\iota$, $\acute{\iota}\pi\pi\omega\iota$ — и для имен на $*\text{-}\acute{a}$ — $\acute{\eta}\mu\acute{\epsilon}\rho\alpha$, $\acute{\eta}\mu\acute{\epsilon}\rho\alpha\iota$, $\acute{\eta}\mu\acute{\epsilon}\rho\alpha\iota$ ¹, — уже начиная с общегреческого языка разграничить основу и окончание оказывается решительно невозможным.

Несмотря на свое упрощение и на те изменения, которым она подверглась, система греческого склонения продолжает индоевропейскую систему. Обыкновенно наблюдаемые факты распределяются по трем типам. Один из них — тематическое склонение (тип $\lambda\acute{o}\chi\acute{o}\varsigma$), в котором тематический гласный обнаруживает некоторые пережитки чередования $*e/o$ и к которому принадлежат несколько окончаний, составляющих его особенность. Тематическому склонению противостоит склонение атематическое, резко от него отличающееся: здесь окончания легко отделимы от основы, предшествующий окончанию элемент (корень или суффикс) подвергается чередованию по количеству и по тону, место ударения меняется; это тип $\theta\acute{\eta}\rho$, $\theta\eta\rho\acute{\epsilon}\varsigma$, $\pi\acute{o}\acute{o}\varsigma$, $\pi\acute{o}\delta\acute{o}\varsigma$, $\pi\acute{o}l\acute{o}\varsigma$, род. п. $\pi\acute{o}l\acute{o}\varsigma$ в ионийском и дорийском диалектах, $\pi\acute{o}l\epsilon\omega\acute{s}$ в аттическом, и т. д.

Тип с основами на $*\text{-}\acute{a}$ в известных отношениях соотносится с атематическими именами: окончание родительного падежа то же; сохранились некоторые следы чередования гласных и изменения места ударения. В других отношениях он приближается к тематическому склонению; таковы формы дательного падежа единственного числа и именительного и дательного падежей множественного числа.

ТЕМАТИЧЕСКОЕ СКЛОНЕНИЕ

(тип $\acute{o} \lambda\acute{o}\chi\acute{o}\varsigma$)

§ 11. Тематическая флексия составляет одну из существенных частей именной системы в греческом языке. Возможно, что она возникла в индоевропейском языке

¹ Грамматик Геродиан (II в. н. э.) осуждает установившееся у позднеаттических писателей обыкновение переносить в именительном падеже множественного числа слов типа $\acute{\eta}\mu\acute{\epsilon}\rho\alpha$ ударение на третий от конца слог ($\acute{\eta}\mu\acute{\epsilon}\rho\alpha\iota$). — Прим. перев.

позднее, чем другие типы. Во всяком случае несомненно, что она развивалась в ходе истории греческого языка. Она расширила свою область за счет древних атематических имен (3-го склонения): $\pi\tau\omega\chi\acute{o}\varsigma$ „нищий“ из $\pi\tau\acute{o}\varsigma$ „пугливый“, $\nu\acute{i}\acute{o}\varsigma$ „сын“, дублет к $\nu\acute{i}\acute{o}\varsigma$, и т. д.

В индоевропейском языке тематический тип заключал в себе имена мужского, женского и среднего рода. То же сохранилось и в греческом. Здесь мы встречаем, например, такие имена женского рода, как $\nu\acute{o}\delta\acute{o}\varsigma$ „невестка“, $\phi\eta\eta\acute{o}\varsigma$ „дуб“, $\nu\acute{\eta}\varsigma\acute{o}\varsigma$ „остров“, $\nu\acute{o}\delta\acute{o}\varsigma$ „болезнь“, существующие и ныне в новогреческом языке. Однако под влиянием системы прилагательного эта флексия стала осознаться уже как характеризующая мужской род: имена мужчин, имена животных, отвлеченные имена с огласовкой \acute{o} и с ударением на основе типа $\lambda\acute{o}\chi\acute{o}\varsigma$.

Тематический тип играл значительную роль в системе прилагательного, где он характеризует, вообще говоря, мужской род. Кроме того, ему следуют указательные местоимения, некоторые вопросительно-неопределенные и некоторые местоименные прилагательные. Этой категории основ были свойственны в индоевропейском языке несколько особых окончаний, которые в греческом и латинском языках распространились на все тематические имена.

Склонение характеризуется чередованием e (в звательном и иногда в местном и орудийном падежах единственного числа) и o (в остальных падежах); нулевая ступень предшествующего окончанию гласного не наблюдается. Ударение, которое может занимать различные места, остается неподвижным на протяжении флексии в той мере, в какой это допускают общие правила ударения. Наконец, своеобразной чертой этого типа, наблюдающейся также и у основ на $*\text{-}\acute{a}$, является то, что в определенных падежах (например, в дательном единственного и множественного числа) окончание составляет одно целое с тематическим гласным и не может быть от него отделено, возможно, в результате слияния, восходящего к индоевропейскому типу.

Этот тип склонения (за исключением дательного падежа, который, как известно, исчез) сохранился в данном виде и в новогреческом языке.

§ 12. Рассмотрим параллельно флексию мужского и женского рода и флексию среднего рода, которые

различаются между собой только в именительном, звательном и винительном падежах единственного и множественного числа.

	М.-ж. р.	Ср. р.
	Ед. ч.	
Им.	λύκος	τέχνον
Зват.	λύκε	τέχνον
Вин.	λύκον	τέχνον
Род.	λύκου	τέχνου
Дат.	λύκῳ	τέχνῳ

	Мн. ч.	
Им., зват.	λύκοι	τέχνα
Вин.	λύκους	τέχνα
Род.	λύκων	τέχνων
Дат.	λύκοις	τέχνοις

	Дв. ч.	
Им., зват., вин.	λύκῳ	τέχνῳ
Род., дат.	λύκοιν	τέχνοιν

§ 13. Именительный падеж единственного числа мужского и женского рода. В этом падеже *ο* является тематическим гласным, а *ς* — падежным окончанием (тем же, которое мы встречаем в атематическом склонении). *λύκος* имеет точное соответствие в лат. *lupus*.

Звательный падеж единственного числа. В этом падеже представлена ступень *ε* тематического гласного. Форма без окончания имеет полное соответствие в лат. *lure*. Со звательным падежом на *ε*, представляющим собой архаизм, конкурировал именительный падеж, употребляемый в функции звательного. У поэтов, и уже у Гомера, встречается, например, *ὦ φίλος*. Слово *θεός* „бог“ имеет в аттическом диалекте в обращении форму *θεός*; *θεός* засвидетельствовано только в Новом завете и в позднем языке. В новогреческом звательный падеж на *ε* живет и поныне, но для некоторых имен лиц употребительна форма на *-ος*: *Γεώργιο* „Георг“, *γέρο* „старик“.

§ 14. Винительный падеж единственного числа. *λύκῳ* соответствует лат. *lupum*. В индоевропейском языке

винительный падеж единственного числа одушевленного рода всегда характеризуется носовым звуком в окончании: *m* в латинском и индоиранском, *n* во всех остальных языках, в том числе и в греческом (ср. *ἡμέραν, πόλιν, πόδα* и т. д.).

§ 15. Родительный падеж единственного числа. Форма род. п. *λύκου* ставит нас перед проблемой. Ясно, что эта форма не связана с латинским родительным падежом на *-i* (который встречается также в кельтском). Диалектные формы греческого языка позволяют уяснить структуру окончания *-ου*. Гомеровский язык дает два окончания: *-οιο* и *-ου*. В слабом времени стопы за *-ου* может скрываться *-οο*, и в некоторых случаях метрика дает основание думать, что *-οο* действительно было подлинной древней формой. Характерны некоторые формулы: *Ο 66 = Φ 104* *Ἰλίου* (в рукописях *Ἰλίου*) *προπάροιθεν*; *Χ 313* *ἀγρίου* (рук. *ἀγρίου*) *πρόθεν*; *Κ 60* (ср. *κ 36*) *Αἰόλου* (рук. *Αἰόλου*) *κλυτὰ δώματα*; *Ο 554* *ἀνφείο* (рук. *ἀνφείο*) *κατένοιο*; *Ε 21* *ἀδελφεο* (рук. *ἀδελφείο*) *κατένοιο*; *Ι 440* *ὁμοίος* (рук. *ὁμοίου*) *πτολέμοιο*; в пятой стопе *Ξ 239* *δήμοιο* (рук. *δήμου*) *φῆμις*. Иногда текст сильно испорчен: за предлагаемым рукописными чтением *Ζ 344* *κακομητῆάνου ὀκρυέσσῃς* скрывается *κακομητῆάνοο κρυέσσῃς*; точно так же *Ι 64* вместо *ἐπιδήμιου ὀκρυβέντος* надо писать *ἐπιδήμιος κρυβέντος*. Таким образом, окончание *-ου* явилось в результате слияния *-οο*. Эта слитная форма засвидетельствована в эпосе, и в сильном времени или в конце стиха ее нельзя исправлять на *-οο*. Итак, гомеровский язык использует три окончания: *-οιο*, *-οο*, которое не засвидетельствовано, но в некоторых случаях может, а в других должно быть восстановлено, и *-ου*.

Помимо Гомера, окончание *-οιο* встречается изредка лишь в поэзии под влиянием гомеровского языка, но оно было, повидимому, древней формой родительного падежа в восточной части области фессалийского диалекта (Аполлоний, *De synt.* 50, 9) и иногда засвидетельствовано в надписях: *Ι. G. IX, 2, 511* *πολέμοιο*; но чаще мы встречаем *-οι*, которое объясняется апокопой конечного *ο*: *Ι. G. IX, 2, 1228*, *Ἀντιπαχοι*.

В других диалектах окончание возникло из слияния *-οο*: в дорийском *-ω* (лаконский и критский диалекты, Фео-крит) и в некоторых говорах *-ου*, например в дельфий-

ском (и, кроме того, у Пиндара и Вакхилида, относительно которых, впрочем, не установлено, является ли для них написание *-oo* подлинным). Из эолийских диалектов западнофессалийский имеет *-ω* и *-oo*, лесбосский — *-ω*, хорошо засвидетельствованное в древних надписях и в папирусных отрывках Алкея и Сапфо. В аркадско-кипрском диалекте окончанием служит *-ω*, образованное из *-oo*; однако некоторые кипрские эпиграфические тексты, особенно эдалийские, дают для имен окончание *-ωv*, расходящееся с формой артикля *τω*. Это окончание объясняется аналогией с родительным падежом множественного числа, где конечный носовой был слабым и мог как присутствовать, так и отсутствовать. Ионийский и аттический диалекты имеют *-oo*, закономерный результат слияния *-oo*.

Окончания *-oio* и *-oo* можно считать несводимыми. Первое из них восходит к **-osjo*, ср. санскр. *-asya*, второе могло произойти из **-o-so*, собственного местоименным формам (ср. ст.-слав. *уесо*). Однако проще исходить из единственного окончания **-osjo*, давшего в общегреч. **-oio*: *j* могло получить двоякую трактовку в зависимости от того, произносилось ли оно как простое или как двойное¹.

§ 16. Дательный падеж единственного числа. *ᾠῷ* предполагает окончание **-ōi*, которое представлено также авест. *-āi* и лат. арх. *-ōi*, классич. *-ō*. Написание *-ω*, засвидетельствованное эпиграфически начиная с IV в. до н. э., обусловлено фонетическим изменением. Форма *-oi*, засвидетельствованная в ионийских надписях с Эвбеи и в нескольких аттических, также указывает, повидимому, на особую фонетическую трактовку. В других случаях окончание *-oi* вместо *-ωi* (аркадский, беотийский и особенно этолийский и северо-западный диалекты) должно быть истолковано как употребление местного падежа в функции дательного (§ 23).

¹ Наличие двух форм окончаний *-oio* и *-oo* можно объяснить тем, что интервокальное *i* (< *si*) фонетически исчезло только в форме родительного падежа артикля *τῶν*, где его артикуляция была ослаблена вследствие проклитического характера этой формы, и лишь под влиянием аналогии могло в дальнейшем исчезать в других случаях окончания *-oio*. Ср. различие трактовки группы согласных в формах родительного падежа артикля и имени в ион. *τῶν θεῶν* и т. п. [Ф. § 22]. — *Прим. перев.*

§ 17. Именительный-звательный падеж множественного числа. Единственная греческая форма характеризуется окончанием *-oi*, соответствующим лат. *-ī*. Сравнение с санскритом, оскско-умбрским и германским языками, имеющими окончание **-ōs*, показывает, что здесь перед нами новообразование, введенное греческим и латинским языками независимо друг от друга. Окончание *-oi* было заимствовано от указательных местоимений. Это новообразование сближало тематические имена с местоимениями, с которыми, и помимо того, у них были точки соприкосновения; оно более четко противопоставляло их именам атематическим, и, наконец, оно устраняло возможность совпадения с формой винительного падежа множественного числа на **-ons*, дававшей в результате фонетического изменения *-ous* или *-os* (Ф. § 78; относительно основ на **-ā* см. § 34).

§ 18. Винительный падеж множественного числа. Ионийско-аттическая форма вин. п. мн. ч. *ᾠῶς* восходит к окончанию *-ōs*. Наблюдающееся в диалектах разнообразие форм объясняется различием фонетической трактовки: дор. *ᾠῶς* (так же и у Феокрита, который иногда пользуется и формой на *-os*, как в критском диалекте, но рукописи Пиндара всегда дают *-ōs*) и иногда *-ous*; критский диалект противопоставляет форму на *-ōs* перед гласным форме на *-os* перед согласным [Ф. § 78]; в аргосском мы находим *-ōs*, в фессалийском и аркадском — *-os*, в беотийском — *-os*; наконец, в лесбосском (надписи, Алкей и Сапфо) — *-os*. Окончание вин. п. мн. ч. **-ps* встречается и в других индоевропейских языках. Оно служило для всех типов склонения. Для тематической флексии трудно определить, следует ли принять за индоевропейскую форму **-ōns* или **-ōns*.

§ 19. Родительный падеж множественного числа. *ᾠῶν* должно быть сближено с лат. *socium*, *deum* и т. п. Этот тип родительного падежа, совпадающий с родительным падежом атематического склонения, восходит к окончанию, которое в индоевропейском заключало в себе, смотря по диалекту, конечное *-m* или *-n* и о долгое или краткое.

§ 20. *Дательный падеж множественного числа.* Дательный падеж множественного числа имеет в греческом языке, смотря по диалекту, окончание *-οις* или *-οισι*. Эти окончания не принадлежат собственно индоевропейскому дательному падежу. Окончание *-οις* восходит к индоевропейскому орудийному падежу на **-ōis*, засвидетельствованному также санскр. *-āis* и лат. *-īs*. В общегреческом языке долгий гласный в дифтонге с долгой первой элементом сократился перед группой неслогового *i* + согласный [Ф. § 6]. Окончание *-οισι* представляет древний местный падеж; оно напоминает окончание **-oīsu*, засвидетельствованное в различных индоевропейских языках: авест. *-aišu*, санскр. *-eṣu*, ст.-слав. *-ьхъ* (о замене конечного *i* через *u*, наблюдающейся в греческом языке также в *τῆραι* и в *ἑβραῖ*, см. § 57). Обе формы *-οις* и *-οισι* (последняя в положении перед гласным переходила в *-οῖς*) семантически равнозначны, и диалекты избрали либо то, либо другое окончание. Окончание *-οις* установилось в большей части дорийских говоров, в беотийском, в аркадско-кипрском и в ионийском диалекте Эвбеи; *-οισι* принадлежит ионийскому (кроме Эвбеи) и лесбосскому (где, однако, артикль всегда имеет форму *τοῖς*). Аттический загадочен: надписи дают *-οισι* приблизительно до 450 г. до н. э., а затем общее распространение получает *-οις*. В гомеровском языке перед согласным почти всегда *-οῖσι*; *-οῖς* перед гласным может быть истолковано как элидированное *-οισι*. Но иногда *-οῖς* находится также перед согласным или в конце стиха; это окончание в Одисее встречается чаще, чем в Илиаде. Повидимому, его надо считать древним, по крайней мере для местоимений (*τοῖς*, *τοῖδε* и т. п.). Среди других литературных языков Пиндар и Вакхилид свободно пользуются обоими окончаниями; так же и Феокрит. У Алкея и Сапфо, в соответствии с лесбосской нормой, обычно *-οισι*, но для артикла — *τοῖς*. Случаи дательного падежа на *-οισι*, засвидетельствованные в аттической трагедии, обусловлены влиянием Гомера.

§ 21. *Именительный-звательный-винительный падеж двойственного числа.* Древнее окончание было *-ω* (вед. *-ā*, ст.-слав. *-а* и т. д.): *ἄμφω*, ср. лат. *ambō*, и т. д.
Родительный-дательный падеж двойственного числа. Греческий язык обладает для этой формы окончанием

-οῖν: *λόχοιν*, у Гомера *-οῖν* и *-οῖν*. Аркадский дает формы *Διδυμοῖν* и *μεσοῖν* (Швицер 664, 25) с окончанием *-οῖν*, напоминающим некоторые санскритские формы, также содержащие *u*. Было высказано предположение, что гомер. *-οῖν* возникло в результате диссимиляции из аркад. *-οῖν*.

§ 22. *Замечания о формах неодушевленного рода.* Единственными отличными от форм одушевленного рода являются формы именительного-звательного-винительного падежей, не различающихся между собой по форме, как и в других типах склонения. В единственном числе *τέχνην* или *ζυγῶν* соответствуют лат. *iugum* (ст.-лат. *iugom*), санскритским формам на *-am* и т. д.

Во множественном числе *τέχνηα*, *ζυγά* содержат краткое *α* (ср. лат. *iuga*), как и атематическое *ὄνματα* (лат. *pōmīna*, санскр. *pāmāni*); краткое *α* в латинской и греческой формах и краткое *i* в санскритской восходят к индоевр. *ə*; в тематическом склонении ведический санскрит противопоставляет греч. *ζυγά* и лат. *iuga* форму *yugā* с долгим *α* (§ 7).

Примечания: 1. Слово, означающее „дерево“, у Гомера и у Геродота имеет форму *δένδρεον* [Ф. § 31]; флексия *δένδρον*, *δένδρου*, засвидетельствованная у Геродота и составляющая норму в аттическом диалекте, возникла, возможно, на основе двусложного произношения форм *δένδρεωι*, *δένδρεων* (Г 152, τ 520). С другой стороны, из форм *δένδρεα*, *δένδρεων* был извлечен атематический дат. п. *δένδρεσι* (Геродот, Фукидид II, 75 и др.), далее флексия типа *δένδρος*, *δένδρους* в ионийском (Геродот VI, 79 и др.), дорийском (I. G. IV, 951 и др.) и койнэ.

2. „*Ἀνδράποδα*“ представляет собой собирательное со значением „рабы“, образованное по *τῆράποδα* „четвероногие“. У Гомера (II 475) дательный падеж образован по атематическому типу *ἀνδράποδεσι*, но аттический диалект провел последовательно тематическую флексию: дат. п. мн. ч. *ἀνδράποδοις*, ед. ч. *ἀνδράποδον* и т. д.

В двойственном числе неодушевленного рода употребляется форма им.-вин. п. *ζυγῶν*, созданная по аналогии с *λόχῳ*, и т. п.

§ 23. Мы объяснили дательный падеж множественного числа с помощью окончаний местного и орудийного падежей, а некоторые формы дательного падежа единственного числа — с помощью окончания местного падежа. Некоторые формы наречий дают нам другие падежные

формы, исчезнувшие в системе склонения. Наиболее отчетлива среди них форма местного падежа. Местный падеж единственного числа, послуживший для образования формы дательного в некоторых диалектах, сохранился в нескольких наречиях места. Его окончание *-oi наблюдается в таких наречиях, как *οἶχοι, πέδοι, ποῖ, Ἰσθμοῖ, Μεγαροῖ* (наряду с им.-вин. п. мн. ч. *Μέγαρα*).

Кроме того, существует окончание и с другой ступенью огласовки -и, засвидетельствованное в форме *οἷχοι* (появляющейся не ранее Менандра и объясняемой иногда как результат диссимиляции двух дифтонгов -oi) и в таких формах наречий, как *ἐχέι* и особенно в дор. *ἐπιλεῖ, τεῖδε, τούτε, ἀλλεῖ* и др. Латинский местный падеж на -i, повидимому, также восходит к дифтонгу *-ei¹.

§ 24. Место ударения на протяжении флексии не изменяется. Но в родительном и дательном падежах единственного, множественного и двойственного числа гласный конечного слога получает особую интонацию (так называемую циркумфлексную)²; в тех случаях, когда этот гласный несет на себе ударение, оно должно быть обличенным: *ζυῶν*, но *ζυοῖ*, *ζυῶι*; *ζυγά*, но *ζυῶν, ζυγοῖς, ζυῶ*, но *ζυοῖν*. Древность этого явления подтверждается сравнением с балтийскими и славянскими фактами. Местный падеж единственного числа противостоит в отношении ударения именительному падежу множественного числа. Формы местн. п. *Ἰσθμοῖ* и *οἶχοι* противостоят формам им. п. мн. ч. *Ἰσθμοί* и, с другой стороны, *οἶχοι, ἄγγελοι*: окончание

¹ Окончанием в собственном смысле слова для местного падежа тематического склонения как в греческом, так и в латинском языке является -i, которое в соединении с тематическим гласным основы дает дифтонг. О „падежном окончании“ -i < -ei в местном падеже следует говорить собственно лишь в отношении латинского атематического склонения (тип *Carthāgini*), где оно могло возникнуть по аналогии с типом *Corinthi*. — *Прим. перев.*

² Необходимо различать понятия „музыкального ударения“ и „интонации“: „музыкальное ударение“, как и другие виды ударения, выделяет определенный слог среди других слогов, принадлежащих данному слову; интонация же, та или иная, присуща каждому гласному или дифтонгу, независимо от того, принадлежит ли он ударному или неударному слогу. Подробнее об интонации см. А. Мейе, *Общеславянский язык*, М., 1951, § 178 и сл. — *Прим. перев.*

им. п. мн. ч. -и в отношении ударения равнозначно краткому слогу¹.

Звательный падеж занимал в склонении особое место: этим объясняется *ἄδελες* при им. п. *ἄδελες*.

§ 25. В тематическом склонении в ионийском и аттическом диалектах наблюдается иногда долгий конечный гласный. Эта долгота может возникнуть вследствие перестановки количества; таковы: *λεῶς* „народ“ из *ληός* (Геродот, Гиппонакт), гомер. *λαῖος, νῶος* „храм“ из *νηός* (Гомер и Геродот), дор. *ναῖος*; в системе прилагательного *λεως* „милолюбивый“. Некоторые слова содержат этимологическое ω: *λαῶς* или *λαῖος* „заяц“, гомер. *λαῶος*, ион. *λαῖος* (ср. *λαγάρος* „обвислый“ и *οὖς*, дор. *ὠς* „ухо“), *καλῶς* „канат“, *ἄλως* „ток, гумно“.

Приведем образец этого склонения, так называемого аттического:

Ед. ч.		
Им.	λεῶς	ἰλεως, ἰλεων
Вин.	λεῶν	ἰλεων
Род.	λεῶ	ἰλεω
Дат.	λεῶι	ἰλεωι
Мн. ч.		
Им.	λεῶι	ἰλεωι, ἰλεα
Вин.	λεῶς	ἰλεως, ἰλεα
Род.	λεῶν	ἰλεων
Дат.	λεῶις	ἰλεωις
Дв. ч.		
Им., вин.	λεῶ	ἰλεω
Род., дат.	λεῶιν	ἰλεωιν

В этом склонении падежные характеристики подверглись глубокому изменению. Начиная с IV в. в надписях встречаются примеры винительного падежа единственного

¹ Выражение „равнозначно краткому слогу“ не должно пониматься в том смысле, что мы имеем здесь какое-то отступление от общей нормы: равнозначными краткому слогу окончания им. п. мн. ч. -и, -οι становятся потому, что им присуща „актовая интонация“ (см. предыдущую сноску). — *Прим. перев.*

числа без конечного носового: τὸν νεῶν, τὴν ἄλω, Ἠγησίθεω, несомненно под влиянием аналогии τὴν αἰδῶ „стыд“ и τὴν ἔω „зарю“ (§ 68); последнее слово в свою очередь перешло в аттическом диалекте к склонению по типу λεῶς: род. п. ἔω, дат. п. ἔωι. В именительном падеже множественного числа встречаются формы на *ς*, обусловленные влиянием атематической флексии; так, οἱ κάλως в аттических надписях IV в.

Прилагательное πλέως (гомер. πλεῖος, ион. πλέος) образует особые формы: ж. р. πλέα, мн. ч. ср. р. πλέα — форма, которая должна содержать долгое *α*; но по аналогии с другими формами флексии была создана форма мн. ч. ср. р. ἔκπλεω (Ксенофонт, Hell. III, 2, 11 и др.); в именительном падеже множественного числа мужского рода иногда встречаются такие формы, как ἔμπλεοι (Платон, Resp. 411 с).

В отношении ударения следует отметить пропарокситональные формы: ἰλέως, ἔμπλεως, где ударение сохранило то же место, которое оно занимало первоначально в ἰλῆς, *ἔμπληρος. В окситонах, например в λεῶς, острое ударение распространено даже на косвенные падежи, что не могло быть древним¹.

Это склонение было устранено в койнэ, усвоившей тип λαός, ναός.

§ 26. Некоторые существительные и прилагательные представляют в аттическом диалекте слитное склонение, причем слияние может быть основано на -οο- или на -ωο-. Гомер, напротив, пользуется только неслитными формами.

Ед. ч.

Им.	πλέος > πλοῦς	ὀστέον > ὀστοῦν
Вин.	πλόου > πλοῦν	ὀστέον > ὀστοῦν
Род.	πλόου > πλοῦ	ὀστέου > ὀστοῦ
Дат.	πλόωι > πλωί	ὀστέωι > ὀστοί

Мн. ч.

Им.	πλόοι > πλοῖ	ὀστέα > ὀστά
Вин.	πλόους > πλοῦς	ὀστέα > ὀστά

¹ Подробнее об этом см. Vendryes, Traité d'accentuation grecque, § 273.

Род.	πλόων > πλών	ὀστέων > ὀστών
Дат.	πλόοις > πλοῖς	ὀστέοις > ὀστοῖς

Дв. ч.

Им., вин.	πλώ > πλώ	ὀστέω > ὀστώ
Род., дат.	πλόοιν > πλοῖν	ὀστέοιν > ὀστοῖν

В системе прилагательного также имеется флексия этого типа: ἀπλόος > ἀπλοῦς „простой“, χρύσεος > χρυσοῦς „золотой“. Форма мужского рода склоняется по образцу πλέος, среднего — по образцу ὀστέον. Относительно форм ж. р. χρυσή, ἀπλή см. § 40.

Следует отметить, что во множественном числе среднего рода слияние не подчиняется фонетической норме ни в ὀστά, χρυσά, ни в ἀπλά.

В отношении ударения эта флексия представляет некоторые особенности. В то время как все остальные падежи имеют периспоменальную форму, именительный-винительный падеж двойственного числа всегда представляет собой окситон: πλώ, ὀστώ; в конце никогда не бывает -ω, которого требовали бы правила слияния.

В системе прилагательного язык обобщил для простых слов периспоменальное ударение: ἀδελφίδος „племянник“, χρυσοῦς „золотой“, ἀργυροῦς „серебряный“ из ἀδελφιδέος, χρύσεος, ἀργύρεος. Для сложных слов установилось парокситональное ударение: по аналогии с εὔνοος из εὐνοος возникло αἰῆρος из αἰήρος; следует, однако, заметить противопоставление между ἀπλοῦς из ἀπλοος „непригодный для плавания“ и ἀπλοῦς из ἀπλόος „простой“¹.

Ударение сохраняет в склонении то же место, которое оно занимает в форме именительного падежа, каково бы ни было ударение неслитной формы; так, мы находим χρυσός, χρυσὸς, χρυσῶι и т. д.; но εὐνοος (из εὐνοος) образует εὔνοο, εὔνοι и т. д. Встречается даже (Платон, Symp. 181 с) им. п. мн. ч. ἐπίπνοι от ἐπίπνοος, как будто именительный падеж единственного числа этого слова был *ἐπίπνος.

В этом слитном типе склонения наблюдаются колебания. Множественное число среднего рода часто представляет неслитную форму: εὔπλοα, ἡμίχλοα. В койнэ слитный

¹ Vendryes, Traité d'accentuation grecque, § 220.

тип испытал влияние атематической флексии (например, $\rho\acute{o}\varsigma$); отсюда род. п. $\rho\acute{o}\varsigma$ (Послание к римлянам, VII, 23), $\pi\lambda\acute{o}\varsigma$, $\rho\acute{o}\varsigma$, дат. п. $\rho\acute{o}\iota$, $\pi\lambda\acute{o}\iota$, $\rho\acute{o}\iota$ в соответствии с им. п. $\rho\acute{o}\varsigma$, $\pi\lambda\acute{o}\varsigma$, $\rho\acute{o}\varsigma$.

СКЛОНЕНИЕ НА $-\bar{\alpha}$

(тип $\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\bar{\alpha}$, $\delta\acute{o}\xi\bar{\alpha}$)

§ 27. Склонение на $-\bar{\alpha}$ во многих отношениях сходно со склонением тематических слов на $*-e/-o$ типа $\lambda\acute{o}\chi\acute{o}\varsigma$. Винительный и дательный падежи единственного числа, местный единственного, именительный-звательный множественного, винительный множественного, дательный множественного обнаруживают аналогичную структуру. Эта связь между обоими типами усилена тем обстоятельством, что в большом числе прилагательных язык формы м. р. $\delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota\acute{o}\varsigma$ противопоставлял форму ж. р. $\delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota\bar{\alpha}$: двойственное число основ на $-\bar{\alpha}$ вследствие нововведения, составляющего особенность греческого языка, получило формы по образцу типа $\lambda\acute{o}\chi\acute{o}\varsigma$. В остальном основы на $-\bar{\alpha}$ образуют родительный падеж на s , напоминающий аналогичную форму в атематическом склонении; они сохраняют следы чередования гласных $*-a/-\bar{a}-$ (ср. $\delta\acute{o}\xi\bar{\alpha}$, $\delta\acute{o}\xi\eta\varsigma$) и некоторые остатки изменения места ударения ($\mu\acute{\iota}\alpha$, $\mu\acute{\iota}\alpha\varsigma$), что позволяет сблизить рассматриваемый тип с типом атематическим.

Имена, входящие в это склонение, могут быть мужского или женского рода. Но, повидимому, уже в индоевропейском языке, этот тип дал женские формы прилагательных, и существительные женского рода составляют в нем большинство. Первоначально никакой разницы в флексии между существительными мужского и женского рода не было, однако греческий язык ввел новшество, создав для именительного и родительного падежей имен мужского рода на $-\bar{\alpha}$ особые формы по образцу флексии на $*-e/-o$ типа $\lambda\acute{o}\chi\acute{o}\varsigma$.

§ 28. Основы женского рода

Ед. ч.

Им., зват.	$\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\bar{\alpha}$	$\gamma\upsilon\omega\mu\eta$
Вин.	$\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\bar{\alpha}\nu$	$\gamma\upsilon\omega\mu\eta\nu$
Род.	$\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\bar{\alpha}\varsigma$	$\gamma\upsilon\omega\mu\eta\varsigma$
Дат.	$\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\bar{\alpha}\iota$	$\gamma\upsilon\omega\mu\eta\iota$

Мн. ч.

Им., зват.	$\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\bar{\alpha}\iota$	$\gamma\upsilon\omega\mu\bar{\alpha}\iota$
Вин.	$\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\bar{\alpha}\varsigma$	$\gamma\upsilon\omega\mu\bar{\alpha}\varsigma$
Род.	$\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\bar{\omega}\nu$	$\gamma\upsilon\omega\mu\bar{\omega}\nu$
Дат.	$\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\bar{\alpha}\iota\varsigma$	$\gamma\upsilon\omega\mu\bar{\alpha}\iota\varsigma$

Дв. ч.

Им., зват., вин.	$\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\bar{\alpha}$	$\gamma\upsilon\omega\mu\bar{\alpha}$
Род., дат.	$\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\bar{\alpha}\iota\nu$	$\gamma\upsilon\omega\mu\bar{\alpha}\iota\nu$

Аттический диалект сохранил тип с $\bar{\alpha}$ в единственном числе в тех случаях, когда $-\bar{\alpha}$ в общегреческом языке находилось после ρ , ι , ϵ [Ф. § 12, 13]. Следует отметить $\delta\acute{\iota}\kappa\rho\bar{\alpha}$ „двувершинная“, $\acute{\alpha}\delta\rho\bar{\alpha}$ „собранные вместе“, где ρ обусловило сохранение $\bar{\alpha}$ после o . Все другие имена¹ в аттическом диалекте имеют η : $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$, $\gamma\upsilon\omega\mu\eta$. В ионийском диалекте η распространилось и на случаи положения после ρ , ι , ϵ . Прочие диалекты сохранили $\bar{\alpha}$ общегреческого языка. О типе $\delta\acute{o}\xi\bar{\alpha}$, $\delta\acute{o}\xi\eta\varsigma$ см. § 39.

§ 29. Именительный и звательный падежи единственного числа. Общегреческая форма именительного падежа, как и индоевропейская, содержит гласный $-\bar{a}$ без какого-либо другого окончания: аттич. $\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\bar{\alpha}$, $\gamma\upsilon\omega\mu\eta$. Звательный падеж сходен с именительным, но сохранились остатки и существовавшей ранее особой формы звательного падежа на $*-a$, греч. краткое $-a$. У Гомера встречается зват. п. $\upsilon\beta\mu\phi\bar{a}$ (Г 130, д 743), принадлежащий к этому типу. В лесбосском диалекте формы с кратким a : $\acute{\Delta}\acute{\iota}\kappa\bar{a}$, $\acute{\epsilon}\rho\eta\eta\bar{a}$, $\acute{\epsilon}\rho\alpha\eta\bar{a}$ представляют собой формы звательного падежа, но они могут употребляться также и в качестве именительного. Следует отметить также краткое a в форме звательного-именительного падежа некоторых слов разговорного языка, означающих родство, например $\pi\acute{\alpha}\pi\pi\bar{a}$, $\acute{\alpha}\tau\tau\bar{a}$ „папа“ (по поводу $\delta\acute{o}\xi\bar{\alpha}$ см. § 39).

§ 30. Винительный падеж единственного числа. К основе присоединяется носовое окончание винительного падежа: $\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\bar{\alpha}\nu$, $\sigma\acute{\iota}\alpha\bar{\nu}$, $\gamma\upsilon\omega\mu\eta\nu$; ср. лат. *gosa*n (по поводу $\delta\acute{o}\xi\bar{\alpha}\nu$ с кратким a см. § 39).

¹ В слове $\chi\acute{o}\rho\eta$ „девушка“ \bar{a} перешло в η , потому что форма эта восходит к древнему $*\chi\acute{o}\rho\bar{f}\bar{a}$.

§ 31. Родительный падеж единственного числа. Древнее окончание было *-ās, сохранившееся в греческом языке: ἡμέρας, σκιάς, γυμνῆς, βουλῆς. Удержал его также оскско-умбрийский язык; латинский — только в нескольких архаических формах.

§ 32. Дательный падеж единственного числа. Окончание *-āi, представленное в таких формах, как ἡμέραι, σκιάι, γυμνῆι, βουλῇ, является древним и находит соответствие в литовском и в итальянском языках (лат. Fortunai Publicai CIL, IX, 1543). Этот дифтонг с долгим первым элементом был неустойчив. В ионийском диалекте начиная с VI в. появляется -ῃ вместо -ῆι; аттические надписи начиная с IV в. дают, с одной стороны, -ᾶ вместо -ᾱι (δεξιᾶ) с другой — -ει вместо -ῆι (βουλει). В других диалектах окончание дательного падежа единственного числа также подвергалось изменению: в лесбосском мы находим -ᾶ вместо -ᾱι. Там, где надписи сохраняют обозначение -αι, трудно определить, является ли элемент α долгим или кратким; он краток в беотийском диалекте, где исходное -αι представлено в надписях как -αε, -ῆ (ταε Δαματρί, I. G. VII, 1671). Это краткое α не является результатом фонетического сокращения, а возникло по аналогии с дательным падежом на -αι тематического склонения (§ 16).

Местный падеж, имевший окончание *-āi, (ср. лат. Romai, Romae), слился с дательным: Νεμεῖαι.

§ 33. Именительный падеж множественного числа. В индоевропейском языке именительный-звательный падеж множественного числа имел окончание *-ās. В греческом это окончание было заменено окончанием -αι, как и в латинском, где мы находим -ai, в дальнейшем -ae. Это окончание, повидимому, служившее в индоевропейском языке только для местоимений, было распространено на имена женского рода, как -οι на имена мужского рода. Возможно также, что оно восходит к древней форме двойственного числа, которая, судя по индоиранским, балтийским, славянским и ирландским данным, должна была оканчиваться на -ai. В гомеровском языке имена женского рода на -ᾶ не имеют собственной формы для двойственного числа. Поэтому можно допустить, что ἑώραι в известной части продолжает древнюю форму двойственного числа.

§ 34. Винительный падеж множественного числа. Этот падеж содержит ожидаемое окончание *-ns: σκιάς дало σκιάς с кратким α, сохранившееся в критском, откуда в ионийско-аттическом и дорийском — σκιάς, δίχας, а в лесбосском — σκιάς, δίχας. Перед согласным -ας переходило в -ας с кратким α, и эта форма иногда употреблялась и перед гласным: τροπᾶς (Гесиод, Op. et d. 564), ἄθροῶς (Hymn in Merc. 106), ἔχρας (Феокрыт I, 134) и др. [Ф. § 78].

§ 35. Родительный падеж множественного числа. В греческом языке, как и в итальянском (лат. rogatum, Э. § 21), было использовано окончание указательных местоимений *-sōm, присоединенное к долгому конечному гласному основы *-ā-sōm (ср. санскритское указательное местоимение tāsām, греч. τᾶων). Это окончание, после исчезновения σ в положении между гласными, отчетливо видно в гомер. ἑώραων. Форма эта, представляющая собой эолизм, широко засвидетельствована в Илиаде и Одиссее; известна она и в беотийском диалекте: δραχμᾶων (Коллици-Бехтель 413, 4). В ионийском диалекте -ᾶων перешло в -ῶων, но эта форма там не сохранилась, и мы находим только -έων, явившееся результатом сокращения ῆ: последнее окончание засвидетельствовано у Гомера, где оно почти всегда односложно, как, например, в ἐφετμέων (Α 495 и др.); также представлено оно у Геродота и в ионийских надписях. В аттическом диалекте и в койнэ окончание имеет форму -ῶν, возникшую из слияния -έων. Слитные формы других диалектов соответствуют фонетическим законам каждого из них. В фессалийском и лесбосском диалектах мы находим окончание -ᾶν, в дорийских — -ᾷν. В литературных диалектах -ᾶν засвидетельствовано у Алкея и Сапфо, -ᾷν — в дорийских стихотворениях Феокрыта. Пиндар и Вакхилид пользуются как дорийской формой родительного падежа на -ᾷν, так и гомеровской на -έων.

Примечания: 1. Окончание -έων встречается, кроме склонения основ на -ᾶ, также в нескольких искусственных формах эпического языка: гомер. ἑάων (например, Ω 528), ср. ἑῶς, κλαυέων как форма среднего рода (Гесиод, Scutum 7).

2. Аттическое окончание $\text{-}\acute{\alpha}\omega$, возникшее из слияния $\text{-}\acute{\epsilon}\omega\omega$, несет обремененное ударение для всех слов вне зависимости от места ударения в исходной форме: $\acute{\eta}\mu\epsilon\rho\acute{\alpha}\omega$ от $\acute{\eta}\mu\epsilon\rho\alpha$ и т. д.

§ 36. *Дательный падеж множественного числа.* Дательный падеж множественного числа представляет формы, параллельные формам тематического склонения. Окончание $\text{-}\alpha\iota\varsigma$ (из $\text{-}\acute{\alpha}\iota\varsigma$) возникло по аналогии с формой дательного падежа тематического склонения на $\text{-}\omicron\iota\varsigma$ (из $\text{-}\omega\iota\varsigma$), как и лат. $\text{-}\text{is}$. В общегреческом языке первый элемент дифтонга сократился перед с с последующим согласным [Ф. § 6], чем и объясняется сохранение α в аттич. $\text{-}\alpha\iota\varsigma$. С другой стороны, мы находим здесь наличие окончания местн. п. $\text{-}\acute{\alpha}\sigma\iota$ (где следует отметить долготу α и отсутствие дифтонга), напоминающего санскр. $\text{-}\acute{\alpha}\text{s}\text{u}$ (относительно вопросов, связанных с конечным t , см. § 57). Форма на $\text{-}\acute{\alpha}\sigma\iota$ или $\text{-}\eta\sigma\iota$, смотря по диалекту, хорошо засвидетельствована в греческом языке в своем основном значении местного падежа: в аргосском диалекте $\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}\sigma\sigma\iota$ (I. G. IV, 801), в аттическом $\text{Π}\lambda\alpha\tau\alpha\acute{\iota}\delta\sigma\iota$, $\text{Ἀδ}\acute{\eta}\eta\eta\sigma\iota$, $\theta\acute{\upsilon}\rho\alpha\sigma\iota$ — формы, сохранившиеся в качестве наречий даже в новоаттическом диалекте. Формы на $\text{-}\eta\sigma\iota$ ($\text{-}\acute{\alpha}\sigma\iota$) очень рано стали употребляться в ионийском и староаттическом диалектах в функции дательного падежа множественного числа: ион. $\delta\epsilon\sigma\tau\acute{\upsilon}\nu\eta\sigma\iota$ (Коллиц-Бехтель 5525) и аттические надписи до 420 г. до н. э. $\tau\alpha\rho\acute{\iota}\alpha\sigma\iota$ (I. G. I², 232 и др.), $\delta\acute{\iota}\kappa\eta\sigma\iota$. Но к очень раннему времени относится также и внесение в окончание $\text{-}\acute{\alpha}\sigma\iota$, $\text{-}\eta\sigma\iota$ ноты под влиянием аналогии имен мужского рода, с одной стороны, и форм дательного падежа на $\text{-}\alpha\iota\varsigma$ — с другой. Так как это включение было вторичным явлением, то $\text{-}\eta\sigma\iota$ сохранилось в ионийском диалекте без сокращения η . Аттическая форма на $\text{-}\alpha\iota\varsigma$, встречающаяся наряду с $\text{-}\eta\sigma\iota$ в надписях и в трагедии, получила свое краткое α по аналогии с $\text{-}\omicron\iota\varsigma$.

В аттическом диалекте между формами $\text{-}\eta\sigma\iota$ ($\text{-}\acute{\alpha}\sigma\iota$), $\text{-}\eta\iota\sigma\iota$ и $\text{-}\alpha\iota\varsigma$ существовало колебание, но начиная с 420 г. в надписях и во всех текстах литературной прозы засвидетельствовано только $\text{-}\alpha\iota\varsigma$. Это единственная форма, сохранившаяся в койнэ. Дорийские диалекты усвоили $\text{-}\alpha\iota\varsigma$, но в искусственном литературном языке у Феокрита и Пиндара встречаются рядом и $\text{-}\alpha\iota\varsigma$ и $\text{-}\alpha\iota\omicron\iota$. Из эолийских диалектов беотийский и фессалийский употребляют $\text{-}\alpha\iota\varsigma$, а лесбосский — $\text{-}\alpha\iota\omicron\iota$ (но для артикля $\tau\alpha\acute{\iota}\varsigma$).

§ 37. *Именительный-звательный падеж двойственного числа.* Греческий язык утратил древнее окончание $\text{-}\alpha\iota$, соответствующее санскр. $\text{-}\epsilon$, и заменил его $\text{-}\acute{\alpha}$, которое появляется первоначально в склонении основ мужского рода (§ 45).

Родительный-дательный падеж двойственного числа. Этот падеж характеризуется окончанием $\text{-}\alpha\iota\upsilon$, в аркадском диалекте — $\text{-}\alpha\iota\upsilon\upsilon$ (ср. $\text{-}\omicron\iota\upsilon$, § 21).

§ 38. Как и в тематическом склонении, место ударения не изменяется на протяжении всей флексии. Родительный падеж множественного числа на $\text{-}\acute{\omega}\upsilon$, всегда являющийся периспоменом, составляет лишь кажущееся исключение, обусловленное слиянием (§ 35). С другой стороны, родительный и дательный падежи единственного числа, дательный множественного, родительный и дательный двойственного имеют всегда обремененное ударение, если оно падает на окончание: $\tau\iota\rho\acute{\iota}\varsigma$, $\tau\iota\rho\acute{\iota}\eta$, $\tau\iota\rho\alpha\acute{\iota}\varsigma$, $\tau\iota\rho\alpha\acute{\iota}\upsilon$ противостоят формам $\tau\iota\rho\acute{\eta}$ и т. д. (§ 24). Наконец, $\text{-}\alpha\iota$ именительного падежа множественного числа считается за краткий слог по отношению к ударению: $\tau\rho\acute{\alpha}\tau\epsilon\lambda\alpha\iota$, $\pi\rho\acute{\omega}\tau\alpha\iota$.

§ 39. *Имена женского рода на $\text{-}\acute{\alpha}$.* Наряду с основами на $\text{-}\acute{\alpha}$ греческий язык обладал и другим типом имен женского рода, имеющим суффикс $\text{-}\acute{\iota}\alpha$ / $\text{-}\acute{\iota}\acute{\alpha}$, который представляет индоевропейский суффикс $\text{-}\acute{\iota}\acute{\alpha}$ / $\text{-}\acute{\iota}\acute{\alpha}$ (санскритские имена женского рода на $\text{-}\acute{\iota}$). Этот суффикс в отличие от конечного $\text{-}\acute{\alpha}$ основы в $\acute{\eta}\mu\epsilon\rho\alpha$, $\tau\iota\rho\acute{\eta}$ и т. п. всецело принадлежал женскому роду и служил для образования форм женского рода от атематических основ: $\lambda\acute{\omicron}\upsilon\sigma\alpha$, $\beta\acute{\alpha}\sigma\alpha$, $\lambda\acute{\omicron}\beta\alpha\sigma\alpha$ [Ф. § 43], $\lambda\epsilon\lambda\upsilon\chi\upsilon\acute{\iota}\alpha$, $\mu\acute{\epsilon}\lambda\alpha\iota\upsilon\alpha$ и т. п., или таких существительных женского рода, как $\delta\acute{\omicron}\beta\alpha$, $\sigma\phi\acute{\upsilon}\rho\alpha$ „молот“, $\acute{\epsilon}\sigma\sigma\alpha$ „молва“ (ср. $\acute{\epsilon}\phi$, $\acute{\omicron}\rho\acute{\alpha}\varsigma$) [Ф. § 48]. Краткое α представлено в именительном-звательном и винительном падежах единственного числа. В остальных падежах единственного числа в аттическом диалекте появляется $\text{-}\acute{\alpha}$ или $\text{-}\eta$ в соответствии со свойственными этому диалекту фонетическими законами: отсюда аттическая флексия $\tau\rho\acute{\alpha}\tau\epsilon\lambda\alpha$, $\tau\rho\acute{\alpha}\tau\epsilon\lambda\alpha\upsilon$, $\tau\rho\acute{\alpha}\tau\epsilon\lambda\eta\varsigma$ и т. д.; $\sigma\phi\acute{\upsilon}\rho\alpha$, $\sigma\phi\acute{\upsilon}\rho\alpha\upsilon$, $\sigma\phi\acute{\upsilon}\rho\alpha\varsigma$ и т. д.; $\acute{\alpha}\lambda\acute{\eta}\theta\epsilon\iota\alpha$, $\acute{\alpha}\lambda\acute{\eta}\theta\epsilon\iota\alpha\upsilon$, $\acute{\alpha}\lambda\acute{\eta}\theta\epsilon\iota\alpha\varsigma$ и т. д. Множественное и двойственное числа совпадают с соответствующими формами слов женского рода на $\text{-}\acute{\alpha}$ (ион.-аттич. $\text{-}\eta$).

§ 40. Существует несколько слов, образующих слитные формы. Сюда относятся прилагательные: χρυσή из χρυσέη, ἀργυρά из ἀργυρέα. Часто слитная форма оказывается измененной под воздействием аналогии: ἀπλός (из неслитного ἀπλός) образует форму ж. р. ἀπλή, которая не представляет фонетического слияния из ἀπλόη. Существительное μῦα, повидимому, слилось из *μύα, но Геродот (II, 180) употребляет форму вин. п. мн. ч. μύας.

Основы мужского рода

§ 41. Особого рассмотрения требует только единственное число; множественное и двойственное не отличаются от соответствующих форм женского рода.

Им.	νεανίας	πολίτης
Зват.	νεανία	πολίτα
Вин.	νεανίαν	πολίτην
Род.	νεανίου	πολίτου
Дат.	νεανίαι	πολίτηι

§ 42. *Именительный падеж единственного числа.* Эта форма в аттическом диалекте, как и в большей части других, характеризуется конечным s, заимствованным от склонения слов типа λόχος; такое новообразование, составляющее отличительную черту греческого языка, имело то значение, что более четко характеризовало мужской род данной группы слов. Таким образом, имеем: дор. πολίτας, ион.-атт. πολίτης и т. д.

Беотийский диалект дает примеры именительных падежей на -а: ὀλοπτοῦμα (Коллици-Бехтель 791) и т. п.; такой же пример находим в элейск. τέλεστα (Коллици-Бехтель 1148). Трудно установить, является ли здесь конечное а долгим или кратким. У Гомера встречается много примеров именительного падежа с кратким а: νερέληγέρετα (Λ 511 и др.), κωκυχαίτα (N 563 и др.), ἱππότα (B 336 и др.) и т. п. Эти формы иногда рассматривались как древние асимметрические именительные падежи на краткое -а; однако их можно объяснить также и как формы звательного падежа в функции именительного. Все эти слова у Гомера представляют эпитеты богов или героев.

§ 43. *Звательный падеж единственного числа.* Звательный падеж многих слов имеет в окончании краткое -а, которое продолжает древнее чередование (ср. νόμα, § 29); от имен на -της: σὺβῶτα (§ 55), τοξότα и т. п.; от некоторых сложных слов: παρθενότης (Λ 385), γεωμέтра, μυροπῶλα; от некоторых собственных имен: Σχόδα, Πέρσα.

Другие слова имеют звательный падеж на -η или -ā (в соответствии с фонетическими законами аттического диалекта), где долгота заимствована от именительного падежа: гомер. αἰνάρητι, Ἑρμείᾳ, атт. νεανίᾳ, θουκιδίδῃ и т. п.

§ 44. *Родительный падеж единственного числа.* В родительном падеже диалекты различным образом замещали древнее окончание *-ās, которое, повидимому, все же сохранилось в нескольких изолированных формах фессалийского (ср. Νικίας; Коллици-Бехтель 1329, I а) и мегарского (ср. Αραιας; Коллици-Бехтель 3025, 22) диалектов. Родительный падеж был создан по образцу слов мужского рода типа λόγος — образование, параллельное добавлению сигмы в именительном падеже и выражающее то же стремление отличить данный тип от имен женского рода; при этом сигма, ставшая характерным признаком именительного падежа, естественно должна была отпасть в родительном. Наиболее ясна эолийская форма на -ā, засвидетельствованная в фессалийском, в беотийском и у Гомера перед согласным и в конце слова: ἰχέταο, где конечное о формы λόγιοι или *λόγοο присоединено к конечному ā основы. Окончание получало различную фонетическую трактовку: в аркадском — au (распространившееся по аналогии и на слова женского рода, ζαμαυ), в лесбосском и дорийском — ā. Пиндар пользуется как дорийской формой на -ā, так и гомеровской на -āo. В ионийском диалекте возникло -έω, образованное из -τη (засвидетельствованного для VI в., Δεινότητη, Коллици-Бехтель 5423) в результате так называемой перестановки количества. У Гомера встречается односложное -εω перед согласным или в конце стиха; также находим мы его и перед гласным, причем в этом случае можно предполагать, что -εω вытеснило первоначально стоявшее в тексте āo: Λ 1 Πηληιάδεω Ἀχιλῆος можно читать Πηληιάδα Ἀχιλῆος. В аттическом диалекте окончанием служит -ου: πολίτου. Некоторые сближали это

окончание с новоионийскими формами *Μασαλίτης* (Диттенбергер³ 12) и, со слиянием, *Αρχηγέτης* (Колли-Бехтель 5690 b), в основе которых лежит *-ης*, где *η* сократилось без перестановки количества. Но выводить аттич. *-ου* из слияния *-εο* затруднительно по той причине, что в аттическом диалекте никаких следов родительного падежа на *-εο* не сохранилось. Поэтому вероятнее всего, что окончание тематического склонения *-ου* было просто перенесено в готовом виде в склонение основ на *ᾱ* (*-η*).

Примечание. Формы *Τλασίφο* (Коркира; Колли-Бехтель 3188) и *Πασιδαφο* (Родос; Колли-Бехтель 4247), по всей вероятности, представляют собой искусственные псевдоархаизмы.

§ 45. *Двойственное число.* Двойственное число, в котором окончанием именительного-винительного падежа служит *-ᾱ*, родительного-дательного *-αιυ*, было образовано по аналогии с тематическим склонением: *ἵπκω*, *ἵπκαιυ*. Первоначально эта форма двойственного числа появляется для слов мужского рода, и у Гомера единственными примерами двойственного числа от основ на *-ᾱ* (*-η*) являются формы именительного-винительного падежа слов мужского рода, например *Ἄτρεϊδᾱ*, и т. п.

§ 46. *Замечания о склонении слов мужского рода на -ᾱ (-η).*

1. Склонение *Ἐρις*, *Ἐριῶν*, *Ἐριῶν* и т. д. и *Βορρῆς*, *Βορρῶν*, *Βορρῶν* и т. д. обнаруживают слияние, соответствующее аттической фонетике.

2. В ионийском диалекте собственные имена типа *Ἀισχύλης*, *-ου* в именительном падеже не отличались от основ на *s* типа *Σωκράτης*, *-ου*. Эта близость повлекла за собой создание аналогических форм типа вин. п. *Ἀισχύλεια* (Геродот VI, 85), *δεσπόμενα* (Геродот I, 91). В родительном падеже известны эпиграфические примеры на *-εος*: *Ζεφύριδος* (Фасос, I. G. XII, 8, 376), со слиянием *Ἀπείλλεος* (Хиос; В. С. Н. XXXVIII, 233); в аттическом форму того же типа представляет *Καλλιάδου* (Мейстерганс-Швицер, стр. 119).

3. Не следует смешивать с типом *νεανίας* такие периспоменированные уменьшительные имена, как *Ἀντιπῆς* (Колли-Бехтель 5727a, 51), преимущественно ионийские, а также названия животных, например *ἄτακτος* „рыбчик“ (Аристофан, *Vespa* 257), и распространенные в языке эллинистической и римской эпох обозначения профессии: *κλειδῆς* „слесарь“, *μαχαίρης* „ножовщик“ и др. Античные грамматики говорят, что эти слова в аттическом диалекте имели следующее склонение: им. п. *-ᾱς*, зват. п. *-ᾱ*, вин. п. *-ᾱν*, род. п. *-ᾱ*, дат. п. *-ᾱι*. Но в ионийском диалекте и в койнэ наблюдается род. п. *-ᾱδος*, дат. п. *-ᾱδι* и т. д. Это склонение неясного происхождения получило широкое развитие в греческом разговорном языке и частично сохранилось в новогреческом.

§ 47. В новогреческом языке склонение основ на *-α* и на *-η* сильно изменилось. Так, мы находим здесь тип женского рода на *-α*, куда вошли древние атематические, например *γυναῖκα*, род. п. *γυναῖκας*, вин. п. *γυναῖκα* (с окончанием атематических основ в им. п. мн. ч. *-ες*, распространившимся и на винительный). Сходное склонение имеют и слова женского рода на *-η*, например *ἀδερφή* „сестра“, *πόλη* (древнее *πόλις*). Тот же процесс охватил и слова мужского рода типа *πατέρας* и *κλέρτης*, но родительный падеж единственного числа совпал с винительным, где *υ* перестало произноситься; в результате этого получилось противопоставление единого косвенного падежа без сигмы сигматическому именительному падежу.

АТЕМАТИЧЕСКОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 48. Атематическое склонение противостоит типу на **-ε/-ο-* и имеет по преимуществу архаический характер. Флексия была осложнена тем, что известную роль в ней играли изменения огласовки предшествующего окончанию элемента и изменялось место ударения. Однако в ходе развития языка произошли упрощения, а в позднем языке возникла даже тенденция вообще устранить этот тип.

§ 49. Именительный падеж мужского и женского рода характеризуется либо нулевым окончанием (отсутствием окончания) с долготой в огласовке предшествующего окончанию элемента, как в формах *πατήρ*, *ἄκμων* (ср. лат. *pater*, *homō*), либо окончанием *s*, например в формах *εἷς* (род. п. *ἑὺς*) [Ф. § 78], *ἄλς*, *πόλις*, *πῆχος* (ср. лат. *urbs*, *hiems*, *civis*). Именительный-винительный падеж слов среднего рода всегда имеет нулевое окончание и обычно нулевую ступень суффикса: *ἵπταρ* (ср. лат. *iesur*), *δύομα* (ср. лат. *pōmen*), *ἄστω* (ср. лат. *cornū*).

§ 50. Древний звательный падеж имел нулевое окончание: от *ἄνας* — *ἄνα*¹ (Г 351). Однако в некоторых типах преобладание получила уже отмеченная выше (§ 13, 29) тенденция употреблять форму именительного падежа в функции звательного (ср. лат. *civis*, *homō*).

§ 51. Винительный падеж мужского и женского рода характеризовался, как и для тематических имен и для основ на **-ᾱ*, окончанием *υ* (получающим форму краткого *α* в положении после согласного), которое соответствует лат. *m* в формах *ovem*, *pedem* и т. п.

¹ *ἄνα* из **ἄνακ* (τ); см. ниже § 62 и Ф. § 24. — Прим. перев.

В различных диалектах под влиянием гласных основ, например *πόλις*, и типов *ἡμέραν*, *λόγος* был создан винительный падеж на *-αυ*; эта форма постоянно употребляется в кипрском диалекте: *ἡμέραν* (Эдалийские таблицы) и др., и sporadически в других диалектах: фессал. *ἡμέραν* (Швицер 614) и др. В койнэ это окончание получило широкое распространение. Однако до новой эры эта форма все же встречалась сравнительно редко: в папирусах птолемеевской эпохи примеры ее весьма редки, и даже в Новом завете она засвидетельствована слабо. В дальнейшем, однако, эта форма стала уже распространенной, и ее развитие в среднегреческом языке имело важные последствия: формы *ἡμέραν* и *πατέραυ* явились той основой, на которой возникли им. п. *ἡμεῖς* и *πατέρας*.

§ 52. В родительном-отделительном падеже индоевропейский язык располагал окончанием с чередованием в огласовке **-es*, **-os*, **-s*. В то время как окончание латинского родительного падежа восходит к древнему **-es* (*salutes* в архаическом латинском языке), греч. род. п. *πόδες* имеет в окончании огласовку *ο* (ср. арх. лат. *pōminus*).

§ 53. Дательный падеж, имеющий в других индоевропейских языках окончание **-ei*, представленное санскр. *-e*, лат. *-ī*, восходящим к более древнему *-ei* (арх. лат. *virtutei*), оск. *-ei* и т. д., в греческом языке имеет окончание **-i* краткое: *ποδί*. Это краткое **-i*, которое мы встречаем и в германском языке, продолжает, вероятно, окончание дательного падежа с нулевой ступенью огласовки, а с другой стороны — окончание древнего местного падежа. Таким образом, смешение дательного и местного падежей в греческом языке объясняется, по крайней мере частично, этим морфологическим смешением. Возможно, что след греческого дательного падежа на **-ei* сохранился в кипр. *Διφιφίλος* (Эдалийские таблицы) и аттич. *Διφιφίλης* (I. G. I, 402), но сомнительно, чтобы он проявлялся в гомер. *Διφίλος*, где долгое *i* может быть обусловлено метрическим удлинением. Пытались, наконец, усматривать дательный падеж на *-ei* в аттич. *δόρει* от *δору* (Софокл, Oed. Col. 620 и др.)¹.

¹ Проще и правдоподобнее объясняется форма *δόρει* как метаплатическая, т. е. образованная по другому морфологическому типу, а именно, по типу *ἔννεϊ: δόρει < *dōrfēi* [см. Ф. § 61, 53 и сл., 16; ср. ст.-слав. *дръво* от основы **dervos/*derves-*]. — Прим. перев.

§ 54. Именительный-звательный падеж множественного числа мужского-женского рода имеет в индоевропейском окончании **-es*, отличающееся от окончания родительного падежа полным отсутствием следов чередования огласовки. В греческом языке это окончание отчетливо видно в *πόδες*, ион. *πόεις* от *πόλις* и т. д. Долгое *e* в латинском языке объясняется собственной историей этого языка [Э. § 41, 42].

Именительный-винительный падеж множественного числа среднего рода характеризуется кратким *-α*, древним окончанием собирательных имен: *ὄμβρατα*, *ὑέφη* (слитная форма из *ὑέφεα*), *ἄσθη* (слитная форма из *ἄσθεα*); ср. лат. *pōmina*.

§ 55. Винительный падеж множественного числа мужского-женского рода унаследовал от индоевропейского **-ns*, где *n* сохранилось в качестве согласного в положении после гласного в некоторых диалектах: критские формы *τρίνς*, *οὐνς* (в аттическом диалекте эти формы заменены новыми), *λόγνς*; после согласного *n* вокализовалось и затем перешло в *α* [Ф. § 3]: *πόδας*, *πατέρας*, гомер. *βασιλῆ(φ)ας*. В ходе исторического развития греческого языка возникли значительные изменения, которые здесь уместно отметить. В критском диалекте под влиянием гласных основ, где винительный падеж мог иметь как форму *λόγνς*, так и форму *λόγος*, *οκίανς* и *οκίας*, *πολίньς* и *πολίας*, окончание *-ανς* распространилось и на согласные основы: *στатήραньς*, *θυγατέραньς* (Гортинское законодательство) и на такие формы, как *πατρώαньς*, *ματρώαньς* и т. д.

Другим новшеством, имевшим более глубокие последствия, явилось широко распространившееся употребление именительного падежа множественного числа в функций винительного; ср. *ἀλλήεις* (§ 67).

По поводу форм типа *πόλεις* и *πῆχεις*, засвидетельствованных начиная с наиболее древних аттических текстов, см. § 86 и 91; по поводу *βασιλεις* см. § 102; по поводу *κρείττους* см. § 112. Что касается согласных основ, то винительный падеж на *-ες* появляется в различных диалектах уже довольно рано, сначала для слов, означающих числа, меру и т. п.: в Дельфах, V в., *μυας δεκατөтөρες* (Коллици 1683), во Фтиотиде *τους статήρες* (Коллици 1448 а), в Мессении *παντες τους ιερους* (Анданийская надпись, I. G. V, 1, 1390), элейск. *χαριτες* и *πλειους* (Коллици 1172), позд-

нее лесб. *γυναικας* (Швицер 633). Винительный падеж на -ες распространился в койнэ, где можно указать такие примеры, как *τέσσαρες* (Тebtунские папирусы I, 110), *γυναικας καθήμενας* (P. Pap. 50, 21), *τοὺς λέγοντες* (P. Pap. 47). В рукописях Нового завета вин. п. *τέσσαρες* многократно засвидетельствован, но только как вариант. Все это развитие, повидимому, имело исходным пунктом числительное *τέσσαρες*, подвергшееся влиянию со стороны *τρεῖς*, винительный падеж которого в ряде диалектов был сходен с именительным (ср. также аттич. *πόλεις*, *κρείττους*). Новогреческий язык употребляет для винительного падежа согласных основ только окончание -ες, которое служит и для основ на -α и -η, именительный падеж которых также получил окончание -ες (§ 47); формы типа *ἡμέρες* встречаются начиная с эпохи римской империи, а в нынешнем новогреческом языке нормой являются *τοὺς πατέρες* и *τοὺς κλέφτες*.

§ 56. В родительном падеже множественного числа окончанием служит -ων, а при наличии на нем ударения — -ῶν: *χοράκων*, *ποδῶν*; в индоиранском этому окончанию соответствует -ām (латинское окончание -um может восходить к долготому или краткому гласному; оскско-умбрский, ирландский и славянский языки имеют форму с кратким o).

§ 57. В дательном падеже множественного числа греческий язык использовал окончание местн. п. -σι, соответствующее окончаниям -āsi и -ōsi основ на *-ā и на *-e/o и также содержащее i, которому соответствует u санскритского окончания -su и т. д. (вариант, восходящий к индоевропейскому? или влияние ед. ч. *ποδῖ*?). Окончание -σι представляло то неудобство, что часто вело к затемнению звукового состава основы в силу фонетических случайностей: в таких дательных падежах, как *ὀδοσί*, *σώμασι*, *ποσί*, основы *ὀδο-*, *σώμα-*, *ποδ-* различимы недостаточно ясно. Чтобы получить окончание, начинающееся с гласного звука, некоторые диалекты использовали дательный падеж множественного числа от основ на -ες с формой на -εσσι, *νέφεσσι*, допускавшую разложение *νέφ-εσσι*. При этом наличие соответствия *θεοί*, *θεοῖσι* благоприятствовало установлению соответствия *ἄνδρες*, *ἄνδρεσσι*. Это развитие получило начало в эолийском диалекте; таковы встречающиеся

в лесбосских надписях формы *Μακεδόνεσσι*, *χρημάτεσσι*, *πάντεσσι* и даже *βασιλήεσσι* или от основы на -ι — *πολίεσσι*; наконец, *ἐτέεσσι*, где -εσσι было присоединено к основе на -εσ-; у Сапфо встречается *πόδεσσι*, *ὀππάτεσσι* и т. п.¹; у Алкея *γάεσσι*; беот. *χαρίτεσσι*, фессал. *κατοικέντεσσι* (соответствует аттич. *κατοικοῖσι*). Позднее это окончание распространилось и в северо-западных диалектах: элейск. *φυγάδεσσι*; локрийск. *Κεφαλλάνεσσι*, *χρημάτεσσι*; дельф. *σάματεσσι*, *τετορεσσι*, *ἱερωνάμονεσσι*. Наконец, в коринфских колониях: сиракуз. *παῖδεσσι*, *δέεσσι*. Окончание -εσσι составляет один из эолизмов гомеровского языка и чаще всего встречается в определенных словах, которым оно сообщало удобную для гексаметра ритмическую форму: *Μυρμιδόνεσσι*, *κῆρύχεσσι*, *φυλάξεσσι*, *ἄνδρεσσι*, *χείρεσσι*; после гласного: *ὄβεσσι*, *ὀβεσσι*, *πολίεσσι*, *πολέεσσι* от *πολύς*, *βόεσσι*, *νῆεσσι*; у основ на -εσ-: *ἐπέεσσι*, *νέφεεσσι*, *τεκέεσσι*. Помимо этого, дательные падежи на -εσσι встречаются почти исключительно у тех поэтов, языку которых вообще была свойственна эта форма, например у Эолийцев и у Эпихарма. Несколько примеров этого мы находим у Пиндара: *πόδεσσι* (Nem. X, 63). Наряду с -εσσι, но гораздо реже, встречается окончание -εσι: беот. *παρεμεινάντεσι*, дельф. *παντεσι* наряду с *πάντεσσι*, локрийск. *παντεσι*. Формы на -εσι засвидетельствованы даже у Гомера: *αἰνεσιν* (K 486), *ἀνάκτεσιν* (o 557), *ἱνεσιν*, (Ψ 191), *χείρεσιν* (Γ 468). У Пиндара один раз *πολίεσι* (Pyth. VII, 9).

Окончание -εσσι представляло следующее неудобство: оно удлиняло форму дательного падежа множественного числа на один слог по сравнению с другими падежами. В северо-западных диалектах его заменили окончанием -οις, заимствованным от тематической флексии. В локрийском диалекте уже эантская бронзовая надпись V в. содержит форму *μεϊονοις* (Коллиц-Бехтель 1479); в элейском архаические надписи дают *χρηματοις* (Коллиц-Бехтель 1154) и т. д.: кроме одного изолированного примера *φυγάδεσσι*, только этот тип и употребителен в элейском диалекте. Большую роль играло это окончание также в Этолии, где оно и утвердилось после возникновения этолийской койнэ; первый пример *ἄγωνοις* относится к 359 г. (Дельфы), но общепотребительным это окончание становится только в III веке. Другие примеры мы находим в северной Греции,

¹ Однако у Сапфо встречаются также и формы *πόεσι*, *χείρεσι*.

в Пелопоннесе и даже на периферии — на Крите и в Сицилии.

§ 58. В двойственном числе греческое окончание им. вин. п. -ε (πῶδε) оказывается в чередовании с индоиранск. -ā (индосвр. *-ē). Род.-дат. п. ποδοῖν (если окончание несет на себе ударение, то обличенное), гомер. ποδοῖν, имеет то же отличительное для греческого языка окончание, что и в тематической флексии.

§ 59. Флексия характеризовалась не только окончаниями, но также чередованием гласных и местом ударения. Чередование тембра е/ο сохранилось почти исключительно у имен среднего рода типа νέφος, род. п. νέφεος. В других случаях встречаются только изолированные остатки: так, именительному падежу αἰών „век“ соответствует местн. п. αἰέω „вечно, всегда“, изолированный в качестве наречия. В противоположность этому, количественное чередование ē/ε и ō/ο играет собственно грамматическую роль: μήν, -ένος, δῶτωρ, -ορος. Долгота гласного противопоставляла асигматический именительный падеж мужского и женского рода остальным формам. Однако в некоторых типах долгий гласный именительного падежа был обобщен: δατήρ, -ήρος; λεῖμῶν, -ῶνος; αἰθών, -ωνος; θήρ, θηρός. Иногда обобщенным оказывался краткий гласный. Греческий язык унаследовал две основы * dok^n — „голос“ и * ok^n — „зрак“ — обе с чередованием гласного ē/ο. Но после исчезновения начального f , которое в положении перед o перестало звучать очень рано [Ф. § 55], оба слова оказались омонимичными; чтобы различить их, язык обобщил краткий гласный в слове ὄψ, ὅπως „голос“ и долгий в слове ὤψ, ὥπως „зрак“.

§ 60. Что касается изменения места ударения, то от него сохранились только следы. Односложные основы имеют ударение на коренном гласном в именительном и винительном падежах и на окончании в косвенных падежах (родительном и дательном): формы πῶδα, πῶδες, πῶδας, πῶδε противостоят формам ποδός, ποδί, ποδῶν, ποσί, ποδοῖν. Это явление наблюдается также в санскрите. Другие примеры: θήρ, θήρα, θηρός, θηρί, θήρες, θήρας, θηρῶν, θηρσί,

θήρε, θηροῖν; μήν, μηνός и т. д.; ὁ φῶς, φωτός и т. д.; μῦς, μυός и т. д.; οἷς, οἶός и т. д. То же касается и κύων, κύας, κυός, κυνί, κύνας, κύνας, κυνῶν, κυσί, κύος, κυνοῖν.

Примечания: 1. Это правило не относится к односложным причастиям, например к ὢν, ὄντος, и к вопросительному местоимению τίς.

2. Не относится оно также (что вполне понятно) и к словам, именительный падеж которых стал односложным только в результате слияния: ἦρς, ἦρι из ἑαρς, ἑαρι (от ἦρ из ἑαρ) и даже κῆρς, κῆρι от κῆρ „сердце“, которое в аттическом диалекте рассматривалось как слияние из κῆαρ (Эсхил, Prom. 185); но ср. § 64. С другой стороны, имеем φρητός, φρητί, φρητῶν, хотя эти формы основаны на слиянии, ср. им. п. φρέαρ „колодец“.

Некоторые слова обнаруживают изменение места ударения только в единственном числе и в дательном падеже множественного; таковы: οἷς, ὠτός, ὠτί, ὠσί, но ὠτων (§ 81); κρατός „головы“, но κρατῶν (§ 80); παῖς, παιδός, παισί, но παῖδων. Это относится и к словам ἡ δαῖς „факел“, ὁ δριῶς „раб“, ὁ θῶς „шакал“, ὁ σῆς (род. п. σείς) „моль“, ὁ Τρῶς „троянец“, τὸ φῶς „свет“. Особенность представляет прилагательное πᾶς, παντός, παντί, но πάντων, πᾶσι. Те же явления обнаруживаются и в гомеровских формах от γόνυ „колено“ и δένδρ „дерево, копьё“: γούνης и δουρός, но мн. ч. γούων и δουρών. Εἷς, ἐνός не имеет множественного числа; поэтому производные слова οὐδείς и μηδείς образуют ед. ч. οὐδένος, οὐδενί и т. д., но мн. ч. οὐδέων, οὐδέσι.

Слова, обозначающие родство: ἀνήρ, θυγάτηρ, μήτηρ, πατήρ и γυνή, также обнаруживают в ударении отступление от нормы. Они имеют ударение на окончании в родительном и дательном падежах всех трех чисел, за исключением форм с огласовкой ϵ перед окончанием и форм дательного падежа множественного числа на -άσι, и на предпоследнем слоге в остальной флексии (особо отметим формы им. п. ἀνήρ, πατήρ, γυνή).

В звательном падеже единственного числа отступление ударения к началу слова, которое мы наблюдали в слове ἀδελφε (§ 24), встречается и в атематическом склонении: πάτερ, σῶτερ, Ἀπόλλων и др.

§ 61. Основы атематического склонения естественным образом распадаются на две группы — основы согласных и основы гласных. Эти два типа не подверглись взаимному воздействию, как в латинском языке, и дают в общем вполне отчетливую классификацию.

Согласные основы Основы на смычный

§ 62. Основы, оканчивающиеся на смычный и имеющие в именительном падеже одушевленного рода сигматическую характеристику. Образец флексии этого типа дает слово $\varphi\acute{o}\lambda\alpha\varsigma$ „страж“.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им., зват.	$\varphi\acute{o}\lambda\alpha\varsigma$	$\varphi\acute{o}\lambda\alpha\kappa\epsilon\varsigma$	$\varphi\acute{o}\lambda\alpha\kappa\epsilon$
Вин.	$\varphi\acute{o}\lambda\alpha\chi\alpha$	$\varphi\acute{o}\lambda\alpha\kappa\alpha\varsigma$	
Род.	$\varphi\acute{o}\lambda\alpha\kappa\omicron\varsigma$	$\varphi\acute{o}\lambda\alpha\kappa\omega\nu$	
Дат.	$\varphi\acute{o}\lambda\alpha\chi\iota$	$\varphi\acute{o}\lambda\alpha\kappa\epsilon\iota$	

Замечания к флексии. Звательный падеж совпадает с именительным, или, точнее, именительный падеж слов этого типа стал функционировать и в качестве звательного. Исключение — гомер. $\acute{\alpha}\nu\alpha$, звательный падеж от $\acute{\alpha}\nu\alpha\varsigma$, $\acute{\alpha}\nu\alpha\kappa\tau\omicron\varsigma$ ¹ „царь“.

Форма эта объясняется отпадением смычных в конце слова [Ф. § 24]; возможно, именно эта фонетическая трактовка, изолируя звательный падеж от остальной флексии, и привела к его замене именительным.

Слова этого типа, как правило, не имеют чередования гласных; исключение, которое можно считать единственным, составляет слово $\acute{\alpha}\lambda\omicron\tau\tau\eta\varsigma$, $-\epsilon\kappa\omicron\varsigma$ „лиса“.

К основам на смычный должно быть отнесено и слово $\gamma\upsilon\nu\acute{\eta}$ „женщина“: зват. п. $\gamma\upsilon\nu\alpha\iota$, вин. п. $\gamma\upsilon\nu\alpha\iota\chi\alpha$, род. п. $\gamma\upsilon\nu\alpha\iota\kappa\omicron\varsigma$, дат. п. $\gamma\upsilon\nu\alpha\iota\chi\iota$. Возможно, что $\gamma\upsilon\nu\alpha\iota$ представляет собой древний аномальный звательный падеж от $\gamma\upsilon\nu\acute{\eta}$, а остальная флексия возникла на основе $\gamma\upsilon\nu\alpha\iota$ с расширением $-\chi-$. Комические поэты образуют от $\gamma\upsilon\nu\acute{\eta}$ вин. п. ед. ч. $\gamma\upsilon\nu\acute{\eta}\nu$, им. п. и вин. п. мн. ч. $\gamma\upsilon\nu\alpha\iota$ и $\gamma\upsilon\nu\alpha\varsigma$ — формы, явно восстановленные. Новогреческий язык создал им. п. η $\gamma\upsilon\nu\alpha\iota\chi\alpha$.

§ 63. Корневое слово $\pi\acute{o}\delta\omicron\varsigma$, $\pi\acute{o}\delta\acute{\omicron}\varsigma$ „нога“ дает повод к некоторым замечаниям. Это слово в индоевропейском языке имело одновременно и чередование тембра е/о и

количественное чередование. В то время как латинский язык обобщил тембр е, греческий язык обобщил тембр о (тембр е сохранился в некоторых производных словах, например в эолийском предлоге $\pi\acute{\epsilon}\delta\acute{\alpha}$ [= $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}$], $\pi\acute{\epsilon}\delta\eta$ „путь“, $\pi\acute{\epsilon}\delta\omega\nu$ „почва“, $\pi\acute{\epsilon}\zeta\omicron\varsigma$ „пеший“ и т. д.). В падежных формах греческого языка огласовка о краткое обобщена, за исключением именительного падежа единственного числа: $\pi\acute{o}\delta\alpha$, $\pi\acute{o}\delta\acute{\omicron}\varsigma$, $\pi\acute{o}\delta\iota$, $\pi\acute{o}\delta\epsilon\varsigma$, $\pi\acute{o}\delta\alpha\varsigma$, $\pi\acute{o}\delta\omega\nu$, $\pi\acute{o}\delta\iota$ (фонетический дериват * $\pi\acute{o}\delta\text{-}\acute{\alpha}$ [Ф. § 28 и 64]). Именительный падеж характеризуется долгим гласным, ω в дорийском диалекте ($\pi\acute{o}\omega\varsigma$, Гесихий) и ω в ионийском и аттическом. Последняя огласовка не является древней, поскольку долгим гласным в именительном падеже при чередовании всегда служит ω (ср. $\delta\alpha\acute{\iota}\omega\nu$ и т. п.)¹. С другой стороны, греческий язык создал именительный падеж с краткой огласовкой $\pi\acute{o}\varsigma$, засвидетельствованной в дор. (Lug. adesp. 72 B), лаконск. $\pi\acute{o}\rho$ (Гесихий), гомер. $\tau\acute{\rho}\iota\pi\omicron\varsigma$, $\acute{\alpha}\rho\tau\acute{\iota}\pi\omicron\varsigma$ и т. д.

В склонении сложных слов был создан по образцу именительного падежа единственного числа вин. п. $-\pi\omicron\upsilon\nu$: $\pi\omicron\upsilon\lambda\acute{o}\pi\omicron\upsilon\nu$ (Аристофан), $\tau\acute{\rho}\iota\pi\omicron\upsilon\nu$ (Эсхил), $\acute{\alpha}\pi\omicron\upsilon\nu$ (Эсхил); в среднем роде — им.-вин. п. $\tau\acute{\rho}\iota\pi\omicron\upsilon\nu$ от $\tau\acute{\rho}\iota\pi\omicron\varsigma$ „трехногий“. Собственное имя $\Theta\iota\delta\acute{\iota}\pi\omicron\upsilon\varsigma$, кроме флексии на $-\pi\acute{o}\delta\alpha$, $-\pi\acute{o}\delta\omicron\varsigma$ и т. д., имеет вин. п. $\Theta\iota\delta\acute{\iota}\pi\omicron\upsilon\nu$ и даже род. п. $\Theta\iota\delta\acute{\iota}\pi\omicron\upsilon$ (единственная форма, засвидетельствованная у трагиков), зват. п. $\Theta\iota\delta\acute{\iota}\pi\omicron\upsilon$ (Софокл, Oed. R. 405).

§ 64. У основ, оканчивающихся на зубной $-\delta-$, $-\theta-$, $-\tau-$, последний часто представляет собой их вторичное расширение — обстоятельство, обнаруживающееся, например, в слове $\theta\acute{\rho}\iota\kappa\iota\varsigma$, $-\tau\acute{\iota}\theta\omicron\varsigma$, имеющем некоторые формы от основы на $-i-$: вин. п. ед. ч. $\theta\acute{\rho}\iota\kappa\iota\nu$ наряду с $\theta\acute{\rho}\iota\kappa\iota\delta\alpha$, вин. п. мн. ч. $\theta\acute{\rho}\iota\kappa\iota\varsigma$ или $\theta\acute{\rho}\iota\kappa\iota\varsigma$ (Аристофан, Av. 717 и др.) наряду с $\theta\acute{\rho}\iota\kappa\iota\delta\alpha\varsigma$. Дорийские диалекты указывают на расширение χ : $\theta\acute{\rho}\iota\kappa\iota\chi\alpha$ (Пиндар, Ol. II, 97 и др.). $\kappa\lambda\eta\acute{\iota}\varsigma$, $-\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma$, этимологически соответствующее лат. $clāvis$, аттич. $\kappa\lambda\epsilon\acute{\iota}\varsigma$, вин. п. $\kappa\lambda\epsilon\acute{\iota}\nu$ (Демосфен XVIII, 67) и $\kappa\lambda\epsilon\acute{\iota}\delta\alpha$ (койнэ). В дорийском встречается форма на заднеязычный $\kappa\lambda\alpha\acute{\iota}\varsigma$ — в Андании (Швицер 74, 92), в Эпидавре. $\theta\acute{\epsilon}\mu\iota\varsigma$, этимоло-

¹ В дорийском диалекте это слово имеет основу $\varphi\alpha\nu\alpha\chi$; ср. $\varphi\alpha\nu\alpha\kappa\epsilon\varsigma$ (Швицер 79).

¹ Объясняют это возможностью различных аналогических влияний, например типа $\delta\omicron\upsilon\varsigma$, $\delta\omicron\nu\omicron\varsigma$.

гия которого неясна, имеет вин. п. $\theta\acute{\epsilon}\mu\iota\nu$ (Гесиод, Theog. 16; Эсхил, Ag. 1431 и др.). Но эта основа подвергалась различным расширениям: вин. п. ед. ч. $\theta\acute{\epsilon}\mu\iota\tau\alpha$ (E 761), им. п. мн. ч. $\theta\acute{\epsilon}\mu\iota\sigma\tau\epsilon\varsigma$ (A 238) и как собственное имя род. п. $\theta\acute{\epsilon}\mu\iota\tau\omicron\varsigma$ (Пиндар, Ol. XIII, 6 и др.), чаще $\theta\acute{\epsilon}\mu\iota\delta\omicron\varsigma$ (Эсхил, Prom. 18 и др.), что является обычной формой в аттическом диалекте. Рядом с обычным "Артемид" мы встречаем "Артемиду" (H. in Ven. 16), род. п. "Артемидос" и т. д. У некоторых собственных имен отсутствие переднеязычного наблюдается не только в винительном падеже. $\theta\acute{\epsilon}\tau\iota\varsigma$ образует род. п. $\theta\acute{\epsilon}\tau\iota\delta\omicron\varsigma$ и $\theta\acute{\epsilon}\tau\iota\omicron\varsigma$ (Пиндар, Isthm. VIII, 27), дат. п. $\theta\acute{\epsilon}\tau\iota\delta\iota$ и $\theta\acute{\epsilon}\tau\iota$ (Σ 407); $\Pi\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma$ имеет $\Pi\acute{\alpha}\rho\iota\delta\omicron\varsigma$ и $\Pi\acute{\alpha}\rho\iota\omicron\varsigma$ (Г 325).

Все эти обстоятельства привели к широкому смешению различных форм: $\epsilon\acute{\rho}\iota\varsigma$ образует вин. п. $\epsilon\acute{\rho}\iota\nu$, но эпическому языку наряду с $\epsilon\acute{\rho}\iota\nu$ свойственна и форма $\epsilon\acute{\rho}\iota\delta\alpha$; другие дублеты: $\omicron\pi\iota\nu$ и $\omicron\pi\iota\delta\alpha$, $\chi\acute{\alpha}\rho\iota\nu$ и $\chi\acute{\alpha}\rho\iota\tau\alpha$. Как общее правило, винительный падеж имеет форму на $-\nu$, когда не несет ударения ($\chi\acute{\alpha}\rho\iota\nu$ является нормальной формой), но, с другой стороны, мы встречаем только форму $\pi\alpha\tau\acute{\rho}\iota\delta\alpha$.

Некоторые основы на υ также имеют две формы винительного падежа: $\chi\acute{\epsilon}\rho\upsilon\delta\alpha$ (N 188) и $\chi\acute{\epsilon}\rho\upsilon\nu$ (N 131).

Некоторые основы с трудной флексией получили расширение τ и перешли к согласному типу. О $\chi\rho\acute{o}\varsigma$, $\gamma\acute{\epsilon}\lambda\omega\varsigma$, $\varphi\acute{o}\varsigma$ и $\varphi\acute{o}\varsigma$ см. § 68; о $\eta\pi\alpha\rho$, $\eta\pi\alpha\tau\omicron\varsigma$ см. § 76; о $\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma$, $-\alpha\tau\omicron\varsigma$ см. § 71; о $\delta\nu\omicron\mu\alpha$, $-\alpha\tau\omicron\varsigma$ см. § 79.

У имен среднего рода онемение конечного смычного в именительном-винительном падеже единственного числа стирало характеристику основы: $\mu\acute{\epsilon}\lambda\iota$, род. п. $\mu\acute{\epsilon}\lambda\iota\tau\omicron\varsigma$; $\gamma\acute{\alpha}\lambda\alpha$, род. п. $\gamma\acute{\alpha}\lambda\alpha\tau\omicron\varsigma$ (ср. лат. *lac*, *lactis*). Отсюда возникла флексия $\gamma\acute{\alpha}\lambda\alpha\tau\omicron\varsigma$ или $\gamma\acute{\alpha}\lambda\alpha\chi\omicron\varsigma$ (Ферекрат 108 K; Каллимах, Гекала I, 4, 4); это слово стало даже употребляться как несклоняемое, $\tau\omicron\upsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\alpha$ (Платон комик 238 K). Уже в общегреческую эпоху $\kappa\eta\rho$ „сердце“ (из $*\kappa\eta\rho\delta$; ср. *cardia*) перешло в флексию основ на $-г-$, род. п. $\kappa\eta\rho\omicron\varsigma$, дат. п. $\kappa\eta\rho\iota$. Но трагики употребляют в именительном падеже форму $\kappa\acute{\epsilon}\alpha\rho$, извлеченную из род. п. $\kappa\eta\rho\omicron\varsigma$ по аналогии с $\epsilon\acute{\alpha}\rho$ при $\eta\rho$ и $\eta\rho\omicron\varsigma$.

§ 65. Основы на $-nt$. Греческий язык унаследовал от индоевропейского основы на $-nt$, которые служили для

образования причастий настоящего времени и аориста типа (винительный падеж) $\lambda\epsilon\acute{\iota}\rho\omicron\nu\tau\alpha$, $\lambda\iota\pi\acute{o}\nu\tau\alpha$, $\delta\epsilon\acute{\iota}\xi\alpha\nu\tau\alpha$. Часть этих форм характеризуется в именительном падеже мужского рода окончанием этого падежа $-s$. Таковы причастие сигматического аориста $\delta\epsilon\acute{\iota}\xi\alpha\varsigma$, тематические причастия $\tau\iota\theta\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ и $\theta\epsilon\acute{\iota}\varsigma$, $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\upsilon\varsigma$ и $\delta\omicron\upsilon\varsigma$, прилагательные типа $\chi\alpha\rho\acute{\iota}\epsilon\iota\varsigma$ и некоторые существительные, например $\iota\mu\acute{\alpha}\varsigma$, $\iota\mu\acute{\alpha}\nu\tau\omicron\varsigma$ и др. Трагиков $*-\nu\tau\varsigma > -\kappa\varsigma$ следовала правилам, свойственным каждому из диалектов: критским формам $\kappa\alpha\tau\alpha\theta\epsilon\upsilon\varsigma$, $\nu\iota\kappa\alpha\sigma\alpha\nu\sigma\iota$ соответствовали ион.-аттич. $\kappa\alpha\tau\alpha\theta\epsilon\acute{\iota}\varsigma$, $\nu\iota\kappa\eta\rho\acute{\alpha}\sigma\iota$. Перед согласным общегреческая трактовка соответствовала критскому типу $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma$ с кратким α . Эта форма иногда получала распространение и в положении перед гласным: Гесиод, Theog. 521: $\delta\eta\sigma\alpha\varsigma$ $\acute{\alpha}\lambda\upsilon\kappa\tau\omicron\pi\acute{\epsilon}\delta\eta\iota\sigma\iota$ (вариант).

В дательном падеже множественного числа древней ступенью огласовки перед окончанием $-\sigma\iota$ была нулевая ступень (ср. $\varphi\rho\alpha\sigma\iota$ и $\tau\omicron\iota\mu\acute{\epsilon}\sigma\iota$; § 78). В гераклеиских надписях встречаются формы $\epsilon\nu\tau\alpha\sigma\iota\nu$ (Швицер 62, 104) вместо аттич. $\omicron\upsilon\sigma\iota$; $\pi\rho\alpha\sigma\sigma\omicron\nu\tau\alpha\sigma\iota$ (62, 158) вместо $\pi\rho\acute{\alpha}\tau\tau\omicron\upsilon\sigma\iota$. Здесь окончание $-\alpha\sigma\iota$ восходит к древним формам с нулевой ступенью $*\alpha\sigma\iota$, $*\pi\rho\alpha\sigma\sigma\alpha\sigma\iota$ (из $*-\eta\tau\varsigma\iota$). В склонении прилагательных типа $\chi\alpha\rho\acute{\iota}\epsilon\iota\varsigma$ форма дат. п. мн. ч. $\chi\alpha\rho\acute{\iota}\epsilon\sigma\iota$ с кратким ϵ возникла под влиянием аналогии других падежных форм взамен фонетически закономерной формы $*\chi\alpha\rho\acute{\iota}\alpha\sigma\iota$ (из $*-\eta\tau\varsigma\iota$) [Ф. § 3, 28, 64].

§ 66. В типе флексии на $*-nt$ греческий язык отступил от других индоевропейских языков, создав именительный падеж на $-\omega\nu$, характеризуемый не окончанием $-s$, а долготой огласовки: $\lambda\epsilon\acute{\iota}\rho\omega\nu$, $\lambda\iota\pi\acute{\omega}\nu$, $\omega\nu$, $\acute{\epsilon}\chi\omega\nu$ (древнее причастие) и некоторые существительные, например $\gamma\acute{\epsilon}\rho\omega\nu$. Вероятно, эта форма была создана по аналогии с типом $\acute{\alpha}\kappa\omega\nu$, $\epsilon\upsilon\delta\alpha\acute{\iota}\mu\omega\nu$ и т. п. Дательный падеж множественного числа имеет форму $\lambda\epsilon\acute{\iota}\rho\omega\upsilon\sigma\iota$ (из $*-\omicron\nu\tau\varsigma\iota$). Наблюдаются случаи смешения обоих типов: некоторые древние основы на $-\omicron\nu$ перешли в тип на $-\omicron\nu\tau$, например: $\delta\rho\acute{\alpha}\kappa\omega\nu$ (ср. ж. р. $\delta\rho\acute{\alpha}\kappa\alpha\iota\nu\alpha$)¹, $\lambda\acute{\epsilon}\omega\nu$ (ср. $\lambda\acute{\epsilon}\alpha\iota\nu\alpha$ и лат. *leo*,

¹ Формы женского рода на $-\alpha\iota\nu\alpha$ восходят к окончанию с нулевой ступенью огласовки в суффиксе $-\omicron\nu$, т. е. $*-n\acute{\iota}\alpha$ [ср. Ф. § 3, 38], например $\delta\rho\acute{\alpha}\kappa\alpha\iota\nu\alpha < * \delta\rho\acute{\alpha}\kappa\eta\tau\acute{\iota}\alpha$. — Прим. перев.

leōnis), θερᾶπων (ср. θερᾶπαῖνα и θερᾶπνη) образуют род. п. δράκοντος, λέοντος, θερᾶποντος.

Примечания: 1. Звательный падеж от основ на -οι- образуется чистой основой с краткой огласовкой: γέρον, λέον с отпадением конечного переднеязычного. Среди основ на -ι- с сигматической формой именительного падежа также встречается несколько случаев звательного падежа этого типа: Καλῶν, γίγαν. Звательные падежи на ᾱ типа гомер. Ποσειδάρα (М 231) загадочны.

2. У прилагательного πᾶς, παντός ожидаемой формой среднего рода было бы παν из *πανς эта форма действительно входит в состав сложного ᾅπαν, но в простом слове она вытеснена формой πᾶν с долготой, заимствованной от πᾶς и объясняемой, кроме того, односложным характером слова.

3. Именительный падеж от основы, означающей „зуб“, ὀδον-, (ср. лат. dens), имеет в ионийском диалекте форму ὀδών, но в койнэ ὀδοός (Аристотель, Септуагинта) по сигматическому типу.

Основы на -s-

§ 67. Основы на -s- включают четыре типа: слова среднего рода, как γένος; прилагательные типа ἀληθής; несколько основ мужского и женского рода на *-os-: ἥως, αἰὼς; слова среднего рода, как χρέας и т. п.

Слова среднего рода типа γένος обладают той особенностью, что обнаруживают чередование тембра между им.-вин. п. ед. ч. γένος и остальными падежами, образуемыми от основы с огласовкой е: γενοσ-. Этот архаический тип в точности соответствует санскр. janaḥ и лат. genus. Интервокальное σ выпало, в результате чего в большей части падежных форм возникло зияние, обычно сохраняющееся у Гомера и Геродота, но в аттическом диалекте приводящее к слитным формам. Аттическая флексия: им.-вин. п. ед. ч. γένος; род. п. γένους > γένου; дат. п. γένει > γένοι; им.-вин. п. мн. ч. γένεα > γένη; род. п. γένων > γένων (неслитная форма довольно часто встречается у трагиков и у Ксенофонта); дат. п. γένεσσι (гомеровская форма) > аттич. γένεσι; им.-вин. п. дв. ч. *γένεε > γένει; род.-дат. п. *γένοι > γενοῖν.

Прилагательные типа ἀληθής характеризуются удлинением предшествующего окончанию гласного в форме именительного падежа мужского и женского рода при е в форме среднего рода: ἀληθής, ἀληθής, ἀληθές. Зват. п. ἀληθές; вин. п. м.-ж. р. ἀληθέα > аттич. ἀληθῆ; им. п. мн. ч. ἀληθέες > ἀληθείς; вин. п. мн. ч. гомер.-ион. ἀσινέας (λ 110);

в аттическом ожидаемой формой была бы слитная на -ης¹ из -έας, но употреблялась форма им. п. ἀληθεῖς (§ 55). Остальные падежи совпадают с флексией γένος.

Примечания: 1. В винительном падеже единственного числа и в именительном-винительном падеже множественного числа среднего рода слияние давало в аттическом диалекте -α после ι или ε (κλέα, ὕμῃ), но -η после ρ (τρίρῃ). После ο мы находим ὕπερρῃ (Аристофан, Equ. 141), но εὐφρῇ (Платон, Resp. 455 b).

2. По аналогии с типом πολιτής, Αἰολίτης в аттическом диалекте возникли такие винительные падежи единственного числа, как τρίρῃν, τριέτην, Σωκράτη (последняя форма весьма употребительна). Папирусы протомеевской эпохи дают почти исключительно эту форму. Из аттич. Σωκράτη была извлечена форма род. п. Σωκράτου (Стобей, Fl. VII, 66), а в папирусах встречается даже τοῦ ἑτοῦ (Pap. Grenf. I, 33).

Даже в тех диалектах, где, в отличие от ионийского и аттического, ᾱ основ на ᾱ сохранилось, эти формы оказали влияние на сигматические основы: лесб. δαρστέλην (I. G. XII, 2, 645a), ἀράκην (Сафо 108 D), аркад. Επιστήλην (I. G. V, 2, 16). Особенно глубоко проникло изменение в собственные имена: в лесбосском диалекте по образцу родительного падежа на -α из -αο появился род. п. Θεογενῆ (I. G. XII, 2, 74), дат. п. Διωνομένῃ (Алкей 34 D); в аркадском — зват. п. Ἀτελή (I. G. V, 2, 337).

3. Отметим в Новом завете форму συγγενεῖς (Марк VI, 4) вместо συγγενεῖς по аналогии с γονεῖς.

4. Собственные имена на -κλής, как, например, Ἡρακλῆς, представляют некоторые трудности. Гомеровский язык дает написания вин. п. -κλήα, род. п. -κλήος и т. д., за которыми могут скрываться древние -κλέα, -κλέος и т. д. В аттическом диалекте мы имеем им. п. Περικλῆς, чаще Περικλῆς, зват. п. Περικλῆς (из -κλέας), вин. п. Περικλέα (из -κλέα), род. п. Περικλέους (из -κλέος), дат. п. Περικλεῖ (из -κλέει).

§ 68. В греческом языке было несколько существительных мужского и женского рода на s с огласовкой тембра о и с количественным чередованием: ὅ в именительном падеже, ὅ — в остальных. После выпадения интервокального σ произошло слияние гласных. Этот тип соответствует лат. honōs, honōris [Э. § 62].

Им., зват.	αἰδώς
Вин.	αἰδέα > αἰδῶ
Род.	αἰδέος > αἰδοῦς
Дат.	αἰδέει > αἰδοῖ

Двойственного и множественного числа для этих существительных нет.

¹ Или, с нефонетическим слиянием, на -ας (ср. ἡμῆς); форма φευδῆς встречается в одной архаической аттической надписи (Мейстерганс-Швицер, стр. 137).

Единственная заслуживающая упоминания диалектическая особенность — винительный падеж на -у в лесбосском диалекте (ср. *δαμωτέλην*, § 67, прим. 2), например *αῦων* „зарю“ (Сафо 65 D).

Слова этого типа малочисленны и подвергались различным изменениям. Слово, означавшее „заря“, дор. *αῶς*, ион. *ῥῶς*, эол. *αῶς* (ср. лат. *auro*), обычно следовало флексии основ на s. Гомеровская форма вин. п. *ῥῶ* (ι 151) допускает чтение *ῥῶα* без слияния; род. п. *ῥῶς* (θ 470), что в некоторых случаях можно читать как *ῥῶος* (ср. μ 3); дат. п. *ῥῶι* (H 331 и др.). В аттическом диалекте *ῥῶς* перешло к флексии типа *λεῶς*; однако была сохранена форма вин. п. *ῥῶ* (§ 25).

Некоторые основы на s получили расширение τ, появляющееся при долгой огласовке основы. Однако у Гомера сохранились и следы сигматической флексии. Винительный падеж от *ιδρῶς* „пот“ у Гомера имеет форму *ιδρῶ*, которую можно читать как *ιδρῶα* (ср., например, K 572), дат. п. *ιδρῶι* (P 385, вместо *ιδρῶι?*). Но Гесиод употребляет форму *ιδρῶτα* (Oreg. 289), и аттическая флексия последовательно проводит τ. *Χρῶς* „поверхность тела, цвет лица“ имеет у Гомера неслитные формы сигматического типа: *χρῶα*, *χρῶς*, *χρῶι*; однако встречается и форма *χρῶτός* (K 575), а в аттическом диалекте флексия имеет форму *χρῶτα*, *χρῶτός*, *χρῶτι*. Подобные же формы представляет флексия слов *γέλως* „смех“ и *ἔρως* „любовь“, не обнаруживающих отчетливых следов сигматической флексии (ср., однако, производные *γέλαστίς* и *ἐραστίς*). У Гомера — им. п. *γέλως*; в винительном рукописи колеблются между формами *γέλω* (из **γέλωα?*), *γέλων* и *γέλωι* (σ 350, υ 8, 345), дат. п. *γέλωι*. Эолийский диалект обобщил тематическую флексию *γέλως* и т. д. В ионийско-аттическом употребительна форма *γέλων* наряду с *γέλωτα* и *γέλωτος*, *γέλωτι*. Для *ἔρως* мы находим у Гомера тематические формы *ἔρος*, *ἔρον*, *ἔρωι*, что представляет собой эолийскую флексию; в именительном падеже форма *ἔρος* встречается только перед согласным¹. Аттический диалект склоняет *ἔρως*, *ἔρωτος* и т. д. То же расширение τ наблюдается в

¹ В положении перед согласным метрика допускает как форму *ἔρος*, так и форму *ἔρος*; следовательно, появление формы *ἔρος* можно рассматривать как результат редакционной обработки текста древними издателями, направленной к устранению элизмов. — Прим. перев.

аттич. *φῶς*, *φῶτός* „свет“. Форма эта возникла в результате слияния из засвидетельствованного у Гомера *φῶος*. Аттическая флексия — *φῶτός*, *φῶτι*, но существует дат. п. (*ἄν*) *φῶι* (I. G. II, 793 c). Ту же флексию с τ мы находим и в гомер. *φῶς*, *φῶτός* „муж“.

§ 69. 1. С точки зрения аттического диалекта, некоторые слова представляют флексию, допускающую сравнение с флексией *αἰῶς*, но отличающуюся гласным ω перед окончанием и имеющую совершенно иную этимологическую структуру: *ἥρως*, *ἥρωα*, *ἥρωος* (и *ἥρωι*; ср. *λεῶ*), *ἥρως*, *ἥρωος*; *ἥρωας* (иногда им.-вин. п. мн. ч. *ἥρως*), *ἥρώων*, *ἥρωι*. Этой флексии следуют *πάτρως* „для со стороны отца“ и *μήτρως* „для со стороны матери“, представляющие собой, повидимому, древние основы на *-ōy, где была обобщена огласовка ō.

2. В формах местного падежа, представленных дор. *αἰῆς* (Аристофан, *Lys.* 1266), аттич. *αἰῆι* (из **αἰῆσι*), от расширенного **αἰῶ-* (ср. лат. *aev* om), сохранилась ступень е огласовки суффикса *-es-. Встречается также огласовка o в форме вин. п. *αἰῶ* из **αἰῶτα* (Эсхил, *Choeph.* 350). Кроме того, в греческом языке есть еще несколько форм с суффиксом *-os-, чередующимся с *-on-: *κικῶ* (κ 290), дублет формы *κικῶος*; лаконский вин. п. **Ἀπῆλλω*, аттич. *Ἀπῆλλω* от **Ἀπῶλλω*, *Ποσειδῶ* от *Ποσειδῶν*; *εἰῶ* (Еврипид, *Med.* 1162) и т. д. от *εἰῶν*.

3. У основы, означающей „месяц“, **mēns-* (ср. лат. *mēnsis*) конечный переднеязычный спирант принадлежит корню. Флексия осложнена фонетическими изменениями. В родительном падеже **mēns-os* дало **mēnphos*, откуда аттич. *μῆνός*, лесб. *μῆνως*, фессал. *μῆνως* [Ф. § 76]. В именительном падеже, наоборот, конечное -ns сохранилось, и е перед этой группой сначала сокращалась [Ф. § 6], а затем подверглась замечательному удлинению при выпадении n [Ф. § 78], откуда ион. *μῆς* (Γ 117), дор. *μῆς*. Аттический диалект образовал им. п. *μῆν* от форм *μῆνός*, *μῆνα*. В элейском диалекте встречается им. п. *μῆς* (Колли 1151, 15), образованный от *μῆνα* по типу *Ζεῦς*, *Ζῆνα*.

Слово *χῆν* „гусь“ также содержало расширение s (ср. лат. *anser*, русск. *гусь*, нем. *Gans*), но перешло полностью к флексии основ на -n без чередования огласовки.

§ 70. Флексия слов среднего рода на -ας ставит перед исследователем ряд проблем. По большей части это архаические слова, засвидетельствованные преимущественно в именительном-винительном падеже единственного числа: *σέβας* „religio“, *τέρας* „знамение“ и т. п. Ожидаемая для этого типа флексия наблюдается в слове *κρέας* „мясо“, соответствующем, повидимому, санскр. *kravih*.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им., зват.,			
вин.	<i>κρέας</i>	<i>κρέα</i> и <i>κρέα</i>	<i>*κρέας > κρέα</i>
Род.	<i>*κρέας > κρέως</i>	<i>κρέων > κρέων</i>	<i>*κρέαίν > κρέιν</i>
Дат.	<i>κρέαι</i> и <i>κρέαι</i>	<i>κρέασι</i>	

Родительный падеж. Слитная форма возникла из **κρεας* > **κρεας* > *κρεως*. Родительный падеж множественного числа происходит из **κρεασων* > *κρεων* (Нупн. in Merc. 130) > *κρεων*.

Дательный падеж единственного числа. Древние грамматики утверждают, что эта форма содержала *αι*: *κρεαι*, *σελαι*, *δεπαι*. Высказывалось предположение, что в основании этого загадочного окончания с долгим *αι* лежит слияние из *-αι* с древним окончанием дат. п. *-αι*.

Именительный-винительный падеж множественного числа. Форма этого падежа неясна, обычно она содержит краткое *α* (θ 231, γ 65; Аристофан, Nub. 339 и т. д.)¹. Возможно, что здесь мы встречаем древнюю форму среднего рода без суффикса *-ας*, служившую для множественного числа (точно так же *γερα* с кратким *α*: В 237, I 334), но, с другой стороны, Δ 345 и X 347 *κρεα* *εδμεναι* может представлять *κρεα(α)* *εδμεναι* (из **κρεασα*); существуют формы со слиянием двух *α*: *κρεα* (Антифан 20 K), *γερα* (Софокл, El. 443); *δεπα* перед гласным (ο 466 и др.) должно быть истолковано как *δεπα(α)* или *δεπα* с сокращением в зиянии. Склонению *κρεας* следуют такие слова, как *γερας*, *γυρας* (род. п. гомер. *γυρας*, аттич. *γυρας*), *σελας*, *τερας* (им.-вин. п. мн. ч. *τεραα* μ 394).

Этот архаический тип подвергался различным изменениям. В склонении некоторых слов характеризующее основу *α* заменено *ε*. Так, *οιδας* „порог“ образует у Гомера род. п. *οιδεος* (M 448, ι 242) и дат. п. *οιδει* (Ψ 283, ι 459); от *κτερας* „жертвенное приношение покойнику“ встречаются формы *κτερεα*, *κτερων*, от *κωας* „шкура“—*κωα*. В этих формах усматривали фонетическую трактовку (диссимиляция группы из двух *α*), но они, очевидно, испытали и влияние типа *γευος*. Это изменение распространилось более или менее последовательно: в ионийском диалекте мы встречаем *κερεα* от *κερας* „рог“, *τερεος*, *τερεα* от *τερας*, у Аристофана род. п. *κνεφους* (Ecc1. 290) от *κνεφας* „мрак“, в койнэ дат. п. *γυρει* (Лука I, 36) от *γυρας*.

§ 71. В склонении слов среднего рода на *-ας* встречается иногда родительный падеж на *-ατος*,

¹ γ 33, ι 162 и др. надо читать *κρεα* *τ'*, а не *κρεατ'*. О форме *κρεατος* в аттическом диалекте см. § 71, прим. 1.

дательный — на *-ατι* и т. д. Возможно, что этот тип представляет собой древнее образование и объясняется тем, что *-ας* является параллельным морфеме *-αρ* (§ 76), для которой родительный падеж на *-ατος* и т. д. обычен; ср. *πειρας* и *πειραρ* и наряду с *γερας* производные *γεραρως* и *γεραιρω*. К тому же расширение основы переднеязычным в *-ατος* и т. д. позволяло образовать флексию, не затемняемую различными слияниями. Приводим аттическую флексию слов *τερας* „знамение“ и *κερας* „рог“.

Ед. ч.

Им., вин.	<i>τερας</i>	<i>κερας</i>
Род.	<i>τερατος</i>	<i>κερατος</i> и <i>κερως</i>
Дат.	<i>τερατι</i>	<i>κερατι</i> и <i>κεραι</i>

Мн. ч.

Им., вин.	<i>τερατα</i> и <i>τερα</i>	<i>κερατα</i> и <i>κερα</i>
Род.	<i>τερατων</i> и <i>τερων</i>	<i>κερατων</i>
Дат.	<i>τερασι</i>	<i>κερασι</i>

Дв. ч.

Им., вин.	<i>τερατε</i>	<i>κερατε</i> и <i>κερα</i>
Род., дат.	<i>τερατοιγ</i>	<i>κερατοιγ</i> и <i>κερωιγ</i>

У Гомера формы с переднеязычным расширением не засвидетельствованы: *κερας*, *κεραι* (или *κεραι*), *κερα* перед гласным (*κερα(α)?*), *κεραων*, *κεραεοσι* и *κεραοσι*; *τεραα* (μ 394), *τερων*, *τερεοσι*.

Привлекает внимание в аттическом склонении *κερας* долгота *α* в формах *κερατος* и т. д. (влияние *κερα* на *κερατα*?).

Примечания: 1. Приведем несколько примеров флексии с переднеязычным расширением у других слов на *-ας*: *κρεατος* (аттическая надпись 338 г. до н. э., Мейстерганс-Швинер, стр. 143), *κνεφατος* (Полибий), *δερατος* от *δερας* „шкура“ (Диодор Сицилийский).

2. В койнэ (Аристотель, Новый завет и т. д.) возникла новая основа на *-ας*: *αλας*, *-ατος* „соль“, извлеченная из вин. п. мн. ч. *τοδς αλας*.

3. Слово *λαας* „камень“ первоначально относилось, вероятно, к среднему роду и лишь позднее перешло к мужскому и женскому; в греческом языке наблюдается склонность придавать названиям камней, минералов и т. п. одушевленный род, чаще мужской: ср. *ο* или *η λιθος*, *ο αργυρος* и т. п. при лат. *saxum*, *argentum*. Для слова *λαας* ясных следов основы на *s* не сохранилось: у Гомера вин. п. *λαν*, род. п. *λαος* и т. д. В дорийском и беотийском диалектах существует также тематическая форма: им. п. *λαος* и т. д.

§ 72. В греческом языке существует только одна основа на λ: ἄλς, ἄλος „соль“, с сигматической формой именительного падежа. В аттическом диалекте это слово употреблялось почти исключительно в формах множественного числа (ср. ἄλας, § 71, прим. 2).

Основы на ρ вообще не имеют сигматической характеристики в именительном падеже единственного числа. Чередование гласных, там, где оно существует, сведено к наиболее простому проявлению: именительный падеж с долгой огласовкой предшествующего окончанию элемента противопоставлен остальным падежам, где эта огласовка краткая; ср. αἰθήρ, -έρος и тип *nomina agentis* с огласовкой ο: οἰκήτωρ, -τορος, δῶτωρ, -τορος и т. д. (в латинском языке наоборот: *dator*, -toris) [Н. § 24; Э. § 54, 55, 62]. Но часто долгая огласовка получала распространение во всем склонении: θῆρ, θηρός и параллельный суффиксу -τωρ суффикс *nomina agentis* с тембром е: δοτήρ, τήρος¹; чередование огласовки здесь утрачено, и след его сохранился только в образовании существительных женского рода: ψάλτρια от ψάλτης. Звательный падеж типа δοτήρ сходен с именительным, за исключением οὔτερ „спаситель“.

Слова, обозначающие родство, будучи весьма архаичными, лучше сохранили древнее чередование; так, например, в слове πατήρ можно наблюдать долгую, краткую и нулевую ступени огласовки.

§ 73. Аттическое склонение πατήρ:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	πατήρ	πατέρες	πατέρε
Зват.	πάτερ		
Вин.	πατέρα	πατέρας	πατέροιν
Род.	πατρός	πατέρων	
Дат.	πατρί	πατέραςи	

Это склонение представляет собой весьма архаичный тип. Место ударения в группе именительного и вини-

¹ Следует отметить противопоставление по тембру, количеству и ударению между δῶτωρ, -ορος и δοτήρ, -ήρος.

тельного падежей и в группе родительного и дательного различно (за исключением πατέρων, πατέροιν), см. § 60; в звательном падеже единственного числа ударение отступает: πάτερ, ср. ἄδελφε и т. п.

Система количественных чередований в общем воспроизводит индоевропейскую систему: удлинённая ступень в им. п. ед. ч. πατήρ (санскр. *pitā*); нулевая ступень в род. и дат. п. ед. ч. и в дат. п. мн. ч.: πατρός (санскр. *pituh*), πατρί (санскр. дат. п. *pitré*, но местный падеж на -i содержит ступень е), πατράσι (санскр. *pitṛsu*), где *pa* представляет сонант в гласной функции γ [Ф. § 3]. Ступень е: вин. п. ед. ч. πατέρα (санскр. *pitaram*), зват. п. ед. ч. πάτερ (санскр. *pitah*), им. п. мн. ч. πατέρες (санскр. *pitarah*), им.-вин. п. дв. ч. πατέρε (санскр. *pitarau*). Однако уже начиная с общегреческой эпохи огласовка е была распространена и на некоторые падежи, не содержащие ее в санскрите и, повидимому, не содержавшие в индоевропейском: вин. п. мн. ч. πατέρας (по образцу πατέρα и πατέρες), род. п. мн. ч. πατέρων (у Гомера два раза форма πατῶν, δ 687, θ 245), род.-дат. п. дв. ч. πατέροιν (по образцу πατέρε). Однако начиная с самых ранних греческих текстов чередование гласных уже утрачивает смысловую функцию. У Гомера встречается распространение ступени е в форме πατέρος (Λ 501), πατέρι (Ε 156).

§ 74. Μήτηρ следует той же флексии, что πατήρ (следует отметить лишь различие в ударении именительного падежа единственного числа). Отступления от нормы: μητέρος (Гомер, Эсхил, Suppl. 539 и др.), μητέρι (Гомер, Софокл, Oed. Col. 1481 и др.).

К этому же типу принадлежит и θυγάτηρ, зват. п. θύγατερ „дочь“. Особого упоминания заслуживают следующие формы: распространение огласовки е в род. п. θυγάτερος (Гомер) и дат. п. θυγατέρι (Гомер), дат. п. мн. ч. θυγατέραςи с окончанием -εσσi (O 197) вместо обычных форм на -τρός, -τρί, -τράσι. Отступления обратного характера представляют встречающиеся иногда формы θύγατρα (Λ 13) вместо θυγάτερα, θύγατρες (I 144 и др.) вместо θυγατέρες. В винительном падеже множественного числа вместо составляющего аттическую и гомеровскую норму θυγατέρας встречается θύγατρας (X 62 и др.); в родительном множественном аттич. θυγατέρων (I. G. II², 832; Пла-

тон, Resp. 461 с) соответствует гомеровское θυγατρῶν (В 715 и др.), возможно, представляющее собой сохранившуюся древнюю форму.

Γαστήρ „живот“ следует флексии πατήρ; гомеровские формы род. п. γαστέρος (ρ 473) и дат. п. γαστέρι (Ζ 58). В дательном падеже множественного числа древней формой было γαστράσι (Кассий Дион 54, 22), но Гиппократ употребляет новую форму γαστήρσι (De morbis 4, 54).

Ἀνὴρ также должно было представлять в общегреческом языке флексию с чередованием: ἀνὴρ, ἀνέρα, ἀνδρῆς, ἀνδρί, ἀνέρες, ἀνδρας, ἀνδρῶν, ἀνδράσι. Однако аттический диалект обобщил нулевую ступень и употребляет формы ἀνδρα, ἀνδρες. Гомер пользуется, смотря по условиям стиха, формами как со ступенью е, так и с нулевой ступенью: встречаются формы ἀνέρα, ἀνέρος, ἀνέρι, ἀνέρες, ἀνέρε. Следует отметить и у Софокла ἀνέρες (Philoct. 707), ἀνέρων (Oed. R. 869)¹. Зват. п. ед. ч. ἄνερ имеет отступление ударения.

Ἀστὴρ во всех падежах, кроме именительного единственного числа, содержит огласовку е, но дательный множественного сохранил нулевую ступень ἀστράσι.

Примечание. В новогреческом языке эта флексия, естественно, исчезла: πατήρ заменено формой πατέρας, μήτηρ — формой μητέρα, ἀνὴρ — формой ἀνδρῶς.

§ 75. В единичных случаях основы мужского и женского рода на -р образуют сигматическую форму именительного падежа: μάχας засвидетельствовано в дорийском диалекте Алкмана (11 D); у Гомера только μάχα (звательный в функции именительного? или древняя основа среднего рода?). Основа μαρтур- „свидетель“ (дат. п. мн. ч. μαρτурси; Гиппонакт 47 D) должна была дать для именительного падежа форму *μαρтурс, подтверждаемую крит. ματурс (Коллиц 4998, V, 11), однако мы находим (результат диссимиляции?) и критскую форму μαιτῶς, ион.-аттич.

¹ Во всех случаях, где у Гомера употребляются аналогические формы с огласовкой е, они имеют долгое α в начале; следовательно, для форм ἀνδρῶν, ἀνδράζ (и аналогического ἀνδρεςσι; ср. § 57) параллельные аналогические формы этого типа невозможны. Таким образом, форма ἀνέρων у Софокла представляет собой своего рода „гипергомеризм“. — Прим. перев.

μαρτος, откуда дат. п. мн. ч. μαρτῶσι (Платон, Symp. 175 е) и даже, вместо обычного μαρтура, вин. п. ед. ч. μαρτῶν (Менандр 1034 K).

Флексия слова χεῖρ „рука“ неясна. Факты показывают, что аттический диалект располагал здесь двумя основами χερ- и χεῖр-, причем в нем обобщена флексия χεῖр, χεῖρς, но дательный падеж множественного числа имеет форму χερσί (тогда как у Гомера χείρεσσi). Возможно, что здесь надо исходить из основы χερσ-, одинаково объясняющей и эол. χερр- (вин. п. мн. ч. χέρρας; Феокрит XXVIII, 9), и дор. χηρ- (род. п. ед. ч. χήρς; Алкман 82 D), и аттич. χεῖр- в χεῖρα, χεῖρς и т. д. Исходя из χερс-, можно было бы объяснить и дат. п. мн. ч. χερσί. В дорийском диалекте (Тимокreon Родосский 6 D) для именительного падежа единственного числа засвидетельствована форма χέρς. В аттическом, не сохраняющем конечного -рс, это дало χεῖр. По форме χερσί были образованы и другие формы с в: χέρες (Софокл, Trach. 1089), χέρας (Аристофан, Vesprae 1193), χερῶν (Софокл, El. 296 и др.), χερσῶν (Софокл 431 и др.). В новогреческом языке употребительно производное χέρι.

§ 76. Греческий язык обладает довольно значительной группой слов среднего рода на -ар или -ор типа ἥπαρ „печень“ и ὕδωρ „вода“. Некоторые из них обнаруживают закономерную флексию с распространением основы на -р по всему ряду падежных форм: θέναρ, θέναρος „ладонь“; ἔαρ, ἔαρος и ἥρος „весна“; χύар, χύарος „дыра“. Но чаще всего склонение идет по типу ἥπαρ, ἥπατος и ὕδωρ, ὕδατος. ἥπαρ имеет соответствие в санскритской основе с тем же значением yaktṛ, род. п. yakṛaḥ. Очевидно, греческие формы во всех падежах, кроме именительного-винительного единственного числа, образованы посредством морфемы с носовым звуком, расширенной переднеязычным t и имеющей, таким образом, в нулевой ступени форму nt; переднеязычный соответствует наблюдаемому в санскритском им.-вин. п. ед. ч. yakṛt и встречается в греческом языке в таких основах, как γέλως, -ωτος (§ 68), τέρας, -ατος (§ 71), ὄνομα, -ατος (§ 79). Санскр. yakṛt, yakṛaḥ и греч. ἥπαρ, -ατος соответствует лат. iesuŋ, iesipnoris, где объединены оба суффикса, на t и на носовой [Э. § 57].

Этот тип двусклонного склонения чрезвычайно архаичен¹. Он наблюдается у нескольких древних слов: ἡμαρ, -ατος „день“, οὐδάρ, -ατος „вымя“, φρέαρ, -ατος (где α явилось результатом перестановки количества; ср. гомер. φρεῖατος) „колодец“; ὄναρ „сновидение“ не имеет род. п. *ὄνατος, но по форме м. р. ὄναρος образовало формы род. п. ὄναίρατος и им.-вин. п. мн. ч. ὄναίρατα (Гомер, трагики, Платон). Носовое расширение, так же как и близкое ему расширение t, встречается в косвенных падежах единственного и множественного числа различных имен; ср. γόνυ и δόρυ (§ 95), χάρᾱ, род. п. χράατος „голова“ (§ 80).

Основы на -п

§ 77. Эти основы обнаруживают довольно большое сходство в характере склонения с основами на -р. Чередование гласных подверглось здесь значительным изменениям. В склонении слова φρήν „ум“ мы имеем род. п. φρενός и т. д., но в дательном падеже множественного числа находим несколько примеров и формы φρασί (§ 78). Помимо φρασί, нулевая ступень наблюдается в общем лишь у двух основ, в склонении которых она была обобщена: ἀρήν „баран“, род. п. ἀρύς, дат. п. мн. ч. ἀρυσσι (Π 352) и ἄρυσσι (Флавий Иосиф, Antiqu. Iud. III, 8, 10 и др.; фонетически закономерной была бы форма *ἀρασι), и κῶν „собака“, род. п. κυνός, дат. п. мн. ч. κυσί (ожидаемая форма *κυσσι). Вообще же здесь сохранилось только противопоставление долгой огласовки в именительном падеже единственного числа и краткой огласовки в других падежах: δαῖμων, зват. п. δαῖμον, вин. п. δαίμονα и т. д. Однако некоторые основы обобщили долготу: ἀγών, -ωνος „борьба“, τρίβων, -ωνος „плащ“, представляющие древний тип; ср. лат. праесо, -ōnis. Чередование по тембру, которое в индоевропейской флексии играло значительную роль, в греческом склонении не наблюдается и проявляется только в фактах лексики: одни основы, как, например, φρήν, φρενός „грудобрюшная преграда, ум“, ποιμήν, -ένος „пастух“, σφήν, -ήνός „клин“ и др.,

обобщили вокализм е, другие, более многочисленные, — вокализм о, и можно отметить такие противопоставления, как φρήν, с одной стороны, и σφῆρον или εὔφρον — с другой. Сохранился также след чередования по тембру и в изолированной форме местн. п. αἰέν „всегда“ (А 290 и др., трагики) при αἰών, -ώνος „век“; относительно αἰέс и αἰεί см. § 69.

§ 78. Приводимое здесь слово δαῖμων дает представление о наиболее обычном типе флексии:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	δαῖμων	δαίμονες	δαίμονε
Зват.	δαῖμον		
Вин.	δαίμονα	δαίμονας	δαίμονιν
Род.	δαίμονος		
Дат.	δαίμονι	δαίμοσι	

Именительный падеж единственного числа характеризуется обычно удлинением предшествующего окончанию гласного, если, как это чаще бывает, в остальных падежах этот гласный краток.

В небольшом числе случаев именительный падеж имеет сигматическую форму: таково слово ῥίς, ῥίνος „нос“ и, с вторичным удлинением гласного звука после выпадения у перед с, κτεῖς, κτενός „гребень“ и прилагательные εἰς, ἐνός, μέλας, μέλανος и др.

Звательный падеж характеризуется краткой огласовкой без окончания: δαῖμον, τάλαν от τάλᾱς, -ανος „несчастный“. У основ, обобщивших долгую огласовку для всех падежей, ω сохраняется и в звательном падеже: ὦ γλίσχρων „прилипала“ (Аристофан, Pax 193), ὦ γλόχων „миляга“ (Eccles. 985), γάστρων „брюхан“ (Ran. 200). Однако в аттическом диалекте установились формы Ἀπόλλων от Ἀπόλλων, -ωνος, Πόσειδων от Ποσειδῶν, -ώνος¹. Долгота именительного падежа распространилась и на звательный у слова ποιμήν, -ένος „пастух“ (Геродиан II, 717).

Дат. п. мн. ч. δαίμοσι, ἀγῶσι представляет собой форму явно вторичного образования. Этот падеж характеризо-

¹ Чередование этого типа составляет предмет специального исследования в книге E. Benveniste, Origines de la formation des noms en indo-européen, Париж, 1935. — Прим. перев.

¹ Ποσειδῶν должно представлять собой слитную форму; ср. гомер. Ποσειδάων, ион. Ποσειδέων, дор. Ποτειδῶν, Ποτειδῶν, Ποσειδῶν и др.

вался в индоевропейском языке нулевой ступенью огласовки элемента, предшествующего окончанию. Такая архаическая форма оставила следы только в *ἀρᾱσι*, где она подверглась изменению (§ 77), и в *φρασί* из **φρησι*, форме дательного падежа множественного числа от *φρήν*, засвидетельствованной у Пиндара (Pyth. IV, 109) и в одной аттической эпиграмме (I. G. I², 971). По аналогии с другими падежами *α* было заменено *ε*, откуда возникла форма *φρασί*. В *δαίμονι*, *δαίμοσι* (последняя форма не может восходить к **δαίμονσι*, которое должно было бы перейти в **δαίμουσι*) *α* было заменено соответственно *ω* и *ο*.

Примечания: 1. *Σπλήν* „селезенка“ восходит к основе **σπληγγ*, ср. *σπλάγγνα*. Следовательно, падежные формы род. п. *σπληνός* и т. д. образованы по аналогии с именительным падежом.

2. В греческом языке конечное *μ* переходило в *ν*. Поэтому возможны случаи, когда индоевропейская основа на *-m* превращалась в греческом в основу на *ν* в результате усвоения *ν* именительного падежа остальными падежами. Таковы случаи *χθών*, *χθονός* „земля“, ср. *χθραί* „наземь“ и производное *χθονιός* „низменный“; *χιών*, *χιώνος* „снег“, ср. *δυσχίος* „ненастный“, *χιμαρίς* „годовалый (собственно: переживавший) козленок“, вообще „коза“, *χειμών* „зима“ и т. п.

§ 79. В греческом языке существует значительная группа основ на *-n* неодушевленного рода, представленная типом *δύομα* (ср. лат. *pōmen* и т. п.); за пределами этого типа на *-μα* характеризующая его флексия встречается лишь в нескольких словах, наиболее ясным из которых является *ἀλειφα* (Эсхил, Ag. 322), существующее параллельно с *ἀλειφας*.

Суффикс имеет во всех падежах нулевую ступень огласовки **-m̥*, так что носовой звук оказывается представленным в греческом языке как *α*. Во всех падежах, кроме именительного-винительного единственного числа, гласному окончанию предшествует *τ*: латинскому *pōmīnis* соответствует греч. *δύματος* и т. д. (однако *δύμασι* не может восходить к **δύματ-σι*, так как у Гомера никаких следов формы **δύμασι* нет). Для объяснения этого переднеязычного звука рассматриваемый тип иногда сближался с типом лат. *argentum*. Однако нельзя забывать и того, что расширение *τ* вообще играло важную роль в склонении (ср. *χρῶς*, § 68, и особенно *ἦπαρ*, *ἦπατος*, § 76; *δέρν*, *δάρατος*, § 95). Тип *δύομα*, *-ατος* свойственен только греческому языку, но образован он из древних элементов (§ 280).

§ 80. Носовой суффикс с переднеязычным расширением играл известную роль в архаическом именном словообразовании: помимо *ἦπαρ*, *χρῶς*, *δέρν*, он наблюдается и в некоторых изолированных основах. Так, в греческом языке нам известна древняя основа со значением „голова“, представленная в своем наиболее архаичном виде им. п. *κάρᾱ* и гомеровскими формами род. п. *κράατος* и *κράτῶς*. Именительный-винительный единственного числа, с одной стороны, и остальные падежи, с другой, противопоставлены различными ступенями древнего чередования огласовки. Им.-вин. п. ед. ч. *κάρᾱ*, повидимому, представляет собой расширенное *κάρ* „голова“ (*ἐπὶ κάρ* „стремглав“, П 392); корень, возможно, близок к *κέρας* „рог“; форму *κάρᾱ* объясняют обычно как образованную посредством сигматического расширения *+ -η* и восходящую, таким образом, к **καρασῃ* > **καρασα* > аттич. *κάρᾱ*, гомер. (В 250 и др.) *κάρη* (под влиянием *κάρηνα*?), ср. санскр. *çīrṣṇ-*. Род. п. *κράατος* (Э 177 и др.) с метрическим удлинением первого *α* восходит к другой форме корня **καρασῃ*, также содержащей носовое расширение. Существуют, кроме того, формы, в которых оба *α* слиты: *κράτῶς* (Α 530), *κράτι* (Γ 336), *κράτων* (χ 309). Столь нерегулярное склонение рано подверглось изменениям. По основе именительного падежа были созданы существующие уже в гомеровском языке такие формы, как род. п. *κάρηατος* (Ψ 44 и др.) и *κάρητος* (ζ 239); встречающаяся у Гомера форма вин. п. ед. ч. *κράτα* (θ 92), которую можно истолковать и как форму мужского и как форму среднего рода, тоже является, очевидно, новой. В поэтическом языке были образованы и другие формы: им. п. *κράς* (Симний 4 Powell), который, впрочем, мог бы быть и древним, ср. *κράπεδον* „кайма“; из *κάρηατα* Антимак (76) извлек им. п. ед. ч. *κάρηπαρ*. От основы *κάρη*, перешедшей к флексии основ на *η* или *ᾱ*, произведены формы: *τῶι κάρᾱ* (Эсхил, Choeph. 229), *τῆς κάρης* (Каллимах, отр. 125). В гимне к Деметре (12) засвидетельствована форма им. п. мн. ч. ср. р. *κάρᾱ*.

§ 81. Сложную флексию имеет также слово *οὖς* „ухо“. Ионийско-аттические формы этой флексии таковы:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им., вин.	οἷς	ῥα	ῥε
Род.	ῶτός	ῶτων	ῶτοιν
Дат.	ῶτί	ῶσί	

Проанализировать структуру различных падежных форм позволяют нам материалы диалектов. Ионийско-аттической форме им.-вин. п. ед. ч. οἷς (в староаттическом написании ος, что означает ῥε; I. G. I², 372, 201) соответствует в дорийском ῥς (Феокрит XI, 32 и др.). Обычно эти формы объясняют, выводя их из древнего *ουτος > *ουος > *ο(φ)ος и привлекая для сравнения ст.-слав. ухъ (лат. auris содержит другую ступень огласовки и расширение i). Прочие падежи содержат носовое расширение, усиленное элементом τ, который мы находим в ῥατος и т. п. (носовое расширение для этого слова встречается также в германском и в армянском языках). Гомер употребляет род. п. ед. ч. ὀατος (N 177 и др.), им. п. мн. ч. ὀατα (K 535 и др.), дат. п. мн. ч. ὀασι (M 442); в дорийском диалекте именительный множественного числа имеет форму ὀατα (Эпихарм 9 и косский эпиграфический материал; Коллиа 3636, 62); в аттическом ὀατος фонетически перешло в ῥατος (Геродиан II, 921); далее, с аттическим слиянием: род. п. ед. ч. ῥτός, дат. п. ῥτί, род. п. мн. ч. ῥτων, дат. п. ῥσί (форма, засвидетельствованная также у Гомера, μ 200, но здесь была введена поправка ὀασι').

Примечания: 1. Ударение этого слова в аттическом диалекте соответствует в общем акцентуации односложных слов со смещением ударения в родительном и дательном падежах; однако во множественном числе при дат. п. ῥσί имеем род. п. ῥτων и равным образом в двойственном числе ῥτοιν.

2. От формы с начальным дифтонгом au- (ср. лат. auris) произведено дор. ααυα „серьги“ (Алкман 120 В). Форма с этой огласовкой наблюдается в тарент. ῥα (Гесихий) из *αυατα и αασι, ῥσιν (Гесихий).

3. Огласовка ω появляется в производном прилагательном ἀφῶτος „двуухий“ (Феокрит I, 28) и в λεγῶς (§ 25) „заяц“, собственно „высложухий“.

4. Флексия на -ατος и т. д. повлекла за собой создание именительного падежа на -ας: ὀας (Симонид 37 В) и ῥας (Софрон I).

§ 82. В индоевропейском языке существовало два типа основ на *-ei, различавшихся формой родительного-отложительного падежа. В одном типе этот падеж характеризовался огласовкой е/о окончания и нулевой ступенью огласовки элемента, предшествующего окончанию: санскр. аву-аḥ, в точности соответствующее греч. οἷς из *οῦῑ-ας; в другом — нулевой ступенью огласовки окончания и огласовкой е/о предшествующего окончанию элемента: санскр. mate-ḥ (род. п. от mātī-ḥ „мысль“), где окончание -eḥ представляет древнее -ei-s. Некоторые формы были общими для обоих типов. В именительном и винительном падежах единственного числа предшествующий окончанию элемент получал нулевую огласовку: ῥς, ῥιν, как и πόλις, πόλιν. В именительном падеже множественного числа огласовка этого элемента имела ступень е: санскр. авау-аḥ, как и mātāu-аḥ; греческий язык сохранил форму им. п. мн. ч. πόλεις, восходящую к *πολεῖ-ες. Винительный падеж множественного числа с нулевой ступенью оканчивался на *-i-ns, греч. -ινς, ср. крит. πόλινς, гомер. ἀχαιῖς (χ 7) и ῥῖς (Λ 245), где -ῖς восходит к -ινς. В древнем латинском языке также противопоставлены формы именительного падежа множественного числа на -ēs и винительного на -īs из *-ins [Э. § 71]. В двойственном числе ступень е закономерно засвидетельствована в аттич. πόλιν¹ и т. д.

§ 83. Тип οἷς (слитная форма из ῥς < *οῦῑς; ср. лат. ovis) очень скудно представлен в аттическом диалекте, но имел большое распространение в других. Аттическое склонение имеет следующий вид:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	οἷς	οἷες	οἷε
Вин.	οἷν	οἷς (Λ 245, Кс., Ап. VI, 2, 3 и др.)	
Род.	οἷός	οἷων	οἷοῖν
Дат.	οἷί и οἷ	οἷσί	

¹ Из πόлее (форма, засвидетельствованная грамматиками) [Ф. § 19]. — Прим. перев.

¹ См. „Revue de philologie“, 61, 1935, стр. 22.

Именительный падеж множественного числа. Падежное окончание *-es* присоединяется к основе с нулевой огласовкой перед окончанием. С другой стороны, ср. огласовку *ε* в форме *πόλεις* (§ 82). Можно поставить вопрос, не скрывается ли за *οἷες* (i 425) древнее *οἷεες* с огласовкой *ε* перед окончанием.

Винительный падеж множественного числа. *Οἷς* восходит к *οἷνς*, засвидетельствованному в аргосском диалекте (Швицер 83 В).

Дательный падеж множественного числа. *Οἷσι*, соответствующее закономерной форме, встречается в литературных текстах и в аттических надписях (I. G. I², 825, 2). У Гомера этот падеж имеет форму *οἷσι*, *οἷσσι* и *ῥεσσι*. Относительно ударения в падежных формах см. § 60.

Примечания: 1. Это архаическое слово выходит из употребления уже в новоаттическом диалекте и заменяется словом *πρόβατον*.

2. Склонению *οἷς* следуют древние основы на **ī*, как, например, *κῆς*, *κῆς* „хлебный червь“; винительный падеж множественного числа должен был бы иметь форму *κῆς* (Геродиан II, 325), но у Феофраста (De causis plant. IV, 15, 4) встречается *κῆς*.

§ 84. Наиболее распространенным типом основ на **i* был тип, содержащий, например, в родительном падеже единственного числа огласовку *ε* элемента, предшествующего окончанию. Однако это склонение в аттическом диалекте подверглось значительным изменениям, а в других почти полностью совпало с типом *οἷς*.

Аттическое склонение *πόλεις*

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	<i>πόλεις</i>	<i>πόλεις</i>	<i>πόλει</i>
Зват.	<i>πόλι</i>		
Вин.	<i>πόλιν</i>		
Род.	<i>πόλεως</i>	<i>πόλεων</i>	<i>πόλεόν</i>
Дат.	<i>πόλει</i>		

§ 85. Мы видели, что огласовка *ε* элемента, предшествующего окончанию, является первоначальной в именительном падеже множественного числа и в родительном единственного.

В аттическом диалекте *ε* появляется перед окончанием во всех падежах, за исключением именительного, звательного и винительного единственного числа. С другой стороны, родительный падеж, если сопоставить его с индоевр. **eis*, оказывается глубоко измененным.

Звательный падеж. Это склонение представляет собой одно из тех, где сохранена древняя асигматическая форма звательного падежа. Встречается, однако, и *πόλεις* в функции зательного падежа (Софокл, Oed. R. 629).

Родительный падеж единственного числа. *Πόλεως*, как показывает место ударения, объясняется перестановкой количества и восходит к *πόλῃς*, засвидетельствованному у Гомера (II 395 и др.). Окончание *-ος* появилось по аналогии с *οἷς*, *πόδῃς*; с другой стороны, гласный, предшествующий окончанию, имеет ступень *ε* по аналогии с формой местн.-дат. п. *πόλιν*. В аттической трагедии (Эсхил, Ag. 1167 и др.) и в поздних ионийских и аттических надписях встречается род. п. *πόλεος* — форма, несомненно, вторичного образования.

Дательный падеж единственного числа. Употребительной формой в аттическом диалекте является *πόλει* с огласовкой *ε* перед окончанием (ср. P 152 *πόλει* и т. п.). Но наряду с ней существует также и огласовка *ε*: *πόλῃ* (Г 50), встречающаяся в надписи из Иасоса (Диттенбергер^a 169) и в самом аттическом диалекте (Мейстерганс-Швицер, стр. 137). Этой формой представлен древний местный падеж с огласовкой *ε*, употребляемый в санскрите. В склонении основ типа *πόλεις* этот местный падеж оказал решающее влияние на другие падежные формы и повел к созданию род. п. *πόλῃς* > *πόλεως*.

§ 86. Именительный падеж множественного числа. Форма этого падежа восходит к **πόλεις* со слиянием двух *ε* [Ф. § 37, 19]. Эпический язык дает несколько форм типа *πόλῃς* (Δ 45), возникших по аналогии с *πόλῃ*.

Винительный падеж множественного числа. Аттическая форма *πόλεις* содержит перед окончанием огласовку *ε*, которая получила распространение в флексии. Она может происходить из **πολινς*, образованного от основы *πολε-* путем прибавления окончания винительного падежа множественного числа **-ns*. Эту форму часто дает гомеровское рукописное предание (В 648 и др.; § 87):

πόλῃας (р 486) представляет основу πολῃ- с прибавлением падежного окончания согласных основ -ας (ср. πόλῃας, § 87).

Родительный падеж множественного числа. Πόλεων образовано от основы πολε-. Ударение на о возникло по аналогии с ударением в πόλεω.

Дательный падеж множественного числа. Πόλεσι также представляет основу πολε-. Уже у Гомера мы встречаем ἐπαλξέσιν (X 3).

В двойственном числе им.-вин. п. πόλει (надписи) восходит к πόлез (ср. Исократ IV, 17); род.-дат. п. πόλοισι (Исократ IV, 73; аттические надписи).

§ 87. Во всех остальных диалектах, кроме аттического, обобщенной оказывается нулевая огласовка *i*, которая была исконной в ряде падежей: винительном единственного и множественного числа, родительном и дательном множественного числа. Все падежи образуются здесь от основы на -i, к которой присоединяются падежные окончания атематической флексии: род. п. ед. ч. πόλιος; засвидетельствованный у Гомера (В 811 и др.), в ионийском диалекте (Геродот, надписи), дорийском (Пиндар, надписи) и эолийском (ср. Алкея и Сапфо); дат. п. πόλι из *πολι- у Гомера (уерέσσῃ, Z 335), а также в ионийском (Геродот и надписи), дорийском и эолийском диалектах. Древней формой винительного падежа множественного числа, сохранившейся в критском диалекте, было πόλις, откуда πόλῃς, несколько раз засвидетельствованное у Гомера (§ 82), но чаще скрывающееся за аттической формой πόλεις. Однако ионийские надписи и Геродот употребляют встречающуюся уже у Гомера (Δ 308, Z 240 и др.) форму πόλῃας, образованную с окончанием согласных основ по типу πόδας; это же окончание употребительно также в дорийском и эолийском диалектах. Родительный падеж множественного числа во всех остальных диалектах, кроме аттического, имеет форму πολίων. В этих же диалектах встречается и форма дат. п. мн. ч. πόλισι (у Гомера надо отметить также эолийские формы типа πολίεσσι, § 57).

Примечания: 1. В кипрском диалекте встречаются формы типа πολίφι (Идалион 6), где *φ*, несомненно, вторичного происхождения.
2. В новогреческом языке основы на *i* смешались с основами на *η*, усвоив их флексию.

§ 88. С точки зрения индоевропейского языка, близкими к типу *-i/-ei оказываются основы женского рода на *-oi- типа πεῖθω. В эту группу входят имена женщин, например Λητώ, χαμῖνω „истопница“, а также некоторые отвлеченные имена (πεῖθω и т. п.). Это склонение, засвидетельствованное только в единственном числе, представляет в аттическом диалекте закономерные формы: им. п. Λητώ, зват. п. Λητοῖ (чистая основа; следует отметить облученное ударение); вин. п. Λητώ (из -οῖα) с ударением по аналогии с именительным; род. п. Λητοῦς (из -οῖος); дат. п. Λητοῖ (из -οῖι). В лесбосском, беотийском и иногда в дорийском диалектах встречается форма винительного падежа на -ου: крит. Λᾶτου (Коллиц 5101, 14), лесб. Ἦρωу (Сапфо 62 D), и др.; наконец, в ионийском диалекте мы находим винительный падеж на -ου: Λητοῦν (I. G. XII, 9, 191 A, Эретрия), Ἰοῦν (Геродот I, 1), образованный по аналогии с родительным. Родительный падеж лесбосского и дорийского диалектов на -ως представляет закономерную для них фонетическую трактовку исходной формы.

Примечание. В новогреческом языке существует тип имен собственных и нарицательных на -ω и на -ου (Φρόσω; φοῦω „булочница“) с флексией на -ωδες или -οῦδες во множественном числе.

§ 89. Основы на -u- представляли, повидимому, в индоевропейском языке те же типы флексии и с тем же чередованием огласовки, что и основы на -i-. В единственном числе именительный и винительный падежи имели нулевую ступень (u) огласовки предшествующего окончанию элемента: πῆχυς, πῆχυν, ср. р. ἄστυ, ὄβυν. Во множественном числе именительный падеж мужского и женского рода содержал огласовку *e*: πῆχεῖς (из общегреч. *παχεφε); именительный-винительный падеж среднего рода представлен типом гомер. ἄστυα (из *αστεφα). Винительный падеж мужского и женского рода имел нулевую ступень, ср. крит. ὄβυν. Именительный-винительный падеж двойственного числа содержал огласовку *e*: πῆχει (из *παχεφε). В родительном падеже единственного числа, как и для основ на *i*, существовала форма с нулевой огласовкой перед окончанием, хорошо засвидетельствованная в греческом языке: δακρυός, гомер. δαυρός из *δαρφος. Но наиболее распространенной в индоевропейском языке была форма родительного падежа на *-e/us, т. е. с огласовкой

е или о элемента, предшествующего окончанию, и с нулевой ступенью огласовки окончания; ср. санскр. *bāhoḥ*, где о представляет -ou- или -eu-, оск. *castrous*, лат. *maius*. Греческий язык ввел новшество, объединив огласовку е и окончание ос: *πίχρος*, *ἡδῆος*. К этому типу относятся все прилагательные и значительное число существительных.

§ 90. Приведем аттическую флексию основ на и с огласовкой е элемента, предшествующего окончанию.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	<i>πίχρος</i> , <i>ἄστω</i>	<i>πίχρεις</i> , <i>ἄσται</i> , <i>ἡδέα</i>	<i>πίχρει</i> , <i>ἄσται</i>
Зват.	<i>πίχρῳ</i> , <i>ἄστω</i>		
Вин.	<i>πίχρῳ</i> , <i>ἄστω</i>		
Род.	<i>πίχρεως</i> , <i>ἄστεως</i> , <i>ἡδέος</i>		
Дат.	<i>πίχρει</i> , <i>ἄσται</i>	<i>πίχρεσι</i> , <i>ἄστεσι</i>	<i>πίχρεόν</i> , <i>ἄστέον</i>

§ 91. Огласовка е распространилась на все падежи, кроме именительного, звательного и винительного единственного числа. Родительный падеж единственного числа содержит огласовку е предшествующего окончанию элемента и окончание -ος: *ἡδέος* восходит к общегреч. **hādeŋos* [Ф. § 69, 54]. Это окончание -eos, составляющее общую норму в системе прилагательных, засвидетельствовано также и для существительных в большей части диалектов: *πίχρος* (Геродот I, 178), гомер. *ἄστεος* (Г 140 и др.), беот. *ῥαστῖος* из *ῥαστεος* (I. G. VII, 3170). Аттической формой родительного падежа является *πίχρεως*, *ἄστεως*, восходит ли она к форме на -ης, возникшей по аналогии с древним местным падежом на -η, или, что более вероятно, представляет собой заимствование от *πόλεως* (первоначально в *ἄστεως*?). В койне эта форма на -eos распространилась и в системе прилагательных.

Им. п. мн. ч. *πίχρεις* восходит к **pācheŋes* (с древней огласовкой е); но наряду с ним засвидетельствована и форма без слияния, гомер. *βραδέε*; (Θ 104), ион. *πίχρεες* (Геродот II, 153).

Аттическая форма вин. п. мн. ч. *πίχρεις* восходит, по видимому, к **pācheus* с вторичной огласовкой е, как и

у основ на -i (§ 86). В рукописях Гомера иногда встречается форма *πολεῖς* от *πόλς* при варианте *πολέας* (N 734)¹. Древняя форма с нулевой ступенью и с окончанием -us сохранена в крит. *ουυς*; форма *πόλς* — чтение Зенодота в В 4 — представляет, возможно, пример этого типа. Хорошо засвидетельствовано у Гомера ионийское окончание -εας с заимствованным от согласных основ -ας: *πελέκεας* (Ψ 114 и др.), *πολέας* (Α 559 и др.); так же и у Геродота: *πίχρεας* (II, 13).

Родительный падеж множественного числа всегда имеет огласовку е перед окончанием. Место ударения объясняется аналогией *πίχρεως* и, с другой стороны, *πόλεω*. Слитная форма *πίχρῳ* появляется поздно (Полибий, Диодор, Плутарх). Родительный падеж множественного числа от *ἄστω* в рукописях обычно имеет ударение *ἄστέων*, но у грамматиков никаких прямых указаний по этому поводу мы не находим.

Дательный падеж множественного числа с огласовкой е: *πίχρεσι*, как *πόλεσι* от *πόλς*. У Гомера встречается *πελέκεσσι* (N 391) с удвоением σ, заимствованным от основ на s. В дательном падеже множественного числа от *πόλς* Гомер употребляет формы *πολέσι* (Δ 388), *πολέεσσιν* (M 399) и *πολέοσι* (P 236).

В именительном-винительном падеже множественного числа среднего рода у Гомера и в диалектах засвидетельствована древняя форма *ἄσται*. В аттической форме *ἄσται* слияние, вероятно, не фонетическое, а обусловленное аналогией типа *γένη*.

Примечания: 1. Гомеровские винительные падежи типа *εὐρέα πάντων* (Z 291) были образованы ради их метрического удобства.

2. *Πρέσβος* имеет сложное склонение. По аналогии с типом *βασιλεὺς* были созданы для значения „посол“ формы с -ης: им. п. мн. ч. *πρέσβητες* (Пс.-Гесиод, Scutum 245²), беот. *πρεσβητες* (I. G. VII, 1720), им.-вин. п. дв. ч. *πρέσβη*, образовавшиеся в результате слияния из -ηε (Аристофан, отр. 639 К). Старое мн. ч. *πρέσβεις* в значении „послы“ было постепенно вытеснено словом *πρεσβευταί*, однако в единственном числе в этом значении всегда сохранялась *πρεσβευτής*.

¹ Это не вполне точно: рукописи дают в этом месте и в ряде других маловероятную для Гомера форму *πολεῖς*, вместо которой в современных изданиях принимается поправка Вольфа *πολέας*. — Прим. перев.

² В этом месте слово имеет значение „старый“.

§ 92. Перейдем теперь к флексии основ, обобщивших нулевую ступень перед окончанием. Этот тип флексии $\sigma\acute{\alpha}\chi\upsilon\varsigma$, $\sigma\acute{\alpha}\chi\upsilon\omicron\varsigma$ и т. д. представлен не очень широко. В результате его слияния с типом на $-\tilde{\iota}$, как $\dot{\iota}\chi\theta\tilde{\iota}\varsigma$ или $\sigma\tilde{\iota}\varsigma$, возникли колебания в количестве υ основ на $-\upsilon$. Полную парадигму дает слово $\dot{\iota}\chi\theta\tilde{\iota}\varsigma$ „рыба“.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	$\dot{\iota}\chi\theta\tilde{\iota}\varsigma$	$\dot{\iota}\chi\theta\tilde{\iota}\epsilon\varsigma$ и $\dot{\iota}\chi\theta\tilde{\iota}\varsigma$	$\dot{\iota}\chi\theta\tilde{\iota}\epsilon$ и $\dot{\iota}\chi\theta\tilde{\iota}$
Зват.	$\dot{\iota}\chi\theta\tilde{\iota}$		
Вин.	$\dot{\iota}\chi\theta\tilde{\iota}\upsilon$	$\dot{\iota}\chi\theta\tilde{\iota}\varsigma$	
Род.	$\dot{\iota}\chi\theta\tilde{\iota}\omicron\varsigma$	$\dot{\iota}\chi\theta\tilde{\iota}\omicron\upsilon$	$\dot{\iota}\chi\theta\tilde{\iota}\omicron\upsilon$
Дат.	$\dot{\iota}\chi\theta\tilde{\iota}\tau$		

$\dot{\iota}\chi\theta\tilde{\iota}\varsigma$ — древняя основа на $-\tilde{\iota}$, но в количестве υ здесь наблюдаются чередования, которые не могут восходить к индоевропейскому языку. Наиболее частой формой именительного падежа множественного числа является $\dot{\iota}\chi\theta\tilde{\iota}\epsilon\varsigma$ (Платон, Phaed. 109 e и др.), но иногда в аттическом диалекте мы находим $\dot{\iota}\chi\theta\tilde{\iota}\varsigma$ (Алексид 216 K). Эта форма, которую древние грамматики считали слитной, обусловлена, возможно, влиянием винительного падежа множественного числа.

Первоначальной формой винительного падежа множественного числа было $\dot{\iota}\chi\theta\tilde{\iota}\varsigma$ (ε 53), ср. также $\nu\acute{\epsilon}\chi\tilde{\iota}\varsigma$ (H 420 и др.), из окончания $*-\tilde{\iota}\tilde{\nu}\tilde{\varsigma}$. Но наряду с нею была создана и форма на $-\alpha\varsigma$, извлеченная из склонения согласных основ (с другой стороны, ср. $\pi\acute{\omicron}\lambda\iota\alpha\varsigma$ и т. п.). Этот винительный падеж засвидетельствован уже у Гомера: $\sigma\acute{\iota}\alpha\varsigma$ (ε 41), $\nu\acute{\epsilon}\chi\upsilon\alpha\varsigma$ (λ 94), $\delta\epsilon\tilde{\rho}\tilde{\rho}\alpha\varsigma$ (ι 389), $\dot{\iota}\chi\theta\tilde{\iota}\alpha\varsigma$ (χ 384). $\dot{\iota}\chi\theta\tilde{\iota}\alpha\varsigma$ встречается также в аттической комедии (Антифан 68 K). Рукописи Геродота дают обе формы. В койнэ окончание $-\alpha\varsigma$ обнаруживает тенденцию к распространению.

„Слитная“ форма дв. ч. $\dot{\iota}\chi\theta\tilde{\iota}$ (ср. им. п. мн. ч. $\dot{\iota}\chi\theta\tilde{\iota}\varsigma$) засвидетельствована у Антифана (194 K) и др.

Этому типу склонения следуют древние основы на $\tilde{\iota}$: $\sigma\tilde{\iota}\varsigma$, $\sigma\tilde{\iota}\omicron\varsigma$; $\delta\epsilon\tilde{\rho}\tilde{\rho}\tilde{\iota}\varsigma$, $-\tilde{\iota}\omicron\varsigma$; $\nu\acute{\epsilon}\chi\tilde{\iota}\varsigma$, $-\tilde{\iota}\omicron\varsigma$; но также и основы с кратким υ , например $\gamma\acute{\epsilon}\nu\upsilon\varsigma$ „челюсть“, $\gamma\acute{\eta}\rho\upsilon\varsigma$ „голос“ и, повидимому, $\sigma\acute{\alpha}\chi\upsilon\varsigma$ „колось“.

Примечания: 1. Равным образом мы находим пример флексии с кратким υ для имени ср. р. $\delta\acute{\alpha}\chi\tilde{\iota}\rho\upsilon$, $\delta\acute{\alpha}\chi\tilde{\iota}\rho\omicron\varsigma$ „слеза“; мн. ч. $\delta\acute{\alpha}\chi\tilde{\iota}\rho\alpha$, $\delta\acute{\alpha}\chi\tilde{\iota}\rho\omega\upsilon$, $\delta\acute{\alpha}\chi\tilde{\iota}\rho\alpha\iota$. По форме $\delta\acute{\alpha}\chi\tilde{\iota}\rho\alpha$ уже у Гомера было образовано ед. ч.

$\delta\acute{\alpha}\chi\tilde{\iota}\rho\omega\upsilon$ (Π 11 и др.) и дат. п. мн. ч. $\delta\acute{\alpha}\chi\tilde{\iota}\rho\alpha\iota$ (σ 137). В аттическом диалекте этот тематический тип получил преобладание (но $\delta\acute{\alpha}\chi\tilde{\iota}\rho\alpha\iota$ Фукидид VII, 75).

2. Мбс, $\mu\tilde{\iota}\omicron\varsigma$ „мышь“ представляет собой древнюю основу с конечным ς (ср. лат. $m\tilde{u}s$, $m\tilde{u}r\tilde{is}$), которая в греческом языке превратилась в основу на $\tilde{\iota}$ после выпадения σ между гласными. Краткое υ в форме $\mu\tilde{\iota}\omicron\varsigma$ имеет вторичное происхождение.

§ 93. Основа со значением „сын“ первоначально относилась к основам на краткое υ : крит. $\upsilon\tilde{\iota}\varsigma$ (Коллиц 4991, XII, 17), аттич. $\upsilon\tilde{\iota}\varsigma$ (I. G. I², 670; VI в. до н. э.), в слитной форме $\upsilon\varsigma$ (I. G. I², 663). Вин. п. ед. ч. $\upsilon\tilde{\iota}\upsilon$ встречается в аркадском и в критском диалектах (Коллиц 4991, X, 15), вин. п. мн. ч. $\upsilon\tilde{\iota}\upsilon\varsigma$ — в критском (Коллиц 4991, IV, 40). Эти формы восходят к индоевропейской основе $*su\tilde{u}j-$, которая, очевидно, имела флексию, сходную с флексией $\tilde{\iota}\varsigma$, с нулевой ступенью перед окончанием: у Гомера род. п. ед. ч. $\upsilon\tilde{\iota}\omicron\varsigma$ из $*su\tilde{u}j\tilde{\iota}\tilde{o}\tilde{s}$ (B 230 и др.), дат. п. $\upsilon\tilde{\iota}\tilde{\iota}$ (B 20 и др.); им. п. мн. ч. $\upsilon\tilde{\iota}\epsilon\varsigma$ (A 162 и др.), род. п. $\upsilon\tilde{\iota}\omicron\upsilon$ (Ф 587 и др.). По аналогии с согласным типом был создан вин. п. ед. ч. $\upsilon\tilde{\iota}\alpha$ (M 129), вин. п. мн. ч. $\upsilon\tilde{\iota}\alpha\varsigma$ (B 72 и др.); дательный падеж множественного числа имеет форму $\upsilon\tilde{\iota}\alpha\iota$ (E 463 и др., критские надписи, Коллиц 4991, IV, 37; Софокл, Ai. 571), где α и место ударения объясняются аналогией с типом $\tau\alpha\tau\tilde{\rho}\alpha\iota$. Им.-вин. п. дв. ч. $\upsilon\tilde{\iota}\epsilon$ (B 679). Следует отметить место ударения в формах $\upsilon\tilde{\iota}\alpha\varsigma$, $\upsilon\tilde{\iota}\tilde{\iota}$ у Гомера: баритонеза, повидимому, указывает на эолийское происхождение этих форм.

Представляется вероятным, что в древнюю эпоху некоторые падежи содержали огласовку ϵ перед окончанием. Гортинское законодательство (Коллиц 4991, VII, 22) противопоставляет им. п. мн. ч. $\upsilon\tilde{\iota}\epsilon\epsilon\varsigma$ и вин. п. мн. ч. $\upsilon\tilde{\iota}\upsilon\varsigma$; $\upsilon\tilde{\iota}\epsilon\epsilon\varsigma$ встречается также у Гомера (B 518), а слитная форма $\upsilon\tilde{\iota}\epsilon\tilde{\iota}\varsigma$ — у Гомера и в аттическом диалекте. Прочие падежи, в которых получила распространение огласовка ϵ : род. п. ед. ч. $\upsilon\tilde{\iota}\epsilon\tilde{\iota}\varsigma$ (γ 489, аттический диалект), дат. п. $\upsilon\tilde{\iota}\epsilon\tilde{\iota}$ (Г 174) и $\upsilon\tilde{\iota}\epsilon\tilde{\iota}$ (аттич.); вин. п. ед. ч. $\upsilon\tilde{\iota}\epsilon\tilde{\alpha}$ встречается только один раз у Гомера (N 350; стих, исключаемый Аристархом). Множественное число: вин. п. $\upsilon\tilde{\iota}\epsilon\tilde{\alpha}\varsigma$ (B 693 и др.), аттич. $\upsilon\tilde{\iota}\epsilon\tilde{\iota}\varsigma$, как $\tau\acute{\eta}\chi\epsilon\tilde{\iota}\varsigma$, дат. п. $\upsilon\tilde{\iota}\epsilon\tilde{\iota}\alpha\iota$ (в аттическом диалекте: у Аристофана, Nub. 1001 и др.). Двойственное число: им.-вин. п. $\upsilon\tilde{\iota}\epsilon\tilde{\iota}$ (Платон, Apol. 20 a), в написании $\upsilon\tilde{\iota}\epsilon$ (I. G. I², 775), род.-дат. п. $\upsilon\tilde{\iota}\epsilon\tilde{\iota}\upsilon$ (Платон, Lach. 186 a).

§ 94. Наконец рассматриваемое слово перешло к тематической флексии. Основа на е/о появилась, повидимому, в результате стремления избежать последовательности двух *ο*. Так, у Гомера: им. п. ед. ч. *οἶς*, вин. п. ед. ч. *οἶν*, зват. п. *οἶέ*; однако формы *οἶσθ* и *οἶσσι* встречаются каждая только однажды (τ 418 и χ 238). Приводим обычное аттическое склонение, построенное на использовании обеих основ:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	<i>οἶς</i> , <i>οἶς</i> (архаические надписи) <i>οἶς</i> (классическая эпоха, литературные тексты)	<i>οἶσθ</i> и <i>οἶσι</i>	<i>οἶσθ</i>
Зват.	<i>οἶέ</i>		
Вин.	<i>οἶν</i>	<i>οἶσθ</i> и <i>οἶσθ</i>	
Род.	<i>οἶος</i> и <i>οἶσθ</i>	<i>οἶων</i> и <i>οἶων</i>	<i>οἶσθ</i>
Дат.	<i>οἶε</i> и <i>οἶσι</i>	<i>οἶσσι</i> и <i>οἶσθ</i>	

Тематическая флексия — единственная, засвидетельствованная в надписях начиная с 350 г. до н. э. и, разумеется, в койнэ.

Поэты образуют иногда аномальные формы: так, у Симонида мы находим им. п. *οἶς* (249 В); у Аполлония Родосского (II, 1093) и у поздних поэтов — формы типа *οἶσθ*, *οἶσθ* и т. д., образованные по аналогии с эпической флексией типа *βασιλεὺς* (§ 102).

§ 95. Гомеровское склонение слов *γόνυ* и *δέρνυ* примыкает к флексии основ на *-и с нулевой ступенью перед окончанием: род. п. ед. ч. *δούρος* (II 863), *γούρος* (Λ 547), им. п. мн. ч. *γούνα* (Ζ 511), *δούνα* (Β 135) и т. д.; *δούρος* восходит к **δούρος*, *γούρος* к **γούρος* [Ф. § 57] и т. д.: *γ* представляет *ο* основы в его согласной форме. Следует отметить в единственном числе смещение ударения на окончание в род. п. *δούρος* и дат. п. *δούρι*. Во множественном числе без этого смещения находим: *δούρων* и *δούρεσι*, *γούρων* и *γούρεσι*. У трагиков это склонение засвидетельствовано дат. падежом *δούρι* (относительно *δούρεи*, где отмечается иное ударение, см. § 53); в прозе оно вообще встречается редко: *δούρι ἐλεῖν* (Фукидид I, 128).

Начиная с индоевропейской эпохи эта основа была расширена носовым элементом (ср. для слова *δέρνυ* вед. *dāru* „дерево“, род. п. *drunah*). Гомеровский язык имеет формы *δούρατος* (Λ 357), *δούρατι*, *δούрата*, *δούρασι*, *γούρατος*, *γούρασι*. Аттическая флексия: *γόνυ*, *γόνυτος* и т. д., *δέρνυ*, *δέρνυτος* и т. д. (относительно расширения *η* в греческом языке см. § 76).

§ 96. Некоторые основы на *ο* принадлежат к основам на двугласный.

Слово *γραις* „старуха“ имеет основу *γραι-*, не подвергнувшись чередованию огласовки; перед *σ* *αι* перешло в *αι* [Ф. § 6], откуда им. п. ед. ч. *γραις* и дат. п. мн. ч. *γραισι*. В остальных падежах в аттическом диалекте осталось долгое *α*, сохранившее свой тембр после *ρ*: род. п. ед. ч. *γραις* из **γραις*, дат. п. *γραι*, им. п. мн. ч. *γραις*, род. п. мн. ч. *γραις*; гомеровские и ионийские формы содержат *η*, которое обобщено даже в группе *-ης*: дат. п. ед. ч. *γρηί*, зват. п. *γρηῖ* (τ 383 и др.) и *γρηῖ* (χ 395 и др.), им. п. *γρηῖς*, часто также двусложное *γρηῖς*. В аттическом диалекте винительный падеж единственного числа имеет форму *γραιν*, вин. п. мн. ч. *γραις*, как *αἶν* и *αἶς* (см. § 97), зват. п. ед. ч. *γραι*, как *Ζεῖ* (§ 99).

§ 97. Слово *ναῖς* „корабль“ (санскр. *pañh*, лат. *pāvis*) — также древнее корневое слово без чередования огласовки. Общегреческой формой именительного падежа единственного числа было *ναῖς* из **pañs*, дательного множественного — *ναῖσι*. Если Гомер и Геродот употребляют формы *νηῖς* и *νηῖσι*, то это надо рассматривать как аналогическое распространение ион. *η* (из *α*). В остальных падежах у Гомера древние формы: вин. п. ед. ч. *νηα* (из **pañh*), род. п. *νηῖς*, дат. п. *νηί*, им. п. мн. ч. *νηῖς*, вин. п. *νηας* (из **pañs*), дат. п. *νηῖσι* и *νηῖσι* (Γ 283). Но в ионийском диалекте *η* в зиянии сокращалось, откуда *νεῖς* (κ 172), *νεα* (только ι 283), *νεῖς* (γ 312), *νεας* (Λ 487), *νεῖων* (Λ 48). Геродот, кроме *νηῖς*, *νηῖσι* и *νηί*, употребляет только формы с *ε*.

Дорийский диалект дает следующее склонение: им. п. ед. ч. *ναῖς*, *ναῖς* (Геродиан I, 400), вин. п. *ναῖν* (Пиндар, Pyth. IV, 245), *ναῖν* (Геродиан I, 328), *ναῖα* (Вакхилид XVI, 89), род. п. *ναῖς*, дат. п. *ναῖ*, им. п. мн. ч. *ναῖς*, вин. п. *ναῖς*, род. п. *ναῖων*, дат. п. *ναῖσι*.

Приведем аттическую флексию:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	ναῦς	νηῆς	
Вин.	ναῦν	ναῦς	
Род.	νεῶς	νεῶν	} νεῶν (Фукидид IV, 8)
Дат.	νηϊ	ναυσι	

Вин. п. мн. ч. ναῦς был образован по типу вин. п. ед. ч. ναῦν, который в свою очередь является, по видимому, греческим новообразованием.

Там, где η оказывается перед гласным тембра о, наблюдается или перестановка количества — в форме род. п. ед. ч. νεῶς (из νηῆς), или сокращение η — в формах род. п. мн. ч. νεῶν и род.-дат. п. дв. ч. νεῶν (вместо закономерного *νεῶν). В койнэ слово ναῦς было заменено словом πλοῦν.

§ 98. Слово βοῦς „корова, бык“ имело огласовку с количественным чередованием. Оно соответствует санскр. gauḥ и лат. bōs, что позволяет обнаружить дифтонг с долгим гласным элементом. Винительный падеж единственного числа также содержит долгую ступень: βῶν (дорийский диалект и один пример у Гомера — Н 238; во всех других случаях гомеровская вульгата дает βοῦν) восходит к *g^hō(u)ṣ и соответствует санскр. gām. Прочие падежи единственного числа имеют краткую огласовку: род. п. βοῦς из *boṛb̥s, дат. п. βοϊ. Дорийская форма им. п. ед. ч. βῶς (Феокрит IX, 7) извлечена из вин. п. βῶν. Ионийско-аттический диалект, наоборот, заменил вин. п. ед. ч. βῶν формой βοῦν, образованной по аналогии с именительным. Наконец, грамматик Хойробоск цитирует вин. п. βῶα, образованный по аналогии с βοῦς и т. д. (Бекер, Anecdota 1196). Грамматики приводят также зват. п. βοῖ. Множественное число: им. п. βῶες, род. п. βοῶν, дат. п. βοῶσι; в винительном падеже гомеровская и аттическая форма βοῦς, дор. βῶς параллельны формам винительного падежа единственного числа, что отражает, возможно, древнее состояние: ср. санскр. gāḥ. Однако по аналогии с другими падежами была образована форма βῶας (из *boṛḥs), употребительная у Гомера (М 137 и др.) и в койнэ.

§ 99. Имя „бога ясного неба“ Ζεῦς имело сложную флексию, сохраненную в ведическом санскрите, с удли-

ненной ступенью огласовки в именительном и винительном падежах единственного числа: им. п. *d̥jēus, санскр. dyauh̥, откуда, с сокращением долгого гласного перед группой из неслогового u с последующим согласным, возникла греческая форма Ζεῦς. От этого именительного падежа был образован в греческом языке зват. п. Ζεῖ (следует отметить отступление ударения). В винительном падеже единственного числа древняя форма также содержала удлинненную ступень огласовки, но неслогообразующий элемент дифтонга выпал перед -π уже в индоевропейскую эпоху: *d̥jē(u)ṣ, что представлено в ведическом санскрите формой dyām, в латинском языке формой diem [Э. § 89], в греческом гомеровской формой Ζῆν, употребительной только в конце стиха, когда следующий стих начинается с гласного (Θ 206, Ξ 265, Ω 331). От Ζῆν были образованы формы вин. п. Ζῆνα, род. п. Ζῆνός, дат. п. Ζῆνί, засвидетельствованные в гомеровском языке и у поэтов. Далее, отсюда же был образован им. п. Ζῆν (Эсхил, Suppl. 162) и с неясным α (долгое или краткое?) Ζάν (Аристофан, Aves 570). Эта странная флексия с α встречается в эпиграфических текстах: род. п. Ζανός на Хиосе в Ионии (Швицер 696), дат. п. Ζανί в Спарте (Швицер 30). Наконец, от этой же основы был образован им. п. Ζάς (Ферекид Сиросский 1, 2).

Древняя форма родительного падежа единственного числа содержала нулевую ступень огласовки, откуда санскр. dīvaḥ и греч. Διός из Διϛός; та же ступень огласовки и в дат. п. Διί; наконец, был создан вин. п. Δία: все это формы гомеровские и ионийско-аттические. От этой основы был образован им. п. Δίς, засвидетельствованный у дорийского комика Ринтона (отр. 14, Kaib.). Обычная ионийско-аттическая флексия: им. п. Ζεῦς, зват. п. Ζεῖ, вин. п. Δία, род. п. Διός, дат. п. Διί.

§ 100. К основам на двугласный можно отнести и форму παῖς, засвидетельствованную надписями на арханческих аттических вазах (дублет расширенной основы παῖς из *paḥid-); ср. кипрскую форму род. п. Φιλοπαῖος и, с потерей сонанта, διπας (Швицер 683, стр. 333).

§ 101. К основам на *-и- примыкает в греческом языке группа основ на *-ец-, соответствия которой в других

индоевропейских языках найти трудно. Эти основы типа βασιλεύς не обнаруживают чередования огласовки, но в именительном падеже единственного числа и в дательном множественного формы *βασιλῆυς, *βασιλῆυσι фонетически перешли в βασιλεὺς, βασιλεῦσι. В остальных падежах дигамма между гласными обозначена в нескольких древних кипрских надписях; в италийской таблице (Коллиц 60) встречается род. п. ед. ч. βασιλέφας, дат. п. Εδαλιεφει, им. п. мн. ч. Εδαλιεφεας; с выпадением φ между гласными она встречается в лесб. βασιλῆες (Коллиц 214), в фессал. βασιλειος, где ει означает ē (Коллиц 345). Тип склонения у Гомера: им. п. ед. ч. βασιλεὺς, зват. п. βασιλεῦ (образовался от именительного путем утраты конечного с; относительно ударения ср. Ζεῦ), вин. п. βασιλῆα, род. п. βασιλῆος, дат. п. βασιλῆϊ, им. п. мн. ч. βασιλῆες, вин. п. βασιλῆας, род. п. βασιλῆων, дат. п. βασιλεῦσι, им.-вин. п. дв. ч. βασιλῆε. Слитные формы редки и сомнительны (ср. вин. п. ед. ч. Ὀδυσῆ, τ 136). С другой стороны, некоторые собственные имена имеют флексию с е, обусловленную, повидимому, метрикой; так, Ἀτρεὺς υἱός (В 23).

Пиндар употребляет те же формы, что и Гомер, но в лаконских надписях встречаются слияния, как, например, вин. п. ед. ч. γραμματῇ (I. G. V, 1,1111) и др. В аркадском диалекте употребителен винительный падеж единственного числа вторичного образования ἱερῶν (Швицер 654) и образованный от этой формы им. п. ιερης (I. G. V, 2, 115).

В некоторых диалектах η в зиянии сокращалось в ε: род. п. ед. ч. βασιλέος (Геродот, ионийские надписи, дорийский диалект) и, со слиянием, ιαρευς (мегарский диалект; Коллиц 3025), вин. п. мн. ч. в критском диалекте δρομεανς и даже им. п. мн. ч. δρομεας (Коллиц 4991, VI, 36).

§ 102. Приводим образец аттической флексии:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	βασιλεὺς	βασιλῆς, позднее βασιλεῖς	βασιλῆ
Зват.	βασιλεῦ		
Вин.	βασιλῆα	βασιλῆας, позднее βασιλεῖς	βασιλῆ
Род.	βασιλέως		
Дат.	βασιλεῖ	βασιλεῶν	βασιλεῶν
		βασιλεῦσι	

Некоторые из этих форм объясняются перестановкой количества: βασιλέως восходит к βασιλῆος; наряду с этим мы находим и формы βασιλῆα и βασιλῆας, обычно употребляемые трагиками (ср., однако, φονέα; Еврипид, Нес. 882). Слияние Ἀχιλῆ наблюдается в виде исключения лишь в поэзии (Еврипид, ЕΙ. 439). В род. п. мн. ч. βασιλεῶν перестановки количества быть не могло, так как вторым гласным было ω. В род.-дат. п. дв. ч. βασιλεῶν (Эсхил, Septem 820), вероятно, не представляет древнего написания, и рукописное чтение βασιλῆων у Эсхила (Suppl. 297) может быть истолковано как форма дв. ч. βασιλῆων с перестановкой количества. Дат. п. ед. ч. βασιλεῖ — форма не фонетическая и объясняется обобщением ε, принадлежащего другим падежам. Им. п. мн. ч. βασιλῆς (из -ῆς) представляет собой древнюю форму, преобладающую в надписях приблизительно до 350 г. до н. э. По аналогии с ε остальной флексии были образованы формы на -ῆς (надписи около 400 г.), -έας (аттические поэты; возможно, ионизм), наконец, со слиянием, -εῖς, обычная новоаттической форма. В винительном падеже множественного числа вместо -έας иногда встречается -ῆς (по аналогии с именительным?), например Софокл, ΑΙ. 390; -εῖς (по аналогии с именительным; ср. πύγεις, πόλεϊς) засвидетельствовано в надписях с 307 г. до н. э. Нельзя сказать с уверенностью, следует ли исправлять эту форму в тех случаях, когда она встречается в рукописях ораторов или Ксенофонта. Форма эта обычна в койнэ, например в Новом завете. Им.-вин. п. дв. ч. βασιλῆ — слитная форма из βασιλῆε.

Примечание. У имен на -ιεύς формы на -εω- и -εа- чаще всего подвергаются слиянию: род. п. ед. ч. ἀλιῶς, род. п. мн. ч. ἀλιῶν, вин. п. ед. ч. ἀλιῶ, вин. п. мн. ч. ἀλιῶς.

СИСТЕМА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Склонение

§ 103. В индоевропейском языке склонение прилагательных не отличается от склонения существительных; единственная характеризующая его черта — это различие родовых форм (остающиеся, однако, неполными): основа мужского и среднего рода допускает одновременно образование форм обоих этих родов в тех падежах, где их формы различны. Наряду с этой основой наблюдается основа жен-

ского рода, которая в некоторых типах флексии отчетливо выступает как производная.

Первый тип прилагательных представлен в аттическом диалекте флексией $\acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{\iota}\varsigma$, $\acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{\eta}$, $\acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{\iota}\nu$ или $\epsilon\rho\upsilon\theta\rho\acute{\iota}\varsigma$, $\epsilon\rho\upsilon\theta\rho\acute{\alpha}$, $\epsilon\rho\upsilon\theta\rho\acute{\iota}\nu$, в которой мужской и средний род принадлежат к типу на e/o , а женский — к типу на $-i$ или на $-\acute{\alpha}$.

Примечания: 1. Некоторая часть прилагательных представляет в функции женского рода тематическую флексию мужского рода; сюда относятся преимущественно сложные слова, как $\tau\alpha\lambda\alpha\iota\pi\omicron\rho\omicron\varsigma$, $\acute{\alpha}\delta\omicron\varsigma\epsilon\varsigma$, $\sigma\acute{\upsilon}\nu\upsilon\epsilon\tau\epsilon\varsigma$ и т. п., а также некоторые простые: $\beta\acute{\alpha}\rho\beta\alpha\rho\omicron\varsigma$, $\eta\mu\epsilon\rho\omicron\varsigma$ „ручной“, $\epsilon\tau\omicron\rho\omicron\varsigma$ „истинный“, $\epsilon\eta\lambda\omicron\varsigma$ „спокойный“, $\chi\iota\beta\eta\eta\lambda\omicron\varsigma$ „поддельный“, $\eta\sigma\chi\omicron\varsigma$ „спокойный“, $\mu\lambda\omicron\varsigma$ „милостивый“ и др.

2. Форма женского рода прилагательных точно следует флексии типа $\eta\mu\epsilon\rho\alpha$ или $\tau\eta\eta$, за исключением родительного падежа множественного числа. У Гомера встречается окончание $-\acute{\alpha}\omega\upsilon$, $\acute{\alpha}\pi\alpha\lambda\acute{\alpha}\omega\upsilon$ (Σ 123), $\pi\omicron\lambda\lambda\acute{\alpha}\omega\upsilon$ (B 117), иногда в ионийской форме $-\acute{\epsilon}\omega\upsilon$, $\pi\rho\omega\tau\acute{\epsilon}\omega\upsilon$ (O 656), $\pi\omicron\lambda\lambda\acute{\epsilon}\omega\upsilon$ (B 131), местоимение $\alpha\acute{\upsilon}\tau\epsilon\omega\upsilon$ (M 424); ту же форму мы находим и у Геродота: $\acute{\alpha}\lambda\lambda\acute{\epsilon}\omega\upsilon$, $\lambda\omicron\upsilon\pi\acute{\epsilon}\omega\upsilon$, $\mu\alpha\chi\rho\acute{\epsilon}\omega\upsilon$ и т. п. Дорийский диалект употребляет соответствующую слитную форму на $-\acute{\alpha}\nu$: $\acute{\alpha}\lambda\lambda\acute{\alpha}\nu$ (Пиндар, Ol. VI, 25), $\pi\omicron\chi\alpha\acute{\alpha}\nu$ (Ol. XIII, 46) и т. п. В аттическом диалекте форма родительного падежа множественного числа мужского рода распространялась и на женский род: от $\phi\iota\lambda\eta$ родительным падежом множественного числа служит не ожидаемая форма $*\phi\iota\lambda\acute{\omega}\nu$ (§ 35), а $\phi\iota\lambda\acute{\omega}\nu$.

Однако в тех случаях, когда форма женского рода на $-i\alpha$ противостоит атематической основе мужского рода (§ 104), она, разумеется, имеет слитное окончание $-\acute{\omega}\nu$: $\mu\epsilon\lambda\alpha\iota\omega\upsilon\upsilon$, $\mu\epsilon\lambda\alpha\omega\upsilon\upsilon$, $\lambda\omicron\upsilon\sigma\tau\acute{\omega}\nu$ и т. д.

3. Относительно склонения слитных прилагательных см. § 26 и 40.

§ 104. В греческом языке существуют различные типы атематических прилагательных, соответствующие различным типам существительных. Согласные основы с сигматической формой именительного падежа мужского рода: основы на $*-n$ — $\mu\acute{\epsilon}\lambda\acute{\alpha}\varsigma$, $\mu\acute{\epsilon}\lambda\alpha\iota\upsilon\alpha$, $\mu\acute{\epsilon}\lambda\alpha\nu$; основы на $*-nt$ — $\chi\alpha\rho\iota\epsilon\iota\varsigma$, $\chi\alpha\rho\iota\epsilon\iota\sigma\sigma\alpha$, $\chi\alpha\rho\iota\epsilon\iota\nu$; атематические причастия — $\delta\iota\delta\omicron\upsilon\varsigma$, $\delta\iota\delta\omicron\upsilon\sigma\sigma\alpha$, $\delta\iota\delta\omicron\upsilon\nu$; причастие перфекта — $\epsilon\iota\delta\acute{\omega}\varsigma$, $\epsilon\iota\delta\acute{\omega}\iota\alpha$, $\epsilon\iota\delta\acute{\omega}\varsigma$ (§ 334); с асигматической формой именительного падежа: $\psi\acute{\epsilon}\rho\omega\upsilon$, $\psi\acute{\epsilon}\rho\omega\upsilon\sigma\alpha$, $\psi\acute{\epsilon}\rho\omega\upsilon$. Гласные основы с сигматической формой именительного падежа мужского рода: $\gamma\lambda\upsilon\chi\acute{\omega}\varsigma$, $\gamma\lambda\upsilon\chi\epsilon\iota\alpha$, $\gamma\lambda\upsilon\chi\acute{\iota}$ (о склонении см. § 90). Все эти основы характеризуются в женском роде словопроизводным суффиксом $*-i\alpha/-i\acute{\alpha}$, в греческом — $-i\alpha/-i\acute{\alpha}$ (чередование краткого и долгого i ; см. § 39), который служил в индоевропейском языке для образования слов женского рода. Следует отметить, что тематические причастия (как $\acute{\iota}\omega\upsilon$, $\acute{\omega}\nu$) образуют форму именительного падежа единственного числа

мужского рода удлинением гласного, предшествующего окончанию (ср., с другой стороны, лат. $leg\acute{e}ns$, характеризующееся окончанием $-s$), а атематические — сигматическим окончанием: $\delta\epsilon\iota\acute{\xi}\acute{\alpha}\varsigma$, $\delta\iota\delta\acute{\omega}\varsigma$, $\beta\acute{\alpha}\varsigma$ и т. д.¹ О флексии причастий см. § 65.

§ 105. Общей для всех этих типов прилагательных проблемой является способ образования формы женского рода. У основ на $*-u-$ ступень e гласного, находящегося перед суффиксом, обобщена уже в общегреческом: $\gamma\lambda\upsilon\chi\epsilon\iota\alpha$ восходит к $*\gamma\lambda\upsilon\chi\epsilon\upsilon-i\alpha$; это распространение огласовки e составляет, повидимому, отличительную черту греческого языка.

Прилагательные типа $\chi\alpha\rho\iota\epsilon\iota\varsigma$ образованы с помощью суффикса $-f\epsilon\upsilon t-$. Форма женского рода содержала в индоевропейском языке нулевую ступень огласовки суффикса; ср. санскр. $-vat\acute{i}$ из $*-u\eta t\acute{i}\alpha$. В греческом языке аналогия мужского рода, имевшего e во всех падежных формах, повела к созданию $*-f\epsilon\upsilon t-i\alpha$: коркир. $\sigma\tau\omicron\nu\beta\epsilon\tau\epsilon\sigma\alpha\nu$ (Коллиц 3189), беот. $\chi\alpha\rho\iota\epsilon\tau\tau\alpha\nu$ (Buck, Gr. Dialects², стр. 119), гомер. $\sigma\tau\omicron\nu\beta\epsilon\tau\epsilon\sigma\sigma\alpha$ и т. д.

Примечание. Этот тип прилагательных скудно представлен в аттическом диалекте, который употребляет $\phi\omega\eta\eta\epsilon\iota\varsigma$ без слияния, но со слиянием — $\mu\epsilon\lambda\iota\tau\omicron\upsilon\varsigma$, $\mu\epsilon\lambda\iota\tau\omicron\upsilon\tau\tau\alpha$.

Древнее чередование сохранилось в прилагательном $\pi\acute{\iota}\omega\upsilon$, у которого суффиксу на p форм мужского и среднего рода соответствует в форме женского рода суффикс на g : $\pi\acute{\iota}\omega\upsilon$, $\pi\acute{\iota}\epsilon\iota\rho\alpha$, $\pi\acute{\iota}\omega\upsilon$, ср. санскр. $p\acute{iv}an-$, ж. р. $p\acute{iv}ag\acute{i}$ (о следах чередования гласных в суффиксе причастия см. § 65 и 334).

§ 106. В образовании слов женского рода с суффиксом $*-i\alpha/-i\acute{\alpha}$, греч. $-i\alpha/-i\acute{\alpha}$, конкурировали форманты $-id-$ и $-ad-$,

¹ В этом параграфе терминология автора несколько сбивчива: говоря об атематических прилагательных, он имеет в виду прилагательные, склоняющиеся по атематическому типу, а говоря о тематических и атематических причастиях — причастия, образованные от глагольных корней, соответственно, при помощи тематического гласного и без него. Таким образом, как атематические причастия, так и тематические причастия оказываются частным случаем атематических прилагательных. — Прим. перев.

² Аналогичными являются также и формы косвенных падежей мужского рода: фонетически закономерным был бы род п. $*\chi\alpha\rho\iota\alpha\tau\omicron\varsigma$ < $\chi\alpha\rho\iota\epsilon\tau\tau\omicron\varsigma$, как и им. п. ж. р. $*\chi\alpha\rho\iota\alpha\sigma\sigma\alpha$ < $\chi\alpha\rho\iota\epsilon\tau\tau\iota\alpha$. — Прим. перев.

рассмотрение которых относится скорее к области словообразования, чем к морфологии в тесном смысле слова. Чаще всего -ιδ- (с дублетом -ία) служит для образования форм женского рода существительных, изменяющихся по родам (так называемые substantiva mobilia); женский род от ἀδελτήρ иногда имеет форму ἀδελτήρια, но чаще ἀδελτήρις. Но в ряде случаев этот суффикс образует и настоящую родовую форму прилагательных. Гомер говорит θούρος Ἄρης (E 507), но в женском роде — θούριδος ἀλκίης (E 718).

Возможно, что по аналогии с -ιδ- роль суффикса женского рода, даже в системе прилагательного, играет иногда -αδ-: ἀμοιβάς „сменная“ (E 521) как эпитет χλαῖνα служит формой женского рода от ἀμοιβός.

§ 107. Наконец, имеется тип прилагательных, в котором противопоставление мужского и женского рода вовсе не выражено. Это относящиеся к атематическому склонению основы на *s: ἀληθής, ἀληθής, ἀληθές, συγγενής, συγγενής, с т. д. Однако для некоторых прилагательных этого типа иногда создавалась особая форма женского рода: ἐπτέτις „семилетняя“ (Аристофан, Thesm. 480), женский род от ἐπτέτης; συγγενίς „родственница“ (Лука I, 36), женский род от συγγενής.

§ 108. В новогреческом языке существуют различные типы прилагательных, из которых одни унаследованы от древнегреческого, другие образованы вновь. Общей тенденцией является четкое противопоставление форм мужского, женского и среднего рода. Тип συγγενής сохранился только в ученом языке и принял следующую форму: м. р. συγγενής, ж. р. συγγενίσα, ср. р. συγγενικό.

§ 109. Некоторые прилагательные имеют неправильное склонение. Μέγας в ряде падежей получает расширение основы на I, встречающееся также в некоторых германских формах. Склонение у Гомера и в аттическом диалекте: им. п. ед. ч. м. р. μέγας, им.-вин. п. ср. р. μέγα, вин. п. м. р. μέγα. Все остальные падежи образуются от тематической основы, содержащей упомянутое I: μεγάλου, μεγάλων, μεγάλοι, μεγάλα и т. д. Женский род имеет формы μεγάλη, μεγάλην и т. д. В качестве звательного падежа мужского рода употребительно либо μέγας (Софокл, Oed. Col. 1471), либо μέγαλε (Эсхил, Sept. 822).

Прилагательные на -ος, имевшие архаическую и трудную флексию, иногда замещались производными прилагательными:

тельными: κρατός засвидетельствовано несколько раз у Гомера в именительном падеже, но обычной формой было производное κρατερός. Аттическая форма ж. р. πραῖα „смирная“ предполагает основу на *-и-, и такая основа действительно существует: им. п. ед. ч. м. р. πρᾶός (Пиндар, Pyth. III, 71), вин. п. πρᾶόν (Пиндар, Pyth. IV, 136). Но в аттическом диалекте πρᾶός было заменено основой на е/о: πρᾶος, πρᾶον, πρᾶου и т. д. Некоторые формы от основы на *-и все же употребительны: им. п. мн. ч. πραῖς наряду с πρᾶοι, им.-вин. п. мн. ч. ср. р. πρᾶέα (но πρᾶα, Аристотель, De animal. hist. 488 b). В родительном падеже множественного числа употребительно πρᾶων, но иногда πρᾶέων (Ксенофонт, Anab. I, 4, 9); дательный падеж множественного числа всегда πρᾶέσι. Атематическая флексия также существует еще в койнэ: в Новом завете часто встречается πρᾶός.

§ 110. В склонении πολός также объединены две основы. Аттические формы следующие:

	М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Ед. ч. Им., зват.	πολός	πολλή	πολό
Вин.	πολόν	πολλήν	πολό
Род.	πολλοῦ	πολλῆς	πολλοῦ
Дат.	πολλῶι	πολλῇι	πολλῶι
Мн. ч. Им., зват.	πολλοί	πολλαί	πολλά
Вин.	πολλούς	πολλάς	πολλά
Род.	πολλῶν	πολλῶν	πολλῶν
Дат.	πολλοῖς	πολλαῖς	πολλοῖς

У Гомера каждая из этих основ дает полное склонение: с одной стороны, πολός, вин. п. ед. ч. πολόν, род. п. πολέος, им. п. мн. ч. πολέες, вин. п. πολέας, род. п. πολέων, дат. п. πολέσι, πολέεσι, πολέεσι; с другой — πολλός, πολλόν, πολλοῦ и т. д. У Геродота склонение нормализовано: πολλός, πολλή, πολλόν. Происхождение основы с двойным согласным неясно; возможно, здесь мы встречаемся с экспрессивным удвоением¹.

¹ Нет оснований отказываться от обычного объяснения этой основы как результата аналогического распространения основы ж. р. πολλᾶ- < *πολῆα/ᾶ- [ср. Ф. § 57, 42]. — Прим. перев.

Степени сравнения

§ 111. Прилагательное образует так называемые степени сравнения. Сравнительная степень выражает, что определяемое данным прилагательным лицо или вещь обладает соответствующим качеством в более высокой степени, чем другое определенное лицо или вещь; но вместе с тем ей свойственно и значение интенсивности, и в этом случае она приближается по значению к наречию „довольно“ или „слишком“. Превосходная степень выражает то же, что сравнительная, но по отношению к нескольким лицам или вещам — так называемая относительная превосходная степень; вместе с тем она служит и для выражения того, что определяемое обладает тем качеством, которое обозначено данным прилагательным, в весьма высокой степени — так называемая абсолютная превосходная степень; в этом случае она соответствует по значению наречиям „очень“, „весьма“.

Эти значения сравнительной и превосходной степеней выражаются в греческом языке, как и в латинском, особыми суффиксами, унаследованными от индоевропейского. Сравнительная и превосходная степени с понижающим значением („менее мудрый“, „наименее мудрый“), а также степень, означающая равенство („равно мудрый“ или „столь же мудрый“), не имеют особых формантов и выражаются наречиями.

а) Суффиксы *-jes- и *-istho-

§ 112. Греческий язык использовал для образования сравнительной степени древний суффикс *-jes-/*-jos-¹, засвидетельствованный в латинском в форме -jōs- в род. п. ед. ч. meliōris (из *meljōses) и в форме -jos- в им.-вин. п. ср. р. melius (из meljōs). В греческом языке этот суффикс засвидетельствован в вин. п. ед. ч. м. и ж. р. ἐλάσσω из *ἐλαχ-јос-а, в им.-вин. п. мн. ч. ср. р. ἐλάσσω

¹ Более полный ряд чередующихся ступеней огласовки этого суффикса дают латинские формы, образованные от корня mag-: maioris < *magjōses, maius < *magjōs, maiestās < *magiestās, magis (с вокализацией сонанта в нулевой ступени суффикса [ср. Э. § 98, 102]. — Прим. перев.

и в им. п. мн. ч. м. и ж. р. ἐλάσσους из *ἐλαχ-јос-ес, причем последняя форма употребительна и в функции винительного (§ 55). Повидимому, *-jos- могло уже в индоевропейском языке принимать форму *-jios-, откуда ἡδῖω, γλυχῖω и т. п. Что касается склонения в целом, то слитные формы этого сигматического суффикса хорошо сохранились в аттическом диалекте, особенно в единственном числе; они встречаются до сравнительно позднего времени в большом числе в аттических надписях. Имеются они и у Гомера, а также в ионийском и дорийском диалектах. Напротив, койнэ Нового завета их избегает.

§ 113. С этими формами уже в гомеровском языке конкурируют формы, образованные посредством носового суффикса. В аттическом диалекте наряду с приведенными выше формами употребительны также ἡδίονα, ἡδίονες, ἡδίονας; в остальных падежах формы, образованные посредством этого суффикса с назальным расширением, оказываются единственными. Действительно, греческий язык унаследовал наряду с суффиксом *-jos- формант с назальным расширением -јос-ъν- > -јон-, где -јос- представляет нулевую ступень суффикса *-jes-/*-jos-. Этот же формант обнаруживается и в герм. -izan. Именно этот носовой суффикс и употребителен в греческом языке, но по аналогии с *-jes-/*-jos- он выступает как в форме -јон-, так и в форме -јов-. Таким образом, наряду с γλυχίων или ἡδίων мы встречаем и такие формы, как μεῖζων или ἐλάσσων с суффиксом -јон-. Иногда одно и то же прилагательное образует обе формы сравнительной степени: от βραχὺς „короткий“ существовало βραχίων (Гесикий) и βράσσων (К 226).

Примечание. Количество гласного ι в окончании -јон- в метрических текстах колеблется: он долг в аттическом диалекте, долг или краток у Гомера, краток у Пиндара.

§ 114. Флексия форм с носовым сходна с флексией типа δαίμων; но так как в нее включены для некоторых падежей слитные формы сигматического происхождения, то парадигма приобретает следующий неправильный вид:

	М. и ж. р.	Ср. р.
Ед. ч. Им.	ῥδίων	ῥδιον
Вин.	ῥδιῶ и ῥδίονα	ῥδιον
Род.	ῥδίουος	ῥδίουος
Дат.	ῥδίουи	ῥδίουи
Мн. ч. Им.	ῥδίουος и ῥδίουος	ῥδιῶ и ῥδίονα
Вин.	ῥδίουος и ῥδίουος	ῥδιῶ и ῥδίονα
Род.	ῥδίουων	ῥδίουων
Дат.	ῥδίουи	ῥδίουи

Следует отметить, что женский род не отличается здесь от мужского, как и в других индоевропейских языках (ср. лат. *melior*): основа сравнительной степени не является в собственном смысле прилагательным; она производится не от соответствующего прилагательного, а непосредственно от корня, содержащего обычно ступень огласовки е; ср. ион. *κρέσσων* при *κράτῃς* и *κράτερός*.

§ 115. Этой форме сравнительной степени соответствует превосходная степень на *-ιστος*, что восходит к **-is-tho-* (ср. санскр. *-iṣṭhaḥ*); здесь элемент *-is-* представляет собой суффикс сравнительной степени **-ies-/*-ios-* в нулевой ступени; ступень огласовки корня, повидимому, также была нулевая; ср. *κράτιστος* при ион. *κρέσσων*.

§ 116. Иногда основа сравнительной степени не имеет соответствия ни с одной из основ прилагательного, образованных от того же корня: положительной степени *ἀγαθός* соответствует сравнительная степень *ἀμείνων* неясной этимологии; *βέλτιον* и *βέλτιστος* — формы, заимствовавшие, повидимому, свое *τ* от параллельной формы сравнительной степени *βέλ-τερος*; *ἀρείων* имеет превосходную степень *ἄριστος* (ср. *ἀρετή*); наконец, *λῶιον* и *λῶιστος*. Для *κακός*, помимо *κακίων* и *κακιστος* (и относящегося сюда же гомер. *κακώτερος*), существуют формы сравнительной степени *χειρών* (и гомер. *χερείων*) и превосходной *χειρίστος*, образованные от основы, засвидетельствованной в гомеровских формах *χέρηϊ* (Λ 80), *χέρηες* (ο 324) и т. д. В качестве сравнительной и превосходной степеней для *ὀλίγος* и *μικρός* (помимо *ὀλιζών*, *μείων*, ср. ниже, — *ἐλάσσων*, § 117) были образованы от корня гомер. *ῥχα* „тихо“ формы *ῥσσων* и *ῥκιστος*; соответствующая ионийская форма была,

вероятно, *ῥσσων* (по аналогии с *κρέσσων*?): хотя рукописи Геродота дают обычно *ῥσσων*, но ионийский производный глагол имеет форму *ῥσσοῦσθαι*. От основы гомеровского наречия *ῥεῖα* (*ῥῆα*) были образованы формы *ῥάϊων* и *ῥάιστος*, служащие степенями сравнения для прилагательного *ῥάϊδιος* „легкий“.

В некоторых случаях ясно видно, что огласовка сравнительной степени первоначально имела ступень е: от корня прилагательного *πολύς* имеем *πλείων* и *πλείστος* из **ple-is-on-*, **ple-is-tho-*; ср. санскр. *prāyāḥ*. Основа **ple-is-* с нулевой ступенью огласовки суффикса и без назального расширения заключена, возможно, в аттич. *πλείν* (вместо **πλείς* под влиянием *πλείων*). Не обнаруживается суффикс **-is-* в гомеровских формах *πλέες*, *πλέας* (Β 129, Λ 395); наконец, аркад. *πλος* (I. G. V (2), 3) остается неясным (о краткое или долгое?). От *ὀλίγος* существует сравнительная степень *ὀλιζών*, встречающаяся в древних аттических надписях (I. G. I², 76, ср. также у Гомера Σ 519), но превосходная *ὀλίγιστος*. От корня, который в расширенной форме встречается также в лат. *minor*, имеем *μείων* „меньший“ (Гомер, аттический диалект). От корня древнего прилагательного *κράτῃς* и более позднего *κράτερός* были образованы ионийская форма сравнительной степени *κρέσσων* „более сильный, лучший“ и превосходная степень *κράτιστος*; позднее от этой превосходной степени вторично образованы дор. *κάρτων* (Крит, Гортинское законодательство I, 15) и *κάρρων* из **κάρσων* (Алкман 78 D; Эпихарм 165) вместо *κρείττων* (см. ниже). От *μέγας* — сравнительная степень *μέζων*, форма, употребительная в ионийском (Геродот и др.), эолийском (Сапфо), дорийском (Эпихарм и др.) диалектах, и превосходная степень *μέγιστος* (ионийский, аттический и др.).

Вместо *κρέσσων* и *μέζων* в аттическом диалекте употребительны составляющие его особенность формы с дифтонгом *ει* — *κρείττων* и *μείζων*; происхождение их неясно (возможно, по аналогии со связанными с ними по значению *ἀμείνων* и *ὀλιζών*).

В форме сравнительной степени с огласовкой *α* наблюдается удлинение, происхождение которого трудно определить и которое, повидимому, является вторичным.

В случае *ἄσσων*, *ἄσσοτέρω* (ср. § 126) „ближе“, ср. *ἄχχῃ*, *αχχιστος*, удлинение, возможно, является фонетическим (из

*αγγ-ιον- > *ανσσον-). Кроме того, $\theta\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega\nu$, ср. р. $\theta\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega\nu$ (аттич. $\theta\acute{\alpha}\sigma\tau\omega\nu$, $\theta\acute{\alpha}\tau\tau\omega\nu$) „более быстрый“, ср. $\tau\alpha\chi\acute{\upsilon}\varsigma$, $\tau\acute{\alpha}\chi\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ [Ф. § 32]; $\mu\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega\nu$ „больше, скорее“ (но $\mu\acute{\alpha}\lambda\iota\omega\nu$ с кратким α у Тиртея 9, 6 D), ср. $\mu\acute{\alpha}\lambda\alpha$, $\mu\acute{\alpha}\lambda\iota\sigma\tau\alpha$.

§ 117. Сравнительная степень архаического типа на $\iota\omega\nu$ - $\iota\omega\nu$ и превосходная степень на $\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ часто образуются от прилагательных на $\upsilon\varsigma$. Происходящие от $\epsilon\lambda\acute{\alpha}\chi\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ формы $\epsilon\lambda\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega\nu$, $\epsilon\lambda\acute{\alpha}\chi\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ служат степенями сравнения для $\mu\iota\kappa\rho\acute{\upsilon}\varsigma$. Кроме того, можно отметить $\beta\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega\nu$ (Эпихарм 188 Kaib.) и $\beta\alpha\theta\iota\omega\nu$ (аттич.), $\beta\acute{\alpha}\theta\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ (Θ 14 и др.) от $\beta\alpha\theta\acute{\upsilon}\varsigma$ „глубокий“; $\beta\rho\alpha\delta\iota\omega\nu$ (Гесиод, Ор. et. d. 528), $\beta\acute{\alpha}\rho\delta\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ (Ψ 310) от $\beta\rho\alpha\delta\acute{\upsilon}\varsigma$ „медленный“; $\beta\rho\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega\nu$ (Κ 226), $\beta\rho\acute{\alpha}\chi\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ (Пиндар, Isthm. VI, 59) от $\beta\rho\alpha\chi\acute{\upsilon}\varsigma$ „короткий“; $\gamma\lambda\upsilon\kappa\iota\omega\nu$ (ι 34) и $\gamma\lambda\acute{\upsilon}\sigma\sigma\omega\nu$ (Ксенофан, 34 D), $\gamma\lambda\acute{\upsilon}\kappa\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ (койнэ) от $\gamma\lambda\upsilon\kappa\acute{\upsilon}\varsigma$ „сладкий“; $\eta\delta\iota\omega\nu$, $\eta\delta\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ (ион.-аттич.) от $\eta\delta\acute{\upsilon}\varsigma$ „сладкий, сладостный“; $\pi\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega\nu$ (ζ 230 и др.), $\pi\acute{\alpha}\chi\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ (Π 314) от $\pi\alpha\chi\acute{\upsilon}\varsigma$ „толстый“. От $\pi\rho\epsilon\iota\gamma\acute{\upsilon}\varsigma$ (аттич. $\pi\rho\acute{\epsilon}\sigma\beta\upsilon\varsigma$) „старый, почтенный“ в критском диалекте встречаются неясная по образованию сравнительная степень $\pi\rho\epsilon\iota\gamma\iota\omega\nu$ (Гортинское законодательство XII, 34) и превосходная $\pi\rho\epsilon\iota\gamma\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ (там же, VII, 18); $\omega\kappa\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ (O 238 и др.), превосходная степень от $\omega\kappa\acute{\upsilon}\varsigma$ „быстрый“. Однако обычно в ионийско-аттическом диалекте, за исключением $\eta\delta\iota\omega\nu$, употребляются от прилагательных на $\upsilon\varsigma$ формы сравнительной степени на $\acute{\upsilon}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$ и превосходной на $\acute{\upsilon}\tau\alpha\tau\omicron\varsigma$, вытеснившие старые формы: $\beta\alpha\theta\acute{\upsilon}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$, $\tau\alpha\tau\omicron\varsigma$; $\beta\rho\alpha\delta\acute{\upsilon}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$, $\tau\alpha\tau\omicron\varsigma$ и т. д.

§ 118. Другие примеры сравнительной и превосходной степеней этого типа: $\alpha\iota\sigma\chi\iota\omega\nu$, $\alpha\iota\sigma\chi\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ (Гомер, ион.-аттич.) от $\alpha\iota\sigma\chi\acute{\upsilon}\varsigma$ „постыдный, безобразный“; $\epsilon\chi\theta\iota\omega\nu$ (аттич.), $\epsilon\chi\theta\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ (Гомер, ион.-аттич.) от $\epsilon\chi\theta\acute{\upsilon}\rho\omicron\varsigma$ „враждебный“; $\kappa\upsilon\delta\iota\omega\nu$ (Еврипид, Alc. 960), $\kappa\upsilon\delta\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ (Гомер) от $\kappa\upsilon\delta\acute{\upsilon}\rho\omicron\varsigma$ „славный“. Эти формы образованы от корней слов $\alpha\iota\sigma\chi\acute{\upsilon}\varsigma$ „безобразный“, $\epsilon\chi\theta\acute{\upsilon}\varsigma$ „вражда“, $\kappa\upsilon\delta\acute{\upsilon}\varsigma$ „слава“, а не от происходящих от них производных прилагательных на $\rho\omicron\varsigma$. Так же: $\acute{\alpha}\lambda\gamma\iota\omega\nu$, $\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ (Гомер, аттич.), ср. $\tau\omicron$ $\acute{\alpha}\lambda\gamma\omicron\varsigma$ „боль“; $\kappa\alpha\lambda\lambda\iota\omega\nu$, $\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ (Гомер, аттич.), ср. $\tau\omicron$ $\kappa\alpha\lambda\lambda\omicron\varsigma$ „красота“; $\kappa\epsilon\rho\delta\iota\omega\nu$, $\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ (Гомер), ср. $\tau\omicron$ $\kappa\epsilon\rho\delta\acute{\upsilon}\varsigma$ „выгода“; $\rho\acute{\epsilon}\gamma\iota\omega\nu$, $\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ (Гомер), ср. $\tau\omicron$ $\rho\acute{\epsilon}\gamma\omicron\varsigma$ „дрожь, холод“. Эти примеры показывают, что сравнительная степень на $\iota\omega\nu$ представляет собой первичное образование и не производится от основы при-

лагательного. $\Phi\acute{\epsilon}\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ „могучий, превосходный“ (Гомер, поэты) образовано от корня глагола $\phi\acute{\epsilon}\rho\omega$; $\psi\iota\lambda\iota\omega\nu$ (Гомер) — от корня прилагательного $\psi\iota\lambda\omicron\varsigma$.

б) Суффиксы *-tero- и -tato-

§ 119. Наряду с суффиксами *-ies- и *-istho- в индоевропейском языке существовал суффикс *-tero-, выражавший противопоставление. С его помощью образовались такие местоименные формы, как $\pi\acute{\omicron}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$ „который из двух“ (§ 146), $\eta\mu\acute{\epsilon}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$ „наш“ (§ 160). Древнее значение суффикса отчетливо выступает в аркад. $\alpha\rho\rho\epsilon\nu\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$ (I. G. V, 2, 262) „мужской“ в противопоставлении „женскому“; в том же значении $\epsilon\rho\sigma\epsilon\nu\alpha\iota\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$, в противопоставлении $\theta\eta\lambda\acute{\upsilon}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$ „женский“, например, в элейской надписи $\mu\alpha\tau\epsilon$ $\epsilon\rho\sigma\epsilon\nu\alpha\iota\tau\epsilon\rho\alpha\nu$, $\mu\alpha\tau\epsilon$ $\theta\eta\lambda\acute{\upsilon}\tau\epsilon\rho\alpha\nu$ (Швицер 424); $\theta\eta\lambda\acute{\upsilon}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$ мы находим у Гомера, например в формуле $\gamma\upsilon\nu\alpha\iota\kappa\acute{\omega}\nu$ $\theta\eta\lambda\acute{\upsilon}\tau\epsilon\rho\acute{\alpha}\omega\nu$ (ψ 166 и др.). $\text{O}\rho\acute{\epsilon}\sigma\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$, производное от $\acute{\omicron}\rho\omicron\varsigma$ (X 23), означает „горный“ в противопоставлении „равнинному“, $\acute{\alpha}\gamma\rho\acute{\upsilon}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$ (B 852) „полевой“ — в противопоставлении „домашнему“ (о животных); $\kappa\upsilon\rho\beta\acute{\epsilon}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$ (Δ 316) противопоставляет „молодых“ „старым“. Первоначальное значение суффикса привело к тому, что он стал служить для образования производных слов, выражающих характеристику по положению: $\pi\rho\acute{\epsilon}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$ „прежний“ от $\pi\rho\acute{\epsilon}\varsigma$; $\delta\epsilon\acute{\iota}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$ „правый“, ср. $\delta\epsilon\acute{\xi}\iota\acute{\upsilon}\varsigma$; $\acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$ „левый“; $\acute{\upsilon}\sigma\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$ „последующий“. То же в латинском языке: *dexter*, *exterus* и т. п. [Э. § 98].

Как и в санскритском языке (-tara-), суффикс -tero- стал употребляться в той же функции, что и первоначальный суффикс сравнительной степени -iō- , и постепенно его вытеснил. Употребление -tero- обычно для производных основ и для основ на ϵ/\omicron .

§ 120. Наряду с этим суффиксом сравнительной степени употреблялся формант превосходной степени -atō- . Он произошёл от суффикса порядковых числительных -to- ; $\delta\acute{\epsilon}\kappa\alpha\tau\omicron\varsigma$ противопоставляет „десятого“ всем остальным, подобно тому как превосходная степень противопоставляет кого-либо или что-либо всем или всему остальному. Суффикс -atō- встречается в некоторых формах „превосходной степени“ с местным значением: $\acute{\epsilon}\lambda\chi\alpha\tau\omicron\varsigma$

„крайний“ (Гомер и др.), μέσστος „средний“ (Гомер), ὑπάτος „верхний“ (Гомер). Обычная форма -τάτος содержит расширение τ (ср. также τρίτατος), которое мы находим и в санскр. -tama-, лат. -timus наряду с -imus [Э. § 99].

§ 121. В тех случаях, когда суффиксы -терос и -таτος присоединялись к основам на о/е, тематический гласный (поскольку греческий язык избегал последовательности трех кратких слогов) удлинялся в ω, если (как, например, в случае σοφός) предыдущий слог был краток; таким образом, мы имеем ὤμωτερος, μικρότερος, но σοφώτερος. Исключения объясняются просто: аттические формы κενώτερος, στενέτερος обусловлены тем, что в общегреческом языке эти сравнительные степени имели форму *κηνώτερος, *στενέτερος. Наконец, удлинение не наблюдается в относительно поздних формах сравнительной степени на -терос от основ на υ: βαρύτερος, βραχύτερος, ὑλκύτερος сохраняют краткость этого υ (ср. Аристофан, Ach. 467).

§ 122. Некоторые тематические прилагательные на -ατος образуют степени сравнения не на -αίτερος, -αίτατος, как можно было бы ожидать, а на -αίτερος, -αίτατος. Исходным пунктом этой системы послужили, вероятно, формы παλαιότερος, παλαιάτατος, образованные не от παλαιός, а от наречия πάλαι. Отсюда γεραιότερος, -таτος от γεραιός, σχολαίτερος, -таτος от σχολαίος. По аналогии это окончание было распространено и на некоторые другие сравнительные и превосходные степени, например аттич. πρωταίτερον, -тата от πρωί „рано“, по образцу παλαιότερος; далее, по образцу πρωταίτερον было образовано ψφιαίτερον, -тата (Платон, Ксенофонт) от ὀψέ „поздно“; также месаίτερος, -таτος (ион.-аттич.) от μέσος; πλησιαίτερον, -тата (Ксенофонт) от πλησίος „близкий“; ἰσαίτερος (Фукидид, Ксенофонт) от ἴσος „равный, равноправный“; προουχταίτερον „выгоднее“ от προὔργου; ἡσυχαιότερος (аттич.) от ἡσυχός, но иногда встречается и ἡσυχώτερος, а также прилагательное ἡσυχάιος; φιλαίτερος (Ксенофонт, Anab. I, 9, 29), -таτος (Ксенофонт, Hell. VII, 3, 8), ἰδιαίτερος, -таτος от ἴδιος „собственный, своеобразный“ (начиная с Аристотеля).

§ 123. К основам, оканчивавшимся на согласный, суффиксы -терос, -таτος присоединялись непосредственно: μαχάρτατος от μάχαρ, τέρηντερος от τέριη, -εως.

Некоторые затруднения возникали для основ, оканчивавшихся на переднеязычный: χαρίεστερος от χαρίζω, -εως может рассматриваться либо как фонетически закономерная форма, либо как форма, возникшая под влиянием χαρίζω; следует отметить πένεστερος от πένης, -ητος „бедный“ с ε, объясняющимся аналогией сравнительных степеней на -έστερος (§ 124).

Иногда основа подвергалась изменению: от ἐπιλήσμων, -онос „забывчивый“ встречаем один раз ἐπιλήσμοντατος (Аристофан, Nub. 790); от πίων „тучный“ — πιώτερος (Нумп. in Ар. 48 и др.) и πιώτατος (I 577 и др.); от πέπων „зрелый, мягкий“ — πεπαίτερος, -таτος (Эсхил, комик Алексид), по аналогии с πεπαίω и со сравнительными степенями на -αίτερος.

§ 124. Этот суффикс образовывал окончание -έστερος, -έστατος в случае χαρίεστερος, особенно же у прилагательных с основой на -εσ-: ἀληθέστερος, -έστατος и т. п. В дальнейшем это окончание получило некоторое распространение: оно послужило в аттическом диалекте для образования степеней сравнения от εὐδαίμων — εὐδαίμονεστερος, -таτος (под влиянием εὐτυχέστερος?); ἐπιλήσμονεστερος (Ксенофонт) от ἐπιλήσμων. Кроме того, мы находим его в ἀκρατέστερος, -таτος (Платон, Phil. 53 a, Гиперид) от ἀκρατός „несмешанный, чистый“; ἀφθονέστερος (Пиндар, Ol. II, 104; Платон, Resp. 460 b) от ἀφθονός „щедрый“, хотя в аттическом диалекте встречается и форма ἀφθονώτερος. Часто мы находим этот суффикс и у сложных прилагательных. От основ причастий отметим: ἐρρωμένεστερος, -таτος (Платон, Symp. 181 c, Resp. 477 e) от ἐρρωμένος „здоровый“; ἀσμενέστατα (Платон, Resp. 329 c, 616 a) от ἀσμενός „радостный“, но с вариантом ἀσμεναίτατα.

Этот тип сравнительной и превосходной степеней распространен в ионийском и дорийском диалектах: εὐωνέστερος (Эпихарм 121 Kaib.) от εὖωνος „дешевый“; ἀπονέστερος (Пиндар, Ol. II, 68) от ἀπονος „беструдный“; αἰδοιέστατος (Пиндар, Ol. III, 42) от αἰδοίος „почтенный“ (под влиянием ἀναιδέστερος?). Уже у Гомера появляется вариант ἀνιρέστερος (β 190) от ἀνιρός „тягостный“. У Геродота: σπουδαίεστερος (I, 8) от σπουδαίος „серьезный“, ὑγιεστάτος (II, 77) от ὑγιής „здоровый“ (под влиянием ὑγιεστάτος?). Иногда из самого контекста видно, как могло распространяться

по аналогии -εστατος: ὡς γὰρ δὴ διεξέλθοι ὁ κῆρυξ πολέων τὰς εὐειδεστάτας τῶν παρθένων, ἀνίστη ἄν τὴν ἀμορφεστάτην (Геродот I, 196). Появление формы ἀμορφεστάτην от ἀμορφος „некрасивый“ обусловлено аналогией формы εὐειδεστάτας.

§ 125. Наконец, имеется несколько примеров суффикса -ιστερος, -ιστατος, который употреблялся преимущественно у прилагательных, обозначающих какую-либо отрицательную черту или свойство: γαστρίστερος¹ (Платон комик, 195 K), повидимому, получилось фонетически из γάστρις, -ιδος „обжора“. Отсюда по аналогии ποτίστατος (Аристофан, Thesm. 735) от πότις „любитель выпить“; κλεπτίστατος (Аристофан, Plut. 27) от κλέπτειс „вороватый“; λαλίστερος (Аристофан, Ran. 91) от λόλος „болтливый“; μονοραγίστατος (Аристофан, Vesp. 923) от μονοράγος „обжора“; πτωχίστερος (Аристофан, Ach. 425) от πτωχός „нищий“. Эти формы первоначально служили, вероятно, степенями сравнения для имен женского рода на -ιδ-; так, ποτίσταται (Thesm. 735) собственно превосходная степень для πότις, -ιδος „любительница выпить“; для κλεπτίστατος также существует положительная степень κλέπτειс, но превосходная степень засвидетельствована в форме м. р. κλεπτίστατος (Plut. 27).

§ 126. Примечания: 1. Суффиксы -τερος, -τατος могут присоединяться непосредственно к корню: φίλτερος, φιλτατος (Гомер), сравнительная и превосходная степени для ἀγαθός (относительно φιλτίων см. § 115), φέρτερος, -τατος (Гомер и др.), ср. φέρω; φίλτερος, -τατος (Гомер, аттич.) от φίλος, но наряду с ними существуют, однако, и формы φιλωτέρος (Ксенофонт, Мем. III, 11, 18), φιλαίτερος (§ 122), φιλιών (§ 118).

2. Суффикс -τερος, будучи экспрессивным, может присоединяться к основам существительных: βασιλεύτερος „более царь“ и κύντερον „более собака“ у Гомера, δουλότερος „более раб“ у Геродота. Встречается также -τατος с основами, которые по своему значению не должны бы допускать степени сравнения: μονότατος „единственный“ (Фукидид, Аристофан), αὐτότατος „он самый“ (Аристофан, Plut. 83).

3. Суффикс сравнительной или превосходной степени мог присоединяться как к основам, уже содержавшим в себе суффикс -τερος или -та-, например προτεραίτερος (Аристофан, Equ. 1165), хонтерώτερος (Ферекрат 106 K), хонτατώτατος (Евбул 85 K), так и к основам, содержащим суффикс -ιων: ἀσπώτερος от ἀσπον (р 572, τ 506), ἀρενιώτερος (Миннерм 13 D). В койнэ μειώτερος (3 послание Иоанна, 4), ελαχιστώτερος в функции превосходной степени (Послание к ефесцам III, 8 и др.).

4. В койнэ, где превосходная степень постепенно выходит из употребления, встречается несколько новых форм на -τερος, -τατος,

заменивших старые формы: ἀγαθώτερος (Септуагинта), -τατος (Гелиодор V, 15), αἰσχυρότατος (Афиней XIII, 587 b), также в папирусах (Pap. Alex. IX, 2).

5. На протяжении всей истории греческого языка возможен был также аналитический оборот с наречиями καλλόν и καλίστα, конкурировавший с суффиксальными формами сравнительной и превосходной степеней. В новогреческом языке изредка встречаются сохранившиеся формы сравнительной степени на -τερος, как, например, καλῆτερος „лучший“ (др.-греч. καλλίων „более красивый“), но обычно сравнительная и превосходная степени образуются посредством наречия πῶς; употребляется и оборот πῶς καλῆτερος.

НАРЕЧНЫЕ ФОРМЫ

§ 127. Своеобразную черту греческого склонения составляет наличие некоторых образований полунаречного характера, продолжающих древнее индоевропейское употребление.

§ 128. Одним из наиболее ясных примеров его служит гомеровское окончание -φι. Это, помимо Гомера не встречающееся, окончание является собственно эолийским, как показывает беот. ἐπιπατρίφιν „отечество“ (Швицер, 462 A, 28), производное от *ἐπι πατρίφ. Основная особенность этого окончания, родственного индоевропейским формантам орудийного падежа на -bh-, состоит в том, что оно может быть использовано как для единственного, так и для множественного числа в функции различных падежей — орудийного, местного, дательного, родительного, отложительного и даже родительного приименного. Значение орудийного падежа четко выступает в некоторых формулах, например в выражении (φ)ῖφι (φ)ανάσσειν „мощно властвовать“ (A 38 и др.), где (φ)ῖφι — орудийный падеж древнего первообразного имени, соответствующего лат. vis. Но это же окончание присоединялось и к другим основам, где оно получало различные синтаксические функции. Часто ощущается его наречное значение: διόρηφι „за дверью“ (ε 238), ὄρεσφι „в горах“ (A 474). Вместе с тем форма на -φι заменяла родительный и дательный падежи там, где этого требовала метрика: δι' ὄρεσφι „по горам“ (K 185) вместо δι' ὄρων и т. п. Так же: δακρυόφι (P 696) вместо δακρύων или δακρύοισι, ὀστέφι (μ 45) вместо ὀστέων, δεξιόφι и ἀριστερόφι (N 308 и 309) вместо δεξιῶν и ἀριστερῶν, Πιόφι (Ф 295) вместо Πίου; с распространением окончания -φφι: ἐσχαρόφι (ε 59) вместо ἐσχαῆς, κοτυληδονόφι

¹ Из *γαστρίδτερος [см. Ф. § 30]. — Прим. перев.

(в 433) от *καταλήδων*; с распространением окончания *-εσσι*: *κράτεσσι* (К 156) вместо род. п. *κράτος* от *κράα*.

§ 129. Кроме того, мы находим еще окончания на *-θ*-, с помощью которых образовывались преимущественно наречия местного значения. Суффикс *-θεν*, выражавший происхождение, отправной пункт, встречається в древних наречных образованиях, например *ἐνθεν*, *ἐντεῦθεν* (ион. *ἐνδεῦθεν*); далее, в формах, образованных от местоименных основ, например *πῶθεν*, а также в собственных именах, как *Ἀθήνηθεν* „из Афин“ (аттич.), и, наконец, в нарицательных именах: *οἰκοθεν* „из дому“ (Гомер, аттич.) и у Гомера и трагиков *θεῖθεν* „от бога“, *οὐρανθεν* „с неба“ и даже *ἐξ οὐρανθεν* (θ 19). В эолийском диалекте и у Гомера *-θεν* служило окончанием родительного падежа для личных местоимений (§ 148).

Примечание. От этого окончания родительного-отложительного падежа надо отличать суффикс *-θε*, входящий в наречия места без отложительного значения: *ὑπερθε* „наверху“, *ὑπὸθε* „сзади“, *πρόθε* „вперед“ (с вариантами *προσθε* и *ἐπισθε* в дорийских диалектах; ср. также аттич. *ἐνθε*).

§ 130. Параллельно этому, со значением обстоятельства места на вопрос „где?“, существовал суффикс *-θι*, не встречающийся в аттическом диалекте, но лишь у Гомера и подражающих ему писателей: *ἄλλοθι* „в другом месте“, *ἐθι* „где“, *Κορινθῶθι* „в Коринфе“, *οἰκοθι* „дома“ и в выражениях более искусственного характера: *Ἰλίοθι* „перед Илионом“ (θ 561), *ἡῶθι* „на заре“ (Α 50), *οὐρανόθι* „перед небом“ (Γ 3). Кроме того, этот суффикс засвидетельствован в надписях на аркадском диалекте (Бехтель I, стр. 376).

§ 131. Этимология этих суффиксов, как и этимология большей части наречных суффиксов, часто обнаруживающих расхождение от диалекта к диалекту, неясна. Одним из более ясных суффиксов является *-δε*, присоединяемое к форме винительного падежа и выражающее перемещение по направлению к данному пункту: Гомер. *θύραζε* (из **θυρασδε*) „за двери“, *Ὀλύμπωδε* „на Олимп“, Гомер. и аттич. *οἰκαδε* „домой“ от древнего имени-корня **οἰε*, соответствующего по значению более позднему тематическому *οἶκος*, аттич. *Ἀθήναζε* (из **Ἀθήναςδε*) [Ф. § 77]

и др. Другой, более редкий суффикс, выражающий перемещение, *-σε*: *πάντοσε* „во все стороны“, *τηλόσε* „вдаль“, *κυκλόσε* „вокруг“.

§ 132. Для образования наречий могли служить различные падежи: возможно, именительный для *ἀπαξ* и т. п.; винительный — *ἀρχήν*, *μάτην* (от существительного *μάτη*?); формы с суффиксами *-δον* в *σχεδόν*, *ἀγέληδον* и т. п., *-θεν* в *βάδην*, *σποράδην* и т. п., *-δα* в *μύδα*, *κρύβδα*, *φύδα*; далее, родительный — *ἀριστεράς*, *δεξιᾶς*, *ἐνός* „послезавтра“, причем, с точки зрения греческого языка, с этими родительными падежами следует, возможно, сопоставить наречия места на *-ου* (на вопрос „где?“), гораздо более частые, чем наречия на *-θι*: *πῶς*, *οὐ*, *ὅμοι* и т. п.; дательный — *ἀνάγκη*, *χωρίς* „совсем“. Однако с дательным падежом могли конкурировать некоторые формы орудийного падежа; эти формы не содержат „приписной“ иоты, и некоторые из них оканчиваются на общегреч. *ε*.

Для отдельных наречий рукописная и грамматическая традиция колеблется между формой с *ι* и формой без *ι*; более надежно засвидетельствованной у Гомера является, повидимому, *ἀμαρτή* „вместе“ (Ε 656), а не *ἀμαρτῆς*; *ἤχι* „там, где“ следует, вероятно, писать без приписной иоты. Дорийский диалект хорошо показывает сложность происхождения этих форм: наряду с дательными падежами женского рода на *-αι*, например *οπαί* „там, где“, „как“ (Гортинское законодательство II, 35), соответствующими аттическому типу *ὅπηι*, *ὀδαί* и т. п., существуют формы на *-α*, например *ταῦτα* „так“ (Швицер, 12), соответствующие аттическому типу *λάθρα* — форма, употребляемая наряду с *λάθρα*. Наконец, в дорийском диалекте имеются наречия на **-ε*: *οπε* „где“ (Гортинское законодательство I, 42 и др.), *ταυτε* (элейский диалект; Швицер 418) и др.

С другой стороны, в греческом языке существует тип наречий на *-ω*, в котором слились формы орудийного падежа на **-ο* (чередующееся с **-ε*) и формы отложительного падежа на *-οδ* (лат. *proplicod*). С древним орудийным падежом мы встречаемся в *ὥδε* „так“, *ὅτω(ς)*; сюда же принадлежит и ряд наречий образа действия на *-ως* типа *σώρως* (с прибавлением *ς*). Вместе с тем дорийский диалект дает некоторое число примеров наречий на *-ω*, представляющих древние отложительные падежи: *φοικω* „из

дому" (Дельфы, надпись Лабиадов, С 23), ὧ „откуда“ (надписи и Феокрит III, 11), τῇ „оттуда“ (Феокрит III, 25) или, с прибавлением суффикса -θεν или -δε, τῇδε (Феокрит III, 10) и τοῦδε „отсюда“ (Феокрит IV, 48).

Наконец, некоторые наречия на -и и на -ει, например οἶχοι и т. п., представляют собой древние формы местного падежа (§ 23). Также, возможно, древними местными падежами являются и некоторые неясные диалектные наречия; таковы лесб. πῆλι „издали“ (Сапфо I, 6), аргосск. и крит. ἡπὸι „где“ (Швицер 83, А, 14 и Гортинское законодательство IV, 15); с добавлением с, родос. ἡς „пока не“ (Швицер 301), сиракуз. πῶς „где“ (Софрон 5 и 75 К).

МЕСТОИМЕННИЯ

§ 133. Рассматривая местоимения, мы должны различать две категории: с одной стороны, местоимения указательные, относительные, вопросительные и неопределенные, которым свойственно различие грамматического рода, с другой — местоимения личные, у которых этого различия нет.

Местоимения первой группы имеют обычно основы на *-е/-о- для мужского и среднего рода и на *-а- для женского. Они обладают некоторыми чертами, составляющими их характерную особенность. В индоевропейском языке средний род характеризовался окончанием *-d в именительном-винительном падеже единственного числа; в греческом языке конечное d отпало, но τὸ восходит к *tod, τί — к *tid; ср. лат. illud, quid, санскр. tat. Некоторые окончания, первоначально принадлежавшие только местоимениям, как, например, *-oi именительного падежа множественного числа мужского рода, *-ai — женского, *-āsōn (греч. -ᾶων, -ῶν) родительного падежа множественного числа женского рода, уже в общегреческом языке распространились и на именны основы в такой степени, что своеобразие местоименной флексии в этом отношении уже не может быть обнаружено на греческом материале.

Указательные местоимения

§ 134. Основы указательных местоимений часто представляют ту особенность, что изменяются от одного грамматического рода к другому: ὁ, ἡ, τό; οὗτος, αὗτη, τοῦτο.

Этимология их иногда неясна; там же, где она доступна, обнаруживается, что к ним могут присоединяться некоторые частицы, в начале (например, ἐκεῖνος) или в конце (например, ἔδε). Эта черта наблюдается и в других языках — ср. русск. *этот*, лат. hic [Э. § 111], франц. celui из ессе illui.

Основа артикля ὁ, ἡ (общегреч. ὁ, ἡ) представляет собой древнее указательное местоимение, как это видно у Гомера и в некоторых определенных аттических выражениях, например: ὁ μὲν, ὁ δέ.

		М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Ед. ч.	Им.	ὁ	ἡ	τό
	Вин.	τόν	τήν	τό
	Род.	τοῦ	τῆς	τοῦ
	Дат.	τῷ	τῇ	τῷ
Мн. ч.	Им.	οἱ	αἱ	τά
	Вин.	τούς	τάς	τά
	Род.	τῶν	τῶν	τῶν
	Дат.	τοῖς	ταῖς	τοῖς
Дв. ч.	Им., вин.	τώ	τῶ (τᾶ)	τῶ
	Род., дат.	τοῦν	τοῦν (ταῦν)	τοῦν

Им. п. ед. ч. м. р. ὁ не имеет окончания (санскр. sa); указательное местоимение ὅς в выражении καὶ ὅς и т. п., вероятно, представляет собой вариант ὁ с сигматической характеристикой именительного падежа (санскр. sah). Форма им. п. ед. ч. ср. р. τό восходит к *tod (санскр. tat). Остальные падежные формы образованы по типу ἀγαθός, -ή, -όν; однако формы двойственного числа женского рода обычно совпадают с формами м. и ср. р. τῶ, τοῦν (имеется несколько исключений; ср. τᾶ, Аристофан, Equ. 424, 484, Софокл, Ant. 769; ταῦν, Лисий XIX, 17, Платон, Polit. 260 c). Форма родительного падежа женского рода восходит, как это понятно, к τᾶων, засвидетельствованному у Гомера; отсюда ион.-аттич. τῶν, дор. τᾶν и т. д.

¹ Отсутствие графического обозначения ударения в формах им. п. ед. ч. м. и ж. р. ὁ, ἡ представляет собой чисто орфографическую традицию, опирающуюся здесь на орфографию рукописей византийской эпохи и не находящую подтверждения у античных грамматиков. — Прим. перев.

Формы именительного падежа единственного и множественного числа представляют варианты основы. Им. п. ед. ч. *ὁ, ἡ, τό* имеет соответствие в санскр. *sa, sā, tat*. В именительном падеже множественного числа древней основы было *τοί, ταί, τά*, что соответствует санскритским формам. Древние формы *τοί, ταί* сохранились в части дорийских говоров (в беотийском и фессалийском), у Гомера, где они составляют эолизм, и в общем во всей западной диалектной группе, кроме Крита. Однако формы ед. ч. *ὁ, ἡ* вызвали во множественном числе появление форм *οἱ, αἱ* в значительной части диалектов: именно эти формы и употребительны в ионийском и аттическом диалектах, а также в аркадском и кипрском, в лесбосском (Алкей, Сапфо и др.), отчасти в фессалийском и на Крите.

§ 135. Местоимение *ὁτός* в известной мере соответствует по значению лат. *iste*, являясь в основном указательным местоимением 2-го лица. Его флексия в ионийско-аттическом диалекте и у Гомера имеет следующий вид:

		М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Ед. ч.	Им.	<i>ὁτός</i>	<i>αὐτή</i>	<i>τοῦτο</i>
	Вин.	<i>τοῦτον</i>	<i>ταύτην</i>	<i>τοῦτο</i>
	Род.	<i>τοῦτου</i>	<i>ταύτης</i>	<i>τοῦτου</i>
	Дат.	<i>τοῦτωι</i>	<i>ταύτῃι</i>	<i>τοῦτωι</i>
Мн. ч.	Им.	<i>οὗτοι</i>	<i>αὗται</i>	<i>ταῦτα</i>
	Вин.	<i>τοὺτους</i>	<i>ταύτας</i>	<i>ταῦτα</i>
	Род.	<i>τούτων</i>	<i>ταύτων</i>	<i>τούτων</i>
	Дат.	<i>τούτοις</i>	<i>ταύταις</i>	<i>τούτοις</i>
Дв. ч.	Им., вин.	<i>τούτω</i>	<i>τούτω (ταῦτά)</i> ¹	<i>τούτω</i>
	Род., дат.	<i>τούτοιιν</i>	<i>τούτοιιν (ταύταιιν)</i> ²	<i>τούτοιιν</i>

Эта основа не имеет ясной этимологии и носит экспрессивный характер. Ее первый элемент, *οὐ-, αὐ-, τω-, τав-*, вероятно, включает в себе основу артикля с расширением *υ*, вторым элементом является *τω-, та-*. Таким образом, распределение форм, не содержащих начального *τ*, и форм, содержащих его, т. е. начинающихся с *τω-* или *та-*, соответствует флексии артикля (единственное исключение

в аттическом диалекте составляет род. п. мн. ч. ж. р. *τοῦτων* — форма мужского рода, получившая употребление со значением женского рода). В именительном падеже множественного числа наблюдается тесный параллелизм со склонением артикля: в западных диалектах (Кос, Дельфы, Родос) *τοῖτοι, ταῖται*, но в ионийском, аттическом и лесбосском *οὗτοι, αὗται*. С другой стороны, беотийский диалект обобщил во всей флексии основу именительного падежа единственного числа мужского рода: вин. п. ед. ч. м. р. *οὔτων* (I. G. VII, 685), ср. р. *οὔτω*, им. п. ед. ч. ж. р. *οὔτα* (Коринна 5, 80 D). Были также колебания и между основами *τω-* и *та-*. В дорийском диалекте родительный падеж множественного числа женского рода имеет закономерную форму *ταῦταιν* (Крит, Гортинское законодательство V, 20) вместо ион.-атт. *τοῦτων*, представляющего собой новообразование (см. выше). Распространение основы *τω-* мы имеем в им.-вин. п. мн. ч. ср. р. *τοῦτα* (ион. I. G. XII, 9, 189, Дельфы; надпись Лабиадов В, 21) и вин. п. ед. ч. ж. р. *τοῦτας* (Дельфы); с другой стороны, распространение основы *та-*: род. п. мн. ч. ср. р. *ταῦτων* (Элея; Швицер 424) по типу *ταῦτα*.

Примечания: 1. В новогреческом языке обобщена основа *τω-*: *τοῦτας, τοῦτη, τοῦτο*. Отдельные примеры этого наблюдаются уже в поздней койнэ.

2. Часто встречается, особенно у аттиков (ораторов и Аристотеля), расширение местоимения *ὁτός* указательной частицей *τι*: *οὗτασι, αὐτήι, οὗτοις*; с частицей *υε*: *αὐτῇι, ταῦτοις*; относительно этой частицы **-ι* ср. лат. *haec* [Э. § 112].

§ 136. “*Ὁδε, ἡδε, τόδε*, указательное местоимение 1-го лица, состоит из основы артикля, за которой следует указательная частица *-δε*. В ионийском диалекте (Гомер, Геродот) встречается дат. п. мн. ч. *τοῖσδεσι*¹ с распространением флексии за частицу; в эолийском — род. п. мн. ч. *τῶνδεων* у Алкея (отр. 126 В). В аттическом диалекте употребительно также *οἱδε* с указательной частицей **-ι*. В койнэ это местоимение почти не употребляется и исчезло в новогреческом.

Примечание. Некоторые диалекты употребляли вместо *ὁδε* указательные местоимения, образованные при помощи других частиц: фессал. *οὐε*, аркад. *οὐι*, аркад.-кипр. *οὐν*.

¹ В современных изданиях в соответствии с указанием схолий к v 258 принято написание *τοῖσδεσι, τοῖσδεσσιν*. — Прим. перев.

¹ *ταῦτά*, повидимому, нигде надежно не засвидетельствовано.

² *ταῦταιιν*; Платон, *Pol.* 260 с.

§ 137. С основой артикля связаны также: *τόσος*, ср. р. *τόσον*, *τοσάδε*, ср. р. *τοσόνδε* „такой по величине“ (ср. лат. *tot* и *totus*, *pius*); *τοῖος*, ср. р. *τοῖον* „такой по качеству“ (ср. *oios* и *poios*); *τηλικός*, ср. р. *τηλικόν*; *τηλικόδε*, ср. р. *τηλικόνδε* „такой по возрасту“ (ср. *hlikos*, *phlikos*). Все эти вторичные образования имеют форму среднего рода на -ου, как прилагательные, а не на -ο соответственно местоименному типу. Путем соединения с *οὔτος* возникли *τοσοῦτος*, *τοσαύτη*, *τοσοῦτο(ν)* „такой по величине“, мн. ч. *τοσοῦτοι*, *τοσαῦται*, *τοσαῦτα*, с тем же распределением форм на -ου и на -αυ-, что и в *οὔτος* (род. п. мн. ч. ж. р. *τοσοῦτων*). Такую же флексию имеют *τηλικότος*, *-αύτη*-, *-οὔτο(ν)* „такой по возрасту“, *τοιοῦτος*, *-αύτη*-, *-οὔτο(ν)* „такой по качеству“. У этих местоимений форма среднего рода чаще всего оканчивается на -ου, особенно у Гомера и в аттических надписях. В аттическом литературном языке (ср. Геродот I, 349) иногда бывает представлена и форма на -ο; ср. Демосфен XVIII, 259 и др.

§ 138. Для указания на отдаленный предмет в аттическом диалекте служит местоимение *ἐκεῖνος*¹, склоняющееся как прилагательные типа *ἀγαθός*, с тем лишь отличием, что форма именительного-винительного падежа среднего рода всегда имеет местоименное окончание -ο. В ионийском диалекте обычно употребляется *κεῖνος* (Гомер, Геродот), засвидетельственное также в рукописях Пиндара. Это доказывает, что элемент *ἐ-* не принадлежит основе (указательная частица?). *Κεῖνος*, повидимому, также является составным и содержит указательную частицу **ke-* (ср. лат. *cedo*) и указательное местоимение **ēnos* (ср. ст.-слав. *онѣ*), сохранившееся в греческом языке только в нескольких выражениях, как, например, *εἰς ἑῴην* (Аристофан, *Ach.* 172) „на третий день“. В лесбосском и дорийском диалектах иногда встречается с ожидаемым слиянием *κῆνος* (Сапфо, критские, родосские и косские надписи). Но собственно дорийской формой является *τῆνος*, где местоименной части -*enos* предшествует другая указательная частица (ср. гомер. *τῇ* „на!“). Эта форма засвидетельствована в Дельфах, Геракле, Аргосе и Мегаре и в литературном

¹ Частица *ἐ-* в начале этого местоимения, повидимому, та же, что и в русск. *этот*. — Прим. перев.

дорийском диалекте Сицилии (Эпихарм 35 К; Софрон 56 К; Феокрит I, 1, 8; II, 60, 84 и др.).

Примечание. Высказывалось предположение, что указательное местоимение **ēnos* содержится также и в *ὁ δεῖνα* „такой-то“; в этом объяснении исходят из формы мн. ч. ср. р. **τάδε ἕνα* „это (и) то“, которая стала восприниматься как *τὰ δεῖνα* [Ф. § 19]. Склонение этого нового местоименного образования следующее: *ὁ δεῖνα*, *τὸν δεῖνα*, *τοῦ δεῖνος* (но *τοῦ δεῖνα*, Аристофан, *Thesm.* 622), *τῷ δεῖνι*, ср. р. *τὸ δεῖνα*; мн. ч. *οἱ δεῖνες*, *τοὺς δεῖνας*, *τὼν δεῖνων*. В сиракузском диалекте встречается *ὁ δεῖν* (Софрон 58).

§ 139. Местоимение *αὐτός*, не принадлежащее собственно к указательным местоимениям и выполняющее преимущественно роль личного местоимения 3-го лица, вероятно, должно быть сближено с *αὖ*, *αὐτ* и т. п. Склонение его сходно со склонением *ἐκεῖνος*: *αὐτός*, *αὐτή*, *αὐτό*. Форма ср. р. *αὐτόν* встречается в аттическом диалекте в *ταῦτόν* из *τὸ αὐτό*; равным образом форма *αὐτὸν* встречается в критском диалекте (Гортинское законодательство III, 4).

Примечание. В ионийском и дорийском литературных диалектах мы находим представленную в виде анафорической энклитики, по значению равносильной форме *αὐτόν*, основу на *i*, структура которой неясна: *μὴν* в ионийском диалекте, особенно у Гомера и Геродота, *νῦν*¹ в дорийских надписях (Эпидавр, I. G. IV², 1, 121), у Пиндара и у трагиков. Эти формы, повидимому, надо сближать с глоссой Гесихия *ἰν-αὐτήν*, *αὐτόν*, *Κύπριος*; ср. лат. *is*, *im* [Э. § 124]. Индоевропейский язык также, очевидно, имел анафорические местоимения на **i*, и возможно, что *μὴν* представляет собой такое местоимение с основой, соответствующей санскритскому указательному местоимению *amaḥ*, а *νῦν* — с основой, обнаруживаемой в греческих частицах *νῆ*, *ναί*, лат. *nam*.

§ 140. К этому же типу флексии относится и местоименное прилагательное *ἄλλος*, *ἄλλη*, *ἄλλο*² „другой“, соответствующее по форме и значению лат. *alius*, *alia*, *aliud*. Прочие местоимения входят в категорию прилагательных, например *ἐκαστος*, -η, -ον „каждый“ и, с противопоставительным суффиксом -*τερος* (§ 119): *ἐκάτερος*, -α, -ον „и тот и другой“. Заслуживает упоминания также *ἕτερος* „alter“.

¹ По значению *νῦν* отличается от *μὴν* тем, что может относиться как к единственному числу, так и ко множественному и не имеет встречающегося иногда для *μὴν* рефлексивного значения. — Прим. перев.

² Первоначальное окончание формы ср. р. -*δ* (ср. лат. *aliud* < **aliōd*) сохранено в производном *ἀλλοδαπός* „чужеземный“. — Прим. перев.

Его первоначальная форма сохранена в дор. $\acute{\alpha}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$, ср. аттическую форму с красисом $\theta\acute{\alpha}\tau\epsilon\rho\omicron\nu$ из $\tau\acute{o}\ \acute{\alpha}\tau\epsilon\rho\omicron\nu$; оно образовано от корня *sem- с нулевой ступенью огласовки; ср. $\epsilon\iota\varsigma$, $\acute{\alpha}\text{-}\pi\alpha\varsigma$ и т. п.

Относительные местоимения

§ 141. Греческое относительное местоимение имеет форму $\epsilon\varsigma$, η , δ^1 , что соответствует санскр. $yañ$, ya , $yañ$, тогда как в латинском языке использована в относительном значении другая основа. К местоимению $\epsilon\varsigma$ примыкает несколько относительных местоименных прилагательных (со средним родом на - $\omicron\nu$), например $\omicron\iota\omicron\varsigma$, $\beta\omicron\sigma\varsigma$.

Относительное местоимение часто соединялось с частями: $\epsilon\varsigma\ \gamma\epsilon$, $\beta\omicron\tau\epsilon\rho$, Гомер. $\epsilon\varsigma\ \tau\epsilon$; о неопределенном местоимении $\beta\omicron\tau\iota\varsigma$ см. § 144.

Примечания: 1. С относительным местоимением во многих диалектах конкурировала основа артикля \acute{o} , $\acute{\eta}$, $\acute{\tau}\acute{o}$. Такое употребление наблюдается в языке Гомера, где параллельно засвидетельствованы основа относительного местоимения и основа артикля, в лесбосском диалекте (у Алкея и Сапфо), в аркадско-кипрском, иногда в дорийском (особенно в Геракле и у Эпихарма), в литературном ионийском (но не в надписях): флексия Геродота — им. п. ед. ч. $\acute{o}\varsigma$, $\acute{\eta}$, $\acute{\tau}\acute{o}$, мн. ч. $\omicron\lambda\iota$, $\omicron\lambda\iota$, $\acute{\tau}\acute{a}$. В остальных падежах основа артикля, кроме случаев положения после предлогов, допускающих элизию: $\epsilon\phi'\omicron\iota\varsigma$ и т. п.; также и после некоторых выражений, равносильных союзам: $\epsilon\acute{\xi}\ \omicron\delta$ „с тех пор как“, $\acute{\epsilon}\nu\ \acute{\omega}\iota$ „в то время как“, $\epsilon\varsigma\ \acute{o}$, $\mu\acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\ \omicron\delta$ „до тех пор, пока (не)“.

2. В новогреческом языке относительное местоимение заменено для большей части случаев его употребления относительным наречием $\pi\omicron\delta$.

Вопросительные и неопределенные местоимения

§ 142. Индоевропейский язык обладал основой, характеризовавшейся начальным лабиовелярным звуком и имевшей двоякую функцию — неопределенного местоимения, когда она была энклитикой, и вопросительного, когда она несла на себе ударение. Эта основа имела две формы * $k^u\text{-}i$ - и * $k^u\text{-}e$ -/ o -. Приводим ее аттическую флексию:

¹ Первоначальная форма ср. р. * $\delta\delta$ (ср. * $\tau\omicron\delta$; § 134) сохранена (с ассимиляцией конечного δ последующему „глухому“) в Гомер. $\beta\omicron\tau\iota$ (§ 144). — Прим. перев.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	$\tau\iota\varsigma$, ср. р. $\tau\iota^1$	$\tau\iota\upsilon\epsilon\varsigma$, ср. р. $\tau\iota\upsilon\alpha$	$\tau\iota\upsilon\epsilon$
Вин.	$\tau\iota\upsilon\alpha$, ср. р. $\tau\iota$	$\tau\iota\upsilon\alpha\varsigma$, ср. р. $\tau\iota\upsilon\alpha$	
Род.	$\tau\iota\omicron\varsigma$ или $\tau\omicron\delta$	$\tau\iota\omicron\nu\omicron\nu$	$\tau\iota\omicron\nu\omicron\nu$
Дат.	$\tau\iota\upsilon$ или $\tau\omicron\iota$	$\tau\iota\omicron\iota$	

§ 143. Более употребительной в общем является основа на i . В винительном падеже единственного числа древняя форма * $\tau\iota\nu$ (авест. $\check{c}im$) получила дополнительное окончание α для усиления падежной характеристики (ср. $Z\eta\nu\alpha$ и $Z\eta\nu$; § 99). От этой формы, где ν стало восприниматься как принадлежащее к основе, были произведены формы вторичного образования $\tau\iota\omicron\varsigma$, $\tau\iota\upsilon$ и т. д. Дат. п. мн. ч. $\tau\iota\omicron\iota$ представляет, возможно, первоначальную форму от основы на i .

Древняя форма им.-вин. п. мн. ч. ср. р. * $k^u\text{-}j\acute{a}$ (лат. $quia$) обнаруживается в мегарск. $\acute{\sigma}\acute{\alpha}$ (Аристофан, Ach. 757) и беот. $\acute{\tau}\acute{\alpha}$ (Пиндар, Ol. I, 82) [Ф. § 48]; ион. $\acute{\alpha}\sigma\sigma\alpha$ (т 218 и др.) и аттич. $\acute{\alpha}\tau\tau\alpha$ произошли от неправильного слово-раздела: $\acute{o}\mu\omicron\iota\alpha\ \acute{\sigma}\sigma\alpha$ было расчленено на $\acute{o}\mu\omicron\iota'$ $\acute{\alpha}\sigma\sigma\alpha$ под влиянием относительного $\acute{\alpha}\sigma\sigma\alpha$, дублета $\acute{\alpha}\ \tau\iota\upsilon\alpha$. Наряду с формами от основы на * i в косвенных падежах существует основа на e : род. п. ед. ч. Гомер. $\tau\epsilon\omicron$ (п 305), образованный с окончанием *- so (ср. ст.-слав. $veso$ и т. п.), характерным для местоименной системы; $\tau\epsilon\omicron$ сливается в $\tau\epsilon\delta$ в ионийском диалекте (Гомер, Геродот) и в $\tau\omicron\delta$ в аттическом; однако последняя форма исчезает в надписях к 300 г. до н. э. и не встречается никогда ни в Септуагинте, ни в Новом завете. По образцу $\tau\epsilon\omicron$ у Гомера и Геродота возник дат. п. ед. ч. $\tau\epsilon\omicron\iota$ (II 227 и др.) и $\tau\omicron\iota$ (A 299 и др.), в аттическом диалекте $\tau\omicron\iota$ (до 300 г. до н. э.). Во множественном числе род. п. $\tau\epsilon\omicron\nu$ (Q 387 и др.; Геродот), дат. п. $\tau\omicron\iota\sigma\iota$ (ж 110); относительно $\beta\tau\epsilon\omicron\nu$, $\beta\tau\epsilon\omicron\iota\sigma\iota$ см. склонение $\beta\omicron\tau\iota\varsigma$. В аттическом диалекте тематическая флексия засвидетельствована во множественном числе только для $\beta\omicron\tau\iota\varsigma$; отметим, однако, $\tau\omicron\iota\sigma\iota$ вместо $\tau\iota\sigma\iota$ у Софокла (Trach. 984). У Гомера в косвенных падежах как единственного,

¹ Для этого местоимения также сохранена первоначальная форма ср. р. * $\tau\iota\delta$ в производном $\acute{o}\beta\tau\iota\delta\alpha\nu\acute{o}\varsigma$ „ничего не стоящий“. О начальном τ см. Ф. § 5; о чередовании двух основ ср. Э. § 133. — Прим. перев.

так и множественного числа основа на *-e/-o представлена чаще, чем основа на *-i.

Примечания: 1. В ионийском диалекте от основы *te-* были образованы род. п. ед. ч. *τεου* (Архилох 45 D) и, возможно, им.-вин. п. ед. ч. ср. р. *οὐ-τεον* от *οὐτις* (Парменид VIII, 46 D).

2. В лесбосском диалекте встречаются *τίωι* (Сапфо 127 D) и *τίωσι* (Сапфо 168 B) — формы, повидимому, вторичного образования, произведенные от *τίς*.

3. В качестве отрицательного местоимения со значением „никто“ у Гомера и в ионийском диалекте употребляется *οὐτις*, *μήτις*. Но уже в гомеровскую эпоху возникла экспрессивная форма *οὐδείς*, широко распространившаяся в аттическом диалекте. В IV в. в аттическом диалекте появляется форма *οὐδείς* в результате нового расчленения *οὐδείς* на *οὐδ' εἰς* и утраты звонкости *δ* под влиянием придыхания.

4. В новогреческом языке *τίς* исчезло и заменено в качестве неопределенного местоимения числительным *ένας* = *εἷς* и в качестве вопросительного — местоименным прилагательным *πῶς*; однако форма ср. р. *τί* с вопросительным значением сохранилась.

§ 144. В греческом языке существовало также сложное относительное местоимение *ὅστις* или *ὅτις*. Первая форма его состояла из относительного *ὅς* в соединении с неопределенным *τίς*, причем оба элемента склонялись; вторая форма, где склонялось только *τίς*, заключала в себе, возможно, в качестве первого элемента форму относительного местоимения ср. р. **δδ*, ср. гомер. *ὅττι*. В аттическом диалекте первый элемент *δ-*, представленный исключительно в формах с основой на *-e/-o-, не склоняется.

	М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Ед. ч. Им.	<i>ὅστις</i>	<i>ἥτις</i>	<i>ὅ τι</i>
Вин.	<i>ὅτινα</i>	<i>ἥτινα</i>	<i>ὅ τι</i>
Род.	<i>ὅστινος</i> <i>ὅτου</i>	<i>ἥστινος</i>	<i>ὅστινος</i> <i>ὅτου</i>
Дат.	<i>ὅστινι</i> <i>ὅτῳ</i>	<i>ἥτινι</i>	<i>ὅστινι</i> <i>ὅτῳ</i>
Мн. ч. Им.	<i>οἵτινες</i>	<i>αἵτινες</i>	<i>ἅτινα</i> <i>ἅττα</i>
Вин.	<i>οὗστίνας</i>	<i>αὔστίνας</i>	<i>ἅτινα</i> <i>ἅττα</i>
Род.	<i>ὅστινων</i> <i>ὅτων</i>	<i>αὐτίνων</i> <i>αὔτων</i>	<i>ὅστινων</i> <i>ὅτων</i>
Дат.	<i>οἷσσισι</i> <i>ὅτοισι</i> (<i>ὅτοις</i>)	<i>αἰσσισι</i>	<i>οἷσσισι</i> <i>ὅτοισι</i> (<i>ὅτοις</i>)

Дв. ч. Им., вин. *ὅτιυε*
Род., дат. *οὐτιυοιυ*

ὅτιυε
οὐτιυοιυ

ὅτιυε
οὐτιυοιυ

§ 145. Формы *ὅτιυος* и *ἥτιυι* редки и почти не встречаются ни в эпиграфических, ни в литературных текстах ранее IV в. до н. э. **Atta* восходит к *ā *kʷja* (§ 143). У Гомера формы с двойной флексией встречаются только в именительном и винительном падежах единственного и множественного числа: *ὅστις*, *ὅτινα*, *οἵτινες*, *οὗστίνας*, *ἅσσα*. В остальных падежах употребляются: род. п. ед. ч. *ὅττω*, *ὅττω* и *ὅττω*, дат. п. ед. ч. *ὅτῳ* (и *ὅτῳ*), род. п. мн. ч. *ὅττων*, дат. п. мн. ч. *ὅτέοισι*. Наконец, примеры с основой на *-i и с несклоняемым первым элементом встречаются у Гомера в им. п. ед. ч. *ὅτις*, вин. п. ед. ч. *ὅτινα*, вин. п. мн. ч. *ὅτινας*, им.-вин. п. ср. р. *ὅτινα*. Последние формы, аттическому диалекту не свойственные, встречаются также в лесбосском и дельфийском диалектах.

Примечания: 1. Из диалектных форм заслуживает упоминания критский дат. п. ед. ч. *οἷτι* (Гортинское законодательство VII, 51; VIII, 19) с окончанием, встречающимся в санскр. *kaśmīn* и т. п. Засвидетельствованы в критском диалекте и такие формы этого местоимения, в которых первый элемент склоняется, а второй *τι* остается неизменяемым (Гортинское законодательство II, 47).

2. В койнэ *ὅτις* уже почти не отличается по значению от простого относительного местоимения *ὅς*; склонение его отмирает, и мы находим в нем только формы именительного падежа единственного и множественного числа.

§ 146. Некоторые местоименные прилагательные были образованы от основы вопросительно-неопределенного местоимения с огласовкой *ο*; поэтому они имеют в начале губной звук [Ф. § 5]. Сюда относятся: *πότῃρος*, -а, -οу „который из двух“ (ср. лат. *uter*), *πῶσος* „какой по величине (или количеству)“, *πόῃος* „какой по качеству“; в косвенном вопросе им соответствуют *ὁπότῃρος* (гомер. *ὁππότῃρος*), *ὁπῶσος* (гомер. *ὁππῶσος*), *ὁπόῃος* (гомер. *ὁπποῃος*), где первый элемент тот же, что в *ὅτις*, *ὅτου*. В критском диалекте, однако, вместо *ὁπόῃος* находим *οἰαῖος* (Гортинское законодательство IV, 52) с огласовкой *ε* в основе.

Личные местоимения

§ 147. Личные местоимения в системе индоевропейской именной флексии стоят особняком. Они не имеют различий по грамматическому роду. Для каждого лица един-

ственное, множественное и двойственное числа выражаются различными корнями: $\epsilon\acute{\upsilon}\omega$, $\eta\mu\epsilon\acute{\iota}\varsigma$, $\omega\acute{\omega}$; и действительно, $\eta\mu\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ означает не „многие я“, а „я и другие“. Флексия личных местоимений отличается от флексии других местоимений и флексии существительных; именительный падеж может иметь основу, отличную от основы других падежей. Тем не менее флексия личных местоимений содержит в себе много черт, объясняющихся влиянием именной флексии. Наконец, во многих падежах проводится противопоставление форм тонической и энклитической.

Первое лицо.

Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им. $\epsilon\acute{\upsilon}\omega$	$\eta\mu\epsilon\acute{\iota}\varsigma$	$\omega\acute{\omega}$
Вин. $\epsilon\mu\acute{\epsilon}$ и $\mu\epsilon$	$\eta\mu\acute{\alpha}\varsigma$ и $\eta\mu\alpha\varsigma$	
Род. $\epsilon\mu\omicron\upsilon$ и $\mu\omicron\upsilon$	$\eta\mu\omega\upsilon$ и $\eta\mu\omega\upsilon$	$\omega\omega\iota\upsilon$
Дат. $\epsilon\mu\omicron\iota$ и $\mu\omicron\iota$	$\eta\mu\iota\upsilon$ и $\eta\mu\iota\upsilon$	

Таково склонение этого местоимения в аттическом диалекте.

§ 148. Именительный падеж единственного числа характеризуется основой, противостоящей остальным падежным формам: $\epsilon\acute{\upsilon}\omega$, ср. лат. *ego*. Эта форма могла получить расширение в виде различных частиц. Так, во многих греческих говорах к ней прибавляется -у: в дорийском, лесбосском и у Гомера перед гласными $\epsilon\acute{\upsilon}\omega\upsilon$, в беотийском $\iota\omega\upsilon$ (с ослаблением интервокального γ); в других диалектах — частица -уη: лаконск. $\epsilon\acute{\upsilon}\omega\upsilon\eta$, беот. $\iota\omega\upsilon\epsilon\iota$. В аттическом диалекте к ней часто прибавляется частица $\gamma\epsilon$: $\epsilon\acute{\upsilon}\omega\upsilon\epsilon$. В дорийском $\gamma\alpha$ присоединяется к $\epsilon\acute{\upsilon}\omega\upsilon$: $\epsilon\acute{\upsilon}\omega\upsilon\gamma\alpha$ (Алкман); точно так же и в беотийском — $\iota\omega\upsilon\gamma\alpha$ (Коринна 15 D; ср. Аристофан, Ach. 898).

В винительном падеже обнаруживается та основа, от которой образованы все падежи, кроме именительного, без окончания: энклитическую форму надо сближать с лат. *me* (содержащим долгий гласный); тоническая форма $\epsilon\mu\acute{\epsilon}$ имеет, повидимому, соответствие в армянском языке. Противопоставление тонической и энклитической форм наблюдается во всех остальных падежах, кроме именительного.

В родительном падеже от основы $\epsilon\mu\acute{\epsilon}$ образована форма по образцу тематической флексии на - $\omicron\iota\omicron$: гомер. $\epsilon\mu\epsilon\acute{\iota}\omicron$, $\epsilon\mu\epsilon\acute{\iota}\omicron$ (K 124); гомер. и у Геродота $\epsilon\mu\epsilon\acute{\iota}\omicron$, $\mu\epsilon\upsilon$; аттич. $\epsilon\mu\omicron\iota$ и $\mu\omicron\upsilon$; с прибавлением ς , заимствованного от атематической флексии, дор. $\epsilon\mu\epsilon\acute{\iota}\omicron\varsigma$ (Эпихарм 144), беот. $\epsilon\mu\omicron\delta\varsigma$ (Коринна 37 B); наконец, в эолийском диалекте (Гомер, A 525 и др.; Сапфо) употребительна тоническая форма $\epsilon\mu\epsilon\acute{\iota}\theta\epsilon\upsilon$ со значением родительного-отложительного падежа, образованная при помощи элемента, служившего первоначально наречной характеристикой; ср. $\mu\epsilon\theta\epsilon\upsilon$ и т. п.

Дат. п. $\epsilon\mu\omicron\iota$ и $\mu\omicron\iota$ содержит тот же дифтонг, который предполагает санскр. *me*; энклитическая форма, повидимому, играет иногда у Гомера роль родительного падежа (ср. $\kappa\lambda\omicron\beta\iota$ $\mu\omicron\iota$, E 115). В дорийском диалекте употребляется энклитическое $\mu\omicron\iota$, но в качестве тонической формы — $\epsilon\mu\iota\upsilon$ (Эпихарм 99; Аристофан, Ach. 733; Швицер 263, 8), содержащее, повидимому, долгое ι (ср. Феокрит II, 144); тарент. $\epsilon\mu\iota\upsilon\eta$ (Ринтон 13) содержит ту же частицу, что и $\epsilon\acute{\upsilon}\omega\upsilon\eta$. Эти формы на - $\iota\upsilon$ напоминают такие формы дательного падежа множественного числа, как $\eta\mu\iota\upsilon$ и т. п.

§ 149. В объяснении флексии множественного числа, совершенно независимой от флексии единственного, надо исходить из древней формы винительного падежа, которая представлена эол. $\acute{\alpha}\mu\epsilon$ (чему соответствует авест. *ahma*), засвидетельствованном у Гомера и у Сапфо. К основе с нулевой огласовкой $\mu\epsilon$, соответствующей лат. *nos*, присоединена частица *-*me* или *-*sme*, откуда и возникает эол. $\acute{\alpha}\mu\epsilon$; ожидаемая дорийская форма с долгим α (аспирация которого должна объясняться внутренним s формы * $\eta\mu\epsilon$) засвидетельствована, например, у Эпихарма (173) и у Аристофана (Lys. 95) [Ф. § 67].

От этого винительного падежа в эолийском диалекте образован им. п. $\acute{\alpha}\mu\epsilon\varsigma$ (Гомер, Алкей), дор. $\acute{\alpha}\mu\epsilon\varsigma$ (Эпихарм 42; Аристофан Lys. 168) — формы, характеризуемые конечным ς именительного падежа атематического склонения (*κράτης*).

В родительном падеже те же диалекты присоединяют окончание - $\omega\upsilon$ к основе на - ϵ , откуда лесб. $\acute{\alpha}\mu\epsilon\omega\upsilon$ (Алкей 147 D), дор. $\acute{\alpha}\mu\epsilon\omega\upsilon$ (Алкман 20 D) или $\acute{\alpha}\mu\omega\upsilon$ (Аристофан, Lys. 168).

Дательный падеж оканчивается на -μι(ν), что напоминает некоторые санскритские местоименные формы на -smīn. В эолийском диалекте он имеет форму ἄμμι и ἄμμιν (Гомер, Сапфо), в дорийском — ἄμιν с кратким ι (Алкман 17, 21 D; Аристофан, Lys. 1081) или ἄμιν с долгим (Аристофан, Ach. 821; Феокрит VII, 145).

Примечания: 1. Рукописи Пиндара никогда не дают дорийской формы, а только эолийскую: ἄμμε, ἄμμιν и т. д.

2. Заслуживают упоминания следующие диалектные формы: крит. им. п. ἄμμεу (Коллиц 5155 — аналогия глагольного окончания 1-го лица мн. ч. ?); лесб. дат. п. ἄμμεσιν (Алкей 18 D).

§ 150. Ионийско-аттическая флексия построена иначе. В именительном и винительном падежах к основе ἦμε- (из *h₂smē) присоединены заимствованные от именной флексии окончания -εс и -ας, откуда им. п. ἦμεῖς, вин. п. ἦμεᾶς (Гомер, Геродот) и ἦμας (аттич.), где ᾶ не фонетическое (аттич. εα > η).

Родительный падеж имеет форму ἦμεῶν (Геродот), ἦμῶν (аттич.); так как ἦμεῶν не могло войти в эпический стих, то Гомер употребляет либо двусложное ἦμεῶν (Г 101 и др.), либо ἦμεῖων (Е 258 и др.), где εῖ объясняется метрическим удлинением и аналогией формы ἔμεῖο.

Дательный падеж множественного числа всегда содержит назальное окончание и обычно долгое ι: ἦμιν (Гомер, Геродот, аттич.); реже ι бывает кратким: ἦμιν (Р 415), ἦμιν (Софокл, Апт. 253 и др.). Возможно, что окончание с долгим ι является вторичным и более поздним, чем форма с краткостью.

Примечание. Во множественном числе, как и в единственном, существовали энклитические формы со вторично возникшим начальным ударением: ἦμας, ἦμεῶν, ἦμιν (В 339) и с кратким ι: ἦμιν (Р 415, В 569 и др.).

§ 151. Основа им.-вин. п. дв. ч. ωῶ соответствует авест. пā. Эта основа засвидетельствована в аттическом диалекте и у Гомера; встречается у Гомера также ωῶι, где ι неясно, а у Корины (9 D) — ωῶε, получившее окончание атематических имен. Родительный-дательный падеж имеет форму ωῶιν (аттич. ωῶιν). Однако П 99 ωῶιν, повидимому, должно быть истолковано как форма именительного-винительного падежа.

Второе лицо

§ 152. Аттическое склонение.

Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им. σὺ	ὤμεῖς	σφῶ
Вин. σέ и σε	ὤμας и ὤμας	
Род. σοῦ и σου	ὤμων и ὤμων	σφῶν
Дат. σοί и σοι	ὤμιν и ὤμιν	

Во 2-м лице противопоставление между именительным падежом и остальными различием в основе не выражено. Древняя форма именительного падежа — *tū (ср. лат. tū): дор. τῷ (Пиндар, Ol. I, 85; Эпихарм 34), беот. τῷ, с краткостью гласного¹ (Коринна 5, 83 D). Долгота засвидетельствована только в Гомере. τῶν (Е 485). Частицы -ν и -νῃ (ср. ἐνῶν и ἐνῶνῃ) встречаются также в беот. τῶν (Аполлоний Дискол, De prop. 50, 27) и лаконск. τῶνῃ (Гесикий). В ионийско-аттическом и лесбосском диалектах именительный падеж имеет форму σὺ, которая, хотя и может быть объяснена фонетически, но, вероятнее, обусловлена аналогией форм σέ, σοῦ, σοί.

Остальные падежи образованы, вообще говоря, от основы с начальным tū: σέ, σοῦ, σοί. Однако в винительном падеже дорийский диалект дает несколько примеров и энклитических форм τε (Пиндар, Ol. I, 48; Алкман 113 D) и τω (I. G. IV², 1, 121 [Эпидавр]; Аристофан, Ach. 730; Феокрит I, 68); наконец, встречается также τιν в значении винительного падежа (Феокрит XI, 39, 55, 68; аналогия μιν и νιν ?).

Родительный падеж сходен с соответствующей формой от ἐγώ: σεῖο, σεο (Гомер), σεῖ (Гомер, Геродот); в эолийском диалекте и у Гомера есть форма род. п. σεῖεν, ср. ἐμεῖεν. Дорийский и беотийский диалекты пользуются также основой *te-: τεο (Феокрит V, 19); с окончанием атематических имен с: τεος (Софрон 83), τεῖς (Феокрит II, 126). Наконец, от основы *tece-: τεῖο (Θ 37), τεῖ (Эпихарм 90), τεῖς (Софрон 59).

Древняя энклитическая форма дательного падежа была τῷ (из *toi; ср. санскр. te). Форма эта употребительна у

¹ Беотийское написание τῷ представляет собой, следовательно, лишь орфографический вариант дорийского τῷ. — Прим. перев.

Гомера, в ионийском и дорийском диалектах; в аттическом она сохранилась только в значении усилительной частицы. Тонической формой было σοί (из *цой), но аттический диалект ввел новшество, употребляя σοί и в качестве энклитики. Дорийский диалект употребляет в качестве тонической формы σοί (Пиндар), но наряду с этим τίν (ср. ἐμίν; Алкман 24 D; Пиндар, Puth. I, 29) с кратким (Пиндар, Puth. I, 29) или долгим (Феокрит II, 20 и др.); тарентинский — τίνη (Ринтон 13), ср. ἐμίνη. Наконец, с огласовкой е: τεῖν (из *тегн ?) у Гомера (Λ 201, δ 619 и др.); ср. беот. εἶν (§ 156).

Формы множественного числа параллельны соответствующим формам 1-го лица, но корнем в них служит *us- (ср. лат. vōs) или *ius-. Исходить надо из основы *usme (ср. санскр. yuṣmān). Винительный падеж: эол. ὅμμε (Гомер, Сапфо), дор. ὅμέ (Алкман 4 D; Софрон 52; Аристофан, Ach. 737). Именительный падеж: эол. ὅμμεз (Гомер, Сапфо), дор. ὅμέз (Софрон 60; Аристофан, Ach. 760), крит. ὅμεν (ср. ἄμεν; § 149). Родительный падеж: эол. ὅμμεων (Алкей 147 D), дор. ὅμέων (Софрон 46), гомер. ὅμείων и двусложное ὅμέων. Дательный падеж: ὅμμι и ὅμμιν у Гомера и у лесбосских поэтов; дор. ὅμιν (Софрон 92). Как и в 1-м лице, рукописи Пиндара никогда не дают дорийской формы, а только эолийскую.

В ионийском и аттическом диалектах склонение идет параллельно склонению местоимения 1-го лица: им. п. ὅμμεз, вин. п. ὅμέας (Гомер и Геродот), аттич. ὅμᾱς. Дательный падеж обычно имеет и долгое и ударение на окончании: ὅμῃν. С кратким и: ὅμιν (Софокл, Ai. 864, 1242).

Примечание. Тоническим формам противостоят энклитические со вторично появившимся начальным ударением: ὅμας, ὅμων, ὅμιν (§ 33, а 373 и др.).

§ 153. Основа двойственного числа неясна по происхождению: им.-вин. п. σφώ (Гомер, Софокл), иногда σφῶι (Гомер); род.-дат. п. σφῶϊν (Гомер) и σφῶιν (δ 62, аттич.).

§ 154. В койнэ склонение личных местоимений 1-го и 2-го лица почти не изменилось (помимо исчезновения двойственного числа).

В винительном падеже единственного числа в надписях и папирусах встречаются формы ἐμέν, сέν, где -ν объясняется аналогией именной флексии; новогреческие формы — ἐμένι, сένι. Но в византийскую эпоху и в новогреческом языке основы множественного числа подверглись коренному изменению: по образцу ἐμῖ и μεῖ было образовано ἐμῖς и μεῖς, а во 2-м лице — ἐσεῖς и σεῖς.

Третье лицо

§ 155. В индоевропейском языке для 3-го лица существовала основа *sece-, *sye-, *se-, образовавшая формы со значением возвратности или без него и представлявшая параллель основе 2-го лица *tece-, *tce-, *te-; мы находим ее, например, в лат. se. Для этой основы противопоставление тонических форм энклитическим было весьма существенным; так, у Гомера тонические формы обычно имеют возвратное значение, энклитические же несут анафорическую функцию. В аттическом диалекте это местоимение составляет уже отмирающий архаизм (ораторы его не употребляют).

Нередко оно встречается в анафорическом значении у трагиков как подражание Гомеру, но аттическая проза заменяет его в анафорическом употреблении косвенными падежами местоимения αὐτός. В качестве прямо-рефлексивного оно заменяется сложными формами ἐαυτοῦ, σφῶν αὐτῶν (§ 159); однако в косвенно-рефлексивном значении оно изредка встречается (например, Платон, Symp. 174 d, 175 c).

	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.	—	σφεῖς (ср. р. σφέα)
Вин.	ἐ и ε	σφᾶς (ср. р. σφέα)
Род.	οὗ и οὐ	σφῶν
Дат.	οἱ и οἰ	σφίσιν и σφισι

§ 156. Формы вин. п. ἐ с возвратным значением и ε с анафорическим значением (из *sye) часто встречаются у Гомера; форма ἐε (из *sece) — Υ 171, Ω 134. Помимо Гомера, пример ε в анафорическом значении — Пиндар, Ol. IX, 15; ε в косвенно-рефлексивном значении — Платон, Symp. 175 а.

Родительный падеж: гомер. εὐο и εῖο; энклитические формы εὐο и εὐ; εὐ также у Геродота (III, 135); тоническое

ἐδεν мы находим у Гомера и в лесбосском диалекте: *ἐδεν* (Алкей 9 D); дор., локр. *φεος* (I. G. IX, 1, 334, 33); аттич. *οῖ*, редко, в косвенно-рефлексивном значении (Платон, *Symp.* 174 d); беот. *έοῖς* (Коринна 11 D), от основы **sece-*; ср. *έμοῖς* (§ 148).

Дательный падеж: гомер. энклитическое *οἱ* в анафорическом значении, тоническое *οἱ* в возвратном значении; то же у Геродота; эол. *φοι* (Сапфо 3 D); дор. *φοι* (Дельфы, надпись Лабиадов D 14); кипр. *φοι* (Швицер 680); в аттическом диалекте мы находим как анафорическое *οἱ* у трагиков, так и косвенно-рефлексивное *οἱ* (Платон, *Symp.* 174 e и др.); с огласовкой *ε*: гомер. *έοι* (N 495, d 38). В дорийском диалекте, кроме того, существует *φιν*, повидимому, с кратким *ι* (Гортинское законодательство II, 41; Пиндар, *Ryth.* IV, 36); беот. *έιν* (из **secin*), Коринна 36 B.

§ 157. Основа множественного числа менее ясна. Возможно, что вся флексия извлечена из дат. п. *σφι*, состоящего из основы в нулевой ступени **s-* и окончания орудийного падежа, которое содержится в *αἰφῖ* и т. п. (§ 128). У Гомера *σφι(ν)* энклитично и не имеет возвратного значения (которое выражается его сочетанием с *αὐτοῖς*); эта же форма встречается у Геродота и в дорийском диалекте, а также у Пиндара и в надписях (Аргос, Швицер 92); сиракуз. *φιν* (Софрон 93); лесб. *ἄσφι* (Сапфо 125 D) неясно. Обычно вместо этой формы употреблялось *σφίσιν(ν)*, ударное или энклитическое, образованное прибавлением к ней окончания именного склонения *-σιν* (Гомер, Геродот, Пиндар; в аттическом диалекте, Фукидид IV, 8 и др., эта форма имеет косвенно-рефлексивное значение).

Все склонение построено на основе *σφ-*. Древняя форма винительного падежа — *σφε* (Гомер, Пиндар, трагики), ср. *ἄμφε*; сиракуз. *φέ* (Софрон 94), лесб. *ἄσφε* (Алкей 16 D). От *σφε* была произведена форма вторичного образования **σφέας* (Гомер, Геродот), ср. *ἡμέας*; аттич. *σφᾶς* (I. G. I², 101, 3; Фукидид) и энклитическое *σφας*.

Родительный падеж: гомер. *σφεῖων*, *σφεων* и *σφῶν* (в сочетании с *αὐτῶν*), аттич. *σφῶν* (I. G. I², 39; Фукидид I, 120 и др.).

Им. п. *σφεῖς* (ср. *ἡμεῖς*), очевидно, наиболее поздняя форма: она засвидетельствована только у Геродота (VII, 168 и др.) и в аттическом диалекте; значение ее исклю-

чительно косвенно-рефлексивное, т. е. она служит подлежащим в придаточном предложении.

Примечания: 1. В ионийском диалекте была образована форма им.-вин. п. ср. р. *σφεα* (Геродот I, 46 и др.), явно вторичного происхождения.

2. В поэзии архаизирующее употребление основы *σφε* имеет искусственный характер, и некоторые формы этого множественного числа иногда получали значение единственного: *σφιν* (Софокл, *Oed. Col.* 1490), *σφε* (Эсхил, *Prom.* 9; Софокл, *Oed. Col.* 40 и др.).

3. Относительно „свободного“ употребления возвратного местоимения см. § 161.

§ 158. У Гомера для этого местоимения существует двойственное число: им.-вин. п. *σφωε*; род.-дат. п. *σφωῖν*; эти формы всегда энклитичны, и косвенные падежи не могут быть смешаны с соответствующей формой 2-го лица.

§ 159. В анафорической функции основу **сфе* заменило местоимение *αὐτός* (§ 155); то же *αὐτός* в сочетании с *ε* послужило для образования нового возвратного местоимения *ἑαυτῶν*. Возникновение этих форм наблюдается в гомеровских сочетаниях: *εἰ αὐτόν, οἱ αὐτῶν* (II 47), мн. ч. *σφῶν αὐτῶν* (M 155) и т. д. В дальнейшем, в результате слияния, получилась новая основа, от которой образовались аттические формы: *ἑαυτόν, ἑαυτοῖς, ἑαυτοῖ, ἑαυτήν, ἑαυτῆς, ἑαυτῇ*. Можно предположить, что, например, в дательном падеже *έοι αὐτοῖς* слилось в *ἑαυτοῖς* (ср. *ταῦτό* из *τό αὐτό*), а затем основа была распространена и на другие падежи. Точно так же в 1-м и 2-м лице мы находим *ἑμαυτοῖς* и т. д., *σεαυτοῖς* и т. д. В ионийском диалекте (Геродот, надписи), с другим слиянием (ср. *τωτό* из *τό αὐτό*), дат. п. *έωυτοῖς, έμωυτοῖς, σεωυτοῖς*, откуда вин. п. *έωυτόν* и т. д. Во множественном числе и в аттическом диалекте употребительны формы: *ἡμῶν αὐτῶν, ὑμῶν αὐτῶν* и т. д., в 3-м лице: *σφᾶς αὐτοῖς, σφῶν αὐτῶν, σφίσιν αὐτοῖς*. Однако эти формы, почти единственные в архаических надписях и преобладающие у Фукидида, позднее заменились встречающимися также у Фукидида формами *ἑαυτοῖς, ἑαυτῶν, ἑαυτοῖς*, образованными от *ἑαυτοῖς* и т. д.

В результате слияния *ἑαυτοῖς* перешло в *αὐτοῖς, σεαυτοῖς* в *σαυτοῖς* и т. д. В надписях после 300 г. до н. э. преобладание получает *αὐτοῖς*, но в койнэ употребительны только формы с начальным *ε-*.

Примечания: 1. В аттическом диалекте множественное, а иногда и единственное число от *ἐαυτοῦ* употреблялось нередко и для 1-го и для 2-го лица (Эсхил, Ag. 1142; Лисий VIII, 5). Следует отметить также употребление *ἐαυτῶν* и т. д. в смысле *ἀλλήλων* „друг друга“ и т. д. (Фукидид IV, 25, 9 и др.).

2. Кроме того, мы находим возвратное местоимение другого типа, образованное посредством повторения форм от *αὐτός*. Примеры этого встречаются и в аттическом диалекте. Эсхил (III, 233) ставит в непосредственную близость *αὐτός* от *αὐτοῦ*: *καταλέλυκε τῷ αὐτῷ αὐτοῦ δυναστείαν*. То же у трагиков: *τὸν αὐτὸς αὐτοῦ πατέρα τὸνδ' ἀπ' ἡλίας* (Oed. Col. 1356). В дорийском диалекте, таким образом, возникло сложное возвратное местоимение; многочисленные примеры его имеются в Дельфах: *αὐτοαὐτοῦ* (Коллиц 1749). Первый элемент сложения *αὐτός* остается неизменяемым: *αὐτοαὐτῆς* (Дельфы, Швицер 336), род. п. мн. ч. ж. р. *αὐτοαὐτῶν* (Швицер 335), *αὐτοαὐτῶν* (Гераклеийские таблицы I, 124), *αὐτοαὐτοῖς* (Крит, Швицер 195). Другие формы того же местоимения: *αὐταῖον*, *αὐταῖας* в Сицилии (Эпихарм 172), *αὐταῖον* (Эгина, I. G. IV, 156); наконец, *αὐαυτοῦ*, объясняющееся, повидимому, редукцией конечного слога первого элемента: беот. *αὐαυτο* [= *ἐαυτοῖ*] (Швицер 503 а), дельф. *αὐαυτοῦ* (Коллиц 1713).

§ 160. От основ личных местоимений в греческом языке были образованы местоименные прилагательные с притяжательным значением, которые дают тонические формы, противопоставляемые оборотам с энклитическим родительным падежом местоимения: *ὁ ἐμὸς πατήρ*, с одной стороны, и *ὁ πατήρ μου* — с другой.

Первое лицо ед. ч.: *ἐμός*; мн. ч.: лесб. *ἄμμος*, дор. *ἄμβος* (употребительное у трагиков, но часто получающее у них значение *ἐμός*); с суффиксом *-τερος*: лесб. *ἄμμετερος*, дор. *ἄμμετερος*, ион.-аттич. *ἡμέτερος*.

Второе лицо ед. ч.: гомер., аттич. и др. *ὅς* из **τιο-*, ср. санскр. *tva-*, но в некоторых диалектах со ступенью е основы *τεός* (гомер., лесб., дор.) из **τεο-* (ср. лат. *tuus*), откуда беот. *τιός*. Во множественном числе формы, параллельные формам 1-го лица: дор. *ὕμός*, лесб. *ὕμμος* и с суффиксом *-τερος*: дор. *ὕμέτερος*, лесб. *ὕμμετερος*, ион.-аттич. *ὕμέτερος*.

Там, где требуется оттенить в притяжательном местоимении возвратный смысл, употребляется родительный

¹ Иногда в тексте встречаются варианты, создающие колебание между типами *αὐτός καθ' αὐτόν* и *αὐτός κατ' αὐτόν*; ср. Эсхил, Pers. 415, *αὐτοὶ ὅτ' αὐτῶν*.

падеж местоимений *ἐμαυτοῦ*, *σεαυτοῦ*, *ἐαυτοῦ*, а во множественном числе чаще *ἡμέτερος αὐτῶν*, *ὕμέτερος αὐτῶν*, чем *ἡμῶν αὐτῶν*, *ὕμῶν αὐτῶν*.

§ 161. От основы возвратного местоимения **сѣ-* также было образовано притяжательное местоименное прилагательное с возвратным значением **(=)ός* из **сѣо-*; ср. санскр. *sva-*. Эта основа употребляется у Гомера с возвратным значением „свой“. В той же форме она засвидетельствована у трагиков, Пиндара, Сапфо и в надписях (Гортинское законодательство I, 18 и др.). Наряду с ней существует и форма *έός* из **сеѣос* (ср. лат. *suus*), засвидетельствованная у Гомера, в дорийском диалекте (часто у Пиндара), беот. *ιός* (Коринна 5, 73 D). От основы мн. ч. *сѣе* было образовано *σφός* „свой“ (Гомер, Сапфо, Пиндар). Кроме того, у Гомера и в аттическом диалекте встречается форма *σφέτερος*, употребляемая как в прямо-рефлексивном, так и в косвенно-рефлексивном значении (Фукидид III, 68 и др.), часто в сочетании с *αὐτῶν*. Чаще всего в аттической прозе употребляется в значении возвратно-притяжательного местоимения форма род. п. *ἐαυτοῦ*, *ἐαυτῆς*, *ἐαυτῶν*, занимающая положение между артиклем и именем, а в значении притяжательного местоимения — форма *αὐτοῦ*, *αὐτῆς*, *αὐτῶν*, не занимающая этого положения.

Примечание. Употребление возвратно-притяжательного местоимения и притяжательного местоимения 3-го лица *ἐς*, *σφός*, *σφέτερος* в архаическом или архаизирующем языке поэтов представляет большое разнообразие. Возможно, что в индоевропейском языке, как показывают ведический санскрит и, повидимому, гомеровский диалект, местоимение *ἐς* (вед. *sva-*) служило возвратно-притяжательным для всех трех лиц. Гомеровские примеры иногда допускают двоякое истолкование (ср., однако, *ι* 28 и *ν* 320); в других случаях имеются варианты (ср. A 393). В послегомеровской поэзии в употреблении *ἐς* наблюдаются существенные колебания; так, *ἐς* употребляется по отношению ко 2-му лицу единственного числа у Гесиода (Op. et d. 381); то же в различных случаях такого же характера наблюдается и у Аполлония Родосского. *Σφέτερος* иногда употребляется по отношению к 3-му лицу единственного числа (Псевдо-Гесиод, Scutum. 90; Пиндар, Pyth. IV, 83 и др.) и ко 2-му лицу множественного числа (Гесиод, Op. et d. 2). Многочисленные примеры этого рода встречаются у Аполлония Родосского. Меньше колебаний наблюдается в употреблении лично-возвратного местоимения *ἐ*; однако *σφία* употреблено, по-видимому, по отношению ко 2-му лицу множественного числа в K 398 и по отношению к 1-му лицу множественного числа у Аполлония Родосского (II, 1278). Об употреблении в аттической прозе *ἐαυτοῦ* вместо *ἡμῶν αὐτῶν*, *ὕμῶν αὐτῶν* и *ἀλλήλων* см. выше, § 159, прим. 1.

§ 162. Ниже приводится перечень числительных с их буквенными обозначениями:

Количественные		Порядковые
1 α'	εἷς, μία, ἓν	πρῶτος, -η, -ον
2 β'	δύο	δεύτερος, -α, -ον
3 γ'	τρεις, τρία	τρίτος, -η, -ον
4 δ'	τέσσαρες, -α (аттич. τέτταρες)	τέταρτος, -η, -ον
5 ε'	πέντε	πέμπτος, -η, -ον
6 ς'	ἕξ	ἕκτος, -η, -ον
7 ζ'	ἑπτὰ	ἑβδόμος, -η, -ον
8 η'	ὀκτώ	ὀγδοος, -η, -ον
9 θ'	ἐννέα	ἐνάτος, -η, -ον
10 ι'	δέκα	δέκατος, -η, -ον
11 ια'	ἐνδεκα	ἐνδέκατος
12 ιβ'	δωδεκα	δωδέκατος
13 ιγ'	τρεῖς (τρία) καὶ δέκα	τρίτος καὶ δέκατος
14 ιδ'	τέσσαρες (-ρα) καὶ δέκα	τέταρτος καὶ δέκατος
15 ιε'	πεντεκαίδεκα	πέμπτος καὶ δέκατος
16 ις'	ἑξακαίδεκα	ἕκτος καὶ δέκατος
17 ιζ'	ἑπτακαίδεκα	ἑβδόμος καὶ δέκατος
18 ιη'	ὀκτωκαίδεκα	ὀγδοος καὶ δέκατος
19 ιθ'	ἐννεακαίδεκα	ἐνάτος καὶ δέκατος
20 κ'	εἴκοσι(ν)	εἰκοστός
21 κλ'	εἷς, μία, ἓν καὶ εἴκοσι	εἷς, μία, ἓν (или πρῶτος, -η, -ον) καὶ εἰκοστός, -η, -ον
22 κρ'	δύο καὶ εἴκοσι	δεύτερος καὶ εἰκοστός
30 λ'	три ἄκοντα	τριᾶκοστός
40 μ'	τεσσαράκοντα (аттич. τετταράκοντα)	τεσσαρακοστός (аттич. τετταρακοστός)
50 ν'	πεντήκοντα	πεντηκοστός
60 ξ'	ἑξήκοντα	ἑξηκοστός
70 ο'	ἑβδομήκοντα	ἑβδομηκοστός
80 π'	ὀγδοήκοντα	ὀγδοηκοστός
90 ρ'	ἐνενήκοντα	ἐνενηκοστός
100 ρ'	ἑκατόν	ἑκατοστός
200 σ'	διαχίσται, -αι, -α	διαχαιοστός
300 τ'	τριαχίσται	τριαχαιοστός
400 υ'	τετραχίσται	τετραχαιοστός

500 φ'	πενταχίσται	πενταχαιοστός
600 χ'	ἑξαχίσται	ἑξαχαιοστός
700 φ'	ἑπταχίσται	ἑπταχαιοστός
800 ω'	ὀκταχίσται	ὀκταχαιοστός
900 э,	ἐναχίσται	ἐναχαιοστός
1000 ,α	χίλιοι, -αι, -α	χιλιοστός
2000 ,β	δισχίλιοι	δισχιλιοστός
3000 ,γ	τρисχίλιοι	τρисχιλιοστός
4000 ,δ	τετραχίλιοι	τετραχιλιοστός
5000 ,ε	πενταχίλιοι	πενταχιλιοστός
6000 ,ς	ἑξαχίλιοι	ἑξαχιλιοστός
7000 ,ζ	ἑπταχίλιοι	ἑπταχιλιοστός
8000 ,η	ὀκταχίλιοι	ὀκταχιλιοστός
9000 ,θ	ἐναχίλιοι	ἐναχιλιοστός
10000 ,ι	μύριοι, -αι, -α	μυριοστός
20000 ,κ	δισμύριοι	δισμυριοστός
100000 ,ρ	δεκαχίμυριοι	δεκαχιμυριοστός

Числительные количественные

§ 163. Первые четыре числительных склоняются, и эта черта морфологии числительных восходит к индоевропейскому языку. Числительное со значением „один“ образовано от основы *sem-, которую мы находим также в лат. semel, simplex и в элементе á- (из *sm-), входящем в состав ἅπαξ, ἅπλοῦς и т. п. Формы м. р. εἷς, ἐνός, ср. р. ἓν, ἐνός восходят к *sem > *én-, откуда ν было распространено на всю флексию [Ф. § 24]. Форма ж. р. μία восходит к *smiǵa с нулевой ступенью корня и флексией типа δέξα (§ 39); относительно ударения см. § 10. Кроме того, в греческом языке существовала и другая форма женского рода, очевидно древняя, но неясного происхождения, ἰα, ἰās (Гомер, Алкей, Коринна). От этой формы образован дат. п. ср. р. ἰῶι (Z 422). Форма ἰῶι засвидетельствована также в критском диалекте (Гортинское законодательство VII, 23).

„Два“: им.-вин. п. δύο, род.-дат. п. δύοιν. Женский род, как форма двойственного числа, сходен с мужским. Краткое ο формы δύο неясно, но у Гомера встречается и форма δύο с ожидаемым окончанием (ср. вед. d(u)vā). Позднеаттическая форма δύοιν возникла, повидимому, в результате фонетического развития. Флексия подвергалась раз-

личным изменениям: в лаконском диалекте (Швицер 13 А) и в Эретрии (Швицер 800) им.-вин. п. *δωε* (по образцу *ῥάβρα*); в ионийском диалекте, где двойственное число исчезло, род. п. *δωῶν*, дат. п. *δωοῖσι* (Геродот I, 32, 94); в позднеаттическом, по аналогии с *τρίσι*, дат. п. *δωοῖ* (Аристотель; надписи начиная с III в. до н. э.); форма дат. п. *δωοῖς* встречается у Архимеда и в критском диалекте (Гортинское законодательство VII, 46), *δωεσιν* — в эолийском (по свидетельству Евстафия 802, 28). У Гомера *δωο* иногда служит дательным или родительным падежом; несколько примеров того же рода можно найти в аттическом диалекте. В новогреческом языке *δωο* не склоняется.

В словосложении древней формой того же значения является *δι-* или *дис-*; ср. *διφυῖς*, *δισχῆλι*.

"Два": *ἀμφω* "оба" склоняется как *δωο*, но имеет окончание -*ω* (ср. лат. *ambo*); постепенно вытесняется формой *ἀμφότερος*.

"Три": им.-вин. п. *τρεῖς*, *τρία*, род. п. *τρίων*, дат. п. *τρίσι* — основа на *-i. Форма именительного падежа восходит к *trejes [Ф. § 37] (ср. крит. *τρεες*; Гортинское законодательство IX, 48), винительного — к *trins, откуда киренск. *τρис*, крит. *τρινς* (Гортинское законодательство V, 54) по аналогии с *τρίων*? *Τρίς* служило и именительным падежом в беотийском диалекте, в Дельфах, в Геракле (Гераклейские таблицы I, 23). В аттическом диалекте, наоборот, *τρεῖς* служит и винительным падежом. Отметим в ионийском диалекте форму дат. п. *τριοῖσι* у Гиппонакта (47 D). В словосложении *τρι-*: *τρίπους* и т. п.

"Четыре". Основой в индоевропейском языке было *ketuor- (-ц-, возможно, отсутствует в *tétorēs* и т. п.) с чередованиями огласовки начального элемента (редуцированная ступень в гомер. *πίστρες*, как в лат. *quattuor*; помимо этого, ступень е) и элемента, предшествующего окончанию: огласовка о, которую этот элемент имеет в лат. *quattuor*, встречается в западногреческой форме *tétorēs* (Эпихарм, 149; Феокрит XIV, 16; Гесиод, Ор. et d. 698; Гераклейские таблицы I, 115 и др.). Нулевая ступень с различными фонетическими отражениями встречается в гомер. *téssares*, аттич. *téttares*, эол. гомер. *πίστρες* (О 680 и др.), лесб. *πέστρες*¹ (Швицер 633 g); в ионийском диа-

лекте находим форму с огласовкой е (возникшей в результате ассимиляции?) *téssares* (Геродот, надписи), вошедшую в норму койнэ; она же сохранилась и в новогреческом языке. Флексия имеет следующую форму: им.-вин. п. *téttares*, *téttara*, род. п. *téttarōn*, дат. п. *téttarsi* (Исократ XII, 3); но существует и другая древняя форма дат. п. *téttasi* (Пиндар, ОI. VIII, 68 и др.). Можно отметить также встречающуюся в одной надписи койнэ форму, *téttarōis* (I. G. IX, 1, 32).

В словосложении *тетра-*: *tétrapous* и т. п.

§ 164. Начиная с "пяти" числительные в индоевропейском языке не склонялись. Зарождение вторичной флексии обнаруживается в эолийском диалекте в формах род. п. *πέμπων* (Алкей 50 D), *δοκαίδεων* (Алкей 133 D), на Хиосе *πευτήκων* (Швицер 688 d) и у Гесиода *τρετήκων* (Ор. et d. 696).

"Пять": индоевропейскому *penk^he, лат. *quinque*, санскр. *pañca* соответствует общегреч. *πέντε*, эол. *πέμπε*.

"Шесть": ион.-аттич. *ἕξ*, беот. *εἶ*, но крит., геракл., дельф. *ῥεῖ*; повидимому, в индоевропейском языке были две формы — *sex (лат. *sex*) и *sṛex (галльск. *chwech*).

"Семь": *ἑπτά* из *septm; ср. лат. *septem*.

"Восемь": *ὀκτώ*, ср. лат. *octō*; элейск. *οπτό* (Швицер 419), геракл. *νοχτώ* (Гераклейские таблицы I, 34) под-

téssares, *tétorēs* и т. д. остальных диалектов, с другой, представляет собой один из наиболее сложных вопросов греческой фонетики. Делались попытки представить это расхождение как "нефонетическое", т. е. объясняющееся имевшим место в эолийских диалектах нарушением фонетической закономерности, обусловленным в случае *πέσρες* аналогическим воздействием следующего за ним в ряду числительных *πέντε* (ср. начальное *д-* в русск. *девять*, которое заменило индоевропейское начальное *п-*, обнаруживаемое в лат. *novem*, нем. *neun* и т. д., под аналогическим воздействием начального *д-* в слове *десять*). Однако это расхождение наблюдается и в таких случаях, где затруднительно указать факторы возможного аналогического воздействия (например, лесб. *πῆλον* "далеко" — ион. *τῆλε*; лесб. *φῆρ* "зверь" — аттич. *θῆρ*). Вместе с тем оно ограничено лишь определенным рядом слов, которому противостоят случаи эолийской трактовки индоевропейского *к^h*, совпадающей с общегреческой (например, *τε*; ср. лат. *-que*). Именно это обстоятельство и не позволяет удовлетворительно объяснить всю совокупность относящихся сюда фактов. Представляется все же возможным предположить, что в них в какой-то мере отражены фонетические расхождения, относящиеся еще к индоевропейской эпохе. — Прим. перев.

¹ Объяснение расхождения в трактовке индоевр. *к^h*, наблюдаемого между эол. гомер. *πίστρες*, лесб. *πέστρες*, с одной стороны, и

верглись в различных формах влиянию со стороны $\epsilon\pi\tau\acute{\alpha}$; беот. $\omicron\kappa\tau\omicron$ (I. G. VII, 2421) — со стороны $\delta\delta\omicron$.

„Девять“: $\epsilon\upsilon\eta\epsilon\alpha$ (дельф., киренск. $\epsilon\upsilon\eta\eta$, геракл. $\eta\epsilon\upsilon\eta\epsilon\alpha$ по аналогии с $\eta\epsilon\pi\tau\alpha$, $\eta\omicron\kappa\tau\omicron$) из * neup (ср. лат. *novem*), но с протетическим гласным, как арм. *inn*; объяснение - $\upsilon\upsilon$ вызывает споры.

„Десять“: $\delta\acute{\epsilon}\kappa\alpha$ соответствует лат. *decem* и т. д.

§ 165. Числительные от „одиннадцати“ до „двенадцати“ образованы из обозначений единиц в сочетании с обозначением „десяти“: $\epsilon\upsilon\delta\epsilon\kappa\alpha$ (несклоняемое), $\delta\omega\delta\epsilon\kappa\alpha$ (относительно $\delta\omega$ — ср. санскр. *dvā*), но также $\delta\iota\omega\delta\epsilon\kappa\alpha$ (Гомер, дор. [Кос, Швицер 249] и др.); у Гомера и в койнэ засвидетельствовано $\delta\iota\omega\kappa\alpha\iota\delta\epsilon\kappa\alpha$. Остальные числительные образованы при помощи $\kappa\alpha\iota$: $\tau\rho\epsilon\iota\varsigma \kappa\alpha\iota \delta\acute{\epsilon}\kappa\alpha$, $\tau\acute{\epsilon}\tau\tau\alpha\rho\epsilon\varsigma \kappa\alpha\iota \delta\acute{\epsilon}\kappa\alpha$ и т. д. В койнэ распространен тип $\delta\epsilon\kappa\alpha\delta\iota\omicron$, $\delta\epsilon\kappa\alpha\tau\rho\epsilon\iota\varsigma$ и т. д.; в новогреческом языке он является нормой.

§ 166. Обозначение десятков. Название „двадцати“ образовано из префикса * dci (из * dci —?), обозначающего „два“, и основы * kmt (из *dkmt*, ср. $\delta\acute{\epsilon}\kappa\alpha$), получившей окончание - ι или $\acute{\iota}$, как в греческом (ср. лат. *vīginti*, авест. *visaiti*). Древнюю форму мы находим в дор., беот., фессал. $\text{f}\acute{\iota}\kappa\alpha\tau\iota$ (Гортинское законодательство IV, 13 и др.; I. G. VII, 3193; IX, 2, 1014); $\epsilon\iota$ в $\text{f}\acute{\epsilon}\iota\kappa\alpha\tau\iota$ (Гераклеийские таблицы II, 55) объясняется влиянием аттич. $\epsilon\acute{\iota}\kappa\omicron\sigma\iota$. В ионийско-аттическом, лесбосском и аркадском диалектах имеем $\epsilon\acute{\iota}\kappa\omicron\sigma\iota$. Переход - $\tau\iota$ в - $\sigma\iota$ фонетически закономерен [Ф. § 47]; огласовка \omicron обусловлена аналогией других числительных, обозначающих десятки; начальное $\epsilon\acute{\iota}$ восходит к $\epsilon\epsilon\tau\iota$, где ϵ протетическое: за гомер. $\epsilon\acute{\epsilon}\iota\kappa\omicron\sigma\iota$ скрывается древнее * $\epsilon\epsilon\tau\iota\kappa\omicron\sigma\iota$. У Пиндара единственной формой является ион.-аттич. $\epsilon\acute{\iota}\kappa\omicron\sigma\iota$; у Феокрита рукописи дают дор. $\epsilon\acute{\iota}\kappa\alpha\tau\iota$ (IV, 10; V, 86).

Остальные числительные, означающие десятки, образованы при помощи - $\kappa\omicron\upsilon\tau\alpha$, формы множественного числа среднего рода от основы * dkomt . Отсюда $\tau\rho\acute{\iota}\alpha\kappa\omicron\upsilon\tau\alpha$ (ион. $\tau\rho\acute{\iota}\eta\kappa\omicron\upsilon\tau\alpha$; относительно α см. § 7), $\tau\acute{\epsilon}\tau\tau\alpha\rho\alpha\kappa\omicron\upsilon\tau\alpha$ (ион. и койнэ $\tau\epsilon\tau\tau\epsilon\rho\alpha\kappa\omicron\upsilon\tau\alpha$), беот. $\text{pettara}\kappa\omicron\upsilon\tau\alpha$, дор. (Гераклеийские таблицы I, 20) $\text{tetra}\kappa\omicron\upsilon\tau\alpha$ (ср. лат. *quadrāgintā*). Следующие далее обозначения десятков образованы при помощи общегреческого расширения η : $\text{pentē}\kappa\omicron\upsilon\tau\alpha$, $\epsilon\acute{\epsilon}\tau\eta\kappa\omicron\upsilon\tau\alpha$,

$\epsilon\beta\delta\omicron\mu\eta\kappa\omicron\upsilon\tau\alpha$ и $\delta\upsilon\delta\epsilon\kappa\omicron\upsilon\tau\alpha$ (откуда $\delta\upsilon\delta\acute{\omega}\kappa\omicron\upsilon\tau\alpha$ в ионийском диалекте [В 568; Геродот I, 163] и, возможно, в дорийском: Феокрит IV, 34); $\epsilon\upsilon\epsilon\eta\eta\kappa\omicron\upsilon\tau\alpha$ (Гомер, ион.-аттич. диалект) содержит неясное удвоение, но встречается также $\epsilon\upsilon\eta\eta\kappa\omicron\upsilon\tau\alpha$ на Делосе (I. G. XI, 2, 199 В) и один раз у Гомера $\epsilon\upsilon\eta\eta\kappa\omicron\upsilon\tau\alpha$ (τ 174).

§ 167. Обозначение сотен. $\text{f}\acute{\epsilon}\kappa\alpha\tau\omicron$ представляет собой по происхождению имя среднего рода, ставшее несклоняемым (из * dkmtom ; ср. лат. *centum*); $\acute{\epsilon}$, повидимому, появилось (в результате диссимиляции? или аналогического воздействия со стороны $\epsilon\acute{\iota}\varsigma$?) вместо α - (ср. $\acute{\alpha}\tau\alpha\acute{\epsilon}$ и т. п.). Прочие обозначения сотен представляют собой произведенные от - $\kappa\alpha\tau\omicron\upsilon$ прилагательные на - $\iota\omicron\iota$ и склоняются. Древняя огласовка сохранена в дор. и беот. - $\kappa\acute{\alpha}\tau\iota\omicron\iota$, аркад. - $\kappa\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\iota$; в ион.-аттич. - $\kappa\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\iota$ огласовка \omicron заимствована от обозначений десятков. Отсюда $\delta\iota\alpha\kappa\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\iota$, ион. $\delta\iota\eta\kappa\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\iota$ (по аналогии с $\tau\rho\acute{\iota}\alpha\kappa\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\iota$ вместо * $\delta\iota\kappa\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\iota$?), $\tau\rho\acute{\iota}\alpha\kappa\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\iota$, ион. $\tau\rho\acute{\iota}\eta\kappa\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\iota$ ($\tau\rho\acute{\iota}\alpha$ — по аналогии с $\tau\rho\acute{\iota}\alpha\kappa\omicron\upsilon\tau\alpha$), $\tau\acute{\epsilon}\tau\tau\alpha\kappa\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\iota$, $\epsilon\pi\tau\alpha\kappa\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\iota$, $\epsilon\upsilon\alpha\kappa\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\iota$, ион. $\epsilon\acute{\iota}\alpha\kappa\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\iota$ (из * $\epsilon\upsilon\eta\alpha$; ср. $\epsilon\upsilon\alpha\tau\omicron\varsigma$, § 169); содержащееся в этих формах конечное α первого члена сложения было обобщено: $\text{pentak}\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\iota$ (но гомер. $\text{pentē}\kappa\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\iota$ по аналогии с $\text{pentē}\kappa\omicron\upsilon\tau\alpha$), $\epsilon\acute{\epsilon}\kappa\alpha\kappa\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\iota$ (но фессал. $\epsilon\acute{\epsilon}\tau\epsilon\kappa\alpha\tau\tau\iota\omicron\iota$; Suppl. epigr. II, 264), $\delta\acute{\epsilon}\kappa\alpha\kappa\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\iota$, $\epsilon\upsilon\alpha\kappa\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\iota$.

§ 168. „Тысяча“ имеет в различных индоевропейских языках разные обозначения. Греческая форма восходит, повидимому, к * $\text{χελ}\omicron\iota\omicron\iota$ (ср. санскр. *śahasram*), откуда фессал., лесб. $\chi\acute{\epsilon}\lambda\lambda\iota\omicron\iota$, ион., беот. $\chi\acute{\epsilon}\lambda\iota\omicron\iota$, аттич. $\chi\acute{\iota}\lambda\iota\omicron\iota$ (с ассимиляцией гласного?); $\chi\acute{\iota}\lambda\iota\omicron\iota$ засвидетельствовано также в рукописной традиции Гомера и Геродота.

Примечания: 1. Иногда обозначения сотен и тысяч употребляются в единственном числе с собирательным значением единственного числа существительного: $\text{f}\acute{\epsilon}\pi\tau\epsilon\varsigma \chi\acute{\iota}\lambda\eta$ (Геродот V, 63), $\text{f}\acute{\epsilon}\pi\tau\epsilon\varsigma \delta\iota\alpha\kappa\omicron\sigma\acute{\iota}\alpha$ (Фукидид I, 62).

2. $\text{M}\acute{\omicron}\rho\iota\omicron\iota$, - $\alpha\iota$, - α (иногда употребляемое в единственном числе) имеет основное значение „бесчисленный“, в дальнейшем оно стало обозначать „десять тысяч“; первый пример $\tau\rho\acute{\iota}\varsigma \mu\acute{\omicron}\rho\iota\omicron\iota$ (Геснол, Or. et d. 252).

Числительные порядковые

§ 169. Порядковые числительные, всегда склоняемые, как правило, образуются от количественных. Некоторые из них содержат архаические черты, напри-

ГЛАГОЛ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

мер *ἑβδομος*, с неясной звонкостью согласных, образованное от основы *ἐπτά* посредством тематического гласного (дельфийские надписи Лабиадов D, 6 *ἑβδομος*); то же и *ὄκτωс* (**οὔδοσ*), произведенное от *ὀκτώ* (ср. лат. *octavus*). Прочие порядковые числительные образованы при помощи суффикса *-τος* (иногда *-атос* или *-татос*), который упоминался выше (§ 120) в качестве суффикса превосходной степени: *τρίτος* и гомер. *τρίτατος*, *τέταρτος* и гомер. *τέταρτος* (ср. *тетра-* в словосложении), лат. *quartus*; *πέμπτος*, ср. лат. *quintus* (из *quinctus*); *ἕκτος*, ср. лат. *sextus*; наряду с *ἑβδομος* и *ὄκτωс* — гомер. *ἑβδόματος* и *ὀκτώματος*; *ἐνάτος* (гомер. *ἐνάτος*) от основы *εὐνα-* вместо *ἐννεа*, которую мы встречаем также в словосложении; *δέκατος* противостоит более древнему типу, представленному лат. *decimus*.

Первые два порядковых числительных образованы не от соответствующих им количественных. В значении „первого“ в греческом языке использованы производные от *πρῶ* „вперед“: ион.-аттич. *πρῶτος* из **проатос*; дор., беот. *πρῶτος* (надписи, Эпихарм 88) восходит, возможно, к **рфтос* [Ф. § 4]; с присоединенным к *-τος* суффиксом *-стос* — *πρωτιστος* (Гомер). Наконец, с тем же суффиксом *-то-*, что в лат. *primus*, мы находим *πρῶμος* (Гомер, трагики) и, возможно, *πράμος* (Аристофан, *Thesm.* 50). Для выражения признака „первый из двух“ употребляется форма с суффиксом противопоставления **-tero-* (§ 119): *πρότερος*.

Порядковое числительное *δευτερος* не связано этимологически с *δύο*, но должно быть сближено с глаголом *δεύομαι* „отставать в чем-либо“; ср. также *δευτατος* „последний“.

Порядковые числительные „одиннадцатый“ и „двенадцатый“ образованы от соответствующих количественных: *ἐνδέκατος*, *δωδέκατος*. Далее следуют числительные, состоящие из двух порядковых форм: *τρίτος καὶ δέκατος*, *τέταρτος καὶ δέκατος* и т. д.

От названий десятков образуются порядковые типа *τριακοστός* и т. д. из **kont-tos*; так же и *εἰκοστός*, беот. *ῥικαστός* (I. G. VII, 3172, 109) от *ῥικати*. Это окончание *-стос*, осмысленное как порядковый суффикс, прибавлялось и к названиям сотен: *διακοσιοστός* и т. д.; так же образовано и *χιλιοστός*.

§ 170. Индоевропейская глагольная система обладала своеобразной структурой. Она представляла собой не единое „спряжение“, а ряд самостоятельных глагольных основ; глагольные основы, принадлежащие к одному и тому же корню, существовали независимо друг от друга, не имея между собой определенных необходимых связей. Это состояние в значительной степени сохранилось и в греческом языке, особенно в языке Гомера. Но и в аттическом диалекте в таких случаях, как наст. вр. *πάσχω*, буд. вр. *τείσσομαι*, аор. *ἔπαθον*, перф. *πέποιθα*, ни одна из форм не позволяет предугадать какую-либо из остальных, хотя все они и происходят от одного и того же корня.

§ 171. В других случаях отдельные корни по своему значению были по преимуществу пригодны для образования от них определенной временной основы — или настоящего времени, или аориста, или перфекта. В результате этого оказалось возможным использовать для различных временных основ с одним и тем же вещественным значением различные корни: для значения „видеть“ мы находим наст. вр. *ὄραω*, но буд. вр. *ὄψομαι* (ср. *ὄψαλμις* „глаз“ и т. п.), аор. *εἶδον* (тот же корень, что в *οἶδα* „знать“ и в лат. *vidēre*); наконец, перфект производился, смотря по диалекту, то от корня наст. вр. *έβραха*, то от корня будущего времени, по иному типу, чем *έβραха*, и притом различному для действительного и среднего залогов, *όπωπα* и *όμμα*.

Можно указать в греческом языке немало и других случаев „супплетивности“: *τρέχω* „я бегу“ и *έδραμον* „я побегал“, *εσθίω* „я ем“ и *έφαγον* „я съел“, *έρχομαι* „я иду“, но *έμην*, представляющее собой в сущности основу настоящего времени, „я пойду“ и *ἦλθον* „я пришел“.

Для одного и того же времени, настоящего, аориста и т. д., греческий язык иногда располагает несколькими параллельными основами с некоторым различием в оттенке значения. Древним аористом со значением „я сказал“ было εἶπον, Гомер. εἴπω (§ 198); в настоящем времени соответствующее действие обозначалось двумя основами: ἀγορεύω, производное от ἀγορά „место собрания“, что означает собственно „выступать публично“, и λέγω с основным значением „перечислять“, почти совершенно чуждое Гомеру в значении „говорить“. Будущее время производилось от третьего корня (того же, что в лат. *verbum*): ἐρῶ. Этот же корень послужил и для образования перфектов — страдательного εἶρημαι и действительного εἶρηκα, а также страдательного аор. ἐρρήθη. От наст. вр. λέγω были произведены формы вторичного образования — буд. вр. λέξω, перф. буд. λελέξομαι, аор. ἔλεξα, страдательный аор. ἐλέχθη — с привходящим оттенком значения „излагать, рассказывать“. Другие примеры см. § 173.

Примечание. Новогреческий язык сохранил несколько случаев супплетивного спряжения: βλέπω, εἶδα „видеть“; ἐρχομαι, ἦρθα „идти“; λέω, εἶπα „говорить“; τρώω (τρώγω), ἔφαγα „есть“.

§ 172. Тремя главными временными основами являются настоящее время (вариантом которого надо считать и будущее; ср. § 293), аорист и перфект. В этом отношении греческий язык арханчнее латинского, который знает только противопоставление инфекта и перфекта [Э. § 163]. Различие этих трех основ имело собственно не временной, а видовой характер: они выражали не столько время, в которое происходило действие (это выражалось дополнительными средствами, а именно, наличием или отсутствием приращения и формой личных окончаний), сколько характер самого процесса. Форма настоящего времени обозначает действие как длящийся процесс; аорист обозначает его в полном отвлечении от длительности; перфект, стоящий несколько особняком и постепенно утрачивающий в греческом языке свое первоначальное значение, а затем и вовсе исчезающий, обозначает состояние субъекта или объекта действия.

Если основа перфекта обладает своей особой структурой, то основы настоящего времени и аориста, по крайней мере для некоторых типов, имели сходное образова-

ние. Правда, εἴπω и εἶπον противостоят друг другу, различаясь по огласовке корня, причем тип εἶπω составляет норму именно для аориста а, с другой стороны, структура ἐδεῖξα характерна для аориста и ничего сходного с ней в настоящем времени не существует; однако ничто в структуре ἐφαρῶν не указывает, что это основа настоящего времени, а не аориста, как ἐδραχον „я взглянул“, или, наоборот, что ἐγενόμην — это аорист, а не имперфект, прошедшее время от основы настоящего, как ἐτρεφόμεν. Наконец, имперф. ἐρην ничем не отличается по своей структуре от аор. ἐτήν. Наиболее общее определение аориста, охватывающее действительно все случаи, состоит в том, что основа аориста дает в изъявительном наклонении только прошедшее время, а не настоящее и прошедшее, как основа настоящего времени. В противоположность этому перфект самой своей структурой и своими личными окончаниями выходит из рамок обычной нормы спряжения. Его втягивали в себя в ходе истории греческого языка, в двух противоположных направлениях, и система настоящего времени и система аориста: ἐστήκα „я стою“ или οἶδα „я знаю“ близки по значению к основам настоящего времени; напротив, ἐφθάρκα „я погубил“ довольно близко к аористу и в определенных случаях играет роль своего рода экспрессивного аориста — „я погубил, и результат этого сохраняется“. Таким образом, перфекту суждено было исчезнуть. Правда, в новогреческом языке мы находим сложный перфект ἔχω φέρεи, сходный по значению с французским сложным прошедшим j'ai porté, но в нем нет уже ничего общего с древним перфектом. В то же время новогреческий язык сохранил и развил противопоставление между настоящим временем и аористом, характеризующее всю его глагольную систему. Это противопоставление по виду отчетливее всего выступает в употреблении имперфекта и аориста в рассказе о прошлом: Ксенофонт (Hell. IV, 4, 1) εἰρήνης ἐπεδύμησαν καὶ συνιστάμενοι ἐδίδασχον ταῖς ἀλλήλους „у них явилось стремление к миру, и они, сходясь вместе, говорили об этом между собой“ (относительно собственного значения перфекта см. § 209).

§ 173. Важностью этого противопоставления по виду объясняются, как мы уже говорили, некоторые случаи

супплетивности, то есть объединения нескольких корней в общей системе спряжения (§ 171). Те корни, которым свойственно дуративное значение, оказываются наиболее пригодными для образования основы настоящего времени; другие, выражающие действие само по себе, безотносительно к дуративности, дают основы аористов. Так как корень *ed- „есть“ выражает длительно действующее действие, то различные индоевропейские языки для образования аориста использовали другие корни: в греческом языке наряду с гомер. ἔδμεναι и аттич. ἐσθίω находим ἔφαγον. Дуративен по своему значению и корень *bher- „нести“, почему аорист заимствуется от другого корня. Как в латинском языке tetuli и tulī объединены с fero, так и в греческом существуют для φέρω аористы ἔνευχον, ἔνευχα, ἔνευξα (относительно этих форм ср. § 184, 198); впрочем, новогреческий язык противопоставляет настоящему времени φέρω аорист ἔφερα. Так же объясняются ὀράω/εἶδον, λέγω/εἶπον и др. (§ 171).

§ 174. Это противопоставление глагольных форм по виду, то есть по характеру протекания действия, определяет всю древнейшую структуру греческого глагола. Оно играет роль и внутри самой системы настоящего времени. Для одного и того же корня греческий язык в ряде случаев располагает при одном аористе несколькими основами настоящего времени. Одни из них выражают действие безотносительно к его цели, например φέρω „несу“, μένω „остаюсь“; другие, которым ряд исследователей, по примеру А. Мейе, дают название „определенных“, имеют в виду цель действия, например μένω „жду“, ἵσχω „сдерживаю“ наряду с ἔχω „держу“. Продуктивность этого различия довольно скоро была утрачена, но оно позволяет объяснить наличие таких пар, как μένω и μένω, ἵσχω и ἔχω, ἐρύχω и ἐρώ, στήχω и στή (στήω), τρύχω и τρώω, φθιύω и φθίνω, πλήθω и πίμπλημι, ἀνύω и ἀνύω, ἀβύω и ἀβύω. Даже в тех случаях, когда противопоставления двух различных основ настоящего времени нет, значение определенных суффиксов все же остается ощутимым: достижение цели действия имеется в виду в значении таких форм настоящего времени, как

τυγχάνω „достигаю“, ἀμαρτάνω „совершаю промах“, ἀμβλίσκω „рождаю преждевременно“ и т. п.

§ 175. Все эти черты свидетельствуют о наличии в языке гибкой системы, построенной на трех временных основах, главным образом на основах настоящего времени и аориста, поскольку перфект играет лишь вспомогательную роль¹. Тот или иной корень может по своему значению оказаться пригодным лишь для образования основы настоящего времени, но не основы аориста, и наоборот. Помимо того, в настоящем времени древнейший греческий язык иногда располагал двумя основами, представляющими действие в различных „видах“ (ср. μένω и μένω и т. п.).

Таким образом, мы не находим здесь ничего соответствующего тому, что принято называть „спряжением“, то есть целостного ряда основ, из которых каждая выражала бы определенное „время“ или „вид“ действия и которые выводились бы одна из другой при помощи простых морфологических средств. Но это древнейшее состояние уже очень рано начало изменяться. Греческий язык установил определенную смысловую, а часто и формальную связь между различными унаследованными им от индоевропейского языка основами, так что для каждого глагольного корня возникла та стройная и законченная система, которая носит название спряжения. Для

¹ Следует при этом иметь в виду, что само развитие настоящего времени, аориста и перфекта как определенных грамматических категорий теснейшим образом связано с развитием системы спряжения, в которую эти категории входят как взаимно обусловленные в своем содержании. До возникновения системы в целом значения составивших ее форм не имели того абстрактного характера, который присущ категориям как времени, так в не меньшей степени и вида в их полном развитии, а были значительно ближе к вещественному значению соответствующих глагольных основ. Сравнительно поздним по отношению к образующим их формам возникновением временно-видовых категорий греческого спряжения объясняется разнородность вошедших в них формальных элементов (ср. ниже), особенно типов основ настоящего времени и аориста. При этом остатки древнейших более конкретных значений тех или иных форм сохранены в ряде случаев с достаточной отчетливостью; таковы, например, формы настоящего времени с удвоением, о котором говорится в § 174, или сигматические формы будущего времени, для которых в ряде случаев можно обнаружить следы первоначального дезидеративного значения.—Прим. перев.

ее создания язык мог использовать архаические элементы: εἶδον и ἔλπομαι осознаются как аорист и перфект от наст. вр. ὀράω совершенно так же, как ἐβασίλευα и βεβασίλευκα служат правильно образованными аористом и перфектом от βασιλεύω; однако уже аттический диалект создал перф. ἐβραха.

§ 176. Ощущение „корня“ и чередований огласовки, характеризующих различные основы, мало-помалу исчезло. В глаголе: λέιπω, ἐλπίζω, λείπειν мы находим один корень с чередованием огласовки λει-, λп-, λοι-. Однако в историческую эпоху греческий язык уже не создает более новых форм по этому образцу и обнаруживает тенденцию к устранению унаследованных; существует, например, аор. ἐλεῖφα в койнэ и даже у Аристофана (отр. 965 K). Для афинянина классической эпохи, как мы уже указывали, формальная связь, сводящая к одному и тому же корню πᾶσχω, πείσμαι, ἔπαθον, πέπονθα, была утрачена. Если супплетивные глаголы ὀράω, εἶδον оказались устойчивыми, то все же общая тенденция языкового развития была направлена к установлению правильных парадигм: βασιλεύω, βασιλεύσω, ἐβασίλευα, βεβασίλευκα. Легче всего позволяли провести это образование законченного ряда основ производные глаголы. В частности, отыменные, то есть производные от имен глаголы, которые в индоевропейском языке имели только основу настоящего времени, получили в греческом формы аориста, будущего времени и перфекта действительного, среднего и страдательного залога. Они постепенно вытесняли древние первообразные глаголы. Гомер употребляет форму ἐλπίμαι „надеюсь“, но аттический диалект — ἐλπίζω, производное от ἐλπίς; древний глагол ἔρρωμι заменен глаголом ὀράω, производным от ὀρύι, и т. д.

§ 177. Спряжение, заключая в себе, как и именная флексия, различие трех чисел (тогда как различие родов глагольной системе, помимо причастий, чуждо), противопоставляет друг другу три лица, характеризующиеся различными окончаниями. Оно содержит, далее, три залога — действительный, средний, страдательный (§ 339). Оно располагает различными основами наклонений — изъявительного, повелительного, сослагательного

и желательного (именные формы — инфинитив и причастие — не принадлежат к спряжению в собственном смысле). Наконец, оно имеет четыре временные основы: основу настоящего времени (для настоящего времени и имперфекта), основу будущего времени (представляющую собой в сущности древнюю разновидность основ настоящего времени), основу аориста (с особой основой для аориста страдательного залога) и основу перфекта (с перфектным прошедшим и перфектным будущим).

Рассматривая эти глагольные формы, необходимо различать формы тематические, типа λέιπω, λέιπομεν, содержащие перед окончанием гласный е/ο, и образования атематические, типа εἶμι (из *есми), ἐσμεν, где окончания присоединяются непосредственно к корню; вместе с тем атематическая флексия характеризуется наличием чередования в огласовке корня в пределах форм, образуемых от одной и той же основы: 1-е л. ед. ч. τίθημι, но 1-е л. мн. ч. τίθεμεν. Атематическая флексия вообще постепенно вытеснялась тематической флексией. В новогреческом языке атематических глаголов больше нет.

Среди глагольных основ наибольшее разнообразие представляют основы настоящего времени. Часто обнаруживается, что основа настоящего времени имеет вторичный характер, будучи образована от основы аориста, и только для отыменных глаголов настоящее время составляет исходный пункт всей глагольной системы. Поэтому будет уместно начать изучение временных основ с аориста, который находится как бы в центре всего спряжения.

АОРИСТ

§ 178. Греческий язык использовал различные типы аористов, существовавшие в индоевропейском языке аористы корневые атематические, аористы корневые тематические, аористы на *-s-, аористы на *-ē- (-η- и -θη-).

Аорист атематический

§ 179. Начиная с индоевропейской эпохи группа атематических аористов непрерывно сокращалась. Самая флексия этих аористов оказалась глубоко изменившейся уже в наиболее древних текстах, где сохранились только

следы чередования огласовки, противопоставляющего ступень е в единственном числе действительного залога нулевой ступени во множественном и двойственном числе и в среднем залоге. Наконец, в действительном залоге только определенные типы корней допускали атематическое образование аориста: здесь всегда наблюдается долгий гласный перед окончанием как в случае „односложного“ корня (тип. $\epsilon\sigma\tau\eta\nu$), так и в случае „двусложного“ (тип $\epsilon\gamma\chi\omega\nu$).

§ 180. Лучше всего сохранились из числа этих аористов следующие: 1) аористы, образованные от односложных корней, с остатками чередования: дор. $\epsilon\beta\alpha\nu$, ион.-аттич. $\epsilon\beta\eta\nu$, ср. санскр. $agān$, и со следами чередования в гомеровской форме дв. ч. $\beta\acute{\alpha}\tau\eta\nu$ (А 327); $\epsilon\gamma\delta\eta\nu$ со следами чередования в гомеровском причастии $\phi\delta\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ (Е 119 и др.); без следов чередования дор. $\epsilon\sigma\tau\acute{\alpha}\nu$, ион.-аттич. $\epsilon\sigma\tau\eta\nu$ (ср. санскр. $asthām$); 2) двусложные корни: дор. $\acute{\alpha}\nu\epsilon\pi\tau\acute{\alpha}\nu$ (Софокл, Ant. 1307), ион.-аттич. $\epsilon\pi\tau\eta\nu$, но в среднем залоге, с нулевой ступенью, $\epsilon\pi\tau\alpha\tau\omicron$ от $\pi\acute{\epsilon}\tau\omicron\mu\alpha\iota$; без следов чередования дор. $\epsilon\tau\lambda\acute{\alpha}\nu$, ион.-аттич. $\epsilon\tau\lambda\eta\nu$, ср. $\tau\epsilon\lambda\alpha\mu\acute{\omega}\nu$, $\epsilon\tau\acute{\alpha}\lambda\alpha\sigma\alpha$; $\acute{\alpha}\pi\epsilon\delta\epsilon\rho\acute{\alpha}\nu$ (аттич.), ср. $\acute{\alpha}\pi\omicron\delta\iota\delta\rho\acute{\alpha}\sigma\kappa\omega$; аттический инфинитив $\acute{\alpha}\pi\omicron\sigma\chi\lambda\eta\nu\alpha\iota$ „высохнуть“ (Аристофан, Vesp. 160), ср. $\sigma\chi\lambda\eta\rho\acute{\epsilon}\varsigma$, $\sigma\chi\epsilon\lambda\epsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma$; гомер. $\epsilon\upsilon\mu\beta\lambda\eta\mu\epsilon\nu\alpha\iota$ „встретиться“ (Ф 578) наряду с формой среднего залога $\beta\lambda\eta\tau\omicron$ „он был ранен“, от корня $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$, $\beta\acute{\epsilon}\beta\lambda\eta\chi\alpha$, $\beta\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\mu\nu\omicron\nu$; $\epsilon\beta\iota\omega\nu$, ср. $\beta\iota\omicron\varsigma$ „жизнь“; $\epsilon\beta\epsilon\rho\omega\nu$ (Нупп. in Ap. 127), ср. $\beta\epsilon\beta\rho\acute{\omega}\sigma\kappa\omega$ и $\beta\acute{\alpha}\rho\alpha\delta\rho\omicron\nu$; $\epsilon\gamma\omega\nu$ от $\gamma\iota\gamma\nu\acute{\omega}\sigma\kappa\omega$. Аористы от двусложных корней, содержащие υ без чередования: $\epsilon\psi\upsilon\nu$ от $\psi\acute{\omicron}\sigma\mu\alpha\iota$ „расти“ (ср. лат. $fu\acute{\iota}$); $\epsilon\delta\upsilon\nu$ от $\delta\acute{\omicron}\sigma\mu\alpha\iota$ „погружаться“.

Примечание. У аористов на долгий гласный преобладает непереходное значение. Это вытекает из самого значения глагола для $\epsilon\beta\eta\nu$, которому, однако, противопоставит фактитивное $\epsilon\beta\eta\sigma\alpha$ показательными примерами являются: $\epsilon\sigma\tau\eta\nu$ (от $\iota\sigma\tau\alpha\mu\alpha\iota$), $\epsilon\psi\upsilon\nu$ от $\psi\acute{\omicron}\sigma\mu\alpha\iota$, $\epsilon\delta\upsilon\nu$ от $\delta\acute{\omicron}\sigma\mu\alpha\iota$, $\epsilon\sigma\chi\lambda\eta\nu$ от $\sigma\chi\epsilon\lambda\lambda\omicron\mu\alpha\iota$.

§ 181. С некоторыми аористами связаны особые проблемы. Три аориста содержат в единственном числе действительного залога расширение κ -, вероятно, то же, что и в перфекте (§ 224): $\epsilon\delta\omega\chi\alpha$ от $\delta\acute{\iota}\delta\omega\mu\iota$, $\epsilon\theta\eta\chi\alpha$ от $\tau\acute{\iota}\theta\eta\mu\iota$ (ср. лат. $fec\acute{\iota}$), $\eta\chi\alpha$ от $\eta\chi\mu$ (ср. лат. $ies\acute{\iota}$). В отличие от приведенных выше эти аористы сохранили как норму

чередование огласовки: $\epsilon\theta\eta\chi\alpha$, $\epsilon\theta\epsilon\mu\epsilon\nu$, средний залог $\epsilon\theta\acute{\epsilon}\mu\eta\nu$; $\eta\chi\alpha$, $\epsilon\eta\mu\epsilon\nu$ (из $*\epsilon\eta\mu\epsilon\nu$), средний залог $\epsilon\eta\mu\eta\nu$; $\epsilon\delta\omega\chi\alpha$, $\epsilon\delta\omicron\mu\epsilon\nu$, средний залог $\epsilon\delta\acute{\omicron}\mu\eta\nu$. Распирение κ , посредством которого устранялись односложные формы, наблюдается во всех диалектах (исключение — беот. 3-е л. ед. ч. $\alpha\upsilon\epsilon\delta\acute{\epsilon}$; Швицер 472, В, 14). При этом основа на κ распространилась на множественное число и на средний залог в ионийском диалекте (уже у Гомера иногда встречается $\epsilon\theta\eta\chi\alpha\nu$, $\theta\eta\chi\alpha\tau\omicron$, $\eta\chi\alpha\nu$, $\epsilon\delta\omega\chi\alpha\nu$ и один раз $\epsilon\nu\text{-}\eta\chi\alpha\mu\epsilon\nu$, μ 401). Все эти формы, обычные у Геродота, появляются в аттических надписях начиная с 385 г. до н. э. и становятся в них постоянными начиная с 300 г., равно как и позднее, в койнэ папирусов, Нового завета и т. д. В позднюю эпоху (не ранее III в. до н. э.) для этих трех глаголов появляются сигматические аористы. Формы новогреческого языка — $\epsilon\theta\epsilon\tau\alpha$, $\epsilon\delta\omicron\sigma\alpha$, $\acute{\alpha}\psi\eta\tau\alpha$.

§ 182. Примечание. Некоторые формы представляют собой изолированные остатки атематического спряжения. От основы $*\sigma\tau\acute{\alpha}$ „отнимать“ мы находим атематический аорист — прич. $\acute{\alpha}\pi\omicron\sigma\tau\acute{\alpha}\varsigma$ (А 356 и др.), 3-е л. ед. ч. изъяс. накл. $\acute{\alpha}\pi\tau\eta\rho\acute{\alpha}$ (где τ — долгое приращение [см. § 356 и сноску к § 185]; ср. Z 17 и др.) с эолийским конечным $\acute{\alpha}$. Однако это $\acute{\alpha}$ было истолковано как результат слияния в имперфекте (тип. $\epsilon\tau\epsilon\phi\acute{\alpha}$), в результате чего появилась форма 1-го л. ед. ч. $\acute{\alpha}\pi\tau\eta\rho\acute{\omega}\nu$ (I 131). Формы повел. накл. $\kappa\lambda\acute{\omicron}\theta\iota$ и $\kappa\lambda\acute{\omicron}\tau\epsilon$ (А 37, В 56 и др.), в которых долгое \omicron не вполне ясно (ср. $\kappa\lambda\acute{\omicron}\tau\acute{\omicron}\varsigma$), оказались включенными в ряд тематического аориста вторичного образования; сходным образом наряду с $\epsilon\pi\iota\omicron\nu$, $\pi\acute{\iota}\theta\iota$ (Аристофан, Vesp. 1489) появились формы с другой огласовкой корня — лесб. $\pi\acute{\omega}$, $\pi\acute{\omega}\theta\iota$ (Алкей 105 D), ср. $\pi\acute{\epsilon}\tau\omega\kappa\alpha$, лат. $p\acute{o}\tau\upsilon\varsigma$. Возможно, вторичными являются и другие аористы: от глагола $\kappa\tau\epsilon\acute{\iota}\nu\omega$ „убивать“ существует древний аор. $\kappa\tau\acute{\alpha}\tau\omicron$, $\kappa\tau\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ (I 375 и др.) со страдательным значением формы среднего залога; от этого медиального аориста и были произведены формы действительного залога: гомер. инф. $\kappa\tau\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\alpha\iota$ (E 301); 3-е л. мн. ч. изъяс. накл. $\acute{\epsilon}\kappa\tau\alpha\nu$ (τ 276); наконец, 3-е л. ед. ч. $\acute{\epsilon}\kappa\tau\alpha$ (O 432, λ 410), очевидно вторичное, с кратким α .

§ 183. Формы среднего залога (ср. выше $\pi\acute{\alpha}\tau\omicron$, $\kappa\acute{\alpha}\tau\omicron$, $\beta\lambda\eta\tau\omicron$) представляют различные огласовки. Среди двусложных корней надо отличать у Гомера: $\pi\lambda\eta\tau\omicron$ „наполнился“ (P 499), ср. $\pi\acute{\iota}\mu\tau\lambda\eta\mu\iota$, от $\pi\lambda\eta\tau\omicron$ „приблизился“ (Ξ 438), ср. $\pi\epsilon\lambda\acute{\alpha}\zeta\omega$, и др. В $\epsilon\pi\acute{\rho}\iota\alpha\tau\omicron$, служащем аористом к $\sigma\upsilon\epsilon\lambda\tau\alpha\iota$ („покупать“), мы также имеем дело с двусложным корнем (ср. санскр. $kr\acute{\iota}$ — „покупать“), но другой структуры.

Существуют атематические аористы среднего залога, образованные от односложных корней с нулевой ступенью

огласовки (ср. выше *πάτο*, *πάμενος*): *λύμην*, *λύτο* (§ 703 и др.) от *λύω*; *ούτο* и *έσσυτο* (В 809 и др.) от *σειομαι*; *έρθιτο* (Σ 100), *φθίμενος* (Θ 359) от *φθίνω*; *χύτο* (N 544 и др.) от *χέω*.

Некоторые основы от корней, оканчивающихся на смычный или плавный, должны быть истолкованы как основы атематических аористов. При этом часто наблюдается (как и следует ожидать) нулевая ступень огласовки: от *μίσσω* (§ 257) — *έμικτο* „сместался“ (Α 354); от *άλλομαι* — *άλτο* „прыгнул“ (Α 532), *έпάλμενος* (H 260), где отсутствие придыхания указывает на эолийское происхождение этих форм; от *άραρίσσω* — *άρμενος* „прилаженный“ (Σ 600). С обобщенной огласовкой о находим: *ώρτο* „бросился“ (Ε 590) от *ώρωμι*; с огласовкой е, которая представляется неожиданной: *κατέπηκτο* „был воткнут“ (Α 378); *έλεχτο* „улегался“ (I 565) от корня **legh-*, ср. *λέχος*; *γέντο* „взял“ (Θ 43), ср. *γέμω*, и др. Все эти формы определяются как аористы лишь в силу отсутствия форм настоящего времени, образованных от соответствующих основ. *δέχτο* „получал“ или „получил“ (В 420 и др.), с такой же формальной структурой, вероятно, и было первоначально формой от основы настоящего времени (§ 241).

Примечания: I. Большая часть этих средних аористов — архаизмы, после Гомера уже не засвидетельствованные; с *μικτο* еще у Гомера конкурируют формы *έμικη* и *έμικθη*. Некоторые известны только как глоссы: от корня **gdh-* „ударять“ (ср. *πέφρον*) образован сохраненный у Гесиэия аорист среднего залога *άπέφικτο* — *άπέφικεν*. С другой стороны, в послегомеровской поэзии встречаются атематические аористы, представляющие собой, вероятно, искусственно образованные формы: от *γίγνομαι* — *έγεντο* (Гесиод, Theog. 705; Пиндар, Pyth. III, 87 и др.).

2. В койнэ корневой атематический аорист явно приходит в упадок: вместо *έβίον* появляется *έβηα*, вместо *έδυν* — *έδωα*, вместо *έφυν* — *έφθην*.

§ 184. К атематическим аористам надо причислить корневые аористы, усвоившие тип флексии сигматических аористов и не содержащие чередования огласовки: *έχεα* „я налил“, гомер. *έχεα*. а является, по видимому, древним в 1-м лице единственного числа и в 3-м множественного: *έχεα* из **εχεε-π*, *έχεαν* из *εχεε-π*. Этот тип аориста наблюдается у корней, оканчивающихся на *ф*: гомер. *έσσεα*

(ср. *ούτο*), гомер. *έχεα*, аттич. *έχεα*, ср. *χύτο*; гомер. *έχηα*, аттич. прич. *κέας* (Аристофан, Pax 1133). От корней, оканчивающихся на смычный: гомер. ион. *ένεиχα* и *ήνεиχα*, лэсб. *ήνιχα* (I. G. XII, 2, 15), служащее аористом для *φέρω*, ср. ион. аорист страдательного залога *ήνιχθη* (Швицер 766 а). По аналогии с *ήνεиχα* аттический аор. *ήνεиχον* (§ 198) получает обычно флексию *ήνεиχα*, *ήνεиχας* и т. д. (Софокл, El. 13 и др.). Другой тематический аорист *είπον* (§ 198) также имеет многочисленные параллельные формы типа *είπα*, *είπας* и т. д.; чаще всего из этих форм встречаются 2-е л. ед. ч. изъяв. накл. *είπας* и 2-е л. мн. ч. повел. накл. *είпате* (уже в гомеровской вульгате); в критском диалекте от этого глагола находим форму повел. накл. *проφειпатō* (Гортинское законодательство II, 28). В койнэ *είπα* продолжало развиваться. В новогреческом языке аорист от *λέω* (*λέγω*) имеет форму *είπα*.

Примечание. В настоящее время в греческом языке все корневые аористы имеют эту флексию: *είδα* „я увидел“, *ήρθα* „я пришел“, *έφαγα* „я съел“ и т. д.

Непереходные аористы на -ην, -θη

§ 185. К атематическим аористам следует отнести также и непереходные аористы с расширением **-e/-ō-* без чередования. К этому типу принадлежит форма *έάλων*¹ „я был взят в плен“ от *άλίσκομαι*, хотя с греческой точки зрения она не отличается от *έγχων*. Точно так же, с огласовкой е: *έτρη* „я был погашен“, рядом с *οβένυμι* и *έτρεα*, очевидно, содержит элемент е; однако в конечном итоге оно оказывается сходным с *έτλη*, происходящим от двусложного корня.

Вместе с тем в греческом языке существует определенная группа аористов, где расширение е обнаруживается со всей отчетливостью. Этот элемент е, засвидетельствованный в славянских и балтийских языках и давший в латинском языке группу основ настоящего

¹ Из **ηγαλων*: долгое е в качестве слогового приращения составляет особенность глагольных основ, начинавшихся с *г* (см. § 356). Примерами этого, кроме приведенного в тексте, являются аттические формы имперф. *έάρω*, аор. *έτην*; долгота второго гласного возникла в результате „перестановки количества“ после исчезновения *г* (из **ηγορзон*, **ηγαλων*, **ηγαγην*). — Прим. перев.

времени со значением состояния, например *iacere, latere* и т. п. [Э. § 216], служил и в греческом языке для образования аористов, выражающих состояние. Эти аористы рано вошли в систему страдательного залога, хотя первоначально и не были по существу страдательными: *ἐχάρην* „я обрадовался“ соответствует наст. вр. *χαίρω* и перф. *κεχάρηκα*; *ἐρρόην* „я потек“ служит у Гомера и в аттическом диалекте аористом к *ῥέω*; *ἐμάην* „я был охвачен безумием“ (ср. ст.-слав. *мыяхъ*) соответствует наст. вр. *μαίνομαι*. Не исключен даже и такой случай, когда подобная форма сопровождается винительным падежом прямого дополнения: *ἐδάην* „я узнал“ противостоит тематическому аор. *δέδαον* „я научил“: *φύην ἐδάην* (Г 208); *ἐδράχην* встречается в качестве дублета к *ἔδραχον* от *δέρχομαι* „видеть“: *δραχέυτες ἐδύρσαν* (Пиндар, Нем. VII, 4).

Что касается их морфологической структуры, то эти формы первоначально имели ударение на суффиксе (ср. именные формы *μαναίς, μαίνυμαι*) и нулевую ступень огласовки корня. Кроме приведенных примеров, отметим: *ἐτράφην* (*τρέφω*), *ἐφθάρην* (*ψείρω*), *ἐδάρην* (*δέρω*); *ἐπάγην* (*πύγνυμι*); *ἐρράγην* (*ρήγνυμι*); *ἐσάπην* (*σῆπομαι*); *ἐπλάγην* (*πλίσσω*), но также уже у Гомера, где эта форма обусловлена размером, *ἐπλήγην*; возможно, *ἐλίπην* от *λείπω* (II 507)¹; с чередованием *i/i̯*: *ἐπνίγην* от *πνίγω*, *ἐτρίβην* от *τρέβω*.

§ 186. Собственное значение этих форм, как мы уже говорили выше, было непереходное: *ἐφάνην* „я явился“ соответствует медиальному *φαίνωμαι*, подобно тому как *ἔφηνα* „я явил“ соответствует факитивному *φαίνω*. Там, где это определялось смыслом корня, аорист на *η* получил отчетливое страдательное значение: *ἐτόπην*, *ἐπλήγην* „я был ударен“. В древнейшую эпоху для выражения страдательности мог, правда, служить корневой или сигматический медиальный аорист: *βλήτο* от *βάλλω* (Δ 518), *ἀπέχετο* от *κτείνω* (O 437) и даже *ἐπέχετο* ὁ χρίος „баран был расчесан“ (Симонид 22 D) от *πέχω*. Однако среди этих форм большинство составляли архаические и малоупотребительные; формы же сигматического аориста были

мало пригодны для того, чтобы за ними сохранилось страдательное значение¹. В противоположность этому, аорист на *-ε-*, несмотря на свою активную флексию, широко использовался для выражения категории страдательного залога. Позднее эта форма стала продуктивной: *ἐμίγην* „я смешался“, *ἐάγην* „я был сломан“, *ἠλλάγην* „я был изменен“ от *ἀλλάσσω*; ср. *ἀλλαγή*. С огласовкой *e*: *ἐθέρην* „я был согрет“ (ρ 23) от *θέρωμαι*; *συελέγην* „я был собран“ (Геродот VII, 173) от *λέγω*; *ἐκλίην* „я лег“ содержит носовой звук, заимствованный от формы наст. вр. *κλίνω* и появляющийся также в *ἐκλίνα* (ср. в противоположность этому *κέκλημαι*).

§ 187. Аорист на *η* сохранился в употреблении еще в койнэ (§ 191). Однако суффикс *η* представлял то неудобство, что присоединение его к корневому элементу, оканчивающемуся на гласный звук, вызывало затруднения. Это неудобство было устранено заменой суффикса *-η-* суффиксом *-θη-*. Происхождение этого последнего суффикса неизвестно. Он появляется уже в древнейших греческих текстах. Однако, хотя у Гомера число примеров его употребления и довольно велико, все же многое свидетельствует о том, что форма на *-θη-* не является древней; от атематических глаголов *ἴημι, τίθημι, δίδωμι, ἴσθημι* формы аористов на *-θη-* засвидетельствованы у Гомера лишь по одному или два раза, и притом в местах, имеющих, возможно, „позднее“ происхождение: *παρεῖθη* (Ψ 868), *ἀμφιτεθεῖσα* (Κ 271), *δοθείη* (β 78), *ἐστάθη* (λ 243, ρ 463). Некоторые аористы на *-θη-* засвидетельствованы только в Одиссее, но не в Илиаде, например *χορέσθη* (δ 541), *ἐθέλχθη* (κ 326).

§ 188. Этот тип страдательного аориста возник в ходе развития, протекавшего в период между индоевропейской эпохой и временем создания древнейших греческих текстов. Поэтому мы лишены возможности проследить его

¹ Чтение Аристарха 3-го л. мн. ч. *λίπεν*, вместо которого, однако, в современных изданиях принято чтение большинства рукописей и Зенодота *λίπον*.—Прим. перев.

оформление. Были выдвинуты два возможных отправных пункта для развития аориста на $-\theta\eta$: 1) предположительная форма 2-го л. ед. ч. среднего залога на $-\theta\eta$, соответствующая санскритской форме на $thāh$. Под влиянием $\epsilon\mu\acute{\iota}\chi\theta\eta$, $\epsilon\mu\acute{\iota}\chi$ -то могло быть заменено формой $\epsilon\mu\acute{\iota}\chi\theta\eta$, что и повело далее к созданию всей флексии этого типа; 2) можно предположить также связь его с суффиксом $*dh-e/o$, обнаруживаемым в аористах на $-\theta\eta$; в этом случае $\epsilon\sigma\chi\acute{\epsilon}\theta\eta$ так же относилось бы к $\epsilon\tau\chi\epsilon\theta\eta$, как $\epsilon\tau\rho\acute{\alpha}\phi\eta$ к $\epsilon\tau\rho\alpha\phi\eta$. Как то, так и другое объяснение недоказуемы. В пользу существования аористического суффикса $*-dh-$, вступившего в соединение с элементом ϵ , можно указать то, что форма на $-\theta\eta$ более отчетливо выражает означаемое глагольным корнем действие как таковое, чем форма на $-\eta$, и что ей в большей мере свойственно чисто страдательное значение: $\epsilon\sigma\acute{\tau}\alpha\theta\eta$ противопоставляется корневому аор. $\epsilon\tau\eta$ „я стал“ значением „я остановился, я был остановлен“, например $\rho\omicron\rho\phi\acute{\upsilon}\rho\epsilon\omicron\nu \delta'\alpha\rho\alpha \kappa\upsilon\mu\alpha \pi\epsilon\rho\iota\sigma\tau\acute{\alpha}\theta\eta$ (л 243) „волнение остановилось вокруг“. Комментаторы усматривают у Платона различие между $\epsilon\mu\acute{\iota}\chi\eta$, выражающим по преимуществу состояние смешанных веществ, и $\epsilon\mu\acute{\iota}\chi\theta\eta$, выражающим самый процесс смешивания.

§ 189. Аорист на $-\theta\eta$ был причастен ко всей области употребления аориста на $-\eta$ и первоначально выражал состояние, конкурируя, таким образом, с медиальным аористом: гомер. $\nu\epsilon\mu\epsilon\sigma\acute{\sigma}\eta\theta\eta$ „вознегодовал“, $\phi\rho\mu\acute{\iota}\theta\eta$ „бросился“, аттич. $\epsilon\delta\upsilon\nu\acute{\eta}\theta\eta$ „смог“, ион. $\alpha\pi\epsilon\kappa\rho\acute{\iota}\theta\eta$ „ответил“ вместо аттич. $\alpha\pi\epsilon\kappa\rho\acute{\iota}\nu\alpha\tau\omicron$. Не исключена и конструкция с винительным падежом: $\alpha\acute{\iota}\delta\epsilon\sigma\theta\epsilon\iota\varsigma \epsilon\mu\acute{\iota}\chi\eta$ (л 402) „устыдившись попреков“; наряду с $\epsilon\pi\omicron\nu\acute{\eta}\sigma\alpha\tau\omicron$ „сработал“ существует и $\epsilon\pi\omicron\nu\acute{\eta}\theta\eta$: коркир. $\tau\omicron\delta\epsilon \sigma\alpha\mu\alpha \kappa\alpha\sigma\iota\gamma\upsilon\epsilon\tau\omicron\iota\varsigma \pi\omicron\nu\epsilon\theta\epsilon$ „сделал этот памятник своего брата“ (Швицер 133; ср. Архилох 10 D). Однако эти случаи редки, и аорист на $-\theta\eta$ развивался в направлении собственно страдательного значения.

§ 190. Аорист на $-\theta\eta$ уже вполне усвоен гомеровским языком, являясь нормальным типом для всех спряжений нового образования: $\epsilon\lambda\acute{\upsilon}\theta\eta$ конкурирует у Гомера с атематическим $\lambda\acute{\upsilon}\mu\eta$; те же формы образуются в ионийском и аттическом диалектах от отыменных глаголов: $\epsilon\phi\iota\lambda\acute{\iota}\theta\eta$

от $\phi\iota\lambda\acute{\epsilon}\omega$, $\epsilon\tau\mu\acute{\eta}\theta\eta$ от $\tau\mu\acute{\alpha}\omega$, $\epsilon\delta\eta\lambda\acute{\omega}\theta\eta$ от $\delta\eta\lambda\acute{\omega}$, $\epsilon\tau\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\sigma\theta\eta$ от $\tau\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\omega$ ¹, $\epsilon\nu\omicron\mu\acute{\iota}\sigma\theta\eta$ от $\nu\omicron\mu\acute{\iota}\omega$ и т. д. Новые аористы сохраняют огласовку настоящего времени: гомер. $\epsilon\pi\lambda\acute{\epsilon}\chi\theta\eta$, $\epsilon\sigma\tau\rho\acute{\epsilon}\phi\theta\eta$ от $\pi\lambda\acute{\epsilon}\chi\omega$, $\sigma\rho\acute{\epsilon}\phi\omega$; ион. -аттич. $\epsilon\kappa\lambda\acute{\epsilon}\phi\theta\eta$ от $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\pi\tau\omega$, $\epsilon\lambda\epsilon\acute{\iota}\phi\theta\eta$ от $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\omega$, тогда как более древние образования содержат нулевую ступень: $\epsilon\chi\acute{\upsilon}\theta\eta$ от $\chi\acute{\epsilon}\omega$, $\epsilon\sigma\chi\acute{\epsilon}\theta\eta$ от $\epsilon\chi\omega$, $\epsilon\sigma\acute{\tau}\alpha\theta\eta$ от $\acute{\iota}\sigma\tau\eta\mu\iota$ и т. д. У двусложных корней обычно наблюдается та же ступень огласовки, что в перфекте и в прилагательном на $-\tau\omicron\varsigma$: дор. $\epsilon\delta\mu\acute{\alpha}\theta\eta$, ион. -аттич. $\epsilon\delta\mu\acute{\eta}\theta\eta$ от $\delta\acute{\alpha}\mu\eta\mu\iota$, ср. $\delta\acute{\epsilon}\delta\mu\eta\mu\alpha\iota$; $\epsilon\kappa\rho\acute{\alpha}\theta\eta$, ср. $\kappa\acute{\epsilon}\kappa\rho\acute{\alpha}\mu\alpha\iota$ ($\kappa\epsilon\rho\acute{\alpha}\nu\eta\mu\iota$); $\epsilon\pi\rho\acute{\alpha}\theta\eta$, ср. $\pi\acute{\epsilon}\pi\rho\acute{\alpha}\mu\alpha\iota$ ($\pi\acute{\epsilon}\rho\eta\eta\mu\iota$). У некоторых глаголов основа страдательного аориста содержит элементы, заимствованные от основы настоящего времени, и это расширение наблюдается во всем спряжении: $\epsilon\phi\acute{\alpha}\nu\theta\eta$, ср. $\varphi\acute{\alpha}\iota\omega$, $\epsilon\rho\eta\eta$, гомер. $\epsilon\kappa\lambda\acute{\iota}\nu\theta\eta$, ср. $\kappa\lambda\acute{\iota}\nu\omega$, $\epsilon\kappa\lambda\acute{\iota}\nu\alpha$, но также $\epsilon\kappa\lambda\acute{\iota}\theta\eta$ и $\kappa\acute{\epsilon}\kappa\lambda\acute{\iota}\mu\alpha\iota$. Иногда также наблюдается и распространение неэтимологического σ (§ 367): $\epsilon\tau\alpha\nu\acute{\omicron}\sigma\theta\eta$ от $\tau\acute{\alpha}\nu\eta\mu\alpha\iota$; ср. $\epsilon\tau\acute{\alpha}\nu\eta\sigma\alpha$ и $\tau\epsilon\tau\acute{\alpha}\nu\eta\sigma\mu\alpha\iota$.

§ 191. Суффиксы $-\eta$ и $-\theta\eta$ оказались конкурирующими, и нередки случаи, когда обе формы засвидетельствованы для одного и того же глагола: $\eta\gamma\gamma\acute{\epsilon}\lambda\eta$ (Еврипид, Iph. Taur. 392; I. G. I², 76) и $\eta\gamma\gamma\acute{\epsilon}\lambda\theta\eta$; $\epsilon\kappa\alpha\lambda\acute{\iota}\phi\eta$ и $-\alpha\lambda\epsilon\acute{\iota}\phi\theta\eta$ (следует заметить различие в огласовке); $\eta\lambda\lambda\acute{\alpha}\chi\eta$ и $\eta\lambda\lambda\acute{\alpha}\chi\theta\eta$; $\epsilon\rho\lambda\acute{\alpha}\phi\eta$ и $\epsilon\rho\lambda\acute{\alpha}\phi\theta\eta$; $\epsilon\delta\acute{\alpha}\mu\eta$ и $\epsilon\delta\mu\acute{\eta}\theta\eta$; $\epsilon\delta\rho\acute{\alpha}\kappa\eta$ и $\epsilon\delta\epsilon\rho\chi\theta\eta$ (с различием в огласовке); $\epsilon\acute{\zeta}\acute{\omicron}\gamma\eta$ и $\epsilon\acute{\zeta}\epsilon\acute{\omicron}\chi\theta\eta$ (с различием в огласовке); $\epsilon\tau\acute{\alpha}\phi\eta$ (аттич.) и $\epsilon\tau\acute{\alpha}\phi\theta\eta$ (Геродот II, 81, без диссимиляции придыхания); $\epsilon\kappa\acute{\alpha}\eta$ и $\epsilon\kappa\alpha\acute{\upsilon}\theta\eta$; $\epsilon\kappa\lambda\acute{\alpha}\pi\eta$ (Фукидид VII, 85) и $\epsilon\kappa\lambda\acute{\epsilon}\phi\theta\eta$ (Геродот V, 84; с различием в огласовке); $\epsilon\kappa\lambda\acute{\iota}\nu\eta$ и $\epsilon\kappa\lambda\acute{\iota}\theta\eta$ или $\epsilon\kappa\lambda\acute{\iota}\nu\theta\eta$ (единственные гомеровские формы); $\epsilon\kappa\rho\acute{\upsilon}\phi\eta$ (Софокл, Ai. 1145) и $\epsilon\kappa\rho\acute{\upsilon}\phi\theta\eta$; $\sigma\upsilon\nu\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\gamma\eta$ и $\sigma\upsilon\nu\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\gamma\theta\eta$ (с огласовкой ϵ в обоих случаях); $\epsilon\mu\acute{\iota}\gamma\eta$ и $\epsilon\mu\acute{\iota}\chi\theta\eta$; $\epsilon\pi\acute{\alpha}\gamma\eta$ и, с долгой огласовкой, $\epsilon\pi\acute{\eta}\chi\theta\eta$; $\epsilon\pi\lambda\acute{\alpha}\chi\eta$ (Платон, Tim. 83 d) и $\epsilon\pi\lambda\acute{\epsilon}\chi\theta\eta$ (Tim. 80 c) с различием в огласовке; $\epsilon\pi\lambda\acute{\alpha}\gamma\eta$, $\epsilon\pi\lambda\acute{\iota}\gamma\eta$ и $\epsilon\pi\lambda\acute{\iota}\chi\theta\eta$ (Еврипид, Tr. 183); $\epsilon\rho\rho\acute{\iota}\phi\eta$ (Платон, Phil. 16 c) и $\epsilon\rho\rho\acute{\iota}\phi\theta\eta$ (Leg. 944 d); $\epsilon\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\eta$ (Еврипид, Нес. 623) и $\epsilon\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\eta}\theta\eta$; $\epsilon\sigma\tau\rho\acute{\alpha}\phi\eta$, $\epsilon\sigma\tau\rho\acute{\alpha}\phi\theta\eta$ (Геродот I, 130) и $\epsilon\sigma\tau\rho\acute{\epsilon}\phi\theta\eta$ (Гомер, Платон, Polit. 273 e) с огласовкой ϵ ; $\epsilon\sigma\phi\acute{\alpha}\gamma\eta$ и $\epsilon\sigma\phi\acute{\alpha}\chi\theta\eta$; у самого Гомера существуют рядом $\epsilon\tau\acute{\alpha}\rho\pi\eta$, $\epsilon\tau\acute{\alpha}\rho\phi\theta\eta$ и $\epsilon\tau\epsilon\rho\phi\theta\eta$ (с огласовкой ϵ)

¹ Из $*\tau\epsilon\lambda\epsilon\sigma\acute{\iota}\omega$ (ср. § 281 и 367).— Прим. перев.

от *τέρπομαι*; *ἐτρέπην*, *ἐτρέφην* (о 80; Геродот IX, 56), аттич. *ἐτρέφην* (с огласовкой е) от *τρέπω*; *ἐτρέφην* и *ἐθρέφην* (Платон, Polit. 310 а) с огласовкой е и без диссимиляции придыхания, от *τρέφω*; *ἐτρέβην* и *ἐτρέφην*; *ἐφάνην* и *ἐφάνην*, причём только последняя форма в прозе имеет ясно выраженное страдательное значение (ср. Демосфен V, 9); *ἐφύχην* и *ἐφύθην*.

§ 192. Как мы видели, аористы на *-θη* имеют вообще более позднее происхождение по сравнению с аористами на *-ην*. Некоторые формы на *-θη* были образованы в койнэ, например *ἐτίγυθην* (Аретей). Наиболее важная из них — *ἐγενήθη* вместо *ἐγένεθη*; она появляется в конце IV в. в аттических надписях, в ионийском (I. G. XII, 8, 262) и дорийском (Эпихарм 209) диалектах и употребительна в языке Нового завета наряду с *ἐγένετο*. Однако аорист на *-ην* также обнаруживает устойчивость, особенно в ионийском диалекте и в койнэ: *ἐβράχην* (Гиппократ, Mul. I, 80) и *ἐβρέχην* (Гиссенские папирусы, 160^v, 12) от *βρέχω*; *ταγῆναι* (Диодор Сицилийский IV, 19; папирусы) вместо *ταγῆναι*; *ἡνέιγην* от *ἀνοίγω* (Марк VII, 35); заслуживает внимания *ἐφύθη* вместо *ἐφῶν* (Гиппократ VI, 182 [Литтре]; Лука VIII, 7 и др.); следует также отметить распространение характерной для аориста на *-ην* звонкости согласного: *ὄρβυγην* (Матфей XXIV, 43) от *ὄρβωω*; вместо древнего аор. *ἐφύχην* встречается *ἐφύγην* (Аристотель, Probl. IX, 54, 4); вместо *ἐκρέφην* — *ἐκρέβην* (Матфей V, 14).

Примечания: 1. Страдательные аористы на *-ην* и *-θη* продолжают существовать в новогреческом языке в форме *-ηκα* и *-θηκα*: *καῖηκα* от *καίω*, *φέρθηκα* от *φέρω* „нести“.

2. В дорийских говорах засвидетельствовано несколько переходных аористов на *-η* лаконск. *ἀπεσσεῖα* (= *ἀπέσσετο*) „отошел“ (Ксенофонт, Hell. I, 1, 23), *ἐπερρῶ* (Эпидавр, Швицер 109, 3) от глагола *ρέω* как эквивалент ион.-аттич. *έρρω*, и др.

Аорист тематический

§ 193. Тематические аористы, характеризующиеся наличием тематического гласного е/о перед окончанием, нулевой ступенью огласовки корня и ударением на тематическом гласном, составляют древний индоевропейский тип. В греческом языке этот тип относительно хорошо сохранился, но в системе греческого глагола ударение

осталось на прежнем месте только в именных формах *λιπεῖν*, *λιπών* и в нескольких случаях в повелительном наклонении; *ἐλιπον*, как и *λιπεῖν*, отчетливо противостояло настоящему времени *λείπω* и перфекту *λέλοιπα*.

§ 194. Архаические аористы с нулевой ступенью обычны у Гомера: *ἄδε*, *εὐάδε* ¹ (*ἀνδάνω* „направиться“); *ἀρετο* (*ἀρνυμαι* „приобретать“); *διε* (*δεῖδω*, *ἐδεισα* „бояться“); *ἔδραхе* (*δέρχομαι* „видеть“); *ῥριξε* (*ερείχω* „ломать“); *ῥριπε* (*ερείπω* „рушить“); *ἐγρετο* (*ἐγείρω* „будить“); *κτόπε* (*κτυπέω* „ударять“); *κῦθε* (γ 16 от *κεῖθω* „скрывать“; ср. *κέκλυθε*, § 198); *λάχε* (*λάσκω* и *ληέω* „кричать“); *ἐπλετο* (*πέλομαι* „находиться, быть“); *ἐπραθε* (*πέρθω* „разрушать“, другой аорист *ἐπερσα*); *ἐστιχε* (*στείχω* „шесть“); *ἐτρωον* (*στυγέω* „ненавидеть“); *τάρπετο* (*τέρπομαι* „наслаждаться“), *ἐτραπε* (*τρέπω* „обращать“, другой аорист *ἐτρεφα*); *ἐτραφε* (*τρέφω*, *ἐδρεфа* „питать“); *ἐχαδε* (*χανδάνω* „вмещать“). Часто эти архаические формы бывают засвидетельствованы только в нескольких местах у Гомера, а затем они исчезают. Одна изолированная форма сохранилась также у Пиндара: *δραπών* (Pyth. IV, 130) от *δρέπω* „срывать“.

Некоторые аористы этого типа, обычно засвидетельствованные у Гомера, сохранились в ионийско-аттическом диалекте: *ῥμαρτων* (эол. гомер. *ῥμβροτον*) от *ἀμαρτάνω* „ошибаться“; *ἐδακον* от *δάκνω* „кусать“; *κατέδραθον* от *καταδραθάνω* „засыпать“; *ἐδραμον* — супплетивный аорист к *τρέχω* „бежать“; *σπέτθαι*, *σπέμενος* от *ἐπομαι* „следовать“ (ср. *ἐσπόμην*, § 198); *ῥρωγε* от *ερυγγάνω* „изрыгать“; *εἶδον*, *ἰδεῖν* — супплетивный аорист к *ὄραω* „видеть“, ср. *οἶδα*; *ἐλαβон* от *λαμβάνω* „брать“; *ἐλαθон* от *λανθάνω* „быть скрытым“; *ἐλαχон* от *λαγχάνω* „получать по жребию“; *ἐλιπον* от *λείπω* „оставлять“; *ἐμαθон* от *μαθάνω* „учиться“; *ἐπιθόμην* от *πείθομαι* „быть убеждаемым, повиноваться“; *ἐπυθόμην* от *πυνθάνομαι* или *πεύθομαι* „получать сведения“; *ἐπαρον* от *πάρνυμαι* „чихать“; *ἐτχон* от *έχω* „иметь, держать“ (корень **segh-*, с нулевой ступенью огласовки **sg-*); *ἐτρωон* от *τυγγάνω* „попадать в цель, получать в удел“; *ἐρυγον* от *φεύγω* „убегать“; *ἐραγон* — супплетивный аорист к *ἐσθίω* „есть“. *Εδιγон* от *θιγγάνω* „трогать“ существует в аттическом диалекте, но не встречается у Гомера.

¹ Вместо **εφαδε* < **εφαδε* [ср. Ф. § 68]. — Прим. перев.

Эти архаические аористы иногда обладают в отличие от других основ непереходным и внезалоговым значением: ἤριπε, ἤριξε, ἔτραφε. В некоторых случаях они, очевидно, служили отправным пунктом для образования основы настоящего времени; так, κτυπέω, στυγέω явно происходят от аориста; равным образом и ряд основ настоящего времени на -άνω: ἀμαράντω, θαράντω, λαμβάνω (§ 255).

Некоторые аористы образованы от двусложных корней: ἔκαμον (κάμνω „установить“, κάματος); ἔβαλον (βάλλω, βέβληκα „бросать“); гомер. и др. ἔταμον (τάμνω, τέτμηκα „разрезать“), но в аттическом диалекте новая форма ἔτεμον (ср. τέμνω); ἔθανον (θνήσκω „умирать“, θάνατος). Эти корни могли иметь и атематический аорист (ср. βλήτω), и возможно, что тематический аорист ἔβαλον происходит от формы 3-го л. мн. ч. ἔβαλον (с нулевой ступенью огласовки и окончанием *-ont; § 352). Для других корней представляется возможным или вероятным, что тематический аорист занял место существовавшего ранее атематического аориста: ἔκτανον (ср. ἔκτατο); ἔκλυον (ср. κλύθι); ἔπιον (ср. πίθι).

§ 195. Некоторые древние аористы содержат огласовку ο, соответствующую огласовке ω других временных основ: ἔμολον „я пришел“ (βλώσκω); ἔπορον „я доставил“ (πέπρωκα „суждено“); ἔθορον (θρώσκω „прыгать“); ὠλόμην, ὀλέσθαι „погибнуть“ не имеет соответствия с какой-либо основой, содержащей огласовку ω; ὤφλον, ὀφλεῖν „задолжать“ связывается с ὀφλισκάνω.

Приведем несколько аористов с огласовкой е. Эти основы могли служить аористами только в тех случаях, когда существовала особо охарактеризованная основа настоящего времени: ἐγενόμην от γίγνομαι (двусложный корень; ср. γένεσις и т. п.); ἔπεσον от πίπτω „падать“ (двусложный корень; ср. πέπτωκα); общегреческая форма ἔπετον (Пиндар, ОI. VII, 69; Алкей 68 D), аттич. ἔπεσον неясно (влияние πεσέομαι?); ἔθενον „я ударил“ (θεῖνω, ἔπεφνον, ἔθεινα)¹; ἤρρον (εὐρίσκω „находить“); εἶλον (супплетивный аорист к αἰρέω „брать“); ὤφελον (ὀφείλω „быть обязанным“). Относительно ἤλθον, ἀπηχθόμην см. § 265.

¹С различными отражениями начального лабиовелярного звука корня в положении перед е и перед а или согласным; ср. русск. *знать* [Ф. § 5]. — Прим. перев.

По мере утраты семантической функции чередования гласных возникла возможность использовать в качестве аористов основы с огласовкой е. С другой стороны, основы с нулевой ступенью огласовки стали получать значение настоящего времени (§ 246). Иногда мы имеем возможность наблюдать это развитие в ходе истории греческого языка. Так, от аор. ἔκλυον „я услышал“ было образовано наст. вр. κλύω (Гесиод, Op. et d. 726 и др.); κίε „он пошел“ — древний аорист (прич. κίων), но Эсхил (Ch. 680) употребляет форму наст. вр. κίεις; λιτόμην „я умолил“ у Гомера служит аористом (наст. вр. λίσσομαι), но существует и наст. вр. λίσσομαι (Нупп. in Ascl. 5; Аристофан, Thesm. 313).

§ 196. Как видим, система тематического аориста в целом расшатывалась. В единичных случаях мы находим в койнэ новые образования, как ἡγγέλον (Аппиан, Bell. Civ. I, 121; Anth. Pal. VII, 614), но чаще всего тематические аористы заменялись аористами на -σα. В новогреческом языке в тех случаях, когда корневой аорист сохранился, он перешел к типу εἶπα. Уже в койнэ находим ἔπεσα, εὔρα (§ 184, прим.).

§ 197. В греческом языке, как и в санскрите, существовали тематические аористы с удвоением — тип, имеющий параллель в основах настоящего времени с удвоением (§ 247). Для греческого языка этот тип является уже только пережитком, и большинство относящихся сюда форм засвидетельствовано лишь у Гомера. Некоторые из этих аористов происходят от корней, начинающихся с гласного, и удвоение состоит в повторении перед корнем этого гласного со следующим за ним согласным: ἀραρεῖν „приладить“ представляет собой древнее образование (арм. arar), ср. ἀραρίσκω; другой пример: ὄρρε „возбудил“, ср. ὄρτο, ὄρυνμι. Среди образований от корней, оканчивающихся на смычный, мы находим несколько экспрессивных глаголов, как ἡχαχε „огорчил“, ἡπαφε „обманул“; от этих аористов были образованы основы наст. вр. ἀκαχίζω и ἀπαφίσκω; настоящему времени ἐνίσσω „бранить“ соответствуют два аориста ἐνένιπε и ἡνίπαπε, структура которых подчеркивает их экспрессивный характер. Тот же тип

удвоения наблюдается в составляющем аттическую норму аористе ἤγαγον, ἀγαγεῖν от ἄγω.

§ 198. Аористы, образованные от корней с согласным звуком в начале, характеризуются огласовкой е в удвоении и нулевой ступенью огласовки корня: δέδαε „научил“ (ср. διδάσκω и ἐδάην; § 185); ἐκέλετο „обратился с поощрением“ (κέλωμαι); κεύθωσι от κεύθω „скрывать в себе“; λείλαχσι от λαγγάνω „получать в удел“ (но со значением „давать в удел“ в отличие от аориста без удвоения ἔλαχον); ἔλαθον „заставить забыть“ (с отличием в значении от аориста без удвоения ἔλαθον); ἀμπεπαλόν „размахнувшись“; πεπίθων, πεπίθειν „убедить“; πεπύθοιτο „получить сведения“; τεταγών „ухватив“ (А 591, О 23) без соответствующей основы настоящего времени (ср. лат. tetigī?); τετάρπετο (Т 19) от τέρπομαι „наслаждаться“; περιδέσθαι (Ф 101) от φείδομαι „щадить“; ἐπεφύον „убить“ (Г 281), древний аорист от корня *gh^hep- „ударять“, ср. φόνος (другие аористы от этого корня: ἔλεον, ἔθεινα, наст. вр. θείνω, перф. страдат. залога πέφαται; ср. § 195); πέπραδον (К 127) от πράζω „указывать“; κευάροντο от χαίρω „радоваться“ наряду с ἐχάρην.

Эти архаические аористы обнаруживают склонность к фактитивному значению: δέδαε, ἔλαθον, ἔλαχον, πεπίθειν. Все они рано исчезли. В аттическом диалекте мы находим πεπάγοιεν от корня глагола πῆγνυμι (Евполид 435 К) — явление, совершенно изолированное. Глагол ἔπομαι (корень *sek^h) имел аорист с удвоением ἐπύομαι, ἐπέσθαι, от основы *se-sk^he- (А 472; Пиндар, ОI. VI, 72; Платон, Polit. 280 b), но эта основа все более и более вытеснялась формой σπέσθαι (§ 194). Единственными действительно живыми формами в аттическом диалекте остаются εἰπεῖν (корень *cek^h-, ср. ἔπος: *ce-ik^h-, которое в результате диссимиляции дало *ceik^h-, откуда (ε)ἰπεῖν, и ἐνευχεῖν, супплетивный аорист к φέρω, образованный от корня *epēk- (ср. δουρηνεχέс, К 357). Относительно εἶπα и ἤνευχα см. § 184.

Аорист сигматический

§ 199. Сигматический аорист представляет собой древний индоевропейский атематический тип с чередованием огласовки. Санскритский язык дает нам понятие о весьма

архаичной структуре этой основы. Действительный залог содержит здесь во всех лицах и во всех наклонениях долгую ступень, что представляет необычную черту: avākṣam „я повез на колеснице“, ср. лат. vēxī. Наоборот, средний залог содержит нулевую ступень: adikṣi, тогда как в греческом языке находим ἐδεξάμην. Латинский язык в своем перфекте сохранил формы этого типа, содержащие обычно долгую ступень (ср. vēxī, trāxī). Возможно, что и греч. ἐδεξα восходит к древней форме (в санскритском языке от этого корня также употребительна сигматическая форма) и что даеξ- явилось результатом фонетического развития *deiks-. Но греческий язык никогда не противопоставляет по огласовке действительный залог среднему; помимо того, аорист содержит здесь, как правило, ту же огласовку, что и настоящее время: в одних случаях аорист получил огласовку настоящего времени, например ἔγραφα — огласовку γράφω, в других — настоящее время, очевидно, было оформлено под влиянием аориста, например δείκνυμι при ἔδειξα, μέγνυμι при ἔμεξα. Двусложные корни обычно имеют в сигматическом аористе двусложную форму: ἐκέρασα, ἤμιασα, ср. κεράννυμι, ἔμέω и т. п. Но наряду с ἐστρέψα, откуда στρέφνυμι, существует и форма ἔστρωσα, откуда στρώννυμι. Изолированное положение занимает аор. ἐτάλασα; ср. ἐτλην.

§ 200. С другой стороны, флексия этого аориста была первоначально атематической: в санскритском языке 3-е лицо, соответствующее 1-му л. avākṣam, имеет форму avāṭ (из *avākṣt). В греческом языке об атематическом характере этого аориста свидетельствуют формы сослагательного наклонения с кратким гласным (§ 304). Но в изъяснительном наклонении присоединение личных окончаний к основе вело к глубоким изменениям. В 3-м лице ед. ч. действительного залога *deikst должно было дать *deiz [Ф. § 24]: не опираясь в системе спряжения ни на какую другую форму, эта форма совпала бы к тому же с формой 2-го лица (*deiz из *deikst). В среднем залоге 3-е л. ед. ч. *deiksto приводило к *deixdo [Ф. § 62], что также стояло бы вне всякой системы. В 1-м лице ед. ч. действительного залога конечное s основы аориста в соединении со вторичным окончанием n (§ 340, 341) давало -σα. В 3-м лице мн. ч. окончание *s-ni также переходило в *σα; для боль-

шей ясности к этому окончанию было прибавлено γ , заимствованное от типа $\epsilon\phi\epsilon\rho\omicron\nu$, $\epsilon\lambda\pi\omicron\nu$. Наконец, в причастии $*-sq\tau-$ давало $*-c\alpha\tau-$, но $*-c\alpha\tau-$ было изменено в $-c\alpha\tau-$ для придания большей ясности суффиксу причастия (ср. $\phi\epsilon\rho\omicron\gamma\tau-$ и т. п.). Эти формы на $-c\alpha$, $-c\alpha\gamma$, $-c\alpha\tau$ создавали впечатление, что основа сигматического аориста оканчивается на α . По образцу $\epsilon\delta\epsilon\iota\alpha$, $\epsilon\delta\epsilon\iota\alpha\gamma$ были вторично образованы остальные формы флексии: $\epsilon\delta\epsilon\iota\alpha\varsigma$, $\epsilon\delta\epsilon\iota\alpha\rho\epsilon\upsilon$, $\epsilon\delta\epsilon\iota\alpha\tau\epsilon$ ¹. В 3-м лице единственного числа возникало затруднение: $*\epsilon\delta\epsilon\iota\alpha\tau$ должно было бы дать $*\epsilon\delta\epsilon\iota\alpha$. Под влиянием перфекта, где 1-му лицу на $-a$ соответствует 3-е лицо на $-e$, возникла форма $\epsilon\delta\epsilon\iota\epsilon$. В результате вместо древнего атематического аориста с чередованием появилась основа на $-c\alpha$, вполне ясная и дающая легко образуемые формы.

§ 201. Однако аорист на $-c\alpha$ не мог бы оказаться устойчивым, если бы аналогия не удержала характеризующее его σ там, где оно подвергалось изменению. После смычного σ сохранялось: $\epsilon\delta\epsilon\iota\alpha$, $\epsilon\tau\rho\iota\phi\alpha$, $\epsilon\chi\iota\sigma\alpha$, рано упростившееся в $\epsilon\chi\iota\sigma\alpha$ ($\sigma\chi\iota\delta-$); так же после σ : $\epsilon\tau\epsilon\lambda\epsilon\sigma\alpha$, в дальнейшем $\epsilon\tau\epsilon\lambda\epsilon\sigma\alpha$ (ср. $\tau\epsilon\lambda\omicron\varsigma$), $\epsilon\upsilon\sigma\alpha$ от $\epsilon\upsilon\omega$ ² (корень $*eus-$; ср. лат. $ig\bar{o}$, $uss\bar{i}$). По аналогии сохранялось σ и между гласными, как в тех формах, которые, по всей вероятности, являются древними, например $\epsilon\tau\epsilon\iota\sigma\alpha$ от $\tau\epsilon\iota\omega$, так, тем более, и в формах позднейшего происхождения, как, например, $\epsilon\tau\iota\mu\eta\sigma\alpha$, $\epsilon\phi\iota\lambda\eta\sigma\alpha$, $\epsilon\delta\eta\lambda\omega\sigma\alpha$, $\epsilon\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\sigma\alpha$, поскольку выпадение интервокального σ предшествовало эпохе образования этих аористов от отыменных глаголов.

Примечания: 1. В тех пелопоннесских говорах, где σ вторичного происхождения в свою очередь также перешло в h , аналогия не сохранила σ в аористе: лаконск. $\epsilon\upsilon\chi\eta\eta\epsilon$ (Швицер 12), $\epsilon\pi\omicron\chi\eta\eta\epsilon$ (Швицер 14) и т. д.

2. Для корней, оканчивающихся на σ или на переднеязычный звук, общегреческий язык должен был допускать в аористе две формы: $\epsilon\tau\epsilon\lambda\epsilon\sigma\alpha$ и $\epsilon\tau\epsilon\lambda\epsilon\alpha$, $\epsilon\chi\iota\sigma\alpha$ и $\epsilon\chi\iota\sigma\alpha$, причем эти дублеты наблюдаются в различных диалектах (но не в ионийско-аттическом). В эолийском диалекте и у Гомера это чередование, имевшее значение для ритма, было распространено и на основы, оканчивающиеся на краткий гласный, обычно от двусложных корней: $\eta\lambda\alpha\sigma\alpha$ и $\epsilon\lambda\alpha\sigma\alpha$; $\omicron\lambda\epsilon\sigma\alpha$ и $\omicron\lambda\epsilon\sigma\alpha$; $\delta\alpha\mu\alpha\sigma\alpha$ и $\delta\alpha\mu\alpha\sigma\alpha$; $\chi\alpha\lambda\epsilon\sigma\alpha$ (Гомер и лесбосский диалект; Швицер 623, 47)

¹ С формантом желат. накл. $\delta\epsilon\iota\alpha\varsigma\alpha\iota$, повел. накл. 3-е л. ед. ч. $\delta\epsilon\iota\alpha\tau\omega$, но 2-е л. ед. ч. $\delta\epsilon\iota\alpha\sigma\theta\omicron\nu$.

² Относительно происхождения придыхания в $\epsilon\upsilon\omega$ см. Ф. § 61.

и $\chi\alpha\lambda\epsilon\sigma\alpha$ (Гомер, Алкей 99 D); $\delta\rho\alpha\sigma\alpha$ (Гомер; фессалийский диалект; Швицер 614, 25) и $\delta\rho\alpha\sigma\alpha$ (Гомер; лесбосский диалект; Швицер 632, A, 16). В аттическом и ионийском диалектах двойной согласный не встречается [Ф. § 64].

§ 202. Единственные основы, где произошло фонетическое исчезновение σ — это основы на γ и μ , а в некоторых диалектах, в том числе в ионийско-аттическом, — на ρ и на λ [Ф. § 80]: ион.-атт. $\epsilon\phi\eta\gamma\alpha$ (из $*\epsilon\phi\alpha\gamma\alpha\sigma\alpha$), $\epsilon\tau\epsilon\iota\gamma\alpha$ (из $*\epsilon\tau\epsilon\upsilon\sigma\alpha$), $\epsilon\kappa\epsilon\iota\mu\alpha$ (из $*\epsilon\kappa\epsilon\upsilon\sigma\alpha$). Отдельные диалекты обнаруживают закономерную фонетическую трактовку: дор. $\epsilon\rho\alpha\gamma\alpha$, лесб. $\epsilon\chi\rho\iota\gamma\alpha$, фессал. $\epsilon\mu\epsilon\gamma\alpha$. У аористов, восходящих к общегреч. $-l\sigma\alpha$ и $-r\sigma\alpha$, в ионийско-аттическом диалекте наблюдается выпадение σ с заменительным удлинением: $\epsilon\rho\theta\epsilon\iota\alpha$, $\epsilon\tau\epsilon\iota\lambda\alpha$, $\eta\gamma\gamma\epsilon\iota\lambda\alpha$. Соответственным образом: крит. $\alpha\pi\omicron\sigma\tau\eta\lambda\alpha\sigma\alpha\varsigma$ (Коллиа 5101, 25), $\eta\rho\alpha\upsilon\tau\alpha\varsigma$ (Коллиа 5015, 8); лесб. $\epsilon\pi\alpha\gamma\gamma\epsilon\lambda\lambda\alpha\mu\epsilon\upsilon\omicron\nu$ (I. G. XII, 2, 526 a), $\alpha\epsilon\rho\rho\alpha\tau\epsilon$ (Сапфо 123 D). Повидимому, однако, древнейшая трактовка состояла в сохранении $-l\sigma-$ и $-r\sigma-$. Эта трактовка хорошо засвидетельствована у Гомера, особенно для тех аористов, которых нет в аттическом диалекте: $\epsilon\pi\iota\rho\alpha\varsigma$ от $\alpha\rho\alpha\rho\iota\sigma\kappa\omega$ (Э 167), $\omicron\rho\alpha\varsigma$ (A 10) от $\delta\rho\upsilon\mu\iota$; $\epsilon\chi\upsilon\rho\alpha\varsigma$ (N 145) от $\kappa\upsilon\rho\omega$; $\alpha\pi\omicron\beta\epsilon\rho\alpha\varsigma$ (Z 348), по происхождению связанное с $\alpha\pi\eta\rho\upsilon\alpha$; сослагат. накл. $\phi\acute{o}\rho\sigma\omega$ (σ 21) от $\phi\acute{o}\rho\omega$; от $\kappa\epsilon\iota\rho\omega$ гомеровская вульгата дает и $\epsilon\kappa\epsilon\rho\sigma\epsilon\upsilon$ (N 546) и $\kappa\alpha\tau\epsilon\kappa\epsilon\iota\rho\alpha\gamma\alpha$ (φ 356); $\kappa\epsilon\lambda\sigma\alpha\iota$ (ж 511) от $\kappa\epsilon\lambda\lambda\omega$; $\epsilon\lambda\sigma\alpha\iota$ (A 409) при наст. вр. $\epsilon\iota\lambda\omicron\mu\epsilon\upsilon\omicron\varsigma$.

Формы этого типа, встречающиеся в ионийском диалекте и в аттической поэзии, объясняются влиянием Гомера: $\kappa\epsilon\lambda\sigma\alpha\iota$ (Эсхил, Suppl. 16); $\kappa\epsilon\rho\sigma\acute{\alpha}\mu\epsilon\upsilon\omicron\varsigma$ (Эсхил, Pers. 952); $\epsilon\kappa\epsilon\chi\upsilon\rho\alpha\iota$ (Геродот IV, 125); следует отметить $\epsilon\phi\theta\epsilon\rho\alpha\varsigma$ от $\phi\theta\epsilon\iota\rho\omega$ (Ликофрон 1402). Та же трактовка наблюдается и в будущем времени (§ 296).

§ 203. Аористы (и будущее время) отыменных глаголов типа $\tau\iota\mu\acute{\alpha}\omega$, $\phi\iota\lambda\acute{\epsilon}\omega$, $\delta\eta\lambda\acute{\omega}$ образуются от основ на долгий гласный: $\epsilon\tau\iota\mu\eta\sigma\alpha$, $\epsilon\phi\iota\lambda\eta\sigma\alpha$, $\epsilon\delta\eta\lambda\omega\sigma\alpha$. Приводимые в школьных грамматиках „исключения“ объясняются просто: $\epsilon\tau\epsilon\lambda\epsilon\sigma\alpha$ образовано от отыменного глагола другого типа, восходящего к основе на s ($\tau\epsilon\lambda\omicron\varsigma$); $\eta\gamma\iota\upsilon\sigma\alpha$ от $\alpha\iota\gamma\acute{\iota}\omega$ и гомер. $\pi\acute{o}\theta\epsilon\sigma\alpha$ (при атт. $\epsilon\pi\acute{o}\theta\eta\sigma\alpha$) от $\pi\acute{o}\theta\acute{\epsilon}\omega$ ¹ обуслов-

¹ По поводу $\pi\acute{o}\theta\acute{\epsilon}\omega$ ср. § 287; относительно различных отражений начального лабиовелярного в формах $\pi\acute{o}\theta\acute{\epsilon}\omega$ и $\theta\acute{\epsilon}\omicron\sigma\sigma\alpha\theta\alpha\iota$ см. Ф. § 5. — Прим. перев.

лены тем, что αἰνέω и ποθέω не являются в действительности отыменными глаголами.

§ 204. Аорист на -σα постепенно становился „нормальной“ формой греческого аориста. Это единственная форма, засвидетельствованная для отыменных глаголов, например τιμάω, βασιλεύω, ἐλπίζω и т. д. Помимо того, наблюдается вытеснение корневых аористов сигматическими. Так, от πείθομαι „повиноваться“ мы находим у Гомера аор. ἐπιδόμην, но прич. πειθήσας; от фактитивного πείθω существует аор. πεπίθειν, но также ἐπεισα, который становится аттической нормой. Другие примеры: διέ, но ἐδεσσα; ἀμπεπαλόν, но πῆλε; ἐπραθόν, но ἐπερσα; ἐτραπών, но ἐτρεφα; ἐτυχόν, но прич. τυχήσας; наряду с ἐπεφνον, которое перестает ощущаться как связанное с наст. вр. θείνω, у Гомера существует ἐθεινα (относительно ἐθενον см. § 195). Это развитие продолжается и позднее: в аттическом диалекте мы находим ἐφθασα (Фукидид III, 112 и др.) наряду с ἐφθην; ἐρρευσα, появляющееся вместо ἐρρόην начиная с Аристофана (Eqn. 526); ἐβίωσα (Геродот I, 163; Платон, Phaed. 113 d) и ἐζήσα (Гипократ, Плутарх) вместо ἐβίον; ἀῖσαι уже у Антифонта (V, 46) вместо ἀγαγεῖν; ἔλειφα вместо ἔλιπον (уже у Аристофана, отр. 965 K); ἡμάρτησα вместо ἡμαρτον (Эмпедокл 115 D).

В позднем языке число этих форм возрастает: ἐβλάστησα (Матфей XIII, 26) вместо ἐβλαστον; ἐδήξα (Псевдо-Лукиан, Luc. 9) вместо ἐδαχον, с огласовкой буд. вр. δέξομαι; ἐκραξα (Иоанн XII, 44 и др.) вместо ἐκραγον; ἐχευσα (Anth. XIV, 124) вместо ἔχεα.

§ 205. Одной из особенностей сигматического аориста было то, что он давал формы с фактитивным значением: ἐστησα „я поставил“ (Гомер и др.) противопоставляется ἐστην „я стал“, как и ἐφθη, противопоставляется ἐφάνην (Гомер и др.); уже у Гомера находим также: βῆσα „я заставил вступить“ (ἐβην „я пошел“); ἐδυσα „я погрузил“ (ἐδυν „я погрузился“); ὤλεσα „я погубил“ (ὤλεμην „я погиб“); ἐφυσα „я вырастил“ (ἐφυν „я вырос“); ἐσβεσα „я погасил“ (ἐσβην „я погас“); в среднем залоге ἐγένεατο „родил(а)“ (ἐγένετο „родился“). Это противопоставление продуктивно и в дальнейшем, особенно в ионийском диалекте: ἀνέγνωσα „я убедил“ (Геродот I, 68), ср. ἔγνων „я признал“; ἐπίσα „я

напоил“ (Гиппократ, Mul. I, 59), ср. ἔπιον „я выпил“, откуда было образовано фактитивное наст. вр. πίσιζω.

§ 206. Некоторые формы представляют морфологические проблемы. Основы настоящего времени на -σσω (аттич. -ττω) и -ζω образуются от корней, оканчивающихся на смычный звук, заднеязычный или переднеязычный, однако сама основа настоящего времени не позволяет распознать место артикуляции этого смычного: -σσ- может восходить и к -τι-, -θι- и к -χι-, -γι- [Ф. § 43, 48]; -ζ- может происходить и от -δι- и от -γι- [Ф. § 49]. В аористе (и в будущем времени) это различие должно было обнаруживаться; так, содержащие заднеязычный звук πατάσσω (ср. πάταξ), κηρύσσω (κηρύξ) и ἀρπάζω (ἀρπάξ) образуют ἐπάταξα, ἐκήρυξα, ἤρπαξα (Γ 444, но ср. ниже); наоборот, ἐρέσσω (ср. ἐρέτης), βλίσσω (ср. μέλιτος), ἐλπίζω (ср. ἐλπίδος) образуют ἤρεσα, ἐβλιστα, ἤλπισα.

Гомер дает примеры аористов на -ξα от глаголов на -ζω как там, где основа оканчивается на заднеязычный, например ἤρπαξα или μάστιξα, ср. μάστιξ, так и в тех случаях, где затруднительно установить наличие этимологического заднеязычного звука: δαίξα (B 416), ср. δαίζω; ἐνάριξα от ἐναρίζω; κτερέιξα от κτερείζω; πολέμιξα от πολεμίζω. Действительно, оформившись в качестве суффиксов, -άζω и -ίζω оказываются уже новыми грамматическими элементами, и в таких, например, глаголах, как ἐργάζομαι или ὀπλίζω, нет смысла ставить вопрос, имеем ли мы заднеязычную или переднеязычную основу.

Ионийский и аттический диалекты обобщили аорист на -σα; -ξα сохранили только те глагольные основы, которые имели ясную связь с именной основой на заднеязычный, например ἐσάλπιγξα от σάλπιξω (ср. σάλπιγξ)¹. Но уже у Гомера наряду с ἤρπαξα мы находим и ἤρπασα, причем последняя форма возобладала в аттическом диалекте. То же относится и к ὀπλιστα от ὀπλίζω, εἰργασάμην от ἐργάζομαι и т. п.

По аналогии с производными глаголами на -ίζω у корневого глагола ἵζω (§ 247) также произошла замена его древнего аор. εἶσα (корень *sed-), прич. ἔσας, новообразованием ἴσα, ἴσας, откуда аттич. ἐκάθισα, καθίσας.

¹ σάλπιξω < *σάλπιγσσω [Ф. § 77] < *σάλπιγξω [Ф. § 49].—
Прим. перев.

Западные диалекты обобщили основу на заднеязычный: беот. *εχομεμεθα* (I. G. VII, 1737), фессал. *εργαετο* (I. G. IX, 2, 602); особенно дорийский диалект, где примеры *εφαριεα* вместо аттич. *εφριεα* весьма многочисленны; так же *εμεριεα* (Гераклеийские таблицы I, 10), *οριεατω* (Андалия, Швицер 74, 1), *δικαεαδαι* (Крит, Коллиц 5040, 48). Аргосский диалект дает форму на *σ*, когда предшествующий слог содержит заднеязычный звук, и на *ξ* в обратном случае: в одной эпидаврской надписи (Швицер 109, 32 и 34) мы имеем рядом *σχιεας* от *σχιζω* и *παρενεφανιε* от *παρενεφανιζω*.

Дорийский литературный диалект дает примеры аористов на *-εα*: у Феокрита *καθιεα* (I, 12) от *καθιζω*, *επαιε* (XIV, 22) от *παιζω*. Но Пиндар употребляет преимущественно аорист на *-σα* (отметим, однако, *κομαεατε*, Нем. II, 24).

Примечание. В койнэ встречается несколько аористов на заднеязычный: *ενοσταε* (Матфей XXV, 5) вместо аттич. *ενοσταα* и *επαιεα* от *παιζω* вместо аттич. *επαιαα*, которое представляло то неудобство, что совпадало с аористом от *παίω*. В новогреческом языке мы находим аорист на *-εα* от ряда производных глаголов, например *φούεα* от *φούω* „дуть“.

§ 207. Сигматический аорист составляет нормальный тип аориста в новогреческом языке. Следует отметить формы *φέρεα*, *πλάνεα*, соответствующие ион.-аттич. *εφόρτα*, *επλάνηα*. Относительно *έθεα*, *έθρεα*, *άφηα* см. § 181. Аористы типа *εἶπα*, *έβαλα*, *έρεα*, хотя и не содержат характерного для этого аориста *σ*, следуют той же флексии и в конечном итоге должны быть отнесены к той же категории.

Сигматический аорист с тематической флексией

§ 208. Эпический язык представляет ряд форм, имеющих вид сигматических аористов, образованных посредством тематического гласного, например *δύσεα* (В 578), *βίσεα* (Г 262). Эти своеобразные формы, которые в древних формулах часто сочетаются с имперфектом (β 388: *δύσεα* с *ηέλιος σκιδωντό* те *πάσαι άγυιαί*) и, помимо Гомера, нигде не встречаются, первоначально были, повидимому, имперфектами от дезидеративных образований на **-s-*, давших формы буд. вр. *βήσομαι*, *δύσομαι* (§ 294). Но в даль-

нейшем они стали ощущаться как аористы и послужили отправным пунктом для образования в эпическом языке нескольких тематических аористов на **-s-*, в особенности форм повелительного наклонения и инфинитива, обладавших удобной метрической структурой: *λέεα* „ляг“ (Г 617); *έρεα* „воспрянь“ (Г 250); *άεεα* „приведите“ (Г 105); *άεμεν*, *-εμεναι* „привести“ (Ψ 50); *οἰεεα* „принесите“ (Г 103), *οἰεμεν* „принести“ (γ 429). Наконец, в изъявительном наклонении: *άεοντο* „они привели“ (Θ 545) и *έεον* „они пришли“ (Ε 773 и др.).

ПЕРФЕКТ

§ 209. Перфект — это атематическая форма, обнаруживающая весьма оригинальные и архаические черты. Перфект выражает собственно состояние в настоящем, являющееся результатом прошедшего действия; *οἶδα* означает „я знаю, потому что я видел“ (ср. *ιδείν*); *τέθνηκα* обозначает состояние смерти и может поэтому противопоставляться не только настоящему времени, но и аористу: *τέθνηκαν* οἱ θανόντες „умершие мертвы“ (Еврипид, *Αἰς*. 541); *τέτοκα* (от *τίκτω*) обозначает состояние женщины, которая только что произвела на свет ребенка.

Перфекту было свойственно непереходное значение: *πέποιθα* „я доверяю“ находится в соответствии с *πειθόμαι*, а не с *πείθω*; *έστηα* „я стою“ находится в соответствии с *ίσταμαι*, *έστην*, а не с *ίστημι*, *έστηα*; *πέφυκα* „я являюсь по природе“ — в соответствии с *φύομαι*, *έφυν*, а не с *φύω*, *έφυα*; *γέγονα* „я являюсь по рождению“ — перфект к *γίγνομαι* (но ионийский и аттический диалекты имеют также *γεγένημαι*¹); от *φθίρω* у Гомера имеется только один пример перфекта, при этом также с непереходным значением — *διέφθορας* „ты погиб“ (O 128). Перфект может иметь дополнение в винительном падеже (даже у Гомера), но и тогда сохраняет значение, в котором выражено состояние подлежащего. Так, в стихе В 272 перфект сопровождается винительным падежом *η̄ δῆ μοιρί* *Οδυσσεύς έσθλά* (F) *έ(F)ρρεν*; однако и здесь имеется в виду прежде

¹ Структура корня представляет трудности в обеих формах: в *γέγονα* корень односложный, тогда как *γίγνομαι* (ср. *γένεας*, *-γνηας*) имеет „двусложный“ корень; в среднем залоге огласовка *γενη-* в двусложном корне — неправильная, мы ожидали бы *γνη-*.

всего состояние подлежащего: „да, у Одиссея немало подвигов“. Такое значение перфекта в дальнейшем становится все менее ясно выраженным, но оно в полной мере проявляется у Гомера, и им отчасти объясняется своеобразие флексии.

§ 210. Противопоставление действительного и страдательного залогов не имело первоначально места в перфекте. Некоторые из древних перфектов имеют непременное значение при „действительной“ форме спряжения. Окончания „действительного“ перфекта представляли в индоевропейском языке особую систему (§ 341, 343 и др.), и если их своеобразие и не обнаруживается полностью в греческом языке, то объясняется это тем, что сигматический аорист получил частично окончания перфекта. Другие перфекты имеют „медиальную“ флексию, поскольку собственное значение перфекта благоприятствует его использованию в страдательном залоге: $\delta\acute{\epsilon}\delta\mu\eta\tau\alpha\iota$ „он укрощен“ является страдательным перфектом от $\delta\acute{\alpha}\mu\eta\mu\iota$, который связан со страдательными аористами $\acute{\epsilon}\delta\acute{\alpha}\mu\eta\nu$ и $\acute{\epsilon}\delta\mu\eta\theta\eta\nu$. У Гомера сосуществование перфекта действительного и перфекта среднего является исключением. Действительному $\acute{\epsilon}\mu\omega\rho\epsilon$ „получил долю“ (А 278) соответствует в плюсквамперфекте $\acute{\epsilon}\mu\alpha\rho\tau\omicron$ „получено от судьбы“ (ε 312). $\beta\acute{\epsilon}\beta\lambda\eta\tau\alpha\iota$ „он поражен“ имеет соответствие в действительном плюсквамперфекте $\beta\acute{\epsilon}\beta\lambda\acute{\eta}\chi\epsilon\iota$ „он поразил“. Последний случай показывает нам дальнейший путь развития перфекта, тогда как сочетание настоящего времени среднего залога с перфектом „действительного“ залога дает нам представление о древней роли перфекта: от $\psi\theta\epsilon\acute{\iota}\rho\omicron\mu\alpha\iota$ — $\acute{\epsilon}\psi\theta\omicron\rho\alpha$ „я истреблен“.

§ 211. Перфект, выражающий состояние, включается в систему настоящего времени и может сочетаться с настоящим временем: $\acute{\eta}\delta\omicron\mu\alpha\iota$ $\kappa\alpha\iota$ $\gamma\acute{\epsilon}\gamma\eta\theta\alpha$ (Аристофан, Рах 335). $\circ\lambda\omega\lambda\epsilon$ означает „он мертв“, $\alpha\pi\acute{\epsilon}\lambda\eta\lambda\lambda\omicron\theta\epsilon$ — „он находится вдали“, $\acute{\epsilon}\rho\rho\iota\gamma\epsilon$ — „он дрожит“, $\gamma\acute{\epsilon}\gamma\rho\alpha\mu\alpha\iota$ — „это написано и имеется в написанном виде“. Но это состояние в настоящем является результатом прошедших действий: „Прη, τίπτε $\beta\acute{\epsilon}\beta\eta\chi\alpha\varsigma$ „Гера, почему ты пошла и находишься здесь?“ (О 90); $\kappa\alpha\kappa\acute{\alpha}$ $\pi\omicron\lambda\lambda\acute{\alpha}$ $\pi\acute{\epsilon}\pi\omicron\nu\theta\alpha$ „я человек, претерпевший много бед“ (ρ 284). Таким образом, перфект

как бы тянули к себе в противоположных направлениях время настоящее и время прошедшее.

Это обстоятельство имело важные последствия для флексии. Уже у Гомера на основании перфекта $\acute{\alpha}\nu\omega\gamma\epsilon\iota$ были образованы формы настоящего времени: $\acute{\alpha}\nu\omega\gamma\epsilon\iota$ (Ζ 439) и т. д. Из плюсквамперф. $\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\omega\gamma\acute{\omega}\nu\epsilon\iota$ был выведен имперф. $\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\omega\gamma\acute{\omega}\nu\epsilon\omicron\nu$ (ρ 161), откуда — слитное неопред. накл. $\gamma\epsilon\omega\gamma\omega\epsilon\iota\nu$ (М 337).

Переход к флексии настоящего времени был осуществлен в разных пунктах распространения дорийских диалектов, в частности в сиракузском диалекте: родос. $\gamma\epsilon\omega\gamma\epsilon\iota$, $\delta\iota\alpha\tau\epsilon\tau\epsilon\lambda\epsilon\chi\epsilon\iota$ (Швицер 295); сиракуз. $\gamma\epsilon\omega\gamma\acute{\alpha}\theta\epsilon\iota$ (Эпихарм 109); повел. накл. $\acute{\alpha}\nu\epsilon\sigma\tau\acute{\alpha}\chi\epsilon\tau\omega$ (Архимед I, 298), прич. $\acute{\alpha}\nu\epsilon\sigma\tau\acute{\alpha}\chi\omicron\upsilon\sigma\alpha\varsigma$ (Архимед I, 284); об $\iota\sigma\acute{\alpha}\mu\iota$ см. § 217.

В эолийском диалекте переход к флексии настоящего времени наблюдается только в причастии: лесб. $\lambda\acute{\epsilon}\lambda\acute{\alpha}\theta\omega\nu$ (Алкей 46 D), $\pi\epsilon\phi\acute{\upsilon}\gamma\omega\nu$ (Алкей 232, Рейнак), происходящее от $\phi\upsilon\gamma\gamma\acute{\alpha}\nu\omega$, с носовым инфиксом, взятым из настоящего времени; фессал. $\pi\epsilon\phi\epsilon\iota\rho\acute{\alpha}\chi\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$ вместо аттич. $\tau\epsilon\theta\eta\rho\acute{\alpha}\chi\omicron\tau\epsilon\varsigma$ (Швицер 596); беот. $\alpha\pi\epsilon\iota\lambda\theta\epsilon\iota\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$ (I. G. VII, 1748) вместо $\alpha\pi\epsilon\lambda\eta\lambda\theta\acute{\upsilon}\tau\epsilon\varsigma$. В гомеровском языке мы находим один или два случая этого типа, например $\kappa\epsilon\chi\lambda\acute{\eta}\gamma\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$ (М 125) вместо $\kappa\epsilon\chi\lambda\eta\gamma\acute{\upsilon}\tau\epsilon\varsigma$, принадлежащее к числу гомеровских эолизмов. Можно, кроме того, привести и несколько особых форм, свойственных эпическому языку: $\beta\epsilon\beta\acute{\alpha}\theta\tau\alpha$ (Е 199), $\gamma\epsilon\gamma\acute{\alpha}\theta\tau\alpha\varsigma$ (В 866), $\mu\epsilon\mu\acute{\alpha}\theta\tau\omicron\varsigma$ (θ 118), $\tau\epsilon\theta\nu\eta\theta\tau\omicron\varsigma$ (I 633), $\kappa\epsilon\chi\mu\eta\theta\tau\alpha$ (χ 31), где ω обусловлено метрикой. Возможно, что эти формы были введены ионийскими аэдами вместо старых эолийских форм типа $\beta\epsilon\beta\acute{\alpha}\theta\upsilon\tau\alpha$ и т. п.

§ 212. Помимо окончаний, перфект характеризуется удвоением и чередованиями в огласовке. Удвоение имеет тембр е: $\lambda\acute{\epsilon}\lambda\omicron\iota\pi\alpha$, $\pi\acute{\epsilon}\phi\upsilon\chi\alpha$ (иначе в лат. $didici$, $potordi$, $tutudi$). Там, где корень заключает в себе два согласных, удваивается только первый из них: $\gamma\acute{\epsilon}\gamma\rho\alpha\phi\alpha$, $\pi\acute{\epsilon}\pi\tau\omega\chi\alpha$, $\mu\acute{\epsilon}\mu\beta\lambda\omega\chi\alpha$ от $[\mu]\beta\lambda\acute{\omega}\sigma\chi\omega$.

Если корень имеет начальное s, то в удвоении остается придыхание: $\acute{\epsilon}\sigma\tau\eta\chi\alpha$; в группе $*sl-$: $\epsilon\acute{\iota}\lambda\eta\mu\mu\alpha\iota$ восходит к $*se-sl\acute{a}bh-$ ¹; в группе $*su-$: $\epsilon\acute{\iota}\omega\theta\alpha$ от $*ses-$

¹ Этот старый перфект от $\lambda\alpha\upsilon\beta\acute{\alpha}\nu\omega$ был заменен в разных диалектах аналогическими формами: $\lambda\acute{\epsilon}\lambda\acute{\alpha}\beta\eta\chi\alpha$ (ионийский диалект, Геродот IV,

υόδη-¹ (в последних двух случаях нужно отметить утрату начального придыхания вследствие диссимиляции [Ф. § 32]); в группе *sm-: мы имеем у Гомера εἴμωρε из *se-smor- (эолийская трактовка, псилоза и удвоение μ [Ф. § 67, 71]), но εἴμαρτο (ионийская трактовка)².

В корнях с начальным *φ* имеем: (φ)έ(φ)οικα, (φ)έ(φ)οργα; аттич. εὐόραха восходит к *φεφοραха; гомер. (φ)είρημαι от *φεφρημαι, ср. арг. φεφρήμενος (Швицер 98).

В корнях, начинающихся с гласного, за которым следует сонант *l*, *m*, *n*, *p*, *g*, удвоение в индоевропейском языке заключалось в повторении первого гласного и первого сонанта и в удлинении корневого гласного. У Гомера: ἀρήρμαι, ἄρηρα, ἐλήλαμαι, εἰλήλουθα (ει- представляет собой свойственное Гомеру ритмическое удлинение, аттич. ἐλήλουθα), ὄλωλα, ὄρωρα; ἐγρήγορα (от ἐγείρω) является неправильной формой, обязанной своим возникновением смешению типа *γγορα (санскр. jāgāga) с многочисленными формами, начинающимися с *εγρ*:- ἐγρόμην, ἐγρήσσω и т. п. Это образование распространилось затем на корни, оканчивающиеся на смычный: гомер. ὄδωδα, ὄπωπα, ἔδηδώς (от ἔδμεναι „есть“), ἀγήγερμαι. Иногда корневой гласный остается без удлинения: ἀλάλημαι, ἀλαλύκτημαι, ἀκάχημαι, но ἀκχηέαται.

Этот тип удвоения часто встречается в ионийско-аттическом диалекте: ἀλήλμμαι от ἀλείφω, ἀλήλεσμαι от ἀλέω, ἐλήλεμμαι от ἐλέγχο, ἐμήμεκα от ἐμέω, ἐρήρεισμαι от ἐρείδω, ὀρωρυγμαι от ὀρύσσω, ἀκήχοα от ἀκούω, ἐνήνοχα от ἐνεκ-, ср. ἡνεγκον. Но были образованы и новые формы: ὀρωρηχα (Геронд) от ὀράω; ἀραιρήμαι (Геродот) от αἰρέω, где дифтонг второго слога не был удлиннен и где в начале имеется гласный *α* вместо *αι*; дор. ἀγᾶγοχα (Фера, Швицер 227, В 25) от ἄγω; конечное -сχα, повидимому, заимствовано от ἐνήνοχα; после диссимиляции звуков *γ* это

79; аркадский [Швицер 656]; дорийский, Эпидавр [Швицер 109 g]), λέλοβα в критском (Швицер 206 g). Наоборот, старый перфект от λαγάνω — λέλοχα был заменен в аттическом диалекте формой εἴληχα под влиянием εἴληφα. Отметим также появление формы διεἴλεγμα (от διαλέγομαι, корень λεγ- по образцу εἴρημαι).

¹ Но в локрийском диалекте φεφάδεχота (от *sqād-), как если бы начальным звуком здесь было *φ* (Швицер 362, 38).

² На основании наст. вр. μέρομαι в позднее время были образованы μέροβαи (Etymologicum magnum 312, 46), μέρορμένος (Аполлоний Родосский III, 1130).

слово продолжало существовать в койнэ в форме ἀγήροχα (Септуагинта, Товия XII, 3 и др.).

§ 213. Уже в индоевропейском языке удвоение не было обязательным (ср. лат. egī, vīdī). Старый перфект, соответствующий лат. vīdī и санскр. véda, — (φ)οῖδα не имеет удвоения; точно так же нет удвоения и в οἶχα (дорийский диалект, Алкман 107 D, ионийский диалект, Геродот, ср. IV, 82) и, возможно, в аттическом прич. εἰκώς; гомер. ἀμφιαχρῖαν (В 316) от ἰάχω; ἀνωγα (содержавшее префикс ἀνα-); ἐρχατο от ἐρχω „запирать“ (Р 354); крит. καταφελέμενος (Гортинское законодательство XI, 13), но у Гомера ἐελέμενος.

§ 214. Многие перфекты с начальным гласным характеризуются долгой огласовкой корня без удвоения: ἦγμα от ἄγω, ὤμμα от ὀράω, образованное от корня *оп- глагола ὀπωπα, и т. д. Если корень начинается с группы согласных, то удвоение заменяется, повидимому, звуком *ε*. Если корень начинается с этимологически обнаруживаемого *s*, то это *ε* может заменять собой древнее *he- из *se-: ἐτχημαι, ἐτпарμαι, ἐσεδάσμαι. Также встречается это *ε* перед двойным согласным, где его следует понимать как протетический гласный. Следовательно, мы и здесь имеем перфекты без удвоения: ἐζευγμα, ἐφευσμαι, ἐφθора, ἐφθιτο, ἐγνοχα. Иногда наблюдается колебание между формой с удвоением и формой с начальным *ε*. От κτάομαι мы имеем в аттическом диалекте κέκτημαι, а у Гомера (I 402) и у Геродота ἐκττημαι; аттич. γέγραπται в критском диалекте соответствует εγратται (Швицер 175); наряду с βεβλάσσηχα встречается ἐβλάσσηχα (Еврипид, Iph. Aul. 594). В основах с начальным *ρ* (из *sr- или *ur) перфект дает *ε*, которое, в сущности, может представлять собой развитие удвоения he- или fe-, но, вернее, должно быть истолковано как протетический гласный — ἐρριμμα, ἐρρωγα и т. п. То же наблюдается иногда в глаголах, имеющих начальное *σ*: от σεύομαι (где *σ* восходит к *kī-) гомеровский перф. ἐσσυμαι. Для корней всех этих различных типов в языке имеются удвоенные перфекты, которые едва ли являются очень древними: перфектом от σήπομαι с гомеровской эпохи служит σέσσηπε, от ρυπώω — ρερυπωμένα (ζ 559); у Пиндара встречается ρερίφθαι (отр. 318, Шредер);

в позднее время — ἀπορέθηται (Орибазий), ἐκπερευκώς вместо ἐξερρευκώς (Герон).

§ 215. Отыменные глаголы подобно прочим глаголам уже в самых древних текстах имеют перфекты с удвоением; так, δεδεύηκα встречается уже у Гомера. Также было введено удвоение и в сложные глаголы: δεδυστόχηκα, πεπαρηγόισαμαι. Однако если первый элемент восходит к наречию, то удвоение следует за ним: ἐπιέλοπα и т. п. Исключения: κεκάθηκα (Диодор Сицилийский XVII, 115) от καθίζω; μεμετρήμενος, причастие перфекта страдательного залога от μετρίω у Геродота (V, 108; VI, 1).

§ 216. Чередование огласовки играло первоначально большую роль в флексии перфекта. При этом там, где это позволяла структура корня, единственное число действительного залога имело огласовку о, а множественное число действительного залога и средний залог — нулевую огласовку. Некоторые следы чередования наблюдаются и в других наклонениях, особенно в причастии.

§ 217. Древний перф. οἶδα ясно показывает эту систему чередований огласовки:

Изъяв.	Повел.	Сослагат.	Желат.	Неопред.	Прич.
οἶδα		εἰδῶ	εἰδείην	εἰδέναι	εἰδώς,
οἶσθα	ἴσθι	εἰδήις	εἰδείης		εἰδύς,
οἶδε	ἴστω	εἰδήι	εἰδείη		εἰδός
ἴσμεν		εἰδῶμεν	εἰδείμεν		
ἴστε	ἴστε	εἰδήτε	εἰδείτε		
ἴσασι	ἴστων	εἰδῶσι	εἰδείεν		
ἴστον	ἴστων	εἰδήτων	[εἰδείτων]		
ἴστω	ἴστων	εἰδήτων	[εἰδείτων]		

Аттический диалект противопоставляет огласовку о в единственном числе изъявительного наклонения нулевой огласовке множественного числа изъявительного и повелительного наклонений и огласовке е сослагательного и желательного наклонений, а также неопределенного наклонения и причастия.

2-е л. οἶσθα восходит к *φοῖδ-θα; относительно окончания см. § 343. Во множественном числе, с нулевой

огласовкой: ἴστε восходит фонетически к *φῖδτε; 1-е л. ἴσμεν имеет σ по аналогии со 2-м лицом: закономерная форма ἴδμεν засвидетельствована у Гомера и у Геродота; 3-е л. мн. ч. ἴσασι (дор. (φ)ισαυσι; Эпихарм 53, Феокрит XV, 64) построено на аналогической основе ἴσ-, к которой добавлено окончание -αυσι.

Это отступающее от нормы спряжение подверглось упрощению в разных направлениях. Так, ионийский диалект обобщил основу с огласовкой о — οἶδα: 2-е л. ед. ч. οἶδας (Hymn. in Merc. 456; Еврипид, Alc. 780); во множественном числе οἶδαμεν (Геродот II, 17), οἶδατε (Антология XII, 81), οἶδασι (Геродот II, 43). Койнэ употребляет, как правило, οἶδας, οἶδαμεν, οἶδατε, οἶδασι. В дорийском диалекте аналогия воздействовала иначе: из ἴσμεν была извлечена основа ἴσα-: 1-е л. мн. ч. ἴσαμεν (Пиндар, Nem. VII, 14), 1-е л. ед. ч. с долгим гласным (ср. ἴσταμι) ἴσᾱμι (Эпихарм 254; Пиндар, Pyth. IV, 248); здесь мы находим основу атематического настоящего времени, происходящую от ἴσμεν (§ 211). Отметим еще несколько форм, помимо изъявительного наклонения, например причастие в дат. п. ἴσμεν (Пиндар, Pyth. III, 29).

Формы повелительного наклонения можно объяснить фонетически, исходя из корня (φ)ιδ-. Относительно неправильного ударения в сослагательном наклонении и гомер. εἰδομεν см. § 304, 306. О желат. накл. εἰδείην см. § 310.

В инфинитиве эпический язык знает только одну форму — с нулевой ступенью корня ἴδμεναι и ἴδμεν; ион.-аттич. εἰδέναι является, повидимому, новообразованием.

Флексия причастия имеет ясно выраженный архаический характер. Мужской род имеет ступень е (ср. εἰκώς, § 213). В женском роде гомеровский язык обнаруживает нулевую ступень корня и суффикса: τί ἤ ται ταῦτα (φ)ιδύει; πάντ' ἀγορεύω (A 365).

§ 218. В некоторых архаических перфектах мы находим чередование: ступень о/нулевая ступень в изъявительном наклонении и несколько примеров нулевой ступени в женском роде причастия, мужской род которого представляет обычно ступень о, как, например, πεπουθώς, а иногда нулевую ступень, как гомер. γευαώς, μεραώς.

Помимо οἶδα, чередование огласовки более или менее ясно представлено и в некоторых гомеровских перфектах.

С огласовкой *ο* в единственном числе изъявительного наклонения: (φ)έ(φ)οικα, дв. ч. (φ)έ(φ)ιχτον; прич. (φ)ε-(φ)οικώς, ж. р. (φ)ε(φ)ικυῖα (Г 386), с нулевой ступенью; εἰκώς (Ф 254) может восходить к (φ)ε(φ)ικώς (нулевая ступень) или к (φ)εἰκώς (ступень *ε* без удвоения); в среднем залоге прошедшее вр. εἰχτο (Ψ 107) или ἦχτο (δ 796), где *η* неясного происхождения; — πέπειθα, плюсквамперф. ἐπέπειθμεν (В 341), повел. накл. πέπειθι (Эсхил, Eum. 599, в рукописях πέπεισθι); средний залог πέπεισμαι представляет собой вторичное образование по образцу πεῖθω, ἐπεισα; — πέπονθα, 2-е л. мн. ч. πέπασθε (Г 99 Аристарх, рукописи — πέπασθε) от *πεπαθ-те, прич. πεπονθώς, ж. р. (один раз) πεπαθυῖη (ρ 555); — от корня *шеп-, μέμνηα, мн. ч. μέμνηе (Г 641), μέμνηαι (К 208 и др.), прич. ж. р. μέμνηα (Δ 440 и др.); мужской род также содержит нулевую ступень — μέμνω (Е 301 и др.); — от корня иной структуры (ср. γένεσις, κασίγνητος и др.) уже в индоевропейском языке был образован сходный перф. γέγνηα, γεγάασι (Δ 325), плюсквамперф. дв. ч. ἐγγεγάτην (κ 138), прич. ж. р. γεγαυῖα (Г 199), прич. м. р., также с нулевой ступенью, γεγαῶτα (Г 456 и т. д.); относительно ω см. § 211; — от корня *δφει-* „бояться“ форма с нулевой ступенью типа *δφει-*: гомер. 1-е л. мн. ч. δειδόμεν (Н 196), аттич. δέδιμεν (Фукидид III, 53); уже в гомеровскую эпоху эта огласовка была распространена и на ед. ч. δέδια, а также на причастие и на инфинитив; огласовка *ο* встречается в единственном числе в гомер. δειδῶ¹ (из *δεδφω-α) и в форме с *κ* — гомер. δειδοικα, аттич. δέδοικα, мн. ч. δέδοικαμεν. — В корнях с дифтонгом на *ι* огласовка *ο* обычно бывает устранена. Правда, в случае глагола εἰλήλουθα гомеровский язык даже обобщил огласовку *ο*: εἰλήλουθμεν (Г 49), но в нем, как и в аттическом, имеется также εἰλήλυθα с нулевой ступенью; — от такого архаического настоящего времени, как φεύω, мы имеем средний залог πεφυγμένος, но в действительном залоге только πεφευγώς, πέφευγα. — В одном корне с долгой гласной имеется след чередования *ε/ο*: глаголу ἔρρωα „я разбит“ соответствует в дорийском (Гераклейские таблицы, passim) прич. ж. р.

¹ Вторичный характер конечного *ω* в форме δειδῶ сказывается в том, что это *ω* ни разу не встречается в сильном времени стопы. — Прим. перев.

ερρῆγεια „пахотная земля“, в котором огласовка *ε*, повидимому, заимствована из мужского рода (ср. катерρῆγῆτες, катерρῆγῆμενος, Гесикий).

§ 219. За исключением *οἶδα*, в действительном залоге чередование в аттическом диалекте исчезло. Даже у Гомера многочисленные перфекты имеют огласовку *ο* без чередования: λέλοιπα; λέλογχα; δέδρομα (перфект от τρέχω, ἔδρομον); (φ)έ(φ)ολπα; от τρέφω непереходный τέτροφα (ψ 237); от χανδάω плюсквамперф. κεχύνδει (форма, сохранившаяся в одном папирусе, \mathfrak{U} 192), но прич. κεχυνότα (Ψ 268); ἐπεφόρβει (Hump. in Merc. 105). В ионийско-аттическом диалекте: πέπορδα, κέχρδα, τέτοχα; для корней с долгим гласным — ἔρρωγα, εἶωδα. Это образование оказалось продуктивным: сицилийский диалект создал πέποσχα (Эпихарм 11, Стесихор 89 В) от наст. вр. πάσχω.

В то время как для всего действительного залога огласовка *ο* была обобщена, атематический характер перфекта изменился вследствие распространения на множественное число звука *α*, который ощущался как соединительный гласный. Правда, аттический диалект дает (помимо *ισμεν*) и несколько форм без *α*: εἰγμεν (Софокл, Ai. 1239; Еврипид, Cycl. 99)¹, ἐλήλυμεν (Кратин 235 К)². Обычными формами являются εἰκαμεν, ἐλήλυθαμεν, πεπόνθαμεν и т. д.

§ 220. В среднем залоге норму составляет нулевая огласовка: наряду с гомер. ἔμμερε мы находим гомер. εἰμαρται, εἰμαρμένη. Другие примеры: πέπαρμαι от πεῖρω; ἔσταλμαι от στέλλω; τέταμαι от τεῖνω; τέτραμμαι от τρέπω; τέθραμμαι, ср. τρέφω, τέτροφα; ἐφθαρμαι, ср. φθείρω, ἐφθора; πέφαται „он убит“ (Г 27), ср. φείνω и ἐπεφον; χέχυμαι от χέω. Иногда огласовка перфекта тождественна с огласовкой настоящего времени: ἔστιγμαι от στίζω; πέπυσμαι у Гомера соответствует наст. вр. πεύσθαι, а в аттическом диалекте — наст. вр. πυνθάνομαι. Наоборот, огласовка *ε* наст. вр. λείπω распространилась на λείπειμαι (но действительный залог λέλοιπα).

¹ Отметим редкое 3-е л. мн. ч. εἰξῶσι (Аристофан, Nub. 341 и др.), выделяющееся своей огласовкой *ε*; в нем ξ можно объяснить аналогично с $\iota\sigma\sigma\alpha\iota$.

² Или ἐλήλυμεν? θ по существу не принадлежит корню (§ 265).

§ 221. Примечание. Корни с ϵ или δ , чередующимися с α , имеют закономерные формы среднего залога: $\epsilon\iota\mu\alpha\iota$ (из $*\epsilon\iota\epsilon\mu\alpha\iota$) для $\epsilon\iota\mu$, $\delta\epsilon\delta\omicron\mu\alpha\iota$ от $\delta\epsilon\delta\omicron\mu$, соответствующее действительному залогу $\delta\epsilon\delta\omicron\mu\alpha\iota$; по образцу $\epsilon\iota\mu\alpha\iota$ от $\tau\iota\theta\eta\mu\iota$ была создана редкая и поздняя форма $\tau\epsilon\theta\eta\epsilon\mu\alpha\iota$ (Демосфен XXI, 49). От $\epsilon\iota\mu$ должен был существовать перфект действительного залога с огласовкой δ ; он засвидетельствован в III в. до н. э. — $\alpha\rho\epsilon\omega\mu\alpha\iota$ (Zenon, Par. 59502). Позднее он повлек за собой образование среднего залога — $\alpha\rho\epsilon\omega\sigma\theta\omega$, $\alpha\rho\epsilon\omega\mu\epsilon\iota$ (аркадский диалект, Швицер 656, 14; Новый завет, Иоанн XX, 23). Относительно $\epsilon\iota\alpha$ и $\tau\epsilon\theta\epsilon\iota\alpha$ см. § 230.

От корня особой структуры $*\rho\delta(i)-/\rho\alpha(i)-$ образовано $\pi\acute{\iota}\pi\omicron\tau\alpha\iota$ (наст. вр. $\pi\acute{\iota}\nu\omega$), которое повлекло за собой создание по аналогии $\epsilon\delta\eta\delta\omicron\tau\alpha\iota$ от $\epsilon\delta\eta\delta\omicron$, $\epsilon\delta\mu\epsilon\mu\alpha\iota$ (х 56).

Но $\epsilon\rho\rho\eta\mu\alpha\iota$ имеет огласовку наст. вр. $\epsilon\rho\eta\gamma\mu\iota$.

§ 222. Корням на α огласовка тембра α не свойственна. Здесь наблюдается чередование α (ион.-аттич. η)/ α краткое: $\epsilon\sigma\tau\eta\chi\alpha$, мн. ч. $\epsilon\sigma\tau\alpha\mu\epsilon\upsilon$; $\beta\acute{\epsilon}\beta\eta\chi\alpha$, гомер. мн. ч. $\beta\acute{\epsilon}\beta\alpha\mu\epsilon\upsilon$. Имеются также следы чередования и в причастии: $\mu\epsilon\mu\eta\chi\omega\varsigma$, $\mu\epsilon\mu\alpha\chi\upsilon\tau\alpha$ (Д 435); $\lambda\epsilon\lambda\eta\chi\omega\varsigma$, $\lambda\epsilon\lambda\alpha\chi\upsilon\tau\alpha$ (м 85); $\tau\epsilon\theta\eta\lambda\omega\varsigma$, $\tau\epsilon\theta\alpha\lambda\upsilon\tau\alpha$ (I 208). Однако $\sigma\acute{\epsilon}\sigma\eta\mu\alpha$ и $\tau\acute{\epsilon}\tau\eta\mu\alpha$ не обнаруживают никакого чередования. В среднем залог кратким гласным представлена нулевая ступень; по образцу $\epsilon\sigma\tau\eta\chi\alpha$ был создан средний залог $\epsilon\sigma\tau\alpha\mu\alpha\iota$ с непереходным значением (койнэ, ср. также Платон, Tim. 81 d).

§ 223. Для двусложных корней нормальной огласовкой является нулевая ступень в первом слоге и долгая ступень во втором. С огласовкой α : $\epsilon\gamma\gamma\omega\mu\alpha\iota$; $\pi\acute{\epsilon}\pi\tau\omega\mu\alpha\iota$ и — с чередованием тембра — прич. $\pi\epsilon\pi\tau\eta\omega\varsigma$ (Симонид 125 D), откуда гомер. $\pi\epsilon\pi\tau\epsilon\omega\varsigma$ (Ф 503)¹. От корней на α : $\chi\epsilon\chi\mu\eta\omega\varsigma$, $\tau\epsilon\theta\eta\eta\omega\varsigma$, $\tau\epsilon\tau\lambda\eta\omega\varsigma$. По образцу $\beta\acute{\epsilon}\beta\eta\chi\alpha$, $\beta\acute{\epsilon}\beta\alpha\mu\epsilon\upsilon$ были созданы формы с кратким гласным: $\tau\epsilon\theta\upsilon\alpha\mu\iota$ (X 365), $\tau\acute{\epsilon}\tau\lambda\alpha\mu\epsilon\upsilon$ (v 311).

Примечание. Ион. $\gamma\epsilon\gamma\epsilon\mu\alpha\iota$ с двумя последовательными огласовками ϵ ($\gamma\epsilon\gamma\eta$) является аномалией.

§ 224. Некоторые из приведенных нами форм, как, например, $\beta\acute{\epsilon}\beta\eta\chi\alpha$ и $\epsilon\sigma\tau\eta\chi\alpha$, имеют χ , которое играло важную роль в образовании перфекта. Поскольку в корнях, оканчивавшихся на гласный, добавление окончаний единственного числа действительного залога, начинавшихся на гласный, представляло известные трудности, для образования этих форм прибегали к χ , значение которого

состояло в том, что оно подчеркивало целенаправленность процесса; оно встречается в некоторых случаях настоящего времени и в трех аористах — $\epsilon\theta\eta\chi\alpha$, $\epsilon\delta\omega\chi\alpha$, $\eta\chi\alpha$. У Гомера мы находим это χ только в корнях, оканчивающихся на гласный, и притом, как правило, в единственном числе: $\epsilon\sigma\tau\eta\chi\alpha$, $\beta\acute{\epsilon}\beta\eta\chi\alpha$, $\tau\acute{\epsilon}\tau\lambda\eta\chi\alpha$, $\tau\acute{\epsilon}\theta\upsilon\eta\chi\alpha$; $\beta\epsilon\beta\lambda\acute{\iota}\chi\epsilon\iota$ — плюсквамперфект; $\delta\epsilon\iota\delta\omicron\mu\alpha\iota$, $\delta\acute{\epsilon}\delta\upsilon\mu\alpha\iota$, $\pi\acute{\epsilon}\phi\upsilon\mu\alpha\iota$, $\tau\acute{\epsilon}\tau\lambda\eta\chi\alpha$ и т. д. В единичных случаях χ было распространено на 3-е лицо мн. ч.: $\epsilon\tau\eta\chi\alpha\sigma\iota$ (Δ 434), $\tau\acute{\epsilon}\theta\upsilon\eta\chi\alpha\sigma\iota$ (O 664), $\pi\epsilon\phi\upsilon\chi\alpha\sigma\iota$ (η 114), $\tau\epsilon\theta\alpha\rho\sigma\acute{\iota}\chi\alpha\sigma\iota$ (I 420), или на причастие, где древний суффикс был — $\sigma\omicron\tau$ —: $\delta\epsilon\delta\alpha\chi\omega\varsigma$ (β 61), $\acute{\alpha}\delta\eta\chi\omega\varsigma$ (K 98), $\beta\epsilon\beta\rho\omega\chi\omega\varsigma$ (X 94). Для некоторых архаических глаголов аттический диалект сохранил во множественном числе формы без χ ; так, в аттическом диалекте мы находим $\tau\acute{\epsilon}\theta\upsilon\alpha\mu\epsilon\upsilon$ (Платон, Gorg. 492 e), $\tau\epsilon\theta\upsilon\alpha\sigma\iota$ (Фукидид III, 113), $\tau\epsilon\theta\upsilon\alpha\mu\alpha\iota$ (Аристотель, Ran. 1012), $\tau\epsilon\theta\upsilon\epsilon\omega\varsigma$ из $\tau\epsilon\theta\upsilon\eta\omega\varsigma$ (Лисий XII, 18). Равным образом от $\iota\sigma\tau\eta\mu$ древняя аттическая проза употребляет чаще всего $\epsilon\sigma\tau\alpha\mu\epsilon\upsilon$, $\epsilon\sigma\tau\alpha\tau\epsilon$, $\epsilon\sigma\tau\alpha\sigma\iota$, $\epsilon\sigma\tau\alpha\mu\alpha\iota$, $\epsilon\sigma\tau\omega\varsigma$, $\epsilon\sigma\tau\omega\tau\omega\varsigma$ (из $\epsilon\sigma\tau\alpha\tau\omega\varsigma$), ср. р. $\epsilon\tau\omega\varsigma$ (тогда как закономерным было бы $\epsilon\tau\omega\varsigma$) по аналогии с $\lambda\epsilon\lambda\omega\iota\pi\acute{\omega}\varsigma$.

Конечное $\chi\alpha$ стало общей характеристикой перфекта: $\lambda\acute{\epsilon}\lambda\upsilon\chi\alpha$, в отыменных глаголах $\tau\acute{\epsilon}\tau\iota\mu\eta\chi\alpha$, $\delta\epsilon\delta\eta\lambda\omega\chi\alpha$; после согласных — $\epsilon\rho\theta\alpha\rho\chi\alpha$ (относительно развития результативного перфекта на $\chi\alpha$ см. § 230).

Примечание. Этот тип перфекта развился более или менее быстро в различных говорах. Для беотийского диалекта надписи дают формы без χ : $\alpha\pi\omicron\delta\epsilon\delta\omicron\chi\nu\theta\iota$ (Швицер 526, 35); в причастии — $\chi\alpha\tau\alpha\beta\epsilon\beta\alpha\omega\nu$ (I. G. VII, 3055), $\alpha\pi\epsilon\lambda\delta\epsilon\iota\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$ (I. G. VII, 1748), но изъяс. накл. $\delta\iota\epsilon\sigma\tau\epsilon\lambda\delta\epsilon\iota\tau\epsilon$ от перфекта, равнозначного $\acute{\alpha}\lambda\eta\lambda\upsilon\theta\alpha$. В других диалектах χ было внесено довольно рано даже в причастие: аркад. $\epsilon\phi\theta\omicron\rho\chi\omega\varsigma$ (Швицер 656, 10), локр. $\epsilon\epsilon\phi\alpha\delta\epsilon\chi\omicron\tau\alpha$ (Швицер 362, 38), тогда как у Гомера имеем $\epsilon\acute{\alpha}\delta\omicron\tau\alpha$.

В корнях, оканчивающихся на смычный, греческий язык не мог использовать χ (относительно $\lambda\epsilon\lambda\acute{\alpha}\beta\eta\chi\alpha$, $\gamma\epsilon\gamma\rho\acute{\alpha}\phi\eta\chi\alpha$ см. § 365): от $\lambda\epsilon\iota\pi\omega$ перфектом является $\lambda\acute{\epsilon}\lambda\omicron\iota\pi\alpha$, от $\tau\acute{\iota}\rho\omega$ — $\tau\acute{\epsilon}\tau\eta\chi\alpha$, древний перфект от $\pi\rho\acute{\alpha}\tau\tau\omega$ — $\pi\acute{\epsilon}\pi\rho\alpha\gamma\alpha$ „я имел удачу“ (что, повидимому, указывает на корень $\pi\rho\acute{\alpha}\gamma-$ и на вторичность формы $\pi\rho\acute{\alpha}\tau\tau\omega$ ¹), от $\chi\acute{\epsilon}\zeta\omega$ — $\chi\acute{\epsilon}\chi\omicron\delta\alpha$.

¹ Закономерной формой настоящего времени от корня $\pi\rho\acute{\alpha}\gamma-$ было бы $*\pi\rho\alpha\zeta\omega$ (ср. § 270 и Ф. § 49). — Прим. перев.

¹ $\pi\epsilon\pi\tau\eta\omega\varsigma$ „припавший“ (§ 354) относится к корню глагола $\pi\acute{\epsilon}\pi\tau\omega$.

§ 225. В новоаттическом диалекте был образован новый перфект с придыханием; он возник на основе некоторых форм среднего залога, вообще игравшего в перфекте значительную роль. В среднем залоге перфектов на губной и на заднеязычный мы не можем распознать у большей части форм природу конечного согласного корня: $\lambda\epsilon\lambda\epsilon\iota\mu\alpha\iota$, $-\phi\alpha\iota$, $-\pi\tau\alpha\iota$, $-\mu\epsilon\mu\epsilon\theta\alpha$, $-\psi\theta\epsilon$, как и $\tau\epsilon\tau\tau\iota\mu\alpha\iota$, $-\phi\alpha\iota$ и т. д., $\tau\epsilon\theta\alpha\mu\alpha\iota$, $-\phi\alpha\iota$ и т. д. — от наст. вр. $\lambda\epsilon\iota\mu\omega$, $\tau\epsilon\tau\tau\iota\omega$, $\tau\epsilon\theta\omega$; то же наблюдается и у $\delta\rho\omega\rho\epsilon\mu\alpha\iota$ от $\delta\rho\epsilon\gamma\omega$ и у $\epsilon\lambda\epsilon\lambda\iota\mu\alpha\iota$ от $\epsilon\lambda\iota\sigma\omega$. И только 3-е л. мн. ч. на $-\alpha\tau\alpha\iota$ (§ 354) могло бы позволить распознать конечный согласный: от $\alpha\phi\iota\kappa\iota\kappa\epsilon\mu\alpha\iota$, $\alpha\phi\iota\gamma\mu\alpha\iota$ мы имеем $\alpha\pi\iota\kappa\alpha\tau\alpha\iota$ (Геродот VIII, 6); однако в действительности мы не встречаем ни $*\tau\epsilon\tau\tau\iota\beta\alpha\tau\alpha\iota$, ни $*\tau\epsilon\tau\tau\iota\alpha\gamma\alpha\tau\alpha\iota$, ни $*\lambda\epsilon\lambda\epsilon\iota\pi\alpha\tau\alpha\iota$. Корни, оканчивающиеся на аспирату, имеют формы типа $\epsilon\sigma\tau\alpha\phi\alpha\tau\alpha\iota$ (Геродот I, 166); от $\theta\alpha\pi\tau\omega$ (ср. $\tau\alpha\phi\eta$, корень $\theta\alpha\phi$) имеем $\tau\epsilon\tau\alpha\phi\alpha\tau\alpha\iota$ (Геродот VI, 103), от $\tau\epsilon\beta\chi\omega$ — $\tau\epsilon\tau\epsilon\beta\chi\alpha\tau\alpha\iota$ (N 22). Эта аспирата — ϕ или χ — распространилась на перфекты на β , π , γ и κ по аналогии с формами 2-го лица множественного числа и неопределенного наклонения: от $\tau\epsilon\tau\tau\epsilon\mu\omega$ — по образцу $\tau\epsilon\tau\tau\alpha\phi\theta\epsilon$, $\tau\epsilon\tau\tau\alpha\phi\theta\alpha\iota$ — $\tau\epsilon\tau\tau\alpha\phi\alpha\tau\alpha\iota$; также у Гомера $\delta\rho\omega\rho\epsilon\chi\alpha\tau\alpha\iota$ от $\delta\rho\epsilon\gamma\omega$, $\epsilon\chi\chi\alpha\tau\alpha\iota$ от $\epsilon\epsilon\rho\gamma\omega$; у Геродота $\tau\epsilon\tau\tau\iota\phi\alpha\tau\alpha\iota$ от $\tau\epsilon\tau\tau\iota\omega$, $\mu\epsilon\mu\iota\chi\alpha\tau\alpha\iota$ от $\mu\epsilon\iota\gamma\gamma\omega\mu\iota$, $\epsilon\iota\lambda\iota\chi\alpha\tau\alpha\iota$ от $\epsilon\lambda\iota\sigma\omega$, $-\delta\epsilon\delta\epsilon\chi\alpha\tau\alpha\iota$ от $\delta\epsilon\chi\omega\mu\alpha\iota$, $\epsilon\sigma\epsilon\sigma\alpha\chi\alpha\tau\alpha\iota$ от $\sigma\alpha\sigma\omega$, $\delta\iota\alpha\tau\epsilon\tau\alpha\chi\alpha\tau\alpha\iota$ от $\tau\alpha\sigma\omega$.

Фукидид (III, 13 и V, 6) употребляет еще $\tau\epsilon\tau\alpha\chi\alpha\tau\alpha\iota$ и $\epsilon\tau\epsilon\tau\alpha\chi\alpha\tau\alpha\iota$.

Примечание. Отметим в дорийском языке $\gamma\epsilon\gamma\alpha\phi\alpha\tau\alpha\iota$ (Гераклейские таблицы I, 121) вместо $\gamma\epsilon\gamma\alpha\phi\alpha\tau\alpha\iota$, где σ , возможно, заимствовано из $\epsilon\gamma\gamma\alpha\phi\alpha$, что позволило избежать следования друг за другом трех кратких слогов.

§ 226. Образование перфектов среднего залога от глаголов на переднеязычные также связано с некоторыми проблемами. Переднеязычный перешел в σ перед всеми другими переднеязычными: перфектом от $\pi\epsilon\upsilon\theta\omega\mu\alpha\iota$ и $\pi\upsilon\upsilon\delta\alpha\gamma\omega\mu\alpha\iota$ является 3-е л. ед. ч. $\pi\epsilon\upsilon\sigma\tau\alpha\iota$, от $\psi\alpha\acute{\rho}\chi\omega$ — $\psi\epsilon\sigma\tau\alpha\iota$. После образования этих форм σ распространилось на формы, где его появление не может быть объяснено фонетическими причинами — $\pi\epsilon\upsilon\sigma\tau\alpha\iota$, $\pi\epsilon\upsilon\sigma\tau\epsilon\mu\epsilon\sigma$, $\psi\epsilon\sigma\tau\alpha\iota$, $\psi\epsilon\sigma\tau\epsilon\mu\epsilon\sigma$, но Гомер употребляет $\kappa\epsilon\chi\omega\rho\iota\theta\mu\epsilon\sigma$, Пиндар — $\kappa\epsilon\chi\alpha\delta\mu\epsilon\sigma$ (гомер. $\kappa\epsilon\chi\alpha\sigma\mu\epsilon\sigma$), Гесиод — $\pi\epsilon\psi\alpha\delta\mu\epsilon\sigma$ (о распространении σ в спряжении см. § 367).

В 3-м лице множественного числа глаголы с основой, оканчивающейся на δ , имеют окончание $-\delta\alpha\tau\alpha\iota$: от $\epsilon\pi\epsilon\iota\delta\omega$ — $\epsilon\pi\epsilon\tau\eta\rho\epsilon\delta\alpha\tau\alpha\iota$ (Ψ 284, 329), от $\acute{\alpha}\gamma\omega\gamma\iota\zeta\omega$ — $\acute{\alpha}\gamma\omega\gamma\iota\delta\alpha\tau\alpha\iota$ (Геродот IX, 26), от $\sigma\kappa\epsilon\upsilon\acute{\alpha}\zeta\omega$ — $\epsilon\sigma\kappa\epsilon\upsilon\acute{\alpha}\delta\alpha\tau\alpha\iota$ (Геродот, IV, 58), от $\chi\omega\rho\iota\zeta\omega$ — $\kappa\epsilon\chi\omega\rho\iota\delta\alpha\tau\alpha\iota$ (Геродот I, 140)¹. По образцу этих форм, где δ объясняется этимологией, окончание на $-\delta\alpha\tau\alpha\iota$, $-\delta\alpha\tau\omega$ распространилось на третьи лица множественного числа глагольных основ, оканчивающихся на гласный. У Гомера — $\epsilon\pi\pi\alpha\delta\alpha\tau\alpha\iota$ (M 431, v 351) от $\rho\alpha\iota\omega$; $\epsilon\lambda\eta\lambda\acute{\alpha}\delta\alpha\tau\omega$ (η 86) от $\epsilon\lambda\acute{\alpha}\omega$; у Геродота — $\kappa\alpha\tau\alpha\kappa\epsilon\upsilon\delta\alpha\tau\alpha\iota$ вместо $-\kappa\epsilon\chi\upsilon\tau\alpha\iota$ (II, 75), $\epsilon\sigma\tau\alpha\lambda\acute{\alpha}\delta\alpha\tau\omega$ (VII, 89) от $\epsilon\sigma\tau\alpha\lambda\mu\alpha\iota$.

Эти формы наблюдаются только у Гомера и в ионийском диалекте.

§ 227. Аттический диалект заменил их описательными формами, образованными из причастия перфекта и 3-го л. мн. ч. глагола $\epsilon\iota\mu\iota$: $\tau\epsilon\tau\tau\alpha\mu\epsilon\upsilon\sigma\iota$ $\epsilon\iota\sigma\iota$ от $\tau\epsilon\tau\tau\epsilon\mu\omega$, $\mu\epsilon\mu\iota\gamma\mu\epsilon\upsilon\sigma\iota$ $\epsilon\iota\sigma\iota$ от $\mu\epsilon\iota\gamma\gamma\omega\mu\iota$, $\kappa\epsilon\chi\omega\rho\iota\sigma\mu\epsilon\upsilon\sigma\iota$ $\epsilon\iota\sigma\iota$ от $\chi\omega\rho\iota\zeta\omega$ и т. д. Приведем тип аттического спряжения на губной, заднеязычный и переднеязычный в аттическом диалекте (отметим 3-е лицо множественного числа и σ в $\kappa\epsilon\chi\omega\rho\iota\sigma\mu\alpha\iota$, $-\sigma\mu\epsilon\theta\alpha$, $-\sigma\mu\epsilon\upsilon\sigma\iota$ (ср. § 367):

$\tau\epsilon\tau\tau\alpha\mu\alpha\iota$	$\mu\epsilon\mu\iota\gamma\mu\alpha\iota$	$\kappa\epsilon\chi\omega\rho\iota\sigma\mu\alpha\iota$
$\tau\epsilon\tau\tau\alpha\phi\alpha\iota$	$\mu\epsilon\mu\iota\chi\alpha\iota$	$\kappa\epsilon\chi\omega\rho\iota\sigma\alpha\iota$
$\tau\epsilon\tau\tau\alpha\pi\tau\alpha\iota$	$\mu\epsilon\mu\iota\kappa\tau\alpha\iota$	$\kappa\epsilon\chi\omega\rho\iota\sigma\tau\alpha\iota$
$\tau\epsilon\tau\tau\alpha\mu\mu\epsilon\theta\alpha$	$\mu\epsilon\mu\iota\gamma\mu\epsilon\theta\alpha$	$\kappa\epsilon\chi\omega\rho\iota\sigma\mu\epsilon\theta\alpha$
$\tau\epsilon\tau\tau\alpha\phi\theta\epsilon$	$\mu\epsilon\mu\iota\chi\theta\epsilon$	$\kappa\epsilon\chi\omega\rho\iota\sigma\theta\epsilon$
$\tau\epsilon\tau\tau\alpha\mu\epsilon\upsilon\sigma\iota$ $\epsilon\iota\sigma\iota$	$\mu\epsilon\mu\iota\gamma\mu\epsilon\upsilon\sigma\iota$ $\epsilon\iota\sigma\iota$	$\kappa\epsilon\chi\omega\rho\iota\sigma\mu\epsilon\upsilon\sigma\iota$ $\epsilon\iota\sigma\iota$

Аттический диалект распространил описательные формы и на перфекты глаголов с корнями на ρ , γ , λ . Флексия в последних имеет следующий вид:

$\epsilon\sigma\tau\alpha\lambda\mu\alpha\iota$	$\epsilon\sigma\tau\alpha\rho\mu\alpha\iota$	$\pi\epsilon\psi\alpha\sigma\mu\alpha\iota$	$\pi\alpha\rho\acute{\omega}\xi\upsilon\mu\mu\alpha\iota$
$\epsilon\sigma\tau\alpha\lambda\sigma\alpha\iota$	$\epsilon\sigma\tau\alpha\rho\sigma\alpha\iota$	$[\pi\epsilon\psi\alpha\sigma\alpha\iota]$	$[\pi\alpha\rho\acute{\omega}\xi\upsilon\sigma\alpha\iota]$
$\epsilon\sigma\tau\alpha\lambda\alpha\iota$	$\epsilon\sigma\tau\alpha\rho\alpha\iota$	$\pi\epsilon\psi\alpha\sigma\tau\alpha\iota$	$\pi\alpha\rho\acute{\omega}\xi\upsilon\sigma\tau\alpha\iota$
$\epsilon\sigma\tau\alpha\lambda\mu\epsilon\theta\alpha$	$\epsilon\sigma\tau\alpha\rho\mu\epsilon\theta\alpha$	$\pi\epsilon\psi\alpha\sigma\mu\epsilon\theta\alpha$	$\pi\alpha\rho\acute{\omega}\xi\upsilon\mu\mu\epsilon\theta\alpha$
$\epsilon\sigma\tau\alpha\lambda\theta\epsilon$	$\epsilon\sigma\tau\alpha\rho\theta\epsilon$	$\pi\epsilon\psi\alpha\sigma\theta\epsilon$	$\pi\alpha\rho\acute{\omega}\xi\upsilon\sigma\theta\epsilon$
$\epsilon\sigma\tau\alpha\lambda\mu\epsilon\upsilon\sigma\iota$ $\epsilon\iota\sigma\iota$	$\epsilon\sigma\tau\alpha\rho\mu\epsilon\upsilon\sigma\iota$ $\epsilon\iota\sigma\iota$	$\pi\epsilon\psi\alpha\sigma\mu\epsilon\upsilon\sigma\iota$ $\epsilon\iota\sigma\iota$	$\pi\alpha\rho\acute{\omega}\xi\upsilon\mu\mu\epsilon\upsilon\sigma\iota$ $\epsilon\iota\sigma\iota$

¹ Окончание на $-\alpha\tau\alpha\iota$ засвидетельствовано только после одной переднеязычной, а именно, после δ : $*\pi\epsilon\tau\upsilon\delta\alpha\tau\alpha\iota$ не существует, есть только $\pi\epsilon\tau\upsilon\delta\mu\epsilon\upsilon\sigma\iota$ $\epsilon\iota\sigma\iota$.

Примечание. Отметим в основах на ν : 1) сохранение носового в формах 2-го л. мн. ч., где σ выпадает, и 2-го л. ед. ч. (где, впрочем, нет ни одного надежного примера); 2) различие между флексией $\tau\epsilon\phi\alpha\sigma\alpha\iota$ и $\tau\alpha\rho\acute{\alpha}\tau\epsilon\iota\sigma\alpha\iota$, причем первая перед окончаниями с μ содержит σ , не имеющее этимологического объяснения.

§ 228. Формы среднего залога 3-го л. мн. ч. на $-\chi\alpha\sigma\alpha\iota$, $-\chi\alpha\tau\alpha\iota$ (§ 225), хотя и исчезнувшие в аттическом диалекте, все же оказали решающее влияние на структуру перфекта действительного залога глаголов с корнями на губной и на заднеязычный. К V в. в греческом языке развился тип перфекта с новым значением. Древний перфект обозначал главным образом состояние субъекта (§ 209). Впоследствии, отпавляясь от оборотов вроде $\delta\sigma\alpha\ \epsilon\sigma\tau\epsilon$ „все, что у него сделано“, стали пользоваться перфектом для выражения результата уже не по отношению к субъекту, а по отношению к объекту. Так, Фукидид замечает аор. $\epsilon\gamma\gamma\alpha\phi\epsilon$ перфектом $\gamma\acute{\epsilon}\gamma\gamma\alpha\phi\epsilon$ там, где он хочет подчеркнуть результат: $\gamma\acute{\epsilon}\gamma\gamma\alpha\phi\epsilon\ \kappa\alpha\iota\ \tau\alpha\upsilon\tau\alpha\ \delta\ \alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\varsigma\ \theta\omicron\upsilon\lambda\omega\delta\acute{\iota}\delta\eta\varsigma\ \Lambda\theta\eta\eta\alpha\iota\omicron\varsigma$ (V, 26). На древние перфекты действительного залога со значением настоящего времени и переходным, как, например, $\delta\acute{\epsilon}\delta\omicron\rho\chi\alpha$ „у меня открыты глаза“, $\mu\acute{\epsilon}\mu\eta\nu\alpha$ „у меня помутившийся ум“, $\tau\acute{\epsilon}\tau\rho\omicron\phi\epsilon$ „образовал сгусток“ от $\tau\rho\acute{\epsilon}\phi\omega$ в одном примере у Гомера (ф 237 $\pi\omicron\lambda\lambda\acute{\eta}\ \pi\epsilon\rho\acute{\iota}\ \chi\rho\acute{\omicron}\tau\ \tau\acute{\epsilon}\tau\rho\omicron\phi\epsilon\nu\ \delta\lambda\mu\eta$) насаивается новая категория переходных и результативных перфектов.

§ 229. В глаголах с корнями, оканчивающимися на губной или заднеязычный, была использована основа на придыхательный, заимствованная у перфекта среднего залога¹. Комики и ораторы употребляют много перфектов этого типа. Некоторые из этих перфектов содержат нулевую ступень, как и перфект страдательного залога, от которого они образованы: $\tau\acute{\epsilon}\tau\alpha\chi\alpha$ от $\tau\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega$ (ср. $\tau\epsilon\tau\acute{\alpha}\chi\alpha\tau\alpha\iota$), $\tilde{\eta}\chi\alpha$ от $\tilde{\alpha}\gamma\omega$, $\delta\acute{\epsilon}\delta\omicron\omega\chi\alpha$ от $\delta\acute{\iota}\omega\chi\omega$, $\delta\acute{\epsilon}\delta\epsilon\iota\chi\alpha$ от $\delta\epsilon\acute{\iota}\chi\kappa\upsilon\mu\iota$, $\delta\epsilon\delta\acute{\iota}\delta\alpha\chi\alpha$ от $\delta\acute{\iota}\delta\acute{\alpha}\sigma\kappa\omega$, $\kappa\epsilon\chi\acute{\iota}\rho\upsilon\chi\alpha$ от $\kappa\eta\rho\acute{\upsilon}\sigma\omega$, $\pi\epsilon\phi\acute{\upsilon}\lambda\alpha\chi\alpha$ от $\varphi\upsilon\lambda\acute{\alpha}\sigma\omega$, $\tau\acute{\epsilon}\tau\rho\alpha\phi\alpha$ (Демосфен XVIII, 296) от $\tau\rho\acute{\epsilon}\phi\omega$ (ср. $\tau\epsilon\tau\rho\acute{\alpha}\phi\alpha\tau\alpha\iota$), $\tau\acute{\epsilon}\tau\rho\acute{\iota}\phi\alpha$ от $\tau\rho\acute{\iota}\phi\omega$, $\alpha\lambda\lambda\acute{\eta}\lambda\iota\phi\alpha$ от $\alpha\lambda\epsilon\acute{\iota}\phi\omega$, $\beta\acute{\epsilon}\beta\lambda\alpha\phi\alpha$ от $\beta\lambda\acute{\alpha}\pi\tau\omega$ и т. д.

У некоторых глаголов, под влиянием древних перфектов типа $\lambda\acute{\epsilon}\lambda\omicron\iota\pi\alpha$, перфекты с придыхательным получили огласовку о: $\tau\acute{\epsilon}\tau\rho\omicron\phi\alpha$ от $\tau\rho\acute{\epsilon}\phi\omega$ (Софокл, Trach. 1008;

Андокид I, 131) является, повидимому, более древней формой, чем $\tau\acute{\epsilon}\tau\rho\alpha\phi\alpha$, но она была неудобна, поскольку ее можно было смешать с $\tau\acute{\epsilon}\tau\rho\omicron\phi\alpha$, перфектом от $\tau\rho\acute{\epsilon}\phi\omega$ (Софокл, Oed. Col. 186); кроме того, мы имеем $\tau\acute{\epsilon}\tau\rho\omicron\mu\phi\alpha$ от $\mu\acute{\epsilon}\mu\tau\omega$, $\kappa\acute{\epsilon}\kappa\lambda\omicron\phi\alpha$ от $\kappa\acute{\lambda}\epsilon\mu\omega$, $\pi\acute{\epsilon}\pi\lambda\omicron\phi\alpha$ от $\pi\acute{\lambda}\epsilon\mu\omega$ и т. д. Вторичный характер этого перфекта ясно показывает форма $\tau\acute{\epsilon}\tau\rho\alpha\chi\alpha$ (Ксенофонт, Hell. V, 2, 32 $\tau\alpha\upsilon\tau\alpha\ \epsilon\pi\epsilon\tau\rho\acute{\alpha}\chi\epsilon\iota$ „такие меры он принял“), противостоящая древнему переходному перф. $\tau\acute{\epsilon}\tau\rho\alpha\gamma\alpha$ (Аристофан, Plut. 629 $\acute{\omicron}\varsigma\ \mu\alpha\chi\alpha\rho\acute{\iota}\omega\varsigma\ \tau\acute{\epsilon}\tau\rho\acute{\alpha}\gamma\alpha\tau\epsilon$ „как вы удачливы“).

Примечание. Образованный от корня аориста $\tilde{\eta}\gamma\epsilon\chi\omega$ перфект среднего залога $\acute{\epsilon}\tilde{\eta}\gamma\epsilon\chi\alpha\iota$ является древним; действительный залог $\acute{\epsilon}\tilde{\eta}\gamma\epsilon\chi\alpha$ (Исократ VI, 60 и др.) произведен от $\acute{\epsilon}\tilde{\eta}\gamma\epsilon\chi\alpha\iota$ по типу перфектов с придыхательным и огласовкой о. По образцу $\acute{\epsilon}\tilde{\eta}\gamma\epsilon\chi\alpha$ в дорийском диалекте была создана форма $\acute{\alpha}\tilde{\gamma}\acute{\alpha}\gamma\omicron\chi\alpha$ от $\acute{\alpha}\gamma\omega$ (§ 212).

§ 230. Перфект на $-\chi\alpha$ развился преимущественно как перфект результативный (относительно происхождения этого перфекта см. § 224). Огласовка в $\delta\acute{\epsilon}\delta\omega\chi\alpha$, $\pi\acute{\epsilon}\pi\omega\chi\alpha$ отличается от огласовки в $\delta\acute{\epsilon}\delta\omicron\rho\alpha\iota$, $\pi\acute{\epsilon}\pi\omicron\alpha\iota$, но чаще эта огласовка в действительном залоге взята из среднего залога: по образцу $\epsilon\acute{\iota}\mu\alpha\iota$ от $\epsilon\acute{\iota}\mu\iota$ — $\acute{\alpha}\phi\epsilon\acute{\iota}\chi\alpha$ (Ксенофонт, Anab. II, 3, 13), по образцу $\tau\acute{\epsilon}\theta\epsilon\iota\mu\alpha\iota$ ¹ — $\tau\acute{\epsilon}\theta\epsilon\iota\chi\alpha$ (Еврипид, El. 7)²; от $\delta\acute{\epsilon}\omega$ „связывать“ по образцу $\delta\acute{\epsilon}\delta\epsilon\mu\alpha\iota$ — $\delta\acute{\epsilon}\delta\epsilon\chi\alpha$. В более позднее время от $\epsilon\sigma\tau\alpha\mu\alpha\iota$ было образовано переходное $\epsilon\sigma\tau\alpha\chi\alpha$, отличное от $\epsilon\sigma\tau\eta\chi\alpha$ (Гиперид, Euxeniprus 28; Псевдо-Платон, Axiosch. 370 d). От корней иной структуры мы находим: $\acute{\epsilon}\delta\acute{\eta}\delta\omicron\chi\alpha$, образованное от $\acute{\epsilon}\delta\acute{\eta}\delta\omicron\alpha\iota$, $\kappa\acute{\epsilon}\kappa\lambda\iota\chi\alpha$, $\tau\acute{\epsilon}\delta\upsilon\chi\alpha$, $\lambda\acute{\epsilon}\lambda\upsilon\chi\alpha$, $\kappa\acute{\epsilon}\chi\upsilon\chi\alpha$ (Менандр 781 K).

Хорошие примеры дают корни на λ , ν , ρ : $\epsilon\sigma\tau\alpha\lambda\chi\alpha$ по образцу $\epsilon\sigma\tau\alpha\lambda\mu\alpha\iota$; $\delta\acute{\iota}\epsilon\phi\theta\alpha\rho\chi\alpha$ (Еврипид, Med. 226) — форма, вытесняющая форму $\delta\acute{\iota}\epsilon\phi\theta\omicron\rho\alpha$ (Софокл, El. 306), — от $\epsilon\phi\theta\alpha\rho\mu\alpha\iota$; $\tau\acute{\epsilon}\tau\alpha\chi\alpha$ от $\tau\acute{\epsilon}\tau\alpha\alpha\iota$; $\acute{\alpha}\pi\acute{\epsilon}\chi\tau\alpha\chi\alpha$ (Менандр 344 K), вытеснившее более древнюю форму $\acute{\alpha}\pi\acute{\epsilon}\kappa\tau\omega\alpha$; $\pi\acute{\epsilon}\rho\alpha\gamma\chi\alpha$ (Динарх I, 15) от $\pi\acute{\epsilon}\rho\alpha\sigma\alpha\mu\alpha\iota$ и $\varphi\alpha\acute{\iota}\nu\omega$. От двусложных корней: $\acute{\omicron}\mu\omega\mu\omicron\chi\alpha$, $\acute{\epsilon}\lambda\acute{\eta}\lambda\alpha\chi\alpha$ от $\acute{\omicron}\mu\omega\mu\omicron\alpha\iota$, $\acute{\epsilon}\lambda\acute{\eta}\lambda\alpha\mu\alpha\iota$; $\acute{\alpha}\pi\omicron\lambda\omega\lambda\epsilon\chi\alpha$ (ср. $\acute{\omega}\lambda\epsilon\sigma\alpha$) имеет переходное значение в отличие от $\acute{\delta}\lambda\omega\lambda\alpha$.

¹ Отметим, что древние перфекты, например $\lambda\acute{\epsilon}\lambda\omicron\iota\pi\alpha$, $\tau\acute{\epsilon}\tau\eta\chi\alpha$, иногда не получали придыхательного.

¹ Которое и само также является аналогической формой (см. § 221). — Прим. перев.

² Существует, однако, и форма $\tau\acute{\epsilon}\theta\eta\chi\alpha$ (I. G. II², 2490).

Примечания: 1. Если окончание *-ха* присоединялось к основе глаголов на *-ζω*, то переднеязычный исчезал бесследно: *ῥάριζα* от *ἀρανίζω*, *λελάττω* от *λατίζω*, *ῥήπιχα* от *ἐπιζω*, *ἐξήταχα* от *ἐξετάζω*.

2. В дорийском диалекте на суффикс *-ха* в некоторых случаях распространилось придыхание от *τέταχα* и т. п.: сиракуз. *ἐκἐκράτρηχες* (Софрон 106) — от *κράτρηζω*; арг. *δέδωχε* и в койнэ *ἐῖρηχα* (Швицер, стр. 772).

§ 231. В конце эволюции перфекта в новоаттическом диалекте самостоятельная основа перфекта, которой обладал индоевропейский язык, была окончательно включена в спряжение: в спряжении *λῶ* активный и результативный перфект *λέλωχα* противостоит страдательному *λέλωμαι*. Однако при этом перфект потерял свое своеобразие. Он постепенно превратился в одно из прошедших времен и приблизился к аористу, став его экспрессивной заменой, так что мог употребляться параллельно с ним: *οὐκ ἐλάττω λόγον τὰλλα διεξίὼν ἀνθρώπου καὶ τὰ πλείεστα κατεφύεσθαι μου* (Демосфен, XVIII, 9).

Эта эволюция перфекта привела к его отмиранию. Так, в Новом завете перфект употребляется уже реже, чем в аттическом диалекте, причем самое спряжение его изменилось. Перфекты со значением настоящего времени становятся редкостью и имеют тенденцию перейти в систему настоящего времени: *ῥηγγόρεῖν* (Матфей XXIV, 42 и др.) — образование от *ἐρρήγορε*, плюсквамперф. *ἐρρήγορεи*; *στήχω* (Марк XI, 25 и др.), образованное от *ἑστήχα* и продолжающее существовать в новогреческом языке в форме *στέχω*. В других случаях результативные перфекты со значением прошедшего получили вторичные окончания: *ἔβραχαν* (Лука IX, 36), *ἔγυωχαν* (Иоанн XVII, 7). Таким образом, перфект перестал отличаться от аориста и был обречен на исчезновение. В новогреческом языке мы находим, с одной стороны, причастие на *-μένος*, *γραμμένος* „написанный“, *πεθαιμένος* „умерший“, с другой — в действительном залоге такую форму, как *βρήχα* „я нашел“, которая является продолжением др.-греч. *εὔρηχα*, но играет роль аориста. Греческий язык создал себе сложный перфект, сходный с французским составным прошедшим временем и образуемый с помощью перфектного причастия: *ἔχω δεμέω*. Однако более обычной является форма типа *ἔχω φέρεи* „я понес“, где *φέρεи* — именная основа, образованная от аориста.

Примечание. Уже в древнегреческом языке обнаруживалось стремление подчеркивать экспрессивное значение перфекта путем употребления описательных форм (*тетрациμένοι εἰσι*; § 227). Известны модальные формы типа *εἴη τεταπικώς* (Геродот III, 119), *ἀραρηγότες ἦεν* (Геродот IV, 66). В языке трагиков, особенно у Софокла, употреблялось причастие аориста с глаголом *ἔχει*: *λέξαντ' ἔχει* (Софокл, Oed. Rex 731)¹. Первый пример такой перифразы находим у Гесиода (Op. et d. 42); в прозе она встречается редко (Фукидид I, 68; Геродот I, 27). В действительности, однако, эта попытка получила лишь очень ограниченное развитие.

§ 232. В связи с тем, что перфект первоначально выражал собой вид, а не время, греческий язык имел тенденцию выражать в пределах форм, образуемых от основы перфекта, различие между настоящим, будущим и прошедшим временем (относительно будущего см. § 300). В качестве прошедшего времени плюсквамперфект среднего залога строго параллелен перфекту среднего залога, но имеет вторичные окончания: гомер. *εἴμαρτο*, *βέβλητο* и др.

Плюсквамперфект действительного залога представляет больше трудностей. Эпический язык дает во множественном и двойственном числе некоторые атематические формы, аналогичные формам перфекта: *ἐπέπιδμεν* от *πέποιθα* (В 341), *γεγάτην* (χ 138) от *γέγονα*; в 3-м л. мн. ч. с окончанием *-σαν*: *ἔστασαν* (В 177) от *ἔστηχα*, *μέμασαν* (В 863) от *μέμονα*, *ἴσαν* (Σ 405) от *οἶδα*, ср. *ἴσασι*. В аттическом диалекте сохранилось несколько форм этого типа: *ἐπέπιδμεν* (Андокид I, 59), *ἔσταμεν*, *ἔστατε*, *ἔστασαν*, составляющие обычную норму; наконец, в прошедшем времени от *οἶδα* — *ἤϊσμεν* (Аристофан 149 K), *ἤϊστε* (Софокл, отр. 340, Пирсон), *ἤϊσαν* (Еврипид, Сусл. 231) были, повидимому, обычными; кроме того, в двойственном числе единственные засвидетельствованные формы — *ἤϊστον* и *ἤϊστην*.

Как правило, однако, основа плюсквамперфекта имеет расширение *η* или *ε*:

<i>ἤϊδη</i>	новоаттический диалект	{	<i>ἤϊδεν</i>
<i>ἤϊδησθα</i>			<i>ἤϊδεиς</i>
<i>ἤϊδη</i>			<i>ἤϊдеи</i>
<i>ἤϊδεμεν</i>	позднегреческий язык	{	<i>ἤϊδεиμεν</i>
<i>ἤϊдете</i>			<i>ἤϊдеиτε</i>
<i>ἤϊδεσαν</i>			<i>ἤϊдеиσαν</i>

¹ В этом сочетании *ἔχει* имеет непереходное значение („находиться в каком-либо состоянии“). Ср. Sophokles Electra, ekl. v. G. Kaibel, прим. к ст. 590. — Прим. перев.

3-е л. ед. ч. у Гомера — $\eta\delta\eta$, древнейшей формой основы является $\epsilon\delta\eta$ - (ср. буд. вр. $\epsilon\delta\eta\sigma\omega$). Во 2-м л. ед. ч. древней является форма $\eta\delta\eta\sigma\theta\alpha$ (т. 93; Софокл, Ant. 447); кроме того, у Гомера есть также форма $\eta\epsilon\delta\eta\varsigma$ (X 280; относительно приращения см. § 356). В 1-м л. ед. ч. гомеровская форма $\eta\delta\epsilon\alpha$ (Ξ 71; Геродот II, 150), где $-\alpha$ представляет собой вокализированное вторичное окончание $-\eta$, а ϵ может быть сокращением η перед $-\alpha$; аттич. $\eta\delta\eta$ основано на слиянии $-\epsilon\alpha$.

Во множественном числе аналогия форм с чередованием гласных была причиной создания в ионийско-аттическом диалекте форм $\eta\delta\epsilon\mu\epsilon\nu$ (засвидетельствована слабо, введена как исправление формы $\eta\delta\epsilon\mu\epsilon\nu$ у Софокла, Oed. R. 1232), $\eta\delta\epsilon\tau\epsilon$ (Еврипид, Bacch. 1345), $\eta\delta\epsilon\sigma\alpha\nu$ (Геродот VII, 175 и др.). Далее, аналогия привела к созданию в 3-м л. ед. ч. формы $\eta\delta\epsilon\epsilon$ (В 409; Геродот II, 100), откуда аттическая форма 3-го л. ед. ч. $\eta\delta\epsilon\iota$, которая является обычной, затем — в новоаттическом — 1-е л. ед. ч. $\eta\delta\epsilon\iota\nu$ (Демосфен XVIII, 66), 2-е л. ед. ч. $\eta\delta\epsilon\iota\varsigma$ (Аристофан, Thesm. 554). Наконец на множественное число была распространена основа $\eta\delta\epsilon\iota$ — $\eta\delta\epsilon\mu\epsilon\nu$ (Эсхин III, 82), $\eta\delta\epsilon\tau\epsilon$ (Демосфен LV, 9), $\eta\delta\epsilon\sigma\alpha\nu$ (Септуагинта, Gen. XLII, 23). Эта флексия на $\epsilon\iota$ и засвидетельствована в Новом завете.

Аттические плюсквамперфекты спрягаются по следующему образцу: $\epsilon\lambda\epsilon\lambda\acute{o}\chi\eta$ ($-\epsilon\iota\nu$), $-\eta\varsigma$ ($-\epsilon\iota\varsigma$), $-\epsilon\iota$, $-\epsilon\mu\epsilon\nu$ ($-\epsilon\iota\mu\epsilon\nu$), $-\epsilon\tau\epsilon$ ($-\epsilon\iota\tau\epsilon$), $-\epsilon\sigma\alpha\nu$ ($-\epsilon\iota\sigma\alpha\nu$).

Примечание. У Гомера находим несколько изолированных примеров плюсквамперфектов, образованных при помощи тематического гласного ϵ/o наподобие $\epsilon\lambda\epsilon\iota\pi\omicron\nu$; например, $\epsilon\rho\epsilon\mu\acute{\epsilon}\lambda\chi\omicron\nu$ (т. 439).

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

§ 233. Основы настоящего времени могут иметь в греческом языке весьма разнообразную структуру. Большая часть индоевропейских типов продолжает существовать и в греческом языке, по крайней мере в виде следов. Некоторые из основ — корневые, т. е. элементы флексии непосредственно присоединяются к корню; другие — суффиксальные, т. е. к корню добавляется формирующий элемент, свойственный настоящему времени и характеризующий последнее в противоположность другим основам. Отдельные основы имеют удвоение. При этом суще-

ствуют два совершенно различных типа спряжения: спряжение атематическое, где окончания $-\mu\iota$, $-\sigma\iota$, $-\tau\iota$ и т. д. присоединяются к основе без каких бы то ни было промежуточных элементов и где гласный допускает принципиально чередование полной ступени и ступени редуцированной; и спряжение тематическое, в котором между корнем и окончанием находится тематический гласный ϵ/o (ср. $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$ в именной системе). В общем была тенденция заменить атематическую флексию флексией тематической, например форму $\delta\epsilon\iota\chi\nu\mu\iota$ формой $\delta\epsilon\iota\chi\nu\acute{o}$.

Таким образом, не все типы настоящего времени являются одинаково древними. Некоторые из них могли произойти от аористов, например $\delta\epsilon\iota\chi\nu\mu\iota$ от $\epsilon\delta\epsilon\iota\chi\alpha$, $\sigma\tau\upsilon\gamma\acute{\epsilon}\omega$ от $\epsilon\sigma\tau\upsilon\gamma\omicron\nu$, а иногда также и от других основ, например $\delta\eta\lambda\acute{o}\omega$ от $\delta\eta\lambda\omega\tau\acute{\epsilon}\varsigma$. Настоящее время не следует считать центром древней глагольной системы. Но спряжение производных глаголов — $\phi\iota\lambda\acute{\iota}\sigma\omega$, $\epsilon\phi\acute{\iota}\lambda\eta\sigma\alpha$, $\pi\epsilon\phi\acute{\iota}\lambda\eta\chi\alpha$, $\epsilon\phi\acute{\iota}\lambda\eta\theta\eta\nu$, $\pi\epsilon\phi\acute{\iota}\lambda\eta\mu\alpha$ — является вторичным образованием, имеющим своей отправной точкой настоящее время типа $\phi\iota\lambda\acute{\epsilon}\omega$.

Корневое атематическое настоящее время без удвоения

§ 234. Этот тип является пережитком и включает в себе только резко аномальные глаголы, относящиеся обычно к числу наиболее употребительных. Легче всего поддается истолкованию $\epsilon\iota\mu$ „я иду“. Чередование гласных ясно видно в изъявительном наклонении — ед. ч. $*\epsilon\iota$, во мн. и дв. ч. i — $\epsilon\iota\mu$, $\epsilon\acute{\iota}$ (из $*\epsilon\iota$ - $\sigma\iota$), $\epsilon\acute{\iota}\sigma\iota$ (из $*\epsilon\iota$ - $\tau\iota$), $\acute{\iota}\mu\epsilon\nu$, $\acute{\iota}\tau\epsilon$, $\acute{\iota}\alpha\sigma\iota$ (§ 351), $\acute{\iota}\tau\omicron\nu$.

Соответствующий имперфект имеет в аттическом диалекте более сложную структуру:

Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
$\eta\acute{\iota}\alpha$, новоаттич. $\eta\acute{\iota}\epsilon\iota\nu$	$\eta\acute{\iota}\mu\epsilon\nu$, койнэ $\eta\acute{\iota}\epsilon\iota\mu\epsilon\nu$	
$\eta\acute{\iota}\epsilon\iota\sigma\theta\alpha$, новоаттич. $\eta\acute{\iota}\epsilon\iota\varsigma$	$\eta\acute{\iota}\tau\epsilon$, койнэ $\eta\acute{\iota}\epsilon\iota\tau\epsilon$	$\eta\acute{\iota}\tau\omicron\nu$
$\eta\acute{\iota}\epsilon\iota$	$\eta\acute{\iota}\sigma\alpha\nu$ и $\eta\acute{\iota}\epsilon\sigma\alpha\nu$	$\eta\acute{\iota}\tau\eta\nu$

Аттические формы становятся понятными только при сопоставлении с гомеровскими; нулевая ступень засвидетельствована в дв. ч. $\acute{\iota}\tau\eta\nu$ (A 347) и 3-м л. мн. ч. $\acute{\iota}\sigma\alpha\nu$ (A 494). Приращение ϵ (§ 356) появляется в 1-м л. ед. ч.

ῥῖα (где -α представляет собой окончание *-π) и в 3-м л. мн. ч. ῥῖσαν, которым точно соответствуют аттические формы.

Другое 3-е л. мн. ч. ῥῖον (φ 370, ω 501), восходящее к *ē-i-ont (относительно окончания см. § 352), послужило отправным пунктом для возникновения тематической флексии ῥῖε (Λ 47), ῖε (Γ 383), ῥῖμεν (ж 251).

В аттическом диалекте формы ῥῖα, ῥῖμεν, ῥῖτε, ῥῖσαν ясны. Под влиянием ῥῖδε (отметим омонимию ῥῖσαν „они знали“ и ῥῖσαν „они шли“) этот имперфект перешел во флексию плюсквамперфекта.

В аттическом диалекте εἶμι употребляется как будущее время. В ионийском диалекте и в койнэ буд. вр. εἶμι заменено формой ἐλεύσμαι, а имперфект ῥῖα — формой ῥῥήμι.

Наклонения построены на нулевой ступени основы: ἴμι, ἴω, ἴσμι, ἰέναι, ἴων.

§ 235. Глагол εἶμι „я есмь“ имеет более сложную структуру. Корень ед. ч. *es- чередовался в индоевропейском языке с нулевой ступенью *s- во множественном числе (санскр. smaḥ, лат. sumus).

В греческом языке корень ясно виден в 3-м л. ед. ч. ἐστί¹; 1-е л. εἶμι (эол. εἶμι, дор. ῥῖμι) происходит из *es-mi, 2-е л. εἶ происходит из *esi (ср. санскр. asi), поскольку двойное s в *es-si упростилось уже в индоевропейском языке; однако позднее была восстановлена форма ἐσσί, засвидетельствованная у Гомера и в западногреческих диалектах (Софрон 134; Пиндар, Ol. VI, 90); ионийский диалект создал на основе εἶ с помощью вторичного окончания с форму εἶς (ρ 388, Геродот).

Множественное число подверглось более серьезным изменениям. В 3-м лице дор. εὐτί (Пиндар, Nem. I, 24; Феокрит XI, 45), ион.-аттич. εἰσί может быть возведено к *s-enti (с окончанием, имеющим огласовку е; ср. оск. sent); *heuti по аналогии с εἶμι перешло в εὐτι; в конце концов создалось впечатление, что форма содержит в себе корневое е (относительно εἶσι см. § 351). По образцу εἶμι, ἐστί 1-е и 2-е лицо мн. ч. имеют ступень е: 2-е л. ἐστέ; 1-е л. — ион. εἰμέν, дор. ῥμεν, аттич. ἐσμέν, возникшее по аналогии с ἐστέ. Дв. ч. ἐστέ.

¹ С ортотонической формой ἐσσι.—Прим. перев.

Примечания: 1. Дорийский диалект иногда употребляет εὐти как 3-е л. ед. ч. (Родос, Швицер 284; Феокрит I, 17 и др.), ср. ῥν в ионийско-аттическом.

2. Относительно ударения в εἶμι см. Vendryes, Traité d'accentuation grecque, стр. 108 и 115.

§ 236. Аттическое спряжение имперфекта:

Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
ῥῖ (староаттич.)	ῥῖμεν	
ῥῖν (новоаттич.)		
ῥῖσθα	ῥῖτε	ῥῖστων
ῥῖν	ῥῖσαν	ῥῖστων

За основу следует принять *es-; 1-е л. ед. ч. ῖ является слиянием из гомер. ῖα (Ε 808), которое объясняется как *es-π. Но эта форма казалась недостаточно охарактеризованной, и к ней было добавлено вторичное окончание -ν. 2-е лицо имело окончание -θα; в позднее время была создана форма ῖς (Псевдо-Платон, Axioch. 365 d; Новый завет; Септуагинта).

Во множественном числе форма 1-го л. ῥῖμεν объясняется фонетически. 2-е л. ῖτε возникло по аналогии с ῥῖμεν (фонетически закономерная форма ῖτε — Платон, Symp. 176 a; Аристофан, Pax 821). 3-е лицо имеет у Гомера и в ионийско-аттическом диалекте типичное ионийское окончание -σαν, но дорийский диалект, повидимому, использовал форму ῖν из *es-ent (Эпихарм 46; Дельфы, Швицер 326, В 30).

Самым неясным является 3-е л. ед. ч. Дорийские и эолийские диалекты дают ожидаемую форму ῖς из *est (Эпихарм 102; Феокрит II, 90; Дельфы, Швицер 326, В 38; Алкей 26 D). Но эта форма, отличавшаяся от всех известных форм 3-го л. ед. ч. и создававшая возможность смешения с формой 2-го лица, была устранена в ионийско-аттическом диалекте. Ее заменила у Гомера форма 3-го л. мн. ч. ῖεν из *es-ent (Λ 381 и др.). Употребление этой формы в качестве 3-го л. ед. ч. могло начаться с таких фраз, как ἐνθα μάλιστα μάχη καὶ φόβος ῖεν (N 789) или ἃ δὲ τελεσμένα ῖεν (Σ 4). Слитная форма ῖν, засвидетельствованная у Гомера, является единственной формой, употребительной в ионийско-аттическом диалекте. В эпическом языке имеются две другие формы — ἔην (В 217 и др.) и реже — ῖην (Λ 808, ω 343). Перед согласным пер-

вая могла бы означать **es-* с корнем в краткой ступени, но она встречается и перед гласным. У Гомера и Геродота имеется несколько форм с кратким начальным гласным: 1-е л. ед. ч. *ἔα* из *ἦα*, повидимому, в результате перестановки количества (Δ 321; Геродот II, 19), 3-е л. мн. ч. *ἔαυ* (Α 267). У Геродота от *ἔα* были произведены 2-е л. ед. ч. *ἔας* (I, 187), 2-е л. мн. ч. *ἔατε* (IV, 119). У Гомера есть тематическая форма 1-го л. *ἔω* (Α 762, Ψ 643).

Формы наклонений и именные формы. Повел. накл. *ἔσθι*, *ἔστω* см. § 314. В сослагательном наклонении *ἔω* и т. д. основывается на корне **es-*, но аттич. *ῶ*, *ῆς*, *ῆι* предполагают корень с нулевой ступенью **s-* и утратой придыхания¹; относительно желат. накл. *εἴη* см. § 310. Об инфинитиве *εἶναι* см. § 325. В причастии различие между гомер. *ῥῶν* и аттич. *ῶν* объясняется так же, как и различие в сослагательном наклонении.

§ 237. Примечание. В новогреческом языке спряжение глагола *εἶμι* подверглось глубокому изменению. В настоящем времени 3-е л. ед. и мн. ч. *εἶναι* происходит, повидимому, от *ἔνι* (частица, эквивалентная *ἔνεστι*, часто встречающаяся в койнэ). С другой стороны, глагол перешел в средний залог. У Гомера есть повел. накл. *ἔβω* (α 302 = γ 200); в имперфекте находим *ῆμι* в рукописях Лисия (VII, 34) и Ксенофонта (Сугор. VI, 1, 9). Этот имперфект среднего залога хорошо засвидетельствован в Септуагинте и в Новом завете (Матфей XXIII, 30). В настоящем времени новогреческая форма *εἶναι* появляется в IV в. н. э.

§ 238. *Φημί* (дор. *φᾶμι*), *φῆς*, *φησί*, *φάμεν*, *φάτε*, *φᾶσι* дает закономерное чередование гласных (корень **bhā-*, ср. лат. *fāri*). Относительно 2-го л. ед. ч. *φῆς* см. § 343. Относительно ударения см. Vendryes, *Traité d'accentuation*, стр. 115. Чередование наблюдается также в имперф. *ἔφην*, *ἔφαμεν*. Флексия среднего залога играла большую роль в спряжении этого глагола у Гомера: *φάτο* (Α 188 и др.), *φάμευς* (Ε 290 и др.); на основании *φημί* были образованы буд. вр. *φήσω* и аор. *ἔφησα*. В настоящем времени с этой основой конкурировала производная основа *φάσχω*.

¹ Проще и правдоподобнее объясняются аттические формы как результат слияния гласных в формах *ἔω*, *ἔης* и т. д. Следует отметить в конъюнктиве этого глагола отступление от атематического типа; формы с кратким тематическим гласным нигде не засвидетельствованы (§ 304). — *Прим. перев.*

§ 239. С *φημί* сближалось *ῆμι* „я говорю“ (Аристофан, *Nub.* 1145), 3-е л. ед. ч. *ῆσι* (Гермипп I K). Имперфект в аттическом диалекте: *ῆν* ὃ *ἔϋω*, *ῆ* ὃ *ἔς*. Самой древней формой является 3-е л. ед. ч. имперф. *ῆ*, встречающееся у Гомера (Α 219). Предполагают, что она произведена от заднеязычной основы **h₂et* (ср. лат. *aiō*, *adāgium*). На основании *ῆ* были образованы некоторые другие формы по типу *φημί*.

§ 240. Два распространенных средних атематических глагола имеют точное соответствие в индоиранском языке; это — *κεῖται* „он лежит“, ср. санскр. *śete* (относительно 3-го л. мн. ч. см. § 354; относительно сослагательного наклонения — § 304, 305), и гомер. *ῆσται* „он сидит“, санскр. *āste*. Этот глагол (корень **es-*) в древнее время спрягался по типу гомер. *ῆσται*, *ῆσθε*, но *ῆμαι*, *ῆμεθα* с выпадением *σ* перед *μ*, 3-е л. мн. ч. гомер. *ῆταται*. По аналогии с *ῆμαι* были образованы формы *ῆται*, *ῆταται*, которые обычно употребляются в аттическом диалекте в составном глаголе *καθῆμαι*. Начальное придыхание, возможно, является результатом предварения придыхания, которое могло возникнуть в *ῆμαι* из **ῆσμαι*, **ῆημαι*; возможно также, что оно появилось по аналогии с *ἔζομαι*.

Эти две основы настоящего времени не имеют чередования гласных.

Греческий язык сохранил также атематические формы настоящего времени среднего залога, происходящие от двусложных корней без чередования: *ἀγᾶμαι*, гомер. и ион. *ἔραμαι*, *ῥεράμαι*, *πέταμαι* „летать“ (Пиндар, *Pyth.* VIII, 90; Нем. VI, 48), гомер. *διεμαι*, гомер. (ф) *ἱεμαι* „я устремляюсь“ (θ 301), которое первоначально отличалось от *ἱεμαι* (Δ 77), среднего залога от *ῆμι*.

Эти архаические глаголы мало употребительны; те же из них, которые образованы от употребительных корней, вытеснялись другими образованиями (ср. *ἐράω* вместо *ἔραμαι*).

§ 241. В качестве пережитков язык сохранил несколько форм атематического настоящего времени действительного и среднего залога. Сюда относятся: инф. *ἀῖμεναι* „дуть“; — инф. *ἔδμεναι* „есть“ (Δ 345), ср. лат. *esse* „есть“, однако в соответствии с прич. *ἔδων* (§ 334) и 3-м л. мн. ч.

ἐδούσι (§ 351) было создано 3-е л. ед. ч. тематического наст. вр. ἔδει (O 636); — δύσσαι „ты порицаешь“ (ρ 378); — ῥύσται „они спасают“ (Σ 515), ἐρύσται (ε 484) наряду с ῥύσται и ἐρύσται; — δέχεται „они получают“ (M 147) представляет собой атематическую форму 3-го л. мн. ч. от *δέχμαι, причем придыхание появилось здесь под влиянием 2-го л. мн. ч. δέχθε и инф. δέχθαι (A 23); существуют и тематические формы — ион. δέχομαι, где появляется исконная форма корня, и аттич. δέχομαι, в котором аспирата происходит от δέχεται; δέχο (B 420), δέχμενος относится, таким образом, к основе настоящего времени. Таким же образом и аор. γέντο и λέκτο (§ 183) могут представлять собой древние основы настоящего времени, употребляемые в качестве аористов.

Прич. κτίζεω (B 501) является атематической формой, существующей наряду с κτίζω; — также и инф. ἀμείναι „насыщать(ся)“ (Φ 70) наряду с ἄω.

От корня *цес- (ср. лат. vestis, греч. εἶμα) греческий язык унаследовал атематическое настоящее время, соответствующее санскр. vaste: гомер. εἶμαι (τ 72), ἔσαι (ω 250); однако прич. εἰμένος (A 149 и др.), с ударением на предпоследнем слоге, доказывает, что основа эта рассматривалась как перфект. Относительно атематической флексии слитных глаголов см. § 291.

Атематические формы настоящего времени с удвоением

§ 242. В греческом языке существуют четыре весьма употребительные атематические основы настоящего времени с удвоением: δίδωμι (санскр. dadāmi; ср. лат. dō); τίθημι (санскр. dadhāmi, ср. лат. faciō); ἵημι, восходящее к *ji-je-mi (корень лат. iaciō); ἵστημι (дор. ἵστᾱμι), которому за пределами греческого языка соответствуют тематические формы, как лат. sistō. В отличие от индоиранского удвоения на е греческий язык имеет удвоение на ι.

Эти основы настоящего времени имеют одинаковое спряжение, представляющееся, с точки зрения греческого языка, аномальным. Мы встречаем здесь закономерное чередование гласных, с нулевой ступенью (которая пред-

ставлена в этого рода корнях кратким гласным) в двойственном и множественном числе действительного залога и во всех формах среднего залога: δίδωμι, δίδομαι, δίδομαι; τίθημι, τίθεμαι, τίθεμαι; ἵημι, ἵεμαι, ἵεμαι; ἵστημι (дор. ἵστᾱμι), ἵσταμαι, ἵσταμαι. В имперфекте глагол ἵστημι закономерно противопоставляет 1-е л. ед. ч. ἵστη формам 1-го л. мн. ч. ἵσταμεν и 1-му л. ед. ч. среднего залога ἵσταν, но у других глаголов долгая ступень может быть представлена дифтонгом: мы имеем, с одной стороны, ἐτίθη, ἐτίθει, ἐτίθει, ἵη, ἵεις, ἵει, противопоставляемые формам ἐτίθεμεν, ἐτίθει, ἵη, ἵεις, ἵει, противопоставляемые формам ἐτίθεμεν, ἐτίθει, ἵη, ἵεις, ἵει, противопоставляемые формам ἐτίθεμεν и т. д.; с другой — ἐδίδου, ἐδίδους, ἐδίδου, противопоставляемые формам ἐδίδομεν и т. д. В 1-м л. ед. ч. имперфекта от τίθημι и ἵημι находим также иногда формы на -ειν, например ἀρίειν (Платон, Euth. 293 a). Нельзя ли предположить, что формы с дифтонгом возникли под влиянием повелительных наклонений τίθει, ἵει, δίδου?

Это изменение повлекло за собой важные последствия для флексии глаголов данного рода. В гомеровской вульгате имеются в настоящем времени формы типа 2-го л. ед. ч. ἀνίεις (E 880), μενίεις и 3-го л. ед. ч. τίθει (N 732), которые рассматривались в ионийском диалекте как слитные; ср. τίθει (Геродот I, 113), ἀνίει (Геродот III, 109) и др. От наст. вр. δίδωμι имеем формы διδοῖς (I, 164, Геродот V, 18), διδοῖ (I 519; Геродот I, 80), тождественные с формами слитных глаголов на -ίω. Эти различные формы опираются на 3-е л. мн. ч. τίθεισι (II 262, Геродот), ἵεῖσι (Г 152, Геродот), διδοῖσι (B 255), которое восходит к τίθειν, ἵεῖν, διδοῖν и получило в ионийском диалекте ударение, свойственное слитным глаголам.

Глагол ἵστημι также перешел в ионийском диалекте на слитную флексию: 3-е л. ед. ч. имперф. ἵσῃ (Геродот II, 106), 3-е л. ед. ч. наст. вр. ἵσῃ (Геродот II, 143). В койнэ имеются примеры ἵσῃ.

Примечания: 1. По аналогии с этими формами были созданы и другие: 3-е л. мн. ч. имперф. ἐτίδου (Деяния апостолов IV, 35), 1-е л. ед. ч. наст. вр. τίθω (Лукиан, Осур. 43, 81); 3-е л. мн. ч. ἐδίδου, засвидетельствованное уже у Гесиода (Op. et d. 139); однако здесь, несомненно, следует восстановить ἐδίδον (§ 352). Слитная тематическая флексия в ионийском диалекте распространилась на инфинитив: τίθειν (Эретрия, Швицер 808), διδοῖν (Ороп, Швицер 811, 21), συγίειν (Феофраст 565).

2. Ионийский диалект дает примеры 1-го л. ед. ч. ἐτίθει (Геродот III, 155), образованного от ἐτίθει по образцу плюсквамперфекта.

Относительно повелительного наклонения см. § 315 и сл.; относительно сослагательного — § 306; ниже указывается, что формы сослагательного наклонения произошли из слияния, откуда $\tau\dot{\iota}\theta\omega$, $\dot{\iota}\omega$, $\delta\dot{\iota}\delta\omega$, $\dot{\iota}\sigma\tau\omega$. Относительно форм инфинитива см. § 325.

Общую черту структуры этих основ составляет обнаруживающийся во всех наклонениях, кроме изъявительного, параллелизм между удвоенными основами настоящего времени и основами аориста без удвоения: $\dot{\iota}\sigma\tau\omega$ и $\sigma\tau\omega$, $\tau\dot{\iota}\theta\omega$ и $\theta\omega$ и т. д. Исключения: 2-е л. ед. ч. повелительного наклонения, где $\dot{\iota}\sigma\tau\eta$, $\tau\dot{\iota}\theta\epsilon\iota$, $\dot{\iota}\epsilon\iota$, $\delta\dot{\iota}\delta\omicron\upsilon$ отличны от $\sigma\tau\eta\theta\iota$, $\theta\acute{\epsilon}\varsigma$, $\acute{\epsilon}\varsigma$, $\delta\delta\varsigma$; инф. $\dot{\iota}\sigma\tau\acute{\alpha}\nu\alpha\iota$, $\tau\dot{\iota}\theta\acute{\epsilon}\nu\alpha\iota$, $\dot{\iota}\acute{\epsilon}\nu\alpha\iota$, $\delta\dot{\iota}\delta\acute{\omicron}\nu\alpha\iota$, но $\sigma\tau\eta\nu\alpha\iota$, $\theta\epsilon\dot{\iota}\nu\alpha\iota$, $\acute{\epsilon}\nu\alpha\iota$, $\delta\omicron\upsilon\nu\alpha\iota$. В среднем залоге отметим в изъявительном и повелительном наклонениях различие между $\acute{\epsilon}\tau\dot{\iota}\theta\epsilon\omicron\varsigma$, $\tau\dot{\iota}\theta\epsilon\omicron\varsigma$, $\acute{\epsilon}\delta\dot{\iota}\delta\omicron\varsigma$, $\delta\dot{\iota}\delta\omicron\varsigma$ и $\acute{\epsilon}\theta\omicron\upsilon$, $\theta\theta\omega$, $\acute{\epsilon}\delta\omicron\upsilon$, $\delta\delta\omega$. В флексии $\dot{\iota}\eta\mu\iota$ имеем $\dot{\iota}\epsilon\omicron\varsigma$ для имперфекта и повелительного наклонения настоящего времени, а в аористе — изъяв. накл. $\acute{\epsilon}\iota\omicron\varsigma$ и повел. об. Существовала тенденция устранять эти неправильные глаголы. В койнэ, кроме слитных форм, имеются еще тематические формы, например $\acute{\epsilon}\delta\dot{\iota}\delta\epsilon\omicron$ (Деяния апостолов IV, 35) или $\dot{\iota}\sigma\tau\acute{\alpha}\nu\omega$ вместо $\dot{\iota}\sigma\tau\eta\mu\iota$. В новогреческом языке эти глаголы заменены тематическими глаголами, обычно производными $\theta\acute{\epsilon}\tau\omega$, $\acute{\alpha}\phi\acute{\iota}\nu\omega$ (= $\acute{\alpha}\phi\acute{\iota}\eta\mu\iota$), $\delta\acute{\iota}\nu\omega$ и $\sigma\tau\eta\nu\omega$.

§ 243. Греческий язык обладал и некоторыми другими примерами настоящего времени с удвоением такого типа, но менее употребительными: $\delta\dot{\iota}\delta\eta\mu\iota$, 3-е л. мн. ч. $\delta\dot{\iota}\delta\acute{\epsilon}\alpha\iota$ (Ксенофонт, Анаб. V, 8, 24); $\delta\acute{\iota}\nu\eta\mu\iota$ (удвоенная основа с приставкой), средний залог $\delta\acute{\iota}\nu\alpha\mu\alpha\iota$; дор. $\beta\acute{\iota}\beta\alpha\nu\alpha\iota$ (Поллукс IV, 102), гомер. прич. $\beta\acute{\iota}\beta\acute{\alpha}\varsigma$ (II 213), являющиеся древними, ср. санскр. $jig\acute{a}ti$; $\bar{u}k\eta\theta\iota$ (γ 380, π 184), $\bar{u}a\mu\alpha\iota$ (Нупн. in Папа 48), представляющие собой, вероятно, формы настоящего времени (от *si-slē/ə), но эол. $\acute{\epsilon}\lambda\lambda\alpha\theta\iota$ ¹ (Вакхилид X, 8), повидимому, перфект.

Без чередования и с долгим гласным в среднем залоге — $\delta\acute{\iota}\zeta\eta\mu\alpha\iota$ (Гомер, Геродот) от *di-diā-, ср. $\zeta\eta\acute{\tau}\epsilon\omega$.

Удвоение может иногда содержать в себе носовой звук: в аттическом диалекте есть глагол $\kappa\acute{\iota}\chi\eta\eta\mu\iota$ (Демосфен I, III, 12), средний залог $\kappa\acute{\iota}\chi\eta\alpha\mu\alpha\iota$; диалектные формы с крат-

кой ступенью на ϵ (несомненно, древней; ср. $\chi\rho\acute{\eta}$ с древним ϵ); в дельфийском — $\kappa\acute{\iota}\chi\eta\epsilon\tau\omega$ (Швицер 324, 20), в фесалийском — инф. $\epsilon\sigma\kappa\acute{\iota}\chi\eta\epsilon\mu\epsilon\nu$ (Швицер 617), но в критском — форма с носовым $\kappa\acute{\iota}\nu\chi\eta\eta\tau\epsilon$ (Коллиц 5112). Некоторые основы настоящего времени всегда имеют удвоение с носовым звуком: $\pi\acute{\iota}\mu\pi\lambda\eta\mu\iota$, $\pi\acute{\iota}\mu\pi\lambda\alpha\mu\epsilon\nu$, $\pi\acute{\iota}\mu\pi\lambda\alpha\mu\alpha\iota$, где корень первоначально был на η/ϵ , ср. $\tau\acute{\iota}\eta\rho\eta\varsigma$, лат. $plēnus$ и ион. прич. ж. р. $\pi\acute{\iota}\mu\pi\lambda\epsilon\dot{\iota}\sigma\alpha\iota$ (Гесиод, Theog. 880); $\pi\acute{\iota}\mu\pi\eta\eta\mu\iota$, 3-е л. мн. ч. наст. вр. $\acute{\epsilon}\mu\pi\mu\pi\eta\alpha\sigma\iota$ (Фукидид III, 74), 3-е л. мн. ч. имперф. $\acute{\epsilon}\mu\pi\mu\pi\alpha\sigma\alpha\nu$ (Фукидид VI, 94).

В сравнительно позднее время были образованы: $\acute{\epsilon}\dot{\iota}\sigma\tau\iota\phi\acute{\rho}\alpha\nu\alpha\iota$ „заключать во что-либо“ (Аристотель) на основании аор. изъяв. накл. $\acute{\epsilon}\pi\epsilon\dot{\iota}\sigma\epsilon\phi\acute{\rho}\eta\kappa\epsilon$ (Еврипид, El. 1033), который происходит, повидимому, из $\acute{\epsilon}\pi\acute{\iota}$, $\acute{\epsilon}\dot{\iota}\varsigma$, $\pi\rho\acute{o}$, $\acute{\eta}\kappa\epsilon$ (аорист от $\dot{\iota}\eta\mu\iota$); далее, в койнэ $\tau\acute{\iota}\tau\eta\eta\mu\iota$, $\tau\acute{\iota}\tau\acute{\rho}\alpha\nu\alpha\iota$. Форма $\dot{\iota}\pi\tau\alpha\mu\alpha\iota$ „летать“ (Бабрий 65, 4) также была создана поздно на основании $\pi\acute{\epsilon}\tau\omicron\mu\alpha\iota$, по образцу $\dot{\iota}\sigma\tau\alpha\mu\alpha\iota$.

Эти атематические формы настоящего времени подверглись изменению еще скорее, чем часто употреблявшиеся глаголы $\dot{\iota}\sigma\tau\eta\mu\iota$, $\tau\dot{\iota}\theta\eta\mu\iota$ и т. д. Некоторые рано перешли к тематической слитной флексии: $\pi\acute{\iota}\mu\pi\lambda\acute{\alpha}\omega$ (Гипократ, Epid. VI, 8, 7 и др.)

Корневое тематическое настоящее время

§ 244. Тип корневого настоящего времени без удвоения широко представлен в греческом языке. Флексия его была проста и поэтому могла не только сохраниться, но и получить дальнейшее распространение.

Есть основания считать этот тип древним для тех основ, которые имеют в корне огласовку ϵ , и сравнительная грамматика дает иногда возможность найти соответствующие формы и в других языках. Примеры: $\gamma\acute{\epsilon}\mu\omega$, $\delta\acute{\epsilon}\rho\omega$; $\delta\rho\acute{\epsilon}\pi\omega$; $\acute{\epsilon}\lambda\chi\omega$; гомер. $\acute{\epsilon}\nu\eta\upsilon\epsilon\pi\epsilon$ „скажи“ (лат. $insece$); $\acute{\epsilon}\pi\omicron\mu\alpha\iota$ „следовать“ (лат. $sequor$); $\acute{\epsilon}\pi\omega$ „заниматься чем-нибудь“ (санскр. $sap\acute{a}ti$, родственное лат. $sepe\acute{l}io$); $\acute{\epsilon}\rho\epsilon\dot{\iota}\pi\omega$; $\acute{\epsilon}\rho\epsilon\dot{\iota}\delta\omega$; $\acute{\epsilon}\rho\epsilon\dot{\iota}\chi\omega$; $\acute{\epsilon}\rho\epsilon\dot{\iota}\pi\omega$; $\acute{\epsilon}\rho\acute{\epsilon}\phi\omega$; $\acute{\epsilon}\rho\pi\omega$ (лат. $serp\acute{o}$, санскр. $sarp\acute{a}ti$); $\acute{\epsilon}\omega$ (от * $eus\acute{o}$, ср. лат. $u\acute{g}\acute{o}$); $\acute{\epsilon}\chi\omega$ „держатъ“ наряду с другим наст. вр. $\dot{\iota}\sigma\chi\omega$ (санскр. $sahate$); в памфилийском диалекте есть основа настоящего времени от другого корня $\phi\acute{\epsilon}\chi\omega$ „возить“, повел. накл. $\phi\acute{\epsilon}\chi\epsilon\tau\acute{o}$ (Швицер 686, 24; лат. $veh\acute{o}$); $\theta\acute{\epsilon}\omega$ „бежать“ (санскр. $dhavate$); $\kappa\acute{\epsilon}\lambda\omicron\mu\alpha\iota$ наряду с $\kappa\epsilon\lambda\acute{\epsilon}\omega$; $\kappa\epsilon\acute{\upsilon}\theta\omega$; $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\omega$

¹ Из * $\sigma\epsilon\text{-}\sigma\lambda\alpha\text{-}\theta\iota$ [Ф. § 71]. — Прим. перев.

„собирать, говорить“ (лат. legō); λείβω (в латинском языке настоящее время иного типа — libāre); λείπω (лит. lėkū) наряду с λῑπάνω (лат. linquō); λέπω; μέλω; μένω наряду с μίμνω (лат. moneō — другого типа); νέμω; νέομαι, корень *nes- (санскр. nasate), νόστος (относительно νόσσομαι см. § 294); ὀρέγω; πείδομαι (лат. fidō); πέχω; эол. πέλομαι (корень *k^hel-; ср. санскр. carati, лат. colō, где o является результатом латинского фонетического развития); πέμπω; πένομαι; πέρδομαι (санскр. pardate); πέρθω; πεύδομαι (санскр. bodhati) наряду с πυνθάνομαι; πλέω (санскр. plavate); πνέω; ῥέπω; ῥέω (санскр. sravati); σέβομαι (санскр. tyajati); σπένδω (в латинском — итеративное spondeo); στέγω (лат. tegō); στείβω; στείχω (готск. steigan); στέζω; στρέφω; τέρπω; τέρεμω (лат. tremō); τρέπω (лат. trepit); τρέχω; τρέω (санскр. trasati); φέβομαι наряду с фактитивным φοβέω; φεύδομαι; φέρβω; χέω (в латинском языке с другим образованием основы наст. вр. fundō); φέγω.

Такое настоящее время может быть иногда построено на расширенных корнях: от корня, давшего в латинском языке volō, греческий язык имеет одновременно (φ)έλ-δ-ομαι и (φ)έλ-π-ομαι.

Иногда тематическое настоящее время бывает образовано от корней с долгим гласным: ῥέδομαι, κήδω, λήθω, σήπω, τήχω.

§ 245. Не всякое тематическое настоящее время является древним. От корня *ed- глагола ἔδμεναι „есть“ на основании 3-го л. мн. ч. ἔδουσι (из ἔδ-οντι) были образованы формы ἔδεις (п 431), ἔδει (0 636). Глагол φέρω представляет собой другой случай. Он имел, повидимому, уже в индоевропейском языке тематические и атематические формы; в латинском языке — fer, ferte, ferre, в санскритском — bharti, представляющие собой атематические формы. В греческом языке флексия тематическая, но у Гомера мы находим пример атематического повел. накл. φέρτε (I 171).

Сравнительная грамматика позволяет противопоставить греческому ἀμέλω атематическое санскр. mārṣī, греческому λείχω атематическое санскр. reḍhi (в латинском языке настоящее время иного типа — linguō), греческому στένω атематическое санскр. staniti. Расхождение в настоящем времени различных индоевропейских языков позволяет думать, что φεύγω представляет собой продолжение древ-

него индоевропейского атематического настоящего времени (ср. лат. fugiō); то же относится и к глаголу φλέγω, основа которого обнаруживает несовпадение огласовки с лат. fulgō или fulgeō и санскр. bhrājate. Сближение (φ)είχω „уступаю“ с герм., др.-сакс. wīkan (которое предполагает индоевр. g) дает, повидимому, основание думать, что мы имеем здесь дело с древним атематическим глаголом.

§ 246. Довольно важную группу образуют основы с огласовкой а: некоторые из них, например ἄγω (лат. agō), ἄγω (лат. agō), вероятно, следует считать древними.

В некоторых случаях настоящего времени наблюдается нулевая огласовка, тогда как вообще такая огласовка характерна лишь для аориста (§ 193); таковы: γλόφω, γράφω, являющиеся техническими терминами. Эти основы настоящего времени с нулевой огласовкой происходят, по крайней мере частично, от древних аористов: κίω, κλύω, λίτομαι (§ 195).

Примечание. В дорийском диалекте для корней с сонантом г часто бывает засвидетельствована в настоящем времени огласовка -α-; вместо τρέπω, τρέφω, τρέχω, στρέφω, φέρω, в дорийском диалекте мы находим τρέπω (Гесикий), τράφω (Пиндар, Pyth. IV, 115), τράχω (Пиндар, Pyth. VIII, 32; Феокрит II, 147), στράφω (I. G. XII, 3, 92), φάρω в локрском (Коллиц 1478), элейском (Коллиц 1168), фокидском (В. С. Н. 1899, стр. 611).

Огласовка о в корне встречается в единичных случаях: гомер. βόλομαι (A 319, α 234, π 387) является редкой формой и, возможно, вытеснило древнее атематическое образование (относительно βόλομαι и δήλομαι см. § 294); ὄρομαι „надзирать“ (γ 471, ξ 104), ср. лат. vereor и ὀράω; σίχομαι. С огласовкой ω: τρώω „пронзать“, τρώγω „грызть“.

§ 247. В отличие от тематического корневого настоящего времени тематическое настоящее время с удвоением является древним; оно представлено немногими глаголами, имеющими „определенное“ значение. Будучи параллельно тематическому аористу с удвоением, оно может иметь нулевую ступень корня, но удвоение у него не на е, а на i. Этот тип является древним и представлен в лат. sistō. Греческому γίγνομαι соответствует лат. gignō, греческому ἴζω — лат. sīdō (из *si-sdō). Значение

этих основ можно хорошо определить в тех случаях, когда они конкурируют с настоящим временем иного типа. Они употребляются там, где имеется в виду целенаправленность выражаемого глаголом процесса. Глаголу μέω „оставаться“ противопоставляется μέμω „оставаться до конца, стойко дожидаться“; у Гомера глагол μέμω употребляется применительно к воину, „выдерживающему натиск неприятеля“. Такая же противоположность наблюдается и между ἔχω и ἵχω (из *si-sghō); ἔχμεν ἵππους (Δ 302) означает „держат коней“, а ἵχουσ ἵππους (O 456) — „сдерживать коней“. Этот оттенок завершения процесса ясно виден в наиболее употребительных основах настоящего времени такого типа: γίγνομαι „рождаться“, ἵζω „сажать“, πίπτω „падать“, с огласовкой ī в удвоении (по аналогии с ῥίπτω „бросать“?), τίκτω „рождать“ (из *ti-tkw, ср. ἔτεκον).

Такие основы имеют иногда дублиеты, осложненные различными суффиксами: ἵζάω, ἵχάω, μέμνάω.

Основы настоящего времени с носовой характеристикой

§ 248. В индоевропейских языках различные типы настоящего времени характеризовались носовым звуком. Так, индоевропейский язык имел атематические основы настоящего времени, характеризовавшиеся назальным элементом *-ne-/n-, включенным в виде инфикса в корень нулевой ступени. Этот тип иллюстрируется санскр. yu-na-k-ti (корень *jeug-), 3-е л. мн. ч. yu-n-j-anti. Он сохранился только в индоиранском языке; латинский язык заменил его тематическим наст. вр. iungō; греч. ζεύγνυμι представляет еще один отличный от других тип (§ 250).

Образование с назальным инфиксом возможно было и в случае двусложного корня. Например, в корне *demā-/dmā- „укрощать“ назальный инфикс появился перед звуком э. Такое образование наблюдается в архаическом наст. вр. δάμνυμι (*d^om-ne-э), δάμναμεν (*d^om-n-э).

В соединении с расширением и назальный инфикс дал тип на *-neu-/n- (санскр. str̥nōti, где o означает -eu-, 1-е л. мн. ч. str̥nōmah), давший в греческом языке в результате изменения настоящее время на ω/υ: στέρνυμι, στέρναμεν. Этот тип играл известную роль в системе гре-

ческого глагола. Наконец, существовал тип тематического настоящего времени, характеризовавшийся суффиксом *-ne-/no-; ср. лат. cernō, linō, греч. δάνω. Этот формант имел фонетический дублет *^on^e/o, который дает в греческом -άω, например в ἀμαρτάω. Настоящее время на -άω заменило в греческом языке древнее настоящее время с назальным инфиксом. Так образовалось в греческом языке настоящее время на -άω с назальным инфиксом, например πυνάωμαι. Обе категории настоящего времени на -άω были в греческом языке продуктивными.

§ 249. Греческий тип δάμνυμι — наиболее архаический. В δάμνυμι от корня *demā-/dmā- „укрощать“ (ср. δαμάω и δαμάζω, аор. ἐδάμασα и т. д.) назальный инфикс *-ne- в сочетании с конечным э корня дает в общегреческом языке -νᾱ- в единственном числе действительного залога (в настоящем времени и в имперфекте); во множественном и двойственном числе и во всей флексии среднего залога (в настоящем времени и в имперфекте) назальный инфикс в его нулевой ступени n в сочетании с конечным э корня дает -να- с кратким α. Таким образом, это спряжение дает закономерное чередование количества: ступень е, которую представляет -νᾱ- (ион.-аттич. -νῆ-) в единственном числе действительного залога, и нулевая ступень, которую представляет -να- во всех прочих формах. Следует отметить, что этот тип настоящего времени наблюдается только для двусложных корней, допускающих¹ ступень огласовки ā. Огласовка корня² при этом бывает нулевой. Представление об этой флексии может дать гомер. δάμνυμι (Ε 893 и др.): 1-е л. ед. ч. δάμνυμι, 1-е л. мн. ч. δάμναμεν, средний залог δάμναμαι; имперф. ἐδάμνυν, ἐδάμναμεν, ἐδάμνάμην. Флексия параллельна флексии ἵστυμι. Только в среднем залоге: гомер. μάρναμαι (аттические надписи — βάρναμαι); возможно, δύναιμι, но этимология здесь неясна, и все спряжение построено на основе настоящего времени; бул. вр. δυνήσομαι, аор. ἐδυνήθην и т. д.

У некоторых глаголов нулевая ступень корня имеет в греческом языке редкую особенность, а именно, глас-

¹ В элементе, содержащем инфикс. — Прим. перев.

² Здесь имеется в виду главный элемент корня, предшествующий инфиксу. — Прим. перев.

ный ι : $\kappa\rho\iota\nu\eta\mu\iota$ „смешивать“ (п 14) — корень * $\kappa\epsilon\gamma\alpha$ /* $\kappa\tau\alpha$ - (ср. $\epsilon\kappa\epsilon\rho\alpha\sigma\alpha$ и $\kappa\epsilon\kappa\rho\alpha\mu\alpha\iota$); $\kappa\rho\iota\mu\eta\mu\iota$ „подвешивать“ (Пиндар, Pyth. IV, 25; Еврипид, El. 1217), ср. $\kappa\rho\epsilon\mu\alpha\mu\alpha\iota$, $\epsilon\kappa\rho\epsilon\mu\alpha\sigma\alpha$; $\pi\lambda\upsilon\nu\alpha\mu\alpha\iota$ „приближаться“ (Т 93), ср. $\pi\epsilon\lambda\acute{\alpha}\zeta\omega$, $\pi\lambda\eta\gamma\omega$ и т. д.; $\pi\acute{\iota}\tau\eta\mu\iota$ „простирать“ (Л 392, Ф 7), ср. $\epsilon\pi\epsilon\tau\alpha\sigma\alpha$; $\sigma\kappa\iota\delta\eta\mu\iota$ „разбрасывать“ (Е 526, Q 2, Геродот VIII, 23), ср. $\epsilon\sigma\kappa\epsilon\delta\alpha\sigma\alpha$.

Наст. вр. $\pi\epsilon\rho\nu\eta\mu\iota$ „продавать“ (Σ 292, X 45, несколько примеров в аттическом диалекте), ср. $\pi\epsilon\rho\alpha\sigma\alpha$ (Ф 102), и аттический перф. $\pi\epsilon\pi\rho\alpha\mu\alpha\iota$ соответствуют др.-ирл. $ge\pi\acute{in}$; основа содержит гласный звук e , несомненно заимствованный от аориста (закономерным было бы * $\pi\acute{\alpha}\rho\nu\eta\mu\iota$), но в эолийском диалекте находим нулевую ступень с закономерной фонетической трактовкой $\pi\omicron\rho\upsilon\acute{\alpha}\mu\epsilon\upsilon\alpha\iota$ · $\pi\omega\lambda\omicron\upsilon\mu\epsilon\upsilon\alpha\iota$ (Гесикий).

Примечания: 1. Эти формы настоящего времени были заменены различными другими типами: $\pi\epsilon\lambda\acute{\alpha}\zeta\omega$ вместо $\pi\lambda\upsilon\nu\alpha\mu\alpha\iota$, $\pi\epsilon\pi\rho\alpha\sigma\omega$ вместо $\pi\epsilon\rho\nu\eta\mu\iota$, $\delta\alpha\rho\acute{\alpha}\zeta\omega$ вместо $\delta\alpha\rho\upsilon\mu\iota$; относительно $\kappa\epsilon\rho\alpha\nu\omega\mu\iota$, $\kappa\rho\epsilon\rho\alpha\nu\omega\mu\iota$, $\pi\epsilon\tau\acute{\alpha}\nu\omega\mu\iota$, $\sigma\kappa\epsilon\delta\acute{\alpha}\nu\omega\mu\iota$ см. § 251; с другой стороны, ионийский диалект иногда заменял флексию на $-\mu\iota$ типом на $-\omega\omega$: $\delta\alpha\rho\omega\omega$ (Феогирид 1388), $\kappa\rho\epsilon\omega\omega$ (Геродот IV, 66).

2. Некоторые случаи тематического настоящего времени, например $\kappa\alpha\rho\upsilon\omega$ или $\tau\acute{\alpha}\rho\upsilon\omega$, возможно, заменили собой древнее атематическое настоящее время (§ 253).

§ 250. Греческое настоящее время на $-\omega\mu\iota$ является, как указывалось выше, продолжением индоевропейского типа $-\text{neu-}/-\text{nu-}$: санскр. $st\acute{r}\nu\acute{o}\tilde{t}\tilde{i}$ (где \acute{o} означает eu), 1-е л. мн. ч. $st\acute{r}\nu\mu\alpha\tilde{h}$. По аналогии с чередованием \bar{a}/a ($\varphi\acute{\alpha}\mu\iota$, $\varphi\alpha\mu\epsilon\upsilon$; $\delta\acute{\alpha}\mu\omega\mu\iota$, $\delta\acute{\alpha}\mu\omega\mu\epsilon\upsilon$), η/ϵ ($\tau\acute{\iota}\theta\eta\mu\iota$, $\tau\acute{\iota}\theta\epsilon\mu\epsilon\upsilon$), ω/\circ ($\delta\acute{\iota}\delta\omega\mu\iota$, $\delta\acute{\iota}\delta\omega\mu\epsilon\upsilon$) вместо eu появилось ι . Таким образом, мы имеем $\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\omega\mu\iota$, $\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\omega\mu\epsilon\upsilon$ и в имперфекте $\epsilon\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\omega\upsilon$, $\epsilon\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\omega\mu\epsilon\upsilon$. В среднем залоге имеем, как и ожидается, краткое u : $\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\upsilon\omega\mu\alpha\iota$ и т. д.

Древний тип с нулевой огласовкой в корне засвидетельствован только глаголами $\acute{\alpha}\rho\nu\omega\mu\alpha\iota$ „добывать“ (Л 159 и др.), ср. арм. $agn\acute{u}\tilde{m}$; $\pi\acute{\alpha}\rho\nu\omega\mu\alpha\iota$ „чихать“; повидимому, также гомер. $\tau\acute{\alpha}\nu\upsilon\tau\alpha\iota$ (ср. санскр. $tanute$), которое, возможно, содержит не суффикс $-\text{nu-}$, а простое расширение u (корень * ten- ; отметим, что у этого глагола основа настоящего времени послужила для образования аор. $\epsilon\tau\acute{\alpha}\nu\omega\sigma\alpha$ и др.); $\acute{\alpha}\gamma\omega\mu\iota$; $\acute{\alpha}\chi\upsilon\omega\mu\alpha\iota$; гомер. $\acute{\alpha}\nu\omega\mu\alpha\iota$, ср. санскр. $an\acute{o}\tilde{t}\tilde{i}$.

В настоящем времени некоторые глаголы имеют огласовку o , не получившую удовлетворительного объяснения

(высказывалось предположение о влиянии аориста): $\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\omega\mu\iota$, аор. $\epsilon\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\epsilon\sigma\alpha$, ср. санскр. $st\acute{r}\nu\acute{o}\tilde{t}\tilde{i}$; гомер. $\delta\rho\omega\mu\iota$, $\delta\rho\nu\omega\mu\alpha\iota$, аор. $\acute{\omega}\rho\tau\omega$, ср. санскр. $g\acute{r}\acute{o}\tilde{t}\tilde{i}$; $\theta\acute{\epsilon}\rho\omega\mu\alpha\iota$ (Софокл, отр. 1127, Пирсон), ср. $\epsilon\theta\acute{\epsilon}\rho\omega\upsilon$, — закономерная форма $\theta\acute{\alpha}\rho\omega\mu\alpha\iota$, засвидетельствованная у Гесикия; $\delta\lambda\lambda\omega\mu\iota$, ср. $\acute{\omega}\lambda\epsilon\sigma\alpha$; $\delta\rho\nu\omega\mu\iota$, ср. $\acute{\omega}\rho\omega\sigma\alpha$; $\delta\mu\acute{\epsilon}\rho\gamma\omega\mu\iota$, ср. $\acute{\omega}\mu\omega\epsilon\alpha$; $\zeta\acute{\omega}\nu\omega\mu\iota$, ср. $\acute{\epsilon}\zeta\omega\sigma\alpha$. Четыре последние основы настоящего времени являются употребительными в аттическом диалекте.

§ 251. Несмотря на свой атематический характер, тип настоящего времени на $-\omega\mu\iota$ получил некоторое распространение и породил ряд новообразований; так, у Гомера встречаем $\delta\alpha\acute{\iota}\nu\omega\mu\iota$, $\delta\alpha\acute{\iota}\nu\omega\mu\alpha\iota$ (I 70), представляющие собой, повидимому, вторичное образование вместо $\delta\alpha\acute{\iota}\omega\mu\alpha\iota$; $\sigma\acute{\iota}\gamma\omega\mu\iota$ (Гомер и аттический диалект) является, возможно, менее древним, чем $\delta\epsilon\acute{\iota}\gamma\omega$ и $\sigma\acute{\iota}\gamma\omega$. Начиная с V в. (Аристофан) мы находим $\varphi\rho\acute{\alpha}\gamma\omega\mu\iota$ вместо древнего $\varphi\rho\acute{\alpha}\sigma\omega$. С другой стороны, ряд основ настоящего времени с огласовкой e , образованных от аориста, является, несомненно, греческим новообразованием; сюда относятся формы, засвидетельствованные уже у Гомера: $\delta\epsilon\acute{\iota}\kappa\omega\mu\iota$, ср. $\epsilon\delta\epsilon\acute{\iota}\kappa\alpha$; $\epsilon\upsilon\nu\omega\mu\iota$ и ион. $\epsilon\acute{\iota}\nu\omega\mu\iota$, ср. $\epsilon\acute{\iota}\sigma\alpha$, которое заняло место атематического наст. вр. $\epsilon\sigma\tau\alpha\iota$ (§ 241); $\zeta\epsilon\acute{\upsilon}\gamma\omega\mu\iota$ (ср. $\acute{\epsilon}\zeta\epsilon\upsilon\epsilon\alpha$), занявшее место старого настоящего времени с инфиксом, санскр. $yunakti$, лат. $iung\acute{o}$; $\delta\rho\acute{\epsilon}\gamma\omega\mu\iota$, тогда как древней формой должно было быть $\delta\rho\acute{\epsilon}\gamma\omega$; $\pi\acute{\eta}\gamma\omega\mu\iota$; $\rho\acute{\eta}\gamma\omega\mu\iota$; $\epsilon\acute{\epsilon}\rho\gamma\omega\mu\iota$ (x 238), являющееся редкой формой, существовавшей наряду с $\epsilon\acute{\epsilon}\rho\gamma\omega$; $\tau\epsilon\acute{\iota}\nu\omega\mu\alpha\iota$ „качать“ (Г 279), изображаемое в рукописях как $\tau\acute{\iota}\nu\omega\mu\alpha\iota$.

Аттический диалект заменил гомер. наст. вр. $\mu\acute{\iota}\sigma\omega$ (§ 257) формой $\mu\epsilon\acute{\iota}\gamma\omega\mu\iota$, образованной от аор. $\epsilon\mu\epsilon\acute{\iota}\zeta\alpha$, а наряду с $\kappa\tau\epsilon\acute{\iota}\omega$ создал форму $\kappa\tau\epsilon\acute{\iota}\omega\mu\iota$ (Платон, Gorg. 469 a; Лисий XII, 7).

В $\epsilon\acute{\iota}\nu\omega\mu\iota$ (ион. $\epsilon\acute{\iota}\nu\omega\mu\iota$) из * $\epsilon\sigma\omega\mu\iota$ трактовка ou как uu является вторичной. В аттическом диалекте и в койнэ есть группа глаголов с настоящим временем на $-\omega\upsilon\mu\iota$, образованным от сигматических аористов: $\sigma\beta\acute{\epsilon}\nu\omega\mu\iota$ от $\epsilon\sigma\beta\epsilon\sigma\alpha$; в позднее время — $\kappa\omega\rho\acute{\epsilon}\nu\omega\mu\iota$ от $\epsilon\kappa\acute{\omega}\rho\epsilon\sigma\alpha$, $\sigma\tau\omega\rho\acute{\epsilon}\nu\omega\mu\iota$ от $\epsilon\sigma\tau\acute{\omega}\rho\epsilon\sigma\alpha$, $\zeta\acute{\epsilon}\nu\omega\mu\iota$ от $\acute{\epsilon}\zeta\epsilon\sigma\alpha$. Таким же образом от аористов на $-\alpha\sigma\alpha$ было образовано в новоаттическом диалекте настоящее время на $-\acute{\alpha}\nu\omega\mu\iota$: $\kappa\epsilon\rho\acute{\alpha}\nu\omega\mu\iota$, заменившее $\kappa\rho\iota\nu\eta\mu\iota$, $\pi\epsilon\tau\acute{\alpha}\nu\omega\mu\iota$ вместо $\pi\acute{\iota}\tau\eta\mu\iota$. Так

же от ἔζωσα была произведена форма ζώνυμι, которая встречается у Гомера; от ἔστρωσα — στρώνυμι (Эсхил, Ag. 909 и др.), от ἔρρωσα — ῥώνυμι (Гиппократ).

В койнэ засвидетельствовано несколько форм на -ίνυμι: ἀποκτείνυμι вместо ἀποκτείνωμι и даже καθίζυμαι (Гиппократ, Fract. III, 8), образованное от καθίστατο, ср. καθίζομαι.

Примечание. В фессалийском и беотийском диалектах наст. вр. γίνωμαι, превратившееся фонетически в γίνομαι, перешло в тип на -νυμαι; фессал. γινυμενᾶν (Швицер, 590, 45, беот. γινωμενον (Швицер 516, 1).

§ 252. Под влиянием форм 3-го лица множественного числа или причастий, например δεικνύουσι (Геродот IV, 168), δεικνύοντες (Геродот III, 79), -είνυον (Ψ 135), ζεύγνυον (T 293), ἔμνυον (μ 303), ἔρнуον (M 142), ср. § 351 и 352, глаголы, имеющие в настоящем времени суффикс -νυμι, перешли в тематический тип -νύω: ὄρνυε (φ 100; Пиндар, Ol. XIII, 12), повел. накл. ἔμνυέτω (T 175), δεικνύω (Гесиод, Op. et d. 451), ἄλλω (Архилох 30 D), σβεννύω (Пиндар, Pyth. I, 5), κεραυνύω (комик Алкей 15 K). В койнэ продолжается постепенное устранение глаголов на -νυμι. Относительно настоящего времени на -νύω см. § 253.

§ 253. Греческий язык унаследовал от индоевропейского тип тематического настоящего времени на -νω: δάκνω (аор. ἔδακον, буд. вр. δήξομαι); ἐλάνω построено на той же основе, что и ἐλάω — с расширением -и-. В случае πίνω, эол. πίνω, суффикс послужил для создания настоящего времени параллельно аористу, существование которого засвидетельствовано повел. накл. πῖνι, эол. πῶνι при тематической форме ἐπιον.

Можно предположить, что некоторое количество форм настоящего времени на -νω представляют собой вторичные образования вместо древних атематических форм от двусложных корней: κάμνω (ср. κάματος, κέμημα, санскр. camñīte); гомер., ион., дор. τάμνω (ср. τέμαχος, τιμᾶτός; в аттическом диалекте с новой огласовкой с — τέμνω; ср. § 194). Некоторые формы настоящего времени, содержащие суффикс -νύω, являются, вероятно, результатом перехода -νυμι в тематический тип. Они более архаичны, чем формы на -νύω (§ 252), и характеризуются тем, что после выпадения *ɣ* гласный, предшествующий группе

согласных, у Гомера и в ионийском диалекте удлиняется, а в аттическом остается кратким. Некоторые случаи вполне ясны: гомер. φθίνω, аттич. φθίνω с кратким *ι* (ср. Софокл, Trach. 558), аор. ἐφθίτο, возможно, заменившее собой атематическое настоящее время на -νυμι, которое получило новую форму в φθινύθω; гомер. τίνω „платить“, аттич. τίνω с кратким *ι*, ср. τ(ε)ίνωμαι; наряду с атематическим ἄνωμαι у Гомера существует ἄνεται (K 251) с долгим *α*, а в аттическом диалекте — ἄνω с кратким *α* и ἄνώω. Такое же образование мы имеем и в φθάω, χιθάνω. Относительно настоящего времени на *-n-je/о см. § 268.

§ 254. С другой стороны, греческий язык обладал суффиксом -άνω, восходящим к *-onē/о- и получившим довольно широкое распространение. Он входил прежде всего в древние основы настоящего времени с назальным инфиксом. Так, лит. bundū „я просыпаюсь“ в греческом языке соответствует наст. вр. πυνθάνομαι „я осведомляюсь“ наряду с аор. ἐπυνθόμην и другим наст. вр. πεύθομαι; санскр. ṛipakti „он оставляет“ и лат. linquō в греческом языке соответствует λιπᾶνω (Сапфо 96 D), представляющее собой дублет обычной формы наст. вр. λείπω (аор. ἔλιπον). Иногда носовой может принадлежать корню: λαγχάνω (ср. перф. λέλογχα). Относительно аттических форм εἰληχα и λήξομαι см. § 212, прим., и § 294; от корня *menh- наряду с аористом ἐμαθον произведено наст. вр. μανθάνω; так же и χανθάνω.

Другими примерами настоящего времени, образованного с помощью назального инфикса и суффикса -άνω, являются: τυγχάνω, ср. ἐτυχον; ἀνθάνω, ср. ἔαθον; λανθάνω, ср. ἔλαθον наряду с λήθω и ληθάνω.

У некоторых из этих глаголов рассматриваемый формант служит для выражения целенаправленности действия; такой характер имеют значения „получать“ (λαγχάνω, τυγχάνω), „узнавать, получать сведения“ (μανθάνω, πυνθάνομαι).

У Гомера встречается только шесть основ настоящего времени этого типа: ἀνθάνω, λαγχάνω, λανθάνω, πυνθάνομαι, τυγχάνω, χανθάνω. Но этот тип продолжал развиваться в ионийско-аттическом диалекте: ион.-аттич. λαμβάνω, образованное от ἐλαβον, заменило гомер. λάβομαι; таковы же θιγγάνω, ἐρυγγάνω наряду с ἐρεγγόμαι; наряду с φεύγω суще-

ствовало $\varphi\upsilon\gamma\gamma\acute{\alpha}\omega$, где идея целенаправленности действия выражена вполне отчетливо: $\delta\delta\epsilon\ \delta\epsilon\sigma\mu\acute{\alpha}\ \varphi\upsilon\gamma\gamma\acute{\alpha}\omega$ „так я избегу оков“ (Эсхил, Prom. 513).

Аналогическое влияние таких образований испытали удвоенные основы с носовым в удвоении: $\pi\iota\pi\lambda\acute{\alpha}\nu\epsilon\tau\alpha\iota$ (I 679), $\kappa\iota\gamma\chi\acute{\alpha}\omega$ вместо $\kappa\iota\gamma\acute{\alpha}\omega$ (Эсхил, Choeph. 620).

Основы, поздно засвидетельствованные: $\delta\alpha\chi\acute{\alpha}\nu\omega$ „кусать“ (Геродиан I, 451), $\kappa\upsilon\nu\theta\acute{\alpha}\nu\omega$ „прятать“ (Гесихий), $\pi\alpha\nu\theta\acute{\alpha}\nu\omega$ „страдать“ (Etym. Magn. 98, 46).

§ 255. В другой группе глаголов рассматриваемый суффикс присоединялся к основам без носового: $\kappa\epsilon\rho\upsilon\theta\acute{\alpha}\nu\omega$ (I 453), ср. $\kappa\epsilon\upsilon\theta\omega$; $\lambda\eta\theta\acute{\alpha}\nu\omega$ (η 221), ср. $\lambda\acute{\eta}\theta\omega$; $\alpha\upsilon\delta\acute{\alpha}\nu\omega$ (ионийско-аттический диалект), ср. $\alpha\upsilon\delta\omega$; $\sigma\iota\delta\acute{\alpha}\nu\omega$, в котором целенаправленность действия выражена яснее, чем в $\sigma\iota\delta\acute{\epsilon}\omega$. Чаще всего суффикс $-\acute{\alpha}\nu\omega$ служил для образования настоящего времени от основ аористов: $\alpha\iota\sigma\theta\acute{\alpha}\nu\omicron\mu\alpha\iota$ (от $\acute{\eta}\iota\sigma\theta\acute{\epsilon}\mu\eta\nu$), $\acute{\alpha}\mu\alpha\rho\tau\acute{\alpha}\nu\omega$ (от $\acute{\eta}\mu\alpha\rho\tau\omicron\nu$), $\kappa\alpha\tau\alpha\delta\alpha\rho\theta\acute{\alpha}\nu\omega$ ($\acute{\epsilon}\delta\alpha\rho\theta\omicron\nu$ и $\acute{\epsilon}\delta\rho\alpha\theta\omicron\nu$), $\acute{\alpha}\pi\epsilon\chi\theta\acute{\alpha}\nu\omicron\mu\alpha\iota$ ($\acute{\alpha}\pi\acute{\chi}\theta\epsilon\tau\omicron$).

Иногда же этот суффикс просто присоединялся к настоящему времени, которое уже само по себе выражало целенаправленность действия: у Гомера $\iota\sigma\chi\acute{\alpha}\nu\omega$ (Ξ 387) от $\iota\sigma\chi\omega$; $\iota\zeta\acute{\alpha}\nu\omega$ (K 92) от $\iota\zeta\omega$; $\epsilon\rho\upsilon\chi\acute{\alpha}\nu\omega$ (Ω 218) от $\epsilon\rho\acute{\upsilon}\chi\omega$; $\acute{\alpha}\lambda\upsilon\sigma\chi\acute{\alpha}\nu\omega$ (χ 330) от $\acute{\alpha}\lambda\upsilon\sigma\chi\omega$; все эти основы настоящего времени имеют экспрессивный характер. В аттическом диалекте имеем: $\acute{\omicron}\phi\lambda\iota\sigma\chi\acute{\alpha}\nu\omega$ „задолжать“ с двумя суффиксами — $-\iota\sigma\chi\acute{\alpha}\nu\omega$ и $-\acute{\alpha}\nu\omega$; приводимое у Свиды $\acute{\omicron}\phi\lambda\iota\sigma\chi\omega$ неупотребительно.

§ 256. Суффикс наст. вр. $-\acute{\alpha}\nu\omega$ остался весьма продуктивным в новогреческом языке. С ним мы находим такие образования, как $\beta\acute{\alpha}\nu\omega$ ($\acute{\epsilon}\beta\alpha\lambda\alpha$) „класть“ (др.-греч. $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$), $\varphi\acute{\epsilon}\rho\omega$ ($\acute{\epsilon}\varphi\epsilon\rho\alpha$) „носить“ (др.-греч. $\varphi\acute{\epsilon}\rho\omega$), $\delta\acute{\iota}\nu\omega$ ($\acute{\epsilon}\delta\omega\sigma\alpha$) „давать“ (др.-греч. $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\mu\iota$).

Настоящее время на $-\acute{\alpha}\nu\omega$

§ 257. Суффикс $^*sk^{\epsilon}/\omicron-$ играл известную роль в различных индоевропейских языках. Однако в употреблении его были расхождения, и в самом ходе истории греческого языка значение его настолько изменилось, что трудно установить его первоначальный смысл: он подчеркивает

длительность действия и одновременно выражает его целенаправленность. Таково значение $\beta\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$ в гомеровской формуле $\beta\acute{\alpha}\sigma\chi' \iota\theta\iota$ (B 8) „ступай, иди“; в ионийском диалекте этот суффикс послужил для создания своеобразной категории итеративных глаголов (§ 261); наконец, он имеет начинательное значение в сравнительно новых производных глаголах, как $\gamma\upsilon\rho\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$, образованное от $\acute{\epsilon}\gamma\eta\rho\acute{\alpha}$.

Некоторые гомеровские формы, утраченные аттической прозой, являются, повидимому, архаическими и имеют параллели в других индоевропейских языках. Так, глаголу $\beta\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$, рано вытесненному глаголом $\beta\acute{\alpha}\iota\omega$, соответствует санскр. *gacchati*; $\mu\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$, замененное впоследствии формой $\mu\acute{\epsilon}\iota\gamma\upsilon\mu\iota$, восходит к $^*m\acute{\epsilon}\gamma\chi\omega$ и напоминает лат. *miscēō*.

У глаголов, происходящих от односложных корней, корень имеет обычно нулевую ступень: $\varphi\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$ „утверждать решительно, повторять“, ср. $\varphi\eta\mu\acute{\iota}$; $\lambda\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$ „кричать“ из $^*lak\chi\omega$, ср. $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\chi\omicron\nu$; $\pi\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$ из $^*p\acute{\eta}\delta\chi\omega$ [Ф. § 63], ср. $\acute{\epsilon}\pi\alpha\theta\omicron\nu$; σ в $\beta\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$ „кормить“ противостоит ω в $\beta\acute{\omega}\tau\omicron\rho$. У двусложных корней структура огласовки бывает различна: гомер. $\beta\acute{\lambda}\omega\sigma\chi\omega$, ср. $\acute{\epsilon}\mu\omicron\lambda\omicron\nu$; гомер. $\theta\rho\acute{\omega}\sigma\chi\omega$, ср. $\acute{\epsilon}\theta\omicron\rho\omicron\nu$ (относительно ι в долгом дифтонге см. § 259); $\theta\upsilon\eta\iota\sigma\chi\omega$, ср. $\acute{\epsilon}\theta\alpha\nu\omicron\nu$ (относительно ι в долгом дифтонге см. § 259); $\acute{\alpha}\nu\alpha\beta\acute{\iota}\omega\sigma\chi\omicron\mu\alpha\iota$ (Платон, Phaed. 71 e), ср. $\acute{\epsilon}\beta\iota\omega\nu$. С другой стороны, имеем: $\acute{\alpha}\rho\acute{\epsilon}\chi\omega$, ср. $\acute{\eta}\rho\epsilon\sigma\alpha$; $\kappa\omicron\rho\acute{\epsilon}\chi\omega$ (койнэ), ср. $\acute{\epsilon}\chi\tau\epsilon\rho\epsilon\sigma\alpha$.

§ 258. Суффикс $-\acute{\alpha}\nu\omega$ часто сочетался с удвоенной основой: наряду с $\beta\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$ мы находим $\beta\acute{\iota}\beta\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$; $\delta\acute{\iota}\delta\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$ в $\acute{\alpha}\pi\omicron\delta\acute{\iota}\delta\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$ ($\acute{\alpha}\pi\acute{\epsilon}\delta\rho\alpha\nu$); $\beta\acute{\iota}\beta\rho\acute{\omega}\sigma\chi\omega$ ($\acute{\epsilon}\beta\rho\omega\nu$); $\mu\mu\upsilon\eta\acute{\tau}\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$ (дор. $\mu\mu\upsilon\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$); $\tau\tau\rho\acute{\omega}\sigma\chi\omega$; $\gamma\gamma\upsilon\acute{\omega}\sigma\chi\omega$; гомер. $\kappa\iota\kappa\acute{\lambda}\acute{\eta}\sigma\chi\omega$; $\iota\acute{\alpha}\sigma\chi\omicron\mu\alpha\iota$ (из $^*si-sl\acute{\alpha}$); $\delta\acute{\iota}\delta\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$, построенное, вероятно, на корне $^*d\acute{\eta}g-$, который дал аор. $\acute{\epsilon}\delta\acute{\alpha}\eta\nu$ и $\acute{\delta}\acute{\epsilon}\delta\alpha\epsilon$; буд. вр. $\delta\acute{\iota}\delta\acute{\alpha}\zeta\omega$, аор. $\acute{\epsilon}\delta\acute{\iota}\delta\alpha\epsilon\alpha$, перф. $\delta\acute{\epsilon}\delta\acute{\iota}\delta\alpha\gamma\mu\alpha\iota$ были построены на основе с заднеязычным звуком, взятой от настоящего времени; в аористе и в будущем времени $\delta\acute{\iota}\delta\alpha\sigma\chi\omega$ дает $\delta\acute{\iota}\delta\alpha\acute{\zeta}$.

Эти основы настоящего времени с удвоением являются экспрессивными и усиливают значение суффикса; они выражают действие, которое повторяется, чтобы достигнуть определенной цели: $\gamma\gamma\upsilon\acute{\omega}\sigma\chi\omega$ „постепенно знакомиться“ (Ψ 470); $\kappa\iota\kappa\acute{\lambda}\acute{\eta}\sigma\chi\omega$ „звать повторными призывами“ (I 11); $\delta\acute{\iota}\delta\acute{\alpha}\sigma\chi\omega$ „научать повторными уроками“ (ср. I 442); $\tau\tau\rho\acute{\omega}\sigma\chi\omega$ „покрывать ранами“ (аор. $\acute{\epsilon}\tau\omicron\rho\omicron\nu$).

Тип с удвоением дал новые формы, иногда с фактивным значением: $\pi\iota\pi\acute{\iota}\sigma\kappa\omega$ „поить“ (Гиппократ, *Mul.* I, 63). Фактитивное образование от $\pi\iota\omega$, с аористом — $\epsilon\pi\iota\sigma\alpha$; основу $\pi\epsilon\rho\rho\eta\mu\iota$ „продавать“ заменили формы страдательного залога $\pi\iota\pi\rho\acute{\alpha}\sigma\kappa\eta\tau\alpha\iota$ (Лисий XVIII, 20) и действительного залога $\pi\iota\pi\rho\acute{\alpha}\sigma\kappa\omega$ (Лукиан, *Asin.* 32).

§ 259. Суффикс $-\sigma\kappa\omega$ присоединялся к засвидетельствованным преимущественно в аористе основам на $-i$, чередующееся с ϵ и \omicron (ср. $\chi\alpha\iota\rho\omega$; § 267). Образовавшийся таким образом суффикс $-\iota\sigma\kappa\omega$ получил распространение: $\acute{\alpha}\lambda\iota\sigma\kappa\omicron\mu\alpha\iota$, ср. $\acute{\epsilon}\lambda\omega\nu$; $\acute{\alpha}\nu\alpha\lambda\iota\sigma\kappa\omega$; $\acute{\alpha}\mu\beta\lambda\iota\sigma\kappa\omega$, ср. $\acute{\alpha}\mu\beta\lambda\acute{\omega}\sigma\omega$ и т. д.; $\epsilon\upsilon\rho\iota\sigma\kappa\omega$, ср. $\epsilon\upsilon\rho\eta\sigma\omega$, $\eta\epsilon\rho\eta\kappa\alpha$; $\kappa\upsilon\tau\iota\sigma\kappa\omicron\mu\alpha\iota$ „зачать“, ср. $\kappa\upsilon\eta\sigma\omega$; $\sigma\tau\epsilon\rho\iota\sigma\kappa\omega$, ср. $\epsilon\sigma\tau\epsilon\rho\eta\sigma\alpha$ и $\epsilon\sigma\tau\epsilon\rho\eta\nu$; в ионийском диалекте $\rho\upsilon\iota\sigma\kappa\omicron\mu\alpha\iota$ „течь“ (Архилох 142 В; Гелиодор II, 19), ср. $\epsilon\rho\rho\acute{\upsilon}\eta\nu$; в койнэ $\gamma\alpha\mu\iota\sigma\kappa\omicron\mu\alpha\iota$ „жениться“ (Аристотель, *Pol.* 1335 а).

От основ с удвоением в гомеровском языке произведены: $\acute{\alpha}\pi\alpha\rho\iota\sigma\kappa\omega$ „обманывать“, $\acute{\alpha}\rho\alpha\rho\iota\sigma\kappa\omega$ „прилаживать“: суффикс послужил для образования настоящего времени к аор. $\eta\pi\alpha\rho\omega\nu$ и $\eta\rho\alpha\rho\omega\nu$.

Наконец, в некоторых случаях суффикс $-\iota\sigma\kappa\omega$ заменил собой простой суффикс $-\sigma\kappa\omega$. Отсюда лесб. и дор. $\theta\nu\acute{\alpha}\iota\sigma\kappa\omega$, ион.-аттич. $\theta\nu\eta\iota\sigma\kappa\omega$ наряду с $\theta\nu\eta\sigma\kappa\omega$; лесб. $\mu\epsilon\nu\acute{\alpha}\iota\sigma\kappa\omega$, аттич. $\mu\epsilon\nu\eta\iota\sigma\kappa\omega$ наряду с $\mu\epsilon\nu\eta\sigma\kappa\omega$, которое является формой, повидимому, лучше всего засвидетельствованной в аттическом диалекте. Без параллельной формы на $-\sigma\kappa\omega$: у Гомера и в аттической поэзии $\theta\rho\omega\iota\sigma\kappa\omega$; ион. $\kappa\lambda\eta\iota\sigma\kappa\omega$ (Гиппократ, *De corde* 8) вместо $\kappa\iota\lambda\eta\sigma\kappa\omega$; $\chi\rho\eta\iota\sigma\kappa\omicron\mu\alpha\iota$ „нуждаться в чем-либо“ (Геродот III, 117), ср. $\chi\rho\eta\iota\zeta\omega$.

§ 260. Наст. вр. $\gamma\eta\rho\acute{\alpha}\sigma\kappa\omega$ „стареть“, встречающееся у Гомера (В 663 и др.), образовано от $\epsilon\gamma\eta\rho\acute{\alpha}$ (Н 148) и имело начинательное значение. Оно послужило отправным пунктом для возникновения целого ряда начинательных глаголов (ср. в латинском языке такие начинательные, как *obdormiscō* „засыпать“). По образцу $\gamma\eta\rho\acute{\alpha}\sigma\kappa\omega$ было образовано от $\eta\rho\acute{\alpha}\omega$ — $\eta\rho\acute{\alpha}\sigma\kappa\omega$ „становиться молодым человеком“, от $\gamma\epsilon\upsilon\epsilon\iota\acute{\alpha}\omega$ — $\gamma\epsilon\upsilon\epsilon\iota\iota\sigma\kappa\omega$ „начинать обростать бородой“. Это начинательное значение наблюдается еще в $\mu\epsilon\theta\upsilon\sigma\kappa\omicron\mu\alpha\iota$ „пьянеть“ (Геродот, Еврипид, Демосфен) и $\mu\epsilon\theta\upsilon\sigma\kappa\omega$ „опьянять“ (Платон, *Leges* 649 d).

§ 261. Гомеровский язык и ионийский диалект Геродота создали систему итеративных глаголов на $-\sigma\kappa\omega$, имеющих две наиболее заметные особенности: отсутствие приращения и отсутствие иных форм, кроме имперфекта и аориста. Были предложены разные объяснения возникновения этих глаголов; вероятно, мы встречаемся здесь с особым развитием суффикса. Отправным пунктом для этой системы, возможно, послужили глагол $\epsilon\phi\alpha\sigma\kappa\epsilon$ (единственный в этой системе, имеющий настоящее время и формы с приращением), и $\epsilon\sigma\kappa\epsilon$, являвшийся экспрессивным имперфектом от $\epsilon\iota\mu\iota$ (Г 180, Z 153 и др.; Геродот I, 196; за пределами ионийского диалекта у Алкмана 84 D имеем $\eta\sigma\kappa\epsilon$).

Имперфекты: $\acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau\epsilon\beta\epsilon\sigma\kappa\epsilon$ (Z 460); $\beta\omicron\sigma\kappa\acute{\epsilon}\sigma\kappa\epsilon\tau\omicron$ (μ 355), образованное от $\beta\acute{\omicron}\sigma\kappa\omega$, в котором содержится уже суффикс $-\sigma\kappa\epsilon/о-$; $\epsilon\theta\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\sigma\kappa\epsilon$ (I 353) и др. От атематических глаголов: $\iota\sigma\tau\alpha\sigma\kappa\epsilon$ (τ 574); $\rho\eta\gamma\gamma\upsilon\sigma\kappa\epsilon$ (H 141); $\kappa\acute{\epsilon}\sigma\kappa\epsilon\tau\omicron$ (ξ 521), своеобразным путем образованное от $\kappa\epsilon\iota\mu\alpha\iota$. В структуре этих глаголов обнаруживаются неправильности и вариации. От настоящего времени на $-\acute{\epsilon}\omega$ были образованы: $\psi\acute{\iota}\lambda\epsilon\epsilon\sigma\kappa\epsilon$ (Z 15), $\kappa\alpha\lambda\acute{\epsilon}\epsilon\sigma\kappa\epsilon$ (Z 402), но $\kappa\alpha\lambda\acute{\epsilon}\sigma\kappa\epsilon\tau\omicron$ (O 338), $\pi\omega\lambda\acute{\epsilon}\sigma\kappa\epsilon\tau\omicron$ (Λ 490). Соответственным образом для настоящего времени на $-\acute{\alpha}\omega$: $\nu\alpha\iota\epsilon\tau\acute{\alpha}\sigma\kappa\omega\nu$ (B 539), но $\mu\upsilon\acute{\alpha}\sigma\kappa\epsilon\tau\omicron$ (υ 290). Некоторые построены совершенно свободно: $\iota\sigma\acute{\alpha}\sigma\kappa\epsilon\tau\omicron$ (Ω 607) образован от $\iota\sigma\acute{\alpha}\zeta\omega$, $\rho\iota\pi\tau\alpha\sigma\kappa\omega\nu$ (O 23) — от $\rho\iota\pi\tau\acute{\alpha}\zeta\omega$, $\kappa\rho\upsilon\pi\tau\alpha\sigma\kappa\epsilon$ (Θ 272) — от $\kappa\rho\upsilon\pi\tau\omega$.

Наиболее существенное нововведение состояло в том, что суффикс $-\sigma\kappa\omega$, который первоначально принадлежал основам настоящего времени, стал добавляться к любой основе аориста. Аористы тематические: $\epsilon\iota\pi\epsilon\sigma\kappa\epsilon$ (B 271), $\epsilon\lambda\epsilon\sigma\kappa\epsilon$ (Ω 752), $\iota\delta\epsilon\sigma\kappa\epsilon$ (Г 217), $\phi\acute{\upsilon}\gamma\epsilon\sigma\kappa\epsilon$ (ρ 316). Аористы сигматические: $\acute{\alpha}\iota\epsilon\sigma\kappa\epsilon$ (P 462), $\alpha\upsilon\delta\eta\sigma\kappa\epsilon$ (E 786), $\sigma\tau\epsilon\phi\alpha\sigma\kappa\epsilon$ (Σ 546) и др. Аористы атематические: $\sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\kappa\epsilon$ (Г 217), $\delta\acute{\omicron}\sigma\kappa\omega\nu$ (I 331). Наиболее замечательной формой является единственный глагол этого типа, построенный на аористе на ϵ , выражающем состояние: $\phi\acute{\alpha}\nu\epsilon\sigma\kappa\epsilon$ (λ 587, μ 241), образованное от $\epsilon\phi\acute{\alpha}\nu\eta\nu$; ϵ во втором слого объясняется аналогией с многочисленными итеративными формами на $-\epsilon\sigma\kappa\epsilon$.

Эти экспрессивные итеративы встречаются часто целыми группами в одном связном тексте (например, начало Ω или стихи 586 — 600 в λ).

Геродот широко пользовался этими образованиями: $\acute{\alpha}\gamma\epsilon\sigma\kappa\omega\nu$ (I, 148), $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\pi\tau\epsilon\sigma\kappa\epsilon$ (II, 174), $\sigma\pi\epsilon\iota\rho\epsilon\sigma\kappa\omega\nu$ (IV, 42),

καταλίπεσθε и λάβεσθε (IV, 78). Встречающиеся у поэтов случаи употребления глаголов этого типа обусловлены подражанием Гомеру: ταμείβεσθε (Софокл, Ant. 950), πατάγεσθε (Алкей 45 D), κράτεσθε (Пиндар, Nem. III, 52).

§ 262. П р и м е ч а н и е. Новогреческий язык в некоторых случаях сохранил настоящее время на -σχω, например βρίσχω (от εὐρίσχω), βόσχω, и создал новые формы, например πρήσχω, „надуваться“.

Основы на -γω, -χω, -χω, -τω, -θω

§ 263. В греческом языке было несколько суффиксов настоящего времени, характеризовавшихся смычным звуком, главным образом -γω, -χω, -χω, -τω, -θω. Эти образования являются пережитками, а не продуктивными типами. Они дают дублиеты к другим типам настоящего времени, подчеркивая иногда целенаправленность действия и выражая, таким образом, тот видовой оттенок, который Мейе назвал „определенным“.

§ 264. Примеры заднеязычных суффиксов немногочисленны: -γω в ἀποτρέψωσι (II 390), построенном на корне глагола τέμνω; -χω в ἐρύχω „удерживать“ (Σ 126, Ω 470) с распространением суффикса на аорист (ἐρύξα, ἡρύκακον) и смысловым отличием от ἐρύω „тянуть“; διώχω „я преследую“ с распространением суффикса на аорист ἐδίωξα, дублет к διέμαι; коринф. ῥώχω (Швицер 122, 9) наряду с (ῥ)ίεμαι; ὀλέχω „губить“, образованное от ὀλεσα. — Некоторые глаголы содержат заднеязычную аспирату, распространившуюся на будущее время и на аорист; сюда относятся такие дублиеты, как σμύχω „скоблить“ (Σ 226) наряду с σμύν; τρύχω „истреблять“ (α 248) наряду с τρύω; φήχω „чистить скребницей“ (Ксенофонт, Ecu. VI, 1) и φώχω „растирать“ (Лука VI, 1) наряду с φήν; νήχω „плавать“ наряду с νέω; в глаголе στενάχω „стонать“, существовавшем наряду с στένω, суффикс послужил для создания замены старого атематического настоящего времени (ср. санскр. stanihi, корень лат. tonāre); ἔρχομαι, постепенно вытеснившее εἶμι, образовано, повидимому, от корня *ser-, который представлен в ἔρπω и в санскр. sisarti.

§ 265. Подобные пережиточные образования наблюдаются и с суффиксами на переднеязычный: -τω в аттич. ἀνύτω, ἀρύτω наряду с ἀνύω, ἀρύω.

Суффикс -θω встречается в довольно значительном числе основ настоящего времени: πλῆθω (ср. πῖμπλημι), πρήθω (πῖμπρημι). Некоторые из них дали новое настоящее время атематическим корневым глаголам: ἄλθω „молоть“ наряду с ἄλέω; νήθω „ткать“, ср. νέω и лат. pēge; был также образован производный глагол от корня глагола ἔδμεναι „есть“: ρ 478 следует, повидимому, читать ἔσθι (ῥ)έκηλος [Ф. § 55]; ἔσθι (из *εἶθι) представляет собой закономерную форму повелительного наклонения, на основе которой развились производные ἔσθω (η 220 и др.) и гомер. и аттич. ἔσθίω. Наконец, несколько гомеровских основ на -θω противостоят исходным основам как формы с „целенаправленным“ значением: φθινύθω „гибнуть“ (μ 131) или „истреблять“ (α 250) наряду с φθίνω „чахнуть“; особенно, с окончанием -εθω: φλεγέθω „пылать, воспламенять“ (P 738, Σ 211), ср. φλέγω; τελέθω „приходить, оказываться кстати“ (H 282, I 441), повидимому, связано с πέλομαι; θαλέθω „цветущий“ (I 467), ср. θάλλω.

Суффикс -θω, выражая целенаправленность действия, оказался пригодным и для образования форм аористов. Аористы на -αθον у Гомера и трагиков: κίαθον (Λ 52) от κίω!; ἐέργαθον (E 147) от ἔργω; ἡμόναθον (Еврипид, Andr. 1079) от ἡμόνω; ἐδιώκαθον (Платон, Gorg. 483 a) от διώχω. От корня глагола ἔχω образован, кроме ἐσχον, еще аорист на -θον, ἐσχεθον „я удержал“ (Э 428; Эсхил, Prom. 16 и др.). Этот анализ позволяет объяснить аорист от ἔρχομαι — ἦλθον, гомер. ἦλυθον, который построен на основе *ei- или, с расширением, *eli- (ср. προσήλυ-τος и др.).

Примечание. В некоторых аористах звук θ, относящийся, с точки зрения греческого языка, к корню, мог первоначально принадлежать суффиксу: κατέδαρθον „я заснул“, ср. с другим формантом лат. dormiō; возможно, также ἀπληθόμην, служащее аористом к ἀπεχθάνομαι „становиться ненавистным“.

Настоящее время на -יע/-ιο-

§ 266. Главным суффиксом, послужившим для построения настоящего времени в греческом языке, является суффикс *-יע/-ιο-. Этот суффикс наблюдается и в основах, образованных от корня, и в основах вторичного образо-

¹ Собственно, от κίε; ср. § 195 и 246. — Прим. перев.

вания, в частности в отыменных глаголах. Поскольку индоевр. *i* в греческом языке не сохранилось ни в одном положении, то суффикс этот нельзя обнаружить в его первоначальном виде. Так как трактовка звука *i* зависит от природы предшествующего элемента, то суффикс *-je-/jo- образовал несколько типов, ставших независимыми друг от друга.

Основы, образованные от корней

§ 267. Суффикс *-je-/jo- мог присоединяться непосредственно к корням. Такое его употребление восходит к индоевропейскому языку. Сравнение с фактами языков славянских и литовского показывает, что суффикс *-je-/jo- в настоящем времени соответствует аористам на *e*: в греческом языке *μαίρομαι* соответствует аор. *ἐμάνην*, *χαίρω* — аор. *ἐχάρην* [Ф. § 38]. Но эти пары не ощущаются как образующие определенный и продуктивный тип. Факты греческого языка показывают большое разнообразие вторичных типов, а именно, основ на -ίζω, -άζω, -αζω, -άω, -έω и т. д.; все они содержат суффикс *-je-/jo-, но получили независимое друг от друга развитие.

§ 268. С помощью этого суффикса было построено довольно много первичных образований, частично заменивших собой древнее атематическое настоящее время. С нулевой ступенью корня: *δαίω* „зажигать“ из **δαfjō*, *καίω* „жечь“ из **καfjō*, *κλαίω* „плакать“ из **κλαfjō*, *ναίω* „обитать“ из **ναfjō*, *μαίρομαι* „искать“ из **μαsfjōμαι*, *ὀδύρομαι* „горевать“ из **ὀδurfjōμαι*; так же *ψέω* „замешивать“ из **ψurfjō*, *βαίω* из **g^upjō* [Ф. § 41] (ср. также *ἔβην*, лат. *venio* и др.), *ἀλλομαι* „прыгать“ из **sal-jo-*, *βάλλω* из **g^ul-jo-*; так же *ὕαλλω* „процветать“, *σκάλλω* „копать“, *σφάλλω*. С огласовкой *e*: *ἀγείρω* из **ἀγερjō*, так же *αἶρω*, *δείρω* (наряду с *δέρω*), *εἶρω* „говорить“ (от корня **цег-* глагола *ερō* и т. д.), *κείρω* „стричь“, *σπείρω*, *τείρω*, *ψθειρω* (но дор. *ψθαίρω*), *στέλλω* из **стелjō*, *κέλλω* и *οκέλλω* „причаливать“, *μέλλω*, *δέλλω*, соответствующее в аркадском диалекте (Швицер 656, 49) глаголу *βάλλω*, *κτείνω* из **κτενjō*, *θείνω* „ударять“, *τείνω*.

Этот суффикс сочетается иногда с назальным суффиксом, который в греческом языке распространился за пределы основ настоящего времени: *ιαίω* (наряду с *ιάομαι*), ср. *ἴηα*

и *ιάνθη*; *δραίνω* (наряду с *δρᾶν*); *ὕφαινω* (наряду с *ὕφάω*), ср. *ὕφηναι*; *φαίνωμαι* и *φαίω*, ср. *ἔφηναι*, *πέφηναι* и *φάος*; *κλίνω*, ср. *κλινῶ*, *ἐκλίνω*, *ἐκκλίνω*, но *κέκλιμαι*, *ἐκκλίθη*, *κλιτός*; *κρίνω*, ср. *κρινῶ*, *ἐκρίνω*, но *κέκρικμαι*, *ἐκκρίθη*, *κριτός*; *πλύνω*, ср. *πλυνῶ*, *ἐπλύνω*, но также *πέπλυμαι*, *πλυτός*; *ὀρίνω*, ср. *ὀρινῶ*, *ὄρινα*, *ὄρινθη* и *ὄρτο*; *ὀτρύνω*, ср. *ὀτρυνῶ*, *ὄτρυναι* и *οτρής*.

§ 269. Если корень оканчивается на звонкий заднеязычный или переднеязычный смычный, то мы получаем основу на -ζω. С заднеязычным: *ἄζομαι*, ср. *ἄγιος*, однако из вероятной близости его с лат. *sacer*, *sancio* можно вывести заключение, что для этого корня существовало атематическое настоящее время; *κλάζω* (ср. *κλάξω*); *πλάζω* (ср. *ἐπλάγχθη*); *στόζω*; *σάζω*; с огласовкой *e* — *ρέζω* „делать, совершать жертвоприношение“, ср. *ἔρεξα*¹. — С лабиовелярным: гомер. *λάζομαι*, которое было заменено формой *λαμβάνω* и дало вторичное образование *λάζομαι* (по образцу *αἴνωμαι*), ср. *Hympn. in Merc. 316*, Еврипид, *Med. 956*; *νίζω* „мыть“, буд. вр. *νίφομαι*, откуда позднее было образовано наст. вр. *νίπτω*. С переднеязычным: *σχίζω* (ср. лат. *scindō*); *φράζω* (ср. *φράδμων*); *ὄζω* (*ὄδωδα*, ср. лат. *odor*); *ἕζομαι* (ср. *ἕδος*); *χέζω* (перф. *κέχουδα*).

Если конечный смычный — глухой, то мы получаем -αζω, в аттическом и беотийском диалектах — -ααζω. С заднеязычным: *ταράσσω* и *θράσσω* (ср. *ταραχή*, двусложный корень); *ὀρύσσω* (ср. *ὀρυχή*); *φρίσσω* (перф. *πέφρικα*); *πλήσσω* (*ἐπληξα*); *πτήσσω* (*ἐπτηξα*). С лабиовелярным: *πέσσω* от корня **pek-*, буд. вр. *πέφω*, откуда настоящее время вторичного образования *πέπτω* (Аристотель, Плутарх). С переднеязычным: *πλάσσω* (*ἐπλάσα*, ср. *κοροπλάθος*).

§ 270. Так как произношение заднеязычного в отношении звонкости могло испытывать колебания, то иногда встречается настоящее время на -ααζω там, где закономерным было бы настоящее время на -αζω: *μάααζω* наряду с *μάαζα*; *σάααζω* наряду с *σαγή*, *τάααζω* наряду с *ταγή*. Встречаются также дублиеты: староаттич. *σφάζω* и новоаттич. *σφαάτω*; наоборот, в тарентинском диалекте мы

¹ Дублет *ἔρδω* представляет особую фонетическую трактовку **ferjō*; ср. *ἔργον* и т. д.

имеем $\pi\lambda\acute{\alpha}\zeta\omega$ вместо $\pi\lambda\acute{\iota}\sigma\sigma\omega$ (Ап. Охот. I. 62), в эолийском — $\pi\tau\acute{\alpha}\zeta\omega$ вместо $\pi\tau\acute{\iota}\sigma\sigma\omega$ (Алкей 52 D), в критском — $\pi\rho\acute{\alpha}\delta\delta\omega$ вместо $\pi\rho\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega$ (Коллиц, 4985); первоначально эта основа оканчивалась на звонкий, ср. перф. $\pi\acute{\epsilon}\pi\rho\alpha\gamma\alpha$.

Примечание. В новогреческом языке суффикс $-\zeta\omega$ получил дальнейшее развитие: $\beta\rho\acute{\alpha}\zeta\omega$ „кипятить“ вместо $\beta\rho\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega$; $\tau\acute{\alpha}\zeta\omega$ „давать обет“ вместо $\tau\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega$; $\beta\acute{\alpha}\zeta\omega$ „класть“ соответствует аор. $\xi\beta\alpha\lambda\alpha$ ($\xi\beta\alpha\lambda\omicron\nu$).

§ 271. Суффикс $-\zeta\omega$ уже в древнегреческом языке играл большую роль в образовании основ настоящего времени даже вне корней, оканчивавшихся на звонкие переднеязычные и заднеязычные. Он служил для образования настоящего времени от двусложных и атематических корней: $\kappa\acute{\iota}\zeta\omega$, заменившее древнее атематическое настоящее время, от которого осталось причастие среднего залога $\kappa\acute{\iota}\tau\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$; $\delta\alpha\mu\acute{\alpha}\zeta\omega$, ср. $\delta\alpha\mu\acute{\alpha}\omega$ и лат. domo ; $\pi\epsilon\lambda\acute{\alpha}\zeta\omega$, ср. $\pi\epsilon\lambda\acute{\alpha}\omega$; $\omicron\upsilon\tau\acute{\alpha}\zeta\omega$ наряду с $\omicron\upsilon\tau\alpha$, которое представляет собой, повидимому, древний аорист; $\beta\iota\beta\acute{\alpha}\zeta\omega$ наряду с прич. $\beta\iota\beta\acute{\alpha}\varsigma$; $\kappa\alpha\lambda\acute{\eta}\zeta\omega$ вместо $\kappa\alpha\lambda\acute{\epsilon}\omega$ в кипрском диалекте. Некоторые основы настоящего времени на $-\zeta\omega$ являются, повидимому, продолжением древних основ на i типа $\sigma\omicron\rho\iota\omicron$ и иногда имеют дублиеты на $-\acute{\epsilon}\omega$: $\kappa\omicron\mu\acute{\iota}\zeta\omega$, ср. $\kappa\omicron\mu\acute{\epsilon}\omega$ и $\kappa\acute{\alpha}\mu\nu\omega$; $\nu\omicron\mu\acute{\iota}\zeta\omega$, ср. $\nu\acute{\epsilon}\mu\omega$; $\pi\omicron\rho\acute{\iota}\zeta\omega$, ср. $\pi\epsilon\acute{\iota}\rho\omega$.

§ 272. Там, где корень оканчивается на губной, суффикс $-i\omega$ переходит в $-\omega$: $\acute{\alpha}\pi\tau\omega$, $\beta\lambda\acute{\alpha}\pi\tau\omega$, $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\pi\tau\omega$, $\kappa\omicron\pi\tau\omega$, $\kappa\rho\acute{o}\pi\tau\omega$, $\tau\acute{o}\pi\tau\omega$; $\sigma\kappa\acute{\epsilon}\pi\tau\omicron\mu\alpha\iota$ соответствует формам $\sigma\kappa\acute{\epsilon}\phi\omicron\mu\alpha\iota$ и $\acute{\epsilon}\sigma\kappa\epsilon\phi\acute{\alpha}\mu\eta\nu$, но обычным настоящим временем является $\sigma\kappa\omicron\pi\acute{\epsilon}\omega$. В других случаях настоящее время на $-\pi\tau\omega$ оказывается вторичным образованием; относительно $\nu\acute{\iota}\pi\tau\omega$ и $\pi\acute{\epsilon}\pi\tau\omega$ см. § 269. Кроме того, $\acute{\epsilon}\rho\acute{\epsilon}\pi\tau\omega$ (Пиндар, Puth. IV, 240) вместо $\acute{\epsilon}\rho\acute{\epsilon}\phi\omega$, $\delta\acute{o}\pi\tau\omega$ (Аполлоний Родосский I, 1008) вместо $\delta\acute{o}\omega$.

Примечание. Новогреческий язык придал суффиксу наст. вр. $-\pi\tau\omega$ ($-\phi\tau\omega$) дальнейшее развитие: $\gamma\rho\acute{\alpha}\rho\tau\omega$ вместо $\gamma\rho\acute{\alpha}\rho\omega$, $\chi\acute{\alpha}\rho\tau\omega$ вместо $\chi\acute{\alpha}\iota\omega$ и др.

§ 273. Рассмотренный тип образования настоящего времени наблюдается также у основ с удвоением — как на i , например в глаголах $\tau\iota\tau\acute{\alpha}\iota\nu\omega$, $\beta\iota\beta\acute{\alpha}\zeta\omega$, так и в форме

¹ Также и с другим суффиксом: $\beta\iota\beta\acute{\alpha}\zeta\omega$ (N 809, O 676, П 534). — Прим. перев.

экспрессивного удвоения начального слога: $\gamma\alpha\rho\gamma\acute{\alpha}\iota\omega$, $\mu\omicron\rho\mu\acute{o}\rho\omega$, $\mu\omicron\rho\mu\acute{o}\rho\omega$, $\mu\omicron\rho\mu\acute{o}\rho\omega$, или же с дифтонгом на i : $\mu\omicron\tau\mu\acute{o}\lambda\lambda\omega$, $\mu\alpha\iota\phi\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega$, $\mu\omicron\kappa\acute{o}\beta\omega$.

§ 274. Суффикс $*-i\epsilon/\omicron-$ служил, вероятно, также для образования настоящего времени от корней, оканчивавшихся на гласный; однако от i , выпавшего между двумя гласными, не осталось никакого следа, и зияние повлекло за собой здесь слияние (ср. § 286, 289, 290). Реально является i только в эолийском диалекте, где оно сохранилось после υ : $\phi\upsilon\acute{\iota}\omega$ вместо $\phi\acute{\iota}\omega$ (ср. $\acute{\epsilon}\phi\upsilon\nu$) или $\acute{\alpha}\lambda\upsilon\acute{\iota}\omega$ „быть вне себя“ вместо $\acute{\alpha}\lambda\acute{\iota}\omega$.

После других гласных интервокальное i исчезло уже в общегреческом языке, не оставив никакого следа: $\acute{\alpha}\lambda\acute{\alpha}\sigma\mu\alpha\iota$ „блуждать“, $\acute{\alpha}\mu\acute{\alpha}\omega$ „собирает жатву“, $\gamma\epsilon\lambda\acute{\alpha}\omega$ „смеяться“, $\acute{\epsilon}\acute{\alpha}\omega$ „позволять“, $\acute{\iota}\acute{\alpha}\sigma\mu\alpha\iota$ „лечить“, $\acute{\omicron}\acute{\rho}\acute{\alpha}\omega$ „видеть“, ср. $\acute{\omicron}\rho\omicron\mu\alpha\iota$ и лат. vegeo : необходимо предположить существование основы $\omicron\rho\eta-$ с общегреческим долгим e , ср. гомер. $\acute{\omicron}\rho\eta\alpha\iota$ (§ 343), лесб. $\acute{\omicron}\rho\eta\mu\iota$ (Сапфо 2). Единственную основу на $-\acute{\iota}\omega$ мы находим в $\acute{\alpha}\rho\acute{o}\omega$ „пахать“, ср. лат. arāre .

Особенно многочисленны глаголы на $-\acute{\epsilon}\omega$: $\acute{\epsilon}\mu\acute{\epsilon}\omega$ „блевать“, аор. $\acute{\eta}\mu\epsilon\sigma\alpha$ (двусложный корень, ср. санскр. vamiti); $\kappa\alpha\lambda\acute{\epsilon}\omega$ (ср. § 291); $\kappa\acute{\iota}\nu\acute{\epsilon}\omega$ (ср. $\kappa\acute{\iota}\nu\omicron\mu\alpha\iota$); $\acute{\alpha}\lambda\acute{\epsilon}\omega$ „молоть“, аор. $\acute{\eta}\lambda\epsilon\sigma\alpha$ (двусложный корень); $\delta\acute{\epsilon}\omega$ „связывать“, буд. вр. $\delta\acute{\eta}\sigma\omega$, аор. $\acute{\epsilon}\delta\eta\sigma\alpha$, но $\acute{\epsilon}\delta\acute{\epsilon}\theta\eta\nu$, $\delta\acute{\epsilon}\delta\epsilon\theta\mu\alpha\iota$ (от того же корня $\delta\acute{\iota}\delta\eta\mu\iota$); $\alpha\acute{\iota}\rho\acute{\epsilon}\omega$, $\alpha\acute{\iota}\rho\eta\sigma\omega$, $\acute{\eta}\rho\eta\mu\alpha\iota$, но $\acute{\eta}\rho\acute{\epsilon}\theta\eta\nu$, повидимому, корневой глагол (этимология его неизвестна).

§ 275. Существует еще группа глаголов на $-\acute{\epsilon}\omega$, образованных от корней с конечной дигаммой, которые, повидимому, не содержат в себе суффикса $*-i\epsilon/\omicron-$, относясь, с точки зрения греческого языка, к типу $\acute{\alpha}\lambda\acute{\epsilon}\omega$: $\delta\acute{\epsilon}\omega$ „не иметь“, $\acute{\epsilon}\delta\acute{\epsilon}\eta\sigma\alpha$, но ср. $\acute{\epsilon}\pi\delta\epsilon\upsilon\eta\varsigma$, $\delta\epsilon\acute{o}\mu\alpha\iota$; $\nu\acute{\epsilon}\omega$ „плавать“, $\acute{\epsilon}\nu\epsilon\upsilon\sigma\alpha$; $\pi\acute{\lambda}\acute{\epsilon}\omega$, $\acute{\epsilon}\pi\lambda\epsilon\upsilon\sigma\alpha$; $\pi\acute{\nu}\acute{\epsilon}\omega$, $\acute{\epsilon}\pi\pi\acute{\nu}\epsilon\upsilon\sigma\alpha$; $\rho\acute{\acute{\epsilon}}\omega$, $\acute{\epsilon}\pi\rho\rho\acute{o}\eta\nu$; $\chi\acute{\acute{\epsilon}}\omega$, $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\alpha$. В спряжении настоящего времени и имперфекта у этих основ происходит слияние обоих гласных, если они имеют одинаковый тембр e : однако слияние не происходит, если второй из гласных имеет тембр o .

Таким образом, мы имеем $\chi\acute{\acute{\epsilon}}\iota$ „он льет“, но $\chi\acute{\acute{\epsilon}}\omicron\mu\epsilon\nu$; $\delta\acute{\acute{\epsilon}}\omicron\mu\epsilon\nu$ „у нас нет“ отличается от $\delta\acute{\acute{o}}\mu\epsilon\nu$ „мы связываем“.

§ 276. Следует, наконец, отличать от гласных корней корни, оканчивающиеся на s : $\sigma\pi\acute{\alpha}\omega$ „тянуть“, ср. $\sigma\pi\alpha\sigma\tau\acute{o}\varsigma$;

ζέω „кипеть“, ср. ζεστός; ξέω „обтесывать“, ср. ξεστός; τρέω „дрожать“, ср. ἄτρεστος.

§ 277. Некоторые основы включают в себе долгий гласный. Наибольший интерес представляет основа, построенная на корне *g^hiē- наряду с *g^hiō- в аор. ἐβίον: мы имеем *ζῆιω-, откуда аттич. ζῶ, ζῆις, ζῆν и — с огласовкой о в расширении — гомер. и дор. ζῶω. Имеются и другие основы, менее ясные, но также содержащие ē и, возможно, заменившие древние атематические основы: κῆν „скоблить“ (гомер. имперф. κῆν можно рассматривать как атематический), но под влиянием основ на -άω у Геродота κῆν, в рукописях Аристофана ἐπικῆις (Av. 1586); в аттическом диалекте κῆν „прять“ (ср. лат. peō и т. д.); кроме того, σῆν „скоблить“, дор. λῆν „хотеть“, χρῆσθαι „пользоваться чем-либо“ (но ион. χρᾶσθαι); впрочем, последняя форма может рассматриваться как отыменное образование от χρέη „нужно“, представляющего собой собственно именную основу. Наконец, в аттическом диалекте к этой группе, дающей слияние на ē, примыкают глаголы, часть которых являются отыменными (§ 278): διψῆν „испытывать жажду“ (διψᾶν в койнэ) и πεινῆν „испытывать голод“ (πεινᾶν только в койнэ). Все эти формы являются, повидимому, продолжением древних основ на ā, ср. гомер. διψᾶων (λ 584), πεινᾶων (Γ 25), дор. πεινᾶντι (Фео-крит XV, 148), πεινᾶμεс (Аристофан, Acharn. 751), и должны рассматриваться как отыменные образования от πεινᾶ и διψᾶ. Основу на ā представляет собой также гомеровский глагол μῆσθαι „думать“, образованный от того же корня, что и μιμνῆσθω (не следует смешивать его с отыменным глаголом μῆσθαι „свататься“; ср. § 278).

Отыменные основы

§ 278. Особенно продуктивным оказался суффикс *-jē/o- в том отношении, что он дал большое число отыменных глаголов. Разграничение между глаголами корневыми и отыменными не всегда может быть произведено достаточно четко, так как в греческом языке были имена-корни, лишенные суффикса: πῶσσω можно истолковать и как корневой глагол, и как глагол, произведенный от

имени-корня, род. п. πτωχός, дат. п. πτωχί и т. д. То же относится и к глаголу πῶσσω, ср. πτωξ.

Необходимо отметить, что в то время как индоевропейский язык образовал от имен только основы настоящего времени, греческий язык создал для них целое спряжение; именно это спряжение новых отыменных образований и представляет собой наиболее полную парадигму. Некоторые архаические производные указывают, повидимому, на то, что корень в противоположность имени, от которого был произведен глагол, имел нулевую ступень: βλίττω „выжимать мед“, происходящее от μέλι, μέλιτος, и μᾶσθαι „свататься“ (μνάσθαι, α 39 и др.), восходящее к *g^hna- [Ф. § 5, 28], нулевой ступени основы существительного, имеющего в ионийско-аттическом диалекте форму γυνή, в беотийском — βαγᾶ.

§ 279. К глаголам на -σσω, образованным от основ, оканчивающихся на глухой смычный, относятся: κέρύσσω, (κέρυς), ἐρέσσω (ἐρέτης), ἀνάσσω (ἄναξ), θωρήσσω (θώρηξ), ἀλλάσσω (ср. ἀλλαχῶ, но также ἀλλαγή).

Особая группа глаголов на -σσω служит для обозначения болезненных состояний: ἀμβλύσσω, ἰδρώσσω, ἰκτερώσσω, καρδιώσσω, λιμώσσω, οὐνέωσσω, πτῖλώσσω. Начало развития этой группы мы находим в глаголах τυρλώσσω „быть слепым“, ἀμβλύσσω „быть близоруким“ и т. д., которые содержат корень имени, обозначающего глаз *ok^h- (ср. ὄψοπα, ὄψομαι): τυρλώσσω и ἀμβλύσσω являются отыменными глаголами, происходящими от τυρλώψ и ἀμβλυώπης. Именно они и дали суффикс -ώσσω для образования глагольных основ с общим значением „быть в болезненном состоянии“.

§ 280. В производных глаголах от основ, оканчивающихся на δ или γ, настоящее время имеет окончание -ζω. Отправной пункт развития двух очень распространенных суффиксов -έζω и -ίζω находится либо в основах на заднеязычный, например ἀρπάζω (ср. ἄρπαξ), φορμίζω от φόρμιγξ, либо в основах на -αδ- и на -ιδ-: μιγάζομαι от μιγάς (основа μιγαδ-), ἐλπίζω от ἐλπίς (основа ἐλπιδ-), ἐρίζω от ἔρις (основа ἐριδ-).

Но суффиксы на -ζω имеют и более широкое распространение: -άζω является, возможно, довольно древним в глаголах, произведенных от имен типа ὄνομα или

θαῦμα — *ὀνομάζω* или *θαυμάζω* наряду с *ὀνομαίνω* или *θαυμαίνω*, представляющими собой закономерные формы¹. Кроме того, суффикс *-άζω* легко вступал в соединение и с другими основами, преимущественно содержащими краткое или долгое *α*, давая, таким образом, дубликаты к настоящему времени на *-ίζω*: *ἀνιάζω*, *βιάζω*, *πικιάζω* от *πίκα*, *γούναζμαι* от *γούνα*, *ἐργάζμαι* от *ἐργα*; от основ других типов — *ἀτιμάζω* (*ἀτιμος*), *στασιάζω* (*στάσις*). Точно так же суффикс *-ίζω* был извлечен из основ с *ι*, например *χαρίζμαι* от *χάρις*; затем он получил дальнейшее распространение: *ἀκοντίζω* (*ἄκων*), *ὀνειδίζω* (*ὀνειδος*). Греческий язык образовал около тысячи глаголов на *-άζω* и около двух тысяч глаголов на *-ίζω*.

§ 281. От основ на *с* были произведены глаголы на *-έω*, чередующиеся у Гомера с *-είω*: *νεικέω* и гомер. *νεικείω* (от *νεῖκος*); *ἀκέομαι* и гомер. *ἀκείσμαι* (от *ἄκος*), аорист страдательного залога *ἠκέσθη*; *τελέω* (от *τέλος*), аорист страдательного залога *ἐτελέσθη*; *ἄρκέω* (от *ἄρκος*); *αἰδέομαι* (от *αἰδώς*), аорист страдательного залога *ἠϊδέσθη*. Эти глаголы имеют будущее время на *-εω* и аорист на *-εσα*, но в спряжении некоторых проникает *-ησω*, *-ησα*, например в *ἄλγέω* (*ἄλγος*), *ἀνθέω* (*ἄνθος*), *θαμβέω* (*θάμβος*), *θαρσέω* (*θάρσος*), *μίσέω* (*μῖσος*), *πενθέω* (*πένθος*), *ταρβέω* (*τάρβος*).

§ 282. Глаголы на *-αίνω* и *-ύνω* (из *υἱέ/ο-*) производились первоначально от именных основ на носовой. Глаголы на *-αίνω*: от *πέπων* — *πεπαίνω*, от *ὄνομα* — *ὀνομαίνω* (у Гомера этот глагол засвидетельствован только в аор. *ὀνόμηνα*), от *σῆμα* — *σημαίνω*. Отсюда возник тип отыменных глаголов на *-αίνω*, производившихся и от других основ, преимущественно от прилагательных: *αὐαίνω* от *αὔς*, *θερμαίνω* от *θερμός*, *ὕγραίνω* от *ὕγρος*, *χαλεπαίνω* от *χαλεπός*; иногда от существительных: *κυδαίνω* от *κύδος*, *θυμαίνω* от

θυμός, *υσταίνω* от *ύσος*. Будущее время оканчивается на *-αῦθ*, аорист на *-ῆνα*, аорист страдательного залога на *-ἄνθη*, перфект на *-ασμαι*, 3-е л. ед. ч. на *-αυται*, то есть носовой распространился на все основы.

Глаголы на *-ύνω*. Эти отыменные глаголы первоначально были связаны с именными основами на *-υ-*. Назальное расширение, которое необходимо допустить для объяснения этих производных, в некоторых случаях засвидетельствовано в именной системе: от *ἰθύς* мы имеем, с одной стороны, превосходную степень *ἰθύντα* (Σ 508), с другой — наст. вр. *ἰθύνω*. Так возникли фактивные глаголы от прилагательных на *-ύς*: *βαθύνω*, *βαρόνω*, *θαρσύνω*, *ἰθύνω*, *δέύνω*, *παχύνω*, *ταχύνω*. Далее, тот же суффикс по-является и за пределами засвидетельствованных в греческом языке основ на *-υ-*: *αἰσχύνω*, ср. *αἰσχρός* и существительное *αἰσχος*; *ἀλγύνω*, ср. существительное *ἄλγος*; *κακύνω*, ср. *κακός*; *καλλύνω*, ср. существительное *κάλλος*; *μεγαλύνω*, ср. *μέγας*, *μέγαλον* и т. д.; *μακύνω*, ср. *μακρός* и существительное *μήκος*. Суффикс *-ύνω* легко присоединялся к основам на *α*; с другой стороны, от основы на *υ* прилагательного *γλυκύς* мы имеем *γλυκαίνω*.

В спряжении глаголов на *-ύνω*, как и глаголов на *-αίνω*, носовой распространился на все временные основы: буд. вр. *ἔξυνω*, аор. *ἔξῆνα*, аорист страдательного залога *ἔξῆνθη*, перф. *ἔξυμαι*, 3-е л. ед. ч. *ἔξυνται*.

§ 283. Суффикс **-iē/o-* наблюдается также в ряде производных от основ на *г* и *л*, обнаруживающих закономерную фонетическую трактовку: *ἐχθαίρω* от *ἐχθρός*, *ἰμείρω* от *ἱμερός*, *οἰκτίρω* от *οἰκτρός*, *μινύρομαι* от *μινυρός*. С другой стороны, *δαιδάλλω* от *δαίδαλος*, *ἀγγέλλω* от *ἄγγελος*, *ναυτίλλω* от *ναυτίλος*, *αἰδῶ* от *αἰδώς*, *στωρόλλω* от *στωρόλος*.

§ 284. Суффикс **-iē/o-* присоединялся также к основам, оканчивающимся на гласный. Так возникли различные типы деноминативных глаголов: от основ на *ā* — тип **τιμα-ίω*, от основ на *e/o* — типы **φύε-ίω* и **μυθε-ίω*. Эти три типа, в особенности два первых, получили широкое развитие за пределами тех именных основ, с которыми были первоначально связаны. На каждой из этих основ настоящего времени было построено целое спряжение, создание которого было облегчено существованием

¹ *ὀνομαίνω* < **ὀνομη-ίω* [Ф. § 3, 38] образовано от первоначальной носовой основы **ὀνομη-* (ср. лат. *pōmen*), которая была впоследствии заменена основой *ὀνομα-*, где конечное *τ* появилось в результате присоединения суффикса *-ίω* (ср. лат. *cognōmentum* и т. п.): наличие параллельных форм **ὀνομηνα*, *ὀνομαίων* и **ὀνοματα*, **ὀνοματων* (по тематическому склонению) повлекло за собой появление форм *ὀνόματα*, *ὀνομάτων* (по согласному склонению) и далее полной парадигмы: *ὀνόματος*, *ὀνόματι* и т. д. Ср. также М. § 79. — Прим. *перес.*

древнего прилагательного на $-ές$: по образцу $γράφω$, $ἔγραφα$, $ἔγραμμαι$ наряду с $γράφος$ были образованы $τιμήσω$, $ἔτιμῃσα$, $τέτιμῃμαι$ и т. д. наряду с $τιμήτος$.

§ 285. Уже в гомеровскую эпоху система отыменных глаголов на $-άω$ представляется вполне развитой: $ἀγοράζομαι$ от $ἀγορή$, $ἀράζομαι$ от $ἀρή$, $αἰδάω$ от $αἰδή$, $ἡβάζω$ от $ἡβή$, $μηχάω$ от $μηχανή$, $ὀρμάω$ от $ὀρμή$, $τιμάω$ от $τιμή$ и т. д. Распространение этого типа, включающего в себя в дальнейшем образования от других основ, относится больше к области лексики, чем к истории спряжения. Отметим среди продуктивных категорий группу основ, обозначающих болезни: по образцу $κоруζᾶν$ „страдать насморком“ (от $κоруζα$) или $ποδαγρᾶν$ „страдать подагрой“ было образовано $ὠδινᾶν$ (Септуагинта) от $ὠδίνες$. Много названий болезней оканчивалось на $-ία$, а соответствующие отыменные глаголы — на $-ιᾶν$: от $αἰμωδία$ „зубная боль“ — $αἰμωδιᾶν$, от $ναυτία$ „морская болезнь“ — $ναυτιᾶν$; по этому образцу было создано $ἰλιγγιᾶν$ „страдать головокружением“ от $ἰλιγγος$ и т. д. Отличную от этой группы составляют: $στρατηγῖαν$ „помогать стратегии“ ($στρατηγία$), $σπουδαρχῖαν$ „помогать должности“ ($σπουδαρχία$), откуда от $μαθητής$ — $μαθητιᾶν$ „стремиться стать учеником“. Глаголы на $-άω$ составляют обширную категорию. С точки зрения греческого языка, существенного различия между таким первичным образованием основы настоящего времени, как $ὀράω$ и $δράω$, с одной стороны, и отыменным типа $τιμάω$, с другой — нет. Однако в иных временных основах может быть расхождение: $σπάω$ (§ 276) и $ἑάω$ имеют в будущем времени и в аористе краткое α , тогда как нормальное спряжение отыменных глаголов характеризуется долгим α в общегреческом языке и η в ионийском диалекте: $τιμήσω$, $δρήσω$ (в аттическом фонетически получилось $δράσω$). Что касается настоящего времени, то возникает вопрос, не является ли краткое α в настоящем времени $τιμάω$ греческим нововведением. Долгое α в настоящем времени засвидетельствовано в атематической флексии (§ 291).

Примечание. Некоторые образования на $-άω$, примыкающие к отыменным на $-ίζω$, таковыми в действительности не являются. Сюда относятся основы с огласовкой $-ω$ в корне, например $ωράω$ (ср. $ὥρῃ$), гомер. $τρέφω$ (ср. $τρέφω$) и др.; равным образом основы на $-ίζω$, например $αἰσθάνω$ „вспоминать“ наряду со $αἰσθίζω$ (ср. также § 274).

§ 286. Флексия глаголов на $-άω$ включает в себе известные трудности. В аттическом диалекте мы обнаруживаем слитные формы: $\alpha + \sigma$, $\alpha + \omega$, $\alpha + \omega\omega = \omega$; $\alpha + \epsilon$, $\alpha + \eta$, $\alpha + \epsilon\iota$ (ложный дифтонг в инфинитиве) = $\bar{\alpha}$; $\alpha + \sigma\iota = \omega\iota$; $\alpha + \epsilon\iota$ (в изъявительном наклонении настоящего времени), $\alpha + \eta\iota = \bar{\alpha}\iota$.

В эпическом языке наблюдаются такие формы, как $ὀρώω$ (α 301 и др.), $ὀράαις$ (H 448), $ὀρώωσι$ (M 312), $ὀρώων$ (A 350), $ὀράασθε$ (Ψ 495), $ὀρώωντο$ (Ψ 448), $ὀράασθα$. (π 107) и т. д. После того как первоначальные формы $ὀράω$, $ὀράεις$, $ὀράουσι$ подверглись слиянию в ионийском диалекте, они были введены в гомеровский текст. Однако дактилический гексаметр не допускал слитной формы, ритмически отличавшейся от нестяженных форм. Поэтому был введен лишь тембр слитной формы с сохранением ритма неслитных форм: $ὀρώω$, $ὀράαις$ указывают на формы $ὀρῶ$, $ὀράις$, второй слог которых равносильен краткому звуку, за которым следует долгий. Таким образом, мы встречаемся здесь с метрическим написанием, применяемым в текстах, предназначенных для музыкального исполнения, и не имеющим никакого значения с точки зрения этимологии. Там, где α , предшествующее тематическому гласному, должно было скандироваться как долгое, мы встречаем написание с ω : $ἡρώοντα$ (I 446), $ἡρώοντες$ (κ 6, Q 604), $ἡρώωσα$ (ε 69).

Примечание. В дорийском и в северо-западных диалектах тип на $-άω$ часто переходит к флексии на $-έω$: крит. $μοικέων$ (Гортинское законодательство II, 21) из $μοικέων$ вместо $μοικῶων$; дельф. $ἐπιτρέοντες$ (Швицер 346); дельфийские надписи дают одновременно $σάλεοντα$, $σάλεα$, $σάλεων$ и $σάληα$ (из $*σάληα$). Такая же трактовка наблюдается иногда и в гомеровском языке: $ἦντεςον$ (H 423) от $ἦντας$; $μενέουσον$ (M 59) от $μενέοντας$. В рукописях Геродота — $τιτρέοντες$ (V, 67), но в той же главе $ἑτρέων$; $εἰρώτεςον$ (I, 158), $φοιτέοντες$ (I, 37); $ἑρέω$ (Архилох 22 D) вместо $ἑράω$. В дорийском диалекте Феокрита — $ὀπτεόμενος$ (VII, 55). Эта трактовка обычно объясняется как диссимиляция α перед σ и ω . Но и помимо этого, типы на $-άω$ и $-έω$ тяготели к смешению друг с другом. В дорийском диалекте, в Агригенте, мы встречаем инф. $τιρεῖν$ (Швицер 307, 16), в ионийском — $σολαгат$, $накл.$ $φιφτιμῆται$ (Швицер 709 а). В койнэ колебание продолжалось; ср. имперф. $ἡρώουσι$ от $ἑρώάω$ (Матфей XV, 23). Новогреческий язык смешал в одной флексии типы на $-άω$ и на $-έω$: $ρώτης$, $ρώτῃ$ вместо $ερώτης$, $ερώτῃ$, но $ρώτομε$ вместо $ερώτομε$.

§ 287. Тип на $-έω$, также получивший большое распространение, является продолжением двух древних катего-

рий индоевропейского языка, которые не всегда легко различить в греческом.

В индоевропейском языке существовали итеративно-фактитивные глаголы с огласовкой о и суффиксом $-ei^e/o-$. Они могли либо выражать повторное или длящееся действие, либо — в противоположность корневому глаголу — играть роль фактитивных; это тип лат. *посеѡ, досеѡ, попеѡ* [Э. § 217]. Эти глаголы, иногда содержавшие огласовку о и имеющие вполне определенные отличительные признаки в индоиранском языке, в частности, определенное место ударения, в греческом языке лишь с трудом отличались от глаголов отыменных, происходящих от тематических имен с огласовкой о. Некоторые глаголы, явно корневые, не могут входить в число отыменных: *δοξέω*, итеративно-фактитивный от *δέχομαι* (аттич. *δέχομαι*), аор. *ἔδοξα* (но *ἔδοκῃσα* уже ж 415, υ 93; Геродот, Пиндар); гомер. *ῥέομαι* „ехать“ (ср. кипр. *ῥεχέω*); *πτόεμαι* „летать“ (ср. *πέτομαι* и *ποτόμαι*); *σοβέω* „пугать, прогонять“ (ср. *σέβομαι*); *στροφέω* (ср. *στρέψω*); *κοιέω* (θ 109 и др.) „заниматься чем-либо“ (аттич. *κοιίζω*) является итеративно-фактитивным от *κάμω*. Итеративно-фактитивным к *φέβομαι* был, вероятно, и глагол *φοβέω* до того, как он стал ощущаться как отыменный от *φόβος*; *πυθέω* (аор. *ἐπόθεσα*) является итеративно-фактитивным, соответствующим аор. *θέσσασθαι* „молить“ (Пиндар, Nem. V, 10), прежде чем стать отыменным от *πόθος*¹.

Однако мы не можем решить, являются ли глаголы *βρομέω, σκολέω, τρομέω, τροπέω, φορέω* итеративными соответственно от *βρέω, σκέπτομαι, трéω, трéπω, фéрω* или отыменными от *βρόμος, σκολός, трóμος, трóπος, фóρος*. Несколько основ имеют долгий коренной гласный (ср. лат. *sōriō*): *ὠθέω* „толкать“ (ср. санскр. *avadhāt* „он ударил“), аор. *ῥωσα*; *πυλέομαι* (A 490 и др.) „расхаживать“, ср. *πέλομαι*; *πωλέω* „продавать“ имеет сходную структуру, но, несомненно, иной корень. С другой огласовкой: *ρίγέω*, корневой перфект *ῥρίγα*, но аор. *ῥρίγησα*.

Примечание. Итеративные глаголы на $-έω$ иногда имеют дублиеты с параллельной основой на $-ίζω$: *κοιίζω* наряду с *κοιέω*, *ὠθίζω* наряду с *ὠθέω*.

¹ О соотношении между начальным θ в слове *θέσσασθαι* и начальным π в слове *πόθος* (<*φóθος) см. Ф. § 5 и 32.—Прим. перев.

§ 288. С другой стороны, тип на $-έω$ дал большое число явно отыменных глаголов, рассмотрение которых относится к области лексикологии. К этому типу относятся прежде всего производные от тематических имен: *ψιλέω* от *ψίλος*, *τυρανέω* от *τύραννος*, *κτεπέω* от *κτέπος* и др. Кроме того, он послужил также для образования производных от других основ: *ἡγεμνέω* от *ἡγεμών* (по образцу *στρατηγέω* от *στρατηγός*?); *αὐτέω* от *αὐτή*; *φωνέω* от *φωνή* (по образцу *κτεπέω* и т. п.). К отыменным на $*-eio-$ присоединились отыменные от основ на s (§ 281).

Наконец, к отыменным и итеративным глаголам примыкали и разные основы другого характера. Так, нам известны основы настоящего времени на $-έω$, образованные от аористов: *στυγέω* от *ἔστυγον*. Наблюдаются и такие дублиеты, как *κωρέω* и *κώρω* и т. п. (относительно корневых глаголов см. § 274).

§ 289. С точки зрения греческого языка, существует единая группа основ настоящего времени на $-έω$, для которой нормой является флексия на $-ήσω$ и т. д. Некоторые глаголы, ощущаемые как „неправильные“, имеют в будущем времени и в аористе основы с e ; это либо древние отыменные глаголы от основ на s, например *αἰδέομαι, ἀχέομαι, ἀρχέω, νεκέω, τελέω* (§ 281), либо корневые глаголы, представляющие собой результат перехода к тематической флексии атематических основ настоящего времени: *ἄλέω, ἐμέω, καλέω* (§ 275), либо производные от корней на s: *ζέω, ξέω, трéω* (§ 276); *κοτέω* „гневаться“, представляющее собой, повидимому, отыменный глагол от *κότος, κότου*, также образует временные основы с e (*ἐκότessa* и т. д.).

Некоторые глаголы имеют одновременно формы на $-έσω$ и $-ήσω$, $-εσα$ и $-ησα$. Глагол *πυθέω*, являющийся итеративным, образует буд. вр. *πυθέσομαι* и *πυθήσω*, аор. *ἐπόθεσα* и *ἐπόθησα*; некоторые корневые глаголы, например *αἰρέω* и *δέω* „связывать“, образуют одни формы с e , другие — с η (§ 274); *αἰνέω*, представляющее собой, повидимому, отыменный глагол от *αἶνος*, имеет следующее спряжение: *αἰνέωω, ἡνεσα* (иногда *αἰνήσω* и *ἡνιησα*), *ἡνέβην, ἡνεκα* (но *ἡνιημαι*).

В настоящем времени и в имперфекте все глаголы на $-έω$ подчиняются в аттическом диалекте одинаковым

законам слияния: $\epsilon + \eta = \eta$, $\epsilon + \eta\iota = \eta\iota$, $\epsilon + \epsilon = \epsilon\iota$, $\epsilon + \omicron = \omicron\upsilon$, $\epsilon + \omega = \omega$, $\epsilon + \epsilon\iota = \epsilon\iota$, $\epsilon + \omicron\iota = \omicron\iota$ (относительно встречающихся особенностей, обусловленных выпадением ϵ между двумя гласными, см. § 275).

§ 290. Глаголы на $-\acute{\omicron}\omega$ представляют собой отыменный тип, созданный греческим языком и не имеющий соответствия в других индоевропейских языках. Настоящее время этих глаголов является, повидимому, менее древним, чем другие основы, а средний залог более древним, чем действительный. В греческом языке существовали отглагольные прилагательные на $^*\text{-}\acute{\omicron}\tau\omicron\varsigma$, образованные от основ на $-\epsilon/\omicron-$, например $\chi\acute{\omicron}\lambda\omicron\tau\acute{\omicron}\varsigma$ от $\chi\acute{\omicron}\lambda\omicron\varsigma$, $\sigma\tau\epsilon\phi\alpha\lambda\omicron\tau\acute{\omicron}\varsigma$ от $\sigma\tau\epsilon\phi\alpha\lambda\omicron\varsigma$. По этим формам были построены сначала перфекты страдательного залога $\kappa\epsilon\chi\acute{\omicron}\lambda\omicron\tau\alpha\iota$ (α 69), $\acute{\epsilon}\sigma\tau\epsilon\phi\alpha\lambda\omicron\tau\alpha\iota$ (Σ 485), затем аорист страдательного залога $\acute{\epsilon}\chi\lambda\omicron\lambda\acute{\omicron}\tau\eta$ (N 206), фактитивный сигматический аор. $\acute{\epsilon}\chi\lambda\omicron\lambda\omega\tau\epsilon$ (Σ 111), наконец, наст. вр. $\chi\lambda\omicron\lambda\acute{\omicron}\mu\alpha\iota$ (θ 407); настоящее же время действительного залога со значением $\chi\lambda\acute{\omicron}\lambda\omega$ „сердить“ появляется только в более поздней прозе. Историей этой системы объясняется тот факт, что основы настоящего времени на $-\acute{\omicron}\omega$ имеют, как правило, фактитивное значение: уже Гомер употребляет глагол $\delta\eta\acute{\iota}\omega$ „опустошать“ (Α 153), образованный от $\delta\eta\acute{\iota}\varsigma$. Ионийско-аттический диалект проводит это образование последовательно: $\delta\eta\acute{\iota}\omega$ „делать ясным“ от $\delta\eta\acute{\iota}\varsigma$, $\theta\alpha\lambda\alpha\tau\acute{\omicron}\omega$ „предавать смерти“ от $\theta\alpha\lambda\alpha\tau\omicron\varsigma$, $\kappa\alpha\chi\acute{\omicron}\omega$ „дурно обращаться“ от $\kappa\alpha\chi\acute{\omicron}\varsigma$, $\mu\iota\sigma\theta\acute{\omicron}\omega$ „отдавать внаймы“ от $\mu\iota\sigma\theta\acute{\omicron}\varsigma$, $\sigma\tau\epsilon\phi\alpha\lambda\acute{\omicron}\omega$ от $\sigma\tau\epsilon\phi\alpha\lambda\omicron\varsigma$ и др.

Аттическая флексия настоящего времени на $-\acute{\omicron}\omega$ определяется несколькими простыми правилами: $\omicron + \omega = \omega$, $\omicron + \eta = \omega$, $\omicron + \omicron = \omicron\upsilon$, $\omicron + \upsilon = \omicron\upsilon$, $\omicron + \epsilon = \omicron\upsilon$, $\omicron + \omicron\iota = \omicron\iota$, $\omicron + \eta\iota = \omicron\iota$, $\omicron + \epsilon\iota = \omicron\iota$ (но в инфинитиве $\omicron + \epsilon\iota$ ложный дифтонг = $\omicron\upsilon$).

Примечания: 1. Корневой глагол $\acute{\alpha}\rho\acute{\omicron}\omega$, вошедший в это спряжение (но ср. § 274), имеет \omicron в будущем времени и в аористе: $\acute{\alpha}\rho\acute{\omicron}\omega$, $\acute{\eta}\rho\omicron\sigma\alpha$.

2. В аттическом диалекте было два глагола на $-\acute{\omicron}\omega$ совершенно иного происхождения: $\acute{\rho}\acute{\iota}\gamma\acute{\omicron}\omega$ „зигнуть“ и $\acute{\iota}\delta\acute{\rho}\acute{\omicron}\omega$ „потеть“; слияние в них дает ω и $\omicron\iota$ вместо $\omicron\upsilon$ и $\omicron\iota$: инф. $\acute{\rho}\acute{\iota}\gamma\acute{\omicron}\omega$, прич. ж. р. $\acute{\rho}\acute{\iota}\gamma\acute{\omicron}\sigma\alpha$, сослагат. накл. 3-е л. ед. ч. $\acute{\rho}\acute{\iota}\gamma\acute{\omicron}\iota$, желат. накл. 3-е л. ед. ч. $\acute{\rho}\acute{\iota}\gamma\acute{\omicron}\iota\tau\eta$.

3. Глаголы на $-\acute{\omicron}\omega$ представляют собой отмирающий тип. В койнэ их сохранилось лишь немного. В новогреческом языке употребляются

фактитивные глаголы на $-\acute{\omicron}\omega$: $\beta\epsilon\beta\alpha\acute{\iota}\omega$ „подтверждать“ вместо $\beta\epsilon\beta\alpha\acute{\iota}\omega$, $\gamma\acute{\upsilon}\nu\omega$ „обнажать“ вместо $\gamma\acute{\upsilon}\nu\omega$, $\theta\alpha\lambda\alpha\tau\acute{\omicron}\omega$ „предавать смерти“ вместо $\theta\alpha\lambda\alpha\tau\acute{\omicron}\omega$.

§ 291. Слияние в каждом из слитных типов происходит различно в зависимости от диалекта. Эолийский диалект имеет ту существенную особенность, что он спрягает слитные глаголы по атематическому типу. Такое спряжение является закономерным для корневых глаголов, где переход к тематической флексии — вторичное явление: $\kappa\acute{\alpha}\lambda\eta\mu\iota$ (Сапфо 1, 16), гомер. инф. $\kappa\alpha\lambda\acute{\eta}\mu\epsilon\upsilon\alpha\iota$ (K 125); повел. накл. $\kappa\alpha\tau\alpha\gamma\epsilon\upsilon\omicron\tau\omicron\upsilon$ (Швицер 620, 15) от эол. наст. вр. $\acute{\alpha}\gamma\acute{\rho}\epsilon\omega$; 3-е л. мн. ч. наст. вр. изъяв. накл. $\chi\acute{\epsilon}\lambda\alpha\iota\varsigma\iota$ (Алкей 30, 9 D) с окончанием $-\alpha\iota\varsigma\iota$ из $^*\text{-}\alpha\upsilon\tau\iota$ соответствует ион.-атт. наст. вр. $\chi\alpha\lambda\acute{\alpha}\omega$; прич. наст. вр. ж. р. $\gamma\epsilon\lambda\alpha\iota\sigma\acute{\alpha}\varsigma$ (Сапфо 2, 5) позволяет установить корневое наст. вр. $\gamma\epsilon\lambda\alpha\mu\iota$; $\acute{\epsilon}\rho\eta\mu\iota$ (Сапфо 2, 11), где следует отметить η , указывает на то, что $\acute{\epsilon}\rho\alpha\omega$ восходит к атематической форме (§ 274); $\acute{\alpha}\rho\acute{\omicron}\mu\epsilon\upsilon\alpha\iota$ (Гесиод, Op. et. d. 22) наряду с $\acute{\alpha}\rho\acute{\omicron}\omega$.

Наконец, эолийский диалект имеет атематическую флексию на $-\mu\iota$ с долгим гласным для слитных отыменных глаголов. Этот тип может восходить, по крайней мере частично, к индоевропейскому языку, на что, повидимому, указывают лат. $fug\acute{a}s$, $fug\acute{a}t$, $fugant$ и некоторые факты балтийских и германских языков¹. Такие формы хорошо засвидетельствованы, особенно в лесбосском диалекте. Глаголы на $\acute{\alpha}\omega$: $\acute{\alpha}\rho\alpha\sigma\theta\alpha\iota$ (Сапфо 27 а, 22 D), $\acute{\alpha}\sigma\acute{\alpha}\mu\epsilon\upsilon\alpha\iota$ (Алкей 91 D); $\psi\acute{\iota}\lambda\eta\mu\iota$ (Сапфо 65 D), им. п. прич. $\acute{\omicron}\acute{\iota}\eta\epsilon\iota$; (Алкей 4 D); $\psi\acute{\omicron}\rho\eta\mu\epsilon\delta\alpha$ (Алкей 30 D). Примеры глаголов на $-\omega\mu\iota$ могут быть лишь результатом нововведения греческого языка; точно так же и соответствующий тематический тип не имеет никаких параллелей вне греческого языка: $\delta\omicron\kappa\acute{\iota}\mu\omega\mu\iota$ (Сапфо 60 D). Несколько аналогичных фактов мы находим и за пределами лесбосского диалекта: фессал. $\sigma\tau\alpha\tau\alpha\gamma\epsilon\upsilon\omicron\tau\omicron\varsigma$ (Швицер 578 B), аркад. $\rho\omicron\epsilon\upsilon\tau\omega$ (Швицер 656, 9), кипр. $\chi\upsilon\mu\epsilon\rho\acute{\epsilon}\nu\alpha\iota$, где основа на $\acute{\epsilon}$ соответствует атт. $\chi\upsilon\beta\epsilon\rho\acute{\alpha}\nu$ (Швицер 685, 1). Наконец, Гомер употребляет в инфинитиве и в двойственном числе изъявительного наклонения несколько форм этого типа: $\psi\acute{\omicron}\rho\eta\mu\epsilon\upsilon\alpha\iota$ (O 310), $\psi\acute{\iota}\lambda\eta\mu\epsilon\upsilon\alpha\iota$ (X 265), $\sigma\upsilon\lambda\acute{\eta}\tau\eta\upsilon$ (N 202), $\psi\omicron\iota\tau\acute{\eta}\tau\eta\upsilon$ (M 266).

¹ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, 1938, стр. 234.

Помимо этого, в эолийском диалекте существуют атематические формы с долгим гласным, происходящие от древних атематических форм: $\pi\acute{o}\theta\eta\omega$ (Сапфо 20 D), $\acute{\alpha}\delta\iota\kappa\eta\iota$ (Сапфо 1).

§ 292. Продуктивную группу составляли также основы на $-\epsilon\acute{o}\omega$. В основном это отыменные глаголы, происходящие от существительных на $-\epsilon\acute{o}\varsigma$: $\iota\pi\pi\epsilon\acute{o}\omega$ образовано от $\iota\pi\pi\epsilon\acute{o}\varsigma$, $\iota\epsilon\rho\epsilon\acute{o}\omega$ от $\iota\epsilon\rho\epsilon\acute{o}\varsigma$, $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{o}\omega$ от $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{o}\varsigma$. Первоначальной формой суффикса было $-\eta\upsilon$ (§ 101), но перед согласным $-\eta\upsilon$ фонетически переходило в $\epsilon\upsilon$ [Ф. § 6], в частности во временных основах, производимых от основы настоящего времени: $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{o}\omega$ и т. д. В большей части диалектов этот суффикс имеет вид $-\epsilon\acute{o}\omega$. В элейском настоящее время типа $\varphi\upsilon\gamma\alpha\delta\epsilon\acute{o}\omega$ (Швицер 424) восходит к $*\varphi\upsilon\gamma\alpha\delta\epsilon\eta\iota\omega$ и также содержит ϵ .

Этот суффикс $-\epsilon\acute{o}\omega$ уже в гомеровском языке стал служить для образования глаголов от всевозможных основ. У Гомера он дал такие метрически удобные формы, как $\eta\gamma\nu\iota\chi\epsilon\acute{o}\omega$, $\pi\alpha\upsilon\tau\omicron\pi\omicron\rho\epsilon\acute{o}\omega$ и др. В аттическом диалекте и в койнэ отыменные глаголы на $-\epsilon\acute{o}\omega$ образуются в большом количестве от разного рода основ: $\mu\alpha\upsilon\tau\epsilon\acute{o}\mu\alpha\iota$ от $\mu\acute{\alpha}\nu\tau\iota\varsigma$, $\kappa\omicron\lambda\alpha\kappa\epsilon\acute{o}\omega$ от $\kappa\omicron\lambda\alpha\varsigma$, $\pi\alpha\iota\delta\epsilon\acute{o}\omega$ „воспитывать“ от $\pi\alpha\iota\varsigma$, $\delta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\acute{o}\omega$ от $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$; в койнэ — $\alpha\iota\chi\mu\alpha\lambda\omega\tau\epsilon\acute{o}\epsilon\iota\upsilon$ от $\alpha\iota\chi\mu\acute{\alpha}\lambda\omicron\tau\omicron\varsigma$.

Эта группа глаголов на $-\epsilon\acute{o}\omega$ позволяла построить правильное спряжение, не искаженное никакой морфологической аномалией или фонетической случайностью.

Примечания: 1. К отыменным глаголам на $-\epsilon\acute{o}\omega$ примыкали глаголы различного происхождения: $\epsilon\acute{o}\omega$ „жечь“ (ср. лат. ignō) и гомер. $\sigma\epsilon\acute{o}\rho\alpha\iota$, являющиеся корневыми глаголами. С другой стороны, некоторые основы на $-\epsilon\acute{o}\omega$ содержат в себе, повидимому, расширение на ι : гомер. $\acute{\alpha}\chi\epsilon\acute{o}\omega$ (E 869) наряду с $\acute{\alpha}\chi\epsilon\acute{o}\omega$ или $\chi\epsilon\lambda\epsilon\acute{o}\omega$ наряду с $\chi\epsilon\lambda\omicron\mu\alpha\iota$.

2. В новогреческом языке этот суффикс сохранил продуктивность: $\varphi\alpha\rho\epsilon\acute{o}\omega$ „удить рыбу“ от $\varphi\acute{\alpha}\rho\iota$ „рыба“, аор. $\varphi\acute{\alpha}\rho\epsilon\eta\alpha$.

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

§ 293. Все индоевропейские языки строили будущее время различными способами с тенденцией обновлять их, что объясняется экспрессивным характером этой основы. Греческое будущее время не имеет ничего общего с

латинским¹. В греческом языке способы его образования менялись; новогреческий язык для выражения будущего времени прибегал к новому, описательному способу².

Некоторые основы настоящего времени могли по смыслу употребляться в качестве будущего (je viens во французском языке может значить то же, что je viendrai). Таковы: $\epsilon\acute{\iota}\mu\iota$ (A 169, Σ 333 и др. и постоянно в аттическом диалекте); $\nu\epsilon\acute{o}\mu\alpha\iota$ „я возвращусь“ (Σ 101), относительно $\nu\acute{\iota}\sigma\tau\alpha\iota$ см. § 294; $\gamma\acute{\iota}\gamma\mu\alpha\iota$ (Геродот VIII, 102); $\chi\epsilon\acute{o}\omega$ (Аристофан, Pax 169); крит. $\tau\acute{\epsilon}\lambda\omicron\mu\alpha\iota$ „я буду“ (Швицер 193, 46; по форме тождественно с гомер. $\tau\acute{\epsilon}\lambda\omicron\mu\alpha\iota$, имеющим эолийский консонантизм); киренск. 3-е л. ед. ч. $\tau\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha\iota$ из $*\tau\acute{\epsilon}\lambda\tau\alpha\iota$ — атематическая форма, обязанная своим возникновением влиянию $\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\iota$ (Сольмсен-Френкель 39 A, 19); в более поздних текстах — $\acute{\epsilon}\rho\chi\omicron\mu\alpha\iota$ (Новый завет, Иоанн XIV, 3).

Сослагательное наклонение, выражавшее первоначально волю, затем возможность, имеет иногда смысл, близкий к смыслу будущего: $\kappa\alpha\acute{\iota}$ $\pi\omicron\tau\acute{\epsilon}$ $\tau\iota\varsigma$ $\epsilon\acute{\iota}\pi\eta\iota\varsigma\iota\nu$ (Z 459) „и когда-нибудь скажут“. Поэтому оно могло приобретать значение будущего времени: $\pi\acute{\iota}\rho\alpha\iota$ „я буду пить“ представляет собой аорист сослагательного наклонения с кратким гласным (ср. $\acute{\epsilon}\pi\iota\upsilon$); $\acute{\epsilon}\delta\omicron\mu\alpha\iota$ „я буду есть“ — сослагательное наклонение с кратким гласным атематического настоящего времени, засвидетельствованного инфинитивом $\acute{\epsilon}\delta\mu\epsilon\upsilon\alpha\iota$ (§ 241). По образцу $\acute{\epsilon}\delta\omicron\mu\alpha\iota$ в койнэ было образовано от аор. $\acute{\epsilon}\varphi\alpha\gamma\omicron\nu$ буд. вр. $\varphi\acute{\alpha}\gamma\omicron\mu\alpha\iota$ (Лука XVII, 8 и др.) — форма, явно вторичная.

На основании этих фактов было высказано предположение, что будущее время на $-\sigma\omega$ восходит к сослагательному наклонению сигматического аориста, имеющему краткий гласный. Действительно, такая форма, как $\delta\epsilon\acute{\iota}\omega$, имеет двойственный характер: это — сослагательное наклонение в υ 344 или φ 217 и будущее время в μ 25. Все же морфологически обе формы остаются различными.

¹ Здесь имеется в виду, конечно, только латинское будущее время двух обычных типов на $-\alpha\pi\iota$ и на $-\b{b}o$: латинское будущее время типа faxō [Э. § 237] представляет полную параллель греческому. — Прим. перев.

² См. С. В. Меликова-Толстая, Будущее время в греческом языке, „Уч. Зап. ЛГУ“, серия филологических наук, вып. 15, 1952. — Прим. перев.

В древнее время не было никакой связи между будущим временем и аористом на -σα. Будущее время имеет свойственную ему сигматическую форму для очень многих глаголов с корневым аористом: формы *ᾶξω*, *ἐλεύσομαι*, *πεῖσομαι*, *θῆσω* не имеют ничего общего с *ἤγαγον*, *ἤλυθον*, *ἔπαθον*, *ἔθηκα*. Сами корни будущего времени и аориста могут быть различными: *ῥέφομαι*, *ῥέω*, но *εἶδον*, *εἶπον*; в спряжении глагола *φέρω*, *ἤνεγκον* буд. вр. *οἴσομαι* произведено от корня, который мы находим только в отглагольном прилагательном *οἰστός*.

Даже там, где аорист и будущее время имеют сигматическую форму, они могут расходиться между собой: тип буд. вр. *τελέω*, аттич. *τελῶ*, несводим к типу аор. *ἔτελεα*.

§ 294. С точки зрения греческого языка, будущее время вообще характеризуется сигматической основой. Этот тип будущего времени встречается и в других индоевропейских языках, например в индоиранских и балтийских, причем везде он произошёл от индоевропейского дезидератива.

Греческий язык содержит основы дезидеративов, ощущаемые как настоящее время и послужившие в некоторых случаях отправным пунктом для образования целого спряжения: *ἀλέξω* „я отвращаю“ (Λ 590 и др.); *νίσσομαι* „я возвращаюсь“ и иногда „я возвращусь“ (Ψ 76) является дезидеративным глаголом, построенным на корне **nes-* от *νέομαι*; *βόλομαι* представляет собой, вероятно, дезидеративный глагол, восходящий к **g^hol-so*, подобно тому как дор. *δῆλομαι* (Гераклейские таблицы I, 146; Феокрит V, 27) восходит к *g^hel-so*.

Основное значение дезидератива заключается в том, что от него в греческом языке произошло будущее время. Иногда можно уловить первоначальное дезидеративное значение будущего времени: *ἦλθε λυόμενος θυγάτρα* (Α 12) „он пришел с намерением выкупить дочь“; *τῇν δ' ἐγὼ οὐ λόσω* (Α 29) „а отдавать ее я не хочу“. Фактически же эти дезидеративные образования играют в греческой системе спряжения роль будущего времени.

Ряд древних основ будущего времени имеет огласовку *e*; это архаическое будущее время имело склонность обобщать окончания среднего залога, что довольно хорошо объясняется его дезидеративным значением.

Например, *πεῖσομαι* от *πάσχω*; гомер. *χεῖσομαι* (σ 17) от *χανάω*; *τεύξομαι* от *τυγχάνω*; *εἰσομαι*, буд. вр. от *οἶδα*; *ἐλεύσομαι*, ион. буд. вр. от *εἶμι* „идти“ (α 88 и др., Геродот), построенное на корне аор. *ἦλθον*, *ἤλυθον*. От *εἶμι* „я есмь“ имеем *ἔσομαι*, но в 3-м л. ед. ч. *ἔσται* — атематическая форма (под влиянием *ἔστι*? Отметим также ударение на *e* даже в сложении). Подобные же формы от корней с долгим гласным: *βήσομαι* (дор. *βᾶσομαι*), ср. *βαίνω* и *ἔβην*; *δήσομαι* (дор. *δάσομαι*) от *δάκνω*; *λήφομαι* (дор. *λάφομαι*) от *λαμβάνω*; *λήξομαι* от *λαγχάνω*, образованное, повидимому, по аналогии с *λήφομαι*; *ψθήσομαι* от *ψθάω*, *ἔψθην* и т. д.

Естественно, что в языке обнаруживается тенденция сблизить будущее время с другими основами глагольной системы. В некоторых случаях будущее время принимает огласовку настоящего времени и флексию действительного залога. Уже в самых древних текстах будущее от *ᾶω* имеет форму *ᾶξω*, и эта тенденция неуклонно распространяется. Ксенофонт употребляет *ψθάσω* (Сугор. V, 4, 38 и др.) вместо древнего *ψθήσομαι*; эта форма связывается с наст. вр. *ψθάω* и аор. *ἔψθασα*.

§ 295. Переднеязычный спирант, характеризующий будущее время, мог фонетически удержаться только в односложных корнях, оканчивающихся на смычный (или на *s*): *δείξω*, *πεῖσω* (от *πεῖθω*), *τελέσω*. После гласных в *λόσω* и т. п. и особенно в отыменных типах — *φιλήσω*, *τιμήσω*, *δηλώσω*, *βασιλεύσω* — *σ* было восстановлено по аналогии с *δείξω* и т. д., как и в сигматических аористах. Все же в гомеровском тексте сохранилось, повидимому, несколько форм будущего времени на -*ώ* без *σ*, которые не подверглись замене аналогическими формами: *ἐρύουσι* (Λ 454 и др.), *τανύουσι* (ψ 174) и, возможно, *ἐξανώω* (Λ 365). Отсутствие *σ* является в ранних текстах правилом для будущего времени от двусложных корней. Например: *ῥέω*, *ῥέφω*, которое служит будущим временем к *λέγω* (**uegə-lu-gē*; ср. *εἴρημαι* и т. д.); *καμῶμαι* (ср. *κέκμηκα*, *κάματος*); *θανῶμαι* (ср. *θνήσκω*, *θάνατος*), *πесῶμαι*, *πесῶμαι* из **petéōμαι* от корня глагола *πίπτω*, *πέπτωκα*; *καλέω* (δ 532; Платон, *Symp.* 175 а), омоним наст. вр. *καλέω*; ср. перф. *κέκλημαι* и т. д. Так же и будущее время на -*άω*: *δαμάσσει* (X 271), ср. *δάμνημι*, *δέδμηται*, *ἐλώσει* (N 315) и аттич. *ἐλώ* от *ἐλαίνω*; *κερῶ* (Гесихий), ср. *κίρνημι*, *κεράννομι*; *κρεμέω*

(Н 83), κρεῖω (Аристофан, Plut. 312), ср. κρένυμι и κρεάνυμι; σκεδῶ (аттич.), ср. σκίδνυμι и σκεδάννυμι. Будущего времени на -έω (типа δηλέω) нет: от δύνωμι закономерным было бы *δύνεται (наряду с ὀρέσω, ὀρεοῖμαι), но в действительности это будущее время имеет основу на -εσ-: ὀμαῖται и т. д. 1.

В большей части диалектов будущее время на -έω было обобщено для корней, оканчивающихся на сонант (μ, ν, λ, ρ): δραμοῖμαι, верῶ; πτενῶ, μενῶ, в производных — στήμανῶ, ὕφανῶ; в основах, где ν не принадлежит к корню, — κλινῶ, κρινῶ, πλυνῶ; ἀγγελῶ, στελῶ; φθερῶ, κερῶ (от κείρω), καθάρῶ и др.

§ 296. Приведенный тип будущего времени не везде имел одинаковую судьбу: некоторые глаголы на ρ и λ дают иногда, в частности у Гомера (но не в аттической прозе), сигматические формы; это древние формы, и некоторые античные грамматики рассматривают их как эолизмы. В качестве будущего времени от διαφθείρω Гомер употребляет форму διαφθέρσει (N 625), но ионийский диалект — διαφθέρει, а аттический — διαφθερεί. Другие примеры: θερσόμενος (τ 507); ὄρουσα (Ф 335, Пиндар, трагики), но ὀρεῖται (Г 140), κέλσειν (Эсхил, Suppl. 330).

В койнэ и уже в новоаттическом диалекте со слитными формами будущего времени от двусложных корней стали конкурировать сигматические формы: буд. вр. καλέω представляло то неудобство, что совпадало с настоящим, но в эолийских надписях мы находим καλέσσω, а в новоаттическом диалекте — καλέω; вместо буд. вр. γαμέω, которое также совпадает с настоящим временем, мы имеем в койнэ γαμήσω. Другие примеры: κορέννυμι, κορέσω (Геродот I, 212); вместо гомер. ὀλείται, аттич. ὀλῶ встречается уже у Гомера ὀλέσσω (M 250), аттич. ὀλέσω. У основ на α: ἐλάσω (Гиппократ; Ксенофонт, Анаб. VII, 7, 55), κεράσω (койнэ), κρεράσω (комик Алкей 8 K), σκεδάσω (Феогний 883 и поздние прозаики). При этом сигматический тип все больше и больше укоренялся.

Однако слитное спряжение наблюдается иногда и за пределами двусложных корней у таких глаголов, где

оно явно вторичного происхождения. У Гомера отыменный глагол τελέω дает наряду с ожидаемыми формами τελέσσω и τελέσω буд. вр. τελέω, τελεῶ (I 156; Платон, Prot. 311 b); у Гомера же находим рядом в качестве будущего времени ἀντιάσω (χ 28) и ἀντιέω (M 368), соответствующие отыменным глаголам ἀντιάω и ἀντιέω. Эти две слитные формы будущего времени, являющиеся вторичными, отчасти объясняются значением глаголов, настоящее время которых легко принимало смысл будущего.

Такое распространение наблюдается иногда и при менее ясных условиях. Будущее время от μάχομαι у Гомера — μαχήσομαι (или μαχέσομαι), но у Гомера же и постоянно в аттическом диалекте находим μαχέομαι, μαχοῖμαι. Эта форма будущего времени могла быть создана на основании аор. ἐμαχεσ(σ)άμην по типу ὀλοῖμαι, ὄλεσα. От наст. вр. ἔζω, ἔζομαι существует фактивное буд. вр. -έσω, засвидетельствованное в ἀνέσει (σ 265) и καθέσω (Евполид 12, 11, Демианчук), но в аттическом диалекте было создано слитное буд. вр. καθεδοῖμαι. То же и τεγεῖσθαι как будущее время к τίκτειν. В койнэ находим: πιῶμαι (Аристотель, Rhet. 1370 b), χεῶ (Деянния апостолов II, 17) и даже καθελῶ (Лука XII, 18), образованное от καθέλων по типу βαλῶ наряду с ἐβαλον.

§ 297. Образование будущего времени от производных глаголов на -ζω представляет разного рода трудности.

В будущем времени, как и в аористе, наблюдается колебание между основой на -σω и основой на -ξω. Аттический диалект в общем стремился распространить будущее время на -σω, как и аористы на -σα, тогда как дорийские говоры отдавали предпочтение основам на заднеязычный. От наст. вр. ἀρπάξω находим ἀρπάσω (аттич.) и ἀρπάξω (X 310); от ὀνομάζω — ὀνομάσω (аттич.) и ὀνομάξω (Пиндар); от ἐργάζομαι — ἐργάσομαι (аттич.) и ἐργάξομαι (Гераклейские таблицы I, 112), от δικάζω — δικάσω и δικάξω (дор.).

В большей части глаголов на -ίζω элемент -ζω является вторичным. Поэтому весьма вероятно, что древней формой будущего времени от κορίζω было *κορίω после выпадения σ между двумя гласными, как в форме ἐρόουσι; так же *ἀεικίω от ἀεικίζω, *πτερίω от πτερίζω и др. В атти-

1 Некоторые двусложные корни могут иметь будущее время на сигму: от γυνώσκω — γνώσσομαι, от γίγνομαι — γενήσομαι.

ческом диалекте эти асигматические формы будущего времени прикрепили к типу $\mu\epsilon\omega$ и т. п. и получили слитную флексию (относительно Гомера см. Chantraine, Grammaire homérique, стр. 451). Множество примеров этого мы находим и в аттическом диалекте и в койне: $\acute{\alpha}\gamma\omega\nu\iota\sigma\theta\alpha\iota$, $\beta\alpha\delta\iota\sigma\theta\alpha\iota$ и др.; есть даже $\kappa\alpha\theta\iota\omega$ (Демосфен XXIV, 25 и др.) от $\kappa\alpha\theta\iota\zeta\omega$ (§ 247), где $-\zeta\omega$ не суффикс. Однако уже с весьма ранней эпохи наблюдается конкуренция будущего времени на $-\sigma\omega$ с будущим на $-\iota\omega$: аттические надписи дают один пример $\sigma\omega\iota$ в качестве будущего времени к $\sigma\omega\iota\zeta\omega$ (I. G. I², 188), но обычной формой является $\sigma\omega\sigma\omega$. В языке аттических ораторов наблюдается колебание между $\phi\eta\iota\sigma\omega$ (Исей I, 51) и $\phi\eta\iota\omega$ (надписи, аттическая проза).

Примечание. Мы встречаем даже будущее время на $-\iota\omega$ без соответствующего настоящего времени на $-\iota\zeta\omega$: $\acute{\alpha}\mu\iota\omega$ (Аристофан, Equ. 891) вместо $\acute{\alpha}\mu\iota\epsilon\sigma\omega$ от $\acute{\alpha}\mu\iota\epsilon\nu\omega$.

Будущее время от глаголов на $-\acute{\alpha}\zeta\omega$ представляет собой иногда (в аттическом диалекте, впрочем, редко) слитную основу на $-\acute{\alpha}\omega$. Эта система могла иметь своим отправным пунктом основы будущего времени двусложных корней, например $\delta\alpha\mu\acute{\alpha}\omega$, которому соответствуют как основы настоящего времени и $\delta\alpha\mu\acute{\alpha}\zeta\omega$ и $\delta\acute{\alpha}\mu\eta\mu\iota$: $\delta\iota\kappa\acute{\alpha}\omega$ от $\delta\iota\kappa\acute{\alpha}\zeta\omega$ (Геродот I, 97; ионийские надписи); $\beta\iota\omega$ от $\beta\iota\beta\acute{\alpha}\zeta\omega$ (Софокл, Oed. Col. 381; Аристофан, Av. 426; Платон, Phaed. 229 e), $\xi\epsilon\iota\omega$ от $\xi\epsilon\iota\acute{\alpha}\zeta\omega$ (Исократ IX, 34).

В койне также встречается несколько форм такого типа: $\acute{\alpha}\rho\pi\omega\mu\alpha\iota$ от $\acute{\alpha}\rho\pi\acute{\alpha}\zeta\omega$ (Септуагинта), $\epsilon\rho\omega\mu\alpha\iota$ от $\epsilon\rho\acute{\alpha}\zeta\omega\mu\alpha\iota$ (Септуагинта, папирусы). Однако в Новом завете будущее время глаголов на $-\acute{\alpha}\zeta\omega$ всегда образуется на $-\acute{\alpha}\sigma\omega$.

§ 298. Оба типа будущего времени в аттическом диалекте — будущего сигматического и будущего слитного — оказываются объединенными в образовании на $-\sigma\acute{\epsilon}\omega$, $-\sigma\acute{\epsilon}\omega\mu\alpha\iota$. Уже у Гомера мы находим от $\epsilon\iota\mu\iota$ — $\epsilon\sigma\sigma\epsilon\iota\tau\alpha\iota$ (B 393 и др.) наряду с $\epsilon\sigma\sigma\epsilon\tau\alpha\iota$ (A 239 и др.), $\epsilon\sigma\sigma\epsilon\tau\alpha\iota$ (A 211 и др.) и $\epsilon\sigma\tau\alpha\iota$ (A 136 и др.); в аттическом диалекте — $\pi\lambda\epsilon\upsilon\sigma\theta\epsilon\mu\epsilon\theta\alpha$ (Фукидид I, 143 и др.) от $\pi\lambda\acute{\epsilon}\omega$; $\pi\tau\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\iota\tau\alpha\iota$ (Аристофан, Ran. 1221) от $\pi\tau\acute{\epsilon}\omega$; $\psi\epsilon\upsilon\sigma\theta\epsilon\mu\alpha\iota$ (Еврипид, Med. 604) от $\psi\epsilon\acute{\upsilon}\omega$; $\chi\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\iota\sigma\theta\alpha\iota$ (Аристофан, Vesp. 941) от $\chi\acute{\epsilon}\zeta\omega$. Легко заметить, что все эти формы среднего залога.

Особенно употребителен этот тип будущего времени в западногреческих диалектах, вследствие чего он получил уже в древности название дорического будущего. В лаконском диалекте и в Гераклеиде будущее слитное и неслитное существуют рядом: $\epsilon\rho\acute{\alpha}\zeta\eta\tau\alpha\iota$ слитная форма¹ (Гераклеидские таблицы I, 168), но $\epsilon\rho\acute{\alpha}\zeta\omega\mu\alpha\iota$ (там же I, 112). В других дорийских говорах находим: в швицерском — $\sigma\pi\epsilon\upsilon\iota\omega$ (Швицер 193 A, 42), $\delta\epsilon\iota\iota\omega$ (Швицер 181, II, 16), где $-\iota\omega$ произошло из $-\epsilon\omega$; $\pi\rho\acute{\alpha}\zeta\eta\tau\alpha\iota$ (Швицер 181, VI, 6). Дорийское будущее засвидетельствовано равным образом и в северо-западных говорах: в Дельфах $\acute{\alpha}\rho\delta\epsilon\iota\iota\omega$, $\kappa\lambda\epsilon\phi\omega$, $\sigma\mu\iota\pi\rho\acute{\alpha}\zeta\omega$, $\tau\acute{\alpha}\gamma\epsilon\upsilon\sigma\omega$ в надписи Лабиадов (Швицер 323), $\sigma\kappa\iota\epsilon\iota\omega$ (Швицер 325). Так же и у Феокрита; ср. $\beta\acute{\alpha}\sigma\epsilon\upsilon\mu\alpha\iota$ (II, 8 и др.).

§ 299. Первоначально будущее время с окончаниями среднего залога могло, когда это допускалось смыслом корня, принимать страдательное значение. Гомер употребляет $\pi\acute{\epsilon}\rho\sigma\epsilon\tau\alpha\iota$ в смысле „он будет разрушен“ (Q 729), $\tau\rho\acute{\omega}\tau\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ в смысле „долженствовать быть раненым“ (M 66), $\kappa\rho\alpha\upsilon\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ „долженствовать быть совершенным“ (I 626), $\kappa\alpha\tau\alpha\chi\tau\alpha\upsilon\epsilon\sigma\theta\epsilon$ „вы будете убиты“ (E 481). Однако было образовано и будущее время на $-\acute{\eta}\sigma\omega\mu\alpha\iota$, находящееся в соответствии с аористом на $-\eta\upsilon$ (§ 185): $\delta\alpha\acute{\eta}\sigma\epsilon\alpha\iota$ „ты узнаешь“ (Y 187, T 325), ср. $\epsilon\delta\acute{\alpha}\eta\eta$. Это будущее время, как и аорист на $-\eta\upsilon$, легко приобретало страдательный смысл. От $\mu\iota\sigma\tau\omega\mu\alpha\iota$ гомеровский язык употребляет одновременно буд. вр. $\mu(\epsilon)\iota\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ (§ 136) „смешаться“ и $\mu\iota\gamma\acute{\eta}\sigma\theta\alpha\iota$ ² (K 365), единственный пример „страдательного“ будущего у Гомера, построенный на аористе $\epsilon\mu\iota\gamma\eta\upsilon$.

В аттическом диалекте будущее время среднего залога в некоторых случаях употребляется в страдательном смысле, особенно у глаголов, имеющих длинную и тяжеловесную в произношении основу. С другой стороны, там, где рядом существуют $-\theta\acute{\eta}\sigma\omega\mu\alpha\iota$ и $-\sigma\omega\mu\alpha\iota$, первая форма имеет видовое значение, близкое к значению аориста: $\acute{\alpha}\nu\iota\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ (Мейстерганс-Швицер, стр. 193), и в позднем языке формы, образованные от аориста страдательного

¹ С дорийским слиянием $\epsilon\epsilon$ в η [Ф. § 19]. — Прим. перев.

² Следует обратить внимание на то, что значение этой формы медиальное. — Прим. перев.

залога, ἀνοικήσομαι и ἀνοικήσεται; аттическое будущее от μαστιγίσομαι — μαστιγίσσεται (Мейстерганс-Швицер, стр. 193; Платон, Resp. 361 e); от πολεμήσομαι — πολεμήσεται (Фукидид, I, 68); от τιμάω — τιμήσομαι (Фукидид II, 87; Демосфен XIX, 100), но τιμήσεται (Фукидид VI, 80; Демосфен XIX, 223); относительно οἴσομαι см. ниже.

В общем аттический диалект развил будущее время на -ήσομαι или -ήσεται, параллельное аористу на -ην или на -θην и ощущавшееся как страдательное: παύήσομαι, ср. ἐπαύην; πραχθήσομαι, ср. ἐπραχθην; ῥηθήσομαι, ср. ἐρρήθην. Без соответствующего страдательного аориста: κρεμήσεται — будущее от κρέμαμαι вместо κρεμάσεται (Аристофан, Ach. 279, Vesp. 808); παρδήσομαι (Аристофан Ran. 10) при аор. ἐπαρδον. Будущее страдательное, соответствующее наст. вр. φέρω, имеет три формы: οἴσομαι (Еврипид, Or. 440; Геродот, Ксенофонт), οἰσθήσομαι (Еврипид, Suppl. 561; Псевдо-Демосфен XLIV, 45; Аристотель) и произведенную от страдательного аориста — ἐνεχθήσομαι (Фукидид VII, 56; Аристотель, Марк Аврелий).

Примечание. Дорийские надписи дают будущее время на -ήσεω, произведенное от аориста на -ην; оно отличается от соответствующей ионийской формы, с одной стороны, флексией действительного залога, с другой — своей принадлежностью к слитному типу на -σεω-, характерному для дорийского диалекта: φανησεῖν (Архимед II, 258), крит. ἀναγρарησεῖ (Коллиц 5149, 19), будущее время на -θησεω: δευθησεῖν (Архимед I, 314), родос. ἐπιτελεθησεῖν (Швицер 281). Наконец, в некоторых случаях было образовано слитное будущее время с окончаниями среднего залога: мегарск. ἀνατεθησεῖται (Коллиц 3089, 38).

§ 300. Греческий язык унаследовал от индоевропейского тип будущего времени с удвоением. Это будущее по своему происхождению не зависело от других основ и имело флексию среднего залога. Оно произошло, повидимому, от дезидеративов с удвоением, остатки которых сохранились и в индоиранском языке. Таким образом, это будущее время с удвоением первоначально не было связано с перфектом. Гомер употребляет одновременно δέξομαι и δεδέξομαι (Е 238), причем последняя форма будущего времени не обозначает законченного действия, как перфект; если она и отличается от формы δέξομαι, то, возможно, только тем, что δέξομαι имеет более дуратив-

ное значение¹. Основа с удвоением могла давать будущее страдательное, когда не существовало другого: δεδήσεται от δέω „связывать“ никогда не было употребительным, употреблялась форма δεδήσεται (Платон, Resp. 361 e). Все же уже в гомеровском языке будущее с удвоением тяготело к соотносению с перфектом: κελήσεται, μεμνήσεται, πεψήσεται „он окажется появившимся“ (ср. πέφανται и φαίνομαι) и — по аналогии — πεψήσεται „он окажется убитым“ (O 140, ср. πέφαται, πέψον), βεβρώσεται, κεχολώσεται, εἰρήσεται от εἰρηται. В аттическом: κελυάσεται, γεγράφεται, τετμήσεται, πεπράσεται (формы πράθεται избегали). Явно в связи с перфектом — как со стороны структуры, так и со стороны самого образования формы — возникли: ἐστήξω „я буду стоять“ (Аристофан, Фукидид) от ἐστήξα; τεθνήξω „я буду мертв“ (Эсхил, Аристофан, Платон) от τεθνήξα; εἴξω „я буду походить на“ (Аристофан, Nub. 1001), ср. εἶχα и εἰκώς. В новоаттическом диалекте эти перфекты иногда получали флексию среднего залога: ἐστήξομαι (Еврипид, Ксенофонт), τεθνήξομαι (Аристофан).

У Гомера встречается будущее время с удвоением, явно произведенное от аориста: πεψιδήσεται (O 215, Q 158, 187), ср. πεψιδέσθαι; πεπιδήσω (X 223), ср. πέπιδον и πιδήσω.

§ 301. Будущее время во всех языках обнаруживает тенденцию обновлять свою форму различными способами выражения. Уже в аттическом диалекте будущее время было обновлено введением перифраз. Аттические авторы употребляют иногда причастие будущего времени с глаголом ἔρχομαι для того, чтобы сказать: „я готов, я собираюсь сделать“: οἶσθα εἰς οἶδόν τινα κίνδυνον ἔρχεῖ ὑποθήσω τήν ψυχήν (Платон, Prot. 313 a) „знаешь ли ты, какой опасности ты собираешься подвергнуть свою душу?“ — Μέλλω с инфинитивом употребляется как замена будущего вре-

¹ Эта выдвигаемая автором в предположительной форме характеристика различия в значении между δέξομαι и δεδέξομαι представляется малоубедительной. Хотя по происхождению будущее время с удвоением и не связано с перфектом, значение удвоения в типе δεδέξομαι, и в частности в цитированном месте, весьма близко к тем значениям „интенсивности“ и „результативности“, которые свойственны ему и в формах перфекта. Именно поэтому, а не только в силу морфологического сходства, будущее с удвоением в ходе развития языка оказалось соотносимым с системой перфекта. — Прим. перев.

мени; точнее, μέλλω со следующим за ним инфинитивом настоящего, будущего или аориста означает „иметь намерение“, „быть готовым“. Этот оборот, наблюдаемый уже у Гомера, употребителен в ионийско-аттическом диалекте и широко засвидетельствован также в койнэ.

Примечание. Язык византийской эпохи применял иные перифразы, в частности ἔχω с неопределенным наклонением, так что ἔχω ποιῆσαι соответствует др.-греч. ποιῆσω. Позднее была создана другая перифраза: ἡ δὲ δίδω, ἡ δὲ δώσω „я дам“, где δίδω и δώσω представляют собой древнее сослагательное наклонение, а ἡ восходит к θέλω νᾶ, θέλω ἵνα. Таким образом, новогреческий язык провел и в будущем времени противопоставление основы настоящего времени и основы аориста, видов длительного и мгновенного.

НАКЛОНЕНИЯ

§ 302. Изъявительному наклонению, имеющему чисто объективный характер, противостоят — в каждой временной основе (настоящего времени, аориста, перфекта) — наклонения, выражающие субъективные оттенки, — сослагательное и желательное. Сослагательное выражает стремление сделать что-либо: φέρε ἴδω „давай, посмотрю“. У Гомера оно могло служить будущим, обозначающим то, что может случиться: καὶ τότε τίς εἴπησι (Z 459) „когда-нибудь кто-нибудь скажет“. Благодаря этому сослагательное наклонение стало играть значительную роль в некоторых типах придаточных предложений.

Желательное наклонение, как показывает данное ему грамматиками название, выражает желание: ἀδείχα τεθναίην (Σ 98) „пускай я сейчас же умру“; употребляемое в таком смысле, оно обычно имеет перед собой частицы εἴθε, εἰ γάρ. Желательное наклонение служило также для выражения возможности: ρεῖα θεός γ' ἐθέλω καὶ τηλόθεν ἄνδρα σώσαι (γ 231) „бог, если пожелает, может спасти человека даже издали“. Употребляемое в таком смысле, оно обычно сопровождается той или иной модальной частицей соответственно диалекту; в аттическом — αὔ: Ἐρως πάντων αὐτὸν ἀνδρείτατος εἴη (Платон, Συμπ. 196 d). Желательное наклонение употреблялось также в некоторых придаточных условных предложениях. Наконец, в результате собственно греческого развития желательное наклонение могло служить заменой сослагательного или даже изъявительного наклонения в подчиненных предложениях, зави-

сящих от главного глагола, стоящего в имперфекте или в аористе; такое расширение употребления желательного наклонения оказало влияние на самую его систему, так как привело к созданию желательного наклонения будущего времени.

Среди индоевропейских языков только индоиранский и греческий сохраняли в древнее время тонкое различие между сослагательным и желательным наклонениями. Но и в греческом желательное наклонение, употребление которого было очень распространено в классический период аттического диалекта, имеет тенденцию к отмиранию в койнэ и совершенно исчезает в среднегреческом и новогреческом языке.

Сослагательное наклонение

§ 303. Сослагательное наклонение в индоевропейском языке образовалось различно в зависимости от того, были ли атематическими или тематическими соответствующие основы изъявительного наклонения. Это различие хорошо засвидетельствовано в наиболее архаических греческих текстах (гомеровских) и в некоторых диалектах (ионийско-аттический в их число не входит). Однако постепенно оно исчезло и обобщено было в сослагательное наклонение тематического типа.

Сослагательное наклонение тематических глаголов характеризуется во всех диалектах долгим тематическим гласным, противопоставляемым краткому гласному изъявительного наклонения: λείπω, λείπητις, λείπητι, λείπωμεν, λείπητε, λείπωσι. Так же λίπω, λίπητις и т. д.

§ 304. Сослагательное наклонение атематического типа характеризовалось кратким гласным е/ο, присоединяемым к глагольной основе, причем последняя имела огласовку е перед суффиксом. Санскритскому asti „он есть“ противопоставит сослагат. накл. asati „чтобы он был“. Латинский язык использовал эту форму сослагательного наклонения для образования будущего времени глагола esse „быть“: erit (из *es-e-ti) служит будущим временем к est.

В греческом языке мы находим много примеров сослагательного наклонения атематических глаголов, характеризующегося кратким гласным. Наиболее многочисленны

эти примеры у Гомера, но мы наблюдаем их только в тех формах, где метрика не позволяла ионийским аэдам заменить их сослагательным наклонением с долгим гласным. Мы находим там *ἴομεν* „идем“, *ἄλεται* „чтобы он прыгнул“, но никогда не встречаем во 2-м или 3-м л. ед. ч. **εἴε*, **εἴε* или в 3-м л. мн. ч. **ἴουσι* или **αλοῦται*.

Примеры настоящего времени: *ἴομεν* (В 440 и др.) от *εἶμι* „идти“; *χεῖται*¹ (Т 32), восходящее к **χεῖ-ετα* от *χεῖμαι*. В аористе: *ἄλεται* (Λ 192, 207), ср. *ἄλτο*; *φθίεται* (Υ 173), ср. *ἔφθιτο*; *βήομεν* (Κ 97 и др.), ср. *ἔβην*; *δωόμεν* (Π 299), ср. *ἔδωκα*; *στείομεν* (Θ 297 и др.), ср. *ἔστην*; *θειόμεν* (Α 143 и др.), ср. *ἔθηκα*. В аористах на -*ην*: *δαμήετε* (Π 72), ср. *ἔδάμην* и др. В аористах типа *ἔχεα*: *χεόμεν* (Π 336); *χήομεν* (Π 333), ср. *ἔχηα*; *ἀλεύεται* (Ξ 400), ср. *ἤλεύατο*. Чрезвычайно много таких примеров в сослагательном наклонении сигматического аориста, поскольку сослагательное наклонение с кратким гласным часто давало в этих случаях удобный дактилический ритм, например: *ἀγείρομεν* (Α 142), *ἀμείβεται* (Ι 409), *ἀντήσομεν* (π 254), *βήσομεν* (Α 144), *ἰλάσσομαι* (Υ 419), *παύσομεν* (Φ 314), *σαώσομεν* (Ε 469), *ἀπώσομεν* (Θ 96) и др. Наконец, в перфекте Гомер употребляет *εἶδομεν* (Α 363) от *οἶδα* и *τεποῖτομεν* (κ 335).

Некоторые диалекты сохранили формы такого типа. Наиболее ясные примеры наблюдаются в сигматическом аористе в восточном ионийском диалекте — в Теосе *κατάξει* от *ἄγνυμι*, *ἐκκρίφει*, *ποτήρει* (Швицер 710 В), в Хиосе *πρήξοιαι* (Швицер 688 Α); в дорийском — крит. *εὐεχουρασαι*, *απολυσεται* (Коллици 5000, I, 10); в лесбосском (Бехтель I, стр. 94).

§ 305. В тематическом спряжении сослагательное наклонение характеризовалось долгим тематическим гласным, противопоставляемым краткому гласному изъявительного наклонения. Отсюда: *λείπω*, *λίπητις*, *λείπητι*, *λείπωμεν*, *λείπητε*, *λείπωσι*, или в аористе: *λίπω*, *λίπητις*, *λίπητι*, *λίπωμεν*, *λίπητε*, *λίπωσι*.

Именно эта форма сослагательного наклонения, характеризующаяся долгим гласным, распространилась и на все атематические времена греческого глагола. Сослага-

¹ Таким образом, в этой форме (как и в *στείομεν*, *θειόμεν*, см. ниже, представляющих собой лишь графический вариант вместо *στῆομεν*, *θῆομεν*) *εἰ* обозначает долгое *ε*, в отличие от соответствующей формы изъяв. накл. *χεῖται*, где *εἰ* — дифтонг. — Прим. перев.

тельное наклонение от *εἶμι* „я есмь“ всегда образуется по типу 1-го л. мн. ч. *ἔωμεν* или *ῶμεν* и т. д.; в спряжении глагола *εἶμι* „идти“ форма *ἴομεν* заменена формой *ἴωμεν*; в аттическом диалекте сослагательное наклонение от *χεῖμαι* имеет форму 3-го л. ед. ч. *χέηται* (Платон, *Symp.* 213 b и т. д.); от *δείκνυμι* — *δεικνύω*, *δεικνύομαι*. В сигматическом аористе флексия с долгим гласным начинается внедряться уже у Гомера: *παύσωμεν* (Π 29), *πέμφωμεν* (υ 383); в аттическом диалекте это постоянный тип. Точно так же в корневых аористах имеем *χεύωμεν* от *ἔχεα*, *δύωμεν* от *ἔδυν*, *φύωμεν* от *ἔφυν*¹.

В перфекте было создано сослагательное наклонение с долгим гласным типа *λελόκαω*, *λελόκητις*, *λελόκητι* и т. д.; уже у Гомера имеем такие формы, как *πεφύκητι* или *ἐφώρηται*.

§ 306. У основ, оканчивающихся на гласный, будь то основы настоящего времени или аориста (в частности, в аористах на -*ην* и на -*θην*), наблюдаются несколько отличающиеся явления. Формы сослагательного наклонения с кратким гласным, например *θῆομεν* (Α 143) от *ἔθηκα*, испытывали в ионийском диалекте перестановку количества, откуда двусложная форма *θῆωμεν* (ω 285), а затем слитное *θῶμεν*; от *ἐννευστήθην* рукописи дают *νενευσσηθῶμεν* (Ω 53), но Аристарх читал *νενευσσηθῆωμεν*. Формы с перестановкой предшествовали формам со слитным долгим гласным. Впрочем, существовали и неслитные формы с долгим гласным: гомер. *στήητις* (Ρ 30), *δῶηισιν*² (Α 324), *δῶωσιν* (Α 137), *δαμήητις* (Γ 436) и др.

За пределами ионийско-аттического диалекта формы с долгими гласными также хорошо засвидетельствованы: беот. *ἀποδῶει* (Швицер 523, 155), *κατασκευασθεῖαι* (Швицер 462, Α, 17), — в этих примерах беотийская орфография обозначает общегреч. *η* посредством *ει*; дельф. *δωη* (Коллици 1717); родос. *εργασθεῶντι* (Швицер 284, 7), с сокращением первого гласного; крит. *ενθῶμεν* и *πειθῶντι* (Коллици 5022) вместо аттич. *ἐνθῶμεν* и *πεισθῶσι*: долгое *η*

¹ Таким образом, в конечном итоге конъюнктив с кратким тематическим гласным стал ощущаться как отступление от общей нормы, и этим можно объяснить появление аналогических форм этого рода от тематических основ; например, *βούλεται* (Α 67), *στρέφεται* (Μ 42) и др. — Прим. перев.

² Об окончании этой формы см. § 346, примечание. — Прим. перев.

сократилось в *ε*, затем *ε* перешло в *ι*; со слиянием — в Гераклевских таблицах (Швицер 62, 116) *φωυι*.

В перфекте существует слитная форма: *εἰδῶ*, *εἰδῆς*, *εἰδῆι*, *εἰδῶμεν* и т. д. от *οἶδα*; эта форма восходит к основе *εἰδῆ-*, ср. буд. вр. *εἰδῆσω* и 3-е л. мн. ч. сослагат. накл. *εἰδῶσι* (ионийский диалект, Диттенбергер³ 45, 21, Галикарнасс).

Таким образом, здесь наблюдаются три различные трактовки: сохранение двух смежных долгих гласных, сокращение первого гласного и слияние. Во всех сослагательных наклонениях этого типа в аттическом диалекте мы находим слияние, чем и объясняется их проперископальность: *φῶμεν*, *ἰσῶμεν*, *τιθῶμεν*, *διδῶμεν*; аористы: *στῶμεν*, *θῶμεν*, *δῶμεν*, *βῶμεν*, *γῶμεν*, *μῖγῶμεν*, *δειχῶμεν*; перфекты, кроме *εἰδῶ*: *κεκῆται*, *μεμῶμαι*.

§ 307. Для некоторых основ, как, например, *δύωμαι*, *ἐπίσταμαι*, *κρέμαμαι*, аор. *ἐπράμην*, в греческом языке наблюдается колебание между двумя способами образования сослагательного наклонения. Иногда мы наблюдаем прибавление характеристики сослагательного наклонения: фессал. *δυναέται* (Швицер 608), где *ε* может быть кратким или обозначать *η*; ион. *δυνεῶμεθα*, *δυνεῶνται* из **δυνῆμεθα*, **δυνῆνται* или из **δυνῆμεθα*, **δυνῆνται* (Геродот IV, 97, VII, 163); дельф. *αὐσπρίαῖται* (Коллици 1717, 10). В других случаях, в частности в аттическом диалекте, долгие гласные сослагательного наклонения *η/ω* прямо и непосредственно присоединялись к основе на согласный, извлеченной из изъявительного наклонения: *δύηται* уже у Гомера (Z 229) и аттич. *δύωμαι*, *δύηι* и т. д.; точно так же аттич. *ἐπίστωμαι*, *-ηι*, *-ηται* и т. д.; *κρέμωμαι*, *-ηι*, *-ηται* и т. д.; *πρίωμαι*, *-ηι*, *-ηται* и т. д. Таким образом, в аттическом диалекте следует четко отличать эти формы от форм типа *ἰσῶμαι*, которые являются слитными и имеют иную акцентуацию. Сослагательное наклонение от *κάθηναι* „сидеть“ колеблется в аттическом диалекте между обоими флексиями *καθῶμαι* и *κάθηναι* (Аристофан, *Equ.* 754; рукописи дают *κάθηναι*, но Беккер исправляет на *καθῆται*).

§ 308. Примечание. В некоторых случаях сослагательное наклонение атематических глаголов образовалось иначе — путем воспроизведения количественного противопоставления между изъявительным (*ε/ο*) и сослагательным (*ε/ο*) наклонениями: в сослагательном

наклонении удлинялся конечный гласный основы изъявительного наклонения. Этот тип изредка встречается в ионийско-аттическом диалекте в настоящем времени на *-ωμαι*: Гомер. *ζώνωνται* (ω 89), *ῥήννται* (Гиппонакт 25 D), *διακιδάωνται* (Платон, *Phaed.* 77 b). В других диалектах в настоящем времени — мессенск. *προϊθῆναι* (Швицер 74, 87) от *εἶναι* — *ῥῆναι* (там же, строка 83); в аористе на *ε* — *προεραφῆναι* (там же, строка 160). Наконец, существует группа сослагательных наклонений на *α*: крит. *ῥῶνται* (Гортинское законодательство, Швицер 179, VIII, 20) от *ῥύσθαι*, представляющего собой критскую форму для *δύσθαι*; вероятно, *ἰσῶνται* (Швицер 190), ср. относительно *ἰσῶναι* § 217; аркад. *εἰσινωσῶνται* (Швицер 656, 15); лессб. *ἐρῶνται* (Сапфо 27 а D). По образцу этого сослагательного наклонения на *-αι*, *-αται*, соответствующего настоящему времени на *-αι*, *-αται*, было создано в сигматическом аористе сослагательное наклонение на *-αῖ*, соответствующее изъявительному наклонению на *-α*: арг. *ποτῶαῖ* (Коллици 3339, 61); элейск. *φιταεῶνται* (Швицер 424) с выпадением *σ* между двумя гласными.

§ 309. В койнэ сослагательное наклонение образуется по ионийско-аттическому типу. Здесь необходимо отметить частое смешение сослагательного наклонения сигматического аориста с изъявительным наклонением будущего времени, что объясняется утратой количественных различий. В новогреческом языке формам сослагательного наклонения предшествует частица *να* (из *ἵνα*) „чтобы“.

Желательное наклонение

§ 310. В индоевропейском языке формы желательного наклонения распадаются на две группы: с одной стороны, атематический тип, с другой — тематический. Эта классификация пригодна и для рассмотрения фактов греческого языка.

В атематическом типе желательное наклонение имело в единственном числе действительного залога суффикс **-je-*, чередовавшийся во множественном числе действительного залога и во всем среднем залоге с нулевой ступенью **-jə-*, которая перед согласным имеет форму **-i-*, а перед гласным — **-j-*. Корень имел нулевую огласовку. Так, в латинском языке в древние времена желательное наклонение от корня **es-* „быть“ было: *siem*, *siēs*, *siet*, *sīmus*, *sītis* [Э., стр. 212]. В греческом языке нулевая огласовка корня была заменена ступенью *е*, откуда *εἴην* (из **es-je-m*), *εἴης*, *εἴη*, но во множественном *εἴμεν* (**es-jə-m*), *εἴτε*, *εἴεν* (**es-jə-ent*). Этот тип желательного наклонения засвидетельствован в греческом языке в разных

атематических образованиях: $\tau\iota\delta\epsilon\acute{\iota}\eta\nu$ и $\delta\epsilon\acute{\iota}\eta\nu$, $\iota\epsilon\acute{\iota}\eta\nu$ и $\epsilon\acute{\iota}\eta\nu$, $\delta\iota\delta\acute{o}\eta\nu$ и $\delta\acute{o}\eta\nu$, $\iota\sigma\tau\alpha\acute{\iota}\eta\nu$ и $\sigma\tau\alpha\acute{\iota}\eta\nu$, $\varphi\alpha\acute{\iota}\eta\nu$ и т. д.; в среднем залоге $\tau\iota\delta\epsilon\acute{\iota}\mu\eta\nu$ и $\delta\epsilon\acute{\iota}\mu\eta\nu$ и т. д.

В настоящем времени с атематическими суффиксами: для $-\nu\eta\mu\iota$, $-\nu\alpha\mu\iota$ — $\chi\iota\rho\nu\alpha\acute{\iota}\eta\nu$, $\delta\alpha\rho\nu\alpha\acute{\iota}\eta\nu$, $\delta\nu\nu\alpha\acute{\iota}\mu\eta\nu$ и т. д.; для $-\nu\eta\mu\iota$, $-\nu\alpha\mu\iota$ отметим редкие формы — гомер. $\delta\alpha\nu\acute{o}\iota\tau\omicron$ (из $\delta\alpha\nu\acute{o}\iota\tau\omicron$) в Ω 665 и один раз в аттическом диалекте $\pi\eta\gamma\gamma\upsilon\tau\omicron$ или $\pi\eta\gamma\gamma\upsilon\tau\omicron$ (Платон, Phaed. 118 а). Относительно обычного типа $\pi\eta\gamma\gamma\upsilon\sigma\iota\mu\iota$, $\pi\eta\gamma\gamma\upsilon\sigma\iota\mu\eta\nu$ см. § 311.

Примечание. Атематическим характером слитных глаголов в некоторых диалектах объясняется возникновение таких форм желательного наклонения, как арг. $\sigma\alpha\kappa\eta\tau\iota$ (Швицер 89 g), лесб. $\theta\eta\rho\alpha\acute{\iota}\tau\iota$ (Бехтель I, стр. 83), элейск. $\sigma\upsilon\lambda\alpha\tau\iota$ (Швицер 415).

Та же структура желательного наклонения наблюдается в корневых аористах с долгим гласным без чередования: $\beta\alpha\acute{\iota}\eta\nu$, $\beta\alpha\acute{\iota}\mu\epsilon\nu$ от $\epsilon\beta\eta\nu$; $\gamma\nu\acute{o}\eta\nu$, $\gamma\nu\acute{o}\mu\epsilon\nu$ от $\epsilon\gamma\omega\nu$; $\mu\gamma\epsilon\acute{\iota}\eta\nu$, $\mu\gamma\epsilon\acute{\iota}\mu\epsilon\nu$; $\pi\alpha\acute{\iota}\delta\epsilon\upsilon\delta\epsilon\acute{\iota}\eta\nu$, $\pi\alpha\acute{\iota}\delta\epsilon\upsilon\delta\epsilon\acute{\iota}\mu\epsilon\nu$; $\varphi\acute{o}\eta\nu$, $\varphi\acute{o}\mu\epsilon\nu$ (где υ представляет собой фонетическую трактовку $\upsilon\acute{\iota}$; ср. $\epsilon\varphi\acute{o}\nu$). В $\gamma\nu\acute{o}\eta\nu$, $\beta\alpha\acute{\iota}\eta\nu$, $\mu\gamma\epsilon\acute{\iota}\eta\nu$, $\pi\alpha\acute{\iota}\delta\epsilon\upsilon\delta\epsilon\acute{\iota}\eta\nu$ закономерным был бы дифтонг с долгим гласным (* $\gamma\nu\acute{o}\eta\eta\nu$; ср. $\epsilon\gamma\omega\nu$); краткий гласный, возможно, происходит от мн. ч. $\gamma\nu\acute{o}\mu\epsilon\nu$, $\gamma\nu\acute{o}\tau\epsilon$, где сокращение $\omega\iota$ в $\omega\iota$ перед согласным объясняется фонетически [Ф. § 6].

В перфекте — $\epsilon\sigma\tau\alpha\acute{\iota}\eta\nu$, $\tau\epsilon\delta\nu\alpha\acute{\iota}\eta\nu$ и т. д. Отметим $\epsilon\delta\epsilon\acute{\iota}\eta\nu$, $\epsilon\delta\epsilon\acute{\iota}\mu\epsilon\nu$, где содержится расширение ϵ (из η ?); ср. сослагат. накл. $\epsilon\acute{\iota}\delta\acute{o}\omega > \epsilon\acute{\iota}\delta\acute{o}$.

§ 311. По поводу этого типа желательного наклонения следует сделать несколько замечаний.

а) Акцентуация обнаруживает некоторые неправильности¹. Желательное наклонение атематического настоящего времени в некоторых случаях имеет обличенное ударение на предпоследнем слоге, если последний гласный краток: $\iota\sigma\tau\alpha\acute{\iota}\mu\epsilon\nu$, $\tau\iota\delta\epsilon\acute{\iota}\mu\epsilon\nu$, $\iota\epsilon\acute{\iota}\mu\epsilon\nu$, $\delta\iota\delta\acute{o}\mu\epsilon\nu$ и т. д.; в среднем залоге — $\iota\sigma\tau\alpha\acute{o}$, $\tau\iota\delta\epsilon\acute{o}$, $\iota\epsilon\acute{o}$, $\delta\iota\delta\acute{o}\tau\omicron$; точно так же в аористе на $-\theta\eta\nu$ или на $-\eta\nu$: $\mu\gamma\epsilon\acute{\iota}\mu\epsilon\nu$, $\pi\alpha\acute{\iota}\delta\epsilon\upsilon\delta\epsilon\acute{\iota}\mu\epsilon\nu$. С другой стороны, имеем $\delta\acute{o}\nu\alpha\iota\omicron$, $\delta\acute{o}\nu\alpha\iota\omicron$, $\epsilon\pi\acute{\iota}\sigma\tau\alpha\iota\omicron$. В редких фор-

¹ Эти неправильности легко объясняются аналогическим воздействием соответствующих форм слитных глаголов: $\epsilon\acute{\iota}\delta\acute{o}\mu\epsilon\nu$ получило свое ударение по аналогии с $\varphi\iota\lambda\acute{o}\mu\epsilon\nu$, что и послужило отправным пунктом для дальнейшего аналогического взаимодействия обеих парадигм (см. п. „г“ и § 312). — Прим. перев.

мах $\delta\alpha\nu\acute{o}\iota\tau\omicron$, $\pi\eta\gamma\gamma\upsilon\tau\omicron$ обличенное ударение на предпоследнем слоге является, повидимому, наиболее обоснованным. То же в перфекте среднего залога $\mu\epsilon\nu\acute{o}\iota\tau\omicron$ и т. д. или действительного залога $\epsilon\acute{\iota}\delta\epsilon\acute{\iota}\mu\epsilon\nu$, $\tau\epsilon\delta\nu\alpha\acute{\iota}\mu\epsilon\nu$.

б) Некоторые формы желательного наклонения среднего залога, в частности перфекта, содержат η (под влиянием изъявительного наклонения): $\kappa\alpha\theta\acute{\eta}\mu\eta\nu$ (Аристофан, Lys. 149), $\epsilon\mu\pi\lambda\acute{\eta}\mu\eta\nu$ (Аристофан, Ach. 236), ср. $\epsilon\mu\pi\lambda\acute{\eta}\mu\eta\nu$; $\mu\epsilon\nu\acute{o}\iota\tau\omicron$ (Ω 745), $\mu\epsilon\nu\acute{o}\iota\tau\omicron$, ср. $\mu\epsilon\nu\acute{o}\iota\mu\alpha\iota$; $\kappa\epsilon\chi\lambda\acute{\eta}\mu\eta\nu$, $\kappa\epsilon\chi\lambda\acute{o}\iota\tau\omicron$, ср. $\kappa\epsilon\chi\lambda\eta\mu\alpha\iota$; $\kappa\epsilon\chi\tau\acute{\eta}\mu\eta\nu$, $\kappa\epsilon\chi\tau\acute{o}\iota\tau\omicron$, ср. $\kappa\epsilon\chi\tau\eta\mu\alpha\iota$.

в) Чередование огласовки суффикса $-i\epsilon/-i-$ нарушилось: в ионийском диалекте и в койнэ множественное число получило суффикс $-i\eta-$ и приняло вид типа $\epsilon\acute{\iota}\eta\mu\epsilon\nu$, $\epsilon\acute{\iota}\eta\tau\epsilon$, $\epsilon\acute{\iota}\eta\sigma\alpha\nu$; например, Фукидид, повидимому, иногда употребляет форму $\epsilon\acute{\iota}\eta\sigma\alpha\nu$.

г) Тематическая флексия распространилась на формы желательного наклонения, которые первоначально были атематическими. От глагола $\epsilon\acute{\iota}\mu\iota$ „идти“ закономерной была бы форма * $\iota\eta\nu$ (санскр. $i\ddot{a}m$); в Дельфах мы находим 3-е л. мн. ч. $-\iota\epsilon\acute{\iota}\nu$ (Швицер 325, 18), у Гомера — $\iota\epsilon\acute{\iota}\eta$ (T 209), но обычная форма относится к тематическому типу $\iota\omicron\mu\iota$, $\iota\omicron\kappa\iota$ и т. д. От глагола $\epsilon\acute{\iota}\mu\iota$ „быть“ находим у Гомера наряду с обычным $\epsilon\acute{\iota}\eta\nu$ тематическое желат. накл. $\epsilon\acute{o}\iota\kappa\iota$, $\epsilon\acute{o}\iota$ (I 142, 284). Другие случаи вытеснения атематического типа типом тематическим: $\xi\nu\nu\delta\epsilon\acute{o}\iota\tau\omicron$ (Геродот I, 53), $\sigma\nu\nu\delta\acute{o}\iota\tau\omicron$ (Ксенофонт, Anab. I, 9, 7) от аор. $\epsilon\delta\acute{\epsilon}\mu\eta\nu$; $\pi\rho\acute{o}\iota\tau\omicron$ (Ксенофонт, Anab. I, 9, 10; Платон, Gorg. 520 с) от аор. $\epsilon\acute{\iota}\mu\eta\nu$ (от $\epsilon\mu\alpha\iota$); от $\kappa\alpha\theta\eta\mu\alpha\iota$ рукописи Аристофана (Ranae 919) дают $\kappa\alpha\theta\acute{o}\iota\tau\omicron$; в перфекте уже у Гомера имеем $\mu\epsilon\nu\acute{o}\iota\tau\omicron$ (Ψ 361) от $\mu\epsilon\nu\acute{o}\iota\mu\alpha\iota$.

Тематический тип получил преобладание в желательном наклонении глаголов на $-\nu\eta\mu\iota$: $\delta\epsilon\iota\kappa\nu\acute{o}\iota\mu\iota$, $\delta\epsilon\iota\kappa\nu\acute{o}\iota\kappa\iota$, $\delta\epsilon\iota\kappa\nu\acute{o}\iota\tau\omicron$, и в желательном наклонении перфекта: $\lambda\epsilon\lambda\acute{o}\kappa\iota$, $\pi\epsilon\pi\acute{o}\nu\delta\iota$, $\pi\epsilon\phi\epsilon\acute{\iota}\gamma\omicron\iota$ и др.

§ 312. Желательное наклонение тематических глаголов характеризуется звуком $-i-$, который образует дифтонг с тематическим гласным, имеющим при этом всегда тембр о. Отсюда: $\lambda\epsilon\acute{\iota}\rho\iota\kappa\iota$, $\lambda\epsilon\acute{\iota}\rho\iota\tau\omicron$ и т. д.; $\lambda\acute{\iota}\rho\iota\kappa\iota$, $\lambda\acute{\iota}\rho\iota\tau\omicron$ и т. д. Относительно проблем, связанных с окончаниями, см. § 341 и сл.

По этому же типу было построено и желательное наклонение буд. вр. $\delta\epsilon\acute{\iota}\xi\omicron\iota$ и т. д., представляющее собой

новообразование греческого языка и употребляемое только в косвенной речи как замена изъявительного наклонения будущего времени (первые примеры — Пиндар, *Pyth.* IX, 116 и Эсхил, *Pers.* 369).

Мы отметили распространение тематического желательного наклонения на образования, бывшие первоначально атематическими. Однако и атематический тип в свою очередь оказал влияние на тематические формы. Для слитных глаголов закономерным было бы желательное наклонение типа: *φιλοῖμι, φιλοῖς, φιλοῖ, τιμῶμι, τιμῶς, τιμῶι, μισθοῖμι, μισθοῖς, μισθοῖ* и т. д.; такие формы действительно существовали; таковы же и формы среднего залога: *φιλοῖμην, τιμῶμην, μισθοῖμην*. Но от форм мн. ч. *φιλοῖμεν, τιμῶμεν, μισθοῖμεν*, близких к *διδόμεν, γινώμεν* и т. п. (которые соответствуют *διδόην, γινώην* в единственном числе), были созданы такие формы, как *гомер. φιλοῖη (δ 692), φοροῖη (ι 320)*, а в аттическом диалекте все спряжение имеет следующий вид: *φιλοῖην, φιλοῖης, φιλοῖη, τιμῶην, τιμῶης, τιμῶη* и т. д. Наконец, *σχοῖμεν* от *ἔσχω* повлекло за собой спряжение *σχοῖην, σχοῖης, σχοῖη*; в перфекте *-πεφύγοιην* (Софокл, *Oed. R.* 840). Как и в собственно атематических образованиях, характеристика *-ιη-* была перенесена и на множественное число: *ἀδικοῖμεν* (Еврипид, *Hel.* 1010), *δρώμεν* (Еврипид, *Sycl.* 132), *δοχοῖσαν* (Эсхил II, 102), *σχοῖσαν* (Гиперид, *Eux.* 32).

В лесбосском диалекте также имеются подобные формы: *ἀγαγοῖην, ἰοῖην, λαχόην* (Бехтель I, стр. 94).

§ 313. Желательное наклонение сигматического аориста имеет сложную флексию. В критском диалекте сохранились скудные следы ожидаемой атематической флексии с характеристикой желат. накл.: *-ιη-/-ι-:* 3-е л. мн. ч. *φερχοῖεν* от аор. *ἔρξα* от *ἔρδω* (Швицер 175) и в единственном числе, повидимому, *χορησιῇ* и *διχασιῇ* (В. С. Н. LXI, 1937, стр. 334, 337). Вообще греческий язык развил и использовал желательное наклонение аориста, построенное на основе с окончанием *-α*, характерным для аориста (§ 200); отсюда: *δειξαῖμι, -αις, -αι, -αίμεν, -αίτε, -αίεν*, средний залог — *δειξαίμην, -αίω, -αίτο, -αίμεθα, -αίσθε, -αίντο* (и в древнее время *-αίατο*). Но наряду с этим существует и другой тип. Аттический диалект употребляет обычно во 2-м и 3-м л. ед. ч. и в 3-м л. мн. ч. *δειξαῖας, δειξεῖε, δειξαῖα*.

У Гомера имеем одновременно *-αῖας, -αῖε, -αῖαν* и *-αις, -αι, -αίεν*. Эти формы встречаются иногда в диалектах: лесб. *διαδειξεῖε* (I. G. XII, 2, 527, 57), элейск. *καταραυσεῖε* (Швицер 409). Только грамматик Хойробоск (*Grammatici Graeci* IV, 87 и 265) приводит полную парадигму этого желательного наклонения, которое древние грамматики без достаточного основания называют эолийским: *τόφεια, τόφειας, τόφειε, τόφειμεν, τόφεισε, τόφεισθε*. Этому типу желательного наклонения давали разные объяснения. Предполагали, например (Wackernagel, *Vermischte Beiträge*, стр. 46), наличие суффикса желат. накл. **-ei-* (ср. аркад. желат. накл. *διαχωλῶσει*, Швицер 657, 7). От 1-го л. **τόφεια*, где *α* является вторичным окончанием 1-го лица (§ 341), были, как думают, образованы по аналогии с изъявительным наклонением аориста формы *-αῖας, -αῖε, -αῖαν*.

Повелительное наклонение

§ 314. Повелительное наклонение, служащее для выражения приказа, в сущности не является наклонением. Оно играет в спряжении роль, сходную с ролью звательного падежа в склонении; подобно тому как зательный падеж стоит в стороне от других падежей, повелительное наклонение также обособлено от других наклонений. Повелительное наклонение подобно изъявительному не имеет модальной характеристики, и его основа, как правило, совпадает с основой изъявительного. Можно предположить, что наиболее древней формой повелительного наклонения была чистая основа сама по себе. В греческом языке повелительное наклонение иногда образуется чистой основой, иногда же характеризуется своими особыми окончаниями. Можно, наконец, отметить, что повелительное наклонение не имеет форм 1-го лица. Приводим его флексию:

	Атематическая	Тематическая
Ед. ч.	ἴσθι „будь“	ἴθι
	ἔστω	ἔτω
Мн. ч.	ἔστε	ἴτε
	ἔστω	ἴδντων
Дв. ч.	ἔστων	ἔτων
	ἔστω	ἔτων
		λεῖπε
		λεῖπέτω
		λεῖπετε
		λεῖπόντων
		λεῖπετον
		λεῖπέτων

Часть этих форм совпадает с формами изъявительного наклонения настоящего времени: 2-е лицо множественного и 2-е лицо двойственного числа. Прочие формы требуют объяснения.

§ 315. Второе лицо единственного числа тематических глаголов представляет собой чистую основу: $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\epsilon$, $\lambda\acute{\iota}\pi\epsilon$. Закономерное для аориста ударение на тематическом гласном сохранилось в некоторых формах (§ 360, прим. 2). У атематических глаголов способы образования более разнообразны. В некоторых случаях мы находим голую основу: $\epsilon\acute{\epsilon}\iota$ „выходи“ (Аристофан, Nub. 633), ср. лат. i „иди“. В аттическом диалекте это обычная форма для таких типов, как $\acute{\iota}\sigma\tau\eta$, $\pi\acute{\iota}\mu\pi\lambda\eta$, $\kappa\rho\acute{\iota}\mu\eta$, $\delta\epsilon\acute{\iota}\chi\mu\upsilon$.

Другие формы построены с помощью элемента *-dhi, греч. -θι (ср. санскр. -hi), представляющего собой в сущности не окончание, а частицу, добавляемую к основе, с нулевой ступенью перед окончанием: ион.-аттич. $\acute{\iota}\theta\iota$ „иди“ от $\epsilon\acute{\iota}\mu\iota$, $\acute{\iota}\sigma\theta\iota$ „будь“ от $\epsilon\acute{\iota}\mu\iota$ (нулевая ступень от *-es- с редуцированным гласным, имеющим тембр i; ср. авест. -zdi).

Атематический аорист: $\beta\eta\theta\iota$, $\sigma\tau\eta\theta\iota$, $\gamma\upsilon\omega\theta\iota$, $\delta\omega\theta\iota$; аорист на -η: $\phi\acute{\alpha}\nu\eta\theta\iota$ и др.; в аористе на -θη произошла диссимиляция придыхания [Ф. § 32]: $\sigma\acute{\omega}\theta\eta\tau\iota$, $\lambda\acute{o}\theta\eta\tau\iota$.

В диалектах засвидетельствованы оба эти типа, но в употреблении их наблюдаются многочисленные колебания. У Гомера $\delta\acute{\iota}\delta\omega$ (γ 58) и $\delta\acute{\iota}\delta\omega\theta\iota$ (γ 380), $\pi\acute{\iota}\mu\pi\lambda\eta\theta\iota$ (Ф 311) вместо аттич. $\pi\acute{\iota}\mu\pi\lambda\eta$; $\acute{\iota}\lambda\eta\theta\iota$ (γ 380), но в других случаях $\acute{\iota}\lambda\alpha\theta\iota$ с кратким α (Феокрыт XV, 143); в аористе $\kappa\lambda\acute{o}\theta\iota$ (A 37) и $\kappa\acute{\epsilon}\kappa\lambda\upsilon\theta\iota$ (K 284); повелительное наклонение аориста от $\pi\acute{\iota}\omega$ „пить“ (корень *poi-/*pī-) у аттических комиков имеет форму $\pi\acute{\iota}\theta\iota$, но в лесбосском диалекте либо $\pi\acute{\omega}$ (Алкей 105 a D), либо $\pi\acute{\omega}\theta\iota$ (105 b D).

Атематическое настоящее время в эолийском диалекте, соответствующее слитным основам аттического диалекта, имеет формы, характеризующиеся долгим гласным, без окончания: $\kappa\acute{\iota}\nu\eta$ (Сапфо 113 D), $\psi\acute{\iota}\lambda\eta$ (Феокрыт XXIX, 20), $\beta\rho\acute{\alpha}\rho\tau\eta$ (Феокрыт XXVIII, 3).

Древние перфекты имеют иногда повелительное наклонение на -θι: $\acute{\alpha}\nu\omega\theta\iota$, $\pi\acute{\epsilon}\pi\epsilon\iota\sigma\theta\iota$ или $\pi\acute{\epsilon}\pi\iota\sigma\theta\iota$ (Эсхил, Euph. 599), $\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\theta\iota$, $\tau\acute{\epsilon}\lambda\alpha\theta\iota$, $\delta\epsilon\acute{\iota}\delta\theta\iota$, (φ) $\acute{\iota}\sigma\theta\iota$ от (φ) $\acute{\iota}\sigma\theta\alpha$ (в ионийско-аттическом диалекте — омоним к $\acute{\iota}\sigma\theta\iota$ „будь“).

Примечания: 1. В некоторых случаях атематическое повелительное наклонение во 2-м лице ед. ч. характеризуется добавлением тематического гласного. Так объясняются обычные формы аттического диалекта: $\tau\acute{\iota}\theta\epsilon\iota$, $\acute{\iota}\epsilon\iota$, $\delta\acute{\iota}\delta\omega\iota$ от $\tau\acute{\iota}\theta\eta\mu\iota$, $\acute{\iota}\eta\mu\iota$, $\delta\acute{\iota}\delta\omega\mu\iota$; кроме того, с долгим α, происходящим из слияния -αε-, — формы $\pi\rho\acute{o}\sigma\acute{\iota}\sigma\tau\alpha$ и $\pi\acute{\iota}\mu\pi\lambda\alpha$ у некоторых аттических комиков (Кюнер-Бласс II, стр. 45); в аор. $\kappa\alpha\tau\alpha\phi\alpha$ (Аристофан, Ran. 35).

2. Иногда повелительное наклонение характеризуется конечной сигмой. В аттическом диалекте это обычная форма для повелительного наклонения аор. $\acute{\epsilon}\varsigma$ от $\acute{\iota}\eta\mu\iota$, $\theta\acute{\epsilon}\varsigma$ от $\tau\acute{\iota}\theta\eta\mu\iota$, $\delta\acute{\iota}\varsigma$ от $\delta\acute{\iota}\delta\omega\mu\iota$. Эта сигма наблюдается также в некоторых случаях тематического повелительного: аттич. $\sigma\acute{\chi}\epsilon\varsigma$ от $\acute{\epsilon}\sigma\chi\omega\iota$, Гомер. $\acute{\epsilon}\nu\acute{\iota}\sigma\tau\epsilon\varsigma$ наряду с $\acute{\epsilon}\nu\acute{\iota}\sigma\tau\epsilon$, изъяв. накл. $\acute{\epsilon}\sigma\tau\omega\iota$.

3. Неясным остается $\pi\acute{\iota}\varsigma$ (и $\pi\acute{\iota}\epsilon\varsigma$) вместо $\pi\acute{\iota}\varsigma$, встречаемое на аттических вазах (Kretschmer, Griech. Vaseninschriften, стр. 95), а также $\delta\acute{\iota}\delta\epsilon\iota$ (Пиндар, Ol. I, 85; VI, 104 и др.).

§ 316. Второе лицо множественного числа образуется при помощи окончания -τε и, следовательно, совпадает с формой изъявительного наклонения настоящего времени: $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\epsilon\tau\epsilon$, $\lambda\acute{\iota}\pi\epsilon\tau\epsilon$, $\acute{\epsilon}\sigma\tau\epsilon$, $\acute{\iota}\tau\epsilon$, $\tau\acute{\iota}\theta\epsilon\tau\epsilon$, $\kappa\lambda\acute{o}\tau\epsilon$ (B 56) и $\kappa\acute{\epsilon}\kappa\lambda\upsilon\tau\epsilon$ (H 67) и др. Отметим Гомер. $\phi\acute{\epsilon}\rho\tau\epsilon$ (I 171), представляющее собой единственную атематическую форму спряжения этого глагола.

§ 317. Для 3-го лица ед. ч. какого-либо определенного окончания, возводимого к индоевропейскому языку, нет. Мы находим здесь некоторые следы употребления голой основы (типа $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\epsilon$) в 3-м лице, как это обычно для 2-го лица (Кратин 144 K; ср. Wackernagel, Vorlesungen über Syntax I, стр. 106). Обычно к форме без окончания добавляется особая частица, именно *-tōd, греч. -τω (ср. лат. -tō). Эта частица не обозначает собственно какого-либо лица: в латинском языке она служила для образования как 3-го, так и 2-го лица повелительного наклонения будущего времени. Возможно, что и в греческом языке она встречалась в формах 2-го лица, ср. кипр. $\acute{\epsilon}\lambda\theta\acute{\epsilon}\tau\omega\varsigma$, интерпретируемое у Гесиохия как $\acute{\epsilon}\lambda\theta\acute{\epsilon}$ (относительно сигмы ср. $\theta\acute{\epsilon}\varsigma$, § 315, прим. 2). Однако в конечном итоге роль окончания -τω свелась к тому, что оно стало характеристикой 3-го лица ед. ч. повелительного наклонения. Атематические формы: $\acute{\epsilon}\sigma\tau\omega$, $\acute{\iota}\tau\omega$, $\phi\acute{\alpha}\tau\omega$, $\tau\acute{\iota}\theta\acute{\epsilon}\tau\omega$, $\acute{\iota}\acute{\epsilon}\tau\omega$, $\acute{\iota}\sigma\acute{\alpha}\tau\omega$, $\delta\acute{\iota}\delta\acute{o}\tau\omega$, $\theta\acute{\acute{\epsilon}}\tau\omega$, $\acute{\epsilon}\tau\omega$, $\sigma\acute{\tau}\acute{\eta}\tau\omega$, $\delta\acute{o}\tau\omega$, $\gamma\acute{\upsilon}\kappa\acute{o}\tau\omega$ и др. Тематические формы: $\lambda\epsilon\acute{\iota}\pi\acute{\epsilon}\tau\omega$, $\lambda\acute{\iota}\pi\acute{\epsilon}\tau\omega$. Перфекты: $\acute{\iota}\sigma\tau\omega$ от $\acute{\iota}\sigma\theta\alpha$, $\acute{\epsilon}\sigma\acute{\alpha}\tau\omega$ от $\acute{\epsilon}\sigma\tau\eta\kappa\alpha$, $\mu\acute{\epsilon}\rho\acute{\alpha}\tau\omega$ от $\mu\acute{\epsilon}\rho\omega\alpha$.

§ 318. Формы 3-го лица мн. ч. принадлежат к разным типам:

а) По образцу ед. ч. ἔστω при изъяв. накл. ἐστί было образовано множественное число путем замены окончания изъяв. накл. -υτι окончанием -υτω. Этот тип 3-го лица мн. ч. засвидетельствован для глагола εἰμί аргоским εὐτω (I. G. IV, 554). В западной группе диалектов встречаются атематические и тематические формы этого типа: διαγινωτω, ποιεωτω — атематическая форма от ποιέω, аркад. ζαμιοντω (Швицер 565); в той же надписи εοιτω является повелительным наклонением от εἰμί, перешедшим в тематическое спряжение.

б) В других случаях к элементу -τω добавлялось характерное для множественного числа υ: на основании ἔστω „пусть он будет“ было образовано ἔστων (Гомер; обычная форма ионийско-аттического диалекта); от ἵτω „пусть от идет“ — ἵτων (Эсхил, Eum. 32).

в) Обычная в ионийско-аттическом диалекте форма является результатом комбинации обоих предыдущих типов: τιθέων, διδόντων, φάντων, γόντων, λυθέντων и др.; с введением тематического гласного ο: ὄντων, где основа сходна с основой причастия (надписи, юридические тексты; литературные тексты дают ἔστων, см. п. „б“) от εἰμί „быть“ и ἰόντων от εἰμί „идти“. Все тематические формы имеют окончание -όντων: λειπόντων, λιπόντων и др. В критском диалекте — образованное таким же способом εὐτων „пусть они будут“ (Диттенбергер³ 712) и др.

г) Вторичное ионийское окончание -σαν (§ 353) также проникло в повелительное наклонение. Оно появляется уже в V в. у Еврипида и Фукидида, а также в надписях начиная с 300 г.: ἐστωσαν „пусть они будут“ (Фукидид VIII, 18), τιθέτωσαν и др. В тематическом спряжении в связи с формой 3-го лица ед. ч. для 3-го лица мн. ч. возникло окончание -έτωσαν: λειπέτωσαν, λιπέτωσαν, μαθέτωσαν (Фукидид I, 34); в сигматическом аористе — θεραπεύσάτωσαν (Ксенофонт, Него VIII, 4) и др. Эта форма является обычной для ионийско-аттической койнэ, например в Новом завете.

д) Некоторые лесбосские формы представляются неясными: στείρουτον и αποφεροτον (Швицер 620, 6 и 8). Окончание -ουτον засвидетельствовано, по видимому, и на Родосе.

§ 319. Формы повелительного наклонения двойственного числа засвидетельствованы редко: 2-е лицо — φέρετον, φάτον (совпадают с формами изъявительного наклонения); 3-е лицо — с долгим гласным по аналогии с 3-м л. мн. ч. повел. накл. φέρετω, φάτω; ср. гомер. κομείτων (Θ 109).

§ 320. В среднем залоге 2-е лицо повелительного наклонения характеризуется вторичным окончанием -σο: λῶσο (из *λῶεσο), τίθεσο, θῶ (из *θῆεσο) и т. д.

Точно так же 2-е лицо мн. ч., имея окончание -σθε, совпадает с соответствующей формой изъявительного наклонения: λῶεσθε, τίθεσθε, θῆεσθε и т. п.

Форма 3-го лица ед. ч. на -σθω возникла по аналогии: φερέσθω было образовано от φερέσθε на основании φερέτω наряду с φέρετε.

Это окончание -σθω (у тематических -έ-σθω) служит также для образования 3-го лица мн. ч. в некоторых диалектах: дор. εκδανεῖσθω, κριεσθω (Коркира, Коллиц 3206, 125). Чаще окончание -σθω получало те же признаки множественного числа, что и окончание действительного залога -τω.

а) Окончание -υσθω (-ο-υσθω у тематических глаголов) развилось параллельно с окончанием -υτω особенно в дорийском диалекте: арг. ποτιγραφανυσθω (Швицер 83, В 26); с выпадением υ перед σ: эпидавр. φεροσθω (Швицер 108, 14), лаконск. ἀνελοςθω (Швицер 57 В).

б) Множественное число могло характеризоваться конечным υ, прибавляемым к -σθω, — обычный способ образования его в ионийско-аттическом диалекте: гомер. ἐπέσθων (I 170), φερέσθων, πθέσθων, λεξάσθων и т. п. Это окончание, обычное в аттическом диалекте, отличается, таким образом, по структуре от окончания действительного залога: φερόντων, но φερέσθων.

в) Комбинация типов „а“ и „б“ наблюдается в единичных случаях. В качестве примера можно привести аттич. ἐπιμελῶσθων (I. G. I², 39, 19).

г) Вторичное ионийское окончание наблюдается в среднем, как и в действительном залоге, и мы находим не только -έτωσαν, но и -έσθωσαν, в частности, в надписях койнэ, близких по времени к началу новой эры: Fouilles de Delphes II, 120 — εὐδικάζεσθωσαν; также в Новом завете — πρὸς ἐξάσθωσαν (Послание Иакова V, 14).

д) Параллельно с 3-м лицом мн. ч. действительного залога на -ουτον лесбосский диалект употребляет в среднем залоге окончание -εσθου: ἐπιτρέσθου (Швицер 620, 23).

§ 321. В двойственном числе средний залог располагал, повидимому, двумя окончаниями, параллельными окончаниям действительного залога: 2-е л. βουλεύεσθον, 3-е л. βουλεύεσθων.

§ 322. Таким образом, мы видим, что повелительное наклонение не имело модальной характеристики. Окончания его частично тождественны с окончаниями изъявительного наклонения. Только конечное -τω послужило отправным пунктом для построения форм 3-го лица ед. и мн. ч., различающихся в зависимости от эпохи и диалекта: в этой эволюции ясно наблюдается действие аналогии.

§ 323. Второе лицо сигматического повелительного наклонения (тип εἰςα и как его параллель εἴπα, ἤρεξα) нуждается в особом рассмотрении. Действительный залог δειξον, ἐνευχον, εἴπον (Платон, Мено 71d), средний залог δειξαί, ἐνευχαί. Эти неясные формы, представляя собой древние именные формы глагола. Δειξον пытались сблизить с такими инфинитивами, как оск. deicim; δειξαί точно совпадает с инфинитивом действительного залога и, возможно, вовлечено в систему среднего залога в результате вторичного развития (отметим, однако, различие в ударении между βουλεύσαι — инфинитивом аориста действительного залога и βούλευσαι — повелительным наклонением аориста среднего залога).

Начиная приблизительно с новой эры вульгарные папирусы дают вместо -ου окончание -σε, обусловленное влиянием настоящего времени.

ИМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Инфинитив

§ 324. Именные формы глагола не относятся собственно к спряжению. Они не содержат указания на лицо, то есть того, что является характерной особенностью глагольной системы. Однако в индоевропейском языке

были имена, образованные от глагольных основ: санскр. вед. аје „для ведения“ значит то же, что русск. „чтобы вести“. В различных индоевропейских языках, и особенно в греческом, развились подлинные инфинитивы, то есть именные формы, тесно связанные с глагольными основами: λείπειν, λείφειν, λπεῖν, λελοιπέναι. Эти образования каждый язык создал независимо от других языков, и их происхождение часто остается неясным.

В самом греческом языке, как мы увидим, формы инфинитива, по крайней мере в действительном залоге, отличаются друг от друга в зависимости от диалекта, что указывает на их развитие после эпохи общегреческого языка.

Греческий инфинитив тесно связан с глагольной системой. Не различая числа и лица, он выражает все видовые различия, характерные для глагола: настоящее, будущее, аорист, перфект. Наконец в ходе исторического развития языка (но еще не у Гомера) присоединение частицы ᾶν дало инфинитиву возможность выражать и модальные оттенки.

Часто пытались установить в разных формах инфинитива падежные окончания. С точки зрения греческого языка, инфинитив не представляет собой ни одну из обычных падежных форм, и попытки увидеть в одном случае форму местного падежа, в другом — дательного не свободны от произвола.

§ 325. Действительный залог. Действительные формы инфинитива различны в зависимости от диалекта. Атематический тип имеет следующие формы:

1. -υαί в ионийско-аттическом и аркадско-кипрском диалектах и у Гомера: ион.-аттич. εἶναι (из *εῖσ-υαί), τεῖναι, δίδναι, ἰέναι, ἰσάναι, γυναι, βῆναι, στῆναι и т. п.; аркад. ηναι из *εσναι (Швицер 654); кипр. κημερέναι вместо аттич. κημερύων (Швицер 685).

Те же диалекты имеют также -έναι: ἰέναι (от εἶναι „идти“), а также инфинитивы θεέναι из *θεεναί, εἶναι, δοῦναι. В аркадском диалекте — слитная форма δωναι (Швицер 666), но в кипрском — δαφεναι (Швицер 679, 6); последняя форма не может служить доказательством того, что -εναί восходит к -φεναι во всяком инфинитиве на -έναι. Вместе с тем возможно, что гомер. δοῦναι объясняется из *δαφναι.

Те же суффиксы инфинитива мы находим в перфекте ионийско-аттического диалекта: *τεῦνάναι*, *ἐσάναι* и т. п.; с окончанием *-έαι*: *εἰδέαι*, *λελυκέαι* и т. п.

2. *-μεναι* в лесбосском диалекте и у Гомера: *ἔμμεναι* „быть“ из **εσμεναι* с эолийской трактовкой группы *σμ* (A 117 и др.), также *ἔμμεναι* (Γ 40); *ἔδμεναι* (Δ 345), *ἔμμεναι* (Z 393), *γοῖμμεναι* (Ξ 502) и т. п.; в аористе: *ἔμμεναι* (δ 297), *ἔμμεναι* (λ 531), *δόμεναι* (Α 98), *βήμεναι* (Ρ 504), *γώμμεναι* (Β 349) и т. п.; в так называемом страдательном аористе: *μυγήμεναι* (Z 161), *μυθήμεναι* (Α 438) и т. п.; в перфекте: *ἴδμεναι* от *οἶδα* „знать“ (N 273 и др.), *τεῦνόμεναι* (Ω 225), *ἐστάμεναι* (Κ 480) и т. п. Сходные с этим формы в лесбосском диалекте: *θεμεναι*, *δομεναι* (Бехтель I, стр. 98).

3. *-μεν* в фессалийском, беотийском и в большей части говоров западной группы. У Гомера это окончание, как и окончание *-μεναι*, является эолизмом: *ἔμμεν* и *ἔμμεν* наряду с *ἔμμεναι* и *ἔμμεναι* (Σ 364, Δ 299), *ἔμμεν* (Α 170), *-έμμεν* (Δ 351); в аористе: *ἔμμεν* (λ 315), *δόμεν* (Δ 379), *-έμμεν* (Α 283); в перфекте: *ἐστάμεν* (Δ 342), *τετάμεν* (γ 209), *δειδέμεν* (ι 274), *γεγάμεν* (Ε 248), *βεβράμεν* (Ρ 359). Точно так же в других диалектах: фессал. *ἔμμεν*, *θεμεν*, *δομεν*, *ἐπτεμεν* (Бехтель I, стр. 192), беот. *εμμεν* „быть“, *διδόμεν*, *δομεν* (Бехтель I, стр. 289). В дорийских говорах: дельф. *εμμεν* „быть“, *μμεν* „идти“, *διδόμεν* и др. (Бехтель II, стр. 137); элейск. *ημεν* „быть“, *γώμμεν* (Бехтель II, стр. 856); лаконск. *ημεν* „быть“, *αυιστάμεν* (Бехтель II, стр. 355); арг. *φαμεν*, *αποκρίθημεν* (Бехтель II, стр. 498) и т. п. Критский диалект употребляет окончание *-μεν* в *αποδομεν* и др., но также, повидимому, и в арханческих надписях, *-μην*: *ημην* „быть“, *θεμην* и др. (Бехтель II, стр. 757); сходным образом и родосский диалект имеет окончание *-μεν*: *ημεν* „быть“, *αναθεμεν*, *γώμμεν* (Бехтель II, стр. 646). Эти формы на *-μην* и *-μεν* обусловлены, повидимому, влиянием тематических инфинитивов на *-ην* и на *-εην*.

Примечание. Как мы увидим далее (§ 330), суффиксы *-μεν* и *-μεναι* в некоторых диалектах распространились и на тематические формы; и наоборот, заимствованное у тематической флексии *-η* иногда распространялось и на атематическую флексию: в лесбосском диалекте у слитных глаголов, которые обычно являются атематическими, мы находим *καλήν*, *κέρην*, *στέφανον*. Точно так же от древних атематических основ настоящего времени и аориста и в страдательном аористе имеем: *εἶδον*, *ομιλῶ*, *πρὸςταῖ*, *τελεσθῆν* (Бехтель I, стр. 98).

§ 326. Суффиксы *-μεν* и *-μεναι* являются, очевидно, суффиксами именного словопроизводства, родственными типу **-men*, **-mon*, **-mp* таких образований, как *ποικίλν*, *ἡγεμῶν*, *δνομα*. Суффикс *-μεν* без окончания, часто рассматриваемый как местный падеж, в действительности представляет собой, вероятно, древнюю неопределенную форму наречия. Что же касается конечного *-αι* в окончании *-μεναι*, то оно, повидимому, не является падежным окончанием. В ведическом языке существуют инфинитивы, довольно сходные с этими греческими инфинитивами — типа *vidmane*, но окончание *-e* не следует сближать с греч. *-αι*.

Инфинитивы на *-αι* и *-εαι* заключают в себе, с одной стороны, то же конечное *-αι*, которое содержится в *-μεναι*, с другой — тот же именной суффикс на носовой звук (ср. *αἶψα* и т. п.), который мы встречаем в тематическом инфинитиве.

§ 327. С атематическим инфинитивом следует сближать инфинитив сигматического аор. *δεῖξαι*, который служит вместе с тем и повелительным наклонением аориста среднего залога (§ 323). Эта форма, содержащая в себе тот же элемент *-αι*, который мы имеем в окончаниях *-αι*, *-εαι*, *-μεναι*, построена на корне с расширения *-αι*. В санскритском языке также существуют инфинитивы, построенные на корне с расширением *s*. Это *s* первоначально не имело ничего общего с характеристикой аориста и получило связь с аористом в результате вторичного развития в греческом языке. По образцу *δεῖξαι* наряду с *ἐδεῖξα* была создана форма *χέαι* наряду с *ἔχεα* и т. п. Относительно неопределенного наклонения на *-σεν*, засвидетельствованного в Лариссе в Фессалии, см. Бехтель I, стр. 193.

§ 328. Характеристикой тематического инфинитива является носовой звук в суффиксах *-εην* и *-εην* (дор. *-ην*).

Инфинитив на *-εην*, вероятно представляющий собой древнюю форму¹, засвидетельствован в аркадском диалекте: *απεχεν*, *δικαζεν* (Бехтель I, стр. 371) и в некоторых дорийских говорах: геракл. *αυγαφεν* (Бехтель II, стр. 411),

¹ Benveniste, Origines de la formation des noms, стр. 96, где *-εην* сближается с *-α* (*-η*) в *ἀλεῖφα* и т. п.

арг. πομπεῖν, такеν и в слитном глаголе πολεῖν (Бехтель II, стр. 499); крит. πρᾶσσειν, ἐξείν (Бехтель II, 758); дельф. ἀρεῖν, φερεῖν (Бехтель II, стр. 138). Единичные случаи употребления -εῖν в слитных глаголах являются, по видимому, результатом аналогического распространения.

Инфинитив на -εῖν встречается иногда и в литературных текстах: δρέπειν (Гесиод, Op. et d. 611), τράφειν (Пиндар, Pyth. IV, 115), ἔχειν (Феокрыт VI, 26) и т. п.

§ 329. Помимо этих случаев, инфинитив характеризуется окончанием -εῖν или -ην (в результате слияния -εεῖν). Окончание -εῖν свойственно ионийско-аттическому диалекту и хорошо засвидетельствовано уже у Гомера: λείπειν, φέρειν, ἄγειν, ληπεῖν и т. п. Этот суффикс наблюдается также у слитных глаголов: гомер. φιλέειν, ἑάαν (в котором кроется древнее *ἑάειν; ср. § 286), у Гесиода ἀμάειν (Гесиод, Op. et d. 392). Аттическое слитное спряжение: φιλεῖν, τιμᾶν, μισθεῖν; две последние формы, в которых нет никакого следа иоты, указывают на то, что в -εῖν мы имеем долгое закрытое е, а не истинный дифтонг.

В фессалийском диалекте мы находим также долгое закрытое е: φευγῆν, εχεῖν (Бехтель I, стр. 193); в родоском — παρεχεῖν (Бехтель II, стр. 647).

В других диалектах находим -ην: лесб. κοπτην, ἀμβροτην (аттич. ἀμαρτην), παθην (Бехтель I, стр. 99), элейск. γαρρην „подвергнуться изгнанию“, πασuhn (Бехтель II, стр. 856), лаконск. εχην (Бехтель II, стр. 355), ἀνδάνην (Алкман, Parth. 88), στήην вместо ион.-аттич. στήειν (Аристофан, Lys. 1004).

Для случаев перехода перфекта к флексии настоящего времени (§ 211) засвидетельствовано окончание тематического инфинитива: ἀπολόλειν на Косе (Бехтель II, стр. 591), γέρονειν на Родосе (Бехтель II, стр. 647), λελαβήκειν „быть взявшим“ в Аргосе (Бехтель II, стр. 499).

Примечание. Суффикс инфинитива -εῖν, -ην, восходящий к -εεῖν, не ясен. Повидимому, он восходит к древнему *-esen¹. Гомеровский эпос употребляет инфинитив аориста на -εεῖν: ἰδέειν, βαλέειν и т. п. Высказывалось предположение, что за этими формами скрываются древние формы на -εεῖν. В действительности -εεῖν следует в ряде мест исправить на -εῖν, а там, где эта форма достоверна, она, по видимому, введена в аористе искусственным путем: ληπέειν наряду с ληπεῖν, подобно φιλέειν наряду с φιλεῖν².

¹ Benveniste, Origines de la formation des noms, стр. 96.
² Chantraine, Grammaire homérique, 1942, стр. 492.

§ 330. В некоторых эолийских диалектах тематический инфинитив заимствовал характеристику от атематического типа: фессал. κρεῖνμεν (аттич. κρίναι), πρᾶσσεμεν и т. п. (Бехтель I, стр. 193); беот. φερεμεν и т. п. (Бехтель I, стр. 289—290); в лесбосском диалекте такое распространение не наблюдается. В дорийской области находим один изолированный пример προφειπεμεν (в критском диалекте; Бехтель II, стр. 758). В гомеровском диалекте имеем много примеров инфинитива на -έμεν: ἀγέμεν, ἀγορεύεμεν, αἰσχυνέμεν, ἀνασσεύεμεν и т. п.; употребителен здесь также инфинитив на -έμεναι, который, по видимому, не имеет соответствий ни в одном из других диалектов (относительно -μεναι у атематических глаголов см. § 325): ἀγινέμεναι, ἀκούεμεναι, ἀλεξέμεναι и т. п. Все эти формы, которые следует толковать как эолизмы эпического языка, употребляются преимущественно в тех местах стиха, где они удобны для дактилического размера (особенно в 4-й и 5-й стопах).

§ 331. Средний залог. Формы инфинитива среднего залога не имеют того разнообразия, какое наблюдается в инфинитиве действительного залога. Здесь мы наблюдаем единую характеристику, служащую для образования любого инфинитива среднего залога — как тематического, так и атематического, как настоящего времени и аориста, так и перфекта; это окончание -σθαι в λείπεσθαι, ληπέσθαι, λελεῖψθαι (из *-п-σθαι), διδασθαι, κείσθαι, πεπύσθαι (из *-θ-σθαι) и т. п. Делались попытки сближения этой характеристики с индоиранскими инфинитивами на -dhyai. Однако при ближайшем анализе в них обнаруживается расхождение: присутствие -σ- и отсутствие i в греческом, различие между -ai и -ai¹.

Примечание. Подобно тому как фессалийский диалект Лариссы заменил в инфинитиве аориста окончание -σαι окончанием -εεῖν (§ 327), в среднем залоге под влиянием типа φέρειν он заменил окончание -σθαι окончанием -σθειν: εἰσσεσθειν, εἰσσειν, φάριξασθειν и т. п. (Бехтель I, стр. 194).

§ 332. Одной из важнейших черт истории среднегреческого и новогреческого языка является отмирание и исчезновение инфинитива. Новогреческий язык сохранил лишь его следы в описательной форме перф. ἔχω θέσει, δεθεῖ

¹ Benveniste, Origines de la formation des noms, стр. 208.

„я связал“, „я был связан“, где *δέσαι* и *δεθεί* представляют собой др.-греч. *δέσαι*, *δεθῆναι*. Кроме того, инфинитив дал такие существительные, как *τὸ φαγί* „пища“, *τὸ φιλί* „поцелуй“.

Причастие

§ 333. Индоевропейские причастия были именными формами, производными от глагольных основ: настоящего, будущего, аориста, перфекта. Эти именные формы представляют собой прилагательные, согласующиеся в роде и числе с существительными, к которым они относятся, и обладающие полной флексией склонения. Различие между действительным и средним залогами выражается в причастии разными суффиксами. Вместе с тем перфект имеет, по крайней мере в действительном залоге, суффикс, отличный от суффикса настоящего времени и аориста. Система причастий получила в греческом языке особенное развитие.

§ 334. Действительный залог. В действительном залоге причастие настоящего времени и аориста характеризуется суффиксом *-nt-. В тематическом типе имеем основу *φερον-* (*φέρων*, *φερούσα* из **φερον-ia*, *φέρου*) или *λῑπον-* (*λῑπών*, *λῑποῖσα*, *λῑπόν*) без чередования гласных, но форма именительного падежа мужского рода содержит *ω*. В атематическом типе существовало чередование гласных, оставившее некоторые следы в греческом языке.

Атематические причастия от корней, оканчивающихся на гласный, характеризуются суффиксом -ντ-: *τιθείς*, *θείς*, *είς*, *είς*, *δίδους*, *δούς*, *ιστάς*, *στάς*, *φάς*, *γνούς*, *βάς*, *λυθείς*, *δείξας* от основ *τιθεν-*, *θεν-*, *ιεν-*, *έν-*, *διδον-*, *δον-*, *ισταν-*, *стан-*, *γνον-*, *βαν-*, *λυθεν-*, *δείξαν-* (относительно этой формы см. § 200); относительно сигматического именительного падежа см. § 65.

В других случаях греческий язык последовательно провел ступень огласовки *ο* и использовал суффикс -οντ-: *ῑών* (основа *ῑον-*) от глагола *εἶμι* „идти“. От глагола *εἶμι* „быть“ в большей части греческих говоров сохранилось прич. *ῑών*, *ῑοῖσα*, *ῑόν* (из **es-ont-*). В этом причастии мы находим след чередования огласовки: в женском роде закономерной была бы нулевая ступень корня и суффикса (ср. санскр. *satī*), откуда получилась бы форма **h-aasa*. След ее обнаруживается в дорийском диалекте: это форма *εασα*,

в которую было введено *ε* из формы *ῑών* (в мессенском диалекте — Швицер 73, в аркадском — Швицер 661); в критском диалекте — *ιαττα* (Швицер 179, VIII, 47). С другой стороны, существует форма *εασα*, в которой *ε* явилось субститутом *α* (в аргосском диалекте — Швицер 109, 2). Аттический диалект употребляет формы *ῑον*, *ῑοῖσα*, *ῑόν* с последовательно проведенной в суффиксе огласовкой *ο*, что восходит, по видимому, к **s-ont-* с нулевой ступенью корня: закономерное придыхание в начале исчезло под влиянием аналогии с другими формами глагола *εἶμι*, не имеющими придыхания. Наконец, след огласовки *ε* в суффиксе сохранился в дор. *ετας* из **s-ent-es* (Геракля, Швицер 62, 117), с дат. п. мн. ч. *ετασσιν* (там же, 104), где конечное -*ασσιν*, возможно, указывает на древний дательный падеж с нулевой ступенью **ās-sin* (**snt-si*).

Прилагательное *ῑών* „добровольно“ следует толковать как древнее атематическое причастие (ср. санскр. *vasmī*); женскому роду *ῑοῖσα* соответствует в дорийском диалекте крит. *εκαῖθα* с нулевой огласовкой в слого, предшествующем окончанию (Бехтель II, стр. 694).

Суффикс -ont- в **i-ont-*, *ῑών* представляется, с точки зрения греческого языка, идентичным сочетанию тематического гласного и -nt- в **leik^u-o-nt-*, *λεῖπον*.

Прич. *ῑδ-οντ-*, соответствующее инф. *ῑδμεναι* (§ 241), содействовало образованию тематической формы *ῑδω*. У атематических глаголов на -*ωμι* типа *ῑμωμι* и т. п. древняя форма причастия была типа *ῑμύων* и т. п. (ср. Геродот, I, 205 *ζεῦγύων* и др.). Эти формы, как и формы 3-го лица мн. ч. на -*ουσι* и на -*ουσιν* (§ 351, 352), благоприятствовали переходу основ на -*ωμι* к тематической флексии. Однако аттический диалект (и уже гомеровский эпос, где метрика не допускала формы *ῑμύων*) использовал причастие, аналогичное формам *ιστάς*, *τιθείς* и т. п.: *ῑμύς*, *ῑμύσα*, *ῑμύν¹*.

Причастие перфекта характеризовалось в действительном залоге двояким суффиксом: **-uet-/*-uot-* и **-ues-/*-uos-*.

¹ Наличие у Геродота форм причастий тематического образования *δεικνύονσι*, *δεικνύοντες* не служит убедительным доказательством того, что этот тип причастий для глаголов на -*ωμι* является исконным, а тип *δεικνύς* — возникшим по аналогии. С большей вероятностью можно предположить обратное. — Прим. перев.

Соотношение между этими двумя типами не поддается точному определению. В санскритском языке наиболее важным является сигматический тип, а тип на переднеязычный наблюдается лишь в некоторых падежах, например в именительном и винительном среднего рода и др. В греческом языке суффикс на *s* получает в женском роде форму с нулевой ступенью *-us-*: гомер. (ῥ)ιδυῖα, аттич. εἰδυῖα (где *-vīa* восходит к **-us-ja*); точно так же гомер. πεπαυῖα, аттич. πεπονυῖα, λελυῖα и т. п. В среднем роде суффикс имеет форму **-uos*: εἰδός (из **ῥεἰδφος*), πεπονυός, λελυός. В им. п. м. р. εἰδώς, λελυός восходят, вероятно, к **ῥεἰδ-φος* и т. д. с сигматическим суффиксом и удлинением гласного, предшествующего окончанию. Все другие падежи имеют суффикс на переднеязычный: εἰδότα, εἰδότες. Относительно нулевой ступени корня в женском роде см. § 217, 218.

Примечания: 1. Относительно перехода причастия перфекта к флексии настоящего времени см. § 211.

2. В женском роде появляется также окончание *-vīa* с огласовкой *e*, заменившее *-vīa* под влиянием βαρεῖα и т. п. Это окончание засвидетельствовано в новоаттическом диалекте (γεγονεῖα — Мейстерганс-Швипер, стр. 169), в дорийском (ἐργεῖα — Гераклеяские таблицы I, 19) и в койнэ. В ионийском диалекте находим несколько примеров огласовки *o*, заимствованной от формы мужского рода: ἐωθεῖα (Гиппократ VI, 200 Литтре).

Наконец, по аналогии с τρωῖα были созданы формы βεβῶτα (у 14, Софокл, Платон), ἐστεῶτα (Геродот), ἐστῶτα (аттический диалект), γεγῶτα, τεθνεῶτα (аттический диалект).

§ 335. *Средний залог.* Суффиксом здесь служит *-μενος* как для настоящего времени и аориста, так и для перфекта, причем меняется только место ударения. Мы имеем, с одной стороны, λειπόμενος, λιπόμενος, τιθέμενος, θέμενος, δεῖξάμενος, с другой — λειπεύμενος, δεδεύμενος. Греческий язык унифицировал характеристику причастия среднего залога. Первоначальным суффиксом было, повидимому, **-mno-* (ср. βέλεμνον, лат. alimnus); санскритский язык, с своей стороны, создал для тематических глаголов суффикс *-māna-* (но атематическая форма *-āna-*).

Отглагольные прилагательные на *-τός* и *-τέος*

§ 336. Прилагательное на **-to-* не относится, строго говоря, к глагольной системе индоевропейского языка.

Оно имеет корневой характер и обнаруживает собственную огласовку, а именно, нулевую, например в *τῶς* (от корня **ten-*) от *τεῖνω*, *ἔτεινα*, *τέταμαι* и т. д.; *αἶστος* „неведомый“ (§ 258; от корня **meid-*) от *εἶδον* и *οἶδα*; *θετός* от *τίθημι* и т. п. Первоначально суффикс *-τός* употреблялся, повидимому, для сложных прилагательных, а затем распространился и на простые. С другой стороны, он имел тенденцию все теснее срастаться с системой глагола. Степень огласовки настоящего времени была распространена на прилагательные на *-τός* в *θρεπτός* от *τρέφω* и *στρεπτός* от *στρέφω*. Отметим также развитие элемента *σ* (§ 367), игравшего большую роль в греческом спряжении: *γνώστος*, ср. *ἐγνώσθη*; *κλαυτός*, наряду с более древним *κλαυτός*, ср. *ἐκλαύσθη*; *θαρμαστός* наряду с более древним *θαρματός*, ср. *θαυμάζω*, *ἐθαυμάσθη*.

Прилагательное на *-τός* служило первоначально для выражения страдательного состояния, но употреблялось также и с оттенком возможности: *λυτός* означает одновременно „развязанный“ и „могущий быть развязанным“. Другая особенность прилагательного на *-τός* состоит в том, что оно, хотя смысл его главным образом страдательный, могло употребляться и в активном значении, в частности в сложных прилагательных, и поэты широко пользовались этой возможностью. К числу наиболее обычных примеров сюда относятся *ἄγνωστος* „незнаемый“ и „незнающий“, *δυνατός* „возможный“ и „способный“ и др.

Примечание. В новогреческом языке суффикс *-τος* дает только прилагательные, не имеющие никакого отношения к спряжению; для образования отглагольного прилагательного со страдательным значением служит суффикс *-μενος*.

§ 337. Соответствием к отглагольному прилагательному на *-τός* является, с точки зрения греческого языка, прилагательное на *-τέος*, служащее для выражения должностности. Первоначально этот суффикс не имел, повидимому, ничего общего с *-τός*; его вариант засвидетельствован, вероятно, в санскритском суффиксе *-tavya-*. У Гомера это отглагольное прилагательное не засвидетельствовано. Первый его пример *φατείς* мы находим у Гесиода (Theog. 310): *ὅς τι φατείς Κέρβερον* „несказанного Кербера“.

В этом примере прилагательное является эпитетом. После того как суффикс *-τέος* был включен в систему глагола, прилагательные этого типа стали употребляться только в предикативной функции. Первым примером этого является *Φέρωνα γεγωνητέον* „следует воспеть Ферона“ (Пиндар, *Ol.* II, 5). Это развитие шло преимущественно в языке прозы; у поэтов (за исключением Аристофана) такие прилагательные редки, но часты у Ксенофонта и Платона.

В наиболее древних примерах прилагательное на *-τέος* имеет ту же огласовку (нулевая ступень), что и прилагательное на *-τός*: *ιστέον* от *οἶδα*; *ἰτέον* от *εἶμι* (Платон, *Resp.* 394 d), но также *ἰτῆτέον* (Аристофан, *Nub.* 131) от не засвидетельствованного в других формах наст. вр. **ἰτάω*; *μαχέτέον* от *μάχομαι* (Платон, *Soph.* 249 c). Отметим *περιοπτέος* (Геродот VII, 168 и др.), где связь с отглагольным прилагательным *οπτός* очевидна. С другой стороны, *συυεστέον* от *συύεμι* (Платон, *Prot.* 313 b) построено на основе глагола *εἶμι* без связи с какой бы то ни было формой на *-τός*.

Некоторые прилагательные на *-τέος*, повидимому, испытывали на себе влияние будущего времени: *οἰστέος* можно поставить в связь как с *οἰστός*, так и с *οἰσω*; *πειστέον* (Платон, *Soph.* 244 b), ср. *πεισόμεναι*, но у Гомера *ἄπιστος*; *πειστέον*, ср. *πεισόμεναι*, но отглагольное прилагательное (утратившее в дальнейшем связь с глаголом) *πιστός*; *ἀποδανέτέον* (Аристотель, *Eth. Nic.* 1110 a), ср. *ἀποδανόμεναι*; *μετελευτέον* (Лукиан, *Fugit.* 22), ср. *ἐλεβόμεναι*. В позднюю эпоху *κεραυνέτέον* (Максим Тирский V, 4, 71) образовано непосредственно от основы наст. вр. *κεράυνωμι*.

Одна из своеобразных особенностей этого отглагольного прилагательного состоит в том, что оно допускает различные конструкции. Так, нам известна личная конструкция его (ср. Геродот VII, 168), хотя безличная конструкция более употребительна; ср. *αὐτῇ τῇ φυγῇ θεατέον αὐτά τὰ πράγματα* (Платон, *Phaed.* 66 d) „самой душой надо созерцать сами вещи“, или даже *οὐ μὴν δολευτέον τοῦ νόου ἔχοντος τοῖς οὐσιν καθὼς φρονέουσιν* (Исократ IX, 7). Следует отметить еще, что в качестве безличного среднего рода здесь употребляется средний род как единственного числа на *-τέον*, так и множественного числа на *-τέα*; ср. *ἀμυντέα* (Софокл, *Ant.* 677) и др.

§ 338. Флексия глагольных основ заключается в греческом языке в присоединении к ним различных окончаний, выражающих категорию лица: я, ты, он, вы двое, они двое, мы, вы, они. Эти отличительные признаки тем более важны, что личные местоимения употребляются лишь в исключительных случаях. Следует отметить, что так называемые окончания множественного числа не представляют собой простого изменения окончаний единственного числа, так что все три ряда — единственное, двойственное и множественное — совершенно независимы друг от друга. Помимо лица, окончания выражают также залог (§ 339) и — в известной степени — время, так как вторичные окончания (прошедших времен) и окончания первичные (настоящего времени), а частично и окончания перфекта, в некоторых лицах различаются между собой.

§ 339. Различие между окончаниями действительного и среднего залогов (*φέρω* и *φέρομαι*, *ἵστημι* и *ἵσταμαι*) восходит к индоевропейскому языку, хотя мы и не можем точно установить, в чем заключался смысл этого различия в древние времена. В греческом и индоиранском языках представлен полный ряд окончаний действительного и среднего залогов, но возможно, что мы сталкиваемся здесь со случаем особого развития в этих языках: некоторые факты позволяют думать, что это различие не всегда бывало четко выражено. В самом греческом языке некоторые пережитки дают, например, основание считать, что окончания среднего залога часто употреблялись во вторичных (прошедших) временах и что для одного и того же глагола окончания среднего залога во вторичных временах могли соответствовать окончаниям действительного залога в настоящем времени: имперфект от *φῆμι* у Гомера чаще всего *φάτο*, а не *ἔφθ*, причем с этой формой не связан какой-либо особый смысловой оттенок.

Тем не менее можно попытаться определить смысл противопоставления между действительным и средним залогами.

Окончания действительного залога не предполагают для данной формы переходного значения: в *εἶμι* „я есмь“ — те же окончания, что и в *τίθημι* „я кладу (что-либо)“. Одному и тому же действительному глаголу может быть

свойственно и переходное и непереходное употребление: $\epsilon\chi\omega$ означает „я имею (что-либо)“ и „я держусь“, в частности с наречием: $\kappa\alpha\chi\omicron\varsigma \epsilon\chi\omega$ „мне плохо“; $\lambda\epsilon\iota\psi\omega$ означает „я оставляю“ и „меня недостает“ и др.

Окончания среднего залога указывают на особый характер связи процесса с субъектом: $\nu\iota\zeta\omega$ значит „я мою“, а $\nu\iota\zeta\omicron\mu\alpha\iota$ — „я моюсь“, $\pi\omicron\lambda\epsilon\mu\omega \pi\omicron\iota\omega$ — „я возбуждаю войну“, а $\pi\omicron\lambda\epsilon\mu\omega \pi\omicron\iota\omega\mu\alpha\iota$ — „я веду войну“. Поэтому средний залог вошел в ряд выражений, отличавшихся от действительного залога оттенками, изучение которых относится к области синтаксиса и лексикологии. Наконец, ввиду своего „субъективного“ характера средний залог очень подходил для обозначения процессов психической деятельности: $\alpha\iota\sigma\theta\acute{\alpha}\nu\omicron\mu\alpha\iota$, $\delta\iota\alpha\upsilon\omicron\mu\alpha\iota$, $\epsilon\upsilon\theta\upsilon\mu\omicron\mu\alpha\iota$, $\sigma\acute{\iota}\mu\alpha\iota$, $\beta\omicron\lambda\omicron\mu\alpha\iota$ и т. п.

С точки зрения морфологии важно, что средний залог был использован для выражения страдательного залога; то же наблюдается и в других индоевропейских языках. Нейтральный, наполовину возвратный, смысл среднего залога облегчил возможность употребления его в страдательном значении; последнее могло быть подчеркнуто инструментальным-дательным падежом: $\acute{\alpha}\nu\epsilon\mu\omicron\varsigma \psi\acute{\epsilon}\rho\omicron\mu\alpha\iota$ (т. 82) или дополнением действующего лица с предлогом $\upsilon\pi\omicron$: $\upsilon\pi\omicron \tau\iota\omega\varsigma \nu\iota\chi\acute{\alpha}\sigma\theta\alpha\iota$, даже в том случае, когда речь не идет о лице в собственном смысле слова: $\upsilon\pi\omicron \tau\omicron\upsilon \kappa\alpha\chi\omicron\varsigma \nu\iota\chi\acute{\alpha}\sigma\theta\alpha\iota$ (Фукидид II, 51). Средний залог перфекта, выражавший состояние, особенно легко принимал страдательный смысл.

Однако страдательное значение не обязательно связано со средним залогом; мы видели, что для построения аориста страдательного залога греческий язык использовал основу на -η- или на -θη-, обозначающую состояние (§ 185 и сл.) и принимавшую при спряжении окончания действительного залога.

Часты случаи, когда окончания действительного и страдательного залогов в спряжении одного и того же глагола распределяются по разным временам. Мы видели (§ 294), что древнее будущее время имело склонность спрягаться по среднему залогом: $\beta\alpha\acute{\iota}\omega$, $\beta\acute{\iota}\zeta\omicron\mu\alpha\iota$; $\pi\acute{\alpha}\tau\omega$, $\pi\acute{\epsilon}\iota\sigma\sigma\omicron\mu\alpha\iota$. С другой стороны, при спряжении среднего залога в прочих основах непереходный перфект оказывался иногда „действительным“: $\acute{\epsilon}\sigma\tau\eta\kappa\alpha$ соответствует наст. вр. $\acute{\iota}\sigma\tau\alpha\mu\alpha\iota$, $\gamma\acute{\epsilon}\gamma\omicron\upsilon\alpha$ — $\gamma\acute{\iota}\gamma\mu\omicron\mu\alpha\iota$ и т. п. То же относится и к некоторым

аористам: $\acute{\epsilon}\sigma\tau\eta$ соответствует наст. вр. $\acute{\iota}\sigma\tau\alpha\mu\alpha\iota$, $\acute{\epsilon}\delta\omicron\upsilon$ — $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\mu\alpha\iota$, $\acute{\epsilon}\phi\omicron\upsilon$ — $\phi\omicron\beta\omicron\mu\alpha\iota$, гомер. $\acute{\epsilon}\tau\omicron\alpha\phi\omega$ — $\tau\acute{\rho}\epsilon\phi\omicron\mu\alpha\iota$ и т. п.

Следовательно, мы не вправе предполагать для всякого глагола полную систему среднего залога, соответствующую полной системе действительного залога.

Примечание. Новогреческий язык сохранил средний залог, употребляемый либо в „среднем“, либо в страдательном смысле.

§ 340. Помимо различия между действительным и средним-страдательным залогом, следует иметь в виду еще одно различие. Прежде всего мы должны различать: 1) первичные окончания, служащие для образования форм настоящего времени, 2) вторичные окончания, служащие для образования форм прошедших времен и, как общее правило, форм желательного наклонения, 3) окончания перфекта. Эти различные типы, восходящие к индоевропейскому языку, не во всех лицах четко разграничены между собой. В 1-м и 2-м лице мн. ч. существует только один тип окончаний для настоящего времени, прошедших времен и перфекта. Перфект имеет свои, свойственные ему, окончания только в единственном числе; к тому же 2-е лицо ед. ч. принимает у большей части глаголов окончания вторичных времен. В 3-м лице мн. ч. действительного залога и во всем среднем залогом перфект употребляет первичные окончания.

Наконец, при рассмотрении различных основ нам приходится проводить различие между тематической системой, где окончания присоединяются к корню при посредстве гласного е/о (гласный о в 1-м лице ед. ч. и в 1-м и 3-м лице мн. ч.; гласный е во 2-м и 3-м лице ед. ч. и 2-м лице мн. ч., а также в двойственном числе), и атематической системой, где окончания присоединяются прямо к корню; в этих двух типах частично различаются между собой и самые окончания.

Относительно свойственных повелительному наклонению окончаний см. § 314 и сл.

ТАБЛИЦА ОКОНЧАНИЙ

Первое лицо единственного числа

§ 341. Действительный залог. Первичные окончания. В атематическом действительном залогом мы имеем окончание -μι: $\acute{\epsilon}\mu\iota$, $\acute{\epsilon}\mu\acute{\iota}$, $\phi\eta\mu\acute{\iota}$, $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\mu\iota$,

τιθημι, ἵημι, δείκνυμι. Это окончание мы находим и в санскр. -mi.

В тематическōй флексии окончания в собственном смысле этого слова нет: здесь происходит удлинение тематического гласного о: λείπω и т. п., в соответствии с латинским типом linquō.

Примечание. Отметим у Гомера распространение окончания -μι на сослагательное наклонение в формах εἴλωμι (А 549), ἀράωμι (Ω 717), ἴδωμι (Σ 63) и т. п. Относительно желательного наклонения φέροισι см. ниже.

Вторичные окончания. Здесь окончание представляло собой носовой звук, который в индоиранском и латинском языках представлен звуком -m, а в греческом — -v. Это окончание используется как для тематической, так и для атематической флексии: ἴστην, ἔστην, εἰδείκνυν; в тематической флексии гласный перед окончанием имеет тембр о: εἰλεπον, εἰλπον и т. п. После согласного и иногда после i носовой звук вокализировался, давая в греческом языке α: гомер. ἦα (из *es-m) „я был“, ἦια „я шел“, ἔχεα „я пролил“ (из *exef-m), εἰδεία „я показал“ (§ 200).

Так как желательное наклонение имеет вторичные окончания, то мы находим в атематическом типе: εἶην, βαιήν, τιθείην, διδοίην. В тематическом типе после дифтонга oi закономерным было бы m > α. Это окончание засвидетельствовано в аркад. ἐξελαινῖα (Швицер 665 с, 30). Конечно -ῖα иногда заменялось окончанием -οι: ἀμάρτοι (Кратин 55 К), но обычно его замещает -οις с первичным атематическим окончанием.

Примечание. Аркадская форма αφευδῶν (Швицер 665 с, 3) является, повидимому, желательным наклонением, но остается не объясненной.

Перфект. Окончание -α (которое в этом случае не является вокализированным m) — древнее; мы находим его в ирландском и, вероятно, в индоиранском языке: oīda, pépouda, léluha и т. п. С точки зрения греческого языка, это окончание совпадало со вторичным окончанием -α, восходящим к m, в гомер. ἦα и в таких аористах, как ἔχεα или εἰδεία.

§ 342. Средний залог. Первичные окончания. В греческом языке окончание здесь -μαι как в атематических формах: κεῖμαι, ἦμαι, τίθεμαι и т. п., так и в тематических: λείπομαι; сослагат. накл. λείπομαι. Это окончание распространилось и на перфект: δέδομαι, τέτραμμαι, λέλειπμαι и т. п. Индоевропейское окончание было, вероятно, *-ai, представленное в санскритском языке как -e: चायु „я лежу“ (ср. κεῖμαι), bhare „я несу для себя“ (φέρωμαι). Это окончание сохранилось, повидимому, в окончании латинского перфекта -i: tutudī [Э. § 297].

Вторичные окончания. В греческом языке здесь существует только одно окончание: общегреч., дор. и др. -μαι, ион.-аттич. -μεν. Это окончание нельзя непосредственно сближать с индоиранским окончанием -i, ср. вед. adikṣi „я показал“. Высказывались предположения, что m было введено в результате вторичного развития (подобно m в окончании -μαι) и что v является добавкой, лишенной собственно морфологического значения, а α представляет собой долгую ступень, чередующуюся с э, которое представлено, возможно, в санскр. -i.

Итак, мы имеем: κεῖμεν, ἦμεν, ἐτιθέμεν, ἐδόμεν, εἰδείαμεν, ἐδεόμεν, εἰλεόμεν, εἰλόμεν и т. п.

Второе лицо единственного числа

§ 343. Действительный залог. Первичные окончания. Древнее атематическое окончание *-si сохранилось только в эолийской и дорийской форме (Гомер, Пиндар, Софрон) ἐσσι (§ 235) из *es-si. Ионийско-аттическая форма εἶ восходит к *esi (§ 235). Точно так же εἶ „ты идешь, ты пойдешь“ восходит к *eisi; ср. санскр. esi.

Вообще атематический тип заимствовал у вторичных времен конечное s: ион. εἷς „ты еси“, ἴσθης, τίθης, ἴης, δίδως, δείκνυς, δάμνεις и т. п. Отметим εἷς „ты пойдешь“ (Гесиод, Op. et d. 208) вместо εἶ. Для 2-го лица ед. ч. от глагола φημί чаще всего засвидетельствована форма φῆς: *φᾶσι перешло, повидимому, в *φᾶι, *φῆι, а затем — путем добавления сигмы из вторичных окончаний — в φῆς.

Относительно форм настоящего времени на -θα см. ниже.

В тематическом настоящем времени тип λείπεις, λέγεις, ἄγεις не соответствует ни лат. agis, legis, ни санскр.

ajasi¹. Действительно, тематическое 2-е лицо ед. ч. (как и 3-е лицо) имеет различные формы в разных индоевропейских языках. Была сделана попытка объяснить дифтонг -ei путем сближения с литовским языком, где соответствующее окончание восходит, повидимому, к дифтонгу *-ei. Греческая форма содержит действительный дифтонг, так что ei не является обозначением долгого e; ср. лессб. *φέρεις* (Сапфо 120 D), *θέλεις* (Алкей 134 D). Существование действительного дифтонга предполагают также слитные формы типа *τιμῆς* и т. п. Конечная сигма может представлять собой, как и в атематическом настоящем времени, заимствование из вторичных времен.

Примечание. В таких формах, как *οὐρίσθες* (Феокрит I, 3), *ἀμελγες* (Феокрит IV, 3), наблюдается, повидимому, простое перенесение вторичного окончания на настоящее время.

Вторичные окончания. Окончание везде -ς, входящее к индоевропейскому языку: *ἴσθης, ἔσθης, ἔδειξας, ἔλειπες, ἔλιπες* и т. п.; в желательном наклонении — *ἵσταις, λείποις* и т. п. Это окончание вошло в употребление и в перфекте.

Перфект. В греческом языке существовало окончание -θα, соответствующее, повидимому, санскр. -tha (хотя обычно санскр. -th- соответствует греческое -τ-). Это окончание ясно сохранилось в *οἶσθα* (из **cooid-tha*) и в *ἦσθα*, 2-м лице имперфекта от *εἶμι* (этот имперфект, вероятно, частично восходит к древнему перфекту).

Это окончание -θα использовали для 2-го лица настоящего времени поэты и особенно Гомер: *τίθῃσθα* (ι 404, ω 476), *εἰσθα* от *εἶμι* „идти“ (K 450), *φῆισθα* (ξ 149); имперфект, помимо *ἦσθα* — *ἔφῃσθα* (A 397); в сослагательном наклонении — *ἐθέλῃσθα* (A 554 и др.), *πίησθα* (Z 260); в желательном — *βάλῃσθα* (O 571), *κλαῖῃσθα* (Ω 619). Во всех этих примерах окончание -θα просто добавлено непосредственно к обычной форме 2-го лица.

С другой стороны, перфект получил для 2-го лица везде,

¹ Обычно форму *λείπεις* объясняют как возникшую из **λειπε[σ]τ* [Ф. § 61, 16] в результате прибавления к этой форме, после исчезновения интервокального -s, вторичного окончания -ς. По аналогии с этой формой могла быть создана и форма 3-го л. ед. ч. *λείπει* (по соотношению *λείπεις* : *λείπει* || *ἔλειπες* : *ἔλιπες*). — Прим. перев.

за исключением *οἶσθα*, вторичное окончание -ς: *πέπονθας, ἐβόνησας, λέλυκας* и т. п., ион. *οἶδας*.

Отметим, наконец, комбинацию -θα и -ς в *οἶσθας* (Кратин 105 K), *ἦσθας* (Менандр, Epitrep. 156).

§ 344. Средний залог. Первичные окончания. Уже в индоевропейском языке *-sai служило окончанием как в атематическом, так и в тематическом типе; ср. санскр. *dhukse, bharase* и т. п. В греческом языке это окончание было сохранено, хотя выпадение сигмы между двумя гласными создавало некоторые трудности. В тематическом типе мы имеем у Гомера изъяв. накл. *φέρεαι* (из **φέρεσαι*), сослагат. накл. *φέρηαι*. В аттическом диалекте, со слиянием, изъяв. накл. *φέρηι*, позднее, начиная с IV в., *φέρεις*; сослагат. накл. *φέρηι*.

В атематическом типе сигма должна была сохраниться после согласного: *ἦσαι* „ты сидишь“ (B 255) из **ἦσαι*; в перф. *λέλειψαι* и т. п. Между гласными сигма должна была выпасть. Мы имеем у Гомера *κατάκειαι* (Hymn. in Merc. 254), *διζῆσαι* (λ 100); в перф. *μέμνηται* (Ф 442). В спряжении глаголов *δύναται* и *ἐπίσταται* ионийско-аттический диалект дает несколько слитных форм: в некоторых местах у Софокла (Phil. 798, 849) и Еврипида (Hecuba 253) рукописное предание колеблется между *δύναι* и *δύνηι* (по аналогии с тематической флексией?). У Феокрита находим *δύναι* (X, 2); от *ἐπίσταται* встречается *ἐπίστη* (Феоград 1085), *ἐπίσται* (Эсхил, Eum. 86); у Геродота отметим *ἐπίσταται* (VII, 135) под влиянием тематической флексии, поддержанным формой 3-го л. мн. ч. *ἐπιστάεσται* (ср. § 354).

Обычно с между двумя гласными в атематической флексии восстанавливалось: *κείσαι* (гомеровская форма), *ίστασαι, τίθεσαι, ἐπίστασαι, δύσασαι, μέμνησαι* и т. п. Перфект и здесь не имеет собственного окончания и употребляет -σαι (ср. -μαι, § 342). В койнэ окончание -σαι продолжало распространяться и перешло в тематическую флексию: в Новом завете уже встречается *πίεσαι, φάγεσαι* и, у слитных глаголов, *καυχᾶσαι, ὀδυᾶσαι* и т. п. В дальнейшем были созданы формы типа *φέρεσαι*. Это окончание общеупотребительно в новогреческом языке: *φέρεσαι* „ты несешься“ и т. п.

Примечание. В аркадско-кипрском диалекте окончание -σαι под влиянием, повидимому, вторичного окончания -so изменилось в -σοι, откуда *κείσοι* вместо *κείσαι* (Бехтель I, стр. 370).

§ 345. Вторичные окончания. Существует только одно вторичное окончание -*so*, обнаруживающее те же явления, что и первичное окончание -*ai*.

Выпадение *σ* между двумя гласными наблюдается во многих формах. Оно всегда происходит в тематической флексии: гомер. ἴκεο (I 56), со слиянием — гомер. φράζεο (δ 395), аттич. ἐφέροу, ἐγέουо и т. п.

В атематической флексии выпадение *σ* между двумя гласными также наблюдается часто: гомер. ἔσσυο (ι 447), ἐμάργαο (χ 228), у Геродота ἐκτῆσαο (VII, 29) и — со слиянием — ἐκτῆσω (ω 193), ἐπεφράσω (Ф 410) и др. В повелительном наклонении — τίεο (ж 333), φάο (π 168); в К 291 рукописное предание колеблется между παρίσταο и παρίστασ; последняя форма принадлежит аттическому диалекту.

По образцу ἔσσο (от ἐνυμν, корень *цес-), καθῆσο (из *ησ-*so*, корень *ēs-) были созданы такие формы, как имперф. κεῖσο (ω 40); повел. накл. κεῖσο (Σ 178), δύνσο (τ 68).

В аттическом диалекте у атематических глаголов сигма восстановлена в основах настоящего времени, но не в основах аориста; таким образом, формы ἵσταο (однако ср. ἵστω, Софокл, Phil. 893 и др.), δείκνυο и ἐδείκνυο, τίθεο и ἐτίθεο, ἴεο, δίδοο и ἐδίδοο противопоставляются формам θοῖ и ἔθου, δοῖ и ἔδου. Однако в аористе от ἵμαι мы имеем повел. накл. οἶ при изъяв. накл. εἶσο.

В имперфекте глаголов ἐπίσταμαι и δύναμαι собственно аттическими формами являются слитные формы ἡπίστω, ἐδύνω, но Софокл употребляет в повелительном наклонении одинаково ἐπίστω и ἐπίστασ, и мы находим примеры формы ἡπίστασ. В аор. ἐπρίαμυ обычно находим ἐπρίω, но в повелительном наклонении Аристофан употребляет как πρίω (Ach. 34), так и πρίασo (Ach. 870). Встречается и ἐφρίσo (Эсхил, Septem 960).

Примечания: 1. В дорийском диалекте в результате слияния -*ao* возникает долгое *a*, откуда сигматический аор. ἐπάζα (Феокрыт IV, 28), ἐκτάα (Феокрыт V, 6).

2. В койнэ развитие шло в сторону распространения окончания -*so*; так, в основании новогреческой формы тематической флексии φερύβοου лежит форма с окончанием -*so*.

Это 2-е лицо на *-*so* восходит к индоевропейскому языку и представлено иранск. -*sa* и лат. -*te* (из *-*se*) в *sequere*. Латинская форма указывает, повидимому, на то,

что окончание это имело чередование *-*se*/*-*so*. Окончание действительного залога -*s* могло бы представлять собой нулевую ступень этого окончания *-*se*/*-*so*.

Третье лицо единственного числа

§ 346. Действительный залог. Первичные окончания. В атематическом типе окончание было -*ti*, которое мы находим в санскритском, латинском и других языках: ἔσσι (лат. *est*, санскр. *asti* и др.), дор. τίθητι (Феокрыт III, 48). С переходом *τ* в *σ* перед *ι* в ионийско-аттическом и лесбосском диалектах находим: τίθησι, διδωσι, ἵησι, εἶσι от εἶμι „идти“, φησι, ἡσι „он говорит“ (Саффо 122 D). Под влиянием вторичных форм (ср. ниже) появляются примеры 3-го лица ед. ч. без окончания: лесб. τίθη, δίδω, ζεύγυ (Бехтель I, 97), δείκνυ (Гесиод, Op. et d. 526), ἔρη (Феокрыт XXX, 22).

Примечание. В свою очередь окончание -*ti* распространилось на некоторые случаи сослагательного наклонения, где оно присоединилось непосредственно к нормальной форме 3-го л. ед. ч.: ἀγῆσι (ζ 37), εἰέλῃσι (I 146), φέρεσι (I 323) и др.

Тематические глаголы имеют окончание -*ei*: ἄγει, λείπει и т. п. Это окончание, в котором *ei* является подлинным дифтонгом (как показывает слияние типа τιμαῖ из *τιμαει, а также тот факт, что в беотийском диалекте это окончание обозначается как -*i*), находится, очевидно, в каком-то соотношении с окончанием 2-го л. -*ei* и также представляется неясным¹. Другие индоевропейские языки имеют здесь то же окончание *-*ti*, что для атематических глаголов: санскр. *ajati*, лат. *agit* и т. д.

Вторичные окончания. Как для атематических, так и для тематических глаголов индоевропейский язык имел окончание *-*t*, ср. санскр. *abharat*, др.-лат. *feced*. В греческом языке этот конечный переднеязычный отпал: ἐτίθει, ἐδίδοу, ἵστη, ἔσσι, ἔβη, ἔγνο, ἔλεπε, ἔλιπε, в желательном наклонении ἵσταῖη, σταῖη, φέροι и т. п.

В сигматическом аористе, где конечный переднеязычный исчезал после *σ*, окончание было заимствовано от перфекта: по образцу λείπε было образовано ἐδείξε, ἔλυσε,

¹ См. предыдущую сноску. — Прим. перев.

ἔχεε (от ἔχεα) и т. п. Могла оказать влияние и форма имперфекта типа ἔλειπε.

Перфект. Перфект имеет окончание ε, несомненно древнее, — λῆλοπτε. Это ε предполагается также и в ирландской форме.

§ 347. *Средний залог.* Первичные окончания. Окончание -ται (беот. -τη, фессал. -τει) соответствует индоиранскому окончанию, санскр. -te (индоевр. *-tai), и употребляется как в атематическом, так и в тематическом настоящем времени: ἵσταται от ἵμαι (ср. санскр. āste), κεῖται, τίθεται, λείπεται, сослагат. накл. ἰσθήται, λείπηται, λίπηται и т. п., перф. λῆλειπται и т. п.

В аркадском диалекте окончание -τοι — по аналогии со вторичным окончанием: βολῆτοι = ион.-аттич. βόληται (Швицер 654, 9).

Вторичные окончания. Окончание -το служит как для тематических, так и для атематических глаголов: ἐφέρετο (ср. санскр. abharata), ἐλείπετο, ἐτίθετο, ἐθετο, ἐλέλειπτο; желат. накл. ἰσταίτο, λείποιτο и т. п. Также находим мы это окончание и в латинском языке в форме -tu (из *-to-) в fātūr; ср. гомер. φάτο. В оскско-умбромском языке окончание имеет тембр е: оск. sakarater (= лат. sacratūr). И здесь, как и во 2-м лице, мы встречаемся с чередованием *-to/*-te, которому в окончании действительного залога соответствует, повидимому, нулевая ступень *-t (§ 346).

Первое лицо множественного числа

§ 348. *Действительный залог.* Различия между первичными и вторичными окончаниями нет. За исключением дорийского и северо-западных диалектов, окончанием является -μεν: τίθεμεν, λείπομεν, ἔθεμεν, ἐλίπομεν, λελόπαμεν и т. п. С этим окончанием сближали санскритское окончание вторичных времен -mā, -mā, рассматривая конечный носовой в греческом окончании как „неорганический“.

В западногреческом и дорийском диалектах окончание -μεс: лаконск. ἰχομεс (Аристофан, Lys. 1077), геракл. συμετρησμεс (Гераклеийские таблицы I, 11), арг. ἀπεδοχαμεс (I. G. IV, 1488), крит. ὀμομοχαμεс (Швицер 193, 102), надписи Феры εμβαλουμεс (Швицер 227, 282); несколько примеров в дельфийском — ἀπεδοχαμεс (Диттенбергер³ 241, 2).

Это окончание является обычным у дорийских писателей: λέγομεс (Феокрыт XV, 15), ἔρπομεс (Феокрыт XV, 42), τελέθομεс (Эпихарм 170, 17 K). Однако в тексте Пиндара находим окончание -μεν.

Окончание -μεс имеет соответствие в санскритском окончании -mas, которое наряду с окончанием -masi служит для образования первичных форм, а также — с чередованием тембра — в латинском окончании -mus.

В эллинистическую и римскую эпоху окончание -μεν получило общее распространение, вытесняя дорийское -μεс. Новогреческое окончание -με восходит к -μεν.

§ 349. *Средний залог.* Употребляемое в первичных и вторичных временах, а также в перфекте окончание -μεθα соответствует индоиранск. *-madhi (санскр. -mahī), которое служит лишь для образования вторичных форм (окончание первичных времен -mahe). Это окончание является общим для всех греческих говоров: φερόμεθα, ἐφερόμεθα, εὐλ. φορήμεθα (Алкей, 30 D), τίθεμεθα, ἐθεμεθα, κεκτήμεθα и т. п. Аполлоний Дискол (De adv. 191, 11) приводит в качестве эолийского окончание -μεθεν, нигде, однако, в текстах не засвидетельствованное.

В гомеровском языке и у трагиков встречается окончание -μεσθα, позволяющее избегать последовательности трех кратких слогов и аналогичное окончанию 2-го л. мн. ч. -σθε: ἰχόμεσθα (Λ 769 и др.) наряду с ἰχόμεθ³ (ι 107), σμυφερόμεсθα (Λ 736), чему противостоит сослагат. накл. φερόμεθα. Окончание -μεсθα засвидетельствовано даже там, где оно не является необходимым, чтобы избежать следования друг за другом трех кратких слогов: καθεζόμεсθα (Υ 136)¹, ἐδμήμεсθα (Ε 878). Многочисленны примеры у трагиков: ἐχόμεсθα (Софокл, Oed. R. 32) и др.

Папирусы также дают примеры окончания -μεсθα.

Некоторые диалекты новогреческого языка употребляют -μεста, чему в литературной димотикі соответствует -μαсте.

Второе лицо множественного числа

§ 350. *Действительный залог.* Единственное окончание в греческом языке -τε соответствует одновременно санскр. -tha (первичному) и -ta (вторичному); латинский язык

¹ В гексаметре καθεζόμεсθα невозможно. — Прим. перев.

сохранил -ie только в повелительном наклонении. Примеры: ἐστέ, ἴτε, λείπετε, ἐλείπετε, ἔβητε, ἐλίπετε, πεπνυγότε и т. п.; πέπαυθε (§ 218) восходит к *πεπαυθε [Ф. § 30].

Это окончание -те сохранилось и в новогреческом языке.

Средний залог. Единственное окончание в греческом языке было -σθε: λείπεσθε, τίθεσθε, λίπεσθε, ἔθεσθε, κάττησθε, ἐλείψθε (из *ἐλείπ-σθε) и т. п. Делались попытки сблизить с этим окончанием вторичное окончание индоиранского языка -dhvam путем допущения, что конечный носовой не относится собственно к окончанию и что, с другой стороны, -σθε заменило собой древнее -θε: окончание -σθε вместо -θε могло бы в таком случае вести свое происхождение, с одной стороны, от тех основ, где корень содержал конечный спирант: ἵσ-θε „вы сидите“, ἔωσ-θε (перфект от ζώνωμαι), ἔσ-θε (от εἶμαι), а с другой — от основ, в которых конечный переднеязычный переходил в спирант перед θ: πέπυσθε (из *πεπυθ-θε, в 1-м л. πέπυσμαι; см. § 226). Окончание -σθε опиралось также на форму неопределенного наклонения на -σθαι. В среднегреческом и новогреческом языке рассматриваемое окончание сохранилось в форме -στε.

Третье лицо множественного числа

§ 351. **Действительный залог.** Первичные окончания. В действительном залоге тематического типа греческий язык употребляет окончание *-nti, сохранившееся без изменения в дор. εχοντι (Геракля и др.) и в северо-западных говорах: εχοντι, αχοντι в Дельфах и др. В беотийском диалекте τ перешло в θ: καλεονθι, εχονθι и т. п.; в остальных диалектах τ фонетически перешло в σ: аркад. καθερπουσι (Швицер 657, 55) и т. п.; лесб. απαγγελουσι (Коллиц 281 а, 33), νεβουσι (Алкей 54, 3 D) и т. п.; наконец, ион.-аттич. λειπουσι, ἄγουσι и т. п. Окончание *-nti в сочетании с тематическим гласным о мы находим также в лат. agunt, санскр. ajanti и т. п.

Вопрос об окончании атематических основ более сложен. Это окончание употреблялось, повидимому, в трех чередовавшихся между собой формах: *-enti, *-onti, *-nti. Окончание *-enti ясно засвидетельствовано в оск.-умбр. s-ent „они суть“, и несомненно к этой же форме восхо-

дят греческие — дор. ευτι, ион. εἰσι (§ 235). Огласовка о, *-onti, появляется в древнее время в формах типа ὀνύουσι, которые послужили отправным пунктом для построения тематического ὀνύω (§ 252), δεινύουσι (Геродот IV, 168), ταυρούσι (Р 391) и т. п. *Εδ-ουσι „они едят“ от ἔδμεναι дало начало тематической флексии ἔδω и т. д. Равным образом вероятно, что и такие формы, как κάρυουσι, τίουσι (ср. санскр. cinv-anti), являются древними атематическими формами, которые способствовали развитию тематической флексии в настоящем времени этих глаголов (§ 253). Спряжение глагола φέρω представляет собой смешение тематических и атематических (ср. φέρτε) форм, и мы не в состоянии решить, следует ли рассматривать форму φέρουσι как φερ-ο-υσι или как φερ-οντι. Впрочем, можно считать, что, с точки зрения греческого языка, особого окончания -ουσι не существует и что формы такого типа были полностью ассимилированы тематическим спряжением.

Атематическим глаголам было свойственно также — после гласного — окончание *-nti, в частности для корней на ē, ō, ā: αἰσι (Гесиод, Theog. 875) восходит к *αἰήντι; ср. санскр. vānti „они дуют“. Это окончание, повидимому, является древним также в атематических формах слитных глаголов: лесб. ψλαισι, διφαισι и т. п.

Окончание -υτι получило некоторое распространение в греческом языке: φαυτι, ψαυти от ψηυτι, *δάμναυти от δάμνημι, ион. *ρήγνυυσι (Р 751) — формы, получившие по аналогии с ιστάσι и т. п. ударение δάμναυσι, ρήγνυυσι; также и ζευγυυσι (Еврипид, El. 1323).

Основы с удвоением тоже получили окончание *-nti, сохраняя перед ним краткий гласный корня (в санскритском языке, наоборот, формы типа dad-ati из *de-d-nti). В дорийском диалекте имеем διδοντι, τιθεντι, ισταντι, в эолийском — प्रतिθεσι. Гомеровская вульгата дает формы такого же типа, но с обложенным ударением на предпоследнем слоге: διδοῖσι, τιθεῖσι, ιεῖσι, ιστᾶσι (последняя форма является также и формой аттического диалекта; ср. ниже). Все эти формы, принадлежащие ионийскому диалекту и являющиеся обычными у Геродота, объясняются, с одной стороны, тенденцией этих глаголов в ионийском диалекте перейти к слитному спряжению, с другой — влиянием формы ιστᾶσι, которая, возможно, восходит к *ιστάασι (ср. ниже).

Наконец, индоевропейский язык использовал после согласного окончание *-nti с вокализованным i. Это окончание, представленное в санскритском языке в форме dad-ati „они дают“, существовало и в греческом. В ионийском диалекте находим -ασι с кратким α в некоторых формах 3-го лица мн. ч. перфекта: περὶχασι (η 114), λείψυχασι (λ 304), μεραδῆχασι (Ксенофан 9 D); кроме того, краткое α следует, несомненно, предполагать и в формах дорийских надписей: дельф. ἐρητευχασι (Швицер 353, 40), родосск. αἰατεδῆχασι (I. G. XII, 1, 924) и т. п. Это окончание, от которого остались только следы, резко отличалось от прочих форм 3-го лица мн. ч. Для большей ясности в него было вставлено υ и, таким образом, вместо -ασι получилось -αυσι. Первые примеры этого, вероятно, появились в перфекте: дор. γεγάυαυσι (Софрон 25, Кайбель), дельф. -τεδευχαυσι (Коллиц 1523), беот. -τεδῆχαυσι (Коллиц 1145), лесб. πεπάγαυσι (Алкей 90 D), ион.-аттич. πεπύναυσι, λείλοιπαυσι и т. п. из -αυσι.

В ионийско-аттическом диалекте окончание -ασι получило дальнейшее развитие. Перфект от ἵστανμι, ὄνῃσιν у Гомера и в ионийско-аттическом диалекте имеет форму ἵστασιν¹, τεθῆασι из -αασι. У Гомера таким же образом μεμάασι, γεγάασι и т. п.

Наконец, в нескольких случаях это окончание было распространено на настоящее время: гомер. ἔασι „они суть“ (Θ 162, Γ 168); ἴασι „они идут“ (Π 160) — то же и форма аттического диалекта; ἵστασιν (N 336), заменившее собой древнее *ἵστασιν и предполагающее промежуточную форму *ἵστα-ασιν. Исходя из этой формы, можно дать объяснение обличенному ударению на предпоследнем слоге в τιθέασι и т. п. Формы ἵστασι и τιπλάσι (Ф 23) принадлежат также и аттическому диалекту. Помимо ἵστασι и ἴασι „они идут“, аттический диалект распространил это окончание на некоторые другие случаи настоящего времени: глаголы на -μι с удвоением — διδῶσι, τιθέασι и, со слиянием, ἴασι из *ἵε-ασι; наконец, в спряжении настоящего времени на -υμι: ῥηγῶασι, δεικνῶασι, ὀμνῶασι, ὀλλῶασι. Настоящее время

¹ κατεστήασι (Геродот II, 84) может восходить к *κατεστήασι с распространением на множественное число η единственного числа и последующим его сокращением; этому способствовала и аналогия с τιθέασι; ср. формы среднего залога на -εαται, § 354.

на -υμι имеет в аттическом диалекте и в гомеровском языке 3-е лицо мн. ч. типа δαμῶασι (ср. ἰσῶασι) от δάμυμι и т. п.

§ 352. Вторичные окончания. Окончание вторичных времен представляет полное соответствие окончанию первичных, но без конечного i. Таким образом, для тематических глаголов находим окончание *-nt, которое в греческом языке после выпадения конечного t представлено в виде -ν: ἔλειπον, ἔλπον и т. п.

В атематическом типе чередовались все три окончания: *-ent, *-ont, *-nt. Окончание *-ent, греч. -εν, хорошо сохранилось в желательном наклонении: εἶεν наряду с εἴμεν, εἴτε, βαίεν, λείποιεν, λίποιεν и т. п. Это окончание представлено, возможно, и в ἦεν, откуда дор. ἦν „они были“, ставшее в ионическом диалекте 3-м лицом ед. ч. (§ 236).

Окончание *-ont, греч. -ον, засвидетельствовано в гомер. ἦον „они шли“ (φ 370, ω 501). В настоящем времени на -υμι такие формы, как ζεύγνυ-ον (Т 393), ὄμνυ-ον (μ 303 и др.), καταείνυ-ον (Ψ 135), в которых первоначально также было окончание -ον, способствовали, как и формы с окончанием -ουσι (§ 351), образованию наст. вр. ὄμνω и т. п. (§ 252).

Окончание *-nt после гласного широко представлено за пределами ионийско-аттического диалекта: лесб. εἴεμεν (Бехтель I, стр. 92), беот. εἴεμεν (Бехтель I, стр. 286), ὄρθεν (Коринна 4, 21 D), дор. κατέγνωσθεν (Архимед II, 264), κατεδихασθεν (Гераклейские таблицы I, 122); кроме этих форм страдательного аориста, мы находим его в корневых аористах, например ἔγνυ (Пиндар, Puth. IV, 120), ἔβαν (Пиндар, Ol. II, 38). Много примеров его и в эпическом языке, где они должны быть отнесены к древнейшему эолийскому фонду эпического диалекта: ἔβαν (α 211 и др.), ἔδον (Гесиод, Theog. 30), ἀνέθεν (Симонид Кеосский 108 D); в имперфекте: ἔφαν (Γ 161 и др.), ἔεν (Α 273 и др.), ἐδίδον (Гесиод, Op. et d. 139); в аористе страдательного залога: ἄγεν (Δ 214), ἄλεν от εἴλω (X 12), μίγεν (ι 91), ἔφανεν (Θ 557), φάανθεν (Α 200), ἐμύχθεν (Γ 209) и др. Эти формы страдательного аориста подтверждают факт наличия в древнее время конечного -t; в них ε является результатом сокращения *-e-nt [Ф. § 6].

Примечание. Можно все же найти несколько примеров 3-го лица мн. ч. на -*την*: гомер. *μάντην* (Δ 146), крит. *διελέτην* (Коллиц 5168), дельф. *απελότην* (Коллиц 1919). Эти формы объясняются аналогией с остальной флексией: *μάντιν* и т. п.

§ 353. В атематическом спряжении ионийский и аттический диалекты ввели окончание -*ται*. Отправным пунктом для этого нововведения явилось 3-е лицо мн. ч. сигматического аориста, получившее во всех диалектах окончание -*σαι*. Некоторые говоры извели из сигматического аориста окончание -*αι*: беот. *ανεβαιναι* (I. G. VII, 1831). Эта форма опирается также на *παρειαι* „они присутствовали“ (I. G. VII, 3173), образованное от 1-го л. ед. ч. *παρεια* (имперфект от *εἰμι*). То же окончание мы находим в кипрском диалекте: *κατεβήται* (Италийская таблица, 27).

В ионийско-аттическом диалекте было использовано не -*αι*, а -*ται*. Кроме аналогии с *εἰεῖται*, усвоению окончания -*σαι* способствовали еще такие формы, как *ῥσαι* (где *σ* относится к корню) и *ῖσαι* „они знали“ (где *σ* могло быть заимствовано у *ῖστε*). Окончание -*ται*, засвидетельствованное уже у Гомера, где мы встречаем *φάσαι* наряду с *φάν*, *μῖγσαι* наряду с *μίγε*, *ζεύγνυσαι* (Q 783) наряду с *ζεύγνυον* (T 393), стало единственным для атематического спряжения в ионийском и аттическом диалектах: *ἔθεσαι*, *ἔδουσαι*, *ἐτίθεσαι*, *ἐδείκνυσαι*, *ἐδάμνασαι*, *ἔγνωσαι*, *ἔβησαι*, *ἐμίγησαι*, плюсквамперф. *ὥλωσαι*, *ἔστασαι* и т. п. В ионийском диалекте (но не в аттическом) это окончание распространилось на желательное наклонение: *εἴησαι*, *βαίησαι*, *λείποιησαι* и т. п. (относительно повелительного наклонения см. § 320).

Начиная с III в. до н. э. это удобное окончание получило широкое распространение в койнэ и стало употребляться в тематическом спряжении как в имперфекте, так и в аористе: *απύθουσαι* (Диттенбергер³, 646, 40), *ὑπελάμβανουσαι* (Pap. Grenfell II, 36), *εἵχουσαι* (Иоанн XV, 22), *ἐδοκίμουσαι* (Гермас, Sim. IX 9, 5)¹. Это нововведение давало два преимущества: 3-е лицо мн. ч. получило форму, отличную от 1-го лица ед. ч., и имело теперь одинаковое число слогов с другими лицами множественного числа.

¹ Ср. новогреч. *ἀγαπούσαι* и т. п.

Примечания: 1. Иногда в 3-м лице мн. ч. имперфекта встречается окончание -*αι*: *εἰεῖται* (Pap. Paris 40, 39), *εἵχαι* (Марк VIII, 7), *εἰρόγγοται* (Лука V, 30) и т. п. Относительно распространения этого вторичного окончания на перфект см. § 231.

2. Вообще вторичное окончание имело тенденцию развиваться, вытесняя первичное: этим объясняются новогреческие формы типа *λέγου(ε)* вместо *λέγουσ(αι)*.

§ 354. Средний залог. Первичные и вторичные окончания. Окончанию действительного залога соответствует с тем же чередованием в огласовке окончание *-*ntai*, *-*ontai*, *-*ntai* (*-*entai* в греческом языке нет, и санскритский язык не дает возможности решить, существовало ли такое окончание), ср. санскр. -*nte* и т. д., откуда в греческом: -*νται*, -*νται*, -*νται*. Вторичные времена имеют параллельные этому окончания *-*nto*, *-*onto*, *-*nto*, ср. санскр. -*nta* и т. д., откуда в греческом: -*ντο*, -*ντο*, -*ντο*.

После гласного окончанием в первичных временах является -*νται*, во вторичных — -*ντο*: *δίζνται*¹, лесб. *πρωύρνται*¹ (Бехтель I, стр. 83), *τίθενται*, *δίδονται*, *ἔθευτο*, *ἔδοντο*, *πλήντο* (от *πελάζω*), *ἐμπλήντο*¹ (от *ἐμπλήμι*) и т. п. В перфекте: *μέμνηται*¹, *ἐμέμνητο*¹ и т. п. В тематическом спряжении: *λείπονται*, *ἐλείποντο*, *ἐλπίοντο* и т. п.

У глаголов на -*νμι* параллельно с окончаниями действительного залога -*νται* и -*ντο* (§ 351) существовали, повидимому, в среднем залоге окончания -*νται* и -*ντο*: *ταύοντο* (I 468) и др. То же в спряжении глагола *κείμαι* — *κείνται* (X 510).

После согласного мы находим окончание -*νται*, -*ντο*, хорошо засвидетельствованное у Гомера и в ионийском диалекте: гомер. *εἵνται* (*ῥνται*) „они сидят“ от корня **es-* (глагол *ῥμαι*), перешедшее после сокращения начального гласного в *εἵνται* (I 134), также *δέχνται* (M 147). Особенно часто встречается оно в перфекте — *τετελέχνται* (N 22 и др.), *ἐστέλετο* (Псевдо-Гесиод, Scutum 288). Древнеаттический диалект употребляет еще такие формы, как *τετάχνται*, *ἐτετάχτο* (Фукидид V, 6), *γεγράφνται*, но в конце V в. эти формы были заменены описательными.

После *ι* Гомер употребляет формы типа *κεκλήνται* (II 68), особенно после дифтонгов с *ι*: *κείνται* (Q 527), откуда

¹ Долгий гласный, который должен был бы сократиться перед сочетанием -*ντ*-, сохранился по аналогии с другими формами этого глагола.

κῆσται (А 659), в желательном наклонении — γεύοιτο (В 340), ποθοίτο (А 257), ἐλασαίτο (К 537) и т. п.; такие формы желательного наклонения преобладают еще в аттической трагедии.

Наконец, после *υ* окончания *-атаи*, *-ато* встречаются у Гомера лишь в единичных случаях: εἰρόβηται (Э 75). Обычными формами окончаний после *υ* являются *-υται*, *-υτο*: εἴρουτο (М 454), λέλυται (В 135). В частности, в спряжении глаголов на *-υμι*: δαίνυται (η 203 и др.), ῥήγνυτο (N 718) и т. п.

Таким образом, окончания *-υται*, *-υτο* распространялись за счет окончаний *-атаи*, *-ато*. Аттический диалект постоянно употребляет формы типа λέλυται, κέκληται, κέχρηται, κεῖνται, а в желательном наклонении — τιθεῖντο, γένοιτο, δείξαιντο (Эсхил и Софокл не знают еще форм на *-αίντο*) и даже κἀθῆνται от корня на *s* (ср. гомер. εἶσται от корня *es-).

Ионийский диалект, наоборот, имел тенденцию распространить окончание *-атаи* на такие формы, где этому окончанию предшествовала гласная: гомер. βεβλήσται (А 657), βεβλήτο (Э 28), κεχολώτο (ξ 282), беот. -μεμισθωαθη (Бехтель I, стр. 289). В ионийском диалекте с сокращением *-η* в *-ε*: πεπούεσται (Геродот II, 63), κεκλέεσται (Геродот II, 164), μεμύεσται (Геродот II, 104), ῥήεσται (Геродот I, 136); с древним кратким гласным: τιθέσται (Геродот IV, 26), διδδσται (Геродот II, 47); наконец, по аналогии *-ιστέεσται* (Геродот II, 113), *-ιστέто* (Геродот II, 162); *δυνέсται* (Геродот II, 142), *εδυνέсται* (Геродот IV, 110). Эти аналогические формы подтверждаются и надписями: κίρνεσται вместо аттич. κίρνωται, засвидетельствованное в Милете (Швицер 726, 11).

Относительно конечных *-датаи*, *-дато* см. § 226.

Примечание. Новогреческий язык сохранил окончания 3-го лица мн. ч. среднего залога без существенного изменения: φέρουσται „они несутся“, φέρωνται „они неслись“.

Двойственное число

§ 355. Поскольку двойственное число имело тенденцию исчезнуть, его окончания в системе спряжения засвидетельствованы слабо. Их, разумеется, совсем не знают диалекты, утратившие двойственное число: ионийский,

эолийский, койнэ. 1-е лицо действительного залога совершенно исчезло; вместо него употребляется 1-е лицо мн. ч. Для среднего залога существует лишь пять примеров окончания *-μεδον* (Ψ 485; однако чтению περὶδόμεδον следует, возможно, предпочесть вариант περὶδόμεδα, и в таком случае окончание *-μεδον* вовсе устраняется из текста Гомера; Софокл, El. 950, Phil. 1079; Афиней 98 А — архаизм). Это окончание явно образовано от *-μεδα* по образцу 2-го л. *-σθον*.

Говоры, сохранившие двойственное число, употребляют его только во 2-м и 3-м лицах. Случаи употребления сравнительно редки, и форма окончаний несколько колеблется.

2-е лицо. В действительном залоге окончание *-τον*, одновременно первичное и вторичное, соответствует вторичному окончанию *-tām* в санскрите.

В среднем залоге окончание *-σθον*, одновременно первичное и вторичное, не может быть объяснено путем сравнения с индоиранским. Это окончание аналогическое: оно было образовано от окончания 2-го лица мн. ч. среднего залога *-σθε* по образцу *-τον*.

3-е лицо. В действительном залоге первичное окончание *-τον* не имеет точного соответствия с санскр. *-tāḥ*. Наоборот, вторичное общегреческое окончание *-τῶν*, аттич. *-την*, соответствует вторичному санскритскому окончанию *-tām*. В среднем залоге были образованы два окончания: *-σθον* для первичных времен и *-σθη* для вторичных, аналогичные, с одной стороны, окончаниям *-τον* и *-την*, с другой — формам множественного и двойственного числа среднего залога на *-σθ*.

Парадигма двойственного числа в аттическом диалекте имеет следующий вид:

	Действительный	Средний
	залог	залог
Первичные окончания	<i>-τον</i>	<i>-σθον</i>
	<i>-τον</i>	<i>-σθον</i>
Вторичные окончания	<i>-τον</i>	<i>-σθη</i>
	<i>-την</i>	<i>-σθη</i>

Однако формы двойственного числа не были строго фиксированы; возникали колебания, особенно во вторичных временах.

Там, где этого требует метрика, у Гомера встречается 3-е лицо дв. ч. имперфекта на -τον вместо -την: διώκετον (К 364), ἐτεύχετον (N 346), λαφύσσετον (Σ 583). Возможно, что сюда относятся и ἔφατον (Платон, Euthyd. 274 a).

В то же время у аттических поэтов и прозаиков встречается -την вместо -τον во 2-м лице имперфекта и аориста: εἰχέτην (Софокл, Oed. R. 1511), ἡλλαξάτην (Еврипид, Alc. 661). В рукописях Платона — ἦστην (Euthyd. 294 e), εἰπέτην (Sympr. 189 c).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГРЕЧЕСКОГО ГЛАГОЛА

Приращение

§ 356. В некоторой части индоевропейских языков значение прошедшего времени (имперфекта, аориста, плюсквамперфекта) могло подчеркиваться в изъявительном наклонении употреблением приращения. Это явление наблюдается в языках индоиранских, армянском, греческом. Приращение представляет собой служебное слово, присоединяемое к изъявительному наклонению со вторичными окончаниями с целью яснее оттенить присущее форме значение прошедшего времени. Оно имеет, вообще говоря, форму *e- и представлено в греческом языке перед согласным в виде ἐ-: ἔφερε, ср. санскр. abharat, арм. eber, էլեմ, էլե и т. п. При корнях, начинавшихся на s, i или ц, после выпадения этих звуков между двумя гласными приращение ἐ- оказывалось в зиянии с гласным корня, что вело к слиянию, происходившему нередко уже в гомеровскую эпоху: εἶχον (λ 621 и др.) из *e-εχον (*e-segh-), εἶποντο (E 591 и др.) из *e-εποντο (*e-sek^h-), в плюсквамперфекте εἰστήκειν (*e-se-st-); εἵμεν (ион.-аттич.) „мы пустили“ из *e-εμεν (*e-ja-), аттич. εἶπον, гомер. ἔειπον (К 445 и др.) из *e-εειп-, εἶδον из *e-ειδον, лесб. εἶδον (Бехтель I, стр. 11).

В аористе и имперфекте глагола (φ)εργάζομαι мы находим εἰργασάμην и εἰργαζόμην (ср. Лисий II, 20); однако вместе с тем мы имеем и ἡργασάμην, ἡργαζόμην (ср. Аристофан, Eccles. 134), причем последние формы засвидетельствованы и в аттических надписях IV в. Эти формы объясняются наличием приращения η (*ηεργαζ-), наблюдаемого иногда в глаголах, начинавшихся на φ. Точно так же: гомер. ἀπῆύρα (Z 17 и др.), ср. прич. ἀπούρας; гомер.

ἦ(φ)εἶδη „он знал“ (ι 206); аттич. ἐώρων (из *ηφωρ-), имперф. от ὀράω; ἐάων (из ηφαι-) с долгим α, аорист от ἀλίσκομαι. Относительно форм ἔωσα от ὠθέω и ἐωνησάμην от ὠέομαι (эти два глагола имели в начале φ) невозможно установить, было ли у них приращение ἦ- или ἐ-. Действительно, перед дигаммой употреблялось и приращение е-; ср. ἔειπον, εἶδον, гомер. ἐάγη, ἐάλη и т. п. с кратким α.

Приращение ἐ- наблюдается, повидимому, также в имперфекте глагола εἶμι „идти“: ἤτομεν, ἤιον (ψ 370), ἤισαν (К 197) при наличии форм ἔτην и ἔσαν должны быть формами с долгим приращением. Впоследствии приращение η- было использовано и перед согласным: ἤμελλον (Гесиод, Theog. 888; Аристофан, Eccles. 597 и др.) наряду с ἐμελλον; формы ἡβουλόμην и ἡδυνάμην появляются в аттических надписях начиная с 300 г. Эти формы возникли, повидимому, под влиянием аналогии с близким по значению глаголом θέλω, имевшим параллельную форму ἐθέλω и в имперфекте соответственно формы ἐθέλον и ἤθέλον.

Относительно количественного приращения в корнях, начинавшихся с s-, i- или ц-, см. § 357.

§ 357. Если корень начинался с гласного, приращение уже в индоевропейском языке подвергалось слиянию с этим гласным: в имперфекте от εἶμι ἦα „я был“ η должно восходить к слиянию индоевропейского приращения с начальным е; дор. ἄγον (ион.-аттич. ἦγον) от ἄγω (ср. санскр. ājam) должно тоже заключать в себе слияние, восходящее к индоевропейскому языку; так же ὤμοσα от ὤμυμι. В противоположность этому долгий гласный в глаголах, начинающихся на i- или ѳ-, например ἰαίνετο, ἰφῆγα и т. п. (с долгими i и ѳ), появился, вероятно, по аналогии с ἄγον, ἦγον и т. п.

С точки зрения греческого языка, можно сказать, что приращение у глаголов, начинающихся с гласного, состоит в удлинении этого гласного: ἦρεφον от ἐρέφω, ὤρέεατο от ὀρέγνυμι и т. п.

Такое приращение наблюдается даже у корней, которые этимологически начинались с отпавшего в начале слова s: ἡλόμην (ср. лат. salio), ἰξετο с долгим i (корень *sik-), ἰζον (*si-sd-). То же и у корней с начальным φ: аттич. ὠικησα от (φ)οικέω, ἡπίζον, ср. (φ)ελπίς; ἡλισκόμην, ион. ἦλων наряду с ἐάλων (§ 356) и т. п.

У основ, начинавшихся с последовательности „дифтонг + согласный“ или „гласный + плавный“, или „носовой + согласный“, начальный гласный уже в общегреческом языке должен был фонетически сократиться. Однако он остался долгим, так как долгота была характерным элементом глагольной формы: $\omega\kappa\omicron\upsilon\upsilon$ от $\omega\kappa\acute{\epsilon}\omega$, $\eta\chi\acute{o}\mu\eta\nu$ от $\epsilon\chi\omicron\mu\alpha\iota$, $\eta\rho\eta\sigma\alpha$ от $\alpha\rho\acute{\kappa}\epsilon\omega$, $\eta\tau\lambda\omicron\upsilon\upsilon$ от $\alpha\tau\lambda\acute{\epsilon}\omega$ и т. п.

Примечание. В ходе исторического развития аттического диалекта дифтонги с первым долгим элементом снова подверглись сокращению; начиная с 378 г. до н. э. в надписях появляются такие формы, как $\epsilon\iota\rho\epsilon\theta\eta$ (вместо $\eta\rho\epsilon\theta\eta$ от $\alpha\rho\epsilon\omega$), $\epsilon\iota\tau\eta\sigma\alpha\tau\omicron$ (вместо $\eta\tau\eta\sigma\alpha\tau\omicron$ от $\alpha\tau\epsilon\omega$) и т. п. Точно так же, в койнэ: $\epsilon\upsilon\rho\iota\sigma\kappa\omicron\nu$, $\epsilon\upsilon\chi\acute{o}\mu\eta\nu$, $\epsilon\upsilon\eta\tau\eta\sigma\epsilon\nu$ (вместо $\eta\delta\eta\tau\eta\sigma\epsilon\nu$, от $\alpha\upsilon\delta\acute{\alpha}\nu\omega$) и т. п.

§ 358. Приращение в индоевропейском языке было факультативным. Эта свобода в его употреблении сохранилась и у Гомера: отсутствие приращения не подложит сомнению в таких формах, как $\sigma\tau\eta$, $\beta\eta$, $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\epsilon$, когда они стоят в начале стиха, или $\omega\lambda\acute{\epsilon}\chi\omicron\nu\tau\omicron$, $\delta\acute{o}\mu\alpha\zeta\epsilon$. Иногда мы не можем решить, имеет ли данная форма приращение или нет: А 5 можно читать как $\delta'\epsilon\tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\epsilon\iota\tau\omicron$, так и $\delta\epsilon\tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\tau\omicron$.

У Геродота „количественное“ приращение, состоящее в удлинении начального гласного, чаще всего отсутствует для глаголов, начинающихся с дифтонга. У итеративных глаголов на $-\sigma\kappa\omicron\nu$ (§ 261) приращение всегда отсутствует.

Глаголы, производные от сложных слов, принимают приращение в начале: $\epsilon\mu\theta\omicron\lambda\acute{o}\gamma\eta\tau\alpha$, $\omega\kappa\omicron\delta\acute{o}\mu\eta\tau\alpha$ и т. п. Напротив, глаголы с предлогом имеют приращение после предлога: $\alpha\pi\epsilon\beta\alpha\lambda\omicron\nu$, $\alpha\pi\epsilon\theta\alpha\nu\omicron\nu$ и т. п.

Примечания: 1. Глаголы, произведенные от сложного имени, в состав которого входит предлог, получают, как правило, приращение в начале: $\eta\mu\pi\epsilon\delta\omicron\nu$ от $\epsilon\mu\pi\epsilon\delta\acute{o}$ (происходит от $\epsilon\mu\pi\epsilon\delta\acute{o}\nu$), $\eta\mu\epsilon\chi\acute{o}\rho\alpha\zeta\omicron\nu$ от $\epsilon\mu\epsilon\chi\acute{o}\rho\alpha\zeta\omega$ (происходит от $\epsilon\mu\epsilon\chi\acute{o}\rho\omicron\nu$) и т. п. У некоторых глаголов наблюдаются колебания: $\epsilon\chi\kappa\lambda\eta\rho\iota\acute{\alpha}\zeta\omega$ — $\eta\chi\kappa\lambda\eta\rho\iota\acute{\alpha}\zeta\omicron\nu$ (Демосфен XVIII, 265), но чаще $\epsilon\zeta\epsilon\chi\kappa\lambda\eta\rho\iota\acute{\alpha}\zeta\omicron\nu$ (Лисий XIII, 73). Приращение стоит всегда после предлога в $\alpha\pi\epsilon\delta\eta\mu\eta\tau\alpha$ ($\alpha\pi\omicron\delta\eta\mu\acute{\epsilon}\omega$, $\alpha\pi\omicron\delta\eta\mu\omicron\varsigma$); $\alpha\pi\epsilon\lambda\omicron\gamma\eta\sigma\alpha\mu\eta\nu$ ($\alpha\pi\omicron\lambda\omicron\gamma\acute{o}\mu\alpha\iota$, $\alpha\pi\omicron\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$); $\delta\iota\eta\mu\eta\tau\alpha$ ($\delta\iota\alpha\tau\acute{\alpha}\omega$, $\delta\iota\alpha\tau\alpha$); $\kappa\alpha\tau\eta\gamma\acute{o}\rho\omicron\nu$ ($\kappa\alpha\tau\eta\gamma\omicron\rho\acute{\epsilon}\omega$, $\kappa\alpha\tau\eta\gamma\omicron\rho\omicron\varsigma$); $\pi\alpha\rho\epsilon\nu\acute{o}\mu\eta\tau\alpha$ ($\pi\alpha\rho\alpha\nu\acute{o}\mu\acute{\epsilon}\omega$, $\pi\alpha\rho\alpha\nu\omicron\mu\omicron\varsigma$); $\pi\rho\omicron\delta\epsilon\nu\eta\sigma\alpha$ ($\pi\rho\omicron\delta\epsilon\nu\acute{\epsilon}\omega$, $\pi\rho\delta\epsilon\nu\omicron\varsigma$) и др.

У глаголов, в состав которых входят $\delta\omicron\sigma-$ и $\epsilon\upsilon-$, приращение ставится обычно перед приставкой: $\epsilon\upsilon\sigma\tau\acute{o}\chi\eta\tau\alpha$ ($\delta\upsilon\sigma\tau\acute{o}\chi\acute{\epsilon}\omega$, $\delta\upsilon\sigma\tau\acute{o}\chi\eta\varsigma$), $\eta\tau\acute{o}\chi\eta\tau\alpha$ ($\epsilon\upsilon\tau\acute{o}\chi\acute{\epsilon}\omega$, $\epsilon\upsilon\tau\acute{o}\chi\eta\varsigma$), но иногда после приставки $\delta\omicron\sigma-$ или $\epsilon\upsilon-$: $\delta\upsilon\sigma\tau\eta\rho\epsilon\sigma\tau\omicron\nu$ (Полибий), ср. $\delta\upsilon\sigma\alpha\rho\epsilon\sigma\tau\acute{\epsilon}\omega$, $\delta\upsilon\sigma\alpha\rho\epsilon\sigma\tau\omicron\varsigma$; $\epsilon\upsilon\tau\eta\rho\epsilon\sigma\tau\omicron\nu$ (Диодор Сицилийский), ср. $\epsilon\upsilon\alpha\rho\epsilon\sigma\tau\acute{\epsilon}\omega$, $\epsilon\upsilon\alpha\rho\epsilon\sigma\tau\omicron\varsigma$; $\epsilon\upsilon\eta\gamma\gamma\epsilon\lambda\iota\sigma\alpha\mu\eta\nu$, ср. $\epsilon\upsilon\alpha\gamma\gamma\epsilon\lambda\iota\varsigma\omicron\mu\alpha\iota$, $\epsilon\upsilon\alpha\gamma\gamma\epsilon\lambda\omicron\varsigma$.

2. Некоторые глаголы, наоборот, перестали ощущаться как сложные, так что приращение стало ставиться перед приставкой. Такая трактовка наблюдается в отношении очень древних глаголов, этимология которых была забыта; это относится, повидимому, к $\eta\gamma\omega\gamma\epsilon\iota$ (от $\alpha\gamma\omega\gamma\eta$), $\epsilon\pi\iota\epsilon\lambda\omicron\nu$ (от $\pi\acute{\iota}\epsilon\lambda\omega$). В аттическом диалекте: $\eta\mu\epsilon\iota\sigma\alpha$ от $\alpha\mu\phi\iota\gamma\eta\nu\omicron\mu\iota$; $\epsilon\chi\alpha\delta\epsilon\upsilon\delta\omicron\nu$ наряду с $\kappa\alpha\theta\eta\delta\omicron\nu$ (Гомер; Платон, Symp. 217 d); $\epsilon\kappa\alpha\iota\tau\omicron$ (Аристофан, Av. 510) наряду с $\kappa\alpha\theta\eta\sigma\tau\omicron$ (Гомер; Платон, Resp. 328 c) и $\kappa\alpha\theta\eta\sigma\tau\omicron$ (Демосфен XVIII, 169); $\epsilon\kappa\alpha\theta\eta\epsilon\iota\tau\omicron$, $\epsilon\kappa\alpha\theta\eta\iota\zeta\omicron\nu$, $\epsilon\kappa\alpha\theta\eta\iota\sigma\alpha$ (но $\kappa\alpha\theta\eta\iota\sigma\alpha$, то есть $\kappa\alpha\theta\eta\iota\sigma\alpha$, Аристофан, Ran. 911)¹; $\eta\phi\epsilon\iota$ вместо обычного $\alpha\phi\epsilon\iota$ от $\alpha\phi\epsilon\iota\mu\iota$ (Фукидид II, 49); $\eta\pi\iota\sigma\tau\omicron\tau\omicron$ (ион.-атт.) от $\epsilon\pi\iota\sigma\tau\alpha\mu\alpha\iota$.

3. Эти колебания повлекли за собой образование форм с двойным приращением: $\eta\mu\epsilon\phi\omicron\sigma\eta\tau\eta\tau\omicron\alpha$ от $\alpha\mu\phi\iota\sigma\eta\tau\eta\epsilon\omega$ (Платон, Gorg. 476 a и др.)²; $\eta\mu\pi\epsilon\upsilon\chi\acute{o}\mu\eta\nu$ (Платон, Phaed. 87 b) от $\epsilon\mu\pi\acute{\epsilon}\chi\omicron\mu\alpha\varsigma$ $\eta\mu\epsilon\upsilon\chi\acute{o}\mu\eta\nu$ (Фукидид I, 77) и $\eta\mu\epsilon\upsilon\chi\acute{o}\mu\eta\nu$ (Фукидид III, 28), являющиеся наиболее употребительными формами имперфекта и аориста от $\alpha\mu\epsilon\chi\omicron\mu\alpha\iota$ в аттическом диалекте.

4. Отметим особый случай — имперфект от $\chi\rho\eta$: $\chi\rho\eta$ является именной формой, не содержащей глагола $\epsilon\pi\iota$; имперфект имеет форму $\chi\rho\eta\nu$ из $\chi\rho\eta$ $\eta\nu$, но наряду с ней имеется дублет $\epsilon\chi\rho\eta\nu$, менее употребительный.

5. В койнэ система приращения была нарушена; последнее появлялось иногда вне изъявительного наклонения: от $\alpha\lambda\lambda\iota\sigma\kappa\omega$ сослагат. накл. аориста $\alpha\eta\lambda\acute{o}\omega\sigma\eta$ (Pap. Strass. 92); от $\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\gamma\omicron\nu\mu\iota$ аорист страдательного залога $\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\gamma\eta\nu$, сослагат. накл. $\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\gamma\omega\sigma\alpha\iota$ (Иоанн XIX, 31).

6. В новогреческом языке слоговое приращение, вообще говоря, сохранилось в тех случаях, когда на него падало ударение: $\epsilon\chi\gamma\rho\alpha\phi\alpha$, $\epsilon\chi\gamma\rho\alpha\phi\alpha$. Количественное приращение наблюдается в $\eta\rho\epsilon\delta\alpha$ (др.-греч. $\eta\rho\epsilon\delta\omicron\nu$), $\eta\rho\alpha$ (др.-греч. $\eta\rho\omicron\nu$). Однако многочисленны и формы без приращения.

Замечания об акцентуации греческого глагола

§ 359. В противоположность имени глагол имеет ударение на определенном месте. Здесь необходимо различать формы личные и именные. Только последние могут дать представление о месте ударения в разных глагольных основах.

Именные формы. В тематическом спряжении сохранено древнее противопоставление настоящего времени и аориста. В настоящем времени ударение падает на гласный, предшествующий тематическому гласному³: $\lambda\epsilon\iota\pi\epsilon\iota\nu$, $\lambda\epsilon\iota\pi\omega\nu$, $\lambda\epsilon\iota\pi\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$, $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\epsilon\iota\nu$, $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\omega\nu$, ср. р. $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\delta\omicron\nu$ и т. д. В причастии среднего залога ударение в силу

¹ Точно так же в перфекте: $\kappa\epsilon\chi\alpha\theta\eta\iota\alpha$ (Диодор Сицилийский, XVII, 115).

² Своеобразная форма, в которой приращение стоит перед сигмой, относящейся к приставке.

³ Однако в гомеровском тексте эолийский инфинитив типа $\alpha\lambda\alpha\sigma\epsilon\iota\mu\epsilon\nu$ и т. п. всегда бывает парокситональным.

ограничения его места тремя последними слогами оказывается на тематическом гласном: λειπόμενος и т. п.

У слитных глаголов ударение соотнобразится с правилами слияния: καλεῖν из καλέειν, καλεῖσθαι из καλέεσθαι, καλῶν из καλέων, καλούμενος из καλεόμενος и т. п.

Та же акцентуация наблюдается и в будущем времени: λύσειν, λύσων, λύσεσθαι, λύσόμενος. Слитные формы: μενεῖν, μενῶν, δλεῖσθαι, δλόμενος и т. п.

Наоборот, в аористе ударение падает на тематический гласный: ληπεῖν, ληπῶν, εἰπεῖν, εἰπέμεν, εἰπῶν и т. п.

Это противопоставление восходит к глубокой древности: мы находим его и в санскрите, притом не только в именных формах, но и в личных.

Атематическое спряжение. Как в настоящем времени, так и в аористе ударение в действительном залоге находится на слоге, непосредственно предшествующем характеристике инфинитива или причастия; в среднем залоге оно отходит возможно далее от конца слова; в настоящем времени: ιστάναι, τιθέναι, ἰέναι, διδόναι, δεικνύναι, ιστάς, τιθείς, ἰείς, διδοῦς, δεικνύς, ἰστασθαι, τίθεσθαι, ἱεσθαι, διδοσθαι, δεικνυσθαι, ιστάμενος, τιθέμενος, ἰέμενος, διδόμενος, δεικνύμενος; в аористе: στήναι, θεῖναι, δοῦναι, βῆναι, γυνῶναι, ἀλῶναι, στάς, θεῖς, δοῦς, βάς, γνούς, ἀλούς, θέσθαι, δόσθαι, πρίασθαι, θέμενος, δόμενος, πριάμενος; аорист страдательного залога -ην, -θη имеет закономерную акцентуацию: μετῆναι, μετῆς, λυθῆναι, λυθείς.

Примечание. Отметим ударение в причастии на -ων атематического настоящего времени: ἴων от εἶμι, ἔων или ὦν от εἶμι.

Аористы на -α. В аористах на -α ударение падает на слог, предшествующий характеристике -αι или -ανт- инфинитива или причастия: χέαι, χέας, χέασθαι, χεάμενος, δεῖξαι, δεῖξας; ср. δεῖξασθαι, δεῖξάμενος.

Перфект. В перфекте ударение падает на характеристику инфинитива или причастия, за исключением инфинитива среднего залога, где ударение падает на предшествующий слог: λελυμέναι, λελυκώς, λελυμένος, но λελύσθαι; εἰληφέναι, εἰληφώς, εἰλημμένος, но εἰληφθαι; εἰρηκέναι, εἰρηκώς, εἰρημένος, но εἰρησθαι и т. п.

У Гомера инфинитивы перфекта на -μεν и -μεναι имеют ударение на слоге, предшествующем характеристике: ἴδμεν, ἴδμεναι, τευνάμεν, τευνάμεναι и т. п.

Постановка ударения в перфекте на характеристику инфинитива и причастия восходит, по видимому, к индоевропейскому языку; мы находим ее и в санскрите.

§ 360. Личные формы. В личных формах ударение отходит к началу слова, насколько это допускает общее ограничение места ударения. Это правило, представляющее собой нововведение греческого языка, объясняется тем, что в индоевропейском языке эти глагольные формы могли быть как ударными, так и безударными. Греческий язык сохранил ясные следы безударности глагола в спряжении глагола εἶμι, где ἐστὶ противопоставляется ἔστι, и в спряжении глагола φημί¹. В глагольных формах, имеющих три слога и более, энклитические формы характеризуются в греческом языке, в силу закона, ограничивающего место ударения, тем, что в них ударение отходит возможно дальше от конца: ἤρπασον, ἤρπασόμεν, и т. д. Такая постановка ударения стала постоянной, и различие между ударными и безударными формами исчезло. Однако двусложные формы глагола могли бы сохранить противопоставление между ударными и безударными формами, и это различие действительно удержалось в настоящем времени глаголов εἶμι и φημί. Во всех прочих формах отход ударения от конца стал правилом: таким образом, в противоположность санскр. imāḥ „мы идем“ греческий язык употребляет ἴμεν.

Примечания: 1. По отношению к ударению конечные -αι и -α рассматриваются как долгие в желательном наклонении; в других случаях -α рассматривается как краткое (ср. § 24). Таким образом, следует различать βούλομαι (3-е лицо ед. ч. желательного наклонения аориста), βούλομαι (повелительное наклонение аориста среднего залога) и βούλομαι (инфинитив аориста действительного залога; § 359).

2. Единственное постоянное исключение из правила о перемещении ударения от конца слова в личных формах составляют пять форм повелительного наклонения действительного залога: εἰπέ, εἰδέ, εὖρέ, ἰδέ, λαβέ, и повелительное наклонение среднего залога типа λαβῶ, βαλῶ, γένοῦ и т. п. (из λαβέο и т. д.), сохраняющие ударение на тематическом гласном (обычное место ударения в аористе такого типа; ср. εἰπῶν, εἰπεῖν, εἰδῶν, εἰδεῖν и т. п.).

§ 361. Там, где мы имеем дело со слитными формами, место ударения определяется законами слияния — τριῶν,

¹ Относительно частностей см. Vendryes, Traité d'accentuation grecque, стр. 108 — 110 и 116.

τιμᾶς (из τιμᾶω, τιμᾶεις) и т. д. для всех форм слитного настоящего и будущего. Существуют и другие формы, восходящие к слиянию и имеющие соответственное ударение. Сюда относятся:

1. Сослагательное наклонение действительного залога глаголов на -μι (за исключением εἶμι „иду“ и глаголов на -υμι): τιθῶ, διδῶ, ἰσθῶ, ἰῶ, в аористе — ὕθῶ, δῶ, σθῶ, ῶ. Все эти формы объясняются слиянием (§ 306). По аналогии такое же ударение имеет и желательное наклонение: τιθεῖμεν, διδοῖμεν, ἰσταῖμεν.

В среднем залоге сослагательного наклонения имеем формы ἰσθῶμαι, τιθῶμαι, также являющиеся результатом слияния. Формы δῶμαι, δῶμαι, как двусложные, не показательны, и наиболее достоверная рукописная традиция дает ударения δύομαι, πρίομαι. Для настоящего времени Геродиан (I, 462) также указывает ударение δύομαι, ἐπισθῶμαι, κρίομαι. Ударение в желательном наклонении: ἰσταῖο, ἰσταῖτο, τιθεῖο, τιθεῖτο, διδοῖο, διδοῖτο, но δύαιτο, ἐπισταῖτο, κρίαιτο, πρίαιτο, δυαῖτο (§ 307 и 311).

2. Сослагательное наклонение второго атематического аориста и аориста страдательного залога на -ην и -θην: βῶ, ἄλῶ, μῆθῶ, μῆθῶ и т. п. Все эти формы объясняются слиянием. Желательное наклонение также является слитным: λυθεῖμεν, λυθεῖν, μῆγεῖμεν, ἀλοῖμεν и т. п. [Ф. § 6].

3. Сослагательное наклонение страдательного перфекта: βεβλῶμαι, κεκτῶμαι, μεμυῶμαι и т. п. То же и в желательном наклонении: βεβλήιο, κεκτῆιο, μεμυήιο (и μεμυῶιο). Отметим также εἰδῶ, εἰδῶμεν, εἰδεῖμεν от οἶδα.

4. Некоторые формы 3-го лица мн. ч., в которых окончание -ασι подвергается слиянию с предшествующей гласной: в настоящем времени — ἰσθᾶσι, ἰᾶσι; в перфекте — βεβᾶσι (ср. гомер. βεβᾶσσι), ἐστᾶσι, τεθυᾶσι.

Ионийский диалект имеет по аналогии τιθεῖσι, διδοῖσι, ἰεῖσι (§ 351).

§ 362. Как общее правило, сложный глагол в отношении ударения не отличается от простого, то есть ударение в нем отходит от конца настолько, насколько это совместимо с общим ограничением места ударения.

Существует, однако, несколько особенностей:

1. Односложные окситональные глагольные формы получают в сложении острое ударение на предпоследнем

слоге: δῶς, ἀπόδος; ἔς, ἄνες, συμπρίβες; θές, ἀπόθες; σχές, ἐπίσches и т. д. Исходным пунктом для этого правила послужил тот случай, когда односложному окситональному глаголу предшествовали две приставки, например συμπρίβες.

2. Действительно, как правило, при наличии двух приставок ударение не отходит дальше первой. Это правило применяется и к формам с приращением, где ударение не отходит дальше приращения: κατεῖπον, παρέσχον, ἐπέβαν и т. п.

3. Сослагательное и желательное наклонения сложных глаголов на -μι сохраняют ударение там, где оно было в простых глаголах: προστιθῶ, συυῶ, συυεῖν. Это правило объясняется тем, что данные формы, по крайней мере частично, происходят от слияния. То же имеет силу, и по той же причине, для сослагательного и желательного наклонений корневого аориста от этих глаголов (σθῶ, κατασθῶ, θεῖμεν, ἀναθεῖμεν), а также в сослагательном и желательном наклонениях атематического аориста типа ἔρην, ἔδραν, ἔγγων: καταβῶ, καταβαῖεν и т. п. Наконец, та же трактовка имеет место в сослагательном и желательном наклонениях страдательного аориста на -ην и -θην: συμμῆγῃσι, συμμῆγεῖν и т. п.

Греческое спряжение

§ 363. В предыдущих главах мы последовательно рассмотрели глагольные основы и затем систему окончаний. Но мы не установили еще подлинной картины спряжения. Окончания представляют собой реальное единство, но глагольные основы разнообразны. Правда, некоторые образования предстали перед нами как продуктивные и обладающие особой правильностью: основы на *-je-/-jo- в группах на -εῖω, -άω, -έω, -ζω, будущее время на -σω, сигматический аорист на -σα, в перфекте формы с удвоением, характеризующиеся окончанием -χα. Но для большей части глаголов мы не можем по основе настоящего времени определить ни структуры прочих основ, ни даже существуют ли они в действительности. Супплетивность, наиболее характерные примеры которой мы привели выше (§ 173), — крайнее и особенно показательное проявление независимости глагольных основ друг от друга. Тем не менее в греческом языке существовала тенден-

ция связывать последние между собой как можно теснее, и у таких глаголов, как $\pi\alpha\iota\delta\epsilon\omega$, $\tau\iota\mu\acute{\alpha}\omega$ или $\phi\iota\lambda\acute{\epsilon}\omega$, мы имеем полную возможность образовать от настоящего времени основы всех прочих времен и наклонений.

§ 364. К построению системы спряжения греческий язык шел различными путями. Иногда настоящее время образовывалось от аориста, что наблюдается в сравнительно раннее время: от $\epsilon\chi\rho\alpha\iota\sigma\mu\omicron\nu$ было образовано $\chi\rho\epsilon\iota\tau\mu\acute{\epsilon}\omega$, от $\epsilon\sigma\tau\upsilon\gamma\omicron\nu$ — $\sigma\tau\upsilon\gamma\acute{\epsilon}\omega$, от $\epsilon\kappa\rho\acute{\epsilon}\mu\alpha\sigma\alpha$ — $\kappa\rho\epsilon\mu\acute{\alpha}\nu\upsilon\mu\iota$, от $\epsilon\sigma\kappa\acute{\epsilon}\delta\alpha\sigma\alpha$ — $\sigma\kappa\epsilon\delta\acute{\alpha}\nu\upsilon\mu\iota$, от $\epsilon\pi\acute{\epsilon}\tau\alpha\sigma\alpha$ — $\pi\epsilon\tau\acute{\alpha}\nu\upsilon\mu\iota$, от $\eta\mu\alpha\rho\tau\omicron\nu$ — $\acute{\alpha}\mu\alpha\rho\tau\acute{\alpha}\nu\omega$ и т. п. С другой стороны — и этот случай является наиболее обычным — от основы настоящего времени производились основы будущего времени, аориста и т. д.: от $\beta\acute{o}\sigma\kappa\omega$ — $\beta\acute{o}\sigma\kappa\eta\sigma\omega$, $\acute{\epsilon}\beta\acute{o}\sigma\kappa\eta\sigma\alpha$; от $\chi\alpha\iota\rho\omega$ — $\chi\alpha\iota\rho\eta\sigma\omega$; от $\delta\iota\delta\acute{\alpha}\sigma\kappa\omega$ (наряду с $\acute{\epsilon}\delta\iota\delta\alpha\epsilon\iota\sigma\alpha$) — $\acute{\epsilon}\delta\iota\delta\acute{\alpha}\sigma\kappa\eta\sigma\alpha$; именно таким образом было построено спряжение отыменных глаголов, например $\tau\iota\mu\acute{\alpha}\omega$, $\phi\iota\lambda\acute{\epsilon}\omega$ и т. п.

§ 365. Суффикс * ϵ , выражавший состояние и служивший характеристикой страдательного аориста, был использован, помимо этого, и для построения спряжения: он превратился в простой структурный элемент, широкое применение которого подчеркивало тенденцию греческого языка к установлению формальной связи между различными основами от одного и того же глагольного корня. У Гомера от корня перф. $\delta\epsilon\delta\alpha\omega\varsigma$ „знающий“ образованы формы буд. вр. $\delta\alpha\eta\sigma\omicron\mu\alpha\iota$ и перф. $\delta\epsilon\delta\alpha\eta\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ и $\delta\epsilon\delta\acute{\alpha}\eta\kappa\alpha$, опирающиеся на аор. $\acute{\epsilon}\delta\acute{\alpha}\eta\upsilon$: глагол, означавший „знать“, легко допускал прибавление суффикса ϵ , выражавшего состояние. Другие подобные примеры: от $\rho\acute{\epsilon}\omega$, $\acute{\epsilon}\rho\rho\acute{\upsilon}\eta\upsilon$ — буд. вр. $\rho\acute{\upsilon}\eta\sigma\omicron\mu\alpha\iota$, перф. $\acute{\epsilon}\rho\rho\acute{\upsilon}\eta\kappa\alpha$; от $\chi\alpha\iota\rho\omega$, $\acute{\epsilon}\chi\acute{\alpha}\rho\eta\upsilon$ — перф. $\kappa\epsilon\chi\alpha\rho\eta\kappa\omega\varsigma$, $\kappa\epsilon\chi\acute{\alpha}\rho\eta\kappa\alpha$; от $\mu\alpha\iota\acute{\nu}\omicron\mu\alpha\iota$, $\acute{\epsilon}\mu\acute{\alpha}\nu\eta\upsilon$ — в позднюю эпоху буд. вр. $\mu\alpha\upsilon\eta\sigma\omicron\mu\alpha\iota$ (Anth. XI, 216), перф. $\mu\epsilon\mu\acute{\alpha}\nu\eta\mu\alpha\iota$ (Фео-крит X, 31).

Элемент ϵ был использован также и в спряжении глаголов, не имеющих аориста на ϵ (греч. $-\eta\upsilon$): с помощью η был построен перфект от корня * $\mu\epsilon\pi$ - „оставаться“ — $\mu\epsilon\mu\acute{\epsilon}\nu\eta\kappa\alpha$ (ср. лат. $\mu\alpha\pi\grave{e}\rho\epsilon$), отличающийся, таким образом, от перф. $\mu\acute{\epsilon}\mu\omicron\upsilon\alpha$ от корня * $\mu\epsilon\pi$ - „думать“. В формообразовании от корня * $\mu\epsilon\iota\delta$ - „видеть“, тяготевшего к выражению дуративности, элемент ϵ также играл большую

роль (лат. videre); греческий язык удержал его в буд. вр. $\acute{\epsilon}\iota\delta\eta\sigma\omega$ (η 327) и в плюсквамперф. $\eta\delta\eta$ (§ 232).

Некоторые глаголы употребляют параллельно как формы с расширением, так и формы без расширения: от $\acute{\epsilon}\chi\omega$ имеем буд. вр. $\acute{\epsilon}\xi\omega$, но также $\sigma\chi\eta\sigma\omega$ (M 166; Аристофан, Ran. 188), перф. $\acute{\epsilon}\sigma\chi\eta\kappa\alpha$ и $\acute{\epsilon}\sigma\chi\eta\mu\alpha\iota$ (ср. лат. habere).

Этот суффикс, исключенный из системы настоящего времени, мог служить орудием для построения других глагольных основ. Язык стремился установить формальное единство между всеми основами. Столкновение согласных и возникающие при этом фонетические трудности грозили разрушить это единство. Для устранения их служил элемент ϵ .

Этот элемент, обнаруживаемый нами в будущем времени, в аористе и в перфекте, часто чередуется с суффиксом на $-i$ (* $i^e/o-$, * $i-sk^e/o-$), фигурирующим в настоящем времени. Сопоставление слав. мынѣти , мынѣти с греч. $\mu\alpha\iota\acute{\nu}\omicron\mu\alpha\iota$, $\acute{\epsilon}\mu\acute{\alpha}\nu\eta\upsilon$ показывает, что это чередование является древним: $\acute{\alpha}\kappa\alpha\chi\acute{\iota}\zeta\omega$, $\acute{\alpha}\kappa\alpha\chi\eta\sigma\omega$, $\acute{\alpha}\kappa\alpha\chi\eta\sigma\alpha$; $\acute{\alpha}\mu\alpha\phi\acute{\iota}\sigma\kappa\omega$, $\acute{\alpha}\mu\alpha\phi\eta\sigma\omega$, $\acute{\alpha}\mu\alpha\phi\eta\sigma\alpha$, $\acute{\epsilon}\upsilon\rho\acute{\iota}\sigma\kappa\omega$, $\acute{\epsilon}\upsilon\rho\eta\sigma\omega$, $\eta\upsilon\rho\eta\kappa\alpha$ (но $\eta\upsilon\rho\acute{\epsilon}\theta\eta\upsilon$, $\acute{\epsilon}\upsilon\rho\acute{\epsilon}\tau\acute{\epsilon}\varsigma$); $\acute{\omega}\phi\lambda\iota\sigma\kappa\acute{\alpha}\nu\omega$, $\acute{\omega}\phi\lambda\eta\sigma\omega$, $\acute{\omega}\phi\lambda\eta\sigma\alpha$, $\acute{\omega}\phi\lambda\eta\kappa\alpha$; $\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\iota}\sigma\kappa\omega$, $\sigma\tau\epsilon\rho\eta\sigma\omega$, $\acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\eta\sigma\alpha$, $\acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\eta\kappa\alpha$ ¹.

У глаголов, основа которых оканчивалась на переднеязычный, образование перфекта с группой из переднеязычного $+\chi$ было невозможно, а группа, состоявшая из переднеязычного $+\sigma$ в будущем времени и в аористе, претерпевала фонетическое изменение. Отсюда потребность в расширении η : $\alpha\iota\sigma\theta\acute{\alpha}\nu\omicron\mu\alpha\iota$, $\alpha\iota\sigma\theta\eta\sigma\omicron\mu\alpha\iota$, $\eta\iota\sigma\theta\eta\mu\alpha\iota$; $\acute{\alpha}\mu\alpha\rho\tau\acute{\alpha}\nu\omega$, $\acute{\alpha}\mu\alpha\rho\tau\eta\sigma\omicron\mu\alpha\iota$, $\eta\mu\acute{\alpha}\rho\tau\eta\kappa\alpha$, $\eta\mu\acute{\alpha}\rho\tau\eta\mu\alpha\iota$ и даже $\eta\mu\acute{\alpha}\rho\tau\eta\sigma\alpha$ (Эмпедокл 115 D); $\acute{\alpha}\mu\epsilon\chi\theta\acute{\alpha}\nu\omicron\mu\alpha\iota$, $\acute{\alpha}\mu\epsilon\chi\theta\eta\sigma\omicron\mu\alpha\iota$, $\acute{\alpha}\mu\epsilon\chi\theta\eta\mu\alpha\iota$; $\beta\lambda\alpha\sigma\tau\acute{\alpha}\nu\omega$, $\beta\lambda\alpha\sigma\tau\eta\sigma\omega$, $\beta\epsilon\beta\lambda\acute{\alpha}\sigma\tau\eta\kappa\alpha$ и даже $\acute{\epsilon}\beta\lambda\acute{\alpha}\sigma\tau\eta\sigma\alpha$ (Гиппократ VII, 546 Литтре); $\acute{\epsilon}\upsilon\delta\omega$, $\acute{\epsilon}\iota\delta\eta\sigma\omega$ и $\kappa\alpha\theta\epsilon\upsilon\delta\eta\epsilon\sigma\omicron\nu$ (Платон, Phaed. 259 d); $\kappa\epsilon\rho\delta\acute{\alpha}\nu\omega$ наряду с $\kappa\epsilon\rho\delta\alpha\omega$ и $\acute{\epsilon}\kappa\epsilon\rho\delta\eta\upsilon$, $\kappa\epsilon\rho\delta\eta\sigma\omicron\mu\alpha\iota$ (Геродот III, 72), $\acute{\epsilon}\kappa\epsilon\rho\delta\eta\sigma\alpha$ (Геродот IV, 152), $\kappa\epsilon\kappa\acute{\epsilon}\rho\delta\eta\kappa\alpha$ (Демосфен LVI, 30); $\mu\alpha\upsilon\theta\acute{\alpha}\nu\omega$, $\mu\alpha\upsilon\theta\eta\sigma\omicron\mu\alpha\iota$, $\mu\epsilon\mu\acute{\alpha}\theta\eta\kappa\alpha$; $\mu\acute{\epsilon}\delta\omicron\mu\alpha\iota$, $\mu\epsilon\delta\eta\sigma\omicron\mu\alpha\iota$ (I 656); от $\pi\epsilon\iota\delta\omicron\mu\alpha\iota$ Гомер употребляет буд. вр. $\pi\iota\theta\eta\sigma\omega$ „я буду повиноваться“ (ψ 369), $\pi\epsilon\pi\iota\theta\eta\sigma\omega$ „я ставлю“ (X 223), аор. $\pi\iota\theta\eta\sigma\acute{\alpha}\varsigma$ „повиновавшийся“ (Δ 398); $\pi\acute{\epsilon}\rho\delta\omicron\mu\alpha\iota$, $\mu\alpha\rho\delta\eta\sigma\omicron\mu\alpha\iota$; $\mu\epsilon\iota\delta\omicron\mu\alpha\iota$, $\mu\epsilon\pi\iota\delta\eta\sigma\omicron\mu\alpha\iota$ (O 215).

¹ Изредка появляется расширение с огласовкой \acute{o} : $\acute{\alpha}\nu\alpha\lambda\acute{\iota}\sigma\kappa\omega$, $\acute{\alpha}\nu\alpha\lambda\acute{\omega}\omega$, $\acute{\alpha}\nu\eta\lambda\omega\sigma\alpha$, $\acute{\alpha}\nu\eta\lambda\omega\kappa\alpha$; $\acute{\alpha}\mu\beta\lambda\acute{\iota}\sigma\kappa\omega$, $\acute{\alpha}\mu\beta\lambda\acute{\omega}\omega$, $\eta\mu\beta\lambda\omega\sigma\alpha$, $\eta\mu\beta\lambda\omega\kappa\alpha$.

Глаголы, корень которых оканчивается на губной. Примеры редки: ἐνισπῆζω (форма, построенная на аор. ἐνισπον, ε 98); в ионийском диалекте: λελάβηκα (§ 212, прим.) от λαμβάνω; от γράφω — γεγράφηκα (Par. Hibeh I, 78).

Глаголы, корень которых оканчивается на заднеязычный: λάσσω, λαχίσσομαι, ἐλάχθηκα; от μάχομαι — μαχίσσομαι, ἐμαχισάμην (наряду с μαχοῦμαι, ἐμαχεσάμην); οἴχομαι, οἰχίσσομαι¹; τυγχάνω, τετύχηκα (и у Гомера аор. τύχηκα).

Глаголы, корень которых оканчивается на λ, μ, ν, ρ: βουλίσσομαι, ἐβουλήθην, βεβούλημαι от βούλομαι; δεδράμηκα, образованное от ἔδραμον (вместо гомер. δέδρομα); ἐθέλίσσω, ἠθέλησα, ἠθέληκα от ἐθέλω; ἔρρῃσω, ἤρρησα, ἤρρηκα от ἔρρω; μελλίσσω, ἐμέλλησα от μέλλω; μελήσω, ἐμέλησα от μέλω; μεμένηκα от μένω; νενέμηκα и νενέμημαι от νέμω (но буд. вр. νεμῶ, аор. ἐνεμα); ὀσφρῆσσομαι от ὀσφραίνομαι; ὀφειλήσω, ὤφειληκα и т. д. от ὀφείλω.

Расширение ε помогло построить спряжение от основ, оканчивающихся на ξ и φ: αὐξήσω, ᾠξήσα, ᾠξήκα от αὔξω и αὐξάνω; ἀλεξήσω и т. д. от ἀλέξω; ἐψήσομαι, ἤψησα от ἔψω.

После гласного или сонанта ι, υ: δεήσω, ἐδέησα, δεδέηκα и т. д. от δέω „не иметь“; οἴησομαι, ὠτήθην от οἶμαι (но у Гомера οἶσατο, ὠίσθην); от παίω — πατήσω (Аристофан, Nub. 1125), выразившее дуративность в большей степени, чем παῖσω.

В формах явно позднего происхождения к основам настоящего времени добавлялось η: от βάλλω вместо обычного βαλῶ была образована экспрессивная и дуративная форма βαλλήσω (Аристофан, Vesp., 222); от βόσκω — βοσκήσω (ρ 559), ἐβόκησα (Geoponica XVIII, 7), βοσκήσειον (Аристофан, Av. 1359); от διδάσκω — ἐδιδάκησα (Нумп. in Cer. 144) вместо обычного ἐδίδαξα; от καθίζω — καθιζήσομαι (Платон, Phaed. 229 а; Эсхин III, 167); от κλαίω — буд. вр. κλήσω, результат фонетического изменения формы κλατήσω (Демосфен XXI, 99) „я буду плакать“, более дуративной, чем древняя форма κλαδσομαι, принявшая впоследствии значение „подвергнуться несчастью“; от ἔζω — ἐζήσω (Аристофан, Vesp. 1059), ὤζησα (Аристофан, отр. 635 K); корень здесь был *od-, и спряжение было построено на настоящем времени с суффиксом *-iē|o-

¹ В перфекте находим расширение η в форме ὠιχημαι и, с огласовкой ο, ω в древней форме ὠιχωα (K 252).

ἔζω; заметим однако, что элемент ε играл известную роль и в латинском языке, ср. olēre; от τύπτω — τυπτήσω (Аристофан, Plut. 21; Платон, Gorg. 527 а) вместо τύψω; койнэ употребляет формы типа ἐτύπησα, τετύπηκα; от ψθίνω — ἐψθίνησα (Плутарх, Moralia 117 с), ἐψθίνηκα (Плутарх, Cicero 14); от χαίρω — χαρήσω (Г 363; Аристофан, Plut. 64), а в койнэ — ἐχαίρησα (Плутарх, Lucullus 25).

§ 366. Распространение элемента ε для построения системы спряжения опиралось на то, что отыменные глаголы типа τιμάω, φιλέω образовали все времена (кроме настоящего) от основы с долгим гласным: φιλήσω, ἐφίλησα, πεφίληκα, τιμήσω (общегреч. τιμάσω) и т. д. Флексия с долгим гласным распространилась даже на корневые глаголы: от δοκέω иногда вместо δόξω и ἔδοξα употреблялись формы δοκήσω (Эсхил, Prom. 386), ἐδόκησα (υ 93), δεδόκηκα (Эсхил, Eum. 309); от ὠθέω было построено наряду с аор. ἔωσα буд. вр. ὠθήσω, а в койнэ аор. ὠθησα. В некоторых случаях спряжение настоящего времени на -έω представляет собой смешение основ на -έσω и на -ήσω, -εσα и -ησα (§ 289).

§ 367. Другой особенностью является тенденция различных основ одного и того же глагола к взаимодействию. Речь здесь идет не о систематически применяемом формальном элементе, но об аналогическом воздействии одной основы на другую.

В страдательном аористе некоторые основы имеют перед -θη- сигму, объясняемую этимологически. Иногда она действительно относится к корню, например в формах: ἐξώσθην от ζώνωμι, ἐθράβσθην от θράω, ἐσεισθην от σείω, ἐτελέσθην от τελέω, ἐνάσθην от ναίω, ἐспάσθηн от спάω, ἐγелάσθηн от γελάω. В других случаях она является результатом фонетической трактовки корневого переднеязычного перед суффиксом -θη-, например в форме ἐώσθηн от ὠθέω. Заслуживает внимания, что аористы на -σθηн соответствуют также настоящему времени на -ζω: κεάσθη (II 412), ср. κεάζω; πελάσθη (E 282), ср. πελάζω; δαμασθείς (II 816), ср. δαμάζω; σήκασθεν (θ 131) от σηκάζω; ὠνομάσθηн от ὀνομάζω; ἀεικισθήμεναι (с 222) от ἀεικίζω; ἐκτίσθηн от κτίζω и т. п. Но это развитие пошло дальше, и аорист на -σθηн распространился на глаголы и других типов, прежде всего

на глаголы, имеющие настоящее время на -νῦμι: ἐσβέσθην от σβέννυμι; ἐρρώσθην от ῥώννυμι; ἐχῶσθην от χώννυμι; ἐσκεδάσθην, ср. σκεδάννυμι; ἐπετάσθην, ср. πετάννυμι; ἐκρεμάσθην, ср. κρεμάννυμι; ἐκεράσθην (Платон, Phil. 47 c) вместо древнего ἐκράσθην, ср. κεράννυμι; ἐκωρέсθην, ср. κορέννυμι и т. п. Очевидно, между этими аористами, с одной стороны, и аористами на -σα и будущим временем на -σω, с другой, установилась такая тесная связь, что страдательные аористы на -σθην стали производиться для всякого рода глаголов. Уже у Гомера мы находим ἀάσθην от ἀάωμι (в других диалектах существует ἀάω), δυνάσθην (Ψ 465) от δύναμαι; ἐπλήсθην от ἐμπλήμι; ἐμνήсθην от ἐμνήсχομαι; ἐτανύсθην от τανύω; ἐλόсθην от ἐλώω. В последних примерах σ может происходить только от сигматического аориста. Другие примеры в послегомеровских текстах: ἐγνώсθην от γινώσκω; ἐτείсθην от τίω (Демосфен XXVIII, 2); ἐκελεύсθην от κελεύω; ἐβώсθην (произведенное от ἐβώα) от βράω (Геродот VI, 131); ἐκολούсθην (Фукидид VII, 66; Эсхил, Persae 1035) от κολούω; ἡγάсθην от ἄγαμαι; ἡράсθην от ἔραμαι; ὠνόсθην (Геродот II, 136) от ὀνομαι; εἰλόсθην (Геродот I, 140), ср. ἔλω и εἴλωσα.

Параллельно с развитием суффикса -сθην в аористе, перфект страдательного залога, находившийся в известном семантическом соотношении с аористом страдательного залога, усваивал флексию -σαι, -σαι и т. д. С одной стороны, σ, возникшее фонетически в πέπυσται или πέпυσθε, распространилось на формы πέпυσται, πεπύсμεθα, πεпυσμένος; с другой — σ было введено в флексию и таких основ перфекта, где его наличие фонетически не было оправдано.

Окончания -σαι, -σαι фонетически закономерны для основ, оканчивающихся на σ: ἐξωсται, тогда как мы должны были бы ожидать ἐξωμαι, ἐξωμένος. Но аналогия смешала факты: в рукописях Геродота (II, 85) мы находим одно временно ἐξωμένοι и ἐξωсμένοι; рукописи Аристофана дают ἐξωсμένοι (Av. 1148), то же и у Фукидида (I, 6). С другой стороны, мы находим форму ἐξωсται (I. G. II², 1491, 36), которая не может быть объяснена фонетически; формы, содержащие σ, опирались на ἐξώсθην, ξωсτός. Другие перфекты от корней, оканчивающихся на σ: γέγυμαι (полное отсутствие следов сигмы; ср., однако, γευсτός); χέχρυμαι и χέχρισται, ср. ἐχρίсθην, χριστός; χέχρουμαι и χέχρουсται, ср. ἐχροсθην, χρουсτός. Преобладание получили новые формы

на -σαι, -сμεθα, -σμένος: σέсσειμαι, ср. στείсθην, σειсτός; ἐξεсμαι, ср. ἐξέсθην, ξεсτός; ἐссесμαι, ср. ἐсбέсθην, сбесτός; τετέлесμαι, ср. ἐτελέсθην, телесτός; ἐспасμαι, ср. ἐспάсθην, спасτός; ἡкусμαι, ср. ἡκούсθην, и т. п.

У корней, оканчивающихся на переднеязычный, формы на -σαι, -σαι объяснялись фонетически; таким образом, мы имеем кέкасσαι, кέкасται от корня каδ-, но кεκαδμένος (Пиндар, Ol. I, 27), тогда как Гомер дает кεкаσμένος, по аналогии с кέкасται; точно так же мы находим прич. πεφραδμένος (Гесиод, Op. et d. 655) наряду с πέφρασται и вместо аттич. πεφρασμένος. Были созданы такие формы, как πέφρασται, ср. ἐφράсθην; πέπειсται, ср. ἐπέісθην; πεπόχασμαι, ср. ἐпоχάсθην; ἐскеуάсмай, ср. ἐскеуάсθην; εἰδίσмай, ср. εἰдісθην, и т. п.

В процессе своего распространения σ присоединялось к таким основам перфекта, где ни фонетика, ни этимология не оправдывали его присутствия; весьма часто мы находим его в аористе на -сθην и в прилагательном на -τός. Так находило свое выражение единство системы страдательного залога: κατεірусται (θ 159) от ἐρώω; τετάнусται (ι 119) от τάνυμαι (ср. ἐτανύсθην); τέτειсмай от τίω (ср. ἐτείсθην, тειсτέον); κέκλαусмай вместо древнего κέκλαυμαι (Плутарх, Moralia 115 b) наряду с ἐκλαусθην и κλαусτός от κλαίω; ἐγνώсмай (Фукидид III, 38 и др.) наряду с ἐγνώсθην и γνωсτός от γινώσκω; кекелеусмай, ср. ἐκελεύсθην, келеусτός. Основам настоящего времени на -νῦμι соответствуют сравнительно поздние формы: вместо древнего кехόρηмай — кехόресмай (Ксенофонт, Mem. III, 11, 14; койнэ), ср. ἐкоресθην и корένнυμι; ἐсκέдасмай, ср. ἐскеδάсθην, скедасτός от σκεдάνнυμι; кехэрасмай (Аристотель, отр. 549) вместо древнего кехэрамай, ср. κεράνнυμι и ἐкεράсθην; кехремасмай (Диодор Сицилийский XVIII, 26), ср. ἐκρεμάсθην, кремасτός, от κρεмάνнυμι; πεπέтасмай, ср. ἐπετάсθην, от πετάνнυμι. В койнэ этот тип формообразования распространился еще дальше; так, мы имеем ἐνομωссμένος от ἐνόμνυμαι (Par. Halle I, 77).

Элемент σ, употреблявшийся даже там, где это не оправдывалось этимологией, указывал на связь между формами страдательного аориста, страдательного перфекта и отглагольного прилагательного. Однако эта система не получила полного развития и наблюдается лишь у некоторых глаголов.

БИБЛИОГРАФИЯ¹

Для ориентации в общих вопросах истории греческого языка пригласен очерк „Греческий язык“, представляющий собой II главу книги:

История греческой литературы, под ред. С. И. Соболевского, Б. В. Горнунга и др., т. I, 1946.

Тем же целям служат:

A. Meillet, *Aperçu d'une histoire de la langue grecque*, изд. 5, Париж, 1938.

P. Kretschmer, *Griechische Sprache* (входит в состав A. Gercke и Ed. Norden, *Einleitung in die Altertumswissenschaft*, изд. 3, I, 6, Лейпциг, 1923); содержит в доступной форме изложение важнейших результатов фундаментального исследования того же автора: *Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache*, Геттинген, 1896.

O. Hoffmann, *Geschichte der griechischen Sprache*, I, Лейпциг, 1911.

Наиболее подробное современное изложение греческой фонетики, морфологии и синтаксиса в историческом освещении содержит:

E. Schwyzer, *Griechische Grammatik*, Мюнхен, 1939—1950.

Специально фонетике посвящены книги:

M. Lejeune, *Traité de phonétique grecque*, Париж, 1947.

M. Grammont, *Phonétique du grec ancien*, Лион, 1948.

Важный материал для истории греческого языка содержат труды по греческой диалектологии:

F. Bechtel, *Die griechischen Dialekte*, I—III, Берлин, 1921—1924 (сокращенно цитируется: Бехтель).

C. D. Buck, *Introduction to the study of the Greek dialects*, изд. 2, Чикаго и Лондон, 1928 (сокращенно цитируется: Бак).

Collitz-Bechtel, *Sammlung der griechischen Dialektinschriften*, Геттинген, 1884—1915 (сокращенно цитируется: Колиц-Бехтель).

E. Schwyzer, *Dialectorum graecarum exempla epigraphica potiora*, Лейпциг, 1923 (сокращенно цитируется: Швицер).

W. Dittenberger, *Sylloge inscriptionum graecarum*, изд. 3, Лейпциг, 1915—1923 (сокращенно цитируется: Диттенбергер).

Meisterhans-Schwyzer, *Grammatik der attischen Inschriften*, Берлин, 1900 (сокращенно цитируется: Мейстерганс-Швицер).

Сокращенно цитируются также:

A. Эрну, *Историческая морфология латинского языка*, М., 1950 [Э.].

М. Нидерман, *Историческая фонетика латинского языка*, М., 1949 [Н.].

Сокращения М. и Ф. означают, соответственно, морфологическую и фонетическую части настоящей книги.

¹ Переработана переводчиком.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ГРЕЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ

Система гласных

§ 1. Систему гласных греческого языка-основы (общегреческого языка по терминологии П. Шантрена) можно представить в следующей таблице, характеризующей их артикуляцию:

Расстояние между языком и нёбом	Язык	
	Продвинут вперед	Удален вглубь
	максимальное	минимальное
	ᾱ	ō
	ē	ū
	ī	ü

Из числа этих звуков *i* и *u* (так называемые сонанты) могли при том же характере артикуляции выступать в сочетании с другими гласными без слогаобразующей функции, в обычном обозначении *i*, *u*.

Сочетания гласный + сонант дают так называемые двугласные или дифтонги, которые в соответствии с тем, входит ли в них долгий или краткий гласный, могли быть долгими или краткими:

āi	āu
ēi	ēu
ōi	ōu

Следует отметить, что краткие дифтонги, содержа в себе элемент, „закрывающий“ слог, составляли долгие слоги.

Система согласных

§ 2. В систему согласных входили, кроме указанных двух сонантов, два плавных сонанта — *γ* и *ι* и два носовых сонанта — *μ* (губной) и *ν* (переднеязычный). В поло-

жении перед заднеязычным смычным (см. ниже) п переходило в заднеязычный носовой η (явление ассимиляции по месту артикуляции; см. § 29). В этот же звук переходил звонкий заднеязычный смычный g в положении перед губным сонантом m (явление ассимиляции по способу артикуляции; см. § 28).

В своей гласной функции эти сонанты к началу рассматриваемой эпохи подверглись изменению, о чем см. § 3.

Помимо сонантов, в систему согласных входили:

Переднеязычный глухой спира́нт s. Соответствующий ему звонкий z существовал лишь как его вариант в положении перед звонкими согласными.

Смычные:

	Губные	Передне- язычные	Задне- язычные	Лабиеве- лярные
Глухие	p	t	k	kʰ
Звонкие	b	d	g	gʷ
Придыха- тельные (аспираты)	ph(<bh)	th(<dh)	kh(<gʰ)	kʰh(<gʷh)

Артикуляция лабиовелярных согласных представляла собой сочетание артикуляций заднеязычной и губной.

Артикуляция придыхательных согласных представляла собой, как это отражено в их обозначении в таблице, сочетание артикуляции соответствующих глухих с одно-временной артикуляцией так называемого придыхания. Придыхание существовало в языке и вне этих сочетаний и представляло собой в этом случае слабый глухой спира́нт (h), артикулировавшийся, вероятно, в нижней части полости глотки¹.

Изменение сонантов в гласной функции

§ 3. Плавные и носовые сонанты, которые в эпоху индоевропейского языка-основы имели и гласную функцию (ɣ, ʎ, η, ŋ), в греческом языке изменились в этой функции следующим образом:

¹ М. И. Матусевич, Введение в общую фонетику, Л., 1948, стр. 32.

ɣ > ɣa, aɣ:

θρασύς, θαρύς „дерзкий“ восходит к *thrsus (нулевая ступень огласовки корня); ср. θέρσος „дерзость“ (с дублетами вторичного происхождения θράσος и θάρσος, образованными по аналогии с прилагательным), где корень имеет огласовку e;

πατράς (нулевая ступень огласовки суффикса); ср. πατρός, πατρί (та же ступень в положении перед гласным), πατέρα, πατέρες (полная ступень суффикса), πατήρ (удлиненная ступень суффикса).

ʎ > ʎa, aʎ:

ἐκλάπη (нулевая ступень огласовки корня); ср. κλέπτω (ступень e), κλοπή (ступень o), κλώψ (ступень ō — удлиненная);

ἐσταλμαι; ср. στέλλω, στόλος „снаряжение, поход“, στολή „убор“.

η > a:

ἄλα восходит к *salη (см. § 60); ср. лат. salem < *salη (ср. э. § 41);

ἐδεῖξα из *ēdeῖη (см. М. § 200, 341).

η > a, перед гласными an (из η^a):

ἄφορος из *ηφορος (где η представляет собой нулевую ступень огласовки индоевропейской отрицательной частицы, имеющей в полной ступени форму ne, русск. не);

ἀνάϊτος из *η^aαϊτος;

κείαται, например Ω 527, из *κεῖται (аттическая двусложная форма κείνται образована по аналогии с типом βέβληται, получившим в свою очередь аналогическую дублетную форму βεβλήαται; ср. М. § 354).

§ 4. Сонанты в гласной функции могли быть в индоевропейском языке также долгими. Из них ī и ū сохранились в греческом языке без изменения:

гомер. (ɣ)ῖφι „силой“; ср. лат. vīs;

θύμῳ; ср. лат. fūmus, санскр. dhūmah.

Остальные долгие сонанты были редки, и отражения их в греческом языке не дают ясной картины не только вследствие малочисленности относящихся сюда примеров, но и вследствие наличия значительных колебаний, показывающих, что развитие зависело от ряда трудно определяемых условий.

Так, в словах $\kappa\acute{\alpha}\mu\upsilon\omega < *k\bar{a}\mu\omega$ (о сокращении α см. § 6), $\kappa\mu\eta\tau\acute{o}\varsigma$, дор. $\kappa\mu\acute{\alpha}\tau\acute{o}\varsigma$, $\kappa\acute{\alpha}\mu\alpha\tau\acute{o}\varsigma$ отражена одна и та же ступень огласовки корня $*k\bar{\mu}\bar{\eta}$.

Соответственным образом и $\bar{\eta}$ может отражаться как $\bar{\alpha}$, $\bar{\nu}$ и $\bar{\alpha}\bar{\nu}$.

Еще сложнее картина в случае $\bar{\eta}$, $\bar{\iota}$, дающих наряду с тембром α также тембр o . Встречаются отражения:

$o\bar{\rho}$, $o\lambda$ (< $\omega\rho$, $\omega\lambda$; ср. выше и § 6), например $\rho\acute{o}\lambda\lambda\acute{\eta}$, дор. $\rho\acute{o}\lambda\lambda\acute{\alpha} < *p\acute{o}\lambda\lambda\iota\alpha < *p\acute{o}\lambda\lambda\iota\alpha < *p\bar{\lambda}\bar{\lambda}\iota\alpha$; ср. $\rho\acute{o}\lambda\upsilon$ и санскр. $p\bar{u}rv\bar{i}$;

$\rho\omega$, $\lambda\omega$, например дор., ион. $\tau\epsilon\tau\rho\acute{\omega}\kappa\upsilon\tau\alpha$ от корня $*k^h\epsilon\tau\bar{\eta}$; ср. лат. *quadrāginta*;

$\beta\lambda\acute{o}\sigma\kappa\omega$ от корня $*m\bar{\lambda}$ (см. § 34); ср. $\mu\lambda\epsilon\bar{\iota}\nu$;

$\alpha\rho\alpha$, $\alpha\lambda\alpha$, например $\rho\alpha\lambda\acute{\alpha}\mu\eta$; ср. лат. *palma*, др.-ирл. *lām*.

Изменение лабиовелярных

§ 5. К общегреческой эпохе относится следующее изменение всех лабиовелярных:

	Перед α , o и согласными	Перед e , i	Перед и после ι
$k^h >$	$p(\pi)$	$t(\tau)$	$k(\chi)$
$g^h >$	$b(\beta)$	$d(\delta)$	$g(\gamma)$
$k^h h >$	$ph(\varphi)$	$th(\theta)$	$kh(\chi)$

Примеры на k^h :

$\pi\acute{o}\theta\epsilon\nu$ (о суффиксе $-\theta\epsilon\nu$ см. М. § 129) от того же местоименного корня $k^h e-/k^h o-$ ($k^h i-$), который содержится в $\tau\epsilon\varsigma$; ср. лат. *quis*; о двоякой форме корня ср. М. § 142;

$\epsilon\pi\omicron\mu\alpha\iota$ от основы $*sek^h e/o-$; ср. лат. *sequor*;

$\lambda\acute{o}\kappa\omicron\varsigma$, ср. латинское заимствование из сабинского диалекта *lupus*.

Примеры на g^h :

$\beta\iota\beta\rho\acute{\omega}\sigma\kappa\omega$, $\beta\rho\acute{\alpha}$ от корня $*g^h er-$; ср. санскр. *girāti* „он глотает“, русск. *жрать*;

$\phi\acute{\epsilon}\beta\omicron\mu\alpha\iota$ от корня $*bheg^h-$; ср. русск. *бег*;

$\acute{\alpha}\delta\epsilon\lambda\phi\acute{o}\varsigma$ ($\acute{\alpha} < *ha-$ < $*sh-$; ср. лат. *semel*), собственно „единоутробный“; ср. санскр. *gārbhas* „утроба“;

$\gamma\upsilon\eta$, беот. $\beta\alpha\acute{\nu}\alpha$, $\mu\acute{\nu}\alpha\omicron\mu\alpha\iota < *b\acute{\nu}\alpha\omicron\mu\alpha\iota$, ср. русск. *жена*.

Примеры на $k^h h$:

$\epsilon\lambda\alpha\phi\rho\acute{o}\varsigma$ и $\epsilon\lambda\alpha\chi\acute{o}\varsigma$ от одного и того же корня $leng^h h-$ (с нулевой ступенью огласовки); ср. лит. *lengvas* „легкий“;

$\theta\epsilon\rho\mu\acute{o}\varsigma$ от корня $*g^h her-$; ср. русск. *гореть*;

вин. п. ед. ч. $\acute{\nu}\iota\gamma\alpha$ (Гесиод, Ор. 535) от основы $*nig^h h-$, ср. лат. *nix*, *nivem* (Н. § 45, 93).

Изменения гласных

§ 6. Долгие дифтонги. Долгие дифтонги в положении перед согласным к началу общегреческой эпохи подверглись сокращению слогообразующего элемента, т. е. перешли в соответствующие краткие дифтонги. Такому же сокращению слогообразующего элемента подверглись в этом положении и сочетания долгих гласных с остальными сонантами:

$Ze\acute{o}\varsigma$ из $*djē\upsilon\varsigma$; ср. лат. *dies* (где долгота сохранилась, так как ι исчезло по аналогии с вин. п. $*diem$; ср. греч. $Z\acute{\eta}\nu$; Э. § 89);

$\nu\acute{\alpha}\delta\varsigma$ из $*pā\upsilon\varsigma$; ср. род. п. гомер. $\nu\eta\acute{o}\varsigma$ из $*nāf\acute{o}\varsigma$ (о переезде $\alpha > \eta$ см. § 12; об исчезновении f см. § 54);

$\gamma\upsilon\omicron\bar{\iota}\mu\epsilon\nu$, $\beta\alpha\bar{\iota}\mu\epsilon\nu$, $\mu\epsilon\gamma\epsilon\bar{\iota}\mu\epsilon\nu$ из $*\gamma\upsilon\omega\bar{\iota}\mu\epsilon\nu$, $*\beta\alpha\bar{\iota}\mu\epsilon\nu$, $*\mu\epsilon\gamma\eta\bar{\iota}\mu\epsilon\nu$, вследствие чего по аналогии $\gamma\upsilon\omicron\bar{\iota}\eta\nu$, $\beta\alpha\bar{\iota}\eta\nu$, $\mu\epsilon\gamma\epsilon\bar{\iota}\eta\nu$ вместо ожидаемых $*\gamma\upsilon\omega\bar{\iota}\eta\nu$ и т. д.;

гомер. $\epsilon\phi\alpha\nu\epsilon\nu$ из $*\epsilon\phi\alpha\nu\epsilon\nu < *\epsilon\phi\alpha\nu\eta\nu$ (ср. $\epsilon\phi\alpha\nu\eta\mu\epsilon\nu$; об исчезновении конечного τ см. § 24).

Важен и относящийся сюда же случай сокращения конечного гласного именных и местоименных основ на $\bar{\alpha}$ в форме винительного падежа множественного числа:

$*\tau\acute{\alpha}\nu\varsigma$, $*\tau\bar{\iota}\mu\acute{\alpha}\nu\varsigma > \tau\acute{\alpha}\nu\varsigma$, $\tau\bar{\iota}\mu\acute{\alpha}\nu\varsigma$, формы, засвидетельствованные в критских надписях.

О дальнейших изменениях этих форм см. § 78.

Наблюдаемые отступления от этого закона обусловлены либо аналогическим восстановлением, либо фонетическими изменениями, приведшими к возникновению рассматриваемых сочетаний в историческую эпоху развития греческого языка, когда этот закон уже перестал действовать:

сослагат. накл. $\phi\acute{\epsilon}\rho\omega\mu\alpha\iota$ по аналогии с $\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\mu\alpha\iota$ и т. д., поддержанной стремлением сохранить противопоставление сослагат. накл. $\phi\acute{\epsilon}\rho\omega\mu\alpha\iota$ и изъяв. накл. $\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\mu\alpha\iota$;

$\kappa\lambda\acute{\eta}\varsigma$ „ключ“ из $*\kappa\lambda\bar{\alpha}\varsigma$; ср. лат. *clāvis*.

§ 7. В дальнейшем η имело особое развитие, а именно, к началу IV в. оно совпало с ϵ , которое еще ранее приобрело звучание $\bar{\epsilon}$. В ряде случаев это отразилось и в письме: $\chi\lambda\epsilon\acute{\iota}\varsigma$, 2-е л. ед. ч. средн. залога $\psi\acute{\epsilon}\rho\epsilon\iota$ вместо $\chi\lambda\acute{\eta}\varsigma$, $\psi\acute{\epsilon}\rho\eta$. Часто однако η восстанавливалось по аналогии: $\tau\eta\eta\iota$, ср. $\tau\eta\acute{\eta}$, $\tau\eta\eta\varsigma$ и т. д.

§ 8. Как в восстановленном η , так, позднее (III в. до н. э.), и в $\bar{\alpha}\iota$, $\omega\iota$ неслоговое ι начиная с IV в. до н. э. исчезает в произношении и часто опускается в аттических надписях этого времени. В эллинистическую эпоху установилось обычное сохранять в письме это немое ι . Распространенный в нынешней типографской практике способ обозначения этого ι в виде „подписной иоты“ возник лишь в XII в. н. э.

§ 9. Краткие дифтонги. Как уже было сказано (§ 7), дифтонг $\epsilon\iota$ в V в. до н. э. монофтонгизировался, перейдя в долгое закрытое ϵ , которое отличалось от долгого открытого ϵ , обозначавшегося буквой η . Закрытым было также долгое ϵ , возникшее в результате слияния $\epsilon + \epsilon$ (§ 19) или заменительного удлинения ϵ (§ 67, 71, 76). Это повело к тому, что в аттических надписях указанного времени для последних двух случаев долгого закрытого ϵ , обозначавшегося ранее так же, как и краткое ϵ , тоже начинает применяться обозначение $\epsilon\iota$ (таким образом, распространенное ныне чтение $\epsilon\iota$ как „эй“, соответствуя произношению до IV в. для таких случаев, как $\epsilon\iota\mu\iota$ „я пойду“, не соответствует вовсе произношению какого бы то ни было исторического периода для таких случаев, как $\epsilon\iota\mu\iota$ „я есмь“). В дальнейшем как это $\bar{\epsilon}$, так и $\bar{\epsilon}$, обозначаемое η , подвергаются последовательному сужению и во II в. до н. э. переходят в i (количественные различия гласных к этому времени уже начинают утрачиваться).

§ 10. Аналогичные явления наблюдаются и для $\omega\iota$: в V в. этот дифтонг монофтонгизируется, перейдя в долгое закрытое ω . Обозначение $\omega\iota$ после этого начинает применяться для долгого закрытого ω (обозначавшегося ранее так же, как краткое ω), возникшего в результате слияния $\omega + \omega$, $\omega + \epsilon$, $\epsilon + \omega$ или заменительного удлинения ω , которое отличалось от обозначаемого посредством ω долгого

открытого ω . Процесс дальнейшего сужения в этом случае протекал быстрее, чем в случае $\epsilon\iota$, и уже в V в. $\bar{\omega}$, как происшедшее из дифтонга, так и возникшее в результате слияния или заменительного удлинения, перешло в \bar{u} .

§ 11. В ионийско-аттическом диалекте u , как краткое, так и долгое, в эпоху, предшествующую появлению древнейших надписей (VIII в.), перешло соответственно в краткое и долгое y (франц. u , нем. \bar{u}). Неслоговое u (сонант, в нашем обозначении \bar{u}), входившее в состав дифтонгов, этим изменением затронуто не было. Точно так же не подвергалось этому изменению и долгое u , возникшее в более позднюю эпоху в результате монофтонгизации ou , слияния и заменительного удлинения (§ 10).

§ 12. Приблизительно к тому же времени, что и изменение \bar{u} в \bar{y} , относится происшедшее в ионийско-аттическом диалекте изменение долгого a , как исконного, так и вторичного, в долгое открытое e . Первоначально это e имело более открытое произношение, чем исконное долгое e , являвшееся в свою очередь более открытым, чем долгое e , возникшее в результате слияния или заменительного удлинения; однако в V в. до н. э. это различие исчезает, и все долгие e , независимо от их происхождения, одинаково участвуют в том процессе постепенного сужения, о котором уже говорилось выше (§ 9).

Таким образом, дорийскому $\mu\acute{\alpha}\tau\eta\rho$ и др. противостоит ион.-атт. $\mu\acute{\eta}\tau\eta\rho$ (в более древнем написании $\mu\eta\tau\epsilon\rho$, где E означает исконное, менее открытое e).

Изменение \bar{a} в \bar{e} происходило только на протяжении ограниченного промежутка времени, и те долгие a , которые возникли после этого в результате слияния или заменительного удлинения, сохраняют свое качество вплоть до настоящего времени: новогреч. $\tau\acute{\iota}\mu\acute{\alpha}\tau\epsilon$ (весьма отличающееся, однако, от атт. $\tau\acute{\iota}\mu\acute{\alpha}\tau\epsilon$ количественным соотношением между гласными и характером ударения).

§ 13. В аттическом диалекте (в отличие от ионийского) это изменение не наблюдается в тех словах, где долгому a предшествует r , ϵ или i . Можно было бы предположить, что во всех этих случаях сохранилось первоначальное \bar{a} . Однако пример слова $\theta\acute{\epsilon}\alpha$, дор. $\theta\acute{\alpha}\alpha$, ион. $\theta\acute{\epsilon}\eta$

„зрелище, созерцание“ заставляет отказаться от этого предположения.

Действительно, первоначальной формой этого слова было *θᾶφα (ср. θάψα „чудо“), что должно было дать как в ионийском, так и в аттическом диалекте *θᾶφη. После выпадения интервокального φ (о чем см. § 54) первое η в положении перед гласным сократилось (§ 15), и получилась форма θᾶη, сохранившаяся в ионийском диалекте. Только после этого в аттическом диалекте конечный гласный подвергся вторичному изменению и вернулся к форме долгого α. Это заставляет считать более вероятным, что изменение ᾱ в η в свое время произошло в аттическом диалекте и в положении после ρ, ε, ι, но затем фонетическое развитие приняло обратное направление, и η в указанных условиях снова превратилось в исходное ᾱ.

Таким образом, ионийскому πρῆγμα противостоит аттич. πρᾶγμα, ионийскому γεγεή — аттич. γεγεᾶ и т. д.

Примечание. В нескольких словах, где ᾱ оказалось перед ε, возникла диссимиляционная тенденция, воспрепятствовавшая переходу этого ᾱ в ε: ион. аттич. ῥῆρ, ср. род. п. ῥέρος (позднеион. ῥῆρ и аттич. ῥέρος — формы аналогические).

§ 14. Изменения в группе гласных. В результате различных морфологических и фонетических процессов — словосложения, суффиксации, исчезновения некоторых согласных звуков в интервокальном положении — в различные эпохи развития греческого языка возникали группы из двух смежных гласных. Как правило, они подвергались при этом дальнейшим изменениям, наиболее важные из которых следующие.

Долгий гласный перед гласным

§ 15. Долгий гласный в положении перед гласным сокращался, однако не с такой последовательностью, как в латинском языке. У Гомера сохранение долготы гласного в этом положении весьма обычно. Существенной особенностью ионийско-аттического диалекта является то, что если второй из входящих в группу гласных — краткое α или ο, то он удлиняется при одновременном сокращении первого, т. е. происходит так называемая пере-

становка количества. Пример: аттич. λαός „народ“ из *λῆρος, ср. гомер. λᾶς (где сохранение ᾱ представляет собой эолизм). Ср. также М. § 96, 102.

i после гласного

§ 16. В группе „гласный, отличающийся от i + i“ это i утрачивало слогообразующую функцию, т. е. группа переходила в соответствующий дифтонг:

желат. накл. θεῖμεν из *θεῖμεν, σταῖμεν из *σταῖμεν, δοῖμεν из *δοῖμεν;

дат. п. ὄρει из ὄρεῖ (гомер.) < *ὄρεσι (§ 61), ὄξεῖ из ὄξεῖ (гомер.) < *ὄξεσι (§ 54);

εἶδον < *εἶδιον;

παῖς < *παφίς; ср. гомер. πάις;

οἷς < *οῖς; ср. гомер. οἷς, лат. ovis и т. д.

§ 17. В тех случаях, когда гласный, предшествующий звуку i, был долгим, мог возникнуть долгий дифтонг, что иногда и наблюдается в действительности, преимущественно в аттическом диалекте:

аттич. κλήις „ключ“; ср. гомер. κλήις, дор. κλαῖς из *κλαῖις (о позднейшем переходе κλήις в κλείς см. § 7);

аттич. ραῖδιος; ср. гомер. ρηῖδιος из *φραῖδιος;

аттич. πατρῶις; ср. ион. πατρώις.

Чаще, однако, еще до наступления дифтонгизации долгий гласный перед i подвергался сокращению (§ 15):

аттич. βασιλεῖ из *βασιλέι; ср. гомер. βασιλῆι из *βασιλέι;

аттич. ἱερεῖον; ср. гомер. ἱερήιον.

§ 18. Неслоговое i, входившее в состав дифтонгов, в положении перед гласным было неустойчиво, и в ряде слов его исчезновение, особенно в аттическом диалекте, составляет обычную норму:

гомер. ὦκεα наряду с ὦκεῖα (из *ὦκεῖῖα);

аттич. ποεῖν наряду с ποιεῖν.

Особый случай представляет дифтонг ai: в ионийско-аттическом диалекте он терял свой неслоговой элемент, с заменительным удлинением α, в положении перед а, е, i, но сохранял его перед о:

аттич. ἐλαῖα (из *ἐλαῖῖα), ἐλαῖος (из *ἐλαῖῖος) наряду с ἐλαιον;

аттич. αἶε (из *αἶεε < *αἶεεσι) наряду с αἶων (из *αἶων);
гомер. δαῖρ (из *δαῖρ, ср. ст.-слав. дѣверь);

аттич. Ἀθῆνᾱ < Ἀθῆνᾱ < *Ἀθῆναῖα;

аттич. κλαῖεις наряду с κλαίω, откуда, вследствие аналогической унификации, две параллельные парадигмы:
κλαίω, κλαίεις и κλάω, κλάεις.

Группы из двух гласных одинакового качества

§ 19. В группе из двух гласных одного и того же качества (или различавшихся только в отношении открытости или закрытости) происходило слияние в долгий гласный того же качества (с некоторыми различиями между диалектами в отношении открытости или закрытости этого гласного):

εε > ει (т. е. ē) в ионийско-аттическом диалекте;

εε > η (т. е. ē) в дорийском диалекте:

аттич. τρεῖς, дор. τρῆς из τρεεε (засвидетельствованного в Гортинском законодательстве) < *trejeε; ср. М. § 163, Э. § 155;

аттич. φίλει, дор. φίλη из φίλεε. /

εε (где ει = ē) > ει (т. е. ē):

κλεινός из κλεεινός < *κλεεεεε (§ 71).

εη > η:

φίλητε из *φίλεητε.

εε (где ει = ei) > ει (т. е. ei):

φίλει из φίлее.

εη > η:

φίληте из φίлеете.

ηη > η:

φανηте из *φανηηте.

ηε > η:

βασιλῆς из βασιλῆεε (ср. М. § 102).

ηε (где εи = ē) > η:

ион. τιμῆς из τιμήεεε < *timāeεεε (ср. § 79).

ηε (где εи = ei) > η:

3-е л. ед. ч. изъяв. накл. ζῆτε из *ζηηте.

ηη > η:

3-е л. ед. ч. сослагат. накл. ζῆте из *ζηηте.

οο > ου (т. е. ō, позднее ū) в ионийско-аттическом диалекте;

οο > ω (т. е. ō) в дорийском диалекте:

аттич. ἵππου, дор. ἵππω из ἵπποο;

аттич. γούς из γούοε (гомер.).

οου (т. е. oō) > ου (т. е. ō):

3-е л. мн. ч. аттич. μισθοῖσι из *μισθοοοοσι, но дор. μισθῶντι из *μισθοοοντι.

οω > ω:

μισθῶμεν из *μισθοωμεν.

οοι > οι:

μισθοῖμεν из *μισθοοοιμεν.

οωι > ωι:

ἀπλωι из *ἀπλωωι.

οω > ω:

сослагат. накл. ἀλῶμεν из *ἀλωωμεν.

οο > ο:

ρίγωντες из *ρίγωοντες.

οου > ω:

ρίγῳσα из *ρίγωουσα.

οοι > ωι:

ρίγῳτεν из *ρίγωοιτεν.

Группы из двух гласных различного качества

§ 20. Если вторым гласным в группах этого рода было о, то оно в ряде диалектов получало закрытый характер, приближающийся к и, и утрачивало слогообразующую функцию, т. е. группа переходила в дифтонг, который либо мало отличался, либо вовсе не отличался от соответствующего дифтонга со вторым элементом и: гомер. σεῦ наряду с сέε; ион. ποιεῦνται из ποιέονται; аркад. род. п. Καλλίαυ из Καλλίας (ср. М. § 44).

Примечание. На близость между этими дифтонгами вторичного образования и исконным *eu*, *au* указывают встречающиеся в надписях „обратные написания“ типа *φευγετω*, *λεωχοις*, *αυτοι* вместо *φευγέτω*, *λεωχοῖς*, *αὐτοί*.

§ 21. В других случаях фонетическое развитие группы из двух гласных различного качества заключалось в ассимиляции одного из них другому с последующим слиянием в один долгий гласный соответствующего тембра; при этом ассимиляция могла быть как прогрессивной, так и регрессивной.

$\alpha + \epsilon$, $\epsilon\iota$ (ē) или $\eta > \bar{\alpha}$ в ионийско-аттическом диалекте, η в остальных диалектах:

аттич. *τιμᾶν*, дор. *τιμῆν* из **τιμαεῦ*;

изъяв. накл. аттич. *τιμᾶτε*, дор. *τιμῆτε* из **τιμαετε*;

сослагат. накл. аттич. *τιμᾶτε*, дор. *τιμῆτε* из **τιμαητε*.

$\alpha + \epsilon\iota$ (ē) или $\eta\iota > \bar{\alpha}\iota$ в ионийско-аттическом диалекте, $\eta\iota$ в остальных диалектах:

изъяв. накл. аттич. *τιμᾶι*, дор. *τιμῆι* из **τιμαεῖ*;

сослагат. накл. аттич. *τιμᾶι*, дор. *τιμῆι* из **τιμαηι*.

$\alpha + \omicron$ или $\omega > \omega$:

изъяв. накл. аттич. *τιμῶμεν* из **τιμαομεν*, дор. *τιμῶμεс* из **τιμαομεс*;

сослагат. накл. аттич. *τιμῶμεν* из **τιμαωμεν*, дор. *τιμῶμεс* из **τιμαωμεс*.

$\alpha + \omicron\iota > \omega\iota$:

желат. накл. *τιμῶιτε* из **τιμαοιτε*;

ωιδῆ (аттич.) < *αοιδῆ* (гомер.).

$\bar{\alpha} + \omicron$ или $\omega > \bar{\alpha}$, за исключением ионийско-аттического диалекта, где вследствие раннего перехода $\bar{\alpha}$ в η (§ 12) развитие протекало иначе, а именно:

η перед гласным сократилось и возникла группа *ew*, которая обычно сохраняется в ионийском диалекте, а в аттическом в результате слияния дала ω :

аттич. *Ποσειδῶν*, ион. *Ποσειδέων*, гомер. *Ποσειδάων*, дор. *Ποσειδᾶν*;

род. п. мн. ч. дор. *τᾶν τιμᾶν*, ион. *τῶν τιμέων* (§ 22), аттич. *τῶν τιμῶν*.

$\epsilon + \alpha > \eta$ в аттическом диалекте, в других часто без слияния:

им. п. мн. ч. аттич. *γένη*, гомер. *γένεα* из **γεγεσα* (§ 61).

$\epsilon + \alpha\iota > \eta\iota$:

2-е л. ед. ч. средн. залога аттич. *λείπει* из *λείπειαι* (гомер.).

$\epsilon + \bar{\alpha} > \eta$ в ионийском диалекте, обычно без сокращения в аттическом:

аттич. *Τιμᾶς* и т. п., ион. *Εριῆς* из **Εριμεης*, ср. гомер. *Εριμείας*.

$\epsilon + \omicron > \omicron\upsilon$ (ō) в аттическом диалекте:

φιλοῦμεν из *φιλέομεν*, ср. ион. *φιλέομεν* (§ 20).

$\omicron + \alpha > \omega$:

вин п. ед. ч. *ῥδίω* из **ῥδιωσα* (§ 61; М. § 112—114);

Ἰππῶναξ из **Ἰππωαναξ*.

$\omicron + \epsilon$.

Эта группа часто сохранялась без слияния, а в случаях слияния давала тот же конечный результат, что $\omicron + \omicron$, т. е. $\omicron\upsilon$ (=ō) в аттическом диалекте и ω в дорийском:

им. п. мн. ч. аттич. *ῥδιούς*, дор. *ῥδιώς* из **ῥδιωσес*.

§ 22. Как показывают уже некоторые из приведенных диалектных вариантов, слияние группы гласных в известной степени зависело от условий, лежащих вне самой группы. Одним из факторов, определявших этот процесс, была длина слова. Так, в аттическом диалекте группы *ew*, *ew*, *ew* (ēō), возникшие вследствие исчезновения *σ*, *ι* (§ 61, 37), сохраняются в двусложных словах, но подвергаются слиянию в многосложных:

θεός (< **θφεος*), но *Θουχυδίδης*, *Θεόφιλος*;

ξέω (< **ξέσω*), *δέω* „вяжу“ (< **δειω*), но *ξοῦμεν*, *δοῦμεν*;

ἔαρ (< **φesar*), но род. п. *ἤρος*, *ἡρινός* „весенний“.

Существующие наряду со слитными формами формы *θεόφιλος*, *ἔαρος* возникли в результате аналогического восстановления. С другой стороны, по аналогии с *ἤρος*, подержанной наличием дублета *ἔαρος*, возникла и форма *ῥρ* (ср. М. § 64).

Другим фактором ритмического порядка, содействовавшим слиянию, была энклитичность или проклитичность слова. Так, слитная форма артикля женского рода в родительном падеже множественного числа существует в ряде диалектов параллельно с неслитными формами имен: ион. *τῶν δραχμέων*, беот. *τᾶν Μουσαῶν*.

§ 23. В случаях возникновения группы из трех гласных слиянию могли подвергнуться либо два первых, либо два последних. Так, аттической форме род. п. *δέους* (< **δφεϊετος*), поддержанной аналогией типа *γένους*, соответствует гомер. *δεῖος* (в рукописной традиции представленное неправильным написанием *δείους*), где развитие пошло без воздействия этой аналогии (ср. гомер. *γένεος*).

Изменения согласных

§ 24. В конце греческого слова из числа согласных были возможны только п, г, s. Смычные, оказываясь в конечном положении, отпадали, как это показывают следующие примеры:

μέλι < **μελις*; ср. род. п. *μέλιτος*; гомер. *ἔφαγεν* < **ἐφαγεν* < **ἐφανηγς* (§ 6);

дор. 3-е л. ед. ч. имперф. *ῆς* < **ῆστ* (ср. М. § 236);

зват. п. *ἄνα* < **ἀναχς* (ср. М. § 50, 62);

τί < **τιδ*; ср. лат. *quid* (§ 5).

Индоевропейское конечное m в греческом языке перешло в n:

ἔν < **sem* (о переходе начального s в придыхание см. § 60); ср. *μία* < **σμία* (с нулевой ступенью огласовки основы), лат. *semel*, *semper* < **sem per*;

χθών „земля, humus“ < **χθωμ*; ср. *χθαμαλός* „humilis“ (род. п. *χθονός* и т. д. по аналогии с *χθών*);

ἑκατόν (см. М. § 167); ср. лат. *centum*, санскр. *śatām*;

ζυγόν < **iugom*; ср. лат. *iugum* < **iugom*;

род. п. мн. ч. *ποδῶν*; ср. лат. *pedum* < **pedōm*;

1-е л. ед. ч. *ἔφερον*; ср. санскр. *ābharam*.

§ 25. Особую трактовку имели некоторые согласные также и в начале слова: перед начальным г всегда, а перед начальными l, m, n, u в ряде случаев наблюдаются так называемые протетические гласные, обычно ε, иногда α, ο:

έρυθρός; ср. лат. *ruber* < **rudhros*, русск. *рудой*, нем. *rot*;

ἐλεύθερος; ср. лат. *liber* < **leidheros*, русск. *люди*, нем. *Leute*;

εἴκοσι < **ēīchoxi*; ср. дор. *εἴκατι*, лат. *vīgintī* (ср. М. § 166);

ἀμέλγω; ср. лат. *mulgeo*, нем. *melken*;

ομίχλη „туман“; ср. ст.-слав. *мыгаа*;

ἀνήρ; ср. лат. *Negō*, оск. *negih* „vīgoih“.

Протетические гласные восходят к тому же звуку ε, который в индоевропейском языке находился в чередовании с долгими гласными (см. стр. 12 и сл.). В начале слова он выступал в неслоговой функции (аналогично неслоговым сонантам) и в большинстве индоевропейских языков исчез бесследно, но сохранился в греческом, армянском и албанском языках в виде гласных, а в хеттском — в виде согласного (спиранта).

§ 26. Важнейшим фактором, определявшим направление изменений в группах согласных, было стремление к ассимиляции входивших в группу звуков, как это наблюдается и в группах гласных. Ассимиляция могла быть либо полной, либо частичной, т. е. затрагивающей ту или иную определенную сторону артикуляции согласного: место артикуляции, способ артикуляции и наличие или отсутствие звонкости или придыхательности. В греческом языке, как и в латинском, ассимиляция обычно бывает регрессивной (ср. Н. § 67).

Наряду с ассимиляцией согласных в языке в определенных случаях наблюдается и обратное явление — диссимилиация, т. е. устранение неудобнопроизносимой последовательности сходных по артикуляции согласных (ср. случай диссимилиации гласных, приведенный выше, § 13).

Наконец, в ряде случаев между двумя согласными появляется переходный, так называемый паразитический согласный, артикуляция которого частично воспроизводит артикуляцию предшествующего, а частично артикуляцию следующего за ним согласного (ср. Н. § 95).

Примеры ассимиляции

§ 27. Утрата звонкости согласного в положении перед глухим:

ζευστός < **ζεευτος*; ср. *ζεύοντι*;

φλέψ < **φλεβς*; ср. род. п. *φλεβός*.

Появление звонкости согласного в положении перед звонким:

κρύβδην „скрытно“ < **κρυφδην*; ср. *κρύφα*;

σπέρρδην „поспешно“ < **σπερχδην*; ср. *σπέρχω*;

ἀφίμαι < **αφικμαι*; ср. *αφικνέομαι*.

Сравнение последнего примера с такими примерами, как ἀκμή, δραχμή и т. п., показывает, что ассимиляция по звонкости была в известной мере факультативной и зависела от морфологических условий. Следует, впрочем, иметь в виду, что и происшедшая ассимиляция могла не получить графического отражения. Это весьма вероятно, например, в таких случаях, как ἐκβαλλω, ἐκδέχομαι вместо *ἐγβαλλω, *ἐγδέχομαι и т. п.

Наоборот, такие написания, как ἐπέμφθην (< *ἐπεμπθην), ἐφύλαχθην (< *ἐφυλακθην), отражают, вероятно, не действительное превращение глухого в придыхательный, которое дало бы неудобопроизносимое сочетание двух придыхательных, а лишь ослабление артикуляции глухого в положении перед придыхательным.

Переход придыхательных χ, φ в соответствующие глухие κ, π наблюдается перед σ:

ἐξω, θρέψω < *ἐχσω, *θρεψω.

О других случаях изменений в группах, содержащих придыхательные, см. § 33.

§ 28. Ассимиляция по способу артикуляции:

„переднеязычный смычный + s“ > ss:

гомер. ποσσί < *ποσσι (см. также § 64).

bn > mn (распространение носового характера артикуляции):

ἀμνός „ягненок“ < *ἄβνος < *ag^hnos; ср. лат. agnus;

σεμνός „почтенный“ < *σεβνος; ср. σέβομαι.

nl > ll:

συνλέγω < *συνλέγω.

„губной смычный + m“ > mm:

βέβλαμμαι < *βεβλαβμαι; ср. βλάβη.

§ 29. Ассимиляция по месту артикуляции:

„n + губной“ > „m + губной“:

ἐμβάλλω < *ἐνβάλλω;

ἐμφαίνω < *ἐνφαίνω.

Примеры диссимилиации

§ 30. Диссимилиация способа артикуляции в группах из двух переднеязычных смычных: первый элемент группы переходит в соответствующий спираント, т. е. s:

ἄπατος „не поевший“ < *ἀπαττος; ср. πατέομαι;

ἴστα < *ἴσσε; ср. гомер. ἴδμεν;

πέπεισται < *πεπειθται; ср. πείθομαι;

ἡνύσθη < *ἡνυσθη; ср. ἀνύτω;

ἴσθι < *ἴσσι; ср. ἴδμεν;

ἐπείσθη < *ἐπεισθη; ср. πείθομαι.

Это изменение закончилось ранее возникновения формы местоимения среднего рода гомер. ὅττι < *ὅδτι (ср. М. § 133), и им остались не затронуты группы вторичного происхождения, например аттич. τι < τι, κί и т. п. (§ 41, 46).

§ 31. Так называемая дальняя диссимилиация состоит в устранении последовательности двух одинаковых согласных, чаще всего плавных, в смежных или близких слогах, которое происходит путем выпадения или изменения одного из этих согласных:

гомер. ἀργαλέος < *ἀλγαλεος; ср. ἄλγος;

гомер. ἐκπαγλός „поражительный“ < *ἐκπλαγλός; ср. ἐπλάγη;

аттич. ναύκληρος (поддержанное народно-этимологическим сближением с κλήρος) наряду с ναύκρᾱρος (от ναῦς и основы *κрас-; ср. М. § 80);

аттич. δρόφακτος „перегородка“ < *δρόφρακτος, от δρῶς и φράττω;

гомер. δένδρεον < *δερδρεφον — образование с экспрессивным удвоением.

Суффикс -го- предпочитается суффиксу -lo- в тех случаях, когда корень содержит l (ср. Н. § 51):

παχυλός, но λιγυρός; εὐχολή, но ἐλπότη; γένεθλον, но ὀλεθρος, и т. п.

§ 32. Важный случай дальней диссимилиации составляет устранение последовательности двух придыханий в смежных или близких слогах путем устранения одного из этих придыханий, обычно первого (так называемая диссимилиация придыхания):

ταχύς < *θαχύς, ср. θάσσων < *θαχίων (ср. § 48, М. § 116);

πείθω < *φείθω; ср. лат. fīdō;

τίθημι < *θιθημι;

ἐτέθη < *εθεθη; ср. ἐθεμην;

род. п. τριχός < *θριχός; ср. им. п. θρίξ < *θριχς (об исчезновении придыхания в группе χς см. § 27);

κέχυμαι < *χεχυμαι;

λόθητι < *λσθητι; ср. ἴθι;

ἐχῶ < *ἐχῶ < *σέχῶ (§ 60); ср. ἔξω < *σεχῶ;

ἀδελφός < *ἀδελφός < *σπιδελφός (§ 3, 60).

Те случаи, где такая последовательность придыханий все же наблюдается, надо рассматривать как обусловленные аналогическим восстановлением:

ἐχύθην вместо ожидаемого *ἐχύθην по аналогии с χέω, χέχουμαι и т. д.

С другой стороны, аналогическое распространение может получить и глухой, возникший в результате диссимилиации придыхания:

πείσω, ἐπείσα, πέπεισμαι — по аналогии с πείθω.

§ 33. Если в состав группы согласных входил придыхательный, то его придыхание перемещалось в конец всей группы:

πάσχω < *πῆσχω; ср. πένθος, πέπονθα и т. п. (М. § 257).

§ 34. Паразитический согласный

νρ > νδρ:

ἀνδρός < *ανρος; ср. ἀνήρ.

μρ > μβρ:

γαμβρός „зять“ < *γамрос; ср. γάμος;

ἀμβροτός < *амротос; ср. русск. мертвый.

мл > мβл:

βλώσχω < *μβλώσχω < *μλωσχω; ср. ἔμολον.

§ 35. Упрощение двойного согласного наступало во всех случаях его положения: 1) в начале слова, 2) в конце слова, 3) перед согласным, 4) после согласного. Многочисленные примеры этого упрощения можно наблюдать в различных случаях изменений, рассматриваемых ниже.

і и группы, содержащие і

§ 36. і в начале слова перешло в h:

ὅς „который“; ср. санскр. uás;

ἅγος „священный“; ср. санскр. uajñas „богопочитание“;

ἡпар „печень“; ср. лат. iecur.

В некоторых словах трактовка была иная: i- > dz- > zd- (о переходе dz > zd см. § 49):

ζυγόν „ярмо“; ср. лат. iugum, санскр. yugám, чешск. jho (русс. иго), готск. juk.

Можно предположить, что этим двум случаям соответствуют две разновидности индоевр. і, различие между которыми не нашло отражения в остальных индоевропейских языках, кроме греческого: в первом случае артикуляция была „сонантного типа“¹, т. е. с менее тесным затвором ротовой полости, во втором — „спирантного типа“, т. е. с более тесным затвором, создававшим характерный для согласных звуков „шум“.

§ 37. В положении между гласными і вообще исчезало: аттич. τρεῖς, дор. τρῆς < τρεε (гортинск.) < *τρεіεε; ср. санскр. trāyas;

δέος < *δфеіос;

гомер. перф. δείδω < *δεδфеіа (ср. § 58).

Большей устойчивостью обладало і в группе υι перед гласным и сохранилось в этом положении в лесбосском диалекте:

лесб. φυίω, μευίω; ср. аттич. φύω, μεθύω.

Во всех остальных случаях интервокального і, наблюдаемого в историческую эпоху, оно представляет собой результат либо аналогического восстановления, либо того или иного вторичного фонетического развития:

δοίην по аналогии с δοίμεν и т. п.;

αἰών из *αίφων.

§ 38. Группы fі, vі, rі. В положении после α или ο фонетическое развитие этих групп определялось постепенным перемещением к началу слова среднеязычной артикуляции сонанта і: на первом этапе этого процесса предшествующий і согласный подвергался палатализации, а в дальнейшем среднеязычная артикуляция опережала и этот согласный, вновь приобретая характер сонанта і. В результате предшествующее рассматриваемым группам α или ο, соединяясь с этим сонантом, давало соответствующий дифтонг; иначе говоря, оба элемента рассматриваемых групп обменивались местами:

¹ М. И. Матусевич, Введение в общую фонетику, Л., 1948, стр. 47.

fl, vl, pl > if, lv, lp:

аттич. αἰετός < αἰετός (гомер.; ср. § 18) < αἰετός (ср. свидетельство Гесиохия αἰετός · αἰετός, Περγαῖοι) < *αἰετός (ср. лат. avis);

κλαίω < *κλαίω < κλαίω; ср. аор. ἐκλαυσα;

φαίνω < *φανίω;

τεκταίνω < *τεκτιῶ (§ 3);

μοῖρα < *μορία; ср. μόρος.

§ 39. В положении после ε, ι, υ развитие групп vl, pl шло иначе, а именно: i ассимилировалось предшествующему согласному, и получившийся в результате этого двойной согласный сохранялся в лесбосском диалекте, а в других диалектах упрощался с заменительным удлинением предшествующего гласного:

лесб. κτένω, φθέρρω, ион.-аттич. κτείνω, φθειρώ (где ei = ē), аркад. φθίρω из *κτενίω, *φθερίω;

лесб. κλίνω, οἰκτίρρω, ион.-аттич. κλίνω, οἰκτίρω из *κλινίω, *οἰκτιρίω;

аттич. ὀτρύνω из *ὀτρυνίω;

аттич. ὀλοφύρομαι, лесб. ὀλοφύρρω из *ὀλοφυρίω.

Группа же fl и в этом случае изменялась аналогично тому, как в положении после α, ο:

δῖος < *διῖος < *διῖος; ср. род. п. Διός < Διός;

εὐρεῖα < *εὐρεῖα < *εὐρεῖα; ср. род. п. м. р. εὐρέος < *εὐρεος.

§ 40. Развитие интервокальной группы sj заключалось в озвончении s с последующим переходом озвонченного переднеязычного спиранта (z) в придыхание, которое, далее, ассимилировалось следующим i. Существенного усиления артикуляции этого i, однако, не происходило, и в ряде случаев, главным образом перед о, оно выпадало, как и обычное интервокальное i (§ 37):

гомер. ναίω < *νασίω; ср. аор. νάσσα;

гомер. ἰδυῖα < *φιδυῖα (ср. М. § 334);

ἀλήθεια < *ἀληθεῖα; ср. ἀληθής, ἀληθής;

гомер. νεκείω, аттич. νεκείω от νεῖκος; ср. аор. ἐνεῖκε(σ)α (§ 64);

гомер. ἀκείομαι, аттич. ἀκείομαι от ἄκος; ср. ἀκεστός „излечимый“;

гомер. τοῖο, аттич. τοῖ < *τοῖο, ср. санскр. tāsya;

гомер. ἐμεῖο, ἐμέο, ἐμεῖ, аттич. ἐμοῦ < *μεῖο (ср. М. § 15).

Если группе sj предшествовало ι, то оно, сливаясь с возникшим в результате развития группы i, приобретало долготу:

κονίω „пылить, покрывать пылью“ < *κονισίω; ср. κόνις.

§ 41. Группа ml после гласных перешла в nl и далее изменялась, как эта группа:

βαίνω < *βανίω < *βамίω (от корня *g^hem-; § 5); ср. готск. qiman, лат. veniō (Н. § 45).

После согласных рассматриваемая группа утрачивала свое i:

τόλμα < *толμία (ср. М. § 39);

гомер. θερμετε, θερμετο от основы *θερμί/- (ср. М. § 266 и сл.)

§ 42. Группа li перешла в палатализованное ll, которое затем в аттическом диалекте и в большинстве остальных утратило палатализацию:

ἄλλος < *ἄλλος; ср. лат. alius < *aljos;

στέλλω < *стелίω (ср. М. § 268);

φύλλον < *φυλίον; ср. лат. folium.

§ 43. Группы ti, thi перешли в ts, которое в начале слова и в положении после согласного дало σ, а в положении между гласными получало (как и первичное ts; см. § 64) различную трактовку: ион. и др. σσ или σ, аттич. σ (для ti иногда ττ), лесб., фесс. σσ, беот. ττ:

гомер. τόσος, τόσος, πόσος, аттич. τόσος, πόσος, лесб. τόσος, πόσος, беот. όπόττος; ср. лат. tot, totidem;

гомер. νεμεσάομαι, νεμεσάομαι < *νεμετῖαομαι; ср. νέμεσις > *νεμετις (о переходе τι > σι см. § 44, 45);

ион. μέλισσα, аттич. μέλιττα < *μελτῖα;

σέβομαι; ср. санскр. tyājati „он избегает“;

аттич. πάσα, лесб. παῖσα, фесс., аркад. πάνσα < *παντῖα (об изменении группы „гласный + ns“ см. § 79);

гомер. μέσος, μέσος, лесб. μέσος, аттич. μέσος, беот. μέττος < *μεθῖος; ср. лат. medius > *medhjos;

ион.-аттич. σῆμα, дор. σᾶμα; ср. санскр. dhyāman „мысль“.

Примечание. Трактовка с ττ (случай μέλιττα) составляла в аттическом диалекте норму для определенных морфологических типов: 1) имен женского рода, образованных при помощи суффикса -ia;

2) глагольных основ настоящего времени, образованных при помощи суффикса $-t\epsilon/\sigma$: $\epsilon\rho\epsilon\tau\tau\omega$ < * $\epsilon\rho\epsilon t\epsilon\omega$, ср. $\epsilon\rho\epsilon t\eta\varsigma$; 3) сравнительной степени прилагательных на $-i\omega\upsilon$: $\kappa\rho\epsilon\iota\tau\tau\omega\upsilon$ (со вторичным $\epsilon\iota = \epsilon$ аналогического происхождения) < * $\kappa\rho\epsilon\iota t\epsilon\omega\upsilon$. Установление этой нормы можно объяснить аналогическим воздействием соответствующих морфологических типов с $\tau\tau$, возникшим из группы „заднеязычный + i “ (§ 48).

Ассибиляция τ перед слоговым i

§ 44. Широко распространена была также ассибиляция (т. е. переход в σ) τ перед слоговым i . Однако она была ограничена некоторыми особыми условиями, неодинаковыми в различных диалектах.

§ 45. Наиболее общий характер эта ассибиляция имела в суффиксе $\text{nomina actionis} -ti$:

$\beta\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma$, $\theta\acute{\epsilon}\sigma\iota\varsigma$, $\tau\acute{\iota}\sigma\iota\varsigma$, $\delta\acute{o}\sigma\iota\varsigma$, $\phi\acute{o}\sigma\iota\varsigma$, $\phi\acute{o}\beta\iota\varsigma$, $\delta\phi\iota\varsigma$, $\rho\acute{\eta}\sigma\iota\varsigma$, $\beta\rho\omega\sigma\iota\varsigma$ и т. д.

Однако ассибиляция не происходила при положении t после s (так называемая предупредительная диссимиляция): $\pi\acute{\iota}\sigma\iota\varsigma$ < * $\pi\acute{i}t\epsilon\iota\varsigma$ (ср. § 30).

Исключение составляют также несколько слов у Гомера:

$\mu\acute{\eta}\tau\iota\varsigma$, $\phi\acute{\alpha}\tau\iota\varsigma$ и др.

§ 46. В ионийско-аттическом, лесбосском и аркадско-кипрском диалектах ассибиляция суффиксального τ произошла также у существительных на $-t\acute{i}\alpha$ и прилагательных на $-t\iota\sigma$:

дор. $\epsilon\nu\acute{\alpha}\theta\iota\sigma\iota\varsigma$, $\gamma\epsilon\rho\upsilon\sigma\iota\alpha$, ион.-атт. $\epsilon\nu\acute{\alpha}\theta\iota\sigma\iota\varsigma$, $\gamma\epsilon\rho\upsilon\sigma\iota\alpha$ < * $\gamma\epsilon\rho\upsilon\sigma\iota\alpha$ (§ 79) < * $\gamma\epsilon\rho\upsilon\sigma\iota\alpha$.

В отдельных случаях это изменение наблюдается и за пределами перечисленных диалектов; с другой стороны, и в этих диалектах оно имеет менее общий характер, чем переход $-t\iota\varsigma$ > $-t\iota\sigma$:

гомер. $\eta\mu\acute{\alpha}\tau\iota\varsigma$, атт. $\sigma\tau\rho\acute{\alpha}\tau\iota\varsigma$ (от $\sigma\tau\rho\acute{\alpha}\tau\acute{o}\varsigma$), $\delta\eta\mu\alpha\kappa\rho\alpha\tau\acute{i}\alpha$ и т. п. наряду с $\acute{\alpha}\kappa\rho\alpha\sigma\iota\alpha$ и др.

§ 47. В перечисленных выше диалектах ассибиляция произошла также в конечном слоге $-t\iota$, за исключением нескольких наречий ($\epsilon\tau\iota$, $\acute{\alpha}\rho\tau\iota$, $\acute{\alpha}\nu\tau\iota$ и др.) и форм дательного падежа единственного числа от основ на t (где фонетическому изменению должна была воспрепятствовать аналогия прочих падежных форм):

атт. $\pi\acute{\epsilon}\rho\upsilon\sigma\iota$ „в прошлом году“, дор. $\pi\acute{\epsilon}\rho\upsilon\tau\iota$;
ион.-атт. $\epsilon\acute{\iota}\chi\sigma\iota$ (ср. М. § 166);
ион.-атт. $\epsilon\acute{\iota}\sigma\iota$, $\tau\acute{\iota}\theta\eta\sigma\iota$, дор. $\epsilon\acute{\iota}\tau\iota$, $\tau\acute{\iota}\theta\eta\tau\iota$ (но ион.-атт. $\epsilon\acute{\sigma}\tau\iota$ с сохранением τ после σ ; § 45);
ион.-атт. $\phi\acute{\epsilon}\rho\upsilon\sigma\iota$, лесб. $\phi\acute{\epsilon}\rho\upsilon\sigma\iota$ (§ 79), аркад. $\phi\acute{\epsilon}\rho\upsilon\sigma\iota$, дор. $\phi\acute{\epsilon}\rho\upsilon\tau\iota$.

§ 48. Группы $k\acute{i}$, $k\acute{\iota}i$, $k\eta\acute{i}$, $k\acute{\iota}h\acute{i}$ перешли в интервокальном положении в большинстве диалектов в $\sigma\sigma$, в аттическом и беотийском в $\tau\tau$, а в начале слова соответственно в σ и τ . Промежуточным этапом этого развития должен был быть переход заднеязычного или лабиовелярного в переднеязычный смычный, а затем всей группы в ts , к чему приводило, как показано в предыдущем параграфе, развитие группы изисконного переднеязычного с последующим i . Однако ts , возникшее из рассматриваемых здесь групп, появилось тогда, когда ts , возникшее из групп „переднеязычный + i “, как и исконное ts , уже подверглось дальнейшим изменениям, причем условия его последующих изменений были иными; этим и объясняется некоторое различие в окончательных результатах развития:

ион. $\pi\acute{\alpha}\sigma\sigma\alpha\lambda\acute{o}\varsigma$, атт. $\pi\acute{\alpha}\tau\tau\alpha\lambda\acute{o}\varsigma$ „колок, гвоздь“ < * $\pi\alpha\kappa\acute{\iota}\alpha\lambda\acute{o}\varsigma$, от корня * $\pi\acute{\alpha}k$ -/ $\pi\acute{\alpha}g$ -; ср. $\pi\acute{\eta}\gamma\gamma\upsilon\sigma\iota$, лат. $\pi\acute{\alpha}x$, $\pi\alpha\kappa\acute{o}$;
ион. $\pi\acute{\iota}\sigma\sigma\alpha$, атт. $\pi\acute{\iota}\tau\tau\alpha$ „смола“ < * $\pi\acute{\iota}\kappa\acute{\iota}\alpha$; ср. лат. $\pi\acute{\iota}x$;
ион. $\delta\acute{o}\sigma\sigma\alpha$, атт. $\delta\acute{o}\tau\tau\alpha$ „слух, молва“ < * $\delta\acute{o}\kappa\acute{\iota}\alpha$; ср. $\epsilon\pi\acute{o}\varsigma$ < * $\epsilon\pi\acute{e}k\acute{o}\varsigma$, лат. $v\acute{o}x$, $voc\acute{o}$;

гомер. $\delta\acute{o}\sigma\sigma\epsilon$ < * $\delta\acute{o}k\acute{\iota}\epsilon$; ср. русск. *очи*;
ион. $\beta\acute{\eta}\sigma\sigma\omega$, атт. $\beta\acute{\eta}\tau\tau\omega$ „кашлять“; ср. $\beta\acute{\eta}\xi$, $\beta\eta\chi\acute{o}\varsigma$ „кашель“;

ион. $\pi\acute{\epsilon}\sigma\sigma\omega$, атт. $\pi\acute{\epsilon}\tau\tau\omega$; ср. $\pi\epsilon\pi\tau\acute{o}\varsigma$ < * $\pi\epsilon k\acute{\iota}tos$ (§ 5), русск. *пеку*, лат. $coqu\acute{o}$ < * $quequ\acute{o}$ из * $requ\acute{o}$ в результате ассибиляции;

ион. $\sigma\acute{\eta}\mu\epsilon\rho\omega$, дор. $\sigma\acute{\alpha}\mu\epsilon\rho\omega$, атт. $\tau\acute{\eta}\mu\epsilon\rho\omega$ < * $\kappa\acute{\iota}\alpha\mu\epsilon\rho\omega$;
ср. лат. cis „по эту сторону“.

Примечание. В некоторых древних ионийских надписях звук, возникший из группы „заднеязычный или лабиовелярный + i “, обозначается особой буквой τ . В других диалектах встречаются также обозначения $\theta\theta$, ξ . Это позволяет предположить, что обозначения $\sigma\sigma$, $\tau\tau$ не вполне точно отражают качество этого звука, представлявшего собой самостоятельную фонему. В койне эта фонема исчезает, и, за исключением некоторых слов, сохраняющих атт. $\tau\tau$ (например, $\epsilon\lambda\acute{\alpha}\tau\tau\omega$, $\eta\tau\tau\acute{o}\rho\alpha\iota$), устанавливается, как правило, написание через $\sigma\sigma$.

§ 49. Как было отмечено в § 48, группы глухих и придыхательных заднеязычных (а также лабиовелярных) в сочетании с *i* получали развитие, сближавшее их с соответствующими сочетаниями переднеязычных; однако окончательные результаты этого развития несколько различались. Полное совпадение, напротив, наблюдалось в случае звонкости смычных согласных, входящих в эти группы: *gi* и *g^hi* переходят в *dj*, и дальнейшее изменение этой группы не отличается от изменения первичного *dj*, а именно:

dj > *dz* > *zd* (*z*).

В аттическом диалекте *zd* сохранялось приблизительно до начала IV в., а затем перешло в *zz* и наконец упростилось в *z*, в каковой форме существует и ныне в новогреческом языке.

Примеры на *dj* > *z*:

πεζός „пеший“ (= *πεζδός*) < **pedzós* < **pedjós*; ср. род. п. *ποδός* (со ступенью о огласовки той же основы), лат. род. п. *pedis*;

Ζεύς (= *Zdeús*) < **dzeús* < **djēus* (§ 6).

Пример на *gi* > *z*:

гомер. *φύζα* „бегство“ < **φυγία*; ср. *ἔφυγον*.

Пример на *g^hi* > *z*:

νίζω „мою“ < **νig^hiw*; ср. *νίπτρον* < **νig^htron* (§ 5).

§ 50. В лесбосском диалекте наряду с *zd*, сохранявшимся еще в то время, когда в других диалектах оно перешло в *zz*, в результате изменения *dia-* в *dza-* снова появилось *dz*.

Эти два случая различались в письме, и александрийские филологи в своих изданиях лесбосских поэтов сохранили это различие, пользуясь написанием *sd* в первом случае и *z* во втором:

σπασδεύξαισα (*σποζεύξαισα*), *κατισδάυει* (*κατιζάυει*), но *ζάβαις* (*διαβας*).

§ 51. Значение *zd* для написания *z* в классическую эпоху подтверждается теми случаями, когда оно соответствует исконному индоевр. *sd*: *ῥζος* „ветвь“, ср. нем. *Ast*; *ίζω* < **sisdō*, ср. лат. *sīdō* (Н. § 38).

Кроме того, о таком его значении свидетельствует и исчезновение *y* перед *z* без заменительного удлинения

предшествующего гласного, представляющее собой ту трактовку, которая наблюдается в группах „*vo* + смычный согласный“ (§ 77):

πλάζω < **plavzdō* < **plavdzō* < **plavgiō*; ср. *ἐπλάγξα* (= **ēplavgsa*);
Ἀθήναζε < **athānavsdē*.

Что касается самого перехода *dj* > *dz* > *zd*, то он находит параллель, например, в болгарском языке:

межда < **medja*; ср. словацк. *medza*, русск. *межа*¹.

Самый тип изменения группы *dz* > *zd* можно сопоставить с наблюдающимися в индоевропейских языках случаями перестановки элементов в группах „смычный + спирант“: лат. *vespa* „оса“ < **vopsa*; ср. лит. *varpa*.

§ 52. Группы *pi*, *phi* перешли в *pt*:

πτύω < **piuō*; ср. русск. *плюю*;

κλέπτω > *κλεπῖω*; ср. *κλεπτή*;

θάπτω < **thapiō*, ср. *τάφος* (о „диссимиляции придыхания“ см. § 32).

и группы, содержащие и

§ 53. Как мы видели выше, индоевропейское неслоговое *i* непосредственно представлено в греческом языке лишь как второй элемент дифтонгов; во всех остальных случаях оно либо исчезло, либо подверглось существенным изменениям уже в общегреческую эпоху. Напротив, неслоговое *u* сохранилось в большинстве диалектов и в историческую эпоху (с письменным обозначением *ϕ*) и только в ионийско-аттическом диалекте исчезло как самостоятельная фонема до появления древнейших письменных памятников.

§ 54. Слабее всего артикулировалось и ранее всего исчезло *ϕ* в положении между гласными, как это показывает непостоянство его письменного обозначения в надписях.

Примеры сохранения *ϕ* в надписях:

арг. *Διϕί*, ср. гомер., аттич. *Διί*;

аркад. *αϕεθλα*, ср. гомер. *ἄεθλον*, аттич. *ἄθλον*.

¹ А. Мейе, Общеславянский язык, М., 1951, стр. 78.

Примеры, иллюстрирующие исчезновение интервокального *ф*:

πλέω < *πλέφω; ср. аор. ἐπλευσα;

аттич. θέα < *θᾶφα (§ 13);

ῥυθός < *ῥυθός (ср. М. § 169);

νέος < *νεφός; ср. лат. novus < *nevos, русск. нов.

§ 55. В начале слова перед гласным *ф* исчезло раньше всего в тех случаях, когда за ним следовали *о*, *ω* или *οο*, т. е. гласные, артикуляция которых была близка к его собственной; в этих случаях уже у Гомера не сохранилось никаких следов начального *ф*:

ῥυθός „колесница“ < *ρυθός; ср. л. т. vehō;

ὄνυτός „покупной“; ср. лат. venum dare, русск. вено;

ὠθέω; ср. санскр. vadhati „он стучит“.

Перед остальными гласными, в том числе и перед дифтонгом *οι* (что указывает на особый характер его первого элемента), *ф* еще звучало в эпоху возникновения гомеровского эпоса, как это доказывается метрикой, а именно, теми случаями, когда „долгота по положению“ создается группой из *ф* с другим согласным:

εἴπας ἔπος (---υυ) < φεῖπας φέπος.

Таковыми же указаниями на наличие *ф* являются и случаи отсутствия элизии краткого гласного или сокращения долгого гласного перед словом, начинающимся согласно традиционной орфографии с гласного:

ἐγὼ τότε οἶδα < ἐγὼ τότε φοῖδα; ср. лат. vīdī, ст.-слав. вѣдѣ;
ἐνὶ οἴκῳ < ἐνὶ φοῖκῳ; ср. лат. vīcus < *voicos, ст.-слав. въсь (с нулевой ступенью огласовки корня);

οὐδέ τί ποῦ ἵδμεν (начало гексаметра) < οὐδέ τί ποῦ φῖδμεν.

В некоторых словах начальное *ф* перед гласным оставило след в виде „густого“ придыхания:

ἔνυμι от корня φεσ-; ср. лат. vestis;

ἔσπερος, ср. лат. vesper, русск. вечер.

Фонетически закономерной эта трактовка была в тех случаях, когда окончанием слога, содержащего *ф*, или началом следующего слога было *с*. В остальных случаях она возникла по аналогии.

§ 56. В группе *цг* в начальном положении *ц* в ионийско-аттическом диалекте исчезло, оставив след в виде „густого“ придыхания, которое означает глухое, т. е. не

сопровождающееся дрожанием голосовых связок произношение *г*:

аттич. ῥήτρα „соглашение“, ср. элейск. φράτρα (с диалектным переходом исконного *е* в *ā*);

аттич. ῥήγνυμι; ср. лесб. φρήξ.

В срединном положении, которое эта группа может занимать только в сложных словах или после приращения, удвоения и т. п., она переходит в *φφ*:

ῥρηξα < *φρηξα;

πολύφριξ < *πολύφριξ; ср. лесб. φρίζα, где начальное *φφ* — обычный способ письменного обозначения рассматриваемой группы в лесбосском диалекте, указывающий на особый характер произношения.

Ту же трактовку, что и в срединном положении, получает начальное *φφ* у Гомера после гласного окончания предыдущего слова:

ἐπὶ ῥήγνιμι θαλάσσης (υ---υυ---);

τεῖχος τε ρήξειν (-----).

§ 57. В группах *пц*, *гц*, *лц*, которые встречались только в интервокальном положении, *ц* исчезло, причем в аттическом и некоторых других диалектах оно не оставило вовсе следа; в ионийском же и в некоторых других оставило след в виде заменительного удлинения гласного, предшествующего группе. Различие это зависело от характера произношения группы: удлинение наступало в тех диалектах, в которых слогораздел проходил между ее элементами, так что создавалась „долгота по положению“ для первого из слогов, между которыми группа была разделена. Стремление сохранить ритмическую структуру слова и вело в этих случаях к замене „долготы по положению“ „долготой по природе“, т. е. к удлинению гласного, входившего в соответствующий слог. Если же слогораздел проходил перед группой, то предыдущий слог был открытым и, следовательно, исчезновение *ц* не влекло за собой изменения ритмики слова.

Примеры на *пц*:

аттич. φάων, φθίνω и т. п., гомер. φθᾶων, φθίνω < *φθᾶνφω, φθίνφω (ср. М. § 253);

аттич. ξένος, гомер. ξείνος (εἰ = ē), дор. ξήνος < ξένφос (форма, засвидетельствованная в элейских, коринфских и других надписях);

аттич. ἔνατος, ион. εἵνατος, дор. ἦνατος < *ἐνατος (ср. М. § 164, 169);

гомер. род. п. γουνός, им. п. мн. ч. γούνα < *γυνφος, γυνφα; ср. γύνυ (М. § 95).

Примеры на γυ:

аттич. ἔρος, ион. οὔρος, дор. ὠρος;

гомер. род. п. δουρός < *дорφος; ср. δόρυ (М. § 95);

аттич. φάρος „ткань“, гомер. φάρос < *фарφος; ср. лит. burva;

аттич. κόρη, ион. κούρη, аркад. κόρφα;

аттич. δέρη, ион. δειρή (ει = ē), лесб. δέρᾱ, аркад. δέρφα.

Два последних примера показывают, что исчезновение *ɸ* в аттическом диалекте относится к более позднему времени, чем переход *ē* в *ā* после *ɾ* (§ 13).

Примеры на *lɥ*:

аттич. κάλος, гомер. καλός, беот. καλος, καλφος;

аттич. ὅλος „целый“, гомер. οὔλος.

Пример гомер. καλός и т. п. показывает, что исчезновение *ɸ* в ионийском диалекте относится к более позднему времени, чем переход *ā* в *ē*.

Примечание. Встречающиеся в поздних лесбосских надписях и у грамматиков написания типа ξένος следует рассматривать как „гиперэолизмы“, т. е. искусственные образования, возникшие по аналогии с теми случаями, когда исчезновение *ɿ* сопровождалось удвоением предшествующего согласного в лесбосском диалекте и удлинением гласного в других диалектах; ср. лесб. κτήνω, φθίρω и т. п. (§ 39).

§ 58. Сходное с только что показанным развитие имела и группа *ɸɥ*, как это видно из сличения относящихся сюда аттических примеров с их гомеровскими параллелями (если отвлечься от наблюдаемых в гомеровской рукописной традиции орфографических колебаний):

аттич. εἰσεῖν, гомер. εἰδῆσειν < *εἰδφεισειν;

аттич. δειδμεν, гомер. δειδμεν < *δεδφμεν (ср. М. § 218).

§ 59. Иначе шло развитие группы *ɸɥ*. Эта группа в интервокальном положении дала те же результаты, что *kɿ* (§ 48), т. е. *ti* в аттическом и беотийском диалектах и *ss* в остальных, а в начальном положении — тот же результат, что *ti* (§ 43), т. е. *s* во всех диалектах:

аттич. τέτταρες, беот. πέτταρες, гомер. τέσσαρες, ион. τέσσερες, от основы *k^het^hor- (ср. М. § 163);

вин. п. σέ; ср. санскр. tvām;
σάχος „щит“; ср. санскр. tvacaḥ.

s и группы, содержащие *s*

§ 60. Начальное *s* перед гласным уже в греческом языке-основе перешло в придыхание, которое сохранилось в аттическом и в большинстве прочих диалектов, тогда как в лесбосском, ионийском и некоторых других оно исчезло еще до возникновения древнейших памятников:

ἐπτά < *septi; ср. лат. septem;

ἄλς; ср. лат. sal, род. п. salis, русск. соль;

ἄ- (в ἄπαξ, ἄπλοῦς и т. п.) < *si-.

ἐν < *sem; ср. лат. semel, semper < *sem per, русск. сам;

ἔω „сажать“ < *sedjō, ἔδος < *sedos; ср. лат. sedeo „сидеть“;

ἱώ „сажать, садиться“ < *sisdō; ср. лат. sīdō „садиться“ < sisdō;

ἔξω < *seχσω (§ 32); ср. ἔσχω, στήσω;

ἔπομαι от основы *sek^ho-; ср. лат. sequor.

§ 61. В интервокальном положении *s* также переходило в придыхание, которое, далее, в диалектах, вообще сохранивших его в историческую эпоху, перемещалось в положение перед первым из двух гласных группы, если с этого гласного начиналось слово; в остальных случаях придыхание исчезало вовсе. Примеры на сохранение придыхания:

εῶ < *eūhō < *eūσω; ср. лат. iurō < *iurō (Н. § 47) < *eusō (Н. § 32);

аттич. ἔως < *hōs, дор. ἄως, ион. ἦως < *hāōs, эол. αὔως < *aūsōs; ср. лат. aurōra < *ausōsa;

аттич. αὔος „сухой“, ион. αὔος < *hauhos < *sausos; ср. ст.-слав. сухъ;

εἰπόμην (ει = ē) < ēhepōmην; ср. ἔπομαι (§ 60).

Примеры на исчезновение придыхания:

аттич. γένους, гомер. γένεος < *γένεσος; ср. лат. generis < *geneses;

νόμαι < *nesomai; ср. νόσος;

ἵός „яд“ < *fīsos; ср. лат. vīrus < *vīsos;

υός < *snusos; ср. лат. *pūrus*, ст.-слав. *снѣха*;
 βελτίω < *βελτιωσα; ср. лат. *meliorē*;
 гомер. *τάων*, аттич. *τῶν* < *tāsōn; ср. лат. *hārum*;
 γίγνηται < *γίγνεσθαι;
 ἐγένου < *ἐγενεο < *ἐγενεσθαι; ср. *τίθεσθαι*, *ἐτίθεσθαι* (с восста-
 новленным по аналогии *σ*; ср. М. § 345).

В ряде случаев ожидаемое придыхание было устранено под влиянием аналогии:

εἶ „es“ < *esī вместо *εἶ, по аналогии с *ἐστί*.

§ 62. *s* исчезало, оставляя след в виде придыхания, также и в тех случаях, когда оказывалось в положении между двумя согласными, различающимися по месту артикуляции, за исключением случаев „*ns* + согласный“, о чем см. § 77, и „переднеязычный + *s* + согласный“, о чем см. § 63:

ἐφθός < *ἐφσος; ср. *ἔψω*;
 τέταχθε < *τετακσθε < *τεταχσθε; ср. *τέταγμα*.

О фонетическом значении написаний типа *φθ*, *χθ* см. § 27.

§ 63. Если же *s* оказывалось в положении между двумя согласными, не различающимися по месту артикуляции, или в группе „переднеязычный + *s* + согласный“, то оно сохранялось, а исчезал первый из этих двух согласных: если это был переднеязычный, то в результате ассимиляции со следующим за ним *s* и упрощением двойного *s*; в остальных случаях в результате диссимиляции со вторым из замыкающих *s* согласных:

πάσχω < *патсχω < *патсхω (§ 33);
 ὀσφραίνομαι < *ὀδσφραίνομαι; ср. лат. *odor* и *fragrāre*;
 διδάσκω „учить“ < *διδακσхω; ср. лат. *discō* „учиться“
 < *didcsco, doceō „учить“;
 δίσκος < *δискос; ср. *δикеῖν* „бросить“;
 λάσκω „кричать“ < *лаксхω; ср. аор. *λακεῖν*;
 βλάσφημος „вредноречивый“ < *βλαпσφамос; ср. *βλάβος*.

§ 64. Двойное *s* в интервокальном положении упростились после долгого гласного уже в общегреческом языке, а после краткого — в позднеионийском и аттическом диалектах. Наиболее важные случаи этого изменения — формы дательного падежа множественного числа от переднеязычных и сигматических основ (М. § 67) и

формы сигматического аориста и будущего времени от таких же основ (М. § 201).

ss после долгого гласного:
 гомер. *τάπησι* < *ταπησσι < *ταπητσι;
 буд. вр. *μήσεαι* < *μησσεαι < *μηδσεαι;
 аор. *ῶσατο* < *ῶσσατο < *ῶδσατο.

ss после краткого гласного:
 аттич. *γένεσι* < *γένεσσι;
ἐτέλεσα < *ἐτέλεσσα; ср. *τέλος*;
ἔσομαι < *ἔσσομαι; ср. *ἐστί*, *ἔσται*.

У Гомера в этих случаях наблюдаются дублеты:

δρεσσι(ν) и *οὔρεσι(ν)*;
ἔπεσσι(ν) и *ἔπει(ν)*;
ἔσσομαι, *ἔσσεαι*, *ἔσσεσται*, *ἔσσονται* и *ἔσομαι*, *ἔσεαι*, *ἔσεται*, *ἔσονται*;

τέλεσσα и *τέλεσα*;
ἔσσατο, *ἔσαντο* и *ἔσατο*, *ἔσαντο*.

По аналогии с этими фонетически закономерными колебаниями *ss* появляется у Гомера и в таких случаях, когда этимология слова не дает для этого оснований:

γέλασαν и *γέλασσαν*;
ῥμοσσα, *ῥμοσσα* и *ῥμοσα*.

§ 65. О важном случае аналогического восстановления *σ* в интервокальном положении см. М. § 201.

§ 66. В положении перед звонким согласным *s* озвончалось. Постоянное письменное отражение это получало только в случае группы *zd* < *sd*, обозначавшейся буквой *ζ*: *ἴζω* (= *īzō*), *ἄθιναζε* (= *Ἀθίναζε*). Однако в IV в., когда *ζ* в соответствии с изменившимся произношением этой группы стало означать уже не *zd*, а *z*, встречаются и написания *ζβ*, *ζγ*, означающие, очевидно, *zb*, *zg*.

§ 67. Если следующим за *s* звонким согласным был один из сонантов *j*, *ц*, *ш*, *п*, *г*, то *s*, озвонченное в *z*, переходило далее в придыхание, которое ассимилировалось либо с последующим согласным, превращая его в двойной (трактровка эолийского диалекта), либо с предыдущим гласным, удлиняя его в случае его краткости (трактровка остальных диалектов).

При этом если удлиняемый гласный был начальным, то он получал придыхание (ср. М. § 149).

Развитие группы -sj было рассмотрено выше (§ 40). Развитие остальных перечисленных здесь групп, находящихся в интервокальном положении, отличается от него лишь в подробностях; более важно то, что эти группы встречаются нередко и в начальном положении.

§ 68. Группа sj в интервокальном положении:

аттич. $\nu\epsilon\omega\varsigma$, ион. $\nu\eta\acute{o}\varsigma$, дор. $\nu\acute{\alpha}\delta\varsigma$ < * $\nu\acute{\alpha}\delta\omega\varsigma$ (с выпадением δ , оказавшегося в интервокальном положении), лесб. $\nu\acute{\alpha}\delta\omega\varsigma$ (= $\nu\acute{\alpha}\delta\omega\varsigma$) < * $\nu\acute{\alpha}\delta\omega\varsigma$ < * $\nu\acute{\alpha}\delta\omega\varsigma$; ср. $\nu\acute{\alpha}\iota\omega$, $\epsilon\nu\alpha\sigma\sigma\alpha$ (§ 40);

аттич., гомер. $\epsilon\acute{\iota}\omega\theta\alpha$ ($\epsilon\iota = \bar{\epsilon}$), гомер. $\epsilon\omega\theta\alpha$ (с сокращением $\bar{\epsilon}$ перед гласным), лесб. $\epsilon\omega\theta\alpha$ (= $\epsilon\omega\theta\alpha$ < * $\epsilon\omega\theta\alpha$) < * $\epsilon\omega\theta\alpha$ (отсутствие придыхания после отпадения начального σ объясняется диссимиляцией; ср. § 32) — от основы возвратного и возвратно-притяжательного местоимений * $\sigma\iota\epsilon$ - (М. § 155, 161); ср. также русск. *свой*;

гомер. $\tau\acute{\epsilon}\lambda\eta\epsilon\iota\varsigma$ ($\eta\epsilon\iota = \bar{\epsilon}\bar{\epsilon}$) < * $\tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\sigma\tau\epsilon\upsilon\varsigma$ (о развитии группы - $\epsilon\upsilon\varsigma$ см. § 79); здесь результатом удлинения ϵ , предшествующего группе $\sigma\tau$, явилось η , а не $\epsilon\iota$ под диссимилирующим воздействием $\epsilon\iota$, следующего за этой группой.

§ 69. Группа sj в начальном положении переходила сначала (согласно сказанному в § 67) в $\sigma\tau$; далее это $\sigma\tau$ упрощалось в σ и, наконец, переходило в придыхание: $\epsilon\chi\upsilon\rho\acute{o}\varsigma$ < * $\sigma\iota\epsilon\chi\upsilon\rho\acute{o}\varsigma$; ср. русск. *свекор*. Как мы видели (§ 55), исконное начальное σ переходило в придыхание лишь при наличии особых условий; следовательно, σ , явившееся результатом развития sj, отличалось от исконного σ . Можно предположить, что оно было глухим, что находит себе подтверждение во встречающемся в архаических надписях обозначении $\sigma\eta$.

Все три намеченных здесь этапа развития рассматриваемой группы отражены в метрической трактовке соответствующих слов у Гомера, хотя традиционная орфография устраняет различие между этими тремя случаями и проводит последовательно единообразное обозначение субститута sj посредством знака придыхания.

1) Случай начального двойного согласного (т. е. $\sigma\tau$) или двух согласных (т. е. $\sigma\tau$): долгота по положению предыдущего открытого слога с кратким гласным (всего 29 примеров для возвратного местоимения в Илиаде и Одиссее):

$\theta\upsilon\gamma\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha$ $\eta\eta$ (Z 192 и др.), метрическая форма $\theta\upsilon\gamma\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha$ $\sigma\tau\eta\eta$ (или $\sigma\tau\eta\eta$); $\psi\acute{\iota}\lambda\epsilon$ $\epsilon\chi\upsilon\rho\acute{\epsilon}$, $\delta\epsilon\iota\nu\acute{o}\varsigma$ $\tau\epsilon$ (Г 172), метрическая форма $\psi\acute{\iota}\lambda\epsilon$ $\sigma\tau\epsilon\chi\upsilon\rho\acute{\epsilon}$, что указывает на произношение $\psi\acute{\iota}\lambda\epsilon$ $\sigma\tau\epsilon\chi\upsilon\rho\acute{\epsilon}$ (или $\sigma\tau\epsilon\chi\upsilon\rho\acute{\epsilon}$), $\delta\epsilon\iota\nu\acute{o}\varsigma$ $\tau\epsilon$.

2) Случай начального простого согласного (σ): отсутствие элизии предыдущего краткого согласного и сокращения предыдущего долгого гласного, долгота по положению предыдущего закрытого слога с кратким гласным (основная масса примеров возвратного местоимения в Илиаде и Одиссее):

$\tau\acute{o}$ $\delta\upsilon$ $\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\varsigma$ (Ф 305): $\tau\acute{o}$ $\sigma\tau\acute{o}\nu$ $\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\varsigma$;

$\tau\acute{o}\iota$ $\sigma\iota$ $\epsilon\pi\epsilon\chi\lambda\acute{o}\omega\sigma\alpha\upsilon\tau\omicron$ (α 17): $\tau\acute{o}\iota$ $\sigma\iota$ $\epsilon\pi\epsilon\chi\lambda\acute{o}\omega\sigma\alpha\upsilon\tau\omicron$;

$\sigma\acute{o}\delta\epsilon\upsilon$ $\gamma\lambda\acute{o}\kappa\iota\omicron\nu$ $\eta\varsigma$ $\pi\alpha\tau\acute{\rho}\iota\delta\omicron\varsigma$ (ι 34), метрическая форма $\sigma\acute{o}\delta\epsilon\upsilon$ $\gamma\lambda\acute{o}\kappa\iota\omicron\nu$, что указывает на произношение $\sigma\acute{o}\delta\epsilon\upsilon$ $\gamma\lambda\acute{o}\kappa\iota\omicron\nu$ $\sigma\tau\eta\varsigma$ $\pi\alpha\tau\acute{\rho}\iota\delta\omicron\varsigma$.

3) Случай начального придыхания: наличие элизии предыдущего краткого гласного или сокращения предыдущего долгого гласного, отсутствие долготы по положению предыдущего закрытого слога (46 примеров возвратного местоимения в Илиаде и Одиссее):

$\sigma\acute{o}\delta\epsilon\upsilon$ $\sigma\tau$ $\pi\alpha\iota\delta\acute{o}\varsigma$ $\acute{\alpha}\mu\acute{o}\upsilon\epsilon\iota$ (Π 522);

$\epsilon\pi\epsilon\iota\tau\alpha$ $\kappa\alpha\iota$ $\sigma\tau$ $\pi\epsilon\pi\lambda\acute{\iota}\gamma\epsilon\tau\omicron$ $\mu\eta\rho\acute{o}$ (O 397) с сокращением $\kappa\alpha\iota$;

$\epsilon\acute{\iota}\pi\epsilon$ $\pi\rho\acute{o}\varsigma$ $\delta\upsilon$ $\mu\epsilon\gamma\alpha\lambda\acute{\eta}\tau\omicron\rho\alpha$ $\theta\upsilon\mu\acute{o}\nu$ (Σ 5) с краткостью слога $\pi\rho\acute{o}\varsigma$.

§ 70. В очень немногих словах с этимологически обнаруживаемым начальным sj эта группа сохранилась в виде σ . Исходным пунктом для такой трактовки, отклоняющейся от фонетической нормы, могли послужить те случаи, когда предыдущее слово оканчивалось на переднеязычный согласный, усиливший артикуляцию начального σ группы:

$\sigma\acute{\eta}\eta$ „тишина, молчание“; ср. нем. *schweigen*.

§ 71. Группы sm, sn, sr, sl в интервокальном положении: sm:

аттич. $\epsilon\acute{\iota}\mu\acute{\iota}$ ($\epsilon\iota = \bar{\epsilon}$), дор. $\eta\acute{\mu}\acute{\iota}$, эол. $\epsilon\acute{\mu}\mu\acute{\iota}$ < * $\epsilon\sigma\mu\acute{\iota}$; ср. $\epsilon\sigma\tau\acute{\epsilon}$ (откуда по аналогии аттич. $\epsilon\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu$; ср. гомер. $\epsilon\acute{\iota}\mu\acute{\epsilon}\nu$).

Отсутствие придыхания (против нормы, указанной в § 67) объясняется здесь аналогическим воздействием форм $\epsilon\sigma\tau\acute{\iota}$, $\epsilon\sigma\tau\acute{\epsilon}$ и т. п.;

вин. п. дор. $\acute{\alpha}\mu\acute{\epsilon}$, эол. $\acute{\alpha}\mu\acute{\epsilon}$ < * $\mu\acute{s}me$ (ср. М. § 149).

сп:

аттич. $\varphi\acute{\alpha}\nu\acute{o}\varsigma$, ион. $\varphi\alpha\epsilon\iota\nu\acute{o}\varsigma$ ($\epsilon\iota = \epsilon$), эол. $\varphi\acute{\alpha}\epsilon\nu\nu\acute{o}\varsigma$ < * $\varphi\alpha\epsilon\sigma\nu\acute{o}\varsigma$;

аттич., ион. $\sigma\epsilon\lambda\eta\nu\eta$, эол. $\sigma\epsilon\lambda\acute{\alpha}\nu\nu\alpha$ < * $\sigma\epsilon\lambda\alpha\nu\acute{\alpha}$.

sr:

гомер. $\tau\acute{\rho}\eta\rho\omega\nu$ „боязливый, дрожащий“ < * $\tau\acute{r}\alpha\sigma\tau\omega\nu$, от корня * $\acute{t}res-$, в нулевой ступени * $\acute{t}rs-$; ср. $\tau\acute{r}\acute{\epsilon}\omega$, $\acute{\alpha}\tau\tau\epsilon\sigma\tau\acute{o}\varsigma$ „бесстрашный“;

аттич. $\nu\acute{\alpha}\upsilon\kappa\acute{\rho}\alpha\rho\acute{o}\varsigma$, чаще с диссимилиацией плавных, подержанной народно-этимологическим сближением с $\kappa\lambda\eta\rho\acute{o}\varsigma$, $\nu\acute{\alpha}\upsilon\kappa\lambda\eta\rho\acute{o}\varsigma$ „начальник корабля“, от основы * $\kappa\tau\alpha\sigma\tau\acute{o}\varsigma$, производной от $\kappa\tau\alpha\sigma-$ „голова“.

sl:

$\epsilon\acute{\iota}\lambda\eta\varphi\alpha$ < * $\epsilon\acute{\iota}\lambda\eta\varphi\alpha$ < * $\sigma\epsilon\sigma\lambda\acute{\alpha}\varphi\alpha$ (ср. § 32 и М. § 212).

§ 72. В результате словосложения и фонетических процессов группы $\sigma\mu$, $\sigma\nu$, $\sigma\lambda$ возникали и вновь в эпоху более позднюю, чем изменения, описанные в предыдущем параграфе; в этих случаях они либо сохранялись, либо испытывали ассимиляцию первого согласного второму (например, $\sigma\nu > \nu\nu$):

$\delta\upsilon\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu\eta\varsigma$, $\delta\upsilon\sigma\kappa\lambda\iota\tau\acute{o}\varsigma$, $\delta\upsilon\sigma\gamma\acute{o}\varsigma$;

$\Pi\epsilon\lambda\omicron\pi\acute{o}\nu\gamma\eta\sigma\acute{o}\varsigma$ < * $\Pi\epsilon\lambda\omicron\pi\acute{o}\varsigma$ $\nu\eta\sigma\acute{o}\varsigma$.

Особенно важен случай суффиксального $\sigma\mu$, фонетически сохранившегося в сочетании с переднеязычными основами (§ 63), но получившего аналогическое распространение и за их пределами, а также случай аналогического распространения σ в глагольной системе:

$\delta\alpha\sigma\mu\acute{o}\varsigma$ < * $\delta\alpha\tau\alpha\sigma\mu\acute{o}\varsigma$; ср. $\delta\alpha\tau\acute{\epsilon}\sigma\mu\alpha\iota$;

$\delta\omicron\sigma\mu\acute{\eta}$ < $\delta\omicron\sigma\mu\acute{\alpha}$; ср. $\delta\acute{\zeta}\omega$, лат. *odor*,

по аналогии с чем также $\delta\epsilon\sigma\mu\acute{o}\varsigma$; ср. $\delta\acute{\epsilon}\omega$;

$\pi\acute{\epsilon}\pi\epsilon\iota\sigma\mu\alpha\iota$, по аналогии с $\pi\acute{\epsilon}\pi\epsilon\iota\sigma\tau\alpha\iota$ < * $\pi\acute{\epsilon}\pi\epsilon\iota\theta\tau\alpha\iota$ (§ 30).

§ 73. При начальном положении групп $\sigma\mu$, $\sigma\nu$, $\sigma\lambda$ происходила ассимиляция первого согласного группы второму с последующим упрощением получившегося двойного согласного в начале слова (при этом $г$ и $л$ в свою очередь частично ассимилировались предшествующему $с$ как глухому звуку, утрачивая свою звонкость, т. е. произносились без звучания голосовых связок; такое произношение обозначается обычно в традиционной орфографии

знаком придыхания в случае $г$, а в древнейших надписях соответствующим знаком и в случае $л$).

Однако у Гомера двойной согласный мог сохраняться в словосложении и после конечного гласного предыдущего слова.

Примеры на $\sigma\mu > \mu$:

$\mu\omicron\iota\tau\alpha$, $\mu\epsilon\iota\tau\omicron\mu\alpha\iota$ < * $\sigma\mu\omicron\iota\tau\alpha$, * $\sigma\mu\epsilon\iota\tau\omicron\mu\alpha\iota$; ср. $\epsilon\acute{\iota}\mu\alpha\rho\tau\alpha\iota$ < * $\sigma\epsilon\sigma\mu\alpha\rho\tau\alpha\iota$, от корня с нулевой огласовкой * $\sigma\mu\acute{r}$;

$\mu\acute{\iota}\alpha$ < * $\sigma\mu\acute{\iota}\alpha$; ср. $\epsilon\nu$ < * $\sigma\epsilon\mu$;

$\mu\epsilon\iota\delta\iota\sigma\alpha\iota$, гомер. $\psi\iota\lambda\omicron\mu\mu\epsilon\iota\delta\iota\varsigma$ от корня * $\sigma\mu\epsilon\iota-$; ср. русск. смеяться.

Однако некоторые слова сохранили форму с начальным $\sigma\mu$, иногда лишь как дублет к форме с начальным μ :

$\sigma\mu\acute{\iota}\kappa\rho\acute{o}\varsigma$ наряду с $\mu\acute{\iota}\kappa\rho\acute{o}\varsigma$;

$\sigma\mu\acute{\alpha}\omega$, $\sigma\mu\acute{\eta}\chi\omega$ „тереть, чистить“;

$\sigma\mu\acute{\eta}\rho\iota\nu\theta\acute{o}\varsigma$ наряду с $\mu\acute{\eta}\rho\iota\nu\theta\acute{o}\varsigma$ „шнурок“;

$\sigma\mu\acute{\eta}\nu\acute{o}\varsigma$ „рой“;

$\sigma\mu\epsilon\rho\delta\alpha\lambda\acute{\epsilon}\acute{o}\varsigma$, $\sigma\mu\epsilon\rho\delta\acute{o}\varsigma$ „ужасный“; ср. лат. *horreō*, русск. морда.

Примеры на $\sigma\nu > \nu$:

вин. п. $\nu\acute{\iota}\varphi\alpha$, гомер. $\acute{\alpha}\gamma\acute{\alpha}\nu\nu\iota\varphi\acute{o}\varsigma$, $\omega\varsigma$ $\tau\epsilon$ (ν) $\nu\iota\varphi\acute{\alpha}\delta\epsilon\varsigma$, от корня * $\sigma\mu\epsilon\iota\acute{g}h-$; ср. русск. снег.

Примеры на $\sigma\tau > \tau$:

$\tau\acute{\epsilon}\omega$ < * $\sigma\tau\epsilon\omega$; ср. аор. $\epsilon\tau\tau\acute{o}\nu$ < * $\epsilon\sigma\tau\acute{o}\nu$ (с нулевой ступенью огласовки корня), гомер. $\kappa\alpha\lambda\lambda\acute{\iota}\rho\rho\acute{o}\varsigma$ и $\kappa\alpha\lambda\lambda\acute{\iota}\rho\acute{o}\varsigma$, $\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}$ (ρ) $\rho\acute{o}\nu$, $\beta\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\alpha$ (ρ) $\rho\acute{o}\nu$, русск. струя < * $\sigma\tau\acute{r}\acute{y}\alpha$, остров < * $\sigma\tau\acute{r}\acute{o}\nu$, нем. Strom.

Примеры на $\sigma\lambda > л$:

$\lambda\alpha\beta\epsilon\acute{\iota}\nu$, эгинск. $\lambda\eta\beta\acute{\omega}\nu$ < * $\sigma\lambda\alpha\beta\epsilon\epsilon\nu$, * $\sigma\lambda\alpha\beta\omega\nu$; ср. $\epsilon\acute{\iota}\lambda\eta\varphi\alpha$ < * $\sigma\epsilon\sigma\lambda\acute{\alpha}\varphi\alpha$, гомер. $\epsilon\lambda\lambda\alpha\beta\acute{o}\nu$ < * $\epsilon\sigma\lambda\alpha\beta\acute{o}\nu$.

§ 74. По аналогии с теми случаями, когда начальные μ , ν , $л$, восходящие соответственно к группам $\sigma\mu$, $\sigma\nu$, $\sigma\lambda$, создавали долготу по положению в предшествующем открытом слоге с кратким гласным, что предполагало произношение $\mu\mu$, $\nu\nu$, $л\lambda$, такую же функцию могли получать в языке Гомера — удваиваясь, следовательно, в произношении — и не имевшие такого происхождения μ , ν , $л$: $\delta\mu\acute{o}$ (μ) $\mu\acute{\eta}\tau\epsilon\rho$ ---; ср. лат. *māter*, русск. мать; $\acute{\alpha}\mu\alpha$ $\delta\acute{\epsilon}$ (ν) $\nu\acute{\epsilon}\varphi\acute{o}\varsigma$ ---; ср. русск. небо;

ἐνὶ (λ)έκτρῳ; ср. русск. *ложе*;

ἐλαχον по аналогии с ἐλαβον; ср. русск. *получить*.

С другой стороны, аналогическими являются такие формы, как аттич. ἐλαβон вместо ἐλλαβον, ἄμωρος вместо ἀμωρος, не чуждые и языку Гомера.

§ 75. Характер изменений групп „носовой + s“ в значительной степени зависел от того, входило ли в эти группы первичное s или s, появившееся в результате предшествующих фонетических изменений.

§ 76. Первичные группы ms, ns в интервокальном положении переходили соответственно в лесбосском и фессалийском диалектах в μ и νν, а в остальных диалектах, включая и гомеровский, который в этом пункте не содержит эолизмов, — в μ и ν с заменительным удлинением предшествующего гласного в случае его краткости. Совпадение этих результатов с результатами изменения групп, в которых s предшествовало носовому звуку (§ 67, 71), позволяет предположить, что первым этапом изменения рассматриваемых здесь групп была перестановка их элементов, подобная той, которая произошла в группе dz (§ 49, 51).

Примеры:

лесб. ἐνεμμα, ион.-аттич. ἐνεμμα (ei = ē), дор. ἐνημα < *ἐνεμμα < *ἐνεμσα;

лесб. ἐμεννα, ион.-аттич. ἐμεννα (ei = ē), дор. ἐμηνα < *ἐμεσνα < *ἐμενσα;

эол. род. п. μῆννός, ион.-аттич. μῆνός < *μῆνнос < *μῆνнос;

ср. лат. mēnsis;

ион.-аттич. ἐφῆνα < *ἐφᾶνα < *ἐφασνα < *ἐφανσα (этот пример показывает, что рассматриваемое изменение относится к более ранней эпохе, чем ионийско-аттический переход ā > ē).

§ 77. В положении перед согласным группа „носовой + s“ (практически здесь имеются примеры только для ns) бесследно утрачивала свой носовой звук:

σούστασις < *συνστασις;

πλαζω (= πλασθω) < *πλανσθω < *πλανδзω < *πλανγιω (§ 51);

*Αθῆναζε < *Αθᾶνανσθε (ср. М. § 131).

§ 78. Так как данное изменение происходило и в том случае, когда следующий за ns согласный принадлежал другому слову, то слова, имеющие окончанием вс, сохраняя это окончание в положении перед гласным, получали дублетные формы с окончанием с в положении перед согласным:

ἐνς (расширенная окончанием с форма слова ἐν; ср. ἐж и ἐε, ἀμφί и ἀμφίς, лат. ab и abs, ob и *obs в ostendō и т. п.) перед словами, начинающимися с гласного, и ἐς — перед словами, начинающимися с согласного;

так же вин. п. мн. ч. τόνς и τός, τάνς (< *τᾶνς) и τās и т. п. (ср. М. § 18, 34).

Обе эти формы встречаются параллельно, в соответствии с фонетическими условиями, в критских надписях:

τὸς καθεστάνς, но τὸνς ἐλευθέρους.

Что касается прочих диалектов, то в них уже в раннюю эпоху произошло аналогическое обобщение либо тех, либо других форм, в основной массе диалектов — форм, содержащих ν (но, например, у Феокрита III, 3 βῆσθε τὰς αἴγας - νν - ν). В дальнейшем это аналогически обобщенное вс в свою очередь подверглось изменению в большинстве диалектов, на этот раз уже независимо от того, следовал ли за ним согласный или гласный звук. А именно, оно утрачивало ν, с заменительным удлинением предыдущего гласного в ионийско-аттичском, дорийском и других диалектах и с дифтонгизацией этого гласного (т. е. с появлением после него неслогового i) в лесбосском диалекте:

ион.-аттич., дор. τās, лесб. ταίς < τανς < *τᾶνς;

ион.-аттич. τούς, дор. τώς, лесб. τοίς < τωνς;

ион., дор., староаттич. ἐς, новоаттич. εἰς (= ēs), лесб. εἰς (= ejs) < ἐνς.

По поводу последнего слова следует отметить, что „староаттичская“ (т. е. собственно ионийская) форма ἐς преобладает, например, у Фукидида, а εἰς — в трагедии и комедии; однако в таких идиоматических выражениях, как ἐς κόρακας „к чертям“ и его евфемистический субститут ἐς μαχαρίαν „ко всему хорошему“, встречается только более старое ἐς.

Как показывает сохранение в ионийском и аттическом диалектах долгого а, появившегося в результате рас-

смотренных изменений, последние относятся к более поздней эпохе, чем ионийско-аттический переход $\bar{a} > \bar{e}$.

§ 79. Такую же трактовку, как аналогически обобщенное конечное κ , получало и всякое вторичное κ . Сюда относятся:

1) случаи аналогического восстановления γ в группе „ $\kappa +$ согласный“ в середине слова:

перф. аттич. ἔσπευσται из *ἔσπευσται < *ἔσπευδται (§ 30) вместо фонетически закономерного *ἔσπεσται, по аналогии с σπένδω и т. п.;

2) случаи возникновения σ после γ в результате тех или иных фонетических изменений:

ἔσπεισα < *ἔσπευσα < *ἔσπευδσα;

ион.-аттич., дор. πᾶσα, лесб. παῖσα, арг., фесс., аркад. πάσσα < *παντја (§ 43);

ион.-аттич. τιθεῖς (ei = ē), дор. τιθής, лесб. τιθείς (ei = ei) < *τιθενς;

ион.-аттич. ἔχουσα, дор. ἔχωσα, лесб. ἔχουσα < *ἔχοντја.

§ 80. Группы „плавный + s“ в большинстве диалектов вообще сохранялись без изменения, и только в аттическом диалекте $\rho\sigma$ перешло в $\rho\rho$:

ион. ταρσός, аттич. τάρρως „сушилка, плетенка“; ср. лат. torreo < *torsejō;

ион. κόρση, аттич. κόρρη „висок“: пример, показывающий, что рассматриваемое изменение относится к более поздней эпохе, чем аттический переход $\bar{e} > \bar{a}$ после ρ .

Особое положение занимают сигматические аористы от глагольных основ на ρ , λ ; в этих случаях группы $\rho\sigma$, $\lambda\sigma$ получили трактовку, параллельную той, которая наблюдается для первичных групп „носовой + s“:

аттич. ἔστεila (ei = ē), дор. ἔστηλα;

лесб. ἔστελλα < *ἔστελσα;

аттич. ἐκάθηρα < *ἐκαθᾶρα < *ἐκαθάρσα: пример, показывающий, что рассматриваемое изменение относится к более ранней эпохе, чем ионийско-аттический переход $\bar{a} > \bar{e}$.

Наряду с этим в языке Гомера имеется ряд сигматических аористов с сохранением групп $\rho\sigma$, $\lambda\sigma$ (см. М. § 202).

Единственное объяснение, предложенное для особой трактовки групп „плавный + s“ в случаях сигматического

аориста, сводится к указанию на возможность аналогического воздействия сигматических аористов с группами „носовой + s“.

Позднейшие изменения

§ 81. В предыдущих параграфах были показаны в основном процессы, в результате которых фонологическая система греческого языка сложилась в том виде, как она отражена в письменных памятниках классического периода древнегреческой литературы.

Процессы, протекавшие на протяжении ряда веков от указанной эпохи до настоящего времени, внесли в эту систему существенные изменения, представляющие собой, однако, закономерное развитие тех общих тенденций, которые наметились уже в древности.

Важнейшие из этих изменений таковы:

О совпадении древних ϵ , η и η в звучании i во II в. до н. э. сказано выше (§ 9).

Дифтонг ai переходит в e (II в. н. э.).

Дифтонг oi переходит в u (III в. н. э.).

u , как древнее (υ), так и происшедшее из дифтонга, переходит в i (VIII—X вв. н. э.).

Дифтонги au и eu переходят соответственно в av , ev перед гласными и звонкими согласными и в af , ef перед глухими.

i после согласных приобретает неслоговой характер, в результате чего возникают новые дифтонги.

Звонкие смычные β , δ , γ переходят в соответствующие им по месту артикуляции спиранты v , d (англ. th в слове *this*), g , но сохраняются в положении после носовых. При этом перед гласными переднего ряда γ в результате палатализации приобретает звучание j .

Аспираты ϕ , θ , χ переходят в соответствующие спиранты f , θ (англ. th в слове *thing*), x .

Группы $\phi\theta$, $\chi\theta$, как и $\pi\tau$, $\kappa\tau$, переходят в ft , xt .

Придыхание исчезает.

Ударение приобретает силовой характер, и в связи с этим утрачиваются независимые от ударения количественные различия между гласными (первые признаки этого процесса обнаруживаются уже во II в. до н. э., а завершение его относится к IV в. н. э.).

§ 82. В древнейших надписях используется финикийский алфавит¹, состоящий из 22 букв:

Название

Ⲁ алеф (бык)	Ⲍ ламед (стрекало)
ⲁ бет (дом)	ⲍ мем (вода)
Ⲃ гимел (верблюд)	Ⲏ нун (рыба)
ⲃ далет (дверь)	ⲏ самех
Ⲅ he	Ⲑ аин (глаз)
ⲅ вав (шест)	ⲑ пе (рот)
Ⲇ заин	Ⲓ паде
ⲇ хет (изгородь)	ⲓ коф (обезьяна)
Ⲉ тет	Ⲕ реш (голова)
ⲉ йод (рука)	ⲕ шин (зуб)
Ⲋ каф (ладонь)	Ⲍ тав (крест)

Строки направлялись попеременно справа налево и слева направо (так называемое письмо *βοῦστροφῶδες*, т. е. воспроизводящее направление пути быков при пахоте), в соответствии с чем направлялись в ту или иную сторону и самые начертания букв (например, Ⲅ и ⲉ).

Существенным изменением, внесенным в финикийский алфавит греками, было то, что ряд букв, обозначавших в этом алфавите согласные, получил значение гласных. В дальнейшем видоизменялись как начертания, так и функции отдельных букв; некоторые буквы выходят из употребления, другие добавляются. При этом возникают расхождения между различными местными греческими алфавитами, которые можно свести к двум основным типам: восточному, или ионийскому, и западному, или халкидскому.

¹ Новую точку зрения, согласно которой как греческий, так и финикийский алфавит, а также этрусский, происходят независимо один от другого от „минойского“ пиктографического письма, засвидетельствованного в критских надписях, выдвигает В. Георгиев в статье „Происхождение алфавита“ („Вопросы языкознания“, № 6, 1952, стр. 48—83).

Финикийское вав дало начало двум буквам — F для обозначения согласного ц и Y, помещенному в конце алфавита, для обозначения гласного и. После исчезновения в ионийском диалекте звука, обозначаемого буквой F, самая буква сохранилась в ионийском алфавите лишь в качестве числового знака (6).

Для обозначения звука s в различных алфавитах изменялись буквы Ⲅ (фин. самех), Ⲍ (фин. паде) и Ⲏ (фин. шин) под названиями *σῆμα* и *σᾶν*.

В дальнейшем Ⲅ было сохранено только в восточных алфавитах со значением ks. В качестве обозначения s получило повсеместное распространение Ⲏ (*σῆμα*), а *σᾶν* в видоизмененном начертании было использовано в качестве числового знака 900 (позднее название этого знака *σασῆ* объясняется его сходством с лигатурой букв *σᾶν* и *πῆ*). Ϙ (*κόππα*, фин. коф), первоначально применявшееся для обозначения звука k перед o и u, также вышло из употребления в восточных алфавитах и сохранилось лишь в качестве числового знака (90).

Для обозначения аспирата kh и ph были введены отсутствовавшие в финикийском алфавите буквы, а именно: для ph — Ϙ во всех алфавитах, а для kh — Χ в восточных и Ψ в западных; при этом обе последние буквы также были использованы во всех алфавитах, но с различными значениями: Χ получило в западных алфавитах, не имевших Ⲅ, значение ks, а Ψ в восточных — значение ps. Все три буквы были помещены в конце алфавита, в различной последовательности в восточных и западных алфавитах (см. ниже).

После исчезновения придыхания в ионийском диалекте буква Ⲍ (фин. хет), служившая ранее знаком придыхания, была использована для обозначения долгого открытого e [см. Ф. § 12]. Была введена также и помещена в конце алфавита новая буква Ϙ, видоизмененное Ⲍ, для обозначения о долгого.

Помимо указанных различий в буквенном составе и значениях отдельных букв, западные алфавиты отличались от восточных и некоторыми деталями начертаний. Наиболее существенное из различий этого рода связано с буквой, означающей i, которая в восточных алфавитах имела вид Λ, а в западных — I.

К началу V в. до н. э. оба основных типа греческих алфавитов приобретают следующий вид:

ионийский: Α Β Γ Δ Ε Ζ Η (ε) Θ Ι Κ Λ Μ
Ν Ξ Ο Π Ρ Σ Τ Υ Φ Χ (kh) Ψ (ps) Ω

западный: Α Β Γ Δ Ε Ζ Η (h) Θ Ι Κ Λ Μ
Ν Ο Π Ϛ Ρ Σ Τ Υ Χ (ks) Φ Ψ (kh)

Древний аттический алфавит, употреблявшийся в Афинах до 403 г. до н. э., во многом отличался от ионийского. Буквы Ξ, Ψ не употреблялись, а вместо них писалось ΧΣ, ΦΣ. Η означало густое придыхание, а Ε служило для обозначения не только краткого е, но и долгого е в обеих его разновидностях, т. е. открытого (как общегреческого, так и ионийско-аттического; позднее обозначение η) и закрытого (позднейшее обозначение ει — так называемый ложный дифтонг): ΗΕΝΑΙ — εἶναι, ΕΜΙ — εἶμι (но, конечно, ΕΙΜΙ — εἶμι), ΜΕΤΕΡ — μήτηρ.

Равным образом и Ο означало как краткое, так и долгое о, притом последнее в обеих его разновидностях, открытое и закрытое: ΟΡΘΟΣΘΟ — ὀρθόσθω.

В 403 г. до н. э. (в архонтство Евклида) ионийский алфавит был официально введен в Афинах и в дальнейшем приобрел значение общегреческого алфавита.

Так как при этом возникла потребность в новом знаке придыхания, то стали пользоваться знаком — (левой половиной буквы Η); особое графическое обозначение — (—, правая половина той же буквы) получило и отсутствие придыхания (так называемое тонкое придыхание). Письменное обозначение ударений было введено в эллинистическую эпоху александрийскими грамматиками.

Ныне употребляемые формы строчных греческих букв выработались в книжном письме византийской эпохи. К числу этих поздних форм относится и обозначение утратившей звучание иоты древних долгих дифтонгов в виде „подписной иоты“.

УКАЗАТЕЛЬ ГРЕЧЕСКИХ СЛОВ

(цифры указывают на параграфы Морфологии)

-α (глагольное окончание) 341.

-α и -α 27, 28, 29, 42, 43.

-ᾱ (род. п.) 44.

ἀνθα 81.

ἀσθην 367.

ἀγαμαι 240; ἡγάσθην 367.

ἀγαθότερος 126.

ἀγγέλλω 283; ἀγγελῶ 295; ἐπαγγελλόμενον 202; ἡγγελον 196; ἡγγέλην и ἡγγέλην 191.

ἀγείρω 268; ἀγείρομεν 304; ἀγίημαι 212.

ἀγνομι 250; ἄγην 186; ἄγεν 352; κατὰ 304; -εαγῶσι 358.

ἀγορεύω 171.

ἀγοράσμαι 285.

ἀγρότερος 119.

ἄγχι, ἄσπον 116; ἀσπότερος 126.

ἄγγω 246.

ἄγω 246; ἡγον 357; ἄξω 293; ἡγαγον 197; ἄξετε 208; ἄξαι 204; ἀγάγοι, ἀγῶχα 212, 229; ἡχα 229; ἡγμαι 214.

ἄγων 77; ἀγώνις 57.

ἀγωνίζω, ἀγωνιόμαι 297; ἀγωνίζαται 226.

ἀδελφε 24.

ἀδελφιδούς 26.

ἀδελφότες 224.

ἀδικῆμι 291; ἀδικοῖσθαι 312.

ἀδός 103.

αἰεῖω 268; αἰεράτε 202.

αἴσμαι 269.

αἶμι, αἶσι 351; αἶμεναι 241.

Ἀθῆναις 131; Ἀθῆνηθεν 129; Ἀθῆναι 36.

ἄθρους 26.

αἰδέομαι 281; αἰδεσθεῖς 189.

αἰδοίστατος 124.

αἰδώς 68.

αἰθήρ 72.

αἰμωδιάω 285.

αἰναρέτη 43.

αἰνέω 289; ἡνεσα 203.

αἰσασκε 261.

αἰόλλω 283.

αἰρέω 274, 289; ἀραίρηται 212; εἶλον 195; ἀνελεσθω 320; -εἶω 296; ἡρέθη, εἰρέθη 357.

-αις, -αισι 36.

αἰσθάνομαι, ἡισθόμην 255; αἰσθήσομαι 365.

αἰστος 337.

-αίτερος 122.

αἰτέρομαι, εἰτέροτο 357.

-αἶον 37.

αἰμαλωτεύω 292.

αἰών, αἰέν 59, 77; αἰέ, αἰεί, αἰῶ 69.

ἀκαχίζω, ἀκαχίσσω 365; ἡκαχε 197;

ἀνάχηται 212.

ἀκέομαι 281.

ἀκοντίζω 280.

ἀκούω, ἡκουσμαι 367; ἀκήκα 212.

ἀλάσμαι 274; ἀλάχηται 212.

ἀλγέω 281.

ἀλγίω 118.

ἀλγόνω 282.

ἀλειφα 79.

ἀλείφω, -αλείφην, -αλείφθην 191; ἀλέμμαι 212; ἀλέλιφα 229.

ἀλέξω 294; ἀλέξω 365.

ἀλεύεται 304.

ἀλέω 274; ἀήλεσμαι 212.

ἀληθής 67.

ἀλήθω 265.

ἀλιᾶ, ἀλιῶς 102.

ἀλίσκομαι 259; ἡλίσκομην 357; ἐάλων 185, 356; ἡλων 357.

ἀλλάσσω 279; ἡλλάγην 186; ἡλλάχθην 191.
 ἄλλοι 268; ἡλόμην 357; ἄλτο 183;
 ἄλεται 304.
 ἄλς 72; ἄλς 71.
 αἰοῖω 274.
 αἰσινάω 255.
 αἰως 25.
 ἁμαρτάνω 255; ἡμαρτον 194; ἡμάρτησα 204; ἁμαρτήσασθαι 365; ἁμάρτιον 341.
 ἁμαρτή 132.
 ἁμάω 274; ἁμαίνω 329.
 ἁμβλίω 259.
 ἁμβλυόω 279.
 ἁμείνων 116; ἁμεινότερος 126.
 ἁμείψεται 304.
 ἁμείλω 245; ἁμελγες 343.
 ἁμμος 160.
 ἁμοιβάς 106.
 ἁμορφάστας 124.
 ἁμός 160.
 ἁμπέχομαι, ἡμπειγόμεν 358.
 ἁμύνω, ἡμύνανθαι 265.
 ἁμφιαχία 213.
 ἁμφιῶ 297; ἡμφίεσα 358.
 ἁμφισβητέω, ἡμφισβήτησα 358.
 ἁμφω 163.
 ἁμφώτης 81.
 -αν (вин. п.) 51.
 -αν (глагольное окончание) 353.
 -эн (род. п. мн. ч.) 35, 103.
 ἄνα 50, 62.
 ἀναβιώσκει 257.
 ἀνάγκη 132.
 ἀναλίω 259; ἀνηλώσθην 358.
 ἀνάστω 279; ἀναστέμην 359.
 ἀνδάνω 254; ἄδε, εἰαδε 194; φεαδε-
 κοτα 212, 224.
 ἀνδράποδον 22.
 ἀνέχομαι, ἡνεχόμεν, ἡνεσχόμεν 358.
 ἀνὴρ 74.
 ἀνθεω 281.
 ἀνιάω 280.
 ἀνιηρότερος 124.
 ἀνομαι, ἀνομαι, ἀνώω 250, 253.
 -ως (вин. п. мн. ч.) 55.
 ἀντάω, ἀντήσομαι 304; ἡντεον 286.
 -αντι 351.
 ἀντιάω, ἀντιώω 296.
 Ἀντιπας 46.
 ἰνύτω 265.

-ανώω, ἑανώω 295.
 ἄνωγα 213; ἀνώγει 211; ἡνώγει 358;
 ἄνωγι 315.
 -αο (род. п. ед. ч.) 44.
 ἄπαξ 132.
 ἀπαφίσσω 259; ἀπαφίσσω 365.
 Ἀπαλλεύς 46.
 ἀπέφρω 183.
 ἀπεχθάνομαι 255; ἀπεχθήσομαι 365;
 -ηχθόμεν 265.
 ἀπηρίω, ἀποόρω 182.
 ἀπλοῦς 26; ἀπλή 40.
 ἀποδιδράσκω 258; ἀπέδραν 180.
 ἀποδημέω, ἀποδημήσω 358.
 ἀπώρσσε 202.
 ἀπολογέομαι, ἀπολογισάμην 358.
 Ἀπολλών 60, 78; Ἀπόλλων 69.
 ἀπονέστερος 124.
 ἀποσιλῶ 180.
 ἀποσηγήσομαι 264.
 ἀπώω 272.
 -αρ 76.
 Ἀρπας 44.
 ἀράσσει 285; ἀρασθαι 291.
 ἀραρίσκω 259; ἀρμενος 183; ἀραρεῖν 197; ἡρσε 202; ἀρηρα 212.
 ἀργυροῦς 26.
 ἀρείων, ἀριστος 116.
 ἀρέσω 257.
 ἀρήν, ἀρόν, ἄρνασι 77.
 ἀριστερός 119; ἀριστερόφι 128; ἀρι-
 στεράς 132.
 ἀρκέω 281.
 ἀρνομαι 250; ἀρετο 194.
 ἀρόω 274, 290; ἀρώμεναι 291; ἀρήρο-
 μαι 212.
 ἀρπάζω 280; ἡρπασα, -ξα 206; ἀρπάσω, -ξω 297; ἀρπώμαι 297.
 ἀρρεντερος 119.
 Ἀρτεμιν, Ἀρτέμιδα 64.
 ἀρτίπος 63.
 ἀρύτω, 265.
 Ἀργητέω 44.
 ἀρχήν 132.
 -ας 70.
 ἀσπένδοι 291.
 -ασι 351.
 ἄστο 90.
 ἄτι 81.
 -αται, -ατο 354.
 Ἀτελῆ 67.
 -ατι 351.

ἀτμαζω 280.
 Ἀτρέας 101.
 ἄττα 29.
 ἄτταγας 46.
 αὔαινω 282.
 αὔασιν 81.
 αὔαζω 285; αὔδησας 261.
 αὔξανω 255; αὔξω, ἡὔξω 365;
 εὔξασιν 357.
 αὔσασιν 159.
 αὔσασιν 159.
 αὔτω 288.
 αὔτος 139; αὔτοτος 126.
 αὔττω 159.
 ἀφανίζω, ἡφάνισα 230.
 ἀφρονέστερος 124.
 ἀγέω 292.
 ἄγνωμαι 250.
 ἀφευδῶ 341.
 ἄω, ἄμεναι 241.
 -ων 35, 103.
 βαδιοῦμαι 297.
 βαθίων, βάσων, βάθιστος 117.
 βαθύνω 282.
 βαίνω 268; βῆν 180; βῆθι 315; βῆ-
 μεν 304; βῶμεν 306; βῆσα 205;
 βῆσμεν 304; βῆσσο 208; βῆσσομαι 294;
 βασέωμαι 298; βέβηκα 223;
 βεβάω 361; βεβαῶτα 211; βεβῶσα 334;
 βεβάμεν 325; καταβεβαῶν 224.
 βάλλω 268; βλήμεναι, βλήτω 180, 186;
 ἔβαλον 194; βάλοιθα 343; βέβληται, βεβλήκει 210; βεβλώμαι, βεβλήω 361;
 βεβλήται 354; βάλλω 365.
 βαρόν 282.
 βασιλεύς 101; βασιλεύς 126.
 βασιλεύω 292; βασιλεύσω 295.
 βάσσω 257.
 βέλτερος 126; βελτίων, βέλτιστος 116.
 βιβάζω 271, 273; βιβῶ 297.
 βιβός 243.
 βιβάζω 258.
 βιβρώσκω 258; βιβρων 180; βιβρώσκω 224;
 βιβρώσεται 300.
 βιόω, βίων 180; βιώσω 204; ср. ζῆν.
 βλέπω 272; ἐβλάβην, ἐβλάβην 191;
 βέβλαφα 229.
 βλαστάνω, βλαστήσω 365; ἐβλάστησα 204, 365; βεβλάστηκα 365; ἐβλά-
 στηκα 214.
 βλιττω 278; ββλιστα 206.

βλώσκω 257; μέβλωκα 212; ββλοισιν 195.
 βοάω, ἐβώσθην 367.
 βόλμαι 246.
 βόσκω 257; βοσκήσω 364, 365; βοσκέ-
 σκετο 261.
 βούλευσαι, βουλεύσαι, βουλεύσαι 323, 360.
 βούλομαι 294; ἡβουλόμην 356; βουλή-
 σμαι, βεβούλημαι 365.
 βούς 98.
 βραδίων, βράδιστος 117.
 βράσσω, βραχίων, βράχιστος 113, 117.
 βρέχομαι, ἐβράχην, ἐβρέχην 192.
 βρομέω 287.
 γάλα, γάλακτος, γάλατος 64.
 γαμέω, γαμήσω 296.
 γαμίσκομαι 259.
 γαργαίρω 273.
 γαστήρ 74.
 γαστρίστερος 125.
 γάστρων 78.
 γεγᾶθι 211.
 γεγωνεῖν, ἐγεγώνεον 211; γεγωνητέον 337.
 γελῶ 274; γελῶς 291.
 γέλως 69.
 γέμω 244; ср. γέντω.
 γενειάσκω 260.
 γένος 67.
 γέντω 183; ср. γέμω.
 γεραίτερος 122.
 γέρας, γέρα 70.
 γεύομαι, γέγευμαι 367.
 γεωμέτρα 43.
 γήρος, γήρε 70.
 γηράσκω 260.
 γίγνομαι 247, 293; γίνωμαι 251; ἐγέ-
 νετο 195; ἐγενετο 183; ἐγενετο 205;
 ἐγενήθην 192; γεγέννημαι 209; γέ-
 γονα 209, 218; γεγάσσι 351; γεγά-
 νει 211; γεγαῶτας 211; γεγάτην 232;
 γεγάμεν 325; γεγόνειν 329; γεγονεία 334; γεγῶσα 334.
 γιγνώσκω 258; ἔγνω 180; ἔγνω 352;
 ἀνέγνωσα 205; ἔγνωκα 214, 223;
 ἔγνωκαν 231; γνῶμεν 306; γνοῖην 310;
 γνῶθι 315; διαγνόντω 318; γνῶμεν 325;
 γνωστός 336; ἐγνώσθην 367; ἔγνωμαι 367.
 γλίσχων 78.

γλῶσσιν 282.
 γλῶσσια 105.
 γλῶσσιον, -ιστος, γλῶσσων 117.
 γλωττίον 121.
 γλῶττιον 78.
 γλῶττιον 246.
 γλωττίον, ἐγγύττιον 353.
 γόνυ, γονύς, γόνυς 60, 95.
 γονάσθαι 280.
 γράβω 96.
 γράφω 246; γέγραφα 228; ἔγραπται
 214; γεγράφηκα 365; γεγραφέσθαι
 225; γεγράφηται 354; ἀναγραφῆται
 299; γεγράφμαι 300; -γραφανθῶ
 320; -γραφῆντι 308.
 γυνή, γυναικίς, γυναί, γυνάς, γυναῖκα 62.
 γυναικίον 231.

διεντινέω, δεδιέντηνχα 215.
 δέιρω 268; δέωρην 185.
 δέκα 164.
 δεκαδύο 165.
 δεκάτος 169.
 δέλλω 268.
 δένδρον, δένδρες, δένδρεον 22.
 δεξιόφι 128.
 δεξιτερός 119.
 δέπας, δέπα 70.
 δέρατος 71.
 δέρομαι, δέροαην 185; δέρογην 191;
 δέρακε 194.
 δέρω 244.
 δεσμά, δέσματα, δεσμοί 8.
 δεσπονησι 36.
 δεσπότης 46.
 δευτερος, δευτατος 169.
 δέχομαι, δέχομαι, δέχεται 241; δέχο-
 183, 241; -δεδέχεται 225; δεδέχο-
 μαι 300.
 δέω „СВЯЗЫВАТЬ“, δεύμεν, δήσω,
 εδέθην, δέδεμαι 274, 289; δεδεκα
 230; δεδήσομαι 300.
 δέω „НЕ ИМЕТЬ“, δέομεν 275; δέθη-
 ην т. д. 275, 365.
 δηλώω 290.
 δηλομαι 294.
 δηλώω 290; δηλώωσα 203; δηλώωσα 295.
 Δημιόκλης, Δημιόκλην 67.
 -δην 132.
 διαιτάω, διήντησα 358.
 διακρίσει, διακρίσει 167.
 διακρίσεως 169.
 διακωλύει 313.
 διδάσκω, διδάσκω η т. д. 258; διέ-
 δαχα 229; διδάσκησα 364.
 διέτημι 243.
 διέωμι 242; διδοίς, διδοῖσι 242, 351;
 διδόνται 354; διδόνται 351; διδόνται
 242; διδοῖν 352; διδοῖτο 242; διέω,
 διέωμι 315; διέωμι 315; διέωμι
 306; διδοῖμεν 311, 361; διδοῖτο 361;
 διδόναι 325; διέωμι 325; διδοῖν 242;
 διδωκα, διδωμι, διδοῖται 181; διδον
 352; διώκει, διώκει, 306; ἀποδωκε
 306; διώκει 306; διώκει 304; διός
 315; διδοῖται, διόκει 325; διδοῖται
 261; διδοῖται 187; διδοῖται 221;
 ἀποδεδόσθαι 224; διέωκα 230;
 διέωχε 230.
 διέ 194.

Διειτρήσεις 53.
Διφειφίλος 53.
δίεμαι 240.
δίλκτται 243; δίλκται 344.
Δίκα 29.
δικάσμαι, δικάσθαι 206; δικάτω, -ξω 297; δικαώ 297; δικασσιέ 313; δικαζεν 328.
δίκται 36.
Δινομένη 67.
δικας 100.
Δίς 99.
διψήν 277.
δίψας 8.
διώτω 264; δεδιώγα 229.
δοκέω, ἐδοξα 287; δοκοῖσσαν 312; ἐδοκοῦσαν 353; δοκῆρω, ἐδοκῆσα 366.
δοκίμωμι 291.
-δον 125.
δόρυ, δουρός, δουρί, δόρατος 60, 95; δόρει 53.
δοτήρ 72.
δουλεύω 292.
δουλότρες 126.
δραίνω 268.
δράων 66.
δρέπεν 328; δραπών 194.
δύναμαι 249; δύνηθι 189; δύναται, δύνεσται, δύνομαι 307, 361; δύνασαι, δύνηι, δύναι 344; ἐδύνασσο, ἐδύνω 345; δύνασαι 354; δύνασθι 367; ἡδυνάμην 356; γυνάται 308.
δύο, δύω, δύοισι, δύοσι, δυοί 163.
δυοκαίδεκα, δυοκαίδέκων 164, 165.
δύομαι, ἔδυν 180; ἔδυσσα 183; δύσεσσο 208; δύωμεν 305.
δύπτω 272.
δυσπρέστων 358.
δυσπύγαι, ἐδυσπύγχα 358; δεδυσπύγχα 215.
δυώδεκα 165.
δωδέκα 165.
δωδέκατος 169.
δῶτωρ 72.

ἐ, ἐε, εἰο, ἐο, εἴθεν, οἶ, (F)iv н т. д., 155, 156; εἰυτοῦ 159.
ἐαρ 76; ἤρος 60.
ἐάω 274.
ἐάων 35.
ἐβδόμηκοντα 166.

ἐβδόμος 169; ἐβδόματος 169.
ἐγείρω, ἐγρετο 194; ἐγρήγορα 212.
ἐγώ 147; ἐγών, ἐγῶν, ἐγῶνα 148;
μοῦ 148; ἐμεῖο, ἐμοῦ, ἐμέος, ἐμέθεν 148; ἐμοί, μοι, ἐμίν, ἐμένῃ 148; ἐμένα 154.
ἐδω 245; ἐδμεναι 241; ἐδομαι 293;
ἐδραγον, 173; φαγόμαι 293; ἐφαγα, 184; ἐδηδώς 212; ἐδηδοκα 230; ср. ἐσθίω.
ἐέρηνυμι 251.
ἐξομαι 269; ἀνέσει, καθέσω, καθεδούμαι 296; ἐκαθέζετο 358; ср. ἴζω.
ἐθελω см. θέλω.
-ει (глагольное окончание) 346.
-εἶα 334.
εἶλασι, εἶλασι, φεικати, фикати 166;
εἰκαστός 169.
εἰκώ 69.
εἶκω 245.
εἶλω, ἔλοισι 202; καταφελμενος 213;
ἄλεν 352; ἄλῃ 356.
εἶμαι 241.
εἰμί 235; εἰσί, εἶ, εἰς, 235, 343;
ἐντί, εἰσί 235; ἐπέμεν 235; ἔσαι 351; ἦα, 352; ἦεν, ἦεν, ἦεν, ἦσθα, ἦς 236, 342; ἦσθις 343; ἔα 236; ἔας, ἔατε 236; παρειαν 353; ἔον 236; ἔω, ὦ εἶην 310; εἶψαν 311; ἔως, εἰσι 311; ἰσθί 314, 315; εντω, εοντω, ἔστων, ἔστωσαν, εντων, ὄντων 318; εἶναι 237, 325; ἐμμεναι, ἐμμεν 325; ἡτην, ἡτηνι 325; ὦν, ὦν, ἔασσα, ἔαττα, ἔασσα 334; ἔντες 334; συνεστέον 337; ἐντασαν 65, 334; ἔσομαι, ἔσται 294; ἐσσεῖται 298; ἔσσο, ἦτην, 237; ἔσσε 261.
εἶμι, εἶ, εἰς 234, 293, 343; ἦα 234, 341; ἦον, ἦις, ἦε 234, 352; ἱάμεν 304; ἱάμεν 305; ἱάμι, ἱέτην, 311; ἱθί 314, 315; ἔξει 315; ἱώνων 318; ἱόντων 318; ἱών 334; ἱέτον 337; ἦσαν 356; εἰσθα 343.
-εν (неопр. накл.) 328.
εἶπον, см. λέγω.
εἶργω, ἐργαται 225; ἐργατο 213; ἐέργαθον 265.
Εἰρηνα 29.
εἶρω 268.
εἰς, μία 78; 163.
-εις (глагольное окончание) 343.
εἰώθα 212, 219; εἰώθοις 334.

ἑκαστος 140.
 ἐκότερος 140.
 ἐκατόν 167.
 ἐκδανείζω 320.
 ἐκεῖ 23.
 ἐκείνος, κείνος 138.
 ἐκκλησιασμός, ἡκκλησιαζόμενος ἢ ἐκκλησι-
 αζόν 358.
 ἐκκύβει 304.
 ἐκπλεω 25.
 ἐκτος 169.
 ἐκών 334.
 ἐλαύνω 253; ἐλῆλαμαι 212; ἐληλάδατο
 226; ἐλῆλακα 230; ἐλὼ 295; ἐλάτω
 296; ἐλαυνοία 341.
 ἐλαγός, ἐλάσσων, ἐλάχιστος 112, 113,
 117; ἐλαχιστότερος 126.
 ἐλδομαι 244.
 ἐλέγχω, ἐλέγχμαι 212.
 ἐλεος 8.
 ἐλίσσω, ἐλίσγατο 225.
 ἐλκω, ἐλκυσσα, ἐλκυσθην 367.
 ἐλπίζω 280; ἡλπιισα 206; ἡλπιισα 230;
 ἡλπιζόν 357.
 ἐλπομαι 244; ἐλπω 219.
 ἐλύσθην 367.
 ἐμείς 154.
 ἐμεν, ἐμεναι (неопр. накл.) 330.
 ἐμέω 274; ἡμεσα 199; ἐμίμεκα 212.
 ἐμός 160.
 ἐμπεδός, ἡμπεδών 358.
 ἐμπλεοί 25.
 -εν 328.
 -εἶναι 325.
 ἐνακόσιοι 167.
 ἐναρίζω, ἐναρίζα 206.
 ἐνατος 169.
 ἐνδεκα 165.
 ἐνδέκατος 169.
 ἐνενήκοντα, ἐνήκοντα, ἐννήκοντα 166.
 ἐνεχυράζω, ἐνεχυρασκεῖ 304; ἡνεχυρά-
 ζων 358.
 ἐνην 138; ἐνης 132.
 ἐνθα 129.
 ἐνθεν 129.
 ἐνίσσω, ἐνένιπε, ἡνίσταπε 197.
 ἐννέα 164.
 ἐννεπε 244; ἐνίστες 315; ἐνισπήσω 365.
 ἐννομι, ἐννομι 215; εἶμαι 241.
 ἐντεῦθεν 129.
 ἐξ 164.
 ἐξακόσιοι 167.
 ἐξετάζω, ἐξήτακα 230; ἐξετῶ 297.
 ἐξήκοντα 166.
 ἐοικα 212, 218; ἐοικυμι 219; ἐίκασι
 219; οἶκα 213; εἰκώς, εἰκτο 218;
 εἰζω 300.
 εὐός 161.
 ἐπιλησμονέστερος, -τατος 124.
 ἐπιλησμούατος 123.
 ἐπιμέλομαι, ἐπιμεληθῆσονται 299; ἐπιμε-
 λούσθων 320; ἐπιμέλεσθων 320.
 ἐπιπατροποιον 128.
 ἐπιπνοι 26.
 ἐπίσταμαι, -σαι, ἐπίστη, ἐπίστα, ἐπί-
 σταται 344; ἡπίστασο, ἡπίστω 345;
 ἡπίστατο 358; ἐπίστωμαι 307, 361;
 ἐπίσταται 311, 361.
 ἐπιτελεῖν 67.
 ἐπομαι 244; οἰσέσθαι 194; ἐσπόμεν
 198; ἐσποντο 356.
 ἐπτά 164.
 ἐπτακόσιοι 167.
 ἐπταέτις 107.
 ἐπω 244.
 ἐραμαι 240; ἐράτα (слагат. накл.)
 308; ἡράσθην 367.
 ἐράω, ἐρέω 286.
 ἐργάζομαι 280; ἐργάζατο, -ατο 206;
 ἐργάζομαι, -ομαι 297; ἐργώμαι
 297; ἐργάζηται 298; ἐργασάμεν,
 ἡργασάμεν 356; ἐργασθεῖσιν 306.
 ἐρδω 269; ἐρδωσκίεν 313; ἐρδω 209.
 ἐρεῖδω, ἐρήρειμαι 212; ἐρήρεδάται 226.
 ἐρείζω, ἡρίκε 194.
 ἐρείπτω, ἡριπε 194.
 ἐρέπτω 272.
 ἐρέσσω 279; ἡρεσα 206.
 ἐρεύγομαι, ἡρυγε 194.
 ἐρίζω 280.
 ἐρίς, ἐριδα, ἐριν 64.
 ἔρμης 46; ἔρμεϊα 43.
 ἐρω 244.
 ἐρρω, ἐρρώσω 365.
 ἐρωμενέστερος 124.
 ἐρσεναιτερος 119.
 ἐρυγγάνω 254.
 ἐρυκάνω 255.
 ἐρόκω 264.
 ἐρωμαι 241.
 ἐρύω, ἐρύουσι 295; κατερύουσι 367.
 ἐρχομαι 264, 293, 301; ἐλεύσομαι
 293, 294; ἡλθον, ἡλυθον 265; ἐλθέ
 360; ἐλθέτω 317; ἐλῆλυθα, ἐλῆ-

λυθα 212, 218; ἐλῆλυθεν 219; ἡρδω
 184; μετελευστέον 337; ἀπειλδίσον-
 τες 211; ἡλθουσιν 353.
 ἔρω, ἔρωτος, ἔρος, ἔρον 69.
 ἐρωτώ 286.
 εἰσεῖς 154.
 ἐσθίω, ἐσθω 265; ср. ἐσθω.
 -ἐσθίσαν 320.
 -εσσι, -εσι 57.
 ἐσσω 116.
 -ἐστερος 124.
 ἐσχαρόφι 128.
 ἐσχατος 120.
 ἔτερος 140.
 ἔτος, ἔτου 67.
 ἔτομος 103.
 ἐταγγελλίζομαι, ἐταγγελλισάμεν 358.
 εὐαρεστέω, εὐαρεστέον 358.
 εὐδαμονέστερος 124.
 εὐδω, εὐδίσω 365; ἐκάθευδον 358.
 εὐνους 26.
 εὐρίσκω 259; εὐρίσκον 358; ἡύρον
 195; εὐρα 196; εὐρήσω, ἡύρηκα,
 ἡύρηθην 365; βρήκα 231.
 εὐτυχέω, ἡτύχησα 358.
 εὐφροῇ 67.
 εὐχομαι, ἡχόμην, εὐχόμην 357.
 εὖω 244, 292.
 εὐωνέστερος 124.
 ἐχθαίρω 283.
 ἐχθρός, ἐχθίον, -ιστος 118.
 ἐχω 244; εχεν (неопр. накл.) 328;
 εἶχον 356; εἶχαν, εἶχσαν 353; ἔσχε
 194; σχοίην, σχοίησαν, 312; σχές
 315; ἐσχημαι 214; σχήσω, ἐσχηκα,
 ἐσχημαι 365; λήσαντ' ἔχει 231.
 φεγω 244.
 ἐφω, ἐφίσω, ἡφισα 365.
 -εω 44.
 -έων 35, 103.
 ἔως 25, 68.
 ζένομι 251.
 ζεύγομαι 251; ζεύγυνον 252, 352;
 ζεύγνυνον 334; ζεύγνυ 346; ζεύγνυσι
 351; ζεύγνυσαν, 353; ζεύγην, ζεύ-
 γην 191; ζεύγομαι 214.
 Ζεός 99; Ζήν, Ζήνα 99; Ζάν, Ζάς 99;
 Διός, Δία 99.
 Ζεφωρίζω 46.
 ζέω 276; ζέσομαι, ζέσθην 367.
 ζήλος 8.

ζήν, ζώειν 277; ζέχου 183; ср. βιόω-
 ζυγόν, ζυγός 8.
 ζώνωμι 250, 251; ζώνονται 308;
 ζώσθην 367; ζώμενος ἢ ζώσμε-
 νος, ζέχεται 367.
 ἡβάσκω 260.
 ἡβάω 285; ἡβώντα, -ώντες, -ώωσα
 286.
 ἡγέσται 354.
 ἡγεμονέω 288.
 ἡδομαι 244; ср. ἀνδάνω.
 ἡδός 89; ἡδίων, ἡδιστος 112, 113,
 114, 117.
 ἡκα, ἡσων, ἡκιστος 116.
 ἡμαι, ἡσται, ἡται, ἡσται 240; ἑσται
 354; ἡσαι 344; ср. καθήμαι.
 ἡμαρ 76.
 ἡμεῖς, ἡμέας, ἡμέων ἢ τ. δ., ἡμε-
 ἡμε, ἡμε ἢ τ. δ., ἡμε, ἡμεν, ἡ-
 μεσι 149, 150.
 ἡμέρα 28; ἡμέρες 55.
 ἡμέτερος 160.
 ἡμί, ἡσί 239.
 -ην (аористы) 185.
 -ην (неопр. накл.) 328, 329.
 ἡνισχέω, 292.
 ἡπαρ 76.
 ἡσκαλέτης 67.
 ἡρων 88.
 ἡρος 69.
 ἡσυχός 103; ἡσυχάτερος 122.
 ἡχι 132.
 ἡχος 8.
 ἡώθη 130.
 ἡώς, αὐώς, ἔως 68.
 θα 301.
 -θα (наречия) 129.
 -θα (окончание 2-го л.) 343.
 θαλέθων 265.
 θαλλω 268; τεθηλώς, τεθαλυῖα 222.
 θαμβέω 281.
 θανατόω 290.
 θάπτω, θέταμαι, τετάφαται 225;
 ἐτάφη, ἐτάφη 191.
 θαρσέω, 281; τεθαρσέκαται 224.
 θαρσύνω 282.
 θαυμάζω 280; θαυματός, θαυμαστός
 336.
 -θε (наречия) 129.
 θείνω 267; ἔθενον 195; ἔπεφνον 198;

εἶναι 198, 204; ἀπέρατο 183; πέ-
 ρεται 220; πεφύγεται 300.
 θέλω, ἐθέλω 187.
 θέλω (ἐθέλω), ἐθέλεσκε 261; ἐθέλωμι
 341; ἐθέλησθα 343; ἐθέληαι 346;
 ἐθέλῃω, ἡθέλησα 365.
 θεμέλιοι, θεμέλια 8.
 θέμις, θέμιστα, θέμιδος, θέμιτος 64.
 -θεν 129.
 θίναρ 76.
 θεός, θεῖ 13.
 θεραπευσάτωσαν 318.
 θερμαίνω 282.
 θερμαινέω 186; θερμόμενος 296.
 θέτις, θέτιδος, θέτιος 64.
 θέω 244.
 θηλότερος 119.
 -θην 187.
 θήρ 72.
 θηράω, πεφειράχοντες 211.
 -θήσομαι 299.
 -θι (названия) 130.
 -θι (повел. накл.) 315.
 θιγγάνω 254; θίγγει 194.
 θνήσκω 257, 259; θνάνω 194; τε-
 θνήσκω, τεθνήκασι, τεθνάνη 223, 224;
 τεθνήκω 211; τεθναίμεν 311;
 τεθνήξω 300; τεθνεώσα 334; τεθνή-
 σαι 351; θναύομαι, 295; ἀποθανεῖν
 337.
 θόρνυμι 250.
 Θουκυδίδης 43.
 θούριος 106.
 θράσσω 269.
 θρώσκω 257; ἔθορον 195.
 θυγάτηρ 74.
 θυμαίνω 282.
 θύρα, θύρῃσι, 36; θύρῃσι 128; θύραζε
 131.
 θύω, τέθυκα 230.
 θωρήσσω 279.
 ἴα, ἴα, 163.
 ἰαίνω 268; ἰαίνο 357.
 ἰάομαι 274.
 ἰδαιότερος 122.
 ἰδρώς, ἰδρῶι, ἰδρῶτα 68.
 ἰδρώσω 279.
 ἰδρώω 290.
 (ἴ)εμαι, 240.
 ἱερεύς, ἱερῆν, ἱερῆς 101.
 ἱερεύω 292.

ἰζάνω 247, 255.
 ἰζω 247; ἰζον 357; ἰζα, ἐκάθισα 206,
 358; κεκάθισα 215; καθιῶ 297;
 ἐκάθισον 358; καθίστα 358.
 ἰμμι 242; -ίην, -ίειν, -ίεις, -ίει 242;
 ἰεῖται 242, 351, 361; ἰεῖται 351, 361;
 συνιῖν 242; ἴεν 352; ἴκα, εἰμεν,
 ἴκαν 181, 356; παρεῖδη 187; ἐς
 315; ἰεῖην, εἴην 310; ἰεῖμεν 311;
 προσῖτο 311; εἶμαι 221; ἀρεῖται
 230; ἀρεῖωκα, ἀρεῖνται 221; μεμε-
 τιμένος 215; ἡφεί 358; συμπρόες
 362.
 ἰδόνω 282.
 ἰκτεο 357; ἰκον 208.
 ἰκτερώσω 279.
 ἰλαμαι 243; ἰλθι 243, 315; ἰλαθι
 315; ἰλλαθι 243; ἰλάσσομαι 304.
 ἰλας 103.
 ἰλάσσομαι 258.
 ἰλεως 25.
 ἰλιγγάω 285.
 Ἰδιόθι 130; Ἰδιόφι 128.
 ἰμείρω 283.
 ἰν 139.
 ἰος, ἰω 163.
 ἰούν 88.
 ἰππεύω 292.
 ἰπποτά 42.
 ἰπταμαι 243.
 ἰσάζω, ἰσάζετο 261.
 ἰσάιτερος 122.
 ἰσάμι 217; σμ. οἶδα.
 ἰσάνω 242.
 ἰσάω 242.
 ἰστέρος, ἰστέρος 125.
 ἰστημι 242; ἰσῶται 351; ἰσῶται, ἰσῶ-
 (ἡμπερφ.) 242; ἰσῶσθε 261; ἰσῶ-
 μεν 306; ἐπισυνιστάτοι 308; ἰσῶται,
 ἰσῶται, ἰσῶται 311; ἰσῶται (повел.
 накл.) 315; ἰσῶται 315; ἰσῶται 345;
 ἰσῶται 180; στείρομεν 304; στήνῃς
 306; στήνῃ 315; προσταν 325; σῶσα-
 κε 261; ἐσῶται 187, 188; ἰσῶται
 205; ἰσῶται 109, 212, 222, 224;
 ἀνεσταλέτω 211; ἐσῶται, -ομαι 300;
 ἐσῶται 232; ἐσῶται 222; ἐσῶται
 230; ἐσῶται 356; ἐσῶται 334;
 κατασῶται 351; ἰσῶται 354.
 ἰσχάνω 247, 255.
 ἰσχω 247; ἰσχεθον 265; ἐσῶται 188.
 (ἴ)φι 128.

ἰσῶς 92.
 (ἴ)ωκα 264.
 -ϊων, -ϊστος 112, 113, 114, 115, 116,
 117, 118.
 -κα (перфект) 224, 230.
 καθάρω, καθάρω 295.
 καθῆμαι, καθήται 240; καθῶμαι 307;
 καθήμην 311; καθῶτο 311; ἐκάθητο
 358.
 καθίζομαι, σμ. ἴζομαι.
 καθιερεύω, καθιερύσσει 313.
 καθίζω, καθίζας 206; σμ. ἴζω.
 καθίνωμι 251.
 καίω 268; ἔκαυα, κέας 184; κήρην
 304; ἐκάην, ἐκάθη 191.
 κακός, κακίων, κακώτερος 116.
 κακῶ 290.
 κακύνωμι 282.
 καλέω 274; καλήμεναι 291; καλέσκε,
 καλέσκετο 261; κάλεσα, κάλεσσα
 201; καλέων (δυν. вр.) 295; καλέσω
 296; καλὴν 325; κελέσται 354;
 κεκλήσομαι 300; κεκληῖτο 311.
 καλήζω 271.
 Καλλιμάχους 46.
 καλλόνω 282.
 καλός, καλλίων, -ιστος 118; καλήτερος
 126.
 Κάλχαν 66.
 κάλως 25.
 κάμνω 253; ἔκαμον 194; κεκαμῶς,
 -ωτος 211, 223; καμῶμαι 295.
 κάρ, κάρῃ, καρῶς, καρήματος, καρήτος,
 καρῆς, καρήμας 80; κράτεσφι 128.
 καρδιώσω 279.
 καταγρεῖτον 291.
 καταγύρουν 358.
 -κατιοι 167.
 καυχῶμαι 344.
 κείμαι 240; κείται (составл. накл.)
 304; κείται 305; κείσαι 344; κείσοι
 344; κέσκετο 261; κέονται 354.
 κείνος 138.
 κείρω 268; ἔκαρε 203; κερῶ 295.
 κεκαῖμένος, -σμένος 226, 367.
 κέλευθοι, κέλευθα 8.
 κελείω 292; ἐκελεύσθην 367; κεκέλευ-
 σμαι 367.
 κέλλω 268; κέλλω 202; κέλλειν 296.
 κέλομαι 244; ἐκέλετο 198.
 κενώτερος 121.

κεράννωμι 251; ἐκέρασα 199; κερῶ
 295; κεράτω 296; ἐκράθη 190;
 ἐκεράσθην 367; κεκέρασμα 367;
 κεραυνόεον 337.
 κεραυνῶ 252.
 κέρας, κέρα, κέρατος, κέρως 71.
 κερδαίνω, ἐκέρδησα, κερδήσομαι 365.
 κερδίων, -ιστος 118.
 κευθάνω 255; κύθε 194; κεκύθωσι
 198.
 κῆρ, κῆρος, κέαρ 64.
 κηρύσσω, ἐκήρυξα 206; κηρύττω 229.
 κικλήσκω 258.
 κινέω, κίνωμι 274 κίνη; 315.
 κινάω 250; κερῶν 325.
 κίρην 249; κινέεται 354; σμ. κεράν-
 νομι.
 κίς 83.
 κινάω 253; κινάω 254.
 κίρην 243.
 κίω 195, 246; κίαθον 265.
 κιάζω 269; κεκλήγοντες 211.
 κλαίω 268; κλαίω 365; κέλευσμαι
 367; κεκαύσομαι 300; κλαυτός,
 κλαυτός 336; κλαίωσθα 343.
 κλειδός 46.
 κλείς, κληίς, κλειδα, κλείν, κλειξ 64.
 κλειπύστατος 125.
 κλέπτω 272; ἐκλάπην η ἐκλέφθη 191;
 κέλομαι 229; κλειφέω 298; κλείπεσκε
 261.
 κλήσκω 259.
 κλίνω 268; ἐκλίνην 186, 190; κλίνθη,
 ἐκλίνθη 191; κέλικα 230; κλινῶ 295.
 κλώω 195, 246; ἐκλυνον 194; κλύθι
 182, 315; κέκλυθι 315.
 κλέφας, κλέφους 70; κλέφας 71.
 κνήν 277.
 κολακέω 292.
 κομέω 287.
 κομῶμαι 132.
 κομῶμαι 271; ἐκομῶμαι 206; κομῶ
 297.
 κορέννωμι 251; κορέσω 296; ἐκορέσθην
 187, 367; κεκόρεσμαι 367.
 κορέσσω 257.
 Κορινθίους 130.
 κορυζάω 285.
 κόρυθα, κόρυς 64.
 κορύσσω 279; κεκορυμμένος 226.
 κοσμησι 313.
 κοσμέω 289.

κατοληθόντι 128.
 κυρότερος 119.
 κράς, κράς 204.
 κραίνω, κρανέσθαι 299.
 κρατέω, κράτεσθε 261.
 κρατηρίζω, ἐκκρατηρίζω 230.
 κρατός 109; κρέσσω, κρείττων, κάρρων, κάρτων, κράτιστος 116.
 κρέας 70; κρέατος 71.
 κρέμαμαι 240; κρέμωμαι, κρέμαιτο 361; κρεμίζομαι 299.
 κρεμάννυμι 251; ἐκρεμάσθην 367; κρεμῶ 295; κρεμάσω 296.
 κρήνημι 249.
 κρίνω 268; ἀπεκρίθη 189; κρίνω 295; κρινέσθω 320; κρεννεμεν 330.
 κροῶ, κέκρουμαι 367.
 κρύπτω 272; ἐκρύφην, ἐκρύφην 191; ἐκρύβην 192; κρύπτασθε 261.
 κτάομαι, ἐκτῆμαι, κέκτῆμαι 214; κεκτῆται 306, 361; κεκτῆτο 311.
 κτείνω 268; κτείνωμι, κτείνωμι 251; κτάτο, κτάμενος, ἔκταν 183, 186; ἔκτανον 194; κτενῶ 295; κατακτανέσθε 299; ἀπέκτατκα, ἀπέκτατο 230.
 κτεῖς 78.
 κτέρας, κτέρεα 70.
 κτερεῖζω, κτερεῖδα 206; κτερίω 297.
 κτιζώ 271; κτιμένος 241.
 κτυπέω 288; κτύπε 194.
 κυανέων 35.
 κυανογαῖτα 42.
 κύαρ 76.
 κυβερνᾶν, κυμερῆναι 291.
 κυδαίνω 282.
 κυδίων, κύδιος 118.
 κυδίσκομαι 259.
 κυκῶ 69.
 κύκλις, κύκλος 8.
 κυκλόσε 131.
 κυνθάνω 254.
 κυρέω, κύρω 288; ἔκυρε 202.
 κύων, κύωνος 60, 77; κύωντος, κυντέρω 126.
 κύως, κύωσα 70.
 λᾶς 71.
 λαγγάνω 254; ἔλαγε 194; λελάγωσι 198; λελόγη 219; εἰλγη 212; λῆξομαι 294; λελόγησι 351.
 λαγώς, λαγώς 25.

λάζομαι 269.
 λάζομαι 269.
 λάθρα 132.
 λακτίζω, λελάκτικα 230.
 λαλιότερος 125.
 λαμβάνω 254; ἔλαβε 194; λάβεςκε 261; εἰλημαι 212; λείλομαι 212; λελάθηκα 212; 365; λελαβήκειν 329; ὅτε λαμβάνωσαν 353; λαβέ 360; λήφομαι 294.
 λανθάνω 254; ἔλαθε 194; λελανθον 198; λελανθον 211.
 λᾶττω 257; λᾶκε 194; λελκώς, λελαικῶ 222; λακίσκομαι, ἐλάκισα 365.
 λέγω 171, 244; ἐρῶ 171, 293, 295; εἶπον 171, 184, 198; εἶπα 171; εἶπε 360; εἶπον (повел. накл.) 323; εἶπεν, εἶπων 359; εἶπον 356; εἶπεςκε 261; εἶρημαι, εἶρηκα 171, 212; εἶρηκα 230; λῆξω, ἔλεξα 171; ἐρρήθην, ἐλέγθην 171; ῥηθίσκομαι, λεγθίσκομαι 299; εἰρήσεται 300; λελέξομαι 171; διελέγμαι 212; συνελέγην 186, 191; συνελέγθην 191; διελέγην (3-е л. мн. ч.) 352.
 λείβω 244.
 λείπω 244; λείπων 65; ἔλιπε 194; λιπείν, λιπών 359; λείλοιπα 219; λείλειμμα 220; εἰλιπην 185; ἔλειφα 176, 204; καταλίπεςκε 261.
 λείγω 245.
 λέκτο, ἔλεκτο „ложиться“ 183; λῆξο 208.
 λέπω 244.
 λευτογίδια 46.
 λέων 66.
 λεώς 25.
 ληθάνω 225.
 λήθω 244.
 λήν 277.
 Λητῶ, Λητοῦς, Λητοῦν и т. д. 88.
 λιμπάνω 254.
 λιμώσω 279.
 λίτσομαι 246; λιτόμην 195.
 λόγχοι, λόγχα 8.
 λόω, λότο 183; ἐλόθην 190; λόσω 295; λέλωκα 230; λελόχοι 311; λελυκέναι 359; λελυκώς 359; λελυμένος 359; ἀπελόθην 352; λόθητι 315.
 λώϊων, λώϊος 116.
 μαθητιάω 285.
 -μαι 342.

μαίνομαι 267; μᾶνῃν 185; μανήσομαι, μεμάνηται 365.
 μαίσομαι 268.
 μάκαρ, μάκαρος 75; μακάριος 123.
 μάλλον 116, 126.
 μανθάνω 254; ἔμαθε 194; μανθήσομαι, μεμάνθηκα 365; μεμάνηται 351.
 μαντεύσομαι 292.
 μάρνομαι 249.
 μάρτυς, μάρτυρες, μάρτυροι, μάρτυσι, μάρτυν 75.
 Μασσαλήτεο 44.
 μάτω 270.
 μαστιγώσομαι 299.
 μάτην 132.
 μάχομαι, μαχίσκομαι, μαχέομαι 296, 365; μαχεῖσθαι 337.
 μεγαλύνω 282.
 μέγας 109; μέζων 116; μεζών, μέγιστος 116; μειζότερος 126.
 μέδομαι, μεδίζομαι 365.
 -μεθα, -μεσθα (глагольное окончание) 349.
 -μεθον (глагольное окончание) 355.
 μεθύσκομαι 260.
 μείγνομαι 251; ἔμικτο 183; ἐμίγη, ἐμίγην 186, 188, 191; μιγῶμεν 306; μιγεῖμεν 310, 311; μεῖξομαι, μιγίσκομαι 299; μέμιγμα 227; -μεμίχεται 225; ἐμιγθεν, μίγεν 352.
 μείρομαι, ἔμμορε 210; εἰμαρται 220; εἰμαρτο 210; μεμόρθαι 212.
 μεῖς 154.
 μεῖων 116; μειονοῖς 57.
 μέλας 78, 103, 104.
 μέλι 64.
 μέλλω 301; ἐμέλλωσα 365; ἤμελλον 356.
 μέλω 244.
 μέλω, μελήσω, ἐμέλωσα 365.
 μέμονα 218; μεμώτος 211; μέμασσαν 232; μεμάσαι 351.
 -μεν и -μεναι (неопр. накл.) 325.
 -μεν и -μες (1-е л. мн. ч.) 348.
 μενοινέω 286.
 -μενος (причастия) 335.
 μένω 244; ἔμεννα 202; μενῶ 295; μεμνήκα 365.
 μερίζω, ἐμέριζα 206.
 μεταίτερος, -τατος 122.
 μέσσομαι 120.
 μηάομαι, μεμηκώς, μεμαυῖα 222.
 μηρόνω 282.

-μην (глагольное окончание) 342.
 μῆν, μῆνός, μεῖς, μευς 60, 69.
 μηροί, μήρα 8.
 μήτηρ 74.
 μήτρωος 69.
 μηχανάω 285.
 -μι (глагольное окончание) 341; -ομι 341.
 μιαινῶ, μιανθην (3-е л. мн. ч.) 352.
 μιγᾶω 280.
 μιμνᾶω 247.
 μιμνήσκω 259; μέμνηται 344; ἐμμενέομαι, 354; μεμνῶμαι 306, 361; μεμνήτο 311, 361; μεμνέωτο 311; μεμνήσομαι 300; ἐμνήσθην 367.
 μίμνω 247.
 μιν 139.
 μινύρομαι 283.
 μίσγω 257.
 μισέω 281.
 μισθῶ 290; μισθοῖμι 312; -μισσθῶσθαι 354.
 μνῆ, μνέας 40.
 μνάομαι „думать о“ 277.
 μνάομαι „святаться“ 278; μνάσκετο 261.
 μοιῶμαι 273.
 μοιχῶμαι, μοιχῶν 286.
 μοноφαγίστατος 125.
 μονώτατος 126.
 μορμόρω 273.
 μυθολογέω, ἐμυθολόγησα 358.
 μόροι 168.
 μορσῶμαι 43.
 μῶς 92.
 -ν (глагольное окончание) 341.
 -ναι (неопр. накл.) 325.
 ναиетᾶω, ναиетᾶσθον 261.
 ναῖω 268; ἐνάσθην 367.
 ναῦς, νεώς и νηός и т. д. 97.
 ναυτιάω 285.
 ναυτίλλομαι 283.
 νεиκῶ 281.
 νέκος 92.
 νεμεσάω, νεμεσῶσθαι 189; νεμεσῶσθῶ-μεν 306.
 νέμω 244; ἐνειμα 202; νεμῶ 295.
 νέομαι 244.
 νεφελιγερῆτα 42.
 νέω 275.
 νεώς 25.

νῆδω 265.
νῆν 277.
νίζω, νίφωμαι 269.
νικᾶω, νικᾶω 201.
Νικίας 44.
νίκος 8.
νιν 139.
νίπτω 269.
νίσσεται 294.
νομίζω 271.
νόος 26.
νοσᾶν 282.
-ντ- 334.
-νται 354.
-ντι 351.
-ντο 354.
-ντω 318.
νόμφα 29.
νοστάζω, ἐνόσταζα 206.
νώ, νῶι, νῶε, νῶιν 151.
νωμάω 285.
νῶτα, νῶτοι 8.

ξέω 276.

ό, ή, τὸ, τοι, τοί 134.
ὀγδόατος 169.
ὀγδοήκοντα, ὀγδῶκοντα 166.
ὀγδός 169.
ὀδε, τοῖσδεσσι, τῶνδεων 136.
ὀδι 136.
ὀδοός, ὀδών 66.
ὀδυνᾶσαι 344.
ὀδύρομαι 268.
Ὀδυση 101.
ὀζω 269; ὀζωδα 212. ὀζήσω, ὀζῆται 365.
ὀθι 130.
-οι (местн. п.) 23.
-οι (род. п. ед. ч.) 15.
οἶγνυμι 251; ἡοίγην 192; ἀνοίξομαι 299.
οἶδα 213, 217; οἶδας, ἴδμεν, ἴσμεν, οἶδαμεν 217; οἶσθας 343; ἴσμεν 217; εἶσσομαι 294; εἶδῆσθαι 365; εἶδωμεν 304; εἶδω, εἶδῶσι 306, 361; εἶδειν, εἶδειμεν 310, 361; ἴσθι 315; εἶδέναι, ἴδμεναι 325; ἡῖδη, ἡῖσμεν, ἡῖστε, ἴσθαι и т. д. 232; ἡῖδῃ 356; ἴσθαι 337; εἶδώς, ἰδούα, εἶδούα 334.
οἶδάνω 255.
Οἶδιππος, οἶδιππος и т. д. 63.

-οιν, -οιν (дв. ч.) 21.
οἶκας 131.
οἶκῶ, οἶκεις 291; ὠκῆσα 357; ὠκῆσθαι 357.
οἶκοι 130.
οἶκοι 23, 24.
οἶκίρην 283.
(φ)οἶκω 132.
οἶμαι, οἶσσομαι 365.
-οιο, -οο, -ου (род. п.) 15.
οἶος 141.
-οις, -οισι 20.
οἶς 82, 83.
οἶσσομαι 246; οἶσσομαι, ὠκῆσαι, ὠκῆσαι 365.
ὀκρούεις 15.
ὀκτακόσιοι 167.
ὀκτώ, ὀκτώ, ὀκτώ 164.
ὀλεῖσθαι, ὀλεῖσθαι 116.
ὀλέω 264.
ὀλλυμι 250; ὀλετο 195; ὀλεσα 205; ὀλωλα 212; ἀπολώλεκα 230; ἀπολώλεκα 329; ὀλέσω, ὀλώ 296.
ὀλλώω 252.
ὀλυμπιονικῶ 42.
ὀνυμι 250; ὀνυν 325; ὀνός 334; ὀνόμενα 230; ὀνομαι 295; ἐνομω- μωμένος 367.
ὀνύω 252.
ὀνύομαι 250.
ὀνού 132.
-ον (глагольное окончание) 352.
ὄναρ, ὄνειρος 76.
ονε 136.
ὄνειρῶ 280.
ὄνειρος, ὄνειρον 8.
ὄνειρώσω 279.
ονι 136.
ὄννημι 243; ὄναιο 311.
ὄνομα 79.
ὄνομαζω 280; ὄνομαζω 297.
ὄνομαι 241; ὄνοσθην 367.
ὄνομαι 282.
-οντ- 334.
-οντι 351.
ονω 136.
ὄζω 282; -ὄζομαι 227.
οπαι 132.
οπῆ 132.
οπισθε, οπισθα 129.
ὀποῖος, ὀπόσος 146.
ὀπότερος 146.

ὀπτάω, ὀπτεύμενος 286.
ὀπται 132.
ὀράω 274; ὀρώω 286; ὀρημι 291; ὀρώων 356; ὀράω 171, 212; ὀπ- ὀπτα 171, 212; ὀρώρηκα 212; ὀρημι 171; ὀράω 231; εἶδον 171, 194, 356; ὀρεσκε 261; ὀρέ 360; ὀφμαι 171, 293; περιόπτως 337; εἶδα 184.
ὀρέγω 244; ὀρώρεσθαι 225; ὀρέγνυμι 251.
ὀρεστερος 119.
ὀρεσφι 128.
ὀρίνω и т. л. 268.
ὀρίζω, ὀρίζω 298; ὀρίζω 206.
ὀρώω 285.
ὀρως, ὀρως, ὀρως 64.
ὀρυνμι 250; ὀρως 183; ὀρως 197; ὀρως 202; ὀρως 212; ὀρώρηται 305; ὀρως 296.
ὀρνύω 252.
ὀρμαι 246.
ὀρύσσω 269; ὀρύσσομαι 212; ὀρύσσομαι 192.
ὀς, ή, δ 141.
ὀς (возвр. мест.), см. εἰς.
ὀσος 141.
ὀστέον, ὀστούν 26; ὀστέοφι 128.
ὀστις, ὀτις 144; ὀτου, ὀτεων, ὀτέοισι, ὀτιμι 145.
ὀσφραίνωμαι, ὀσφρῆσθαι 365.
ὀτειος 146.
ὀτις, см. ὀστις.
ὀτρύνω 268.
ὀύδας, ὀύδες 70.
ὀύδεις 60, 143.
ὀύδαρ 76.
ὀύθεις 143.
ὀύρανθεν 129.
ὀύρανθι 130.
ὀύς 81.
ὀύτάζω 271.
ὀύτεον 143.
ὀύτις 143.
ὀύτος, τούτοι, ταῦτα 135; ὀύτον, ταῦ- ταν, τούτα, ταῦτων 135.
ὀύτοσι 135.
ὀφείλω, ὀφελον, 195.
ὀφλισκάνω 255; ὀφλον 195; ὀφλῆσω 365.
ὀφρῶς 92.
ὀφέμαι 287.

ὀφ 59.
ὀφιαίτερον, -ατα 122.

παίδεω 292.
παίζω, παῖτα 206.
παῖρσσω 273.
παῖω, παῖσσω 365.
παλαίτερος 122.
πᾶλλω, ἀμπεπαιών 198; πᾶλλε 204.
παμφαίνω 273.
πανθάνω 254.
πάντοσε 131.
πάππα 29.
παρθενοπία 43.
παρρησιάζομαι, πεπαρρησιάζομαι 215.
πᾶς, πᾶν 66; πάντων 60.
Πασαδαφο 44.
πάγω 170, 257; ἐπαθον 170, 176; πέπονθα, πέπονθα 170, 176, 218; πέποσσα 219; πέπομαι 170, 176, 293, 294; πεπόνθι 311.
πατάσσω, ἐπάτασα 206.
πατήρ 73; πατήρ 60.
πατρίς, πατρίδα 64.
πατρώος 69.
παύς 100.
παύω, παύσομαι 304; παύσωμεν 305.
παχύνω 282.
παχύς, πάσσων, πάχυστος 117.
πέδι 23.
πεῖθω 244; ἐπείθετο 194; πεπείθειν 198; πεπείσας 204, 365; ἐπείσα 204; πέποιθα 209, 218; πεποῖσθαι 304; πέπισθι 218, 315; πέπεισμαι 218, 367; πεπείσσω, πεπείσθω 300, 365; πέισω 295; πευτέον 337; πευθιτω- νι 306.
πεινῶν 277.
πεῖρω, πέπαρμαι 220.
πέχω 244; ἐπέχαστο 186.
πελάζω 271; πελάσθην 367; πλῆτο 183.
πέλομαι 244; ἐπλετο 194.
πέμπτως 169.
πέμπτω 244; πέπομαι 229; πέμφομεν 305.
πένης, πένεστερος 123.
πενήθω 281.
πένωμαι 244.
πεντακόσιοι 167.
πέντε, πέμπε, πέμπων 164.
πεντήκοντα 166; πενήκοντων 164.
πεπῶν 282.

πέπτω 269.
 πέπων, πεπαίτερος 123.
 πέρδομαι 244; πέποδα 219; παρδῶ-
 σμαι 299, 365.
 πέρθω 244; ἐπραθε 194; ἐπερξα 204;
 πέρσεται 299.
 Περικλῆς 67.
 πέρνημι, πέρασσα, πέπραμαι 249; πε-
 πρᾶσεται 300.
 Πέρσα 43.
 πέσσω 269.
 πέσσορες, см. τέσσαρες.
 πέταμαι 240; ἐπτην, ἐπτατο 180.
 πετάνομι 251; ἐπετάσθην 367; πεπέ-
 τασμαι 367.
 πετταρακοντα 166.
 πεύδομαι 244; ἐπύθετο 194; πεπύθοιτο
 198; πέπυσμαι 220, 226; πεύσομαι
 πευστέον 337.
 πηγνυμι 251; πηγνύτο 310, 311; πεπά-
 γοιεν 198; ἐπτηκτο 183; ἐπάγην 185,
 191; ἐπήχθην 191; παγήσομαι 299.
 πῆλι 132.
 πῆγος 89, 90.
 πῆζω, ἐπῆζον 358.
 πῆλναι 249; ср. πελάζω.
 πιμπλάνομαι 254.
 πιμπλάω 243; τίμπλα 315.
 πιμπλημι, πιμπλείσμαι 243; πιμπλη 315;
 τίμπληθι 315; ἐπλήσθην 367; πλῆτο
 183; ἐπλήθυην 311.
 πιμπρημι 243.
 πῖνω 253; ἐπιον 194; πῖθι, πῶ, πῶθι
 182, 315; πῖσι 315; πέπεται 221;
 πέπωκα 230; πῖομαι 293; πῖοσι
 344; πιόμαι 296.
 πῖό 126.
 πιτίσκω 258; ἐπισα 205.
 πιπράσκω 258.
 πῖπω 247; ἐπεσον 195; ἐπεσα 196;
 πέπτωκα, πεπτηώς 223; πεσοῦμαι
 295.
 πῖσσορες, см. τέσσαρες.
 πῖσσημι 249.
 πιπράσκει 243.
 πῖων, πῖοισα 105; πῖότερος 123.
 πλάζω, ἐπλάγχθην 269.
 πλάζω 270.
 πλάσσω 269.
 Πλαταιῶσι 36.
 πλείων, πλείστος, πλείν, πλεος, πλέες,
 πλέξ 116.

πλέκω, ἐπλάκην, ἐπλέχθην 191; πῆ-
 λογα 229.
 πλέω 244, 275; πλευσσοῦμαι 298.
 πλέως 27.
 πλησισταίτερον, -τάτα 122.
 πλήσσω 269; ἐπλήγην 185; ἐπλάγην
 185, 191; ἐπλήχθην 191.
 πλόος 26.
 πλότος 8.
 πλόνω 268; πλυνῶ 295.
 πνέω 244, 275; πνευσσοῦμαι 298.
 πνίγω, ἐπνίγην 185; ἐπνίχθην 192.
 ποδαγράφω 285.
 πόθεν 129.
 ποθέω 287, 289; ποθήω 291; πόθεσα
 203.
 ποιῶ 23.
 ποιέω, ποιῶμαι 339; ποενω 291,
 318; ποιήσαι 304; ποιησῶ, 308;
 ποιήσῃ 201.
 ποιμήν 77.
 ποῖος 146.
 ποιούστω 273.
 πολεμέω, πολεμῶσται 299.
 πολεμίζω, πολέμιζα 206.
 πόλις 84, 85, 86, 87; πολιφι 87.
 πόλις 110; πολέας, πολέας, πολὺς 91.
 πονέω, πεπονέσται 354; ἐπονέθη 189.
 ποντοπορεύω 292.
 πορίζω 271; ἐπορον, πέπωται 195.
 πορφύρω 273.
 Ποσειδῶν 78; Ποσειδῶ 69.
 πότος 146.
 ποτέομαι 287.
 ποτίστας 125.
 ποῦ 132.
 Πουλοδάμα 66.
 πούς, πός 63; ποδός 60.
 πράμος 169.
 πράσσω, πράσσω 270; πρασσοντασι 65;
 πέπραγα, πέπραγα 224, 229; πράξη-
 ται, συμπράξω 298; πράξοιται 304.
 πρῶτος, πρῶτος 109.
 πρέσβος 91; πρέγυν, πρέγιντος 117.
 πρίσθαι 178; πρίω, πρίσσω 345; πρι-
 σται 307; πρίομαι 307; πρίπτο 361.
 πρόμος 169.
 προξενέω, προξένισα 358.
 πρόσθε, προσθα 129.
 προτεράιτερος 126.
 πρότερος 119, 169.
 προυγαίτερον, -τάτα 122.

πρωιαιτερος 122.
 πρώτος, πρώτος 169.
 πῶζω 270.
 παρνομαι 250; ἐπαρον 194.
 πῆσσω 269; πεπτηώς 223.
 πηλώσω 279.
 πῶστω 278.
 πτωχίστερος 125.
 πυκάζω 280; πυκασμαι 367.
 πυθάνομαι 254; ср. πεύδομαι.
 πύς 132.
 πωλέομαι 287; πωλέσχετο 261.
 πωλέω 287.
 ράινω, ἐρράδαται 226.
 ράων, ράιστος 116.
 ρίζω 269; ῥαγα 209, 212.
 ῥέω 244, 275; ῥρύην 185; ἔρρυτ
 192; ἔρρυτα 204; ἐκρερευκώς 214;
 ῥύησμαι, ῥύησμαι 365.
 ῥήγνυμι 251; ῥήγνυται 308; ῥήγνυσι
 351; ῥήγνυσκε 261; ῥρωγα 214,
 218, 219; ῥρηγει 218, 334; ῥ-
 ρηγμα 221; ῥράγην 185.
 ῥίγέω 287.
 ῥίγων, ῥίγιστος 118.
 ῥίγω 290.
 ῥίπτασκον 261.
 ῥίπτω, ῥρίφην, ῥρίφθην 191; ῥρρι-
 μαι, ῥρίφθαι 214.
 ῥίς 78.
 ῥούς 26.
 ῥοίσκομαι 259.
 ῥύαται 241.
 ρυπόω, ρερυπωμένα 214.
 ῥώνομι 251; ῥρρωσθην 367.

-ς (глагольное окончание) 343.
 -σαι (глагольное окончание) 344.
 σελπιζω, ἐσπιπίζα 206.
 -σιν (глагольное окончание) 353.
 σάτω 270; ἐσάχατο 225.
 σῆνυμι 251; σῆνύω 252; ῥσθην 185;
 ῥσθα 205; ἐσῥσθην 367; ῥσθ-
 μαι 367.
 -σε (окончание наречий) 131.
 σέβας 70.
 σέβομαι 244.
 σείς 154.
 σείω, ἐσεισθην 367; σέσειμαι 367.
 σέω 292; ἐσσεα 184; -εσσουᾶ 192;
 σύτο 183.

σημαίνω 282; σημαῖω 295.
 σήματα, σήματα 214; σήματα 185.
 -σθαι (неопр. накл.) 331; -σθαι 331.
 -σθε (глагольное окончание) 350.
 -σθην (глагольное окончание) 355.
 -σθην (аорист страд.) 367.
 -σθον (глагольное окончание) 355.
 -σθω (глагольное окончание) 320.
 -σθων (глагольное окончание) 320.
 -σι (глагольное окончание) 343.
 -σι (окончание именное) 57.
 σῖται, σῖτα 8.
 σκᾶλλω 268.
 σκεδάνομι 249; σκεδάνωται 308;
 ἐσκεδάσθην 367; ἐσκεδάσμαι 214, 367;
 σκεδῶ 295; σκεδάσω 296.
 σκέλλω, ἐσκέλλην 180.
 σκέπτομαι 272.
 σκευάζω, ἐσκευάδαται 226; -σκευασθαι
 306; ἐσκευάσμαι 367.
 σκίδνυμι, ср. σκεδάνομι.
 σκιστάω 285.
 σκισπέω 287.
 σκότος 8.
 Σκόθι 43.
 σμῆν 277.
 σμήνω 264.
 -σο (глагольное окончание) 345.
 σοβέω 287.
 σός 160.
 σπάω 276; ἐσπαμαι 367.
 σπείρω 268; ἐσπαμαι 214, 227.
 σπένδω 244.
 σπεύδω, σπευτω 298.
 σπλήν 78.
 σπουδαίστερος 124.
 σπουδαρχίω 285.
 στάδιος, στάδια 8.
 στάζω 269.
 σταθμοί, σταθμά 8.
 στασιάζω 280.
 στέγω 244.
 στείβω 244.
 στείγω 244; ἐστείχον 194; στείχοντον 318.
 στέλλω 268; ἐστείλα 202; ἐσταλμαι
 227; ἐσταλάδατο 226; ἐσταλκα 230;
 στελῶ 295.
 στεναγῶ 264.
 στενώτερος 121.
 στένω 245.
 στερέω, ἐστέρην, ἐστερήθην 191; στε-
 ρήσω, ἐστερήσω 365.

στερισκω 259.
 στεφανόν 290; στεφανων 325.
 στέφω 244.
 στήλω 231.
 στήζω 269; ἑσπῆμαι 220.
 στορέννυμι 251; ἐστώρεσα 199.
 στόρνυμι 248, 250.
 στρατήγειον 288; στραταγεντος 291.
 στρατηγία 285.
 στρέφω 244; στράφω 246; ἐστράφατο 225; ἐστράφη, ἐστράφη, ἐστρέφην 191; στρέφασκε 261; στρεπτός 336.
 στροφών 287.
 στρώννυμι 251; ἔστρωσα 199.
 συγείω 288; ἔστυγον 194.
 στωμόλλω 283.
 σύ, τυ, τε, τίν, σείω, σεῦ, σέθεν, τεοῖο, τεοῦς, τεοῦ, τοί, τείν η τ. δ. 152.
 συζῶτα 43.
 συγγενεῦσα 67.
 συγγενείς 107.
 συλλέω 286.
 σύρισδες 343.
 σὺς 92.
 σφαῖω, σφάττω 270; ἐσφάγη, ἐσφάγη-
 θην 191.
 σφε, ἔς, σφέας, σφι, ἄσφι, σφίσι, φιν, σφείων, σφέων, σφείς, σφωε, σφωιν 157; σφωὸν αὐτῶν 159; σφίσι 161.
 σφέτερος 161.
 σφός 161.
 σφώ 152.
 σφωε, σφ. σφε.
 σχιζέω 269; ἔσχισα, 201, 206.
 σχολαιτερος 122.
 σῶαζω, σῶθητι 315; σωσομεν 304;
 σωῶ 297.
 Σωκράτης 67.
 σώτερ 60, 72.
 σώφρων 77.
 ταγεύω, ταγευσεω 298.
 -ται, -τοι (глагольное окончание) 347.
 ταιλαίπωρος 103.
 τάλως 78.
 ταμίσι 36.
 τάνυω, см. τέμνω.
 τάνυμαι 250; ἐτάνυσθην 190. 367; τε-
 τάνυσται 367.
 τάνω, τανόουσι (буд. вр.) 295.
 ταραττω 269.

παρθένω 281.
τάσσω 270; ταγῆναι 192; τετάχεται
225, 354; τέταχα 229.
ταυτὰ 132.
ταυτῇ 132.
ταχύνω 282.
ταχύς, θάσσων, τάχιστος 116.
-τε (глагольное окончание) 350.
-τέα 337.
τείνωμαι 251; ср. τίνω.
τείνω 268; ἔτεινα 202; τέταμαι 220;
τέτακα 230; τατός 336.
τείρω 268.
τελέθω 265.
τελεστα 42.
τελέω 281, 296; ἐτέλεσσα 201; διατε-
τελεκει 211; τελέσω 295; τετέλεσμαι,
ἐτελέσθην 367; τετέλεσθην (неопр.
накл.) 325.
τέλομαι, τένται 293.
τέμνω, τάνω 253; ἔταμον, ἔτεμον
(τέτμηκα) 194; τετμήσεται 300.
τέος 160.
-τέος, -τέον 337.
τέρας, τέρατος, τέρεος 70.
τερέντερος 123.
-τερος, -τατος 119—126.
τέρπω 244; ἐτάρπην, ἐτάρφην, ἐτέρ-
ψην 191; τάρπετο 194; τετάρπετο 198.
τεσσαράκοντα, τεσσαράκοντα, πετταρα-
κοντα 166.
τέσσαρες, τέτορες, τέσσερες, πίσυρες,
πίσυρες, τέτταροι, τέττοσι, τετάρους
163.
τεταγών 198.
τέταρτος, τέταρτος 169.
τετρακόσιαι 167.
τετρωκοντα 166.
τεύχω, τετεύχεται 225, 354.
τήκω, τέττηκα 222.
τήλικος, τηλικόδες 137.
τηλικούτος 137.
τηλόσε 131.
-την (глагольное окончание) 355.
τήνος 138.
τηνώ 132.
τηνώθε 132.
-τι (глагольное окончание) 346.
τίθηναι 242; τίθεις, τίθει 242; τίθη
346; τίθειαι 242, 361; τίθειαι 351,
242 (изъясн. накл.) 242; ἐτίθουν;
τίθει 242; τίθησθαι 343; τι-

θῶμεν 306; τιθεῖν 310; τίθῃται 308;
 τιθεῖο 361; τίθει 315; τιθέτωσαν
 318; τίθεσο 320; τιθεῖν 242; θῆσο
 293; ἔθῃχα, ἔθεμεν, ἔθῃχαν 181;
 ἀνεθῆ 181; ἀνεθεαν 353; θέωμεν
 306; ἀνθιωμεν, θῶμεν 306; θεῖν
 310; θέοιτο, δοῖτο 311; θές 315;
 θεμην, θεμεν 325; -τεθείσα 187;
 ἀνατεθήσεται 299; θετός 336; ἀπό-
 θες 362; τέθειμαι 221; τέθεικα,
 τέθηκα 230.
 τίκτω, ἔτεκον 247; τέτοκα 219; τεκεῖ-
 σθαι 296.
 τιμᾶω 285; τιμῶ, τιμεν, τιμηται 286;
 τιμῶμαι 312; τιμῶν 312; τιμῶσω
 295; τιμῶσμαι, τιμῇσθαι 299;
 ἐτίμησα 201; ἐτίμηκα 224.
 τίνω 253; τίεσθην 367; τέτειμαι 367.
 τίς, σά, τά, ἅσα, ἅτα, τῶι, τῶι,
 τεου, τον, τοῖσι, τίωι, τίοισι 142,
 143.
 τιταίνω 273.
 τίτρημι 243.
 τιτρώσκω, ἔτορον 258; τρώσσομαι 299.
 Τλασσο 44.
 τλήναι, ἔλην 180; ἐτάλασα 199; τετλη-
 ῶς 223; ἐτέληκα 224; τέτλαθι 315.
 -το (глагольное окончание) 347.
 τοῖος 137.
 τοιούτος 137.
 -τον (глагольное окончание) 319,
 355.
 τοξότα 43.
 -τός 336, 337.
 τόσος 137.
 τοσοῦτος 137.
 τουτῶθεν 132.
 τράπω 246.
 τράφω 246; τράφην (неопр. пакл.) 328.
 τράχω 246.
 τρεῖς, τρισίαι 163.
 τρέμω 244.
 τρέπω 244; ἐτρέπην, ἐτράφην, ἐτρέφ-
 θην 191; ἔτραπον 194; ἔτρεφα 204;
 ἐτραμμα 220; τετραφασται, 229;
 τέτραφα, τέτροφα 229.
 τρέφω 244; ἐτρέφην, ἐθρέφην 186,
 191; ἔτραφον 194; τέτροφα 228;
 ἐτέτραμμα 220.
 τρέω 244; ἔδρομον 194; δέδρομα 219;
 δεδράμκα 365; δραμοῖμαι 295.
 τρέω 244, 276.

τριάνοντα 7, 166; τριηκόντων 164.
 τριακόσιοι 167.
 τριακοστός 169.
 τρίβω, ἐτρίβην, ἐτρίβην 185, 191;
 τετρίσθαι 225; τέτρινα 229.
 τρίβων 77.
 τρίτην 67.
 τρήτην 67.
 τρίπος 63.
 τρίτος, τρίτατος 169.
 τρίτος καὶ δέκατος 169.
 τρομέω 287.
 τροπέω 287.
 τρύχω 264.
 τρώγω 246.
 τρωγιά 285.
 τρώω 246.
 τυγχάνω 254; ἔτυχον 194; τυγχάσας 204;
 τεύεσθαι 294; τετύχηκα 365.
 τύπτω 272; τυπτήσω, ἐτύπτησα, τετύπ-
 τηκα 365.
 τυραννέω 288.
 τυφλώσσω 279.
 -τω, -των (глагольное окончание)
 317, 318, 319.
 -τωσαν 318.
 ὕβριζαν 353.
 ὑπερστάτος 124.
 ὑφαίνω 282.
 ὕδωρ 76.
 -ωια (окончание причастия) 334.
 υἱός 132.
 υἱός, υἱός и т. д.; υἱῆς, υἱς 93, 94.
 ὑμάρτη 315.
 ὑμεῖς, ὑμεῖς, ὕμεις, υμεῖς, υμεν, ὕμει-
 ων, ὕμει, ὕμιν 152.
 ὕμετερος 160.
 ὕμνος, ὕμνος 160.
 ὕπατος 120.
 ὕπερβω 67.
 -ὑτερος 121.
 ὑφαίνω, 268; ὕφηναι 357; ὕφανω 295.
 φάνθεν 352.
 φαίνομαι, πέφηναι 268; ἐφάνην 186, 191;
 φάνεσκε 261; ἐφάνεν 352; ἐφάνηθη
 190, 191; ἐφηναι 202; πέφασμαι 227.
 πέφαγκα 230; πεφύσκειται 300; φα-
 νησθαι 299.
 φάω 246.
 φάσκω 257; ἐφασκε 261.

φατερός 337.
 φέβομαι 244.
 φείδομαι 244; πεφιδέσθαι 198; πεφιδέσθαι 300.
 φέρβω 244; έπεφύρβει 219.
 φέρω 118.
 φέρω 245; φέρτε 245; φέρει, φέρηται 344; φέρεσαι 344; φέρηται 346; άποφερνόντων 318; φερσύνω 320; φερέμεν 330; ήνεκα, ήνεκα 184; ήνεκα 198; οίσετε 208; οίσεσθαι, οίσεσθαι, ένεχθήσεσθαι 293, 299; ένήνεγμα, ένήνεγα 212; 229; οίσεσθαι 337.
 φεύγω 245; έφυγε 194; φύγεσθε 261; πέφυγα 218; φευξομαι 298; πεφύγοι 311.
 φημι, φάτο, φάμενος 238; φής 343; φήσθαι 343; έφησθα 343; έφην 352; φώμεν 306; φωνή 306; φάτην 310.
 φθάνω 253; έφθην 180; έφθασα 204; φθίσσεται, φθίσσεται 294.
 φθίρω, φθίρω 268; έφθάρην 185; έφθειρα 202; έφθειρα 202; έφθορα 209, 210, 214; έφθιρμαι 220; έφθιρμαι 230; έφθιρμαι, διαφθιρμαι 296.
 φθινόω 265.
 φθίνοω 253; έφθινο 183; φθίσει 304; έφθισει, έφθισει 214; έφθινησθαι 365.
 φη 128.
 φιλέω 288; φιλήμι 291; φιλέσθε 261; φιλήμεναι 291; φιλή 315; φιλοῖμι 312; φιλοῖν 312; φιλήσω 295; έφιλησθαι 201.
 φίλος, φίλων 103; φίλων 118; φιλαίτερος, -τατος 122; φίλτερος, -τατος 126.
 φλεγέθω 265.
 φλέγω 245.
 φοβέω 287.
 φοιτάω, φοιτήτην 291; φοιτέοντες 286.
 φορέω 287; φορήμεθα 291; φορήμεθα 291.
 φορμίζω 280.
 φράγνυμι 251.
 φράζω 269; έπείφραδον 198; πέφρασθαι 226; πεφραδμένος, πεφρασμένος 367.
 φρέαρ 76; φρητός 60.
 φρήν, φρησί 77, 78.
 φρίσσω 269.
 φυγαδεύω 292; φυγαδεύονται 308.
 φυγάνω 254.
 φυγάσσω, πεφύλαξα 229.

φύρω 268; φύρω (συνσλαγ. αορ.) 202.
 φύω, φύω 274; έφυν 180; φύωμεν 305; φύην 310; έφύην 183; έφυσσά 205; πέφυκα 209; πεφύκασι 351; πεφύκασι 305.
 φωνέω 288.
 φως, φωτός, φωί 68.

χαίρω, έχάρην 185, 267, 364; κεχαρόντο 198; κεχαρήως 365; χαρήτω 364, 365.

χαλάω, χολαίω 291.

χαλεπαίνω 282.

χανδάνω 254; έχαδε 194; κεχόνει, κεχονότα 219; χείσεσθαι 294.

χαρίεις 104, 105; χαριέστερος 123.

χαρίζομαι 280.

χάριν 64.

χέζω 269; κέχοθα 219; χεσεισθαι 298.

χείρ, χερσί, χείρεσσι, χέρος, χέρρας 75.

χείρων, χείριςτος 116.

χέρι 75.

χέω 244, 275, 293; έχω, έχω, 184;

χεύομεν, χέωμεν 304, 305; χύτο 183;

κέχυμαι 220; -κεχύδαται 226; κέχυκα 230; χέω 296.

χήν 69.

χυών 78.

χυίοι, χυίοι, χέλλιοι 168.

χυλοστός 169.

χυών 78.

χολώω 290; κεχολώσεται 300.

χρῆ, χρήν, έχρη 358.

χρησίσκομαι 259.

χρηματίς 57.

χρῆσθαι 277.

χρίω, κέχρισμαι, κέχρισμαι 367.

χρώς, χροός, χρωτός 68.

χωννυμι, έχωσθην 367.

χωρίζω, κχωρίσμαι 227; κχωρίδαται,

226.

ψέγω 244.

ψευδός 67.

ψεύδομαι, έψεύσμαι 214.

ψῆν 264.

ψηφίζω, έψηφισα, έψηφισα 206; ψηφίω,

ψηφώ 297.

ψήχω 264.

ψώχω 264.

-ω (γлагоληное окончание) 341.

ὤ (наречие) 132.

ὠδε 132.

ὠδινάω 285.

ὠδέω 287; έχωσα 287, 356; άπόσωμεν

304; ὠδήσω 366.

ὠρίζομαι 287.

ὠκός, ὠκιστος 117.

-ων, -οντος 66, 334.

ὠνέσμαι, έωνησάμην 356.

-ώς, -ότος 334.

ὠψ 59.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Предисловие автора	8
Индоевропейское чередование гласных	9
Часть первая. Имя	13
Общие сведения	13
Тематическое склонение	22
Склонение на <i>ā</i>	34
Атематическое склонение	43
Согласные основы	50
Основа на <i>-i</i> и на <i>-u</i>	69
Система прилагательного	83
Склонение	83
Степени сравнения	83
Наречные формы	97
Местоимения	100
Указательные местоимения	100
Относительные местоимения	106
Вопросительные и неопределенные местоимения	106
Личные местоимения	109
Имена числительные	120
Числительные количественные	121
Числительные порядковые	125
Часть вторая. Глагол	127
Общие сведения	127
Аорист	133
Аорист атематический	133
Непереходные аористы на <i>-tu</i> , <i>-θtu</i>	137
Аорист тематический	142
Аорист сигматический	146
Сигматический аорист с тематической флексией	152
Перфект	153
Настоящее время	170
Корневое атематическое настоящее время без удвоения	171
Атематические формы настоящего времени с удвоением	176
Корневое тематическое настоящее время	179

Основа настоящего времени с носовой характеристикой	182
Настоящее время на <i>-αω</i>	188
Основа на <i>-γω</i> , <i>-χω</i> , <i>-υω</i> , <i>-τω</i> , <i>-θω</i>	192
Настоящее время на <i>-ιe/-ιo</i>	193
Будущее время	208
Наклонения	218
Сослагательное наклонение	219
Желательное наклонение	223
Повелительное наклонение	227
Именные формы глагола	232
Инфинитив	232
Причастие	238
Личные окончания	243
Некоторые особенности греческого глагола	262
Приращение	262
Замечания об акцентуации греческого глагола	265
Греческое спряжение	269
Библиография	276
Приложение. Краткий очерк греческой фонетики	277
Указатель греческих слов	319

Редактор В. В. ФРЯЗИНОВ
Художник А. П. Соколов
Технический редактор Б. И. Корнилов
Корректор Е. А. Яковлева
Сдано в производство 7/1 1953 г.
Подписано к печати 16/VI 1953 г.
А 03247. Бумага 84×108¹/₁₆ = 5,4 бум. л.
17,7 печ. л. в т/ч. 1 вкл.
Уч.-издат. л. 18,9. Изд. № 101/1700
Цена 13 р. 30 к. Зак. 31

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома Главиздата
Министерства культуры СССР.
Москва, Валовая, 28.

КАРТА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ГРЕЧЕСКИХ ДИАЛЕКТОВ (по Швицеру)

I. Дialectы, имеющие окончание 1 л. мн. ч. -μεν.

1. а) Ионийский:
а) восточноионийский, б) среднеионийский, в) западноионийский.
б) Аттический.
2. а) Аркадско-кипрский.
б) Памфилийский (Малая Азия, восточные области, показанные на карте).
3. Эолийские:
а) Лесбосский.
б) Фессалийский.
в) Беотийский.

II. Дialectы, имеющие окончание 1 л. мн. ч. -μες.

1. Северо-западные:
а) Акарский и этолийский.
б) Локридский и фокидский.
в) Эврийский.
г) Ахейский.
2. Дорийские:
а) Лаконский.
б) Мессенский.
в) Аргондский и эгинский.
г) Коринфский.
д) Мегарский.
е) Мелосский, ферский и родосский.
ж) Критский.